

УДК 947.6
ББК 63.3 (2Б)
К76

Тексты «Лекций по русской истории» печатаются по литографированному изданию: Конспект по Русской гражданской истории, читанный студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1888/89 учебном году заслуженным ординарным профессором М.О.Кояловичем. – СПб., литография Гробового, 1889.

Под редакцией профессора В.Н. Черепицы.

Р е ц е н з е н т ы :

Ситкевич С.А., зав. кафедрой гуманитарных наук ГрГМУ,
доцент, кандидат исторических наук;

Хилута В.А., доцент кафедры всеобщей истории ГрГУ им. Я. Купалы,
кандидат исторических наук;

Ярмусик Э.С., декан факультета истории и социологии,
доцент кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Я. Купалы,
кандидат исторических наук.

Рекомендовано Редакционно-издательским советом ГрГУ им. Я. Купалы.

Коялович, М.О.

К76 Лекции по русской истории / М.О. Коялович ; подред. В.Н. Черепицы;
предисл. и коммент. В.Н.Черепицы. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 587 с.
ISBN 978-985-515-032-0

«Лекции по русской истории» – последний фундаментальный труд уроженца Беларуси Михаила Осиповича Кояловича (1828–1891) – крупного историка, публициста и общественного деятеля, профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии. До настоящего времени были изданы лишь литографическим способом в количестве 60 экз.

«Лекции...» дают достаточно полное представление об исторических воззрениях ученого, охватывают главные события русской истории с древнейших времен до второй половины XVIII века. Немало внимания уделяется в лекциях М.О.Кояловича и вопросам общеславянской истории.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, студентов, а также всех тех, кто интересуется русской историей.

**УДК 947.6
ББК 63.3 (2Б)**

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2008

ISBN 978-985-515-032-0

Предисловие

*В истории все имеет свою
причину, свой смысл...*

М.О. Коялович.

Каждому, кому доводилось направляться по железной дороге из Гродно в Польшу, никак не миновать первой по другую сторону границы станции с необыкновенно теплым и поэтическим названием «Кузница». Небольшая остановка, не совсем приятная пограничная процедура, и вскоре в памяти рядового путешественника, кроме этого названия да увиденных из окна вагона церкви, костела и узкой ленты Лососянки, бегущей параллельно с дорогой к недавно покинутому Неману, практически ничего не остается: станция как станция. Между тем именно здесь столетие назад (летом 1896 года) священником местной православной церкви Иоанном Степуржинским в присутствии многих слушателей были сказаны такие вот слова: «... Не место красит человека, а человек место. В нашем обширном Отечестве есть немало таких мест, которые прославлены рождением великих людей... Так и заштатному городу Кузнице суждено быть замечательному ради того, что здесь родился известный своими заслугами Михаил Осипович Коялович...».

Давно были сказаны эти слова, но почти столько же лет имя человека, осчастливившего Кузницу своим рождением, по-прежнему предается забвению. И тем не менее это так: именно отсюда, а в ту пору из местечка Кузница Сокольского уезда Гродненской губернии берет свое начало жизненный путь замечательного белорусского историка и публициста, горячего патриота родной земли М.О.Кояловича.

Родился он 20 сентября (2 октября нов. ст.) 1828 года в семье священника местной православной церкви. Учился в Супрасльском духовном училище, Литовской духовной семинарии и Петербургской духовной академии. Преподавал в Рижской и Петербургской духов-

ных семинариях. С 1856 года служил в Петербургской духовной академии: с 1869 года и до конца своей жизни, до 1891 года, занимал кафедру русской гражданской истории. Заслуженный профессор, почетный член Петербургского славянского благотворительного общества, Гродненского церковно-археологического комитета, член Археологической комиссии, член Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Основные исследования ученого посвящены русско-польским отношениям и истории западнорусских земель. Часть его работ непосредственно касалась истории Белоруссии: «Литовская Церковная Уния» (СПб., 1859), «Лекции по истории Западной России» (СПб., 1864), «История воссоединения западнорусских униатов старых времен» (СПб., 1873) и др. Во всех своих научных трудах, написанных на основе глубокого изучения источников, преимущественно впервые вводимых в научный оборот, историк доказывал, что, несмотря на жесткую политику полонизации и окатоличивания, проводимую на протяжении веков польскими властями, костелом и перешедшей на их сторону частью местной знати и духовенства, белорусский народ сохранил свою религиозную и культурную самобытность, тяготея к православию и России. Принимая близко к сердцу ситуацию, складывавшуюся на родине в 60-е годы, Коялович настойчиво ратовал за поддержку здесь государством русско-православных начал. Он был твердо убежден в наличии близкого родства племен, некогда объединенных под общим названием славян, а позднее, с установлением государственности, под именем русских. Единство трех ветвей русского народа (белорусы, малороссы, великороссы), несмотря на длительный период политического обособления, сохранилось и выработало великую культуру, высшим достижением которой стал литературный русский язык. По Кояловичу, белорусы, великороссы и малороссы генетически, материально и духовно – русские люди, а Белоруссия, Россия и Украина составляют части единой русской цивилизации.

Истории Белоруссии ученый посвятил большое число своих публицистических выступлений в печати. Наиболее крупными из них были очерки «Поездка в Западную Россию», «Поездка в середину Белоруссии», «Известие из Белоруссии», «Гродно (из путевых наблюдений в Западной России)» и др. В них Коялович талантливо изобразил уклад жизни родного ему народа, непростые, подчас кон-

фликтные отношения белорусов и русских с поляками и евреями, храмы и другие местные святыни.

В литературных кругах по-разному, подчас контрастно, оценивали выступления Кояловича-публициста. И.С.Аксаков называл его «человеком с душой и пламенным чистым убеждением». Продолжая пристально следить за творчеством белорусского историка и публициста, виднейший славянофил несколько позднее так писал о трудах Кояловича: «Всегда читаю их с искренним удовольствием и умилением: так неослабно горит ваше священное пламя любви к Руси и Родине». Ф.М.Достоевский, одобряя общую направленность публикации ученого, считал, в частности, стремление последнего к культурно-этнографичному единению русских и поляков явным заблуждением, ибо для поляков главное – «идея латинизма и западной цивилизации». А.И.Герцен обвинял его в поддержке правительственных гонений против поляков. Полярными были оценки сочинений М.О.Кояловича и со стороны местной прессы: редактор «Литовских епархиальных ведомостей» И.А.Котович называл их «жизненно важными для белорусов», а издатель «Виленского вестника» А.Д.Вруцевич – не всегда объективными. Сам историк, сетуя в своих письмах к единомышленникам-землякам на нещадные нападки «западников и либералов», отмечал, что другого отношения к себе с их стороны нечего и ждать. Продолжая эту же мысль, он подчеркивал: «Критика – ничто, тяжелее всего тот мрак, в который погружена родина. Вывести ее из этого мрака – первейшая наша задача».

Значителен вклад М.О.Кояловича в выявление и издание источников по истории Белоруссии. По поручению Археологической комиссии историк издал «Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и Польше» (1865 г.), «Дневник Люблинского сейма 1569 года» (1869 г.), первый том Русской исторической библиотеки» (1872 г.), два выпуска «Макаровские Четвы-Минеи» (1874 г.), «Летопись осады Пскова Стефаном Баторием» (1876 г.).

Видный ученый и публицист, прекрасный педагог и лектор М.О.-Коялович являлся основателем подлинной исторической школы, образовавшейся из числа студентов-белорусов, обучавшихся в Петербургской духовной академии. Его учениками себя считали: О.В.Щербицкий – основатель «Белорусской библиотеки в Вильно», член Археологической комиссии, автор работ по истории церкви в Белоруссии, а также книги «Город Брест-Литовск. Исторический очерк». – Вильно, 1913; П.Н.Жукович – член-корреспондент Россий-

ской академии наук, составитель библиографии по истории Белоруссии, исследователь истории Белоруссии, Украины и Польши в XVII-XVIII веках; Ю.Ф.Крачковский – председатель Виленской Археологической комиссии, директор Виленской публичной библиотеки и музея, автор работ по истории быта крестьян и духовенства Белоруссии, города Вильно в XVI-XVII веках и русско-польских отношений в XVIII-XIX веках; П.А.Червяковский – исследователь истории крестьянства Речи Посполитой накануне последнего ее раздела; Г.Я.Киприянович – автор работ по истории народного образования в Белоруссии; И.А.Котович – редактор «Литовских епархиальных ведомостей», историк церкви; Н.Р.Диковский – редактор «Гродненских епархиальных ведомостей», председатель Гродненского церковно-археологического комитета, автор работ по истории православия. Под влиянием его воззрений находились многие историки и краеведы Белоруссии. Постоянную помощь историка ощущал и Е.Ф.Карский. В своем письме И.А.Котовичу в Вильно от 13 ноября 1886 года Коялович писал: «Вы, без сомнения, знаете учителя гимназии Е.Ф.Карского. Он написал хорошую книжку о белорусском языке. Этот земляк многообещающий и причем такой здоровый... Вот бы кому взяться за разбор наших дел. Дай Бог ему силы и рвения для дальнейших трудов!».

Вершиной научного творчества нашего замечательного земляка стало издание первого в России обобщающего труда по русской историографии «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1884).

Почему же имя и труды М.О.Кояловича, его учеников и последователей изъяты из научного обихода и из нашего сознания? Причин этому много, но главная из них заключена в чрезмерной политизации исторической мысли и науки. Спешно разрабатываемая «национальная концепция истории Белоруссии», искусственное подтягивание всей науки о прошлом под эту единственно верную и спасительную «теорию» – это реальная угроза «отката» от принципа историзма. Применительно к Кояловичу и его школе выход из сложившейся ситуации видится один: необходимо отказаться от навешивания ярлыков и необоснованных упреков и заняться основательным изучением наиболее важных проблем нашей истории.

Некоторая работа в этом направлении в последние годы уже проделана¹. Данное издание «Лекций по русской истории» М.О.Кояловича, несомненно, расширит представление исследователей о научном наследии замечательного историка и педагога.

Следует заметить, что разработкой лекционного курса М.О.-Коялович начал заниматься с 1857 года, постоянно внося в него дополнения и изменения. Свою работу над этим курсом он сочетал с чтением лекций по церковной истории. Однако в 1869 году в связи с назначением его на должность руководителя кафедры русской гражданской истории ученый полностью перешел на преподавание истории гражданской. Таким образом, с этого времени именно этот курс стал главным в преподавательской деятельности М.О.Кояловича на целых два десятилетия.

Непрерывно совершенствуя свой курс, историк никогда в силу своей огромной занятости не издавал его, однако литографии его лекций, подготовленные студентами, имели широкое распространение. В научной библиотеке С.-Петербургской Духовной Академии хранится экземпляр этого курса, озаглавленный «Конспект лекций по русской гражданской истории, читанный студентам С.-Петербургской духовной академии в 1888/89 учебном году заслуженным ординарным профессором М.О.Кояловичем». На титульном листе и его обороте имеется информация о том, что изготовлен «Конспект...» с разрешения ректора Академии епископа Антония (Вадковского) в количестве 60 экземпляров в монографии некоего Гробового, которая находилась на Петербургской стороне Малого проспекта в д. 228. Выборочно на ряде страниц курса, а также в конце текста рукой профессора Кояловича оставлены подписи как знаки согласия на литографирование его лекций. Текст курса достаточно объемный – 487 страниц, написанных убогим каллиграфическим почерком. Хронологически курс охватывает историю России с древнейших времен до правления Екатерины II. К каждому крупному разделу курса имелись подобранные автором исторические карты.

В своих лекциях по русской гражданской истории М.О.Коялович последовательно изложил свою концепцию исторического процесса в России. Эта концепция в значительной степени отличалась от тех исторических схем, которыми насыщены подобного рода труды С.М.Соловьева, В.О.Ключевского, К.Н.Бестужева-Рюмина, Н.И.Костомарова – современников нашего земляка. Преданный своему видению исторического процесса (с позиций т.н. «русского субъективизма» славянофилов как «наименьшего научного зла»), Коялович отстаивал в нем свою историческую правду, основанную не на модных западноевропей-

ских теориях и воззрениях их отечественных подражателей, а на глубоком знании источников, законов науки и жизни.

Литографический «Конспект» курса лекций Кояловича по русской истории, к сожалению, пока еще не нашел своего исследователя, однако даже простое ознакомление с этим капитальным трудом не может не оставить огромного впечатления от широты эрудиции автора, оригинальности его концептуальных построений, несомненной художественности изложения.

Начинается курс с изложения «научных приемов и средств при изучении славяно-русских древностей», т.е. с источниковедческого и историографического анализа русской истории. В принципе, у Кояловича с «литературой вопроса» ведет свое начало каждый значительный раздел курса. Весьма характерно и то, что какую бы лекцию профессор ни читал, он всегда находил в ней место показу истории западнорусского края, родной Белоруссии. К примеру, характеризуя группы славян, он особо подчеркивал историческую миссию двух славянских племен (словацкого и белорусского), которые всегда « у м и р о - творяли крайности других племен»: если словаки «выносят на своих плечах вековую борьбу, борьбу за славянство с захватившими их страну мадярами», то «белорусское племя, самое мягкое и выносливое, терпевшее разные невзгоды, разгораживает собою более резкие по характеру «стремительные племена». Такого рода подход характерен для лектора при рассмотрении развития государственности у славянских народов, при изучении крещения Руси, истории ВКЛ и Речи Посполитой, Ливонской войны, т.н. «смутного времени», освободительного движения под предводительством Богдана Хмельницкого и разделов Польши.

Весь курс лекций по истории России состоит из конкретного перечня подтем (лекции Кояловича, что было вполне в духе того времени, не имеют общих привычных для нас названий), поэтому при подготовке его к изданию было признано целесообразным сгруппировать его содержание по общепринятой в науке схеме: восточные славяне, древняя Русь, Русь и соседние земли, от Руси к России, Россия в XVII веке и Российская империя. Подробная программа курса, а также сам «Конспект» лекций М.О.Кояловича свидетельствовали о нарочитом отличии его трактовки русской истории в сравнении с либералами-западниками С.М.Соловьевым и В.О.Ключевским, сближаясь в чем-то с курсами лекций Н.И.Костомарова и

К.Н.Бестужева-Рюмина. Однако в своем славянофильском консерватизме М.О.Коялович был всегда более резок и прямолинеен, как бы протестуя против уже устоявшегося представления об уравнищенности белорусов и в науке, и в жизни. И тем не менее студенты любили и высоко ценили лекции Кояловича. «Ваши лекции, – писали студенты, обращаясь к своему профессору в ноябре 1890 года, – заставляли нас с живым интересом вникать в события родной истории, видеть поражающую мощь русского народа и его замечательные зиждительно государственные способности и тем самым научили нас осознавать себя русскими людьми, обязанными ценить все хорошее русское, относясь вместе с тем беспристрастно к плодам европейской цивилизации».

Высоко отзывался о лекторском искусстве Кояловича его ученик и земляк П.Н.Жукович. Он говорил, что «вдохновенные лекции Михаила Осиповича всегда были исполнены пламенной верой в духовную мощь русского народа; а также тем «редким искусством, с каким он умел уяснять... положительные достоинства и действительные приобретения великого исторического народа...». Жукович отмечал в академических лекциях Кояловича какой-то «особенно яркий славянский идеализм», изумительно хорошо гармонизировавший со всем складом натуры его. «В туманной дали едва зародившейся русской жизни, – писал в своих воспоминаниях Жукович, – он искал уже задатки ее высокого и своеобразного культурного развития... Русская доблесть, нравственное величие народного духа живительным светом освещали в его изложении весь русский исторический путь, одинаково проявляясь и в эпохи русской славы, и в дни народной скорби, в движениях великих людей и в великом историческом труде всего нашего народа».

Тонкий психологический портрет ученого, педагога и лектора Кояловича дал в своих воспоминаниях А.П.Лопухин: «При своем необыкновенно высоком понятии о служении профессора, он и вообще относился к лекциям с чрезвычайной внимательностью; но его первая лекция была своего рода священнодействием, стоившим ему, несомненно, великого напряжения всего его духовного существа. Справедливо сознавая, что имя его пользуется широкой популярностью, особенно в Западной России, и молодежь являлась в его аудиторию с повышенным требованием, неразлучным с подобного рода известностью, М.О., естественно, заботился о том, чтобы действительно не оказаться ниже ожидания, и потому в его первой лекции

был замечен особый подъем духа и каждое его слово неизгладимо отпечатывалось в юных душах. Как лектор он обладал редким, можно сказать, идеальным совершенством. Несколько сухой с вида, он, однако, уже в первых словах своих показывал, какое горячее сердце билось под этой сухой внимательностью... И чем далее шло чтение курса, тем все более росло его обаяние, так что его лекции положительно были праздником для его восторженных слушателей. Он читал немного, но зато каждое его слово как-то особенно запоминалось... Этому содействовал он и своей бесподобной дикцией. В этом отношении он был неподражаемый мастер, в особенности при чтении летописей. Говорят, что летописи мастерски читал покойный историк Н.И.Костомаров. Мы не слышали Костомарова, но убеждены, что М.О. читал лучше его...».

В этих же воспоминаниях содержатся указания на хронологические рамки лекционного курса М.О.Кояловича. «В своем академическом курсе, – писал Лопухин, – он редко выходил даже за рубеж петровских времен, а больше частью занимался седою древностью, следя за тем, как зарождался и при каких условиях вырастал могучий организм Московского царства, воплотивший в себе всю несокрушимую живучесть великоросса. С наибольшим вниманием останавливался он, впрочем, на удельном периоде с его вековым укладом, где его любимцем был Владимир Мономах с его истинно русской областью, еще не «омраченной страшным игом татарщины»».

Придавая большое значение психологическим особенностям при характеристике исторических личностей, Коялович, вместе с тем, не навязывал слушателям и ученикам свое мнение, не оказывал на них давление с тем, чтобы не заслонить первых проблесков самостоятельной работы начинающих историков². Такой стиль работы был характерен для профессора Кояловича и его источниковедческих и историографических исследований. «Лекции по истории Западной России», академический курс по русской гражданской истории позволили ученому выработать тот опыт работы, который позднее нашел свое выражение в его докторской диссертации о западнорусских униятах старых времен и в первом опыте русской историографии – «Истории русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям».

«Конспект» лекций М.О.Кояловича публикуется в полном объеме. Примечания автора внутри текста даются в скобках, ссылки же в под-

строчнике вынесены для удобства читателей в конец курса. Текст лекций передается по правилам современной орфографии с сохранением всех стилистических особенностей оригинала, характерных для конца XIX века. В соответствии с современными правилами уточнены пунктуация и написание прописных и строчных букв. Цитируемые М.О.Кояловичем фрагменты из древнерусских летописей и других источников приводятся без сокращений в авторской версии. В большинстве случаев сохранены и имеющиеся в тексте «Конспекта» сокращения слов, включая имена историков, название их трудов и т.д.

Публикуемый курс выявлен, обработан профессором Гродненского государственного университета имени Янки Купалы В.Н.Черепицей. В именной указатель вынесены все встречающиеся фамилии с краткими комментариями. Портрет М.О.Кояловича написан со старой фотографии гродненским художником Н.Т.Бондарчуком (1996 г.). В качестве иллюстраций использованы также ксерокопии титульного листа «Конспекта лекций» М.О.Кояловича.

служить опорой для фактического изложения истории, но в них мы нередко видим глубокое понимание дела и остроумное разъяснение некоторых вопросов, например, о дружинном начале; о борьбе с иноплеменниками; там же можно проследить борьбу между земледельческим классом и дружиной.

Былины издавались несколько раз: Рыбниковым (4 тома), Киреевским (7 или 8 томов)¹, Гильфердингом (4 т.). Из исследований о былинах особенно важно сочинение О.Ф. Миллера «Илья Муромец и богатыри». Автор проводит здесь мысль, что богатыри отличались не только физической, но и замечательной нравственной силой, что они исполняли народный долг защищать русскую землю от кочевников.

Кроме письменных памятников, в качестве источников служат филологические данные. По своей важности этот источник не уступает иногда памятникам письменным, нередко открывая новые области для исторического исследования. Литература по этому вопросу очень велика, но как на лучшее можно указать на сочинение проф. А.Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным». Здесь указаны древнейшие праславянские слова, находящиеся во всех славянских наречиях и, следовательно, существовавшие в ту отдаленную эпоху, когда славяне еще не разделились на отдельные племена. По этим данным можно судить о цивилизации славян в то время: видно, например, что тогда уже славя-

Автор идеи настоящего издания глубоко признателен сотрудникам научной библиотеки С.-Петербургской Духовной Академии за помощь в поисковой работе, а также лаборантам кафедры истории славянских государств Гродненского госуниверситета, проделавшим большую техническую работу по подготовке текста лекций к изданию. Особую благодарность автор предисловия выражает ректору С.-Петербургских Духовных школ архиепископу Тихвинскому Константину (Горянову) и ректору Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, профессору Евгению Алексеевичу Ровбе, без заботливого участия которых публикация данного труда М.О. Кояловича вряд ли бы состоялась.

Значительную поддержку настоящему проекту оказали и многочисленные поклонники творчества историка как на научно-педагогической ниве, так и на общественном поприще. Постоянный интерес к ходу работ по подготовке «Лекций» М.О. Кояловича к изданию проявляли его правнуки – профессор-физик Виктор Георгиевич Веселаго (Москва) и профессор-биолог Владимир Михайлович Шмидт (Лос-Анджелес). Их моральная поддержка и тёплые письма, адресованные мне, имели большое значение для завершения начатого более десяти лет назад благого дела.

---

¹ См.: Черепица, В.Н. «Я признаю потребность обновления и даже перестройки в науке истории». М.О.Коялович (1828-1891); Трещенок, Я.И. М.О.Коялович и его время: послесловие // Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О.Коялович. – Минск: Лучи Софии, 1997; Теплова, В.А. М.О.Коялович и русская православная историография: послесловие // Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О.-Коялович. – Минск: Лучи Софии, 1999; Черепица, В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1998.

² См. подробнее: Черепица, В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1998. – С. 3.

Л Е К Ц И Я I

Восточные славяне. – Научные приемы и средства при изучении славянских древностей. – Изыскания и домыслы о выходе славян из Азии. – Племенные группы славян. – Внутренний быт славянских племен до образования русского государства. – Вопрос о родовом начале. – Жизнь общественная – вече. – Города у древних славян. – Вера славян в загробную жизнь. – Время-исчисление и языческие праздники. – Славянская мифология.

Источниками для науки русской истории служат, во-первых, письменные памятники. К ним относятся: летописи, договоры русских с греками, законодательные акты, литературные произведения. Кроме русских летописей, заслуживают внимания и летописи иностранные – греко-римские, например, арабские. Все эти памятники – самые надежные. К сожалению, все они – позднейшего времени: так, русские летописи по своему происхождению относятся к XI веку и позже, хотя события, излагаемые в них, касаются и более раннего периода; в иностранных же содержатся сведения, относящиеся к VI в. и очень редко – к V в. и ранее, даже до начала христианства.

Наиболее важные исследования о письменных памятниках следующие: 1) Погодина – «Исследования, замечания и лекции по русской истории»: в 4 томах (1846–1850); особенно важен первый том; 2) Бестужева-Рюмина – «О составе летописей» – и в его сочинении «Русская история» литература занимает почти половину книги; 3) Ламбина в книге «Источники летописных сказаний о призвании князей»; 4) Макушева в книге «Сказания иностранцев о быте и нравах славян», где содержится свод иностранных летописных известий до XII в.; 5) Забелина – исследования «Истории русской жизни»: в 2 томах.

Пособием при изучении летописей служат литературные произведения народа, например, былины. Былины не могут

не имели дома, обставленные разнообразной утварью, занимались земледелием, имели домашних животных, знали металлы и т.п. Особенно важны географические названия, по которым можно определить местожительство народов в известное время. История происхождения славянских князей и опирается, между прочим, на эти филологические данные.

Свою долю значения имеют и археологические данные. Они дают нам много сведений о быте наших предков, описание которого не нашло себе места в летописях, потому что не считали вещей, слишком для всех обычных, заслуживающими описания. Раскопки, памятники, остатки построек, одежд, домашней утвари освящают нам многое там, где не достает письменных памятников. Важны, например, клады арабских монет, идущие чрез всю Россию – с юга до Балтийского моря – и далее до Англии; по времени они доходят до VII в.; клады римских монет; греческие и скифские древности, во множестве добытые в разных местах южной России (например, в Керчи и ее окрестностях). Все эти данные свидетельствуют о степени культуры народа в известный период; их значение возрастает по мере удаления вглубь до исторической древности и, следовательно, оскудения письменных свидетельств.

Основываясь на письменных памятниках, но не оставляя без внимания и другие источники, мы должны прежде всего решить вопрос, когда славянские племена поселились в той стране, где их застаёт история.

В летописи Нестора после рассказа о столпотворении вавилонском и расселении потомков Сима, Хама и Иафета говорится следующее: «По мнозех же временах сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорска Земля и Болгарьска. От тех Словень разидошася по земле и прозвашася Морава, а друзи Чеси нарекошася; а суть же Словени Хровате Белич, и Серебь, и Хорутане. Волахоме во нашеджеме на Словени на Дунайския, седжеме в них и населящем им, Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзи Лутичи, и на Мазовшане, и на Поморане. Также и ти Словене пришедше иследоша по Днепру, и нарекошася Поляне, а друзи Древляне, зане седоша в лесех, а друзи седоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; ини седоша на Двине, и нарекошася Полочане, речки ради, яже в течет в Двину, именем Полота, от сея

прозвашася Полочане. Словени же седоша около езера Имперя, прозвашася своим именем, и сделаша град, и нарекоша и Новгород, а друзи седоша по Десне и по Семи, по Суле, и нарекошася Северь. Тако разидеся Словенски рязьку» (Лаврент. лет., стр. 3)².

Когда же было это переселение славян? Оно не было ни в IX, ни в VIII, ни в VII в. Надо доводить до VII века, ибо от этого века имеется ясное свидетельство о существовании славян в тех местах, на которые указывает Нестор. Таковы свидетельства Прокопия Византийского и Иорнанда Готского, еп. Равенского.

Прокопий говорит о славянах на севере от Понта³, а Иорнанд – о славянах на севере от Карпат⁴. Они оба свидетельствуют, что славяне – народ громадный. Немецкие ученые со Шлёцером во главе отвергают важность этих показаний. Шлёцер приблизительно так выражается: «Да люди (славяне) жили, но жили без цивилизации, а цивилизация появилась у них с IX в., со времени призвания князей». Пристрастие Шлёцера к этому последнему мнению объясняется тем, что призванные князья, как полагают, были нормандского происхождения. Другие ученые связывают славян с греко-римским миром, доказывая, что эта связь существовала ранее IX в. Таким образом, сопоставляются две цивилизации – нормандская и греко-римская. Несомненно, что первенство принадлежит греческой цивилизации; она выше западной. Отсюда вывод такой, что славяне отдали предпочтение востоку, тем самым показали свою даровитость и историческое чутье, которое часто оправдывалось, оправдывается и теперь.

Важно остановиться на том, что дают писатели VI века и более раннего времени. Мнение Шлёцера, которое выше приведено, разбито двумя учеными: Добровским и Шафариком. Едва Шлёцер выпустил «Нестора», как стали появляться лингвистические изыскания Добровского. Из его сочинений особенно важны «*Institutiones linguae Slavicae*». Здесь показано близкое родство языка славянского с языками других европейских народов. Этим мнение Шлёцера разбивалось. Язык славянского народа указывал на давнюю культуренность его вопреки мнению Шлёцера, что культура у славян началась только в IX в. После Добровского Шафарик в «Славянских древностях» на основании филологических и свода летописных сведений доказал, что славяне – народ туземный в Европе, что жизнь их здесь доходит до Рождества Христова и дальше до времен Геродота. Та-

ким образом, Добровский своими филологическими изысканиями о языке славян поставил такое решение, что славянский язык – такой же древний, как и остальные западноевропейские языки и, следовательно, славяне существуют в Европе с давних пор; а Шафарик поставил этот вопрос шире и по времени, в которое жили славяне в Европе, и по историческим данным, подтверждающим это. Шафарик перебрал не только филологические данные, но и расширил их таким образом, что искал, где попадаются славянские слова у других народов; так он указывал славянские слова в готском языке (в Евангелии от Луки), а также в числе слов, оставшихся от кимбров, указывал, что рано встречаются у писателей географические названия чисто славянские, что религиозные воззрения славян, их обычаи, нравы сходны с западноевропейскими и отличаются только древностью. По исследованиям Шафарика оказывается, что славяне были в Европе на своих местах не только в VI в. (по Иорнанду), но были и в первые времена христианства, что предание об ап. Андрее, бывшем близ Киева, сохранившееся у поляков и западных славян, показывает, что славяне уже в это время жили в тех местах, где указывается проповедь ап. Андрея. Шафарик идет к временам дохристианским. К этому времени он относит движение славян от Дуная, полагая, что оно было в то время, когда кельты произвели смуту в придунайской стране.

Эти исследования важны потому, что Шлёцер утверждает, что цивилизация славян началась с IX в., хотя они существуют в Европе еще с VI в. В подтверждение своей мысли Шлёцер указывает на то, что у римских писателей нет ничего определенного о славянах. Шафарик же и Добровский на основании исследования языка и быта славян относят их жизнь в Европе и цивилизацию к более раннему времени.

Следующим ученым приходилось проверять указанные исследования и в то же время считаться с некоторыми заблуждениями Добровского и Шафарика. Так, первый утверждает, что славяне занимали незначительное место, второй же, признавая глубокую древность славян и доводя ее ко времени до Рождества Христова, в то же время различает их от скифов и сарматов, по его мнению, принадлежащих к монгольскому типу. Таким образом, ученым представились две задачи: 1) найти твердую опору, что славяне были и до IV в. или, по крайней мере, в IV в. уже в культурном состоянии; 2) со-

хранились ли следы пребывания славян в Европе до Рождества Христова. И когда произошло расселение славян от Дуная? Этот последний вопрос получил разъяснение в исследованиях проф. Варшавского университета Самоквасова («История русского права», 1884 г.), который относит жизнь славян ко II в. до Рождества Христова и приводит в доказательство этого непоколебимые, по его мнению, данные. Он обратил свое внимание на денежные (из римских монет) клады, открытые и вновь открываемые в тех местах, где жили славяне. Самоквасов занялся исследованием следующих подробностей: где клады эти открывались? Из каких именно римских монет состояли? И чем объяснить появление римских монет в русских пределах?

Клады многочисленны; встречались они по Волге, Западному Бугу, Неману, Припяти, Днепру, Десне, Оке, Сейму и Висле; при этом указанные клады не представляют смешения различных монет, например, арабских и др., а состоят исключительно из римских. Встречаются в громадном количестве (сотни и тысячи экземпляров) монет I в. и в особенности II в. по Рождеству Христову, от имп. Траяна до Септимия Севера. Монеты до Траяновского периода, равно как и после Септимия Севера встречаются редкими экземплярами. Является вопрос, почему это они собраны в это время? Много было попыток объяснить это торговыми сношениями римлян, их поездками за янтарем к Балтийскому морю, но оказывается, что непосредственных сношений римлян со славянами не было, торговля же производилась при посредстве греческих колоний. Эти соображения привели Самоквасова к тому заключению, что значительные клады унесены были населением из пределов Римской империи в конце I в. и во II веке. Откуда же они могли быть вынесены в таком количестве? Они могли были быть вынесены из пределов нижнего Дуная, где в это время происходил разгром римлянами Дакийского государства. По свидетельству историков-современников, многие дакийские племена, убегая от римского рабства, оставили свою родину и переселились за Карпаты. Момент завоевания царства даков вполне соответствует повествованию нашей летописи, что волахи (римляне) потеснили славян, сидевших на Дунае, и заставили их уйти оттуда. Таким образом, история славян доводится до II века по Рождеству Христову.

У древних писателей можно найти указание на существование славян в эту именно пору. У Птолемея, писателя II в. по Рождеству Христову, есть название племени кривичи, славянского племени, жившего в верховьях Днепра⁵. Тацит (I в. по Рождеству Христову) говорит о венетах, этим именем и обозначили славян впоследствии, которые жили между певкинами, обитавшими при устье Дуная, и финнами, обитателями северных стран. Из сопоставления различных мест его сочинений можно видеть, что венетов и певкинов именно он считал обитателями Дакийского царства. Относительно последних это ясно и по самому определению их местожительства – устье Дуная. Между тем в самом слове «певкины» (rewcīni) справедливо видят не что иное, как слав. перевод «древляне». Современник Тацита географ Страбон на месте тацитовых венетов и даков помещает гетов и тиригетов, называя их народами скифского племени; уже помимо сопоставления с тацитовым свидетельством, название тиригетов напоминает славян-тиверцев, которые, по Нестору, жили как раз на этих местах.

Находя славян на их исторических местах в первое время нашей эры, легко придти к мысли, что они жили здесь же и ранее. Данные для научного проведения этой мысли есть. За 4 с половиной века до Рождества Христова в странах по северному берегу Черного моря путешествовал и подробно их описал отец истории Геродот. Он нашел в этих странах скифов, распадавшихся на две ветви: 1) скифов-земледельцев (занимавшихся хлебопашеством для себя и для торговли, живших по восточ. стороне Днепра; 2) скифов царских, владевших многими землями. Соседями скифов были на северо-западе – невры, а на севере – черные кафтаны (мелонхлены) – черное племя. В описании страны Геродот говорит о р. Буг, называя его Ипанисом, Гипанисом: именно, что эта река начинает свое течение в Скифии и выходит из великого озера, которое по справедливости называется матерью Ипаниса. Вытекая из него, река пробирается небольшим каналом и на пять дней ее течения воды ее сладки; потом, к морю на четыре дня воды ее горьки, ибо здесь впадает горький источник. Имя этому источнику по-скифски Эксампей, что на греческом языке означает «Священные пути». Быть может, слово «Эксампей» есть только извращенное огреченное произношение тех же слов «Священные Пути», конечно, переделанное по тем звукам, какими выражала эту речь глубокая славянская древность. В настоящее время Буг вытекает из обширных болот, которые при Геродоте

составляли большое озеро. Горький источник и доселе носит соответствующее название – Мертвые воды. Это небольшая река, текущая с левой стороны от северо-востока и впадающая в Буг у Вознесенска. Местность, по которой течет этот поток, изобилует минеральными источниками, делающими воду его негодной по горечи к употреблению (см. «Историю рус. жизни» Забелина, т. 1, стр. 219-20). Далее Днепр у него именуется Борисфеном. Это слово не греческое, а туземное, скифское. Нужно думать, что название это переделано из названия р. Березины, по-старому: Березани, впадающей в верхний Днепр от северо-запада. Название Днепра Борисфеном Березиною произошло от того, что верховья самого Днепра в геродотово время не были еще известны. Память об имени Борисфена сохранилась и теперь в лимане Днепра, в названии о. Березань и в названии р. Березины, впадающей в Днепр против того же острова. Таким образом, мы догадываемся, что под именем скифов Геродот описал славян и их жизнь на тех самых местах, где они жили впоследствии под именем венетов, даков, певкии и где через несколько веков они создали государство.

Но ведь скифов относят к монгольскому типу, как же отождествлять с ними славян – народ арийского племени?

Совокупность результатов новейших исследований доказывает, что скифы и сарматы (римское название) индоевропейского племени и что, следовательно, нет препятствий отождествлять их со славянами. Уже Шафарик, видевший в скифах монголо-татар, обращаясь к языку их, должен был сознаться, что небольшой запас дошедших скифских слов (большею частью личных имен) обнаруживает разительное сходство языка скифов с индоевропейскими. Теперь же антропологические исследования не оставляют места в этом ни малейшему сомнению. Академик Бэр говорит: «Форма лицевых костей в скифских черепах не представляет ничего монгольского. Нос у скифских черепов высокий и узкий, а у монголов он плоский и широкий. У скифских черепов нет сильно выдающихся скулов, а места прикрепления височных мышц далее отстоят от средней теменной линии, чем у монголов». Это подтверждает и проф. Богданов. И в этом всякий может убедиться, рассматривая изображения скифов на монетах, на вазах (Кульобской и Никопольской): индоевропейский тип выражен здесь совершенно отчетливо: между прочим, волосы

густые и длинно обстриженные поразительно напоминают стрижку волос русских крестьян.

Что касается бытовой стороны, то акад. Стефани и И.Е. Забелин, описывая по археологическим данным домашнюю обстановку, одежду и др., то и дело употребляют выражения: «как теперь еще и у русских крестьян», «как наше русское» и т.п., например, кафтан – казачий, шаровары – по-малороссийски.

В религии скифов и славян много общего. Геродотовы скифы, как и русские славяне последних столетий язычества, одинаково поклонялись огню, небу, земле, солнцу и луне, богам борьбы с природою и людьми. Скифы, по Геродоту, не имели храмов; летописец о храмах у русских славян не упоминает; особого класса жрецов не было у тех и других, но зато было много гадателей-кудесников, пользовавшихся общим уважением. Наконец, «погребальные скифские обычаи долго сохранялись славянами, а отчасти наблюдаются и в настоящее время. (Самоковасов. «История рус. права», кн. 1, стр. 92 – 100).

Таким образом, все основания за племенное сходство скифов и позднейших славян. Следовательно, наши предки славяне жили задолго до Рождества Христова в Европе, и Шафарик справедливо считал их здесь аборигенами если не в абсолютном смысле, то в смысле весьма глубокой древности.

Добравшись в вопросе о происхождении славян до глубочайшей древности, пойдем назад и представим несколько данных об их исторической судьбе, а для этого нужно рассмотреть, каковы были соседи славян.

Постоянными историческими соседями славян являются литовские племена: ятвяги (в Гроднен. и Сувалкс. губ.) теперь несуществующие, истребленные сильными соседями – русскими и поляками, собств. литва – по верхней половине Немана и Вилии. На нижнем течении Немана – жмудь (Ковен. губ. и Пруссия), самую западную часть которой составляли пруссы, впоследствии истребленные поляками и немецкими рыцарями. На северо-востоке жили близкие родичи литвы – латыши (Лифляндская, Курляндская и Витебская губ.). Племена литовские – одни из древнейших обитателей Европы; они отделились от общего корня арийских народов весьма давно, и в их языке сохранились данные глубокой древности. Из всех индоевропейских языков ближайший к санскритскому литовский язык имеет много общего и с классическими языками – гречес-

ким и латинским (в числительных именах, напр., стихосложение у них метрическое, как у греков и римлян, а не тоническое, как у новых народов). Черты сходства с латинским языком так многочисленны и бросаются в глаза, что давно уже были замечены и дали долю вероятия преданию, что литовцы – выходцы из Рима, откуда будто они пришли на берега Балтийского моря под предводительством Прусса, брата Августа, что дало, между прочим, возможность Иоанну IV выводить свой род от римских кесарей. Литовский язык очень близок к славянскому и, сверх того, исторически находился в тесной связи с ним. Ягич указывает, что в обоих языках много сходных корней глаголов, большое соответствие в формах; в литовском языке есть даже чисто славянские слова (склизнути). Вообще все говорит о доисторической близости славян с литовцами.

Другими соседями славян были чудские племена. Начинаясь на Западе в смешении с литовцами в лице ливов, чудь занимала все громадное пространство на севере Европы – между Балтийским морем и Уралом, в южном направлении доходя до среднего течения Волги и Оки. У Урала начинается смешение чуди с монгольскими племенами; чем ближе к Азии, а за Уралом чем дальше вглубь ея, тем больше усиливается это смешение, пока не получится перевес монгольского элемента. Помесь с монгольскими племенами представляла, например, югра, ближайшие родичи мадьяр-угров: эта югра, по представлению некоторых ученых (Европеуса, например), образовала некогда обширную державу, господствуя над многими племенами.

В Европе чудь распалась на многие племена, из которых в более тесных сношениях с русскими и, следовательно, более известны им были: эсты – по берегу Балтийского моря; корелы – северные соседи новгородцев; за ними – емь и сумь; по Волге: в Ростовской области – меря; севернее, к Белому озеру – весь; по Оке – мурома, морова. Как и литва, чудь, очевидно, издавна находилась под влиянием славян и с самых первых страниц летописи, т.е. с первого момента более или менее достоверной истории славян чудь действует с ними заодно.

Старыми соседями славян были греки в их колониях по берегу Черного моря. Во время путешествий Геродота колонии, из которых значительнейшими были Ольвия и Херсонес Таврический (Корсунь), имели оживленные торговые сношения со скифами, так что теперь в

Скифии в могилах находятся и греческие вещи. Скифы настолько поддались влиянию греков, что уже Геродот знал скифов-эллионов, эллинизованных скифов, называвшихся каллипидами. Впоследствии у Керченского пролива существовало полуэллинское, полуварварское царство Боспорское. Заметим, что у славян были сношения на огромном пространстве между Уралом и Каспийским морем, и по самому морю с Азией, откуда напирали разные народности, были сношения торговые и военные.

* * *

Все народы индоевропейского, или арийского племени в незапамятной древности составляли один народ (пранарод – ученый термин), говоривший одним языком (праязык) и живший в одной стране, которую ученые называют прародиной европейских народов. С течением времени этот Pranarod отделил от себя ветви, которые выходили из общей родины и двигались на новые места, оседали – одни там, другие – здесь, мало-помалу занявши почти всю Европу и часть Азии. Географически, однако, прародина не определена с положительною достоверностью, и на этот счет высказываются только более или менее вероятные предположения. Но, во всяком, случае большинство ученых согласны в том, что эта прародина находится в Азии и именно в той ее части, где она называется Средней.

Выходя отсюда, индоевропейцы направлялись в Европу. При этом они могли избрать оба пути, соответственно двум так называемым воротам из Азии в Европу: 1) Большие Каспийские ворота – странство от северных берегов Каспийского моря до Уральских гор и 2) Малые Каспийские ворота – по западному берегу Каспийского моря, где Кавказские горы не подходят вплоть к морю, мимо городов Баку и Дербента. Которым из этих двух путей шли, не говоря о других народах, славяне? Заметим кстати, что выход славян из Азии совершился не позже VII в. до Рождества Христова; к такому выводу пришел известный ориенталист Григорьев.

Здесь дело ограничивается догадками. Легко себе представить, что северный путь был обставлен гораздо большими трудностями; пролегал по стране с более суровым климатом и был гораздо длиннее первого, все это представится нам при взгляде уже на современную карту, а

нужно еще принять во внимание, что, по научным известиям, Каспийское море, находясь в соединении с Аральским, в древности заходило гораздо далее на север, чем в настоящее время. Таким образом, взяв северный путь, приходилось, может быть, делать большой обход по Азии, чтобы попасть к Уральским горам, а отсюда идти сначала по Алаунской возвышенности. Все это чрезвычайно удлиняло путь. Зато северный путь по своей обширности допускал медленное движение, между тем как в южном, при его тесноте, народы, нападая друг на друга, приобретали большую стремительность. Ввиду того, что весьма вероятным представляется также соединение морей Каспийского и Азовского, нужно заметить, что это соединение не закрывало южных ворот: движение народов удобно могло совершаться через неширокий Керченский пролив; горные хребты, проходящие по Таманскому полуострову и Крыму, были выше уровня соединенных морей. Во всяком случае, такое видоизменение пути славян в Европу естественное и допустимое, чем то, какое предложил проф. Казанской академии Некрасов (в актовом речи 1881 г.). По его мнению, славяне из глубины Азии шли в Европу через Иран, Малую Азию и Босфор – прямо на Балканский полуостров. Мнение оригинальное, но трудно его доказать, ибо каких-либо научных фактов оно не имеет. В пользу того, что славяне шли скорее северными воротами, говорит их знакомство с чудскими племенами севера, которое идет до глубочайшей древности. Сами славяне не только не помнят о пути, которым они пришли в Европу, но и не помнят и о своем азиатском происхождении. Геродот записал, что уже скифы о своем происхождении имели предание, будто они произошли от брака бога Папайоса с дочерью Борифена, причем обитаемую ими страну считают своею исходною родиною.

Что касается культурного состояния древних славян, то тот же Геродот сообщает, что скифы были земледельцами и притом земледелие для них было настолько не новым делом, что они утратили память о начале его у них и утверждали, что их предкам с неба были посланы плуг, ярмо и секира. Лингвистические данные, по словам ученых⁶, в свою очередь подтверждают, что славяне были народ культурный еще до разделения своего на племена. Составляя один народ, они знали неподвижные жилища, обставленные разнообраз-

ной утварью. Всем славянским наречиям общи названия: дом, двор, дверь, окно, печь; из области земледелия: плуг, рало, серп, сноп, жито, пшеница, ячмень, овес, просо, лен, конопля; из растений – плодов: яблоки, груши, сливы, огурцы, горох, дыни; из культурных животных: овца, коза, свинья, корова, конь, осел, собака, гусь, утка, курица; пчела; из металлов: золото, серебро, олово, медь, железо. Известны были также слова: шить, ткать, варить, молоть, писать. Русские блины – старинное кушанье славян. Геродот описывает царских скифов, которых изображает кочевниками. Неизвестно, были ли это славяне или народ монгольского племени (так как в устах Геродота название «скифы» было общим для всех племен, которые обитали на север от Понта). Но кто бы ни были эти скифы, мы должны признать, что наши восточные славяне были под властью кочевников и влияние кочевническое долгое время брало перевес над византийским. Этим указанием, впрочем, мы не хотим подтверждать мнение немецких ученых, будто славяне были только данниками кочевников и ограничивались пассивною ролью. Мы укажем и факты обратного свойства – факты влияния их на кочевников.

Со времен Геродота, как мы знаем, в странах надпонтийских существовала обширная скифская держава под главенством царских скифов. В IV в. до Рождества Христова эта держава потерпела крушение; поражения, нанесенные ей македонским царем Филиппом, так ослабили ее, что она не могла более сдерживать напора восточных кочевников и стала жертвою нашествия из-за Дона скифского племени сарматов. Это нашествие побудило народы бывшей державы подвинуться далее на Запад. Результатом всех этих движений было основание на нижнем Дунае новой скифской державы под главенством племени, называвшегося у греков гетами, а у римлян – даками. В I в. по Рождеству Христову она подверглась нападению римлян, была ими завоевана и обращена в римскую провинцию. Эта держава была не исключительно славянскою, но, во всяком случае, славяне составляли большинство ее населения. Целые племена ушли отсюда при римском завоевании на север, и эти племена были славянские (см. выше). С другой стороны, как известно, римляне населили Дакию своими колонистами, и от смешения их с туземным населением образовалось новое племя – нынешние румыны. Но в языке румын, по крайней мере, половина слов – славянские, что доказывает весьма сильное участие в их происхож-

дении славянских элементов; а это приводит к мысли, что туземное население завоеванной римлянами Дакии составляли славяне.

После разрушения Дакийской державы местожительством славян были Карпаты, т.е. Днепровская и Вислинская страна на сев. – запад до реки Одры и Лабы. Между тем, новая римская провинция стала подвергаться нападениям многочисленных и разноплеменных военных дружин с востока. Так, во II в. явилась на устье Дуная дружина готов, которая в III в. образовала сильное Готское царство. Дружина эта, разумеется, шла со средней Европы, но, несомненно, затрагивала в своем движении и славянские племена, хотя немецкие исследователи включают в нее только немцев, указывая названия племенные, вроде герулов, бастарнов и др. Нужно думать, что это просто извращенные названия славянских племен горариев, быстриан и др⁷. В этом сказалось, очевидно, одно из немецких преубеждений, которые так легко получают право науки и которые создают подчас чудовищные вещи. Как пример в этом роде можно указать на то, что до сих пор в географических атласах III в. немцы помещаются в таких местах, которые, несомненно, были заселены славянами, например, на месте Киевской Руси и т.п. И подобная путаница прошла даже в наши учебные издания. Но составлено все это на рассказах новейшего готского писателя Иорнанда, который причислил к готам чуть не все племена до самой Волги и Балтийского моря, даже эстов и гоксолан. Все эти немецкие преувеличения должны быть устранены, и нужно допустить лишь то, что готы были у Черного моря, враждовали со славянами и что в IV в. король их Германарих владел славянскими племенами, и притом очень жестоко, так что славяне решились готам отомстить и навели на них новых врагов – гуннов, которые разрушили не только господство готов над славянами, но всколыхнули и всю Зап. Европу.

История гуннов имеет для нас великое значение, потому что историки-немцы, например Шлёцер, прямо утверждают, что славяне пришли в Европу вместе с гуннами; вследствие господства этого мнения на картах изображают славян в Европе только в IV-V вв. после великого переселения народов.

Возникает вопрос: что за связь славян с гуннами?

В истории относительно этого вопроса существуют два противоположных мнения: 1) не только Иорнанд, но и более достоверный писатель V в. Аммиан Марцеллин представляют гуннов гнуснейши-

ми азиатами, страшно дикими, так что производят их от брака чертей с ведьмами; основываясь на этих свидетельствах, немцы признают гуннов калмыками. Но в то же время 2) Приск, бывший секретарем византийского посольства к Атилле, сообщает такие черты жизни гуннов, которые прямо доказывают родство их со славянами. Отсюда явилось ученое мнение, отождествляющее гуннов со славянами (этого мнения придерживаются, напр., болгарин Венелин, Забелин и Иловайский).

Из этих затруднений можно выйти, признав давнее соседство славян с гуннами. Славяне выдвинули их как искусных наездников и стрелков, а сами заправляли делом. Нельзя отвергнуть показания писателей, что гунны вели кочевую жизнь, были низкого роста, сутуловаты, имели скошенные глаза, выдающиеся скулы, уродовали свое лицо и т.п. — черты, указывающие на их монгольское происхождение. Наряду с этим видом, у гуннов чисто славянские черты. Прежде всего имена гуннских царей звучат чисто по-славянски, напр., Валамир, Ульт, Рот, жена Атиллы — Креха, сын — Ирник... Далее: Приск рассказывает, что когда посольство шло за Атиллою от Дуная в Паннонию, то послам давали пить особый напиток — медос и другой, приготовлявшийся из ячменя, — камос (очевидно, «квас»); упоминает о банях, называет особое кушанье — страва. Когда пришли в Паннонию к дворцу, где жил Атилла, то здесь нашли постройки чисто славянского типа — деревянные с резьбой; когда послов представляли царице, вокруг нея сидели девушки и вышивали. На основании всего этого можно предположить, что преобладающий элемент в войске гуннов составляли славяне, которые пользовались гуннами как союзниками.

По смерти Атиллы гуннская держава стала быстро падать. Она расширила горизонт славянский, и славяне стали расселяться пошире. Это озаботило византийцев, и они придумали средство против славянских захватов: вызвали против них из Азии новых кочевников — турок-авар, или обров в VI-VII вв., которые покорили русское племя дулебов и, по свидетельству летописца, сильно угнетали и мучили их, напр., запрягали в телеги славянских женщин. Авары вскоре обманули надежды византийского правительства; они сами стали нападать на империю, причем в их дружинах было так много славян, что авары отступали на второй план: славяне во время самих набегов избивали их,

а сами селились в пределах империи; таким образом, была в скором времени заселена славянами Долмация. Уже в VII-VIII вв. славяне занимали большую часть Балканского полуострова, местности до Одры и Лабы на сев.-западе, а на севере – до чудских племен. Терпя со всех сторон поражения (между прочим, и от Карла В.), авары вскоре исчезли, оставив в памяти русских пословицу: «Погибоша, яко обры».

Влияние на славян со стороны кочевников не окончилось аварским нашествием. В V, VI-VII веках на юго-восточной стороне нашего Отечества, в степях прикаспийских, находим новых кочевников, какое-то удивительное брожение народных масс: остатки гуннов, аваров, болгар и др. монгольских племен, а также хазар кавказского племени, которые образуют хазарскую державу. Странно, что составленная большею частью из народностей тюрко-татарского племени, она удержала название небольшого народца кавказского племени – хазар, а еще более странно, по-видимому, то обстоятельство, что высшую власть в ней захватили жидаы. Сам каган (хакан) держался жидовской веры; исполнительная власть принадлежала беку. Ввиду громадного смешения племен и вер, в этом царстве должны были явиться компромисс в управлении, так, например, были особые суды и для разных вер, и правители для оседлых племен и для кочевых, и т.д. Центр Хазарского царства народился на низовьях Волги, где была столица Этель, или Итель; на Дону находилась крепость Саркелл, или Белая Вежа, построенная для хазар византийским правительством. Существование такой странной державы находит себе объяснение в том, что она занимала выгодное торговое положение в бассейне больших рек Волги и Дона. Как ни много проходило народов по этим местам, но здесь все же всегда было громадное торговое движение и его-то захватили в свои руки жидаы. Хазары подчинили себе многие племена русских славян. Кроме отношений подчинения, у славян с хазарами велись громадные торговые сношения, что подтверждается многочисленными раскопками (клады), а также свидетельствами мусульманских писателей.

Трудно думать, чтобы во всех этих переворотах и сношениях славяне не выработали известных форм государственности, не селились в общины. Греческие писатели этого времени ничего не знают о событиях внутренней жизни славянских племен, поэтому пря-

мых исторических свидетельств нет, а могут быть только косвенные данные филологии и археологии. Названные науки могут дать всего более для изучения этого времени и опровергнуть дутые немецкие теории о расселении славян. Начало таким исследованиям положено уже Забелиным, Иловайским, Самоквасовым и др.

Если взглянем на первую карту атласа Замысловского, нас поразит страшное пространство, занимаемое славянскими племенами. Всех славян обыкновенно делят на сев.-восточных и юго-западных, по направлению Карпатских гор и по различию наречий. Резкое деление славян произвели румыны и мадьяры (X в.), которые, как клин, врезались в среду славянских племен и разобщили южных славян с их северными и восточными братьями. Это разобщение повлияло на развитие особенностей в языке, обычаях, нравах отдельных славянских племен, но за всем этим всякому исследователю бросается в глаза поражающее единство культурных форм жизни, которое свидетельствует о поражающей этнографической силе и жизненности славян.

* * *

Представим себе пространство между Лабой (Эльбой) и Вислой. Посреди этого пространства течет Одра. На этом пространстве мы увидим следующее. Славянские племена, ближе других соприкасавшиеся с иноземцами, удержали за собой родовое название — «словени», т.е. люди, которых можно понять, в противоположность иноземцам, которые для славян были немцами, т.е. немymi, говорящими непонятным языком.

Таким образом, мы перечислили группы славян западных и южных. Теперь перейдем к восточным группам.

На востоке жили следующие племена: угличи и тиверцы между Днепром, Днестром и до Дуная; выше их были поляне, а западнее — воляныне; севернее — древляне при Припяти; за Припятью — дреговичи, а далее большое племя Кривичей по Зап. Двине и в верховьях Днепра. На восточной стороне Днепра жили северяне⁸ до Чернигова. На востоке от них жили вятичи, а на западе — радимичи, а на самом севере в пределах финских жили славяне.

Из всех этих племен два племени исполняли как бы особую историческую миссию – умиротворяли крайности других племен. Это: 1) словаки, служившие промежуточной группой между западными и восточными славянами, будучи по бытовому укладу к чехо-моровам ближе, а по языку к восточным своим соседям – угорским русским⁹. Они же выносят на своих плечах вековую борьбу за славянство с захватившими их мадьярами; 2) белорусское племя – самое мягкое и выносливое, терпевшее разные невзгоды и разгораживавшее собою более резкие по характеру и стремительные племена (подчеркнуто. – В.Ч.).

Таково в общих чертах положение славянских племен до возникновения у них государств.

* * *

Прежде чем заняться историей образования нашего государства, нужно посмотреть на внутренний быт русских славян, чтобы выяснить, какие загадки существовали в нем для будущей государственной жизни и сколько было между ними внутреннего единства. При обозрении внутреннего быта нужно иметь в виду всех славян, хотя бы говорили мы и об одном племени. Эта мысль о необходимости при обозрении внутреннего быта русских славян обращать внимание и на быт других славянских племен была высказана в первый раз Ломоносовым, который заметил по частному вопросу о мифологии, что невозможно изучать русскую мифологию без знакомства с мифологией других славянских племен. Мысль эту устраняли немцы: Шлёцер и Байэр, но напрасно – и теперь всеми признана справедливость этого требования.

Главнейшие сочинения по этому предмету: Добровского «Грамматические исследования» и его же труд «Кирилл и Мефодий»; Шафарика – «Славянские древности»; Гильфердинга – кроме «Истории балтийских славян», еще – «Исследование о древней истории болгар и сербов»; Забелина – «История русской жизни», где есть много сведений и о славянских древностях вообще; Никитского – «Очерки внутренней истории Пскова»; Макушева – «Задунайские и адриатические славяне», «Сказания о быте и нравах славян»; Хлебникова – «Русское государство и общество в домонгольский период»; Леонтовича – «Задружно-общинный быт славян»; Самоквасо-

ва – 1 и 2 вып. «Истории русского права» и Бестужева-Рюмина «Русская история».

При изучении внутреннего быта русских славян весьма важно также знать как первоисточники, так и сочинения, где можно находить сведения о них. Первоисточниками истории славян до образования у них государства служат, кроме русских летописей, греческие, западноевропейские и арабские писатели. Указания на них можно находить у Бестужева-Рюмина в его «Русской истории» под рубрикой «Иностранные писатели» и в «Истории русского самосознания» проф. М.О. Кояловича.

Более древние писатели перечислены у Забелина, а сами тексты их, напр., византийских писателей изданы в прошлом столетии Штритером на латинском и русском языках. Но так как в этом издании есть некоторые пропуски, напр., пропущено свидетельство Прокопия, то необходимо обращаться к другим изданиям, именно: писатели IV и V в. переведены и изданы Дестунисом, а памятники от VI в. и до X перечислены у Макушева.

Что касается арабских писателей, то тексты их изданы Гаркави. Наконец, в издании Белевского «*Monumenta historiae polonicae*» также есть много отрывков, взятых из греческих и западноевропейских писателей, имеющих отношение к истории русских славян.

При исследовании вопроса о внутреннем быте славян нужно прежде всего коснуться вопроса об оседлой жизни славян, затем рассмотреть, какова была семейная жизнь их, затем, как группировались семьи, какое значение имело у славян так называемое родовое начало и т.д. С этими вопросами, естественно, связываются и другие некоторые вопросы, напр.: о земледелии, о городах, о военном деле и, наконец, весьма важный вопрос о мифологии славян.

Мы знаем, что уже Геродот свидетельствует о некоторых племенах, которые жили около Днепра и в которых, с большою вероятностью, можно усматривать славян, что они жили оседло и занимались земледелием. Но, кроме того, мы имеем и положительные свидетельства об этой оседлости славян, а именно: свидетельства Прокопия, Иорнанда, Маврикия – писателя VI в. и Гельмольда – писателя XII в. Прокопий говорит, что славяне живут в дрянных избах, разбросанных на большом расстоянии. Очевидно, что речь идет о земледельческих племенах. По свидетельству Маврикия, славяне жили в местах, у рек, болот и озер и вообще в местах неприступных.

Можно думать, что Маврикий говорит о кочевых славянах, но он свидетельствует также и о том, что у славян были особые укрепленные места. Впрочем, как бы кто ни понимал свидетельства Прокопия и Маврикия, об оседлости славян ясно говорит Гельмольд. По словам этого писателя, славяне не заботятся об устройстве хороших изб, а плетут их из хвороста... Едва раздастся клик военной тревоги, славяне берут хлеб, закапывают его вместе с золотом, серебром и др. драгоценностями в яму, берут жен и детей в надежное убежище, а на месте их поселения остаются одни избы, которыми они несколько не дорожат... Отсюда видно совсем не то, что из показаний Прокопия и Маврикия, ибо славяне представляются имеющими золото, серебро и драгоценности, хотя и живут в дурных избах.

Нужно сознаться, что как по вышеуказанным свидетельствам, так и по некоторым другим домашний быт древних славян представляется во многих отношениях слишком грубым и неприятным. Прокопий, например, говорит, что славяне едят, что попадется; наш летописец Нестор также говорит, что славяне живут в лесах и едят все нечистое. Но эти все писатели говорят так о славянах не потому, что и в самом деле домашний быт славян был так грязен, а более потому, что каждый из них смотрел на этот быт со своей точки зрения и судил о нем поэтому так или иначе: Маврикий – как император, Прокопий – как образованный грек и Гельмольд – как писатель и проповедник, естественно, находили жизнь славян грубою и непрочною; Нестор – как человек религиозного настроения находил языческую жизнь славян подобной жизни зверей.

Скудные сведения об оседлости славян и их домашнем быте дополняются свидетельствами о других проявлениях их жизни, напр., о жизни семейной. Но и с этими свидетельствами нужно обращаться внимательно и осторожно, так как и здесь есть много неприятных сведений о славянах. Вот как говорит о семейной их жизни Нестор: «Имяху обычаи свои и закон отец своих и преданья, кождо свой и нрав. Поляне бо своих отец обычай имуть, кроток и тих; и стыдение к снохам своим, и к сестрам, к матерям и родителем своим, к свекровям и ко деверям великое стыдение имети: брачныя обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяти вечер, а завтра приношати по ней, что в дабыче. И древляне живуще зверинским образом, живуще скотски: убиваху друг друга, ядяти все нечисто, и брака у них не бывавше, но умыкаваху у воды девицу. И радимичи, и вятичи

и север один обычай имяти; живяху в лесе, ако же всякий зверь, ядуще все нечисто, срамословны их пред отцы и пред снохами; браци не бываху в них, но игриша межю селы. Схожахуся на игрища, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещавашеся; имяху же по две и по три жены». В этом отрывке, по-видимому, представляется печальная картина семейной жизни славян, но в этой картине сейчас же выделяются и светлые стороны. Летописец особенно хвалит полян за их мирную жизнь и скромные нравы; при заключении брака у них не было похищения невесты, напротив, родственники невесты, поусловившись наперед с родственниками жениха, приводили затем к жениху невесту и давали ему следовавшее по условию приданое. Летописец еще неприятно отзываясь о жизни древлян и замечает, в частности, что у них практиковалось прямое насильственное похищение невест. Наконец, у радимичей, вятичей и северян хотя и было похищение, но оно производилось не насильственно, а после предварительного соглашения между женихом и невестою. Таким образом, мы имеем три вида заключения браков у древних славян: брак с согласия родственников жениха и невесты, похищение насильственное и похищение после предварительного соглашения между женихом и невестою. Было у славян и многоженство. Нестор говорит, что у радимичей, вятичей и северян был обычай иметь по две и по три жены. Это подтверждается и свидетельствами некоторых иностранцев. Но, с другой стороны, те же иноземцы хвалят и целомудренность славянских женщин, и преданность их своим мужьям. Маврикий, например, говорит, что они выше всего ценят блага семейного очага и утешаются в потере мужей добровольным убиением себя. Само собой разумеется, что не убивали себя жены, у которых были дети. Такие женщины получали полную равноправность с мужчинами и назывались «матерыми вдовами». По «Русской правде», они имели право жить при своих детях и иметь свое собственное имущество и хозяйство; между прочим, из этого права впоследствии выродилось право женщин выходить на поединок. Иностранцы хвалят такое высокое уважение славян к родителям и вообще к старшим. Мы имеем разные из внутреннего и внешнего быта доказательства, что старшие имели громадное значение в роде: они были первые советники и руководители всем родом. Их души, после смерти их, или так называемые домовые, были почитаемы божескими почестями. Главою семейства был отец. По смерти место его зани-

мал брат или старший сын, который и решал все недоразумения между семейными. Делиться славяне не любили. Есть некоторые свидетельства об этом обычае славян. Из них прежние историки обыкновенно указывали на так называемый «любущин суд», в котором говорится, что славянам не надо жить по-немецки, т.е. разобщенно, но по-славянски, т.е. сообща. Правда, в настоящее время уже доказана подложность этого памятника, так что пользоваться им нужно осторожно; тем не менее остается вне всякого сомнения то, что древние славяне чуждались западноевропейского обычая делиться и жили вместе большими семьями и родами.

* * *

«Полянам же, живущим особо и владеющим роды своими, яже и до сея братья бяху поляне, и живяху кождо с родом своим на своих местах; первый князь, Кий сядяше на горе, где ныне Зборичев, и бе с родом своим». Описывая состояние славян до призвания Рюрика, летописец говорит: «И вела род на род». По этой характеристике, по мнению Эверса, русские славяне до времени образования государства Рюриком жили отдельными семьями-родами под управлением естественных глав семейств или старших родственников. Теорию Эверса развил Соловьев. Он представляет дело так, что в эпоху призвания варягов славяне стояли на степени родового быта, представлявшего собою отдельные роды – общества родственников, связанных началом родства, под властью (патриархальною) старшего родственника. Начало родства определяло собою характер всех общественных учреждений: князь близкий старший родственник – родоначальник, вече – собрание родоначальников, а город – огороженное жилище. Полное развитие родового начала Соловьев видит в отношениях князей Рюрикова дома; переход же народа от родовой к высшим бытовым формам, по нему, совершился при образовании Суздальского и Московского государств. Проф. Никитский («Очерки внутренней истории Пскова»), проводя родовое начало, указывает, что к составу рода могли присоединиться лица, не связанные кровными узами с его главой, отсюда – «род фиктивный». Хлебников («Общество и государство в домонгольский период русской истории») выясняет родовой быт русских славян аналогиями из жизни не только европейских народов, но и азиатских, и даже, главным образом, диких и

кочевых. Так и должно быть: родовые формы быта свойственны пастушеским, или кочевым народам.

Против этого направления в вопросе о быте славян, собственно, против Соловьева восстали славянофилы. Они предполагают в истории славяно-русского быта три ступени: быт родовой, общинный и государственный. В эпоху призвания варягов наши предки стояли на второй ступени, составляя общины, т.е. общества лиц и семейств, связанных началом общего владения землей, под властью выборного начальника. При посредстве договора, основанного на начале общего владения землею, община могла пополняться всякими лицами, родственниками и не родственниками. В эпоху господства общинного быта князь был выборным начальником общины, а вече было общим собранием членов общины. Беляев еще делает уступки предыдущей теории, допуская, что славяне в эти призвания князей были на разных степенях культуры и некоторые племена их могли еще жить в родовом быте; тогда как поляне и кривичи жили, несомненно, общиной, связанной с землей, древляне стояли ниже и менее были связаны с землей. Но другие славянофилы (К. Аксаков, Лешков) решительно отвергли эту теорию. История знает славян только оседлым народом, земледельческим. По летописи, древляне жили, правда, в лесах, но имели и нивы (следовательно, были земледельцами) и города (следовательно, крепкую оседлость), а северяне, которых летописец представляет вместе с вятичами и радимичами, — самыми дикими из славян, говоря, что они «живяху вместе, яко же всякий зверь, платили однако дань с «рала».

В объяснении быта славян не остановились, однако, на общине все исследователи. Возникла задружная теория (Леонтович, Бестужев-Рюмин и др). В дорюриковскую эпоху славяне вышли из состояния естественного рода и жили в задружно-общинном быту. Задруга представляла собой союз семейств, связанных частью началом родства, частью началом владения общим имуществом и сожителем на общей земле под властью выборного старшины. В эпоху господства задружно-общинного быта князь был выборный старейшина общины, состоявшей из задруг, составлявших общину.

Что касается глав рода, общины или задруги, то они носили разные названия. У южных славян преобладающим названием было жупан, у восточных и западных — князь. Не у всех славян княжеская власть была выработана одинаково: некоторые по условиям истории

ческим выработали ее ранее и полнее. У балтийских славян мы знаем целый ряд князей. Более значительные из них – Драговит у бодричей (представляется первенствующим между другими князьями); Люб – у лютичей; у них же – и Милегаст. У наших славян немало упоминается князей-старейшин: Гостомысл – в Новгороде, у древлян были князья (выражение древлянских послов: «князи наши»); в договоре Олега с греками упоминаются подручные князья.

* * *

Жизнь общественная выражалась исстари в вече: «Новгородцы бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, а Полочане и вся власти, якоже на думу, на вече сходятся; на что же старейшие сдумают, на том же и пригороды станут» (Лаврент. лет., стр. 160). Летописец представляет, что везде такой порядок, что в городах сходились на вече и постановленное в главных пунктах получало законную силу и во второстепенных. Веча существовали во всех городах, в старейших городах земель и волостей, в отдельных городских общинах. Но власть каждого вече распространялась только на территорию, ему принадлежащую. Поэтому, так как власть старейшего города земли простиралась на всю землю известного племени, то и вече его имело значение для всей этой земли; было племенным вечем; так, например, в Новгороде, Ростове и в др. Или же племенное вече составлялось из соединения в главном городе с его вечем вече пригородов. На вече требовалось единогласие. По понятиям некоторых историков, это требование есть признак неразвитой культуры древних славян. На самом деле: если на вечех решались дела нравственного характера, то разногласия не могло быть. Разногласие возможно и даже нужно в вопросах формального характера. Дела, решавшиеся на вечех древних славян, не требовали никаких технических сведений, а требовали только развитого нравственного чувства. Историк не должен смущаться тем, что когда на вечех добивались единогласия, были некоторые шероховатости: драки и проч. В позднейшей истории Новгорода мы видим массу примеров бурных веч. Вот как описывает Дитмар вече у лютичей: «Рассуждая о делах, они решают единогласным и единодушным советом, когда все согласятся. Если кто из участников противоречит общему решению, то на первый раз против него употребляют палки (fastes), а если

еще будет противиться, то он или от поджога лишится всего имущества, или платит деньги».

Замечательно, что польское племя, представляющее чудовищное искажение славянских начал, сохранило, однако, некоторые из этих начал; в нем с упорством сохранялся сейм, на котором требовалось единогласие. Отсюда польское – «*liberum veto*» – право каждого не соглашаться с сеймовым постановлением. Если же хоть один не соглашался, то и все сеймовое решение пропадало.

Единодушие, однако, не было уделом славян; напротив, среди них царствовало разьединение. Маврикий пишет: «Племена славянские не имеют общего начальника, почему нелегко заключать с ними договора: что решают одни, на то не соглашаются другие, враждуя между собой. У них много начальников, а потому во время войны выгодно и легко разьединить их». Массуди также свидетельствует о множестве распрей между славянами. А Альбекри прямо выражается, что только разьединение и междоусобия сдерживают славян, а если бы соединились, то легко победили бы весь мир. Иногда, впрочем, объединялись целые группы и тогда составлялись союзы. Союзы были развиты у балтийских славян; так, около бодричей группировались вагры, гриняне и др.; вокруг лютичей – тоже несколько племен раторянов. Были союзы славян, живших по Эльбе; затем – союзы даже поморян. Самые бодричи и лютичи постоянно враждовавшие между собой, соединились, затем, для общего противодействия Карлу Великому. И у нас также до призвания князей были союзы. Таковы, например, волынский союз, союз новгородцев, кривичей с участием даже финских племен; союз областей древлянских, образовавшийся для сопротивления Игорю и Ольге; летописец, рассказывая о походе Олега под Византию, дает основания заключать о сосуществовании союза и у славян.

* * *

По данному вопросу существует громадная литература. Историки расходятся в решении его, смотря по тому, какой момент русской жизни они берут для построения своей теории – первоначальное ли поселение славян в чужой земле, или постепенную мирную колонизацию. Забелин (в 1-м т. «Истор. рус. жизни») берет последний момент. Он говорит, что города возникали путем договорных соединений для торговых и военных целей, судебных и администра-

тивных. Иловайский в своей «Истории» решает вопрос иначе. Он говорит, что дружины выделялись из народа под начальством князей и жили в укрепленных местах-городах, где окрестное население на случай опасности находило себе защиту. Ключевский полагает возможным указать даже происхождение важнейших наших городов: когда авары разгромили славян и поселились между ними, то славяне в качестве прикрытия начали устраивать города, которые приобретали в то же время и особенно при хазарах и торговое значение. Когда затем хазарское царство стало разрушаться от напора печенегов и сами славяне подвергаться набегам последних при близком соседстве, то у славян стали организовываться военные дружины, которые в качестве опорных пунктов нуждались в городах: опять возникло много городов с военным значением. Ходаковский, основываясь на мнении Шлёцера, что в России до пол. IX в. не было ни одного города, собственно ими называемого, все существующие древние городища и остатки городов признал местами языческого богослужения древних славян, священными насыпями; мнение это принимали и Шафарик, и Погодин, но в настоящее время оно оставлено. Фактические данные представляют дело так: несомненно, города, например у угличей и тиверцев, имели военное значение; их было много и развалины их сохранялись до времени Нестора; само положение их указывает на военное назначение: тут, как известно, проходили во время великого переселения гунны, авары и др. Особенно много городов было на севере и востоке России. Вся страна была как бы усыпана городами. Исландские саги говорят о ней как о стране городов. Важные города были на торговом пути, потому что места остановки товаров требовали достаточного укрепления. Таковыми городами у болгар были Преслава, куда во времена Святослава сходились богатства из разных стран; Киев, который, по словам Нестора, стоял выше городов окружавших его племен. Новгород, главным образом, в силу торгового значения сделался центром окрестных славянских земель и подчинил себе чудские; подобное же значение имели Смоленск на Днепровском пути и Полоцк на Двинском пути. Такие города, как Киев, Переславль, Любеч, имели как торговое, так и военное значение, существуя с давнего времени, уже для Константина Багрянородного будучи древними. По Ключевскому, они находились даже вне племенных групп.

У западных славян города имели военное, торговое, религиозное значение. У бодричей был Старгород¹⁰, у лютичей – Радегост (или Ретра), у поморян – Щетин, Колобрег (Кольберг), Гданьск; на месте Берлина был славянский Перевоз.

Природа наделила славян богатыми качествами. Арабский писатель Фоцлан (III в.) так описывает древних славян: «Никогда я не видал таких рослых людей: они высоки, как пальмы, и весьма румяны, так что на востоке всех румяных называли «саклавами», т.е. славянами».

Древние славяне выступали на войне как европейцы, а не азиаты; выступали для защиты, а не для нападения. Еще Тацит заметил эту особенность и на основании ее причислял славян к германцам, а не к сарматам. В войне всегда славяне изыскивали наилучшие способы для защиты. Защита была основной целью славян. Греческие писатели Прокопий и Маврикий представляют и виды этой защиты. По их указанию, славяне пользовались для защиты природными условиями – ущельями гор, реками, лесами. Маврикий указывает еще на ту особенность, что славяне вели не наступательные, а только оборонительные войны, и когда нельзя было укрыться на земле, прятались в воду и держали в зубах тростники; а в случае опасности неожиданного нападения на открытом месте огораживались телегами и под ними скрывали свои семейства. Отсюда выработалась казачья защита, сохранившаяся до самого позднего времени. От арабских писателей мы имеем свидетельства другого рода, подтверждаемые археологическими изысканиями. Многочисленные города и городища показывают, что защита была развита в сильной степени и главное – была правильно организована. Кроме того, что существование таких городов указывает на существование необходимой для их защиты дружины, топография некоторых из них дает понять, какими глубокими соображениями руководились славяне при устройстве важнейших оборонительных пунктов. Таково, например, положение Пскова, защищенного со стороны Балтийского моря озером; Новгорода при впадении Волхова в оз. Ильмень, дававшее возможность жителям укрыться на нем в случае нападений; Смоленска на левом берегу Днепра и при болотах, преграждавших к нему доступ северным племенам; Киева на правом берегу Днепра, прикрывавшего его, таким образом, от насельников обширного степного поля. У балтийских славян, мы знаем, были неприступные города:

Анкона на о. Рюгай, Щетин между морем и озером и др. Это показывает, что дело защиты было широко развито у славян. Воинственность их, по свидетельству Прокопия и др. писателей, развивалась в борьбе с гуннами и, в особенности, при нападениях с аvaraми на Византийскую империю, а потом в разгроме самих аваров. Участие в этих нападениях хорошо организованных германских ополчений имело большое влияние на развитие у славян и военного дела. Славя

В я н - ские племена по образцу западных дружин устраивали у себя группы и развивали искусственный строй для нападений. Но до какой степени западные писатели искажают факты, видно из того, что, по их мнению (то же говорит и Грот в своем сочинении «Моравия и Мадьяры»), славяне, двигаясь с аvaraми, смешались с ними и исчезли, а германские дружины сохранились. Несостоятельность вышесказанного мнения делается очевидною, если сличить его с известиями о движении славян и о победе их над аvaraми. Кроме того, мы имеем несомненные данные для утверждения, что задолго до образования государства существовали у славян целые военные дружины, вызванные торговыми их интересами: необходимостью сопровождать и защищать от разграбления кочевниками караваны. Эта военная охрана сосредотачивалась во всех важнейших торговых пунктах. По свидетельству Константина Багрянородного, славяне вели торговлю водным путем: строили плоты и на них плыли до днепровских порогов, где им приходилось вооруженною рукою пролагать себе путь среди печенегов, и потом свободно направлялись по Днепру и Черному морю к берегам Византии. Понятно, что при широком развитии торговли и необходимости защищать ее явилось много охотников вступить в предназначенные для охраны караванов отряды.

В войнах, которые славяне должны были вести, выработались те жестокие черты характера у славян, особенно балтийских, на которые неоднократно указывают различные писатели. Так, по свидетельству Льва Диакона, славяне на кол сажали пленных. Маврикий говорит, что они намазывали стрелы ядом. Еще большие жестокости и страсть забирать пленных обнаруживались у западных славян при столкновениях с западными народами. По свидетельству Гельмольда, славяне вытягивали у пленных кишки, пригвождали к кресту, сажали до выкупа в ямы. Целые рынки, по словам того же писателя, были наполнены пленными; в Мекленбурге, например, однажды

было выставлено на продажу до 100 датчан. Святослав говорил, что ему нравится Переяславец и потому, что он служит центром обширной торговли рабами.

Таким образом, благодаря войнам в славянском характере образовались две непривлекательные черты: жестокость и торговля пленными, черты, противоречившие их известному гостеприимству и любви к свободе. Правда, пленники, прослужив несколько лет, получали свободу и могли возвратиться на родину, но множество их повело к развитию зла рабства, с которым потом пришлось считаться.

Что касается вооружения, то археологические раскопки дают много данных для определения его рода. Обычным вооружением славян были стрелы, обоюдоострые мечи, которые, как вещи дорогие, редко клялись с мертвыми. Шлемов и лат, по свидетельству Маврикия и Прокопия, у них не было, и они для большего удобства вступали в бой без одежд. Новгородцы, например, объявили (перед Липецкой битвой) Мстиславу Удалому, что они не хотят сражаться на конях, оставив их и сняв сапоги, начинали битву. Из раскопок мы узнаем, что славяне употребляли щит из кожи, шлем, латы; а при таком тяжелом вооружении требовалась и конница. И, действительно, мы видим, что во времена князей конница была чрезвычайно великою силою. Греки говорят, что славяне завели у себя конницу по их примеру, но на деле еще ранее греков пример этот был дан им кочевниками. Имея издавна дело с последними, и во всяком случае прежде столкновения с греками, познакомившись с гуннами и аварами, славяне от них и могли перенять конницу. Простые воины редко были в латах, не было у них даже стрел; выходили с секирами и даже ножами.

Торговля редко велась сухим путем: главные пути были водные, разумеется, с необходимыми волоками. Торговлею преимущественно занимались летом, а военными делами – зимой. Уже один взгляд на карту показывает, что торговое движение у славян, а вместе с ним и взаимное общение было большое. Недаром Беляев, вдумчивый писатель, считал кривичей более развитыми сравнительно с другими. В их области завязываются узлы водных сообщений. Собственно для русских славян имел значение так называемый «греческий» путь, т.е. ведущий от Византии и Черного моря на север. Если идти от Черного моря – начало одно – по Днепру, на противополож-

ном же конце путь распадался на много частей. Из Балтийского моря на Днепр можно было попасть: или 1) по Неве через Ладожское оз., Волхов, оз. Ильмень, по Ловати, волок на Двине, по маленьким речкам (Каспле и др.) и волоком до Днепра; или 2) из Финского залива по р. Луге (все волоки этого пути равны 30 верстам), в оз. Ильмень и далее; 3) через Чудское озеро, попадая в него из Балтийского моря или по Нарве, по р. Пернаве и Эмбаху, а из него продолжая путь по Великой с волоком на Двину и затем на Днепр; 4) в древние времена, кажется, мало, а впоследствии часто славяне, попав на Двину Зап., по ней и продолжали путь до моря; 5) с Днепра – по Березине волоком путь на Неман или Вилию; 6) по Припяти с ее притоками на Вислу и Зап. Буг. Для южных русских славян, как углич и тиверцы, под руками был весьма удобный путь по Юж. Бугу или Днестру на притоки Вислы и далее.

Затем важен был путь Волжский. Как с верховьев Днепра, так и с Новгородской области – по Мете, Тверце, Мологе и др.; по Волге славяне доходили до Хвалынского моря. Затем по различным рекам, при посредстве нескольких волоков, легко было установить сообщение как с Волги, так и с Новгородской области – с Белоозером, Сев. Двиною и Белым морем. Сплетение верховьев больших, чрезвычайно удобное для сообщений, обращало на себя внимание уже в древности. И в летописи мы находим описание топографии этой местности; летописец указывает лесистую возвышенность, или «Оковский лес» (в нын. Смоленской губ.). Отсюда берут начало: Днепр, направляющийся на юг в Понт, Волга – на восток и «втечет семьдесят жерел в море Хваливское», Двина на северо-восток и «впадет в море Варяжское». «Тем же из Руси может ити в Хвалиси (по Волге) и болгары, на востоке дойти в жребий Симов; а по Двине – в варяги; из варяг – до Рима; от Рима – до племени Хамова. А Днепр втечет в Понхельское море тремя жерелы, еже море словеть Русское» (Лаврент. лет., стр. 3).

Сообщения по греческому пути много терпели от печенегов и половцев; приходилось или воевать с ними, или вознаграждать себя усиленными сношениями по другим путям.

По Волге славяне встречались с болгарами (Хазарское царство), доходили до Каспийского моря и, по свидетельству арабских писателей (Макушева, Гаркави «Сказания мусульманских писателей о руссах»), до Багдада. Происходило сообщение и по Балтийскому

морю. К X-XI вв. у новгородцев были большие торговые сношения с варягами по Финскому заливу и Балтийскому морю. Но необходимо предполагать, что эти сношения были и гораздо раньше. При этом русские славяне доходили до Гданьска, Колобrega, Щетина и особенно Волина; о. Боригольм также часто посещался. На пути из Новгорода к балтийским славянам указывают остатки старых сношений. Промежуточной станцией здесь был о-в Готландр с г. Висби: и вот там есть река Волжица, название которой, очевидно, перенесено с нашей Волги. Эти местности отняты у славян немцами.

Предметами торговли, так сказать отпускной, являлись меха, хлеб, медь и воск. С балтийскими славянами вели торг янтарем; от чехов шло серебро и копи; от хорватов и вообще южан получался рогатый скот; с греками торговали дорогими тканями, золотом и вином. Указания на это находим у Святослава в его рассказах о Переяславце. На восток вывозили меха, особенно черно-бурых лисиц, получая оттуда драгоценные камни, пряности и др. Как велика была торговля, об этом можно судить покладам. Случалось находить довольно значительные суммы, зарытые в одном горшке и, следовательно, принадлежавшие одному лицу: около Великих Лук был найден клад на сумму 7 тыс. рублей. Особенно важны здесь арабские монеты: на востоке существовал обычай перебивать монету при каждом новом владельце, следовательно, монеты ходят только при том, при котором биты. Поэтому можно определить и древность торговых сношений арабов с русскими славянами. В VII в. такие сношения, несомненно, существовали.

Интересна торговля русских с инородцами дальнего севера. Она производилась из новгородских стран, напр., с югрой.

Личного или устного объяснения между торговцами не было по незнанию языка. Дело производилось так: одни клали свой товар на одну сторону, другие – на другую, убавляли, добавляли, пока не устанавливалось обоюдное согласие.

Главными промыслами наших предков было земледелие; скотоводство было подспорьем, дополнением земледельческого промысла, а не специальным, каким оно является у кочевников; пчеловодство.

Ремесла были у славян такие, которые удовлетворяли первым потребностям домашнего быта; так, мы знаем плотников, гончаров, кожевников.

Все эти данные о жизни домашней, общественной и военной могут давать заключение о сильном развитии у славян гражданственности. По этому вопросу наши писатели разделяются на два разряда: одни, примыкающие к Шлёцеру, отодвигают начало гражданственности к поздним временам, утверждая, что в эпоху призвания князей славяне стояли на низкой степени развития, живя в родовом быте, близком к быту диких и кочевых народов. С этим не соглашаются славянофилы. Они стоят за то, что славяне с давнего времени стояли на степени общинного быта, что уже само собой свидетельствует о гражданственности довольно высокой (Беляев. «Рассказы по русской истории»).

Проф. Ключевский, держась мнения о раннем развитии гражданственности у славян, находит возможным дать определенные указания относительно начала ее. Арабский писатель Массуди (40-е годы X в.) сообщает, что за несколько веков до сего времени в странах прикарпатских существовал союз славянских племен под главенством волинян (валинан, дулебов или бужан). В VI в. этот союз был разрушен аварами. Это вызвало движение славян из прикарпатских стран на восток, на берега Днепра. Писатели VI в. застают славян придунайских в самом напряженном движении, как бы на походе: Прокопий пишет, что славяне живут в плохих разбросанных хижинах и часто переселяются, а Иорнанд прибавляет несколько фигурально, что у славян, простирающихся до Днестра и Вислы, болота и леса служат вместо городов. Природа страны и ход цивилизации создавали привычку селиться «починком на лесе», «жить однодворкой», как говорили в XVI в. Многочисленные городища, рассеянные по Руси, с признаками еще языч. времени — следы этих однодворных поселков. По размерам городище обыкновенно не более того пространства, которое нужно для крестьянского двора. По летописному преданию, сам Киев возник из трех дворов, поставленных братьями Кием, Щеком и Хоривом. Свойство страны и промысла вынуждало колонистов к такому порядку расселения: каждый ставил двор ближе к тому месту, которое он приспособлял для пашни или ловли зверя, а это делало необходимой разбросанность дворов среди болот и лесов. Это же повело за собой распадение родового быта, так как топографическое удаление членов рода затрудняло практику родового общежития. Рядом с процессом разрушения родового быта шло созидание того общественного быта восточ. сла-

вян, который рисуется в наших летописях. Новые формы выработались на новых местах под благоприятным влиянием. С конца VII в. на пространстве между Волгой и Днестром утвердили свою власть новые пришельцы, явившиеся по следам аваров, хазары, которые и брали дань с полян, северян, радимичей и вятичей, а по летописям Переяславльско-Суздальским, и с древлян. Но хазары не были хищной, завоевательной ордой вроде своих предшественников и преемников в южных степях. Хазарская столица на Волге стала узлом живых и разносторонних торговых отношений с далеким Востоком, Византией и даже Балтийским побережьем. Эти обстоятельства оказали решительное влияние на быт славянского Приднепровья. Пользуясь выгодами мирной жизни, население побуждалось на усиленную промышленную эксплуатацию занятой страны. Благодаря этому население, с одной стороны, привольно разбрасывалось по свободным местам, а с другой – сосредотачивалось на известных пунктах торговых путей. Так создалась, с одной стороны, сельская земельная община, с другой – русский промышленный город.

Формами общежития в сельской обстановке были: вервь – мелкий земельно-административно-податной округ; погост – первоначально сборный пункт для обмена и торговли (гостить-торговать), но, вероятно, уже в хазарское время он получил и административное значение: хазарская дань предполагала известную администрацию сбора, какие-нибудь податные округа. Некоторые погосты, образовавшиеся на главных речных путях, пользуясь выгодами своего положения, при содействии хазарских отношений выросли в более значительные торговые пункты. К торговому движению в хазарское время следует приурочить возникновение городов. А торговое движение было весьма сильное, судя по обилию восточных монет VIII и IX вв. в многочисленных кладах, рассеянных по Юж. Руси. Одинаковое с другими начало имел и Киев, ставший потом главным промышленно-торговым пунктом. С разрушением же хазарского царства, закрывавшего славян от восточных кочевников, славянским городам пришлось самим озаботиться защитой, и тогда города приобрели военное значение – в них появилась дружина.

Итак, Ключевский приурочивает начало гражданственности славянорусов к эпохе поселения их в Приднепровье. Но он же сам указывает на факты, заставляющие не соглашаться с этим и отнести начало гражданственности к более раннему времени. Начало

это нужно видеть в распадении родового быта и в переходе к высшим формам общественного устройства. Но трудно признать, чтобы славяне, возвысившись еще до появления аваров до создания государства по типу федераций – очень сложному, хотя и с решительным главенством одного племени, все еще продолжали оставаться в родовом быту. Вместе с тем, отнеся ко времени расселения славян после нашествия аваров появление городов в Приднепровье, он оставляет без объяснения тот факт, что угличей и тиверцов, и именно, по Бугу, Днестру и берегам Черного моря – существовали многочисленные города, остатки которых сохранились до времен Нестора. Еще до нашествия авар существовали эти города и, следовательно, до того движения в славянском мире, к которому относит Ключевский зачаток славянской гражданственности. Следует думать, что именно авары стерли города угличей и тиверцев с лица земли, и непосредственно подвергая их разгрому, и посредством уничтожая те торговые сношения, которые вызвали эти города к жизни.

В качестве показателя высокой степени гражданственности русских славян в эпоху до призвания князей справедливо указывают на существование (Забелин) так называемых внеплеменных городов. Так, например, Смоленск находится собственно не в области какого-либо племени, а на границе между кривичами и северянами. Новгород – город племени, удержавшего родовое наименование «словени», окружен кривичами и чудью. К Киеву, городу полян, примыкают также северяне, древляне, дреговичи. Значит, при самой постройке городов имелись в виду интересы не столько племенные, т.е. чтобы город служил центром своего племени, сколько междуплеменные, город являлся посредником между несколькими племенами. Следовательно, уже в то отдаленное время у славян было сильно стремление к взаимному общению и объединению, стремление, свойственное народам культурным.

И.Е. Забелин («История русской жизни») также считает славянскую цивилизацию весьма древней. Между прочим, не будучи специалистом-филологом, он на основании филологических данных отвергает мнение немецких ученых, принимаемое и некоторыми из русских (напр., Гротом), что Восточная Европа в эпоху переселения народов была населена германцами, о славянах в ней не было и помину. Так, на западном склоне Карпат в VI-VII вв. находят все гер-

манцев, герулов, бастарнов, певкин и тому подобных. Забелин говорит, что все это были славяне: и до настоящего времени на Карпатах существуют горарии (горные жители), известные в латинских памятниках под именем монтане, бастарны, по его словам, быстриане, получившие свое название от р. Быстрицы, а певкины (певки – сосны) – древляне. Он делит славян на понтийских и бывших балтийских; признает, что общинный быт развился у тех и других с давнего времени, причем центром гражданственности славян русских он считает Киев, о котором под именем «Куявы» много говорят старые арабские известия, представляя его именно во главе славянских стран. Указание это согласуется и с летописцем, который говорит, что Кий был «перевозчик», т.е. посредник в торговом движении через Днепр; а это вместе с существованием постоянного перевоза, очевидно, свидетельствует о развитии кипучей деятельности у славян и о развитии у них культуры, которую можно довести по летописцу до I века.

Одним из проявлений культурности русских славян в данный период является полюдь. Константин Багрянцовский (писатель X в., пользовавшийся известиями более раннего времени) пишет, что «когда наступит ноябрь месяц, князь Руссов, оставив Киев, отправляются на полюдь в славянские земли вервян (древлян), кривичей, сервов (северян) и др. Проведши там зиму, когда вскрыется Днепр, возвращаются в Киев». Во время полюдя князь собирали дань и повинности с народа, производили суд и расправу. В то же время этим пользовались торговые люди, закупали и развозили по местам, где нужно было пользоваться зимним путем, товары, собирая их в те пункты, откуда по весне можно было отправляться водным путем. Относя существование полюдий к эпохе далеко ранее X в., мы получаем картину общежития, несомненно, культурного народа, потому что такой обычай не мог явиться прежде более или менее высокого подъема гражданственности. По исследованиям Лавровского и Будиловича, оказывается, что славянский язык развился раньше Кирилла и Мефодия, да и перевод книг для них был возможен только при развитии славянского языка; чтобы явиться таким, каким мы знаем его в трудах Кирилла и Мефодия, славянский язык нуждался в предварительном развитии, требовавшем не кратковременного периода. На это развитие указывают и договоры Олега и Игоря, в которых славянский язык весьма удачно справляется с задачей передать понятия высококультурного греческого языка. Литературное

развитие славянского языка произошло, по Будиловичу, в Византии, где было немалочисленное славянское общество, достаточно знакомое с византийской культурой, в котором и Кирилл, и Мефодий усовершенствовались в языке и готовились к переводу книг. Язык перевода священных книг был для славян вполне понятен, и они овладели им сряду по появлении переводов. Такое развитие славянского языка указывает на существование среди славян сильного культурного движения¹¹.

* * *

Все вообще языческие мифы и предания о духах имеют важное значение. Они показывают, сколь близки были славяне к верованию в загробную жизнь. В этом последнем случае особенное значение и интерес имеют верования славян в ведогонь и ее действия, а также в отделение душ от тела во время сна.

На этот вопрос, как он является у славян, обратили внимание Афанасьев, Забелин и Котляревский. У Афанасьева можно найти многочисленные образы, в которых славяне представляли душу. Она являлась в виде огня, дыма, пара, воздуха, звезды, живых образов – бабочка, жук, пчела и в антропоморфической форме русалки.

У славян было понятие и о месте, где пребывают души после смерти: это восток, откуда происходит свет и тепло – там рай. Слово «рай» в языческом сознании славян занимало столь устойчивое место, что в христианские времена греч. слово, означавшее его значение, опасались передать русским «рай» и передавали слово «парода» (впрочем, и эта передача имела свой смысл; слово это означало то место, куда обыкновенно уходят после смерти вслед за родными). У славян было и географическое указание на это место, и описание будущего состояния. Сюда относятся апокрифические сказания об Арахманах, или Брахманах (Браминах) в Индии, и пословицы. В апокрифических сказаниях об Арахманах, собственно, описывается Индия с ее природой. Души умерших представлялись в зависимости от времен года и условий жизни людей живых. Зимой они мертва, летом оживают.

Похороны совершались так, что ясно проглядывала мысль, что умершие нуждаются в том же, что нужно и для этой жизни. Так, когда умирал славянин, то родные его старались снабдить его всем нуж-

ным для его новой жизни: с ним клали съестные припасы, если умерший был человек состоятельный, то на его могиле закалывали его коня и клали вместе с ним; клали и оружие, убивали рабов, одну из рабынь или жен покойного. Эти обряды в исторических памятниках подробно разъяснены арабскими писателями X в. Все эти писатели приведены в книжке Гаркави. Сюда относятся труды Котляревского (о погребальных обрядах славян) и Забелина. Из похоронных обрядов важна «тризна» по усопшим (у Котляревского и Забелина). Тризна – военные игры на могиле (почему и тризнище – место ристалища). Забелин дает русское объяснение тризны: это третья часть из имени покойного, определяемая на пиршество (две же остальные распространяются так: одна отдавалась богам, другая шла на следникам). Это торжество происходило на холме, насыщенном на могиле умершего.

Арабские писатели рассказывают о том, что у славян был распространен обычай сжигания умерших; пепел собирался в сосуд, который ставился на дорогу. Хоронили с участием «слезниц» (и теперь существует на севере обычай приглашать на похороны плакальщиц)¹². «Рабу не оказывают погребальной почести, бедного человека погребают просто, но когда умер какой-нибудь знатный, его хоронят торжественно, вместе с имуществом, слугами и женой» (ибн Фоцлан).

Славяне благочестиво чествовали усопших предков, видя в них богов-покровителей, домашних пенатов. Чур, домовый величался «дедушка». Им приносились жертвы; останки предков почитались святыней, над которой производилась присяга. И доныне сохранилось в народе множество обрядов, относящихся к почитанию предков и вообще умерших.

У славян языческое богопочитание имело разнообразные виды. Самый простой вид – почитание священных дубов как выражающих самую большую и устойчивую силу жизни. О том, что дубы были местами священными, есть много свидетельств как наших славянских писателей, так и др. Константин Багрянородный, например, говорит о пиршествах и жертвоприношениях под дубами. У балтийских славян в Щетине был священный дуб, а между этим городом и Старградом находилась целая дубрава, где совершались моления в честь Перуна. В летописи говорится о постановлении идолов Перуна в Новгороде и Киеве, а также и в Ростовской области. Это было не введение идолослуж-

жения, а реставрация старых идолов. Кроме торжественных мест, богослужение совершалось при многочисленных случаях жизни и на дворах. В нашей литературе господствует мнение, что у славян религиозный культ не был развит, что у них не было ни жрецов, ни храмов. Но это мнение не совсем верно. На Руси не жили взаперти, как теперь: собирались не в залах, а на улицах, на площадях, где были и самые веча. Точно так же и богослужение совершалось на открытом месте. Мнения о жрецах тоже должно быть ослаблено. Настоящая научная разработка показывает, что кудесники и волхвы не случайные люди. Кудесник – человек, обладающий искусством ворожить, человек, умеющий умиловать богов: домовых, например, закланием петуха (значит, был при этом и обряд). Волхвы – совершители жертвоприношений (волхвовать – приносить жертву), значит, они участвовали в каких-то неизвестных жертвоприношениях, о чем летописцы вообще скуповато говорят.

Христианство со своей художественной стороной у нас, русских, скоро вытеснило языческую пустоту; лишь в семьях, в домашней обстановке, язычество продолжало жить. Иное было у других славян. Борьба с христианством вызвала их на разработку язычества, что видно у зап. славян. У балтийских славян в центре гор. Аркона, на площади, находился деревянный, но изящно построенный храм Святовиды. Кругом храма был забор, грубо и без вкуса окрашенный. Чрез забор в храм вели одни ворота. Капище разделялось на две части: внутреннюю и внешнюю. Эти части разъединялись завесою из пурпуровых ковров на столбах. В этом святилище стоял идол Святовиды и др. в латах и с оружием; здесь же находился конь Святовиды и хранились несметные богатства капища. Вероятно, при капище были и др. здания, как то помещение для жрецов и проч. В Щетине в храме были три придела, где стояли столы и где происходили совещания и пиршества. Известно, что при закладке храма и домов место, предназначенное для этого, освящалось огнем с пляской и пением. Идолы делались деревянные с серебряными и золотыми украшениями, а иногда бывали из благородных металлов: вот где язычество достигло художественности!

Были у славян и жрецы. Они пользовались большим почетом. Так, например, у зап. славян голос их иногда был сильнее голоса князя. Особенно значение их было развито в Литве. Верховный жрец назывался Криве-Кривейто; похожий на папу латинян, неженатый, он

носил на голове особый убор. При нем находился целый штат священников, из которых главное значение принадлежало «вайделотам» (женатым), заведовавшим судом. Кроме того, были еще «криве» (неженатые). При храмах находились и девы в роде римских весталок, поддерживавшие небесный огонь (знич). Эта разработка иерархического вопроса придавала силу язычеству.

Всеми этими лицами приносились жертвы богам. Жертвоприношения носили чисто земледельческий характер и состояли из произведений земли, животных и т.д. Но были случаи и кровавых жертв: иногда приносили в жертву богам детей своих. Известен также случай кровавой человеческой жертвы над варягами Иоанном и Феодором. У балтийских славян был обычай во время войны приносить в жертву наиболее важных пленников. Этот обычай держался до XIII в., и славяне с особенным удовлетворением жарили своих наиболее важных пленников-немцев.

* * *

Основная мысль летосчисления у славян – наблюдение за пробуждением и умиранием жизни в природе. Велось оно у них, равно как и др. древних народов, с марта месяца, по лунным месяцам. Это счисление сохранилось и до позднейших времен; даже в христианском мире с мартом связывались важные священные события: по житию Стефана Пермского, мир сотворен в марте месяце. С XV в. (с 1492 г.) стало вводиться сентябрьское летосчисление. Русские думали, что по истечении 7000 лет (5508 до Р.Хр.+1492 по Р. Хр.=7000) п о -

следует кончина мира. Для устранения этого мнения была составлена особая пасхалия, но счисление все равно начиналось с 1 сентября, и велось оно до Петра I, когда введен был январский год.

Самые праздники различались по приметам (см. «Календарь народных праздников» Афанасьева). Времена года олицетворялись в антропоморфические формы: весна «наречена, яко дева... любима и сладка всем»; лето – «муж тих, богат, красен, любя дело и дела без покоя, питая многие человеки...», осень – «подобна жене молодой, богатой, многочадной...», зима – «подобна мачехе злой и нежалосливой, (она) подобна трясовице, гладом морит и мучит грех наших ради...». По этим временам года были распределены праздники. Начало их – весна; но обычай, исстари установившийся, приурочивать их к нашему году и начало их относить к Святкам Рождественским. Первым праздником была «Коляда». По объяснению

Афанасьева («Поэтические воззрения славян на природу»), слово «коляда» происходит от рим. «calendae» и соответствует ему; в таком случае время коляды падает на время с 14 дек. по 1 января. Но в нашей литературе явилось другое мнение Прозоровского («Записки археол. общества» за 1878), по которому это слово заимствовано от греков и есть измененный припев в честь Бахуса. По Афанасьеву, Коляда была какая-то богиня, которая в иных местах представлялась едущей на тележке, запряженной маленькой лошадкой (в белорусск. песне говорится: «Ехала Коляда в маленьком возочке, на вороненьком конёчке»), в других – в виде девицы в белой сорочке. Это последнее изображение имело значение замирания и возбуждения сил природы, что и выразилось в праздновании Авсеню (Осеню или Усеню). Он изображался в виде дубового обрубка, который жгли во время святок. С ним соединяется идеал плодородия, почему в Коляду закалываются свиньи (символ плодородия), ставят снопы в передний угол («карачун» у иных славян), а иногда рассыпают зерна по столу. Так как, с точки зрения язычников, это время было переходом от тьмы к свету, который испытывали и мертвецы, то отсюда появились чествования Морены – злой смерти: чучело сжигалось или зарывалось в землю. Мнение, что души умерших зимой страдают, привело славян к представлению их безобразными; отсюда «маски», «ряжание». Праздник «Коляды» соединялся с мыслью о будущем благоденствии, и она называлась или богатой, или убогой, смотря по году. Праздник этот переносился и на Масляницу, к какому времени оживали, по древнему мнению, мертвецы. Блины служили угощением для последних. Древнерусский блин имел вид хлеба и служил пищей времени перехода русского народа от пастушеской жизни к земледельческой; употреблялся он с маслом и молоком. Этот обычай бессознательно сохранился и до настоящего времени, так как поминовение умерших соединяется обыкновенно с едением блинов. Тризна у славян-язычников была праздником и сопровождалась торжественными играми. Нечто подобное существует и теперь, так как обычное поминовение умерших совпадает у нас с «шумною Масляницей». А старики – «деды», которые щеголяют своим остроумием на Маслянице в Петербурге, на Царицыном лугу, представляют из себя остатки древних баянов-певцов, напоминавших на тризне подвиги предков.

В старое время праздники, служившие выражением торжеств по поводу пробуждения сил природы и освобождения из мрака и холода душ умерших, становились шумнее с приближением к весне. Но христианство послужило препятствием для этого, потому что

сряду за Масляницей начинался Великий пост. Вследствие такого стечения обстоятельств некоторые празднества перенесли на время после Пасхи; тем не менее, и в Великом посту соблюдались некоторые из языческих обычаев. Так, из представления об огне – солнечном тепле приближающейся весны жгли солому в страстной четверг; выжигали кресты на дверях, жгли смоляные бочки в Христову заутреню и брали угли на дом для сохранения от пожара, стреляли зажженными стрелами (этим объясняется обычная в подобных случаях в настоящее время стрельба из ружей).

Все весенние праздники исходили из принципа оживления, а потому и сама весна олицетворялась и изображалась у некоторых славян в виде кукушки, у нас же в виде жаворонка (печенье жаворонков из теста в Вел. пост и теперь сохранилось). Вместе с празднованием встречи весны поминались и умершие. Этот праздник по местам соблюдается и теперь; а именно: крестьянские женщины расстилают холст, кладут на него пирог и приговаривают: «Вот тебе, матушка-весна».

Более шумно и более общественным образом чествуется наступление весны и оживление мертвых в праздник «Красной Горки». Само название «Красная горка» говорит уже о том, что это торжество совершается на холме как месте, напоминающем могилу и скорее других освобождающемся от снега. (Забелин сообщает, что в Вологод. губ. «Красной горкой» называется кладбище. Этим уже, неоспоримо, указывается на соединение праздника весны с почитанием умерших.) Праздник «Красной Горки» сопровождался, кроме заклинания весны, обливанием водой друг друга (обычай по местам и доселе сохраняющийся), что символически обозначает оплодотворение земли дождевою влагою.

За «Красной Горкой» следует праздник «Радуница», справляемый во вторник Фоминой недели. Радуница еще называется «покором умерших», а в Белоруссии – «дедами». Этот праздник имеет непосредственное отношение к умершим, которые, по языческому представлению, с разлитием рек освобождались от мрака и холода. Освобождавшиеся таким образом души умерших, или русалки, рассыпались по берегам рек (от чего еще назывались берегинями), взбирались на деревья и рассаживались на зеленых ветвях. От этого самая неделя праздника называется по местам «русальною» (например, в Вологодской губернии, по уверению Забелина).

За русальною неделей следует «Семик» – неделя перед Троицей. Этот праздник получил название от того, что главный день его совпадал с четвергом, по счету седьмым от Пасхи. Показавшаяся

в это время зелень в природе дала повод к некоторого рода обрядам, например, заплетать венки, усыпать полы травой, украшать жилища березками. Игры в этот праздник совершались, главным образом, в рощах. А от того, что в этот праздник в большом ходу зелень, он назывался еще «Зелеными Святками». Общее пробуждение сил в природе сопровождается пробуждением их и в человеке. В Семик Небо с Землею вступают в брачный союз. Те же стремления являются и у человека. Поэтому Семик – не только праздник солнца, тепла и зелени, но и проснувшейся любви бога Ладо, название которого сохранилось в наших песнях. Божество это олицетворяется различно. В Малороссии, например, его изображает самая красивая девушка, украшенная кленовыми и березовыми гирляндами, вокруг которой происходят игры. В иных местах делают два чучела: мужчины и женщины, кладут их в палатку, а около нее устраивают хороводы. По летописи Густинской¹³, новобрачные должны были приносить жертву богу Ладо, празднование которому начиналось с конца мая и продолжалось до конца июня (от 25 мая по 25 июня). В честь этого бога был праздник и у литовцев, у которых он называется Дидись-Ладо (дед Ладо), и был он у них богом мужского пола. Они приносили ему в жертву белого петуха. У латышей Ладо был богиней любви и благополучия. Горелки, в которые играют в Семик, напоминают собой обычай умыкания невест и, следовательно, указывает на соединение праздника Живы (весны) с праздником Ладо (любви). Но более шумное чествование Ладо соединяется с праздником «Купала» 23 июня. Купала – бог плодородия. Понятие об этом божестве и описание торжества в честь его дает составитель Густинской летописи¹⁴: «Купало, яко же мню, бьяше бог обилия, якоже у Еллин Цэрес, ему же безумными за обилие благодарение приношаху в то время, когда имяше настати жартва». «Сему Купалу – бесу еще и до ныне по неких странах бесшумными память совершают, наченьше Июня 23 дня, на вечерие рожества Иоанна Предтечи, даже до жатвы и далее, сицевым образом: с вечера собираются простая чадь обоего полу и соплетают себе венцы из ядомаго зелия, или корения, и препоясавшиися былием возгнетают огонь; индеже подставляют зеленую ветвь, и емшеся за руце около, обращаются окрест онаго огня, поющие свои песни, переплетающие Купалом; потом, чрез оный огонь перескакут». Как мы уже сказали, во-первых, форма праздника Ладо предшествует Купале и совершается прежде всего в Семик, а во-вторых, она тесно связывается с Купалою. Разница та, что прежде праздновалось возбуждение сил природы, теперь же празднуется их замирание, что особенно ясно выражается в

торжестве Ярило, или Яровита. Но пока скажем несколько слов о Купале. С праздником Купалы соединялась мысль о повороте солнца на зиму. «Наравне с прочими родственными племенами, славяне при летнем повороте солнца возжигают костры, совершают омовения в реках и источниках и собирают целебные травы. Костры раскладываются на открытых полях, по берегам рек и преимущественно на холмах и горных возвышениях; в ночь на 24 июня, как скоро загорятся ивановские огни. Карпаты, Судеты и Исполиновы горы представляют истинно великолепное зрелище. На Руси для возжжения купальского огня употребляется живой огонь; почетные старики добывают его трением из дерева, и пока продолжается эта работа, собравшийся народ стоит в благоговейном молчании, но как только огонь вспыхнет, тотчас же вся толпа оживляется и запекает радостные песни. Девы в праздничных нарядах с цветочными венками на головах и холостые юноши схватываются попарно за руки и прыгают чрез разведенное пламя; судя по удачному или неловкому прыжку, им предсказывают счастье или беды. На Украине девушки пускают свои венки в воду, прилепив к ним зажженные восковые свечки, и по этим плывущим венкам гадают о своей будущей судьбе. Прыганье чрез огонь избавляет от недугов, злого очарования и бесплодия. Чтобы скотина не болела, принято перегонять стадо чрез ивановские костры. Роса, выпадающая в Купальскую ночь, в высшей степени обладает живительными и целебными свойствами, она сообщает их полевым цветам и травам. По болгарскому поверью, солнце на Иванов день не знает предстоящей ему дороги, а потому является богиня Зоря, умывающая солнце росой, и открывает путь его светозарной колеснице. Но так как при повороте солнца требуется большая сила, то это дело совершает Перун. Перун совершает этот подвиг во мраке ночи, поэтому самое празднование поворота солнца происходит в ночное время. (Перун) облагает небо (облаками и тучами). На потемненном небе загораются молнии, или, выражаясь метафорически, расцветают огненные цветы, облака и тучи, эти дождевые источники и реки, вихри потрясают дубравы, в шуме и треске которых человеку слышатся неведомые голоса; удары грома разбивают облачные горы и открывают затаенное в их

подземельях золото солнечных лучей; стихийные духи затягивают дикие песни и увлекаются в бешеную, быструю пляску. Ивановская ночь наполнена таинственного и чудесного значения: в эту ночь источники и реки мгновенно превращаются в чистое серебро и золото, папоротник расцветает огненным цветом, подземные сокровища выходят наружу и загораются пламенем, деревья движутся и ведут между собою шумную беседу,

ведьмы и нечистые духи собираются на Лысой горе и предаются там неистовому гульбищу»¹⁵. А Перун в это время поворачивает солнечное колесо и тем исполняет желание людей освежить душный воздух. Почти одновременно с Купалой совершается 29 июня праздник Ярилы, выражающий ту же идею замирания сил в природе, в частности, оплодотворяющей силы.

У белорусов это мифическое представление о Яриле мы находим в самом чистом виде. Они представляют Ярилу молодым красавцем, разъезжающем на белом коне и держащем в правой руке венок, а в левой – сноп. В честь его устраивался праздник. Наряжали девушку и сажали ее на белого коня, привязанного к столбу, потом водили хоровод, так что Ярила мало-помалу терял свой воинственный характер и принимал вид бога яровых посевов. С таким же характером встречается он и у балтийских славян под названием Яровита. Он одевает поля и леса, в его власти плодородие земли. Он же и воинственный бог: в его капище хранился щит, который употребляли только во время войны.

Но иной характер этот праздник получил на востоке России. Здесь шумные игрища заслонили собою все чистые представления об этом божестве. В послании игумена Памфила этот праздник называется «служение бесам», незаконным и богомерзким праздником. Здесь же указываются различные игрища в поругание Рождества Иоанна Предтечи, непристойные пляски, разврат и т.п. В Стоглаве в 41-м и 24-м вопросах говорится, что в этот день сходятся мужи и жены и бывает осквернение и тем, и другим, а в 92 гл. – что многие против праздника Рожд. Иоанна Предтечи творят разные шумы плясанием и песнями сатанинскими и скаредными... изображениями этого божества, доходившими до чудовищных форм. Делали, например, чучело с громадным детородным членом, торжественно несли его и бросали в воду. Также происходили похороны «Костромы» – женского божества, празднование которого приурочивалось к празднику Иоанна Предтечи. Но так как оно соединялось с жатвенным праздником, то и переносилось на Петров день и даже окончание жатвы. Празднование замиравших сил природы продолжалось и далее, напр., во время сбора льна. Оно выражалось даже в таких мелочных обрядах, каковы, например, похороны мух и тараканов.

Языческие празднества представляли громадное средство для взаимного общения славян. Есть прямые указания, которые говорят, что у славян были правильно организованные собрания. Так, Гельмольд говорит о балтийских славянах, что они сходились по особому распоряжению главного жреца на праздники. Общественность

особенно выражалась в праздновании Купалы. Здесь, несомненно, участвовали жрецы, что можно видеть из сохранившегося обычая добывать в этот день огонь; это было обязанностью почетных старцев, но главное место принадлежало главе семейства, который собирал весь свой двор, всю семью. Язычество объединяло этими праздниками многие племена. Вся Литва объединялась Криве-Кривейто — главным жрецом, от которого, может быть, получили название и кривичи.

* * *

В числе других предметов из истории внутреннего быта восточных славян славянская мифология есть предмет самый обширный и столь важный, что некоторые, например Бестужев-Рюмин, ставят его впереди всех. По этому вопросу написано очень много, и работа эта чрезвычайно важна, она продолжается до сих пор. Более важные сочинения по этому вопросу следующие: самое старое Строева «Краткое обозрение славянской мифологии»; Касторского «Начертание славянской мифологии» (1841 г.); Костомарова «Славянская мифология»; Средневскому принадлежит сочинение «О языческом богослужении славян» и много заметок и статей в «Записках академии наук»; Шепинга «Мифы славянского язычества» (1849); Буслая «Исторический очерк древнерусской народной словесности и искусства». Иностранные сведения о религии славян собраны в сочинении Макушева «Сказания иностранцев о быте и нравах славян». Котляревский написал исследование «О погребальных обычаях славян»; Афанасьев «Поэтические воззрения славян на природу»; Забелин «Историю русской жизни» (II т., гл. VI) и Фаминцын «Божества древних славян». Кроме перечисленных сочинений, издано много памятников по данному вопросу.

Самою первой заботою у авторов этих сочинений было собрать побольше фактов. Работа эта продолжается до сих пор и заставляет писателей изучать древнерусские народные песни, обычаи, поверья и т.п. Но этого мало. Нужно обращаться к изучению внутреннего быта других славян. Мысль эту высказал еще Ломоносов, и чем дальше, тем больше она подтверждается. В простом собирании мифологических фактов имеет место такого рода соображение: нельзя ограничиваться письменными свидетельствами о славянах древних писателей, ибо их мало; а нужно собрать остатки языческих верований, которые сохранились в живом слове славян — в песнях, а также обрядах, обычаях и т.п. В этом виде они как бы окаменели, но при

сличении их со старыми сведениями открывается та жизнь, которая была у славян. Кроме мифологии, помогает, особенно при изучении погребальных обычаев, филология. Благодаря ей обнаружилось, например, что в основе языческих воззрений славян и западноевропейских народов есть единство. Пошли дальше... и в санскрите стали находить объяснение разных особенностей и мифологических явлений древних славян. Сличение мифологических воззрений у всех славян с воззрениями западноевропейскими и с санскритскими – все это осуществлено у Афанасьева в сочинении «Поэтические воззрения славян на природу». Тщательность и полнота сведений замечательна в этом сочинении¹⁶. Затем один из упомянутых выше авторов Фаминцын задался мыслью потщательнее сравнить мифологические воззрения у разных славянских народов и потом расследовать, в чем они сходны с такими же воззрениями древних западноевропейских народов, например, итальянцев. Наконец, Забелин стал с особенною внимательностью изучать явления русского быта и различать, насколько в нем сохранились явления языческого быта; и (стал) разъяснять (в «Истор. рус. жизни»), что кочевник способен олицетворять грозные явления внешнего мира, а земледелец следить за тем, как развивается жизнь, и олицетворяет те силы, какие развиваются в природе с его точки зрения (свет, теплота и т.п.). Поэтому у Забелина особенно разработана сторона о целительных травах и т.п. Конечно, важны принципы, которые развивают наши писатели в вопросе о древнем быте славян.

Обратимся теперь к самым существенным вопросам древнерусской мифологии и прежде всего к вопросу о русских божествах. При исследовании этого, как и других вопросов древнерусской мифологии, постоянно приходится иметь дело с мифологическими явлениями быта других славян. Это положительно необходимо, потому что вообще о делах наших русских славян писали мало. Наши русские жили уединенно и развивались медленно, а потому и миф наш, можно сказать, не развит. У западных славян, которым приходилось отстаивать свою жизнь, защищать себя от нападения других народов и быть настороже, мифология здесь развилась более значительно.

При исследовании вопроса о древнерусских божествах прежде всего нужно решить вопрос: было ли у славян понятие о верховном существе или нет? Этот вопрос в высшей степени важный. Срезневский отвечает на него утвердительно, говорит, что понятие о верховном боге у славян было и что оно с течением времени затемнялось и, таким образом, являлись боги второстепенные. Так, Проконий гово-

рит, что славяне поклоняются одному Богу, творцу молний (Перуну). Но это относится к тому времени, когда на первое место выдвинулся собственно второстепенный бог. Гельмгольд писал (о балт. славянах): «Между различными божествами, во власти которых поля, леса и горы, славяне не отрицают и единого Бога на небесах. Он самый могущественный, заботится только о небесном, и прочие боги произошли от его крови». В отношении к этому верховному Богу другие поставляются в родственные отношения, как и, естественно, могло представляться славянам в их патриархальном быте. У арабских писателей, например у Массуди, рассказывается, что когда у Волги руссы оставались и приносили жертвы, то обращались сначала к главному богу, а когда он не исполнял их просьбы, то к его родственникам. Это понятие свидетельствуется в Ипатьевской летописи, в которой на основании греческой хроники говорится: «и выть по потопе поча царствовати первое Местром (Месраим), по нем Еремия (Гермес), по нем Феоста иже и Соварога нарекоша Египтяне. Той же Феоста закон устави (о браке)...., сего ради прозваша и Бог Соварога и посем царствова сын его, именем Солнце, его же наричють Дажьбог» (Ипатьев. лет., стр. 5). Это перевод места из хронографа Малалы, причем для объяснения греч. имени поставлены славянские. В слове «христолюбца» читаем: «и огневе (огню) молятся, завуше его Свирожичем». У славян балтийских также известно божество Сварожич. В «Слове о полку Игореве» упоминаются Сварожичи, дети Сварога. Очевидно, Сварог означал верховного небесного бога, бога богов, прабога. Другие боги, происходя от него, представляли в существе своем только особые образы того же Сварога-неба, были только сваржичами. Сам Сварог отступил на задний план, почти забылся и вспоминается только в отчествах его детей. У балтийских славян Сварогу соответствовал Святovit. Гермольд говорит, что славяне представляли Святovита высочайшим богом, а в отношении к нему других богов считали полубогами; все последние считаются в родстве с ними, и чем родство ближе, тем и бог ставится выше. У литовцев верховное божество называлось «Вешаивстевс (старый отец) – божество, восседающее на небе и разъезжающее на облаках». У жмудинов верховное божество называлось Аух-Штейлис, у пруссов – Оккорпимос.

Итак, понятие о верховном существе у славян, несомненно, было, но оно затемнилось, или, вернее, распалось на частные понятия. Так,

должно было выдвинуться разделение в божестве начал – доброго и злого. Правда, у славян, как у народа арийского, притом земледельческого и жившего в умеренном климате, не могло далеко пойти это разделение. И у большинства славян оно существовало только в зачатке, получив некоторое развитие лишь у балтийских славян в силу особых исторических условий. Злое божество называлось «Чернобог» (в противоположность ему предполагают существование «Белобога» как доброго специального божества). Гельмольд пишет о балтийских славянах, что они верят, что все благоприятное происходит от доброго бога, а все противное – от злого, и злого бога называют дьяволом, на своем языке – Чернобогом¹⁷.

Довольно отчетливое понятие о злом боге сохранилось и в Белоруссии (где вообще сохраняется много следов старины). Известна песнь о Чернобоге. Появилась она в художественной обработке (данной учеником Минской гимназии), но, несомненно, составлена на основании народной песни¹⁸. У Афанасьева собрано много данных географической номенклатуры, напоминающих о Чернобоге, например, Чернобожье, Чернобожск (в Сербии), Чернобожа-гора, Чернобожино (в Буковине).

Помимо различия доброго и злого начала, у славян выступили следующие божества: 1) Дажьбог. Под этим именем олицетворялось солнце красное, производительная сила природы. В этом смысле Дажьбог считается дедом всех людей: «погибашех жизнь Дажь-божа внука», говорится о князе в «Слове о полку Игореве». Это божество именуется в песнях Ладо, Дид-Ладо. 2) Хорс – встречается тоже у летописцев и в «Слове о полку Игореве». Полагают (Прейс), что Хорс – тоже солнечное божество, и притом имя его представляется не славянским, а персидским. Соответствующее ему божество у балтийских славян называется просто Сварожич. У западных славян был бог Радигощ, имя которого признают лишь небольшим видоизменением имени одного Ратарского князя, жившего в V в. Близко к Сварогу по своим атрибутам стоял и нередко смешивался с ним. 3) Перун – представитель грозных явлений грома и молнии – главное божество русских славян. Прокопий свидетельствует, что славяне в VI в. поклонялись «одному богу, громовержцу, повелителю всей вселенной». Значение его зависит от значения явлений грозы в природе (в связи с дождем), в особенности для земледельческого народа. Однако в нашей местности, на равнинах, гроза не представляет явлений паразитических; и чтобы объяснить, «как бог грома мог сделаться

главным божеством, мы должны допустить, что прародиной славян были горы (например, Карпатские), что в грозе обнаруживается страшное могущество природы, подавляющее человека.

К божествам природы принадлежат бог ветров Стрибог, бог плодородия и освежающей влаги Мокот; Волос, или Велес, в летописи является с эпитетами «скотьяго бога». С переходом славян в христианство Волос был заменен муч. Власием, покровителем домашних животных¹⁹.

У литовцев Перуну соответствовал Перкунас; богом весны, радости, плодородия был Потрамнас. Почитание злого начала выразилось в чествовании Поклуса, бога ада.

Низших божеств, духов у славян почиталось много. По воззрению славян, ими были наполнены воздух, вода и лес. Они разделялись на добрых и злых, но преимущественно признавались злыми. Общее название их у русских – русалки, у сербов – вилы, у чехов – полудницы. Добрые для своих избранных, они были злы для навязчивых. У каждого есть свой дух, покровитель от рождения: «роже-ницы» (fortuna).

Мифология в отношении низших божеств особенно была развита у литовцев, у восточных славян мало. Славяне более знали места и случаи обнаружения духов, чем их личности, что отражается и в именах их: лесовой, домовой, водяной. У южных славян до сих пор сохранилось то, что называется род (ведогонь). Они могут отделяться от человека, с которым живут, встречаться между собой, сталкиваться и драться. Убита ведогонь – умирает соответствующая ей личность или животное.

ЕКЦИЯ II

Древняя Русь. – Развитие государственности у славянских народов. – Мнения ученых о начале государственности. – Краткий обзор политических событий при первых русских князьях (до смерти Ярослава I). – Время св. Владимира. – О годе крещения Руси. – Время Ярослава. – История так называемого удельного периода – от смерти Ярослава до нашествия татар. – Времена Владимира Мономаха. – Смуты после

смерти Мстислава.

Славяне составляли к VI в. и особенно к IX такое громадное население, которое удивляло современных писателей: «бесчисленные народы», говорил о них Прокопий. Вследствие великого переселения народов, шумной истории гуннов, аваров приведены были в движение и славяне, которые расселились в различных местах, населили страны у нижнего Дуная, двинулись в Византийскую империю до такой степени, что в VII и VIII вв. греки высказывались, что даже Пелопонез ослаблялся. Расселились славяне и по направлению к Адриатическому морю. Было ли, однако, у славян государственное строение, которое закрепляло бы за ними их приобретения и давало прочную основу их могуществу?

Что существовала Дакийская держава, Гуннское государство с сильным славянским элементом, что был даже славянский Волынский союз, это несомненно; но в собственном смысле славянская государственность сначала образовалась у болгар (VII в.), потом у моравов (IX в.) и, наконец, у русских.

Основателем Болгарского царства считается Аспарух, Эсперих, сын Куврата. Известен целый ряд болгарских царей, бывших в VII и VIII вв., а в IX в. при Борисе уже утвердилось христианство в Болгарии.

В литературе существует спор: кто были болгары? По указаниям немецких ученых, болгары считаются финско-тюрским племенем, однородным с мадьярами. Эти болгары с Волги и Урала двинулись в южные пределы России и у нижнего Дуная основали Болгарское царство. Это мнение усвоено и Шафариком. Но в 20-х годах наст. ст. Венелин опроверг это мнение: он доказывал, что болгары такие же славяне, как и др. В новейшее время Иловайский и Забелин допускают в болгарях некоторый элемент финский и тюркский. В X в. в Болгарии развилась такая сильная цивилизация, что является славянская самостоятельная письменность.

Государственность развилась и в Карпатских странах. В том же VII в. некто Чех открыл, говорят, торговлю, вследствие чего необходимо было ему проявить и воинственную деятельность в защите чехов от немцев и устроить, таким образом, сильное государство, затем род Пшемисла. Восточнее чешского является государство моравс-

кое в IX в., основанное Моймиром. В нач. IX в. видим там Ростислава, племянника Моймира, а потом Святополка. Эти государи подняли Моравию на необычайную высоту, вели упорные войны против немцев.

Дальше на севере вырабатывается государство в племени Польском. Не говоря о мифических королях и князях польских, остановимся на том, что в IX в. там выдвигается Самовит из рода Пястов, а потом Мечислав, Болеслав (992 – 1025), который имел весьма большую власть и влияние. Еще севернее у балтийских славян было множество княжеств с V в.; некоторые из них были сильны еще к VII в. – лютичи, бодричи и др. В IX в. образовалось самое могущественное из всех славянских государств – государство Русское.

Таким образом, время около VII-VIII вв. было временем великого движения среди славян к созданию прочной гражданственности.

На это же время падает деятельность св. Кирилла и Мефодия, апостолов славянских. Без сомнения, принятие христианства – один из важнейших моментов в истории славян, и в деле создания государственности у славян оно имело первостепенное значение. Кирилл и Мефодий не обратили всех славян в христианство, но они положили этому делу твердое и плодотворное начало. Святые братья перевели на славянский язык, близкий и понятный всем славянам, Св. Писание и на этом же языке принесли проповедь христианства в Моравию. Известно, что Св. Мефодий и Кирилл вышли из Солуни, из славянской среды; есть мнение, что по матери они сами были славяне. Воспитание и образование получили греческое, получив его при патриархе Фотие. Если они были греки, то их мысль – дать славянам христианство на их родном языке – свидетельствует о высоте тогдашних греческих воззрений и в то же время о большой подготовке славян к столь святому делу. Труды Св. Кирилла и Мефодия произвели чрезвычайное действие на всех славян. Хотя их личная деятельность сосредоточивалась в Моравии, но проповедь их сейчас же отразилась и в Болгарии, проникла на Вислу к полянам. Из документов видно, что проповедь распространилась и на восток, от Карпат на Волынь (это видно из «Грамоты об учреждении Пражской Архиепископии»). И у нас были если кто-нибудь не из седмичисленников, то из их учеников.

Рассказ русской летописи о призвании князей приурочен к 862 г., а изгнание варягов, предшествовавшее призванию, к 859 г. Но эти числа вставлены не с такою твердостью, чтобы им можно было придавать значение. Летописец говорит так неопределенно, что неизвестно, когда стало образовываться начало русской государственности. Он повествует: «В лето 6360, индикта 15-го наченшу Русь Михаилу царствовати начася прозывати Руска Земля». Таким образом, Русь, которой дали начало варяги, не существовала ли раньше? Это несомненно. Летописец говорит: «Отселе почнем и числа положим». Он, значит, узнал от греч. летописца, что в это время было нашествие русских на Царьград. Известно, что Русь на юге была известна раньше этого времени, именно в VII еще веке, что видно из византийских и арабских хроник. Мы знаем, что в VII в. Черное море называлось Русским, летописец, между тем, приурочивает название руси к варягам.

Разберем летописный рассказ. Все историки признают, что хронология здесь не имеет значения, ибо была подставлена потом. Посмотрим на летописную разработку этого вопроса. Здесь приходится вдаваться в тонкости, что очень важно. Этот вопрос, при всех его странностях, имеет значение потому, что Шлёцер возвысил нашу летопись над всеми ее продолжениями и воздавал великое уважение Нестору, обзывая его последователей невеждами и переписчиками, искавшими все его дело. В последнее время на этот вопрос обращено особенное внимание; в продолжениях несторовой летописи находят варианты величайшей важности.

Еще в древние времена рассказ о призвании князей возбуждал много недоумений: два, главным образом, пункта их вызывали. Древнерусские люди не понимали, каким образом новгородцы призвали неизвестных им князей. Поэтому еще в древних летописях (различ. списки Лаврент. и особенно Ипатьев.) выражение: «Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву» – разнообразится, чтобы указать, что владение и суть были по праву, по ряду, по договору. Например, в некоторых летописях (Супральская) слова «и судил по праву» приравняются к выражению «по правде». В Ипатьевской летописи читаем: «Поищем сами в себе князя, иже бо володел нами и судил по праву и рядил по ряду». Слово «ряд» и теперь значит договор; в новгородской жизни есть факты такого рода – договоры с

князьями. В других списках Ипатьевской летописи эти слова: «и судил по праву и рядил по ряду» отделяются. В Софийской летописи: и судил вправду. В иных (Густинская – продолжение Ипатьевской): «И совет сотвориша, еже избрати себе князя от иного рода, иже бы владел ими, и бранил их от всех враг и супостать, и не обинуясь судил между ими по праву», т.е. как человек посторонний, он мог быть беспристрастным. Это напоминает летописный отзыв о Всеволоде Юрьевиче, который, не обинуясь сильных, творил суд правый. Есть позднейшие варианты, в которых говорится: «поищем меж себе князя» (Никон). В других – позднейшие воззрения: постановили царствовать (Переясл. – Суздал.).

Таким образом, мнение, что русские избрали себе князя без рассуждения, не имеет научной опоры. Замечательно, что в некоторых списках дается понять, что это владение князей повело к бунту (Степенная кн. и Никонов. летопись). С этим связывается удаление Аскольда и Дира от Рюрика в Грецию. Таким образом, призвание князей у новгородцев если и было, то было делом обычным, как и в следствии. Эта мысль так неизбежна, что один из лучших историков Владимирский-Буданов говорит (в «Истории русского права»), что этот рассказ допустим при предположении, что призвание князя было делом обычным.

Еще более недоумений возбуждает вопрос: кто были призванные князья и откуда они призваны. Сущность вопроса заключается в том, что это за Русь, о которой говорят летописцы. Любопытная вещь, что летописцев прежде всего занимает вопрос, как призвание князей могло быть именно от шведов. В летописи говорится: «Идоша за море к Варягом. Онце бо ея звати тии Варязи Русь, яко се друзии зовутся свое, друзии же Урмане, Англяне, друзии Гъте»²⁰ (Летоп. Нестора, 869 г.); но в некоторых списках (Лаврентьев. Летописи)

слово «Гъте» опущено, напротив, в толстовском списке Лаврентьевской летописи опущено слово «свое» и в Софийской летописи пере-
дается другой вариант, а слово «свое» опущено; в некоторых же спис-
ках совсем выброшено объяснение летописца, какие были другие
варяги, кроме руси. Это мы видим даже, напр., в весьма древней
Новгородской 1-й летописи (см. новое²¹ издание летописей), в 1-й и
2-й Псковской, далее – в Воскресенской и, наконец, в Никоновской.

Затем летописцев очень много занимал вопрос, что такое Русь. Видимо, летописцы были очень недовольны рассказом, что были ка-
кие-то варяги русь не на юге, а на севере и что наша земля стала
называться Русью от имени этих варягов. Поэтому с очень древнего
времени заметно стремление исправить эту как бы ошибку летопис-
ца. В толстовском, например, списке Лаврентьевской летописи, где
опущено слово «свое», переставлено и слово «Русь». В летописи Не-
стора говорится: «Идоша за морем к варягом, к руси... Реша руси
чудь, словени и кривичи», а в толстовском списке такая перестановка:
вместо «Реша руси» «реша: русь, чудь и т.д.», хотя раньше говорится,
что послали: «к варягом – руси». Это не одно место. Например, име-
ется весьма древнее прибавление к Лаврентьевской летописи, взятое
из одного древнего (Софийского харатейного) номоканона и помещен-
ное в 1 т. «Полного собрания летописей». Там говорится: «Придоша
русь, чудь, словене, кривичи к варягом, реша...» В очень древнем от-
рывке из «Хронографа», помещенном в 15 т., русь представляется пле-
менем, господствующим над всеми другими славянскими племена-
ми. Там перечисляются племена, подчиненные русскому господству,
и говорится: «Сими всеми обладала Русь из Киева-града»; при этом
автор этого отрывка, очевидно, был чужд мысли, что имя «Русь» при-
надлежит каким-то варягам, напротив, само название «Русь» он при-
урочивает к Киеву; далее обобщает под этим именем все славянские
племена и отличает славянскую «Русь» от инородцев, так как говорит,
что в Руси славянский язык, а есть и «иные языки». Далее у самых
древних летописцев можно найти множество мест, показывающих, что
слово «русь» никогда не прилагалось к варягам севера, а обозначало
жителей юга. Когда летописец рассказывает о породах князей с севера
на юг и передает, что князь собрал дружину на север, то при перечисле-
нии народов, входивших в состав княжеской дружины, не упоминает руси,
а когда ведет речь о племенах, живших около Киева, то упоминает русь.

Например, когда говорится о походе Ярослава из Новгорода к Киеву, то о войске его сообщается: «И събра Ярослав Варяг и тысячу прочих вой 40» (русь не упоминается, напротив, Святополк вышел против него с русью и печенегами), а когда рассказывается о походе того же Ярослава из Киева на Болеслава, то говорится: «Ярослав же, совокупив русь, и варяги и словен» (Летопись Нестора под 1015 и 1019 г.). Подобные места собраны у Иловайского, Гедсонова (2 т. сочин.) и у Погодина (2 т.).

Другие летописцы или составители летописных сводов поступили в этом отношении решительнее. Признавая призванных князей иноземцами неизвестной страны и народности, они выбросили оба слова «варяги-русь» и обозначили национальность князей общим именем иностранцев «немцы». Например, в Никоновской летописи говорится: «придоша князи от немец». Много есть других мест в летописях, которые говорят о варягах и называют их немцами: «приведоша Новгородцы людие князя себе от немец, именем Рюрика» (1 Псков. лет.); «и избрашася от варяг, от немец три брата... Рюрик, и Синеус, и Тривор» и др.

Наконец, является попытка определить, откуда, т.е. из какой страны, вышли призванные князья? Тут выдвигается имя Прусса, брата Августа Кесаря, и дается объяснение, что он владел в Пруссии и из его рода произошел Рюрик. Об этом говорится в Степенной книге и др. летописных сказаниях. Той же мысли придерживался царь Иван Грозный, производивший свой род от Прусса и весьма оригинально указывавший место жительства этого Прусса «меж пределов Словенских, Варяжских и Агарянских». Далее мы имеем в старой литературе другую разработку этого вопроса. Курбский доводит род Колычевых из поморской земли, «от Решских князей, пришедших с Рюриком»; значит, во время Курбского существовало летописное сказание, представляющее новую попытку разрешить вопрос, откуда вышли первые русские князья. Герберштейн рассказывает, что слышал о призвании князей от русских, и высказывает свое соображение, что призваны они были из «Вагрии». «Кто сначала имел власть над русскими, неизвестно, ибо от того времени не было писем, но после того как Михаил, император Византийский, прислал русским в 869 г. письма, стали записывать в летописи современные события и давно минувшие. Из этих-то записей известно, что хазары брали с русских по беличьему меху с дома; и варяги

властвовали; но я не узнал из летописей о варягах и хазарах ничего, кроме имен их. Однако, принимая во внимание, что море Балтийское называется также Варяжским, я полагаю, что варяги, господствовавшие над русскими, были из окрестностей этого моря, — или шведы, или датчане, или пруссы. В окрестностях же моря находится и Вагрия. Обитатели (т.е. балтийские славяне имели язык, нравы и религию руссов. Поэтому и призвание князей скорее могло произойти от родственных варягов, чем от чужих. По совету Гостомысла, новгородского старейшины, этим князьям русские добровольно вручили власть (Герберштейн).

Спрашивается, есть ли этому рассказу Герберштейна подтверждение в наших летописях? Да, есть. В Воскресенской летописи, помещенной в VII т. собрания полного рус. летописей, рассказывается: «Обладающу Августу всей вселенной, и на наряды покладати на вселенную, постави... брата своего Прусса в березех Вислы во град Мадборок... и преславы Гданескъ... А от Пруса четвертое на десять колено — Рюрик. И в то время в Новеграде бе некий старейшина именем Гостомысл, скончавает житие, и созва владальца сущая с ним Новаграда и рече: «Совет даю Вам, да послете в Прусскую землю мудрыя мужи и призовете князя от тамо сущих родов». Далее рассказывается об изгнании варягов и о совете относительно избрания князя, и затем: «И послы же Новоградские шедше в Прусскую землю, обретоша князя Рюрика от рода римского царя Августа, и молиша его, да бы шел княжити к ним. Князь же Рюрик взя с собою два брата Синеуса и Трувора и племянника своего Олега, и нача мыслити, хотя ити на Русь». Потом: «В лето в 370. И приидоша от Немец три браты с роды своими, и пояша с собою дружину многу; и пришед старейший Рюрик седе в Новеграде, и от того наречесе времени Великий Новгород, а Синеус, брать Рюриков, на Белоозере, а Трувор — во Изборске; и начаша воевати всюду. И от тех Варяг находницех прозвашесе Русь» (Воскресен. лет., стр. 267-8; гл. 4-5). Этот рассказ Воскресенской летописи, представляющей собою сборник XVI или XVII вв., повел к дальнейшей разработке того же вопроса. Карамзин нашел в Синодальной библиотеке и поместил в 70 и 91 прим. к 1 т. своей «Истории» сказания диакона Холопьего монастыря Тимофея Каменевича Рвовского (в конце XVII ст.), где говорится, что призвание князей последовало по смерти Гостомысла, что послы Новгородские отправились в Пруссию «к тамошнему курфирсту Рюрику, потомку Авгус-

тову в XIV колене, который согласился управлять ими». Очевидно, автор этого сказания руководился Воскресенской летописью и Степенной книгой. Такова частичная разработка вопроса о призвании князей в летописной литературе.

Свод всех результатов этой разработки и полный рассказ о призвании князей имеется в Иоакимовской летописи, найденной Татищевым и помещенной в русском пересказе в 1 т. его истории. Там рассказывается: «Гостомысл имел четыре сына и три дщери, сынове его ово на войнах избиени, ово в дому измроша, и не остана ни единому им сына, а дщери выданы были суседним князем в жены; и бысть Гостомыслу и людем его о сем печаль тяжка, и иде Гостомысл в Колмогард вопросити боги о наследии, и возшед на высокая, принесе жертвы многи, и вещуны угодзи. Вещуны же отвечаша ему, яко боги обещают дати ему наследие от ложесн его; но Гостомысл неять сему веры, зане стар бе, и жены его не раждаху: посла паки в Зимеголь к вещунам вопросити, и тии реша, яко иматъ наследовати от своих ему, он же ни сему веры не ять пребываше в печали. Единоу спящу ему о полудни, виде сон, яко из чрева средния дщери его Умилы произрасте древо велико, плодовито и покры весь град великий, от плод же его насыщахуся людие всея земли; востав же от сна призва вещуны, да изложат ему сон сей, они же реша: от сынов ея иматъ наследити ему землю, и земля угодзится княжением его, и вси радовахся о сем, еже не иматъ наследити сын большия дщере, зане негожь бе. Гостомысл же виде конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, Веси, Мери, Кривич и Дрягович, яви им сновидение, и полса избраннейшие в Варяги, просити князя, и приидоша по смерти Гостомысла Рюрик со двема браты и роды ею» (Татищев. Стр. 33-34). Это самое подробное сказание о призвании князей. Правда, Иоакимовская летопись отвергается, особенно немцами, и до сих пор вся приведенная часть ее считается мифом, но для нас важны не частности, а тенденция, сказавшаяся в летописной разработке вопроса о призвании князей, — представить призвание князей делом вполне естественным. К этому направлены усилия летописцев, и этим объясняется их внимание к пруссам приморской страны, т.е. к стране балтийских славян; затем эта разработка идет далее, летописцы стараются представить дело так, что призвание князей не было новостью, что были кровные связи Рюрика с князьями той страны, откуда он вышел. Одни летописцы выво-

дят Рюрика от кесаря Римского, Августа, а Иоакимовская летопись наводит на мысль, что у славян были самобытные князья, а от этих князей путем родства произошли и призванные, потом Рюрик, Синеус и Трувор. В таком виде летописная разработка дождалась научной разработки.

* * *

Еще в XVI в. летописная разработка вопроса о призвании князей перешла в научную. В летописи Стрыйковского хотя и говорится, что варяги были разные, но останавливается его внимание на мысли Герберштейна (Стрыйковский, может быть, и знал Герберштейна, а что был знаком с Воскресенской летописью, то несомненно), что князья были «призваны из «Вагрии, недалеко от Любека». Затем первые работы русских ученых также находились в связи с летописной разработкой; но налетела волна немецкой учености и надолго смыла труды русских ученых. Только с недавнего времени, и то еще не вполне, стала обнаруживаться русская волна.

С XVII в. в нашей литературе осуществлен целый ряд попыток с некоторою научностью изложить русскую историю и решить вопрос о призвании князей. Почти одновременно появилось несколько компиляций, где этот вопрос решался научно. Такой компиляцией представляется летопись Густинская (во 2-м т. Полн. собр. рус. лет.). Здесь рассказывается, что новгородцы решили взять себе князя «от иного рода», который бы боролся против их врагов и супостатов. Рассказ этот сходен и с Воскресенской летописью. В то же время по этому вопросу появилась вторая компиляция – хроника Софрониева на малорусском языке; она была переделана затем и даже появилась на языке общерусском и под именем «Синописа» Гизеля служила учебником по русской истории (и в XIX в. была издаваема). Здесь призвание князей приурочивается к Балтийскому побережью; автор особенно настаивает, что князья были призваны из среды балтийских славян.

В соч. Манкиева [сам автор – выходец (в 1711 г.) из Швеции] «Ядро Российской истории» вопрос о призвании князей решается согласно Стрыйковскому и «Синопису» Гизеля, хотя допускаются и некоторые изменения. Князья, по этому мнению, вызваны от пруссов; он даже распространяет область от Жмуди, Курляндии, но признает, что князья были славяне. Подобным же образом решается

этот вопрос в соч. Ломоносова «Русская история», доведенном до времени Ярослава и изд. в 1763 г. Ломоносов соглашается с летописной обработкой этого вопроса, преимущественно же обращается к «Степенной книге». Он признает, что князья были пруссы из литовского племени, т.е. единоплеменники славян. Этот вопрос Татищев (писал раньше Ломоносова, но издание его сочинений последовало только при Екатерине II) несколько изменил, основываясь, гл. обр., на Иоакимовской летописи. Остановившись на выражении «из-за моря», он приурочивает это заморье к Финляндии, которая от Новгорода находится действительно за морем, под которым, думает Татищев, разумеется, не столько Финский залив, сколько Ладожское оз., которое финны будто бы называют «русским морем». Князей признает он, согласно Иоакимовской летописи, родственниками знаменитому старейшине Новгородскому Гостомыслу. В Финляндии были в смешении русские и финские племена; отсюда и были вызваны князья. Эта теория наделала много беды. Она вызвала Сенковского на развитие теории о том, что наша государственность образовалась из сношения русских и финских племен, и образование русского языка объяснял смешением русского и финского наречий. Эта была насмешка над последователями варяжской теории. Вот в таком виде в старых русских сочинениях решали вопрос о том, кто были князья.

Но уже была готова новая теория – норманская. Она утверждала свою достоверность на множестве разных доводов. В 1611 г. посольство от новгородцев к шведскому королю Карлу IX говорило, что прежние государи русские были от его же (Карла) рода. А затем в 1613 г. Киприан Хутянский – архимандрит, убеждая бояр Московских избрать в цари шведского королевича, повторил будто бы ту же мысль. Неизвестно, у кого она родилась впервые. Можно думать, что она появилась у шведов, и они пустили ее в тех расчетах, чтобы шведский королевич сел на русский престол; русскими же она принималась не искренно, как велось и все дело об избрании королевича, с исключительною целью отвратить решительные враждебные действия со стороны шведов. Эту мысль научным образом водворил в шведской литературе Тунман. Наши ученые немцы усердно ее утверждали: член Академии Наук Байер (историк; прибыл в Россию в 1716 г.), во второй пол. XVIII в. – Шлёцер. Каким образом они пришли к этой теории, хорошо исследовано у Забелина в 1 т. его соч. «Истор. рус. жизни» и в соч. М.О. Кояловича «История русского самосозна-

ния». В сущности дела немецкие ученые во главе со Шлёцером явились проводниками немецкой цивилизации, считали себя ее представителями и, обращаясь к прошлому России, старались уловить случаи, где история России приходила в зависимость от западноевропейской жизни. Некоторые из них обращались к русской истории без знания русского языка; след., не обращались к летописям – достоверным свидетельствам нашего прошлого, и прочность показаний с этой стороны заменяли собственными гаданиями о влиянии западноевропейских начал на русскую жизнь. Выводы можно было делать какие угодно. Позднейшие сочинения разъясняют подробности из истории вопроса о призвании князей.

Существует ученейшая книга «Каспий», или «Походы древних русских в Табаристан» (побережье Каспийского моря) Дорна и Куника, изд. в 1875 г. В коротком виде и смягченно изложена история варяжского вопроса в ст. Ламбина («Журнал Министерства Народного Просвещения» за 1874 г.) «Источники летописных сказаний о начале Руси». Почти одновременно появилось «Разыскание о начале Руси» Иловайского (полное издание его сочинений последовало в 1876 г., а по частям оно помещалось в «Русском Вестнике» начиная с 1872 г.; второе издание – в 1882 г.). В 1876 г. появилась ст. «Варяги и Русь» Гедеонова (в 1862 г. она помещена в «Записках Академии Наук»). Забелин (в своей «Истор. рус. жизни», во 2 гл. 1 т.) также занимается разбором этой теории.

Для ясности необходимо иметь в виду, как решается вопрос о призвании князей в русских летописях. Наши летописи старались представить, что князья были призваны из своих славянских стран и от родственного племени. Норманистам же необходимо было встретиться с вопросом о следах, какие оставались до древних русских обычаев и даже русского языка.

Главное положение норманистов следующее: варяги-русь то же, что норманы-шведы. Опорой для этого мнения служит наша летопись, где варягами в IX и XII вв. называются именно норманы; имена первых русских князей, названия Днепровских порогов, по сообщению Константина Багрянородного, были привлечены в качестве доказательства скандинавского происхождения варягов. Таковую постановку вопроса дал Байер. Он не указывал, откуда именно из Скандинавии вышли варяги. Тунман взялся это сделать: по нему, они – шведы – из Упсальской области Рослагена: это подтверждалось

ссылкой на то, что до сих пор шведы называются у финнов «ру-отси», что очень близко к «руси». Шлецер взял ту постановку вопроса, какую дал Байер, и ничего существенного к ней не прибавил, хотя и работал по русским летописям, а не иностранным известиям, как Байер, не знавший русского языка. Вывод у него получился очень резкий: до призвания князей русские не знали цивилизации совершенно («жили подобно зверям и птицам, наполнявшим их леса») и ей всецело обязаны норманскому элементу. Проф. Дерптского университета Эверс взялся связать русскую культуру с культурой немецких времен Ливонского Ордена²². Он признал необходимым разделить варягов и русь как совершенно различных. По его взгляду, варяги-норманы и из числа норманов непременно шведы. Русь же нужно искать на юге, где ее давно знают арабы и греки и, наконец, сам летописец (Черное море – «Русское»). И Эверс находит русь в хазарах и болгарях. Но норманы и русь были не культурнее славян, над которыми они господствовали. Для развития тех и других под покровом единой образовавшейся государственности служили, по Эверсу, две культуры: в гражданских делах – немецкая, а в делах духовных – византийская. Рейц, последователь Эверса, утверждал, что первоначальное смешение немецких и славянских элементов произошло у прибалт. славян и что, может быть, вместе с Рюриком оно перешло в Россию. Куник, выводя варягов из Швеции (одно из сочинений его так и озаглавляется: «Призвание шведских россов славянами и финнами»), делает, впрочем, уступку в пользу Готланда и Даго.

Из русских ученых норманскую теорию принимал под непременным условием добровольного призвания князей Карамзин. Ее проводил Погодин, отводивший в русской истории место особому периоду – норманскому (до смерти Ярослава) и написавший также целое исследование «О призвании варягов – руси». Соловьев уже очень смягчил норманскую теорию: он признал варягов разноплеменным сбродом дружин, только с преобладанием скандинавов; имя же «русь» он считает туземным и древним.

Так развилась норманская теория, которая вместе с ее развитием постепенно смягчалась. Но ее же собственные последователи приготовили ей падение. Немцы Эверс и Рейц следовали ей в вопросе о призвании князей, но в важнейшем вопросе о происхождении культуры этой теории изменили: своих варягов они объяви-

ли ничуть не более культурными, чем какими были славяне, и всю культуру выводили из «немец», уступив ее часть Византии.

С этим мнением немцев согласны русские московские ученые, так называемые «скептики» с проф. Каченовским во главе. Они утверждали, что варяги не были культурны, что культура перешла в Россию в XII в. из Зап. Европы через сношения с Ганзой. При этом у них мелькнула мысль, что князья пришли именно от балтийских славян, к чему склонялся отчасти и Рейнц. Вышла странность: «скептики», выходя из отрицания культурности варягов-руси, пришли к чисто русским воззрениям. Путь их исследования был научный. Они выходили из того положения, что летописный рассказ о призвании князей несколько мифичен. По крайней мере, нельзя и оспаривать его тенденциозности. Они даже заподозрили подлинность «Русской Правды». Списки «Русской Правды», говорит Каченовский, не восходят ранее XIII в.; притом мы не имеем и за это время официального экземпляра этого памятника: следовательно, по этим уже причинам мы не можем давать этому памятнику более древнего значения. Далее: в нем есть такие особенности правовые, которые Европа узнала не раньше XII в. и которые от нее могли перейти в Россию посредством

тех же торговых сношений ее с нашими северо-западными областями в XII-XIII в. «Головничество нашей Русской правды, вира, счет на гривны, все это западноевропейские юридические особенности, перешедшие к нам в XII-XIII ст. чрез Новгород, Псков и Смоленск»²³.

Это предположение дало основание новой теории Иловайского. Он стал доказывать, что призвания князей совсем не было, что летописный рассказ – миф, что русская государственность сложилась в среде наиболее развитого южного славянского племени – полян, которые, объединившись, двинули свои силы на Царь-град при Аскольде и Дире. Поэтому русскую историю он начинает с похода Аскольда и Дира на Константинополь. Эта теория важна для объяснения самого факта возникновения русской истории на юге России, но разрушить норманскую теорию эта теория не могла, потому что была недостаточно научно построена. Например, у него Карл – славянское имя, гунны – славяне и т.п.

Гораздо сильнее пошатнул норманскую теорию Геденов в соч. «Варяги и Русь», изд. в 1876 г. Он с высокой научностью доказал, что варяги не были норманы и что норманы не были русью, что русь

составляла коренное наше население, а варяги-князья и их дружина призваны к нам из славянского побережья. Норманы же до конца X в. никогда и нигде не называются варягами. Слово «варяг» произошло от древненемецкого слова «вара» (стража), усвоенного балтийскими славянами; ими оно было принесено в русь; а когда русские явились в Царьград в качестве императорской гвардии, то они и стали называть себя варягами. Впоследствии (с конца X в.), когда русских заменили в рядах императорской гвардии норманны, то старое название гвардейцев «варягами» осталось и для норманов. Поэтому византийские историки XI в. говорят явно о норманах как о варягах. Так же научно он доказывает филологическими и историческими данными, что словом «русь» никогда не назывались норманы; что слово «руотси» не имеет связи с именем «русь»; что этим чисто туземным словом финны называют вообще всех живущих в горах, напр., лапландцев, и даже себя; что слово «русь» – туземное, славянское; корень его лежит в названиях больших русских рек, напр., Волга – Рось (по древним памятникам), Неман – Рось; от слова «Русь» происходит слово «русло» для означения тихой прозрачной воды, святой, священное место; отсюда и русалка, выходящая из воды, божество из чистой воды, отсюда и св. Русь. У греков слово этого же звучания не склоняется, как собирательное название народа. Гедеонов должен был обратить внимание на ту сторону, которой придавали самое важное значение норманисты, не знавшие русской летописной истории, русского быта, обычаев, а руководившиеся свидетельством записок иностранных писателей и лингвистическим объяснением. Гедеонов, в противовес им, выставил положение, что в таком великом вопросе, как призвание князей, нельзя ограничиться письменными историческими свидетельствами, а нужно изучить бытовые проявления влияния норманнов, как они сохранились в обычаях, в государственном устройстве и т.п. Но прежде всего он следует за норманистами в их доказательствах и подвергает их критике, напр., о слове «варяг». Норманисты подводили под это наименование норманов, а между тем были побиты: 1) до X в. норманы не назывались варягами; 2) норманское «веринг» (присяжник) не могло перейти у греков-«варяг»; 3) норманисты усматривали варягов в дружине «фарганов», но это были византийские (придворные) дружины из восточных народов. Гедеонов исследовал и исторические доказательства норманистов, а именно следующие: 1) в Берлинских летописях расска-

зывается, что в 837 г. император византийский Феофил прислал к императору Людовику Благочестивому послов, а с ними были какие-то люди, которые себя называли «рось», а своего короля «каганом». Людовик, приказав тщательно разведать, кто они такие, узнал, что они шведы. Это известие представляет непреодолимые трудности для исследователя; всего вероятнее, что эти шведы служили у наместника каганова в Киеве; 2) по свидетельству арабского писателя Эль-Катиба, в 844 г. «руссы» грабили Севилью, а по другому свидетельству это были норманы. Но это несколько не доказывает, что «руссы» (русские) были на самом деле норманнами; 3) по свидетельству Луитпранда, бывшего в Константинополе два раза и в последний раз в 967 г., «к северу от Константинополя живут разные народы: угры, печенеги, авары, руссы, которые, по положению страны, у Греков называются норманами, а у нас – свеонами». Но, оказывается, географические представления Луитпранда очень запутаны и, кроме того, его норманов трудно отождествить со скандинавскими норманами ввиду того, что это у него только перевод собирательного греческого названия для всех народностей на севере от Черного моря – «иперборейские народы», «северные народы». И называя руссов, наравне с печенегами и хазарами, свеонами, Луитпранд делает громадный скачок.

Сильнейшее доказательство норманистов в пользу призвания заключается в названиях князей и послов, в договорах с греками Олега и Игоря. С этим вопросом считались и Иловайский, и Гедеонов. И последнему нужно отдать преимущество. Он с поразительною убедительностью доказал, что договоры написаны первоначально по-гречески, а в русском – представляют перевод, писанный славянином при греческой канцелярии, причем греки исказили славянские слова: из «Смоленска» получился «Мелиниск», слово «Игорь» изменилось в «Ингвара». Отсюда большая путаница в определении, какое слово славянское, какое иностранное. Впрочем, некоторые имена, несомненно, иностранные, напр., Карлы, Фарлаф. Объяснение этого обстоятельства Гедеонов видит в том, что это были или 1) купцы, или 2) в дружине русских князей могли быть иностранцы, которые в виде особого отличия были назначаемы послами; 3) при заключении договора нужны были самые бывалые люди, а такими в то время

были преимущественно купцы; при том же на послов возлагалась особая миссия: сам князь нередко посылал с ними свои товары.

Многие слова, которые прежде считались иностранными, теперь, несомненно, должны быть признаны славянскими. В договоре Олега считалось 15 иностранных слов и 47 – в договоре Игоря. Самые имена: Рюрик, Олег, Ольга и др. защитники норманской теории производят от норманского языка. Гедеонов разбирал эти слова, и из 15 слов Олегова договора 7 оказалось русских. Так, по-видимому, иностранное «Вельмуд», по его объяснению, есть русское «велемудр»; «Фаслав» – слав. «Воислав». В договоре Игоря он нашел 25 славянских слов. Но, несомненно, в этом договоре есть слова и иностранные, древнегерманского происхождения.

Норманисты считают подтверждением своей теории названия днепровских порогов, переданные Константином Багрянородным в его рассказе о Руси. Он при перечислении порогов указывает двоякие названия: русские и славянские. Исходя из этого, русские названия норманисты считают иностранными, отсюда-то и заключают, что варяги – норманы. При объяснении семи днепровских порогов норманистам пришлось прибегнуть к всевозможным языкам и гнуть их во все стороны так, чтобы не дать невыгодного им объяснения. Несомненно, однако, что эти имена не русского и не славянского происхождения, которые и дали свои названия порогам. Значит, надо допустить, что через днепровские пороги проходили какие-то люди не русского и не славянского происхождения. Эти-то названия слышал Константин Багрянородный и слышал, вероятно, от какого-либо славянина, который путал иностранные названия. И надо думать, что это был славянин или балтийский, или из западных славян, из которых многие, равно как многие и из норманнов, служили лоцманами. И так как лоцманы-норманы давали порогам свои названия, а лоцманы-славяне свои, то этот славянин указывал Константину славянские названия и вместе с ними и норманские, которые сам он мог слышать от какого-либо варяга в Киеве.

Таким образом, из всех названий, встречавшихся в договорах Олега и Игоря и у Константина, нужно сделать лишь то заключение, что варяги жили в Киеве и на службе государственной, и как торговцы, и как лоцманы. Но отсюда еще не следует заключать, что и князья наши были призваны из норманов. Ведь и вообще в

Киеве был приток иноземцев с Запада, как и теперь в Россию. И как разнообразен был этот приток, видим из названия одного из порогов, которое ближе всего к голландскому слову, означающему «аиста». Очевидно, шли в Россию выходцы с разных сторон; но из этого ведь ничего не открывается нового о призвании князей. Открывается это скорее из другого рода слов: если рассматривать разные технические названия (военные, разных учреждений и др.), то увидим, что уже многие слова, уже не употребляющиеся ныне, не норманского происхождения, а чисто славянского, и, скорее всего, явились они к нам от балтийских или западных славян. Некоторые из таких слов упоминаются в сочинениях разных немецких писателей, напр., Адама Бременского и др., но за разъяснением большинства из них надобно обратиться к языкам западнославянским – польскому, чешскому и др. Гедеонов так и делает. Он рассматривает памятники древнерусской письменности: «Слово о полку Игореве», «Договор Олега», «Русскую Правду», «Поучение Владимира Мономаха». В них он указывает много таких слов, которые становятся ясными при сличении их с западнославянскими корнями. Например, в «Договоре Олега» упоминается слово «уклады», и значит оно (с польского) «вознаграждение»; в «Церковном уставе Владимира» – «пискуп», что, очевидно, есть западнославянская переделка слова «бискуп» в «епископ»; в «Русской Правде» – «надражен», (с польского) «ударять сверху»; там же встречается «сана» – сон; в «Поучении Владимира Мономаха» – «ирия» – весна, теплые страны; «чин» – (с польского) «дело»; в «Слове о полку Игореве» – «утручати» – (с польского) «стучать, греметь».

Вообще мы видим множество слов, занесенных от зап. славян. Эта аргументация Гедеонова подтверждается у Забелина, который в 1 томе своей «Истор. рус. жизни» приложил часть русского перевода «Космографии Меркатора», где описывается Померания. В ней встречаются названия, которые Забелин приравнивает к русским, употреблявшимся в Новгородской области. Не говорим уже о словах: «русь», «рось», встречается много и других слов, например: «Словенск», село «Словенда» по р. Неману, «Славогощь», «Славия» (у Вислы), «Дивин», приток Одры, «Двина», «Старград», «Новград»; в Новгороде – концы «Словенский» и Славно; улицы «Пруская и Варяжская», место «Щетиничи» (выходцы из Щетина, по объяснению Забелина) – все находит себе родство в балтийских сла-

вянских названиях. Упоминается древний «Изборск, стоящий на словенских ключах»; упоминается имя Гостомысла. На основании этих изысканий Забелин даже предполагал, что наши князья были призваны от бодричей. Но это, конечно, все одни догадки, которые и опровергают последователи норманской теории, и нередко сильно. Но нельзя не признать, что эта работа Гедеонова и Забелина имеет будущность; из нее постепенно будет выясняться связь русских и балтийских славян.

Такова сущность норманской и славянской теорий. Что же выходит из них? То, что мы доселе не знаем, кто были вызванные князья Рюрик, Синеус и Трувор, что как и прежде, так и теперь основанием для различных мнений являются одни гадания, является вопрос: какая же польза в таком случае подобных гаданий-исследований? А польза та, что этими исследованиями проливается свет на русскую жизнь до IX в.

Норманской теорией немцы устроили нам как бы засеку, далее которой не должно было бы идти изучение древней жизни, или, как говорит Забелин, они устроили нам пустое место в нашей истории. Русские люди направили свои усилия, чтобы разрушить засеку эту, и это делали не ради самолюбия, а по соображениям более важным. Заглядывая в это пустое пространство, они постепенно приходили к тому заключению, что оно наполнено русской цивилизацией, цивилизацией вполне самобытной. Прежде, например, в сочинении Погодина проводилась мысль, что в «Русской Правде» виден кодекс иноземного права, в настоящее время пришли к тому несомненному убеждению, что «Русская Правда» есть соединение, собственно, древнеславянских обычаев; или, напр., норманисты утверждали, что варяги основали рус. города, напр., Новгород, с их приходом; теперь же выяснилось, что русские города отличаются более глубокою древностью. Много есть подобных примеров, в которых истинный смысл вещей выяснен только с отвержением норманской теории. И беспристрастное изучение русской истории будет постоянно заставлять нас отказываться от этой теории.

* * *

Источники русской истории до смерти Ярослава очень многочисленны. Прежде всего древнеславянские летописи с пояснениями

и дополнениями; затем свидетельства греческих писателей: в послании Фотия, в сочинениях Константина Багрянородного, Льва Дякона, Георгия Амартола и др.; свидетельства арабских писателей: Массуди, Фоцлана, Ибн-Дасты и др. Для времени Владимира есть свидетельства и западных писателей, напр.: Дитмара, Мерзебургского (Межиборского), Адама Бременского, Гельмольда; здесь можно давать место и «Исландским сагам» (записанным в XIV и XV вв.). Вообще же ко всем этим источникам нужно относиться критически и с особенной внимательностью.

Если проследить ход событий в начале нашей истории по летописи, то нас часто будут поражать неожиданности, необъяснимые с точки зрения норманской теории. В момент, напр., призвания князей (862 г.) у славян уже обнаруживается факт существования культуры. Призывают князей не одни только новгородцы, но и кривичи, чудь и др. А такой союз предполагает большое время, в течение которого он мог образоваться, могла выработаться мысль о необходимости объединения одним управлением. Если даже под чудью разумеют русских колонистов среди собственно чуди, то и в таком случае опять нужно продолжительное время для сознания необходимости объединения.

Обратим внимание и на то, как разместились призванные князья. Рюрик поместился первоначально в Ладоге, потом в Новгороде, Синеус – в Белоозерске, Трувор – в Изборске. Если посмотреть на карту, то мы увидим, что эта была громадная территория; расположиться на ней можно было лишь в том случае, если на это было согласие всего населения и привычка последнего к власти. Обратим внимание и на то, какое значение имели указанные пункты. Владеть Белоозером и Ладогой значило владеть громадным торговым путем к Белому морю; владеть же Изборском значило владеть пунктом, откуда шли сношения с балт. страной и Балтийским морем. Из этого следует, что ранее еще здесь сложилась торговля, создалась потребность порядка и важность объединения, что видно из этого, что отдельные пункты объединились, и что особенно ясно обнаружилось по смерти (в 864 г.) двух братьев, когда Рюрик сделался единодержавным князем всей Руси. Он посылает во все концы своих дружинников, причем обнаруживаются новые пункты: Ростов, Полоцк и др.

Таким образом, один человек управляет из Новгорода всей этой громадной территорией, и власть его признается всеми.

Затем, по рассказу летописи, из дружины Рюрика выделяются Аскольд и Дир, они идут на юг, усаживаются в Киеве и через 3-4 года (866 г.) уже с большими силами нападают на Царьград и, несмотря на то, что терпят здесь поражение, завязывают торговые сношения и принимают христианство. Удивительно, каким образом Аскольд и Дир могли утвердиться в Киеве, собрать силы и отправиться походом на Константинополь? Удивительно, что даже после поражения они заключают здесь торговый договор.

Все это, очевидно, свидетельствует о прочности власти Аскольда и Дира, которая обнимала собой значительное число славянских племен.

Существуют различные объяснения подобного явления. Полагают, что Аскольд и Дир были то ли хазары, то ли угры, то ли какие-то черноморские руссы; вообще, отрывают их от славян (руси). Но для нас ясно, что кто бы ни были Аскольд и Дир, но в Киеве задолго до них сознавалась потребность государственности; здесь была возможность принять и держать власть и сноситься с Царьградом. Ясно отсюда, что цивилизация в Киеве должна была зародиться много ранее.

Далее в летописи встречаем снова неожиданность. В 882 г. умирает Рюрик. Наследником его является Игорь, по малолетству которого властвует Олег. Этот князь не обнаруживает ни малейшей заботы об упрочении власти в Новгороде, а боится лишь нападения внешних врагов; поэтому заставляет новгородцев нанимать стражу, а сам направляется на юг, овладевает Смоленском, Любичем, Киевом; овладевает древлянами, дулебами, затрагивает вятичей, уличей; налагает на них дань, а Киев объявляет своей столицей и «матерью русских городов». Мало этого: около 907 г. он с большими военными силами направляется на Царьград, овладевает им и заключает договор с греками. Можно, пожалуй, усомниться в таком успехе этого похода ввиду того, что греческие писатели ничего не говорят о нем, но нужно заметить, что в источниках византийской истории на данное время падает большой пробел. Из договора Олега видны крепкие торговые сношения с Византией; открывается значительное развитие русского законодательства (напр., за убийство полагается вира в пять лир).

Очевидно, таким образом, что вся русская земля, от Белого до Черного моря, задолго до призвания князей имела некоторые формы

государственности и этим была подготовлена к созданию прочного государственного строя.

Не обходится без странностей в рассказе наших летописей и о времени Игоря. Конечно, тот рассказ, что отроки Игоря жаловались на то, что они беднее, чем отроки Свенельдовы, и что будто из-за этого Игорь остался в древлянской земле, не более как простодушнейший рассказ и истинного в нем только то, что Игорь решился продолжать так называемое «полюдье» в древлянской земле. Дело не в этом... По рассказу наших летописей, Игорь представляется также воюющим с греками и также заключающим с ними договор; вот в этом-то договоре, как и в Олеговом, немало неожиданностей.

В Олеговом договоре говорилось: «когда русские торговые люди приезжают в Царьград, то должны иметь печать», а в Игоревом прямо требуется княжеская грамота, чтобы различать действительно торговых людей от разбойников. В Игоревом договоре видим и другую важную особенность, ту именно, что русские принимают на себя обязанность, если у их берегов будет разбит корабль, оберегать выброшенное на берег и возвращать имущество пострадавшему, а если ладья останется целою, то ее при ближайшем плавании в Византию доставить туда. Нужно заметить, что подобные обязательства все-г д а утверждались в международных отношениях с величайшим трудом; и у германских городов по берегам Балтийского моря до XIII и даже XV вв. господствовало так называемое береговое право, т.е. право расхищать имущество пострадавших кораблей. То, что русские вносят такую статью в свой договор, показывает, что они слишком ясно понимали выгоды торговли.

Бросается в глаза и еще одна весьма важная странность. Не нужно забывать, что походам Игоря на греков предшествовали походы на Каспийское море: один еще при Олеге (909-910 и 914 гг.), другой – при самом Игоре. Предпринимать эти походы было чрезвычайно трудно; предполагалась большая смелость со стороны русских, тем более, что на Дону приходилось ведаться с Хазарскою крепостью-Саркелом. Очевидно, русские были знакомы не только с торговым движением на Днепре, но и с дальнейшим на востоке, и забирались они на Азовское море, в Керченский пролив. Время Игоря показывает это. После первого похода (в 941 г.) на греков Игорь

удаляется в Керченский пролив; удаляться сюда после поражения значит иметь собственное пристанище, которое таким действительно и было. Из обстоятельств второго (в 943 г.) похода видно, что Игорь имел какую-то власть над черными болгарами, так как в договоре было поставлено условие, чтобы он удерживал их от нападений на Херсонскую область. Вскоре после этого похода на восточном берегу моря встречается и русская область – Тьмутараканская. Кроме этого, из договора видно, что тогда среди русских была не только большая, но и открытая группа христиан. В договоре говорится, что когда русские придут в Царьград и случится убийство и нельзя будет найти убийцу, то должны присягать христиане по своему обряду, язычники – по своему. То же было и при утверждении самого договора в Киеве, причем христиане присягали в соборной Церкви Св. Илии. Некоторые ученые, такие как Голубинский, полагают, что Игорь уже был в то время тайным христианином и что ему было только трудно открыто объявить об этом.

В пользу этого говорит то, что после смерти князя жена его Ольга, ставшая за малолетством сына Святослава в положении княгини, не только открыто признает себя христианкою, но и едет в Царьград для того ли, чтобы оказать почести императору-христианину, или чтобы принять крещение (вопрос спорный). Мало того, она ездит по областям, чтобы утверждать христианство, и, что особенно замечательно, не теряет власти, а спокойно правит, устанавливает дани, уроки. Мало и этого: она старается упрочить христианство в своем княжеском доме, убеждает принять его и сына своего Святослава; но он, как известно, чуждался этого и был недоволен матерью за ее увещания. Очевидно, между ним и матерью был разлад, но дело не доходило до разрыва, до устранения матери от власти: она правит до конца своей жизни и, что всего поразительнее, требует от сына, чтобы он похоронил ее по христианскому обычаю; и сын исполняет это. Надо вспомнить, что по языческому обычаю над умершими совершалась тризна; отказаться от этого, не хоронить лицо княжеского рода по требованиям тризны было делом необычайным, но однако оно совершалось.

В новое время вопрос об Ольге сделался предметом литературной полемики. Архимандрит Леонид во Владимирской летописи нашел, что Ольга была родом из болгар, и напечатал это в «Русской Старине». Это известие в «Киевской Старине» разобрал проф. Киев.

Дух. Акад. И.И. Малышевский и доказал, что Ольга из Пскова. Это замечательное исследование, в особенности в том отношении, что оно дает возможность изучить приемы исторической критики; но тут, к сожалению, впутывается вопрос о варягах и говорится, что Ольга была не племянница Олега, а норманка. Проф. М.О. Коялович возражал на это, что тут вовсе незачем возиться с норманами, и советовал разменять всех варягов на русских. В ответ на статью проф. Малышевского архим. Леонид снова доказывал, что Ольга происходила из болгар, а именно из Черноморских. У наших летописцев (о которых Шлёцер говорит, что они были такие невежды, что только делали ошибки) есть известия, что Ольга была дочь или родственница известного Гостомысла.

Теперь мы переходим ко времени Святослава, дела которого повергают в недоумение последователей как норманской (в особенности), так и славянской теорий.

Дела эти, с одной стороны, возвращают нас назад, как будто бы к чистому норманству, и заставляют видеть в Святославе человека норманского характера, оторванного от земли; с другой, уходят вперед, к общеславянской идее; но в этом и другом случае они одинаково поражают несомненной яркостью дел, а последователей славянской теории – яркостью чисто русских особенностей. Святослав, с этой славянской точки зрения, представляется истинным славянином, даже с хохлацкими особенностями; с норманской точки зрения, он является искателем приключений, а со славянской – великим государем.

Кто же он был? Конечно, славянин. Не напрасно и имя носил чисто славянское. Он был богатырь и вождь богатырей, как об этом хорошо говорится в наших летописях. Хотя его богатырские дела представляются, при первом взгляде, случайными, прихотливыми и даже как бы заказными; но таковыми они представляются только при излишнем доверии к нашим русским и византийским летописцам и невнимании к тогдашним нуждам России. Так, напр., его походы на Хазарию и разрушение этой державы представляются результатом воинственного порыва, порыва необычайного, так как он доходил до самого устья Волги и даже до Каспийского моря, а между тем это дело было тогда крайне нужным для России: это было расчищение путей – Дона для юга России и Волги для севера. Разгромить Хазарское царство, показать русскую власть значило дать русским людям большую волю на Волге и на Дону до выхода в Азовское и Черное моря; это было как бы завершени-

ем тех русских походов, которые были в конце IX и начале и половине X вв.

Затем опять представляется прихотью поход Святослава на ясов и косогов, а между тем он в действительности тесно связан с делами хазар (которые были и в Крыму) и имел целью защитить русское влияние (Тьмутараканскую область со стороны Кавказа). Таким образом, эти походы были вообще утверждением власти России на Волге, Дону и у Керченского пролива: через это открывался громадный район для государственной и торговой деятельности России.

За этими походами, происходившими в 965 – 967 гг., следуют шумные и знаменитые походы Святослава на болгар дунайских и борьба с греками. Наши летописи дают весьма отрывочные известия о начале этих походов, не указывают причин их, как и вообще не раскрывают причин других дел Святослава; они только строго выдерживают характер этого неумолимого воителя, который почти постоянно говорил тем или другим своим соседям: «иду на вы».

Наши летописи заканчивают историю болгарских походов компромиссом, выгодным для русской чести, состоявшим в том, что греки предложили Святославу дань и предоставили ему благополучный выход из Болгарии.

Совсем иначе говорят об этом греческие летописцы: Лев Диакон, Кедрин и др. Они представляют Святослава своим орудием для подавления болгар. Но это орудие им изменило: Святослав крепко засел в Болгарии, и так как это было делом очень важным, связывалось с именем славного Иоанна Цимистия, то и Святослав был поднят на высоту таланта и силы.

Фактическая сторона этой истории такова: конец IX и начало X вв. (до 927 г.) было для болгар золотым веком и в смысле государственного могущества, и в смысле внутреннего развития. Это было время знаменитого болгарского царя Симеона, который господствовал над большей частью Болгарии и при котором Болгария достигла высшей степени внутреннего могущества, в то же время и церковно-славянская письменность достигла цветущего состояния.

Дела Симеона продолжал сын его Петр, далеко не обладавший дарованиями отца. В его царствование греки и вздумали сокрушить Болгарское царство, но чужими руками. И вот наместник Херсонеса Калоки подружился со Святославом и втянул его в войну с Болгарии-

ей. Нет надобности отвергать рассказ Льва Диакона об этом, но странно было бы объяснять дело одним этим. Русский богатырь Святослав слушал льстивые слова грека, но в то же время делал свое дело. Обладание Керченским проливом не только производило давление на северо-востоке от него – на Хазарское царство, но давало себя чувствовать и всему побережью Черного моря, и греческим колониям, здесь находящимся, отсюда и объясняются заискивания греков, направленные против болгар, с которыми у Святослава были свои счеты. Если Святослав постарался расчистить для торговых людей пути на Волгу и Керченский пролив, то тем более он должен был позаботиться о расчистке пути греческого по Днестру, так как тогда русские не ездили по открытому морю из Днепра прямо в Царьград, а держались берегов: из Днепра поворачивали на Запад и по берегу Болгарии плыли до Царьграда. Поэтому сношение с Болгарией было очень важно, ибо в случае каких-либо недоразумений страдали торговые предприятия.

Из истории походов Игоря известно, что болгары, когда они находились в мире с греками, давали знать им о походах русских. Святослав хотел отомстить им и показать свою силу, как показал ее на востоке хазарам; нужно было завоевывать восточную Болгарию. Нельзя найти в источниках, что кто-нибудь сознавал это, но это является историческим постулатом при обозрении всей деятельности Святослава и тех обстоятельств, которыми окружена эта деятельность. Мало того: можно думать, что существующие тогда в Болгарии волнения, племенная и вероисповедная рознь между христианами и язычниками побудили Святослава дать предпочтение язычеству и установить независимое положение от греков и в церковном, и в гражданском отношении. Можно догадываться, что в деятельности Святослава сказывается языческий порыв – устроить государство на языческих началах и языческими силами. В X в., когда язычество балтийских славян падало, очень естественно было возбуждение язычества. Признаки этого возбуждения ясно заметны были во время Владимира, а тем более во время Святослава, который, по свидетельству Иоакимовской и Греческой летописей, был ревностный язычник, исполнявший все языческие обряды и даже неудачу своих походов объяснявший тем, что в среде его войска были христиане, а потому он был готов снести с лица земли само христианство. Как можно догадываться, Святослава в этом случае вооду-

шевляла мысль быть единым государем всех славянских стран и из Рушука на Дунае управлять русскими и болгарями. В этом смысле и нужно понимать выражение, что Переяславль есть центр его владений, куда стекаются вся благая: от греков – вино и фрукты, из Чехии – серебро, кони; из Руси – воск, медь, челядь. При оценке этого заявления, которое внесено в нашу летопись, необходимо иметь в виду, что это говорит не купец, жадный до наживы, и не правитель, а богатырь-государь; а также и то, что и свидетельство это принадлежит скромному иноку, не верить которому нет необходимости.

Первый поход в 968 г. был блистательным. Вся восточная Болгария была завоевана. Петр скоро умер. Могущество Святослава угрожало грекам. И они прибегнули к хитрости. Воспользовавшись оплошностью Святослава, а именно: последний, разгромив царство Хазарское, не успел там упрочить своей власти, как там появились новые кочевники печенеги, и их-то греки подняли против самого Киева. Святослав тогда оставил Болгарию, возвратился в Киев и пробыл там до смерти Ольги (969 г.). Затем он опять разделил войско на полки, завоевал Болгарию и, сделав в ней номинальным царем Бориса, сына Петра, стал теснить греков, перешел Балканы и овладел Филиппополем. Греки напомнили Святославу, что он ими призван и что пора ему оставить Болгарию. А Святослав предложил им выкупить ее; в противном случае, пусть римляне убираются из Европы, которая больше уже им не принадлежит. Значит, Святослав представляет Переяславль серединою своей земли по отношению к югу, к Киеву, Чехии, Византии и Керченскому проливу. Но тут юное славянское богатырство встретилось с холодной силой ума старого народа, во главе которого стоял Иоанн Цимистий. Борьба была проиграна, тем более, что Святослав уже достаточно ослабил свои войска, с одной стороны, возвращением в Россию, а с другой – тем, что заключил невыгодный договор с мадьярами. Первый бой с греками под Андрианополем был проигран, пришлось отступить за Балканы (объясняют это изменой печенегов). Но, отступая, Святослав не позаботился загородить проход войску, а утвердившись в Силистрии после упорной защиты, принужден был заключить мир и удалиться домой, на погибель себе. Печенеги подкараулили его у Днепровских порогов, где Святослав и пал в 972 или 973 году.

Таким образом, все эти шумные походы Святослава практической пользы России не принесли, но зато они обнаружили поражающую широту взгляда и предприятий Святослава, а вместе с тем наметили программу будущих стремлений России. И действительно, позднее в делах Владимира мы видим выполнение программы Святослава. А это имеет то важное значение, что оно положило начало и указало путь, по которому нужно идти в дальнейшем осуществлении плана.

Но в самой русской жизни для осуществления программы Святослава встретилось много препятствий – это смуты и раздоры между сыновьями Святослава Ярополком, Олегом и Владимиром. Смуты эти кажутся обыкновенно ничтожными, случайными, и летописец представляет их как бы баснословными, но в них нужно искать смысл, и смысл этот легко можно найти, если вспомнить, что самому старшему сыну Святослава Ярополку было всего 11 лет, а потому, пользуясь малолетством князей, окружавшие их люди старались давать делам то или другое направление. Например, Олег, древлянский князь, убил Люта, сына Свенельда, тогда последний возбудил против него Ярополка. Во время этой войны Олег и умер, а древлянская земля была присоединена к Киеву. Мысль, что все области должны стягиваться к Киеву, так сильно тогда действовала, что Владимир, бывший в Новгороде, бежал оттуда за море, и недаром, потому что Ярополк тотчас же послал туда своего наместника. Владимир, прибывший с варягами, предпринял поход на юг, но при этом имел в виду не одну прямую цель – овладеть Киевом, а и другую – упрочить себя приобретением других областей; потому по пути овладевает Полоцком, убив князя Рогвольда за то будто бы, что он отказался выдать за него свою дочь. Олег, также шедший в Киев, овладел Смоленском, а Владимир овладел правой стороной (левая уже была в его владениях). Далее Владимир совершил успешный поход на Ярополка, которому почему-то все начали изменять, и он принужден был бежать домой, но и там его не оставила измена, и он вскоре умер.

Во всем этом мы видим областную расшатанность и рознь по смерти Святослава; впрочем, в Киеве и в это время сохраняется мысль, что государство должно быть одно, и стремление Ярополка к восстановлению единства – яркое свидетельство тому. Усматривается также некоторая рознь между людьми, окружавшими Ольгу

и Святослава. Воинственные люди последнего не могли ужиться с мирными людьми первой; отсюда раздоры и смуты.

В Иоакимовской летописи это обстоятельство объясняется тем, что здесь будто бы важную роль играет борьба между христианством и язычеством, что Ярополк, воспитанный в христианстве, пал в этой борьбе под давлением преобладающего язычества; и отсюда объясняются и те измены, которые его преследовали в последнее время жизни; и что, напротив, Владимир как представитель язычества в это время, наоборот, выдвигается.

В этом, по-видимому, простом факте мы видим весьма важное обстоятельство. В самом деле, разделение на области России после Святослава не было прихотью, а вызывалось весьма важным требованием со стороны новгородцев дать им князя Владимира; в противном случае, они на стороне поищут себе князя. Следовательно, это дробление на области было весьма естественно. Потому-то, может быть, Олег не только отражал стремление древлян отделяться от Киева. Но мысль о том, что все области должны подчиниться Киеву, была так сильна, что даже Владимир, самый младший из князей, находит столько подкрепляющих сил, что прогоняет брата и утверждает в Киеве.

* * *

Исторические факты первых лет княжения Владимира многочисленны и заключаются в следующем: явившись в 980 г. или около этого времени в Новгород с варягами, Владимир идет походом и берет г. Полоцк. Затем в 981 г. идет на ляхов и овладевает Червеном, Перемышлем и др. городами в пределах нынешней Холмской Руси. Далее Владимир утверждает свою власть на востоке, а именно: в 981-2 гг. делает походы на радимичей и вятичей и повторяет их в следующих (983-984) годах. В 983 г. он предпринимает важное дело на Западе: идет походом на ятвягов; следовательно, овладевает теми пределами, которые находились между Полоцком, и тем путем, которым ходили на Запад. В 985 г. Владимир отправляется походом на каких-то болгар, причем летописец, повествуя об этом походе, сообщает, что в числе союзников Владимира были «торки», которых он «берегом приведе на коних». Впоследствии эти союзники России являются на юге от Киева, по р. Роси. На каких болгар ходил Владимир, мы достоверно не знаем,

но вероятнее всего, это были волжские болгары. В пользу такого предположения говорит та передаваемая летописцем особенность, что взятые им в Болгарии пленники были в «сапозех». Ясно, что болгары, с которыми воевал Владимир, были люди зажиточные, торговые, с которыми выгоднее было держать мир. А таковыми могли быть только волжские болгары, но никак не придунайские. С ними Владимир заключил мир. Вот все события того времени. Смысл их чрезвычайно важен. Делая указанные походы, Владимир, подобно Олегу и Святославу, старается восстановить единство Русской земли и утвердить свою власть во всех пределах Руси: и на востоке, и на западе; и обеспечить за Киевским княжеством те области, которые стали было отделяться от него.

Но здесь мы замечаем и новые, сравнительно с прежним, приобретения; они таковы: завоевание Полоцка – в пределах Волги и устьягов, т.е. утверждение за Киевом пути от Днепра до Припяти. Насколько важны были эти приобретения, видно из того, что в то время печенеги начали вредить торговле по берегам Днепра – этому единственному торговому пути того времени, и потому Владимиру естественно было озаботиться приобретением нового торгового пути. Вот он и овладевает важнейшим водным путем по Днепру и Волге (отсюда же, кстати, можно заключить о том, что он ходил не на дунайских, а на волжских болгар). Кроме того, приобретением этого пути удовлетворялись торговые интересы Новгорода и Киева.

Насколько сам Владимир дорожил этим приобретением, видно из того, что, напр., в Турове он посадил самого воинственного из своих сыновей Святополка. А Туров был сторожевым пунктом. Затем, когда был приобретен указанный путь (торговый), то в Киеве было великое торжество, сопровождавшееся даже человеческими жертвами, причем жребий пал на двух христиан. Этот последний факт показывает, что при объединении русской земли Владимир имел сторонников преимущественно из языческой партии. Подтверждение этого мы находим в другом факте. Едва Владимир утвердился в Киеве, как ревностно начал заботиться о возвышении язычества.

Идолы были в Киеве и до Владимира. При Игоре, во время договора с греками, язычники приносили присяги у идола Перуна. Но Владимир ставит целый ряд новых идолов; воздвигает и украша-

ет статуи, без сомнения, недаром. Владимир старался утвердить свою власть в том районе, в котором утверждался Святослав, с целью восстановить язычество во всей силе и дать почувствовать эту силу христианам. Ведь и жребий жертвоприношения при киевском торжестве, после похода на ятвягов, пал на христиан неслучайно. Впрочем, такое озлобление против христиан в самом Киеве не могло возбудиться, а если и возбуждалось, то не в такой степени. Но в Киев пришли из Новгорода чужие люди-варяги, враждебно относившиеся к христианству; вот они и толкали Владимира на этот путь озлобления против христианства, хотя, конечно, и не без участия киевлян.

С Владимиром тут произошла перемена. Варяги хотели распорядиться с Киевом как с завоеванным городом и требовали дань, а Владимир отправил их на греков, оставив при себе только некоторых в качестве помощников при управлении. Эти помощники, впрочем, не могли долго держаться среди преобладающей массы киевлян; и, несомненно, что Владимир чем далее, тем более старался окружать себя киевскими людьми. А эти последние не только состояли из людей Святослава, но и из людей Ольги, бывших по большей части христианами.

По этому вопросу существует теперь громадная литература, которая была вызвана в особенности празднованием 900-летия крещения Руси. Подготавлилась она еще с 50-х годов нынешнего столетия, т.е. с того времени, когда Преосвящ. Макарий открыл весьма важные исторические памятники²⁴, напечатанные им потом в «Христианском Чтении» за 1879 г. Это открытие подняло вопрос: когда и как крестился Владимир? Интерес к этому вопросу возбудили также знатоки византийской литературы профессора: Васильевский, Успенский и др.

В «Жур. Мин. Нар. Просвещ.» за 1874 г. появилась статья, в которой разбирались сказания монаха Иакова. Этим вопросом занимались также так называемые ориенталисты, исследовавшие восточные памятники, как, напр.: сказание Ахьи, Альма-Камы и др. Особенно много в этом отношении сделал барон Розен (в 1883 г.). В 1880 г. была издана «История русской Церкви» проф. Голубинского, в которой было произведено самое тщательное расследование, между прочим, и памятников касательно крещения Владимира, равно разъяснен был и самый вопрос. Тут выступило в особенности

крайне отрицательное отношение этого профессора как к самим этим памятникам, так и к господствовавшим взглядам на них. Он признал баснословным летописный рассказ, например, о разных посольствах к Владимиру с предложением своей веры и др., и пришел к тому заключению, что если и был в 988 г. поход Владимира на Корсунь, то ему предшествовало крещение Владимира. В этой же книге Голубинский перепечатал и все важнейшие памятники, имеющие отношение к вопросу о крещении Владимира, и сопоставил сказания мниха Иакова с летописными и проложными свидетельствами.

После этого вопрос о крещении Владимира и Руси раздвоился, и стали утверждать, будто поход на Корсунь был в 989 г., а крещение Владимира предшествовало ему.

По этой программе потом много было написано в «Трудах Киевской Духовной Академии», в «Русской Старине», в «Киевской Старине» и в «Христианском Чтении». Свод всего высказанного здесь сделан был в «Христианском Чтении» за прошлый год Левицким.

Главным образом, выступили при этом проф. Малышевский со статьей «О начале христианства в России», Завитневич; затем Успенский в «Журн. Мин. Нар. Просв.», покойный проф. Крыжановский и проф. Соболевский. Их основные мнения можно найти в статье Левицкого. В частности, Крыжановский и Соболевский утверждают, что того года, который указывается в иностранных сказаниях, т.е. 989, признать нельзя, и что поход на Корсунь был раньше этого года, а крещение Владимира – раньше самого похода; поэтому они признают 988 г. Такого же мнения держится, между прочим, Иловайский. Можно думать, что с течением времени оно перейдет в системы и учебники.

И в самом деле, нет оснований признавать баснословием все летописные показания о крещении Владимира и отвергать указываемый в летописи 988 год. Нельзя также согласиться с Голубинским и в том, будто Владимир решил принять крещение исключительно по собственному личному убеждению в истинности христианства. Не надо забывать, что Владимир был государь, который все делал вместе с дружиною; в частности, поэтому и в принятии христианства имело значение и убеждение дружины. Сам Владимир мог быть знаком с христианством на основании преданий своих предков. Например, митр. Илларион говорит, что он помнил внушения своей бабки

Ольги. Но его дружина нуждалась в другом источнике для знакомства с христианством. Наконец, что касается отсутствия в ряду древних былин таких, которые указывали бы на обстоятельства крещения Владимира, передаваемого летописью, то отсюда вовсе не следует, что показания летописные были измышлены кем-либо; напротив, подобному тому, как на княжеских пирах рассказывалось про гражданские дела и военные подвиги, могли быть рассказы и о делах религиозных; и дело объясняется лишь тем, что такие религиозные былины могли не сохраниться до настоящего времени, или, может быть, самый летописный рассказ и есть запись этих былин.

Владимир пришел в Киев с богатыми силами; и в начале своего княжения возобновляет язычество, но чем дальше он сживался со старым киевским населением, чем больше он узнавал о своей бабке Ольге, тем больше переходил на сторону христианства. В первой половине своего княжения Владимир действовал по программе Святослава и по этому пути пошел дальше того рубежа, где погиб последний. Он принял славянскую культуру в новом освещении – христианском. Это было величайшее дело в славянской жизни. Христианство сохранило славянские начала; славяне, оставившие православие, потеряли эти начала. Эта мысль развита Шафариком и М.О. Кояловичем в «Истории русского самосознания».

Сам Владимир сознавал, что, принимая культуру высшую, он совершал великое дело и для себя, и для русской государственности. Об этом говорит митр. Илларион. По его словам, Владимир сам выбрал православие.

Наука в настоящее время доказывает, что православие наиболее удовлетворяло требованиям русской жизни. Если Владимир сознавал, что греческая вера лучше всех других, то естественно, что совещался со старцами и расспрашивал их про веру. Очень возможно, что присылали к Владимиру послов; Владимир мог получать сведения о религиях и путем торговых сношений, мог расспрашивать о вере во время пиров в гриднице и т.д.

Все эти приготовления вытекали из существовавшего тогда гражданского строя, потому что князь не имел тайн от дружины. Владимир понимал христианство как силу, которую должно ввести государство. Отсюда забота о крещении русского народа в Киеве и других областях.

При вопросе о принятии христианства неизбежен вопрос, насколько при этом перевороте Владимир подчинялся иноземным влияниям. При введении христианства нельзя было обойтись без чужих людей. Могли понаехать греки, тем более болгары как более близкие по языку, было много и норманов. Знаменитый Олаф воспитывался даже при дворе Владимира. Насколько же могли сохраняться народные русские начала при наплыве чужих людей?

Мы видим, что Владимир сходилась с киевлянами; былины Владимирова цикла представляют его знаменитым князем, «красным солнышком». Из былин не видно, чтобы дружинные начала при Владимире-христианине ослабели. Сохранение русских начал еще более видно из следующих фактов. Владимир давал отпор чужим людям; он не вдруг взял и полную иерархию, и полное церковное устройство явилось спустя долгое время, в нач. IX в. Точно так же Владимир сначала поддался внушению греч. епископов казнить преступников, но потом оставил этот закон и вернулся к старым русским обычаям. Все это Владимир мог делать, только опираясь на громадное богатство своей русской силы.

На юге России в то время были сильны печенеги, так что для защиты от них Владимир должен был построить насыпь – вал и по Днепру, и по Сожу. Крепости же были населены вызванными из русских областей.

Как ясно Владимир сознавал значение православия, видно из следующего. В то время еще не было окончательного разделения церквей, но тем не менее Владимир отклонял предложения приходивших к нему папских послов. Летописи прекрасно сохранили мысль ответов Владимира папским послам: «Идите, ибо наши предки не знали сего». Яснее сказалось отношение Владимира к латинству, когда в Туров приехал латинский епископ Рейнгольд, сопровождавший жену Святополка, дочь Болеслава Храброго. С появлением епископа пошли интриги, тогда Владимир заключил его в темницу. Рядом с этим известно гуманное отношение Владимира к латинянам. Через Киев в XI в. отправлялся к печенегам Бруно – латинский епископ. Владимир с честью принял его, провожал его до насыпи, увещевал его не ходить к печенегам.

Все эти обстоятельства ясно говорят, что Владимир сознательно относился к делу и ясно понимал значение православного вероисповедания.

Самая сила восточного православия содействовала успеху распространения христианства. Так, устав Владимира есть только список с Номоканона. Он имел громадное влияние на русскую жизнь; производил громадный переворот: он отдавал целый разряд лиц и дел в область духовного управления; церковь брала под свое попечение всех несчастных, бедных, нищих, всех неустроившихся, безродных, вольноотпущенных, тяжко оскорбленных.

Всем этим должно было закрепляться влияние на русскую жизнь христианства, и в вместе с этим должно было смягчаться двоеверие – результат введения христианства государством. Понятно, двоеверие, естественно, было в русской жизни, потому что язычество не выработало внешних форм, а христианство явилось со всем богатством их. Христианская иерархия, богослужение становились в пустое место. Противодействия особенно сильного не было.

Много закреплялось положение христианства тем, что Владимир заботился о построении церквей, торжественно освящал их, строил их на месте идолов. При всякого рода торжествах Владимир отличался особенною щедростью, гостеприимством, раздавал много пособий бедным и даже рассылал их не имевшим возможности явиться на княжеский двор.

Одинаковыми мерами закреплялись христианство и государственность. Россия представляла тогда не сплошно населенную страну, а много групп, разобщенных географическими условиями и самоуправлением. Каждая группа имела плотное внутреннее устройство, была отделена от других групп пустым пространством. Группы эти легко были объединены для временных предприятий, как, напр.: греческих походов; иногда объединялись и более прочно полюдием и властью первого высшего князя.

Христианство дало возможность еще более усилить эту власть князя, потому что Владимир распределял по областям своих сыновей, и при них обыкновенно появились духовные и даже епископы; так было в Белгороде, Владимирове, Турове, Новгороде, Ростове.

Сыновья Владимира сидели в следующих городах: Изяслав – в Полоцке, Святослав – в Турове, Вышеслав – в Новгороде, Ярослав –

в Ростове и в Новгороде (по смерти Вышеслава), а в Ростове стали княжить сыновья Ярослава Борис и Глеб; в Тьмутаракани – Мстислав; Всеслав и Святослав – в Древлянской области и Волынской; Станислав – в Смоленске; Судислав – в Пскове. По всей России распределились сыновья великого князя, заступившие места племенных князей, где они могли быть.

Все это вело к объединению России, потому что имело своим последствием учащение сношений различных областей с Киевом. Чем дальше шло время, тем объединение делалось более прочным, несмотря на видимое различие областей.

* * *

Важнейший наш памятник – «Похвала Владимиру мниха Иакова» – не дает твердых оснований для утверждения, что крещение Руси последовало не в 988 г., а позже. Эта «Похвала...» дает несколько разнородных показаний: в ней говорится, что Владимир утвердился в Киеве в 977 г., но уже в 10-е лето по утверждении принял крещение, значит, в 987 г. Но есть и другая дата: «на второе лето (по крещении) к порогам ходи, на третье – Корсунь город взя, а на четвертое – заложи церковь каменну Пресвятыя Богородицы»; а по Л а в р е н т ь е в -ской летописи основание церкви было «в лето в 6497-е», т.е. в 989 г. Если крещение было раньше, то его нужно относить к 986-му году. Но Владимир жил 28 лет (неполных) и по крещении умер в 1015 г., следовательно, он крестился в 988 г. Итак, получается три года крещения – 86-й, 87-й и 88-й. Откуда вышло это разнообразие? Мы говорили, что в летописи два пустых года, а под третьим помечено, что Владимир сел в Киеве, и при рассказе о построении церкви два пустых года, и под третьим рассказывается о построении. Отсюда являются три даты для построения: в лето в 6497-е, в 6498-е, в 6499-е. «По сем Владимир живайте в законе хрестыянстве, помысли создати церковь Пресвятыя Богородицы, послав приведе мастера от Грек». Мних Иаков взял первый год и в Ипатьевском списке летописи взят в 494-й. А в таком случае построение церкви падает на 989, а крещение, следовательно, на 986 год.

Иаков-мних полагает крещение ранее взятия Корсуня, т.е. он держится того мнения, которое приводится летописцем как побочное и по которому одни полагали, что Владимир крестился в Берестове, а другие – в Киеве. И понятно, почему мних относит крещение к 86-му, 87-му гг.: в эти года говорится о послах и в пасхалиях они обозначены. В «Похвале...» мних изменил себе или кто-либо другой переставил дату – 988 г. Если же Владимир крестился в 986, то в 987 г. «ходил к Порогам», а в 988 г. «взял Корсунь», то все выйдет согласно летописи. На это и указывают в тех статьях, где годом крещения выставлен 989 г., при том так решительно (например, у Завитневича), что все доказано и спору нет. Но эта ткань искусственна. Вытащите ниточку, и вся она разлезется.

Есть и иноземные свидетельства. Их излагает Васильевский, барон Розен, занимающийся арабскими сказаниями. Но они не дали твердых оснований. Что касается греческих писателей, то современник Лев Диакон ничего не говорит о крещении и только глухо о завоевании тавроскифами Херсонеса; когда же это было, о том не он говорит. Он занимается небесными знаменьями: говорит о комете 975 г. и видит в ней предзнаменование бедствий – восстание Варды Фоки. Вторая комета была в 989 г. и предвещала, по его мнению, землетрясение. Между этими двумя кометами явились огненные столбы на севере, предвещавшие взятие Херсонеса тавроскифами и Верии скифами. Когда оно было? Византийские писатели XI и XII вв. Кедрин и Зонара говорят, что Владимир породнился с греч. императором и прислал отряд, который побил Фоку. По мнению Васильевского, хронология событий не точная, но можно думать, что все это произошло в 989 г., а вернее, в 988 г. А барон Розен, разбиравший свидетельства араба Ахьи, приводит данные, что византийские императоры Василий и Константин породнились с Владимиром и, вступив с ним в родственный союз, привели от него отряд. Ахья при этом говорит: «А они (русские) были ему (императору) враги». Эти слова и заставляют думать, что сначала между Владимиром и византийским императором была вражда, а потом настал мир. Выходит так, что Владимир взял Херсонес, и византийские императоры рады были выдать за него сестру, а Владимир послал им вспомогательный отряд; остается так рассуждать. Но другие рассуждают иначе: сношения были в 86 и 87 гг., и визант.

императоры обещались выдать свою сестру, а Владимир послал им вспомогательный отряд против Фоки. Но императоры, умирив восстание, сестры не выдали, тогда Владимир идет на Корсунь, теснит греков, и императоры визант. выдали за него свою сестру. А на чем все это основывается? Сличив разные летописи, ученые увидели, что доказательств в их пользу нет или, вернее, их мало; тогда они взялись за Льва Диякона и пошли к небу. Ахья тоже говорит о комете и еще о знамении, которое видно было в Антиохии и Александрии. Явилось оно утром, затемнило солнце. Оно было, по мнению Ахьи, в апреле 89 г., числа 12-го или 15-го. Ученые доказывают, что это и есть столбы Льва, предвещавшие взятие Корсуни, а Ахья указывает время их появления; следовательно, победоносно говорят ученые, Корсунь был взят в 89 г. Но это вздор. Столбы Льва и знамения Ахьи – явления различные. Последний говорит о пыли и помрачении солнца; это не северное сияние, представленное первым в виде столбов на небе. Естествоиспытатели говорят, что при извержении Везувия далеко бывает виден свет и далеко заносится пыль. Теория ученых, таким образом, разрушается. Их исследования требуют переисследования; может быть, годом крещения Владимира окажется 89-й г.

Но до сих пор известно, что Корсунь взят в 988 г. и крещение Владимира именно в этом году стоит твердо. Оно имеет за себя две даты у мниха Иакова: у византийских и арабских писателей 89 года нет.

Совершенный Владимиром в жизни русского народа громадный переворот не мог не сопровождаться большими потрясениями, не вызвать противодействия княжеским намерениям. Еще при жизни этого великого государя, обладавшего великою нравственною силой, начинались волнения. Сын его Святополк, женатый на дочери Болеслава Храброго, под влиянием еп. Рейнберна, поставившего себе целью, по свидетельству современника Дитмара, обратить при помощи князя русских в латинство, поднял смуту. Желая сесть на киевский стол, он предпринял против Владимира поход. Заключением Святополка в темницу смута не была прекращена, а только отложена, тем более, что и сам Святополк был выпущен (в 1013 г.) на свободу. Другим виновником смуты был новгородский князь Ярослав. При тогдашних странствованиях в Россию варягов и шведов через Ладогу и Новгород завязались с ними сношения, и Ярослав женился

на дочери шведского короля Индигерде, женщине умной и энергичной, немало влиявшей на своего мужа. Норманы под ее покровительством дошли до такой смелости, что совершенно овладели Ладогой, которая после брака была отдана Индигерде, а часть Новгородской области была отдана шведам «в кормление». При таком порядке вещей зависимость от Киева Новгорода и необходимость выплачивать ему 2 тыс. гривен дани казались очень тяжкими. Сам Ярослав опасался, что киевский стол будет отдан не ему, а одному из родившихся от греч. царевны Анны – князьям Борису или Глебу, которых любил Владимир и на стороне которых стояла оказывавшая сильное влияние на мужа Анна. В Новгороде ввиду всего этого произошло возмущение, последовало провозглашение его самостоятельности и отказ в дани Киеву. Владимир не умел усмирить сына; в приготовлениях к походу против него, в приказах строить мосты, исправлять дороги и т.п. он скончался (1015 г.). Тогда Святополк поднял новую смуту. Проникнутый теми же опасениями, как и Ярослав, и, очевидно, подражая своему тестю Болеславу, прямо и решительно расправлявшегося со стоявшими на пути его стремлений к власти родственниками, Святополк убил Бориса, отправившегося еще при жизни отца против печенегов и Глеба, который ехал в свой удел, Святослава Волынского. Мстителем за братьев явился Ярослав. С помощью варягов и печенегов он победил Святополка и укрепился в Киеве. Войска Болеслава, к которому убежал разбитый при Любече (1016 г.) Святополк, снова привели его в Киев; Ярослав потерпел поражение и хотел бежать за море, но новгородцы удержали князя, пообещав ему свою помощь. Но сами же поляки испортили дело. Полагаясь на Святополка, они начали неистовствовать на русской земле, а возмущенный русский народ стал их убивать. Болеслав принужден был удалиться. Недолго после этого сидел в Киеве и Святополк: в 1019 г. Ярослав разбил его при Альте, несмотря на помощь со стороны печенегов. Святополк бежал и погиб, по русской поговорке, «между Ляхи и Чехи», т.е. неизвестно где.

Смута не окончилась этим. С прекращением внешних неурядиц, после уничтожения интриг норманов и поляков, начались беспорядки внутри самой России. Виновником их был прежде всего полоцкий князь Брячеслав Изяславич. Задумав увеличить свой удел, он напал на Новгород и овладел им; а когда узнал о движении против него Ярослава, нагребил священных вещей и ушел в Полоцк, но на

дороге был разбит. Цель его восстания тем не менее была достигнута: к Полоцку придано было несколько волостей. Подобные притязания заявил и другой князь, Мстислав Тмутараканский. В 1023 г. Ярослав потерпел от него жестокое поражение и бежал в Новгород. Но Мстислав не думал отнимать у него киевского стола, послал брату предложение возвратиться в Киев и требовал только разделить Русь на две половины – западную и восточную с тем, чтобы первую управлял Ярослав, а второй – он. Требование было выполнено, и с этого времени (1026 г.) до конца жизни Мстислава (1035 г.) Русь оставалась разделенною на две части, причем границею ее был Днепр; и это разделение было чрезвычайно разумно: Ярослав обладал политическим тактом, необходимым при управлении западною частью России, на случай различных столкновений с западными государствами, Мстислав же был воитель, что было весьма важно в деле защиты востока от нападений инородцев.

Во все остальное время после разделения Руси братья жили мирно. Пользуясь этим, Ярослав отнял взятые Болеславом города, нанес печенегам такое поражение, что они не могли потом долго оправиться, а Мстислав, основавшись в Чернигове, начал строить Спасский Собор, окончить который ему не пришлось: выстроено было столько, сколько человек (сидя на коне) мог достать рукою. В 1036 г. Мстислав разбился на охоте и умер. Ярослав сделался единодержавным повелителем.

* * *

При изучении фактов из истории Руси времени Ярослава каждого историка поражают два обстоятельства: 1) необыкновенное множество иностранцев в России, связи и сношения с иноземцами; 2) богатство самобытных славянских явлений, составлявших славу того времени, вековую силу народа. К этим явлениям и нужно присматриваться для определения значения деятельности Ярослава в истории России.

Для четырех больших походов (два против Святополка, один против Брячеслава Изяславича, один против Мстислава) Ярослав призывал на помощь иноземцев. По исландским сагам, в первом походе были норманские витязи Эймунд и Рагна, нанявшиеся на срок за дорогую плату. В борьбе с Мстиславом был варяжский витязь

Якунь, потерявший золотую луду, или повязку, которую он носил на больших глазах.

Норманские связи у Ярослава были сильны и прочны: он был женат на Индигерде, дочери шведского короля Олафа, которая получила в свое обеспечение город Старую Ладугу. Зять Индигерды Олаф, король норвежский, лишившись престола, жил у Ярослава с сыном Магнусом, который впоследствии добыл отцовский престол, а брат Олафа Гарольд был рыцарем Елизаветы, дочери Ярослава, руку которой он получил после долгих доставивших ему большую славу и богатство странствований по Востоку.

Всеволод, сын Ярослава, был женат на дочери греч. имп. Константина Мономаха. Сестра Ярослава Мария (Доброгнева), была за польским королем Казимиром, а дочери Анастасия за Андреем I, венгерским королем, Анна – за Генрихом I, французским королем. В Россию приезжали из Англии со сватовством два принца; за русских князей были выданы две немецкие принцессы. Влияние иноземцев было так сильно, что Всеволод Ярославич знал 5 языков, а Изослав, разделяя приверженность отца к иностранцам, странствовал среди них и много страдал за эту привязанность. Также и Мстислав Тмутараканский, победив Ярослава, хвастался, что у него северян и варягов много, а дружина его, состоявшая из хазар и касогов, осталась целой.

Но при этой привязанности к иноземцам было в России и неудовольствие к ним. Так, например, известно, что, когда Ярослав указал как на своих помощников в борьбе с отцом на варягов, живших в Новгороде, то последние были избиты новгородцами. В послании к князю Изяславу, приписываемом преподобному Феодосию, обличаются браки русских с иноземцами, причем прибавлено: «Понеже и наша земля исполнися злыя тыя веры латинския».

В нашей науке существуют различные мнения об иноземном влиянии на Ярослава. Напр., Иловайский говорит, прибавляя, впрочем, «кажется», что Ярослав вообще приближал к себе иностранцев. Другие (напр., Беляев) указывают на то, что Ярослав занимался преимущественно делами Зап. России. Действительно, есть факты, подтверждающие это. Так, в 1030 г. у него была война с чудью, им был основан г. Дерпт (Юрьев); в 1031 г. он завоевал червенские города; в 1038 г. он воевал с племенем ятвягов; в 1040 г. ходил на Литву, а в 1041 г. и потом в 1045 г. совершал походы на Мазовию. Но со

всеми этими предприятиями соединялась поддержка Новгороду, намерение удержать за Россией «греческий путь», который был весьма важен, особенно для новгородцев, так как они могли сбывать по нему свой хлеб; поэтому-то новгородцы и не пустили Ярослава бежать за море. Кроме этого, мнение Беляева ослабляется тем обстоятельством, что основная половина Руси уже была 10 лет во власти Мстислава Тмутараканского. В походах же Ярослава на чудь, ятвягов, литву высказалась великая общественная строительная сила.

В чуди Ярослав за-
креплял границы русского племени (Дерпт), а в червенских городах важно было смирить ятвягов. Смиряя ятвягов и литву, он укреплял колонизационные стремления русских на запад по Припяти, а в Мазовии он также укреплял русское дело. Как бы то, впрочем, ни было, однако, если взять Ярослава в конце его жизни, то ни в каком случае нельзя принять мнения о сильном влиянии на него иноземцев.

Тогда две половины европейского мира – западноевропейская и греко-византийская – действовали на Ярослава. А эти две половины, как известно, всегда находились между собой в борьбе. Борьба эта сказывалась в Чехии, Венгрии, Моравии, у Мадьяр, в Польше – в делах Болеслава Храброго, который брал у немцев цивилизацию, хотя в Польше была тогда Кирилло-Мефодиевская церковь. Но Ярослав не подчинялся вполне западноевропейскому, латинскому влиянию; он обращался и к Византии. Он строит в Киеве Софийский храм по образцу Византийского Софийского собора, строит при помощи византийских работников, украшает византийскою мозаикой, византийскою живописью и т.п.; по византийскому же образцу он строит два монастыря около Киева – Георгиевский и Ирининский, городские стены и ворота, а также свой дворец. По историческому свидетельству Дитмара, Киев представлял собою подобие Константинополя, а Адаму Бременскому Киев представлялся таким величественным городом, что он отдавал ему предпочтение пред Константинополем. Однако Ярослав не был раболепным последователем и этой византийской цивилизации. Об этом говорят многие факты. Довольно твердо установлено мнение, что Ярослав отверг судный греч. устав и издал древние русские обычаи в виде кодекса, известного под именем «Русской Правды». Это повело к изменению в некоторых пунктах церковного устава св. Владимира, к более точному определению прав церковной власти, которой были предостав-

лены дела нравственные и семейные. Но Ярослав, стремясь к увеличению народных начал, даже испортил устав Владимира, внесши в церковный суд тогдашнюю систему денежных взысканий, которые делились между князем и епископом. То же стремление Ярослава дать торжество русским народным началам выразилось в поставлении митр. Иллариона из русских и собором русских же епископов. Все это возможно было только тогда, когда Ярослав видел возможность развития славянско-русских начал и когда мысль об этой возможности была не только у него, но и у других. Эта вера в возможность развития славянской цивилизации в меньшей зависимости от греческой подтверждается заботливостью Ярослава об образовании, о поддержании школ, устроенных св. Владимиром, например, новгородской школы, и в заведении новых школ, напр., в том же Новгороде Ярославом была устроена школа, в которой училось до 300 детей. Ярослав заботился также об умножении приходского духовенства, о его обеспечении и о том, чтобы оно учило народ христианской вере. В самом Киеве образовалось целое ученое общество переводчиков и переписчиков книг, а при храме Софии устроена была целая библиотека. Сам Ярослав участвовал в переводах и переписывании книг, за что наш летописец восхищается им и говорит, что он читал книги днем и ночью. В своих этих заботах и делах, служивших закреплению самобытной русской цивилизации, Ярослав был не одинок. Ему помогал прежде всего такой замечательный человек, как митриполит Илларион. Затем вместе с Ярославом выросли Антоний и Феодосий Печерские, о последнем даже проф. Голубинский отзывается как о необыкновенном явлении, не умея объяснить его высокого значения. Дела Антония и Феодосия имеют не одно только религиозное значение. Особенно значительно в этом отношении основание Киево-Печерской Лавры, которая объединяла русскую землю, служа для нее рассадником епископов и игуменов.

Иночество киево-печерское заслуживает величайшего внимания, и не даром оно привлекает к себе все славянские племена. Там было совершенное анахоретство; там выработалось и строжайшее общежитие; там была величайшая общественная деятельность (князья приезжали за советом); туда собирались сведения со всех областей, почему там и выработалась первая наша летопись; не было там речи о том, что инок будет архиереем. Симон, епископ Влади-

мирский, называет блаженными тех, которые погребаются в священной печерской персти. В письме к инок печерскому Поликарпу он пишет: «Кто не знает красоты церкви соборной Владимирской и другой Суздальской, которую я выстроил? Сколько городов и сел принадлежат им! По всей земле той собирают десятину, и всем этим владеет наша худость. Но пред Богом скажу тебе, всю эту славу и власть вменил бы в прах, лишь бы Бог привел мне хоть хворостиною торчать за воротами или сором валяться в монастыре печерском и быть попираему людьми».

Кто хочет видеть поражающую силу русской воли, тому достаточно для этого походить по пещерам Киево-Печерской Лавры. После этого понятно, почему даже казаки после бурных воинских дней приезжали в эту обитель, складывали свое оружие и проводили последние дни в иноческой жизни; понятно и то, почему она и до сих пор имеет такую же притягательную силу. Все это и дает понятие о Ярославе, о его стремлениях. Но, разумеется, указанные светлые факты в деятельности Ярослава мы не должны идеализировать; наряду с ними были темные явления.

Ощущение славянского единства было у древнерусских людей. Это видно из нашей начальной летописи. Нестор имеет даже ясное сознание славянского единства. Он везде в своей летописи отмечает, что такое-то племя говорит по-славянски, а такое-то нет; сознает единство славянских племен, понимает великое благо для славян проповеди Кирилла и Мефодия; знает их паннонские жития и пользуется сведениями из них для повествования о славянах, первоучителях.

Сознание славянского единства, хотя не такое отчетливое, было у Владимира и Ярослава. Известно, что Владимир ограждал славянство от чужеземного влияния: он отказался от латинства и господства Византии (взятие Корсуня).

Ярослав заботился о славянском просвещении. Он, подобно Симеону Болгарскому, непосредственно руководил переводом необходимых книг на славянский язык и распространением их посредством переписки.

С особенною убедительностью сознание важности славянского начала для народной жизни казалось у Владимира и Ярослава в утверждении на Руси славянского богослужения. Несмотря на существование трезычной ереси в Римской церкви (ее обличали Кирилл

и Мефодий), несмотря на то, что она отчасти удержалась также в Греции, Владимир и Ярослав твердо поставили вопрос о славянском богослужении, и тем сослужили мировую службу, сделал славянское богослужение, славянский язык полем цивилизации для огромной группы славянских племен. Величие и пользу этого шага России открыто признала западная церковь в XVI в. на Флорентийском соборе, допустив для юго-запад. России унию на почве славянского богослужения, вопреки мнению уважаемого латинянами Скарги, что никакая наука невозможна на славянском языке, и потому русские сделали ошибку, не усвоив греческого языка.

Нужно, однако, заметить, что сознание славянского единства в те давние времена только смутно чувствовалось, а не сознавалось определенно; не удивительно потому, что оно не всегда сопровождалось действиями, сообразными с ним. Впрочем, такие факты могут быть смягчаемы некоторыми соображениями. То, что Владимир предлагает помощь византийскому императору против болгар, это может быть объяснено родством его с греч. императорами. Ярослав был в союзе с Генрихом II при походе на польского короля Болеслава, который боролся с немцами, желая создать громадное государство. Ошибка была сделана Болеславом. Он желал завоевать Россию, между тем, Ярослав строил самостоятельное государство в России. Оба князя строили по государству: Болеслав – в Польше, Ярослав – на Руси. Первый пользовался преимущественно латинскими элементами, вводил, напр., рыцарство; заимствовал западно-европейское гражданское устройство; второй облек государственное устройство в народную форму, положил в основу его самобытные русские начала. В этом существенная разница между Болеславом и Ярославом. Понятно, что в государстве Болеслава по смерти последнего настали смуты ради ненавистных народу государственных начал: народ избил попов и восстановил язычество.

Что же касается походов Ярослава на Мазовию, защищавшую польские народные права против латинского духовенства, то это объясняется желанием Ярослава помочь Казимиру утвердить христианство в Мазовии.

Таким образом, исторические факты против сознания славянами единства своего в раннюю эпоху имеют только кажущееся основание. Между тем, идея племенного единства славян, несомненно, имела влияние на русские дела, которыми так богато удельное вре-

мя, и с точки зрения этой только идеи становятся понятными и многие исторические явления удельного периода.

* * *

В литературе по русской истории вопрос о значении удельного периода решается различно. Карамзин к этому времени относит ослабление России, разрушение единогодержавия. Эта точка зрения удерживается и до настоящего времени. И Соловьев видит зло в раздроблении русской земли после Ярослава; но у него подкладка другая: он представляет русский народ бродячим элементом, который сдерживала царская власть. Некоторыми же учеными признается важное значение удельного периода. Такой взгляд мимоходом высказан в 30-х гг. Ивановым в сочинении о «Хронографах». Это же значение удельного периода признается и в «Истории русского самосознания» М.О. Кояловича. Удельный период был временем мысленной работы русского народа, выработки единства его самосознания. Костомаров же усматривает в нем федеративное начало. Это мнение поддерживается теперь людьми реалистического направления.

В изображении удельного времени преобладают темные краски, получается мрачная картина: междоусобия князей, разорение городов, обращение в рабство. Этим обстоятельством пользовались кочевники и сносили один за другим цивилизационные пункты. Отсюда – огрубение нравов и неуважение к личности. Под влиянием всего этого суживался политический горизонт русских, отодвигались назад исторические вопросы народа – галицкий, литовский, прибалтийский, немецкий, и выступали на сцену вопросы дня, личные. Русская мысль под гнетом обстоятельств запуталась в решении этих вопросов. Вопрос дня о личной безопасности взял перевес в народном сознании над историческими задачами. Мы видим, что русское население целыми массами покидает благодатные южные земли и уходит в бедные северные, где было спокойнее. Наблюдается в это время странное явление: в земледельческой черноземной полосе развивается торговля по Днепру, а на торговом пути на север выступают земледельческие интересы.

Но в эту темную годину являлись светочи, озарявшие разные стороны нашего исторического развития. Таковы были замыслы и

дела Владимира Мономаха, поражающая практическая деятельность суздальских князей, проявление необыкновенных личных доблестей, например, Мстиславом Храбрым, всегда защищавшим правду; далее сознание народом своего единства (выразившееся в «Слове о полку Игореве») и мысль о лучшем устройстве русской земли; наконец, возникновение христианского сознания. Рядом с ним, несмотря ни на какие препятствия, идет завладение инородческими землями. Это громадный этнографический труд русских людей, превосходивший часто государственную работу. Важным явлением в это время была победа над подвижною и неустойчивою средой торговых людей, дружинников и князей, победа исторического славянского пахаря. Здесь сказался общий признак славянства: возможно больше количество людей у земли и в то время неустойчивость верхних слоев. Исторические бури сметали по Руси все: торговлю ее, даже княжеский элемент; оставался непобедимым один только русский пахарь. Желание быть крепким земле – основная черта русского народа. Она вредна для верхних слоев, потому что тормозит их прогресс. Мы видим, что интеллигенция всегда неестественно далеко уходит от народа, который старается притянуть ее к себе. Московские цари подмечают это народное стремление и велят интеллигенции быть вместе с народом. В этом задача и нашего времени.

Теперь же мы постараемся проследить, как земледельческая сила решала направления удельного времени; рассмотрим его худые и хорошие стороны, переплетававшиеся между собой. Это важно и интересно.

Ярослав, умирая (1054 г.), разделил Русь меж своими 5 сыновьями. Изяславу, старшему сыну, был отдан Киев; он же был назначен и великим князем; Святославу – Чернигов и Черниговская область, на востоке простиравшаяся до нижней Волги, а на юге – до Тьмутаракани; Всеволоду – Пряславль южный; Вячеславу – Смоленск, а Игорю – Волынь.

Ярослав, завещая детям жить мирно и повиноваться Изяславу как старшему, напоминал, что они дети одной матери. Завещание Ярослава было важно, потому что оно совпадало с потребностями русской жизни и повело к образованию отдельных областей и княжеских городов. Завещание имело силу в течение почти 10 лет, несмотря на важные перемены, происшедшие в этот период. Так, ког-

да (1056 г.) умер Вячеслав Смоленский, на его место был переведен Игорь Волынский, а его область перешла к великому князю; в 1059 г. умер и Игорь, и, как можно предполагать, Смоленская область перешла тоже к великому князю. Это согласие князей внешним образом выразилось в блистательном деле: в 1055 г. они совершили общий поход на новых кочевников — узов или торков и разгромили их.

Но с 1064 г. началась смута, и она развернулась непрерывною нитью событий. Смута была поднята князьями, которые остались вне распоряжений Ярослава, вне его завещания и даже ближайших родственных связей.

От старшего сына Ярослава Владимира (умершего при жизни Ярослава) остался даровитый и предприимчивый сын Ростислав, который сначала был ростовским князем, а потом, если верить татищевскому своду летописей, переведен был на Волынь (где он занимал только западную область). Но, должно быть, и в Ростове, и на Волыни он считал свое положение непрочным и решил сам искать себе области. Набравши в Новгороде охотников, он перекинулся на другой конец России, в Тьмутаракань, где был Глеб Святославич, и, выгнавши его, утвердился здесь. Святослав Черниговский, как отец Глеба, видя, что здесь затрагивается один из важных его интересов, предпринял поход в Тьмутаракань; тогда Ростислав удалился оттуда, не из страха, по замечанию летописца, а не желая поднять оружие против дяди. Но едва Святослав ушел, как Ростислав снова выгнал Глеба и сел сам в Тьмутаракани, но не надолго. Его скоро погубили корсунские греки. Они подослали одного из своих людей, который и отравил его коварным образом. Но смута после не улеглась.

После Ростислава смуту поднял Всеслав (сын Брючеслава) Полоцкий; он не давал житья Пскову, Новгороду и Смоленску и этим вызвал против себя поход Ярославичей. Он был разбит и, вызванный для переговоров, схвачен и отправлен в тюрьму. Этим была подготовлена смута и для последующего времени. Наступали кочевники куманы-половцы; они сначала заключили с князьями мир, но в 1068 г. вновь напали на Русь. Князья были разбиты. Это повело к смутам в Киеве, окончившимся изгнанием Изяслава и бегством его в Польшу к Болеславу Смелому. Киевляне освободили Всеслава, избрали его своим великим князем и полководцем на случай половецкого нашествия; но Всеслав не дорожил честью быть великим

князем и бежал в свою Полоцкую область. Поэтому Изяслав воротился, но им все были недовольны, особенно братья за его сношения с Всеславом, и он опять бежал в Польшу (1073), затем к Генриху IV и, наконец, к папе Григорию VII. Папа по обыкновению не уступил случая начать переговоры об унии. Между тем, Святослав, занявший после Изяслава великокняжеский стол, умер (в 1076 г.), а Всеволод примирился с Изяславом, и он воротился в Киев. Но скоро (1078 г.) он погиб в битве с половцами.

После смерти Изяслава смуты продолжались. Всеволод утвердился в Киеве, а сын его Владимир Мономах в 1076 г. – в Чернигове. Вследствие этого многие оказались обиженными. Кроме Ростиславичей и Игоревича-Давида, были обижены Изяславичи, особенно же Святославичи Черниговские, во главе которых стоял Олег. Эти князья не могли жить мирно, и смута продолжалась, тем более, что теперь можно было призывать половцев. Как широки были предприятия этих князей, видно из их смелых и решительных мер, к которым они прибегали для приобретения себе волостей. Олег хотел было занять Тьмутаракань, но против этого восстали все. Володарь Ростиславович изъявил притязания на эту область; Давид Игоревич утвердился в устьях Днепра и овладел торговыми сношениями Руси с Константинополем. Точно так же не было житья от Володаря Ростиславича, которого князья удовлетворили, дав ему владения на Волыни. Но самым опасным оставался Олег, наводивший половцев на русскую землю. У последних в это время явились богатыри, приносившие много вреда. При помощи греков Олег был заточен в Родос, но он освободился оттуда и снова начал делать смуту.

* * *

Кажущаяся сложность и запутанность дела при изучении этого периода заставляет постоянно вспоминать те главные события, около которых все вращалось.

Смута началась из-за того, что выступили младшие князья, обиженные при разделе волостей. Так, выступили Ростиславовичи Галицкие, внуки Владимира, старшего сына Ярослава; потом Олег Святославич из Черниговской линии; наконец, Давид Игоревич (сын Волынского кн., бывшего потом Смоленским). Эта смута постоянно

поддерживалась переменами в двух главных пунктах – в Киеве и Чернигове. Когда Изяслав был изгнан (1073 г.) из Киева во второй раз, киевский стол занял Святослав, по смерти которого (1076 г.) в Киеве опять появился Изяслав, а Чернигов занял Всеволод. После смерти Изяслава (в 1078 г.) на стол киевский сел Всеволод, а сына своего Владимира посадил в Чернигов. Таким образом, главные волости занял младший Ярославич с своим сыном. Пока жил Всеволод – самый старший из князей, смута сдерживалась, но как только он умер (1093 г.), смута опять возникла. Являлся вопрос: сядет ли Владимир Всеволодович Мономах на киевский стол или нет? Здесь случился замечательный факт. Киевляне знали Мономаха с хорошей стороны, а о Святополке Изяславиче, бывшем сначала в Новгороде, а в то время в Турове, было известно, что он человек недалекий и корыстолюбивый; поэтому, вероятно, киевляне предложили сначала свой стол Владимиру. Владимир, размыслив: «А еще сяду на стол отца своего, то иметь рать с Святополком взять, яко есть стол прежде от отца его был» (Полн. собр. лет. рус. т. 1, стр. 93), пригласил Святополка. Но ему для прекращения смут нужно было сделать иначе – отказаться от черниговского стола в пользу Святославичей, из которых один княжил в Тмутаракани, а другой – в Смоленске. Он не сделал этого шагу сразу, к сожалению; и скоро был принужден уступить Святославичам. К этому решению он сам пришел впоследствии.

Но почему он не бросил черниговский стол теперь? А вот почему: Владимир напоминал по своей деятельности Ярослава с тем различием, что в то время как Ярослав более заботился о делах зап. Руси, он заботился более о делах восточной и об отношениях к инородцам. Самое расположение его «отчины» обязывало его к делам с инородцами; ему принадлежал Переяславль южный, пограничный тракт с южными инородцами, и Суздальская область по среднему течению Волги. Чернигов же служил связью этих важнейших его владений и поэтому был ему необходим.

Как бы то ни было, второго подвига Владимир не сделал. Вскоре после смерти Всеволода Олег Святославич двинул союзных половцев с тем, чтобы напомнить о том, что князья не по праву владеют Черниговом. Дело осложнилось безрассудством Святополка; он по совету своей туровской дружины посадил в погреб половецких послов, присланных для заключения мира. Владимир Мономах ве-

дет общее ополчение (свое, Святополка и Ростислава Всевол.), но терпит поражение на р. Стугне (1093 г.). В следующем году сам Олег с половцами добывает Чернигов. Владимир Мономах теперь решился и на второй шаг; он без битвы вошел в соглашение с Олегом; отказался от Чернигова и с малой дружиной ушел в Переяславль; ему пришлось проходить через полки половецкие, причем половцы, по выражению летописца, «облизахуся на него, яко волцы», но не посмели тронуть.

Великая мысль об умиротворении Руси и о соединении на половцев всех князей озарила Владимира и одушевила на этот подвиг. Для осуществления этой мысли он пригласил и других князей общее благо поставить выше личного и все силы употребить на борьбу с половцами. Но сначала случилось обстоятельство, набросившее тень на самого Владимира. В 1095 г. половцы, близ которых он поселился, прислали послов, во главе их были два хана с дружинами – Катан и Итлар с целью заключить коварный договор. Дружинник Святополка²⁵ и Владимирова дружина убедили Владимира убить это посольство. Ожесточенные половцы напали на русскую землю. Владимир пригласил на помощь Олега. Последний, во многом обязанный половцам, отказался своим помочь, что возможно было ожидать, так как Олег свою признательность к половцам простер до позволения грабить собственные волости. Вот в это-то время Владимир Мономах послал приглашение князьям, и в том числе Олегу, явиться на съезд с призывом, который поражает своей новизной и раскрывает громадный план – устроить правление Руси на новых началах. Призыв по летописи был такого рода: «В лето в 6604 (1096 г.) Святополк и Володимер посласти к Огови, глаголюща: «Пойди Киеву, да поряд положим о Русь с той земли, пред епископы и пред игумены, и пред мужи отец наших, и пред людьми градьскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых». На этот призыв, направленный не против его одного, «Олег восприам смысл буй и словеса величава, рече сице: «несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом; и не всхот ити к братома своима, послушав злых светник» (Лаврент. лет.. – Полн. собр. рус. летописей (1546), т. 1, стр. 98).

За этим последовала страшная смута, обнаружившая неправды Олега, а также много неправды в роде Владимира Мономаха. За отказом идти на совет Святополк и Владимир пошли на Олега к Чернигову. Он оставил Чернигов, скрылся в Стародубе, засел в нем

и думал защищаться, но после 33-дневной осады принужден был просить мира и «вдаста ему мир, рекше сице: «Иди к брату своему Давыдови (в Смоленск) и придета Киеву на стол отец наших и дед наших яко то есть старейший град в Земле во всей, Киев, ту достойно снятися и поряд положить» (Полн. собр. рус. лет. – т. 1, стр. 98). Значит, указывалось, что Киев должен быть таким средоточием, в котором князья должны совещаться и «пред епископы и игумены и градскими людьми» о пользе и устройстве всей земли.

Литература до сих пор мало оценила это предложение великое. Между тем, оно имело величайшее значение. Это был общерусский Земский собор или, по крайней мере, зерно для его образования; это была попытка привлечь всю русскую землю для защиты ее интересов, поставить принцип выше отношений князей между собою, основанных на личных счетах. Если бы Владимир Мономах был только этим известен, то и за это одно был бы достоин прославления.

Но эта великая мысль была трудна для понимания многих русских людей; и тем свободнее мог отказаться Олег, а он, кроме того, имел особые поводы не соглашаться: его лишили Чернигова, заставили искать у брата, зовут на суд в Киев. Были нанесены ему и другие обиды. Были сделаны и другие неправды. Сын Владимира Изяслав Курский, взяв белоозерскую и ростовскую дружины, выжил Олега из Муромо-Рязанской области и поставил там своих наместников. Наконец, на Олега также дурно действовал Давид. Все это заставило Олега от Смоленска кинуться в Суздальскую область. Изяслав Владимирович, зять Олега, хотел защищаться и был убит в схватке. Тогда Мстислав Владимирович, в то время князь Новгородский, крестный сын Олега, разбил его, гонял с места на место, убеждая его помириться и идти на съезд: «Азь есмь мний тебе, слия к отцу моему, а дружину, южезаял, вороти; а язь тебе во всем послушаю» (Полн. собр. рус. лет., т. 1, стр. 108) или же: «Не бегай никаможе, но послися к братъи своей с мольбою, не лишать тя Русьские земли; и азь пошлю к отцю молится о тебе» (Там же, стр. 109).

Олег вынужден был подчиниться, но, между тем, великая мысль Владимира Мономаха была сужена: съезд назначен был не в Киеве, а в уезд. городке Любече, и состоял он только из князей и их дружины. Вот что говорит об этом летопись: «В лето в 6605 (1097 г.) придоша Святополк, Володимер, Давыд Игоревич, и Василко Ростисла-

вович, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и сняшася Любячи, на устроенье мира, и глаголаша к себе, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половцы землю нашу несут розно, и ради суть, оже между нами рати. Да ноне отселе имемся в едино сердце и блюдем Русские земли, кождо да держить отчину свою: Святополк Киев Изяславлю, Володимер Всеволожу, Давыд, Олег и Ярослави – Святославлю; а им же раздаял Всеволод города: Давыду Володимер, Ростиславичема – Перемышль, Володареви, Теробовль Василькови». И на том целоваша крест, «Да аще кто отселе на кого будет, то на того будем вси и крест честный» рекоша вси: «Да будет на нь крест честный и вся земля Русьская» и целовашеся поидоша во свояси» (Полн. собр. лет. рус., т. 1, стр. 109).

Таким образом, русская земля в лице своих представителей была устранена от участия в делах, и Любечский съезд состоялся на других основаниях вместо предложенных Владимиром Мономахом: обратились к традициям княжеским, а не к суду или авторитету всего вообще народа. Но сам ли летописец или некоторые участники съезда не забыли главной мысли, что дело нужно было решать всей землей, и в летописном рассказе в заключение прибавлено, что на нарушителя постановлений съезда «будет крест честный, и вся земля Русьская». И в дальнейшей истории принцип традиций княжеских – следовать распределению столов и областей, сделанному Ярославом, имел большую силу, но князьям приходилось обращаться и к суду Русской земли, которую представляли веча, все более и более вмешивавшиеся в распри князей. Таким образом, все главные князья и даже вся русская земля признала силу этого договора.

С приведением в порядок внутренних дел избыток энергии, естественно, должен был направиться на внешние. К этим последним всего прежде должны были обратиться князья, сидевшие на окраинах Руси и притом более других воинственные. То и другое соединилось во Владимире Мономахе, который и употреблял все усилия соединить князей против половцев, и в Васильке Ростиславиче. Особенно замечателен последний: молодой князь раскинул широкие планы, что можно видеть из его разговора со священником Василием. «Приде ми весть, говорил он, яко идуть ко мне Берендичи и Печенези и Торци, реку брату своему Володареви и Давидови: дайте ми дружину свою молодшаю, а сама пийта и веселится; и помыслих: на землю Лядскую наступлю на зиму и на лето и возму землю

Лядьскую и мщю Русьскую землю; и посем хотел сам перести Болгары Дунайские и посадити я у собе; и посем хотят проситися у Святополка и у Влодамера ити на Половци, да любо налему собе славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю» (Лаврент. лет. под 1097 г., стр. 113). По всей вероятности, этот план был знаком Владимиру Мономаху и сближал его с Василько. Но встревожились другие князья – Святополк Киевский и Давид Игоревич Волынский. Расположение берендичей и торков усиливало Ростиславича так, что он мог совершенно запереть с юга владения Давида и Святополка; поселение болгар еще более увеличивало силу Василька, а дать ему «дружину молодшую» значило бы совсем отказаться от нее, так как она, без сомнения, подпала бы под обаяние доблестного князя, участвуя в его подвигах. С другой стороны, Мономах давил Святополка, а в соединении с Васильком он лишил бы великого князя всякого значения (у Мономаха был в распоряжении и Новгород, где сидел его сын). Беду эту особенно чувствовал Давид. Некоторые дружинники его – Туряк, Лазарь и Василь, как выясняется из последующего рассказа, стали ему говорить: «Яко Володимер сложился есть с Васильком на Святополка и на тя». Давид стал подбивать и Святополка против Василька: «Кто есть убил брата твоего Ярополка?»²⁶ А ныне мыслить на мя и на тя и сложился есть с Володимером, да промышляй о своей голове». Святополк колебался и говорил: «Да аще право глаголеши, Бог ти буди послух; да аще ли завистью молвить, Бог будеть за тем»..., иначе Давид глаголати: «Аще не имев Василька, то ни тебе княженья Кыеве, ни мне в Володимере. И послуша его Святополк». Василько в то время, возвращаясь из Любеча, прибыл в Киев и хотел отправляться домой. Но «Святополк присла к нему, рек: «Не ходи от именин моих». Василько же отприся, река: «не могу ждати; еда будет рать дома». И присла к нему Давид: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старейшаго». И не восхоте Василько послушати. И рече Давид Святополку: «Видиши-ли, не помнить тебе...; да узришь, аще ти не займешь град твоих Турова и Пиньска, да помянешь мене». Это подействовала на Святополка, и он послал пригласить Василька на некоторое время побеседовать. Василько полагался на крестное знамение. Произошла известная сцена: Василько схватили и посадили под стражу. «Нутрия же Святополк созва боляр Кыян и поведи им, еже бе ему поведал Давид: яко брата ти убил, а на тя свечался со Володимером и хотят тя уби-

ти и грады твои зяяти». И реша бояре и людье: тобя, княже, достоить блюсти головы свои; да аще есть право молвил Давид, да прииметь Василько казнь; аще же не право глагола Давид, да прииметь месть от Бога и отвечает пред Богом». В то время духовенство, «игумени», стало просить за Василька, но unsuccessfully. Итак, Василько не был освобожден. Святополк, впрочем, не прочь был отпустить его, но Давид настаивал на операции ослепления, и она была совершена. Ночью Василько был отправлен в Белгород («град мал» в 10 в. от Киева) и там был ослеплен (Сновид Изечевич – конюх Святополка, Дмитр – конюх Давида и торчин Беренди, овчух Святополка – были исполнителями варварской операции). После этого Василько отведен был Давидом во Владимир.

Когда сделалось известным, то все неучаствовавшие, многие и из участвовавших, разумеется, пришли в ужас, и в том числе киевляне. Мономах воскликнул: «Сего не бывало есть в Русьской земле, ни при дедех наших, ни при отцех наших сякого зла!». И послал к Святославичам – Давиду и Олегу, призывая их исправить зло, совершенное Святополком. Собравшись, они послали к Святополку: «Что се зло сотворил есть в Русьстей земли, и вверил еси нож в ны? Чему еси слепил брат свой? Аще ти бы вина кая нань, обличил бы и пред нами, и упрел бы и, сотворил ему; но не яви вину его, еже ему се сотворил еси». Святополк ссыался было на то, что ослепил Василька Давид, а не он, но ему возразили, что злое дело совершилось в его городе, а не в Давидовом. «Наутрия хотящим чрез Днепр на Святополка, Святополк же хоте побегнути из Киева; не даша ему Кыяне, но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: молимся, княже, тебе и братома твоима, не мозете погубити Русьские земли; аще бо взмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возмуть землю нашу, юже беша стяжали отцы ваши и деди ваши, трудом великим и храбрством побороающе по Русьской земли, ины земли приискывати; а вы хчете погубити землю Русьскую». Се слышав Володимер, расплакався и рече: по истине отцы наши и деди наши сблюди землю Русьскую, а мы хчем погубити» и преклонился на мольбу...» И умиришася на сем, яко реша Святополку: яко се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, либо ими, либо...». Любопытно здесь, между прочим, участие градских людей и в обсуждении вопроса о виновности Василька по навету Давида и в событиях при наступлении Владимира.

Избранный князьями способ умиротворения – поручение Святополку наказать Давида оказался неудачным: смуты увеличились; в них приняли участие ляхи и угры; скоро дело запуталось окончательно и кончилось ничем, потому что неизвестно было, кто чего хотел и добивался.

Давид, держа Василька в заточении, пошел на его область, чтобы завладеть ею, но получил отпор от Володаря. Однако сам Володарь предложил мир с условием освободить брата. Давид согласился. Следующею весною Василько и Володарь пошли на Давида, осадили его во Владимире, но, удовлетворившись выдачею дружинников, виновных своими наговорами в ослеплении Василька, повесив их, ушли восвояси. Между тем, Святополк приступил к исполнению своего обещания, а Давид при вести о его походе ушел к ляхам. Эти, обещая поддержать его, пришли с ним на Русь и здесь вошли в соглашение со Святополком, предоставив Давида самому себе. Он опять убежал «в ляхи», а Святополк, вспомнив, «яко се есть волость моего отца и брата», направил свои действия на самих Ростиславичей, за обиду которых пришел наказать Давида. Но дважды нарушивший крестоцелование, Святополк был разбит Васильком и Володарем. Убегав в Киев, он послал сына звать угров на помощь против Володаря. Угры пришли с королем Коломаном во главе. Между тем, Давид возвратился из Польши и стал на сторону Ростиславичей; призвав половцев с Боняком, он напал на угров у Перемышля и нанес им страшное поражение (1099 г.). После этого, обратившись на Святополка, Давид завладел Луцком и Владимиром. Наконец, Владимир Мономах, державшийся в стороне, принял участие в этих делах.

Мономах созвал князей на съезд в Витичеве. Призвав Давида Игоревича, съезд решил дело так: за то, что Давид посеял смуту между братьями, лишить его владимирского стола, оставить за ним Острог, к чему Святополк прибавил Дубны и Чарторыйск, а Владимир и Святославичи – Давид и Олег – дани Давиду Игоревичу (по 200 гривен). А потом Святополк в Дорогобуже «внеможе и умре», замечает летописец.

Только теперь оказалось возможным приступить к исполнению главной мысли Мономаха – защищать землю русскую от поганых. Было предпринято несколько походов против половцев. Самый значительный из них был в 1111-м г. (в 6609 г.). В нем принимали участие Владимир с сыновьями, вел. кн. Святополк

Киевский, Давид Святославич и др. Дошли до Дону (о чем вспоминается в «Слове о полку Игореве» – «шеломы испили Дона») и одержали над половцами ряд славных побед. Это возбудило на Руси самую торжественную радость. Летописец так закончил свое повествование об этом походе: «С Божиею помощью и молитвами Богородицы и св. ангел, возвратишася русьстии князи в свояси, с славою великою, к своим людям; и ко всем странам дальним, рекуще к греком и угром, и ляхом, и чехом, дондеже и до Рима пройде весть об этой победе». Русские верили, что сам Бог послал ангелов, которые невидимо во время битвы секли врагов. Русские верили, что «Бог вложил Володимеру в сердце» призвать князей на половцев, как и говорит летописец.

Ввиду тех страшных бедствий, которые причиняли половцы русской земле, понятна эта восторженная радость о победе, понятно и то, как сильно должны были возвыситься в глазах князя, которые так счастливо «промыслили о Русской земле». И выше всех должен был стать Мономах, возбудивший походы против половцев и главный виновник счастливого исхода, выдавшийся из среды княжеской доблестью на войне с неверными и примирительною деятельностью во внутренних делах.

Это не замедлило обнаружиться и на деле. Самые свободолюбивые из русских людей новгородцы энергично заявили свои симпатии Мономаху. «Приде Мстислав, сын Володимер, с Новгородцами, бе бо Святополк с Володимером ряд имел, яко Новгороду быти Святополчю и посадити сын свой в нем, а Володимеру посадити сын свой Володимери (город). И приде Мстислав Киеву и седоша в избе, и реша мужи Володимери (мировы): «се прислал Володимер сына своего, до се сядят Новгородци; а Мстислав да идет Володимерю (городу)». И реша Новгородцы Святополку: се мы, княже, присланы к тебе и реклы ны тако: не хотим Святополка, ни сына его; аще ли две главе имеет сын твой, то пошли; И сего (Мстислава) ны дал Всеволод (отец и он.), а вскормили есты собе князь, а ты еси шел от нас». И Святополк же многу прю имел с ними, онем же не хотевшим, поимте Мстислава, придоша Новугороду».

Этим объясняется странный факт, что Святополк не имел в Новгороде сына, вопреки тому обычаю, что посылать в Новгород князя было одним из преимуществ великого князя. Следуя этому обычаю, Всеволод держал сначала в Новгороде своего сына, а по-

том посадил туда внука (Мстислава). После смерти Всеволода сделался вел. князем Святополк, и от него должен быть князь в Новгороде. Но удержан был прежний порядок, попытка Святополка воспользоваться своим правом оказалась неудачной благодаря оппозиции новгородцев.

Так открыто заявлено было предпочтение Мономаху пред другими князьями. Любовь к доблестному оберегателю родной земли все более и более усиливалась и распространялась на весь род его. И когда после смерти Святополка нужно было решить вопрос о престолонаследии, киевляне заявили свои симпатии Владимиру Мономаху и звали его на великокняжеский стол, и когда он отказывался, то они, с угрозой большого кровопролития, требовали, чтобы непременно он шел сам. Мономах торжественно был признан киевским князем. Святополк сидел на киевском столе только потому, что Владимир Мономах уважал племенное первородство. А когда Святополку должен был наследовать один из черниговских князей – потомков второго сына Ярослава, то киевляне отправили два посольства к Владимиру Мономаху, жившему тогда в южном Переяславле. Послы рассказали ему, что начинаются волнения, грозящие принять серьезные размеры: киевляне громили жидов, усилившихся в Киеве при Святополке, и дом тысяцкого Путяты. Ввиду этого Владимир Мономах отправился в Киев, где и был торжественно возведен на престол. Замечательно, что все лучшие князья были выдвинуты народом, и во Владимире Мономахе народ не ошибся. Это, несомненно, один из лучших князей в древней Руси.

В своем наставлении детям он рассказывает о своих быстрых передвижениях из Чернигова в Киев и обратно, о походах (83-х больших), об опасностях на охоте, о том, что он 200 половецких князей убил, а 100 держал в плену. Это показывает в нем воителя.

Но этот человек совмещал в себе с необыкновенною храбростью заботу о внутреннем развитии государства. Наблюдая сам за всем во время военных действий, он не упускал из виду положение вдов, сирот, нищих и наймитов. Эта забота о меньших в князе, окруженном дружиной, слишком важна. Эта черта Мономаха выразилась в крупных мероприятиях. Известно, что Святополк любил деньги и вступил в сношения с жидами. Владимир тотчас по вступлении на княжеский стол принял меры против них. Он узаконил количество процентов: 10 кун на гривну = около 1/3. Кроме того, проценты дозво-

лялось брать только два раза в год, а кто возьмет три раза, тот уже теряет и самый капитал. Этим он подорвал ростовщиков-жидов. Он же ввел в «Русскую Правду» положение о несчастной несостоятельности купцов. В списках «Правды» встречается узаконение о наследстве, о наймиках, которые в случае нарушения условий переходили в рабство.

Понятно, что такой даровитый человек, как Владимир, широко мог развить свою власть. Он не имел соперников и мог править всей Русью. Это было тем легче, что во многих княжествах сидели его дети: в Новгороде – Мстислав, в Смоленске – Святослав, а потом Вячеслав, в Ростове – Юрий, а равно и в Суздали, в Переяславле – Ярополк Храбрый, в Волыни – Роман, а потом Андрей. Он наказывал непокорных, например, в Киеве заключил Глеба Всеславича Минского. Когда против него восстал волынский князь Ярослав Святополкович, то принужден был бежать за границу, откуда воротился с мадярами, поляками и др.; впрочем, успеха не имел и был убит.

Владимир, смирив то того, то другого князя, господствовал над всею Русью. Он напоминает Ярослава Мудрого.

Он был в родственной связи с многими европейскими государями. Его дочь Евфимия была замужем за венгерским королем Коломаном, Мария – за греческим царевичем Леоном. Его 1-я жена Гида – дочь английского короля Гарольда; дочь шведского короля Христина была его невесткой.

Густинская летопись говорит, что император Алексей Комнен преподнес Владимиру Мономаху диадему, скипетр, крест с животворящим деревом и венец императора Константина Мономаха, отца Владимировой матери. И Владимир «абие, по обычаю венцем царским венчан бысть». Отсюда и известное всем сказание о шапке Мономаха.

В 1126 г. Владимиру Мономаху наследовал сын его Мстислав Владимирович. Этот князь в одной грамоте называет себя самодержцем (на основании того, что вступил по праву наследства). В летописи он назван господином над всей Русью, и, действительно, он был великим князем не по имени только, но и на самом деле: почти все князья подчинились его влиянию; он решал споры черниговских князей. Впрочем, Всеволод Олегович напомнил ему, что и он имеет право на киевский стол.

В 1132 г. умер Мстислав, а после него начались смуты, продолжавшиеся до самого татарского погрома. Во все это время идеалом для русских князей служил Владимир, совмещавший в себе два качества – идеализм и практицизм, каковым качествам его и подражали его преемники, хотя и не всегда и не во всей полноте (последнее было даже почти невозможно).

Чтобы избрать путь при изучении этого смутного времени, необходимо иметь в виду княжеские линии.

От старшего сына Владимира Мономаха Мстислава произошли князья киевские, волынские и галицкие: Изяслав, Мстислав, Роман и Даниил; от того же Мстислава через сына его Ростислава – Ростиславичи Смоленские: Мстислав Храбрый (высокий идеалист) и Мстислав Удалой; от Мономахова сына Юрия Долгорукого – дети его: Андрей (Боголюбский), Всеволод (Большое гнездо); от Всеволода – князья Суздальские, Московские и Тверские. Кроме указанных трех линий: Мстиславичей (киевских, галицких и волынских), Ростиславичей (смоленских) и Юревичей (Суздальских и Тверских), нужно иметь в виду еще и др. линии Святославичей (Черниговских); из них, в частности, Давыдовичей и Ольговичей (самые даровитые). Наконец, боковая линия – галицкие князья от Ростислава Владимировича: Василько и Володарь; Владимирко Володаревич и Ярослав Владимирович. С сыном Ярослава Владимиром (ок. 1200 г.) эта линия угасла, и Галич перешел к Мономаховичам.

Со смертью Мстислава киевляне выбрали правителем Ярополка, известного храбростью, но он был несправедлив к сыну Мстислава Всеволоду, породил ссоры с Юрием Суздальским и черниговскими князьями.

После смерти Ярополка в Киеве утвердились Ольговичи, в частности, Всеволод. Но и этот умный государь пользовался съездами и «вечем» не согласно с духом Мономаха. Он вздумал распоряжаться князьями самовластно, но, встретив в лице некоторых князей открытое сопротивление (например, со стороны Андрея Владимировича, которого он хотел выгнать из Переяславля), стал подкапываться под них иным образом: соглашался то с одними князьями против других, то со вторыми против первых и т.д., но и тут вооружил про-

тив себя родственников. Тогда он стал всем покровительствовать и вооружил против себя всех. Любопытно его отношение к «вечу»: огнем заставил вече принять на престол, а потом пирами заглаживал свой поступок; но прочной связи с народом он не имел, так как и политику он понимал чисто внешне, обнаруживая нередко и бестактность, и крайний деспотизм. Желая упрочить Киев в своем роде, он подготовлял передачу его своему Игорю.

После смерти Всеволода Киев еще был покорен, пока была тверда дружина. Но когда из Вышгорода в Киев приехал Игорь, киевляне составили вече: Игорь с дружиною остался на горе, где и был заключен договор. Тут, между прочим, жаловались на тиунов и подтвердили клятвою избрание Игоря на киевский стол. Игорь, уладив с Киевом, начал сноситься с Изяславом Мстиславичем и спрашивать его о том, стоит ли он в своем целовании, но он не ответил. Летописец говорит: «И не угоден бысть Кыяном Игорь, а просиша Изяслава: «Пойди к нам, тебе хотим, не хотим быть у Ольговичей «в задницы»» (т.е. переходит по наследству)». Важно здесь, что киевляне сами себе избирают князя. Настойчивость Игоря повела к грустным результатам: он был разбит Изяславом, пострижен, а потом убит. Но заняв престол киевский, Изяслав нарушил права Юрия, который доводился ему дядей. Возникла между ними борьба, в которой принимали участие, с одной стороны, черниговские князья, а с другой – галицкий Владимирко – союзник Юрия, для которого усиление Изяслава было небезопасно. Вмешались в эту борьбу и иноподданные: кроме черных клобуков, Изяславу помогали угры – враги Владимирка. Понятно, что в этой борьбе общие интересы России забывались, а князья во что бы то ни стало старались завладеть киевским столом, хотя он и считался почетным только среди областных городов.

Силу же давали князьям их области. Киевляне принимали деятельное участие в княжеских смутах: они на время берут князей и удаляют их. Привязанные к роду Мономаха, они особенно радели к Изяславу. Так, когда Юрий Долгорукий разбил его, он прибежал к Киеву и велел сказать его жителям: «Се сирый наю пришел, а ве вам являево: можете ли ся за наю бити?» Киевляне же ему ответили: «Господина наю князя! Не погубибита наю до конца; се ныне отци наши, и братья наши и сынови наши, на полку, они и изоймани, друзии избени и оружие снято; а ныне ать не возмуть нас на полон, поевита

в свои волости, а вы ведаета, аже нам с Гюрем не ужити, а же по сид днеш, где «узрим стягываю, ту мы гатовываю есмы».

Как средство умиротворения была придумана такая комбинация, что киевский стол как почетный должен занимать старший князь, а управлять им сильнейший и храбрейший. Так, князь Изяслав пригласил в 1150 г. в Киев своего дядю Вячеслава, но сам управлял делами. Вот их договор, заключенный у гроба мученика: «И целоваста хрестъ у святого мученика на гробе на том: Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава – на том же и мужи его целоваша хрестъ, яко межи ими добра хотети и чести его стеречи, а несваживати его. Изяслав же поклонився святому мученикома и отцю своему Вячеславу, и рече ему: «Ты ся, отце, не труди; но ать азъ поеду к Звенигороду противу Володимирову, а ты с мною идети полк свой, а сма, отце, еди в Киев, коли тебе годно». Вячеслав же реше: «Что, сыну у меня дружины моя, в си с тобою пушаю». Вот и другое свидетельство: «Утрии день присла Вячеслав к Изяславу, и рече ему: «сыну! Бог ти помози, оже на мене еси честь возложил, аки на своем отци; а язъ паки, сыну, тебе молвлю: яз есмь уже стар, а всих рядов уже не могу рядити, но будеве оба Кieve; а си нам будешь который ряд или хрестьяных и поганых, а поеве оба по месту, а дружина моя и полк мой, а то буди обою нама, ты же ряди».

Есть известие, что Вячеслав жил на большом дворе, а Изяслав – под Угорском.

Когда в 1154 г. Изяслав умер, то Вячеслав пригласил Святослава Всеволодовича оберегать его до прихода Ростислава Мстиславича из Смоленска, а когда последний пришел, то он передал ему власть, говоря: «Сыну! Се уже во старости есмь, а рядов всих не могу рядити, а, сыну, даю тебе, якоже брать твой держал, ее рядил, такоже и тебе даю; а ты мя имей отцем и честь на мне держи, якоже и брать твой Изяслав честь на мне держал и отцем имел; а се полк мой и дружина моя, ты ряди». Оба эти князя – Ростислав и Изяслав имели опору себе в областях: первый – в Смоленске, а второй – в Вольни.

По смерти Вячеслава (1154 г.) нельзя было не уступить Киева Юрию Долгорукому²⁷, как старшему в роде.

В последующее время Киев видел у себя еще одного замечательного князя. В 1161 г., изгнав Изяслава Давидовича, овладел Киевом Мстислав Изяславич, сын Изяслава Мстиславича. Он, однако,

призвал в Киев дядю своего Ростислава Мстиславича, повторив таким образом комбинацию, устроенную его отцом и Вячеславом Смоленским.

Мстислав давал князьям чувствовать свою силу, а сев на киевском престоле, он повторил после смерти Ростислава Мстиславича призыв Мономаха вспомнить о благе земли русской: «Вложи Бог в сердце Мстислава Изяславича мысль благую о русской земле, занеже ей хотя же добра всем сердцем: и созва братию свою и нача думати с ними, река им тако: «Братье, пожалуйтея о русской земле, оже несут хрестьяны на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимающе, всегда преступающе, а уже у нас и греческий путь из отымают, и соляной (в Крым) и залозный (по правую сторону Днепра); а лепо не было, братье, в зряче на божью помочь и на молитву Святое Богородице поискати отец своих и дед своих пути, а своей чести». В то время открылись торговые пути в Польшу, но южный путь был все-таки нужнее.

Поднимая вопрос о главных задачах русских, он этим самым выдвигал значение Киева, но сделать вполне этого ему не удалось; Киев был уже слишком ослаблен, и много было на него претендентов. До чего заманчив был Киев, видно из истории Изяслава Давыдовича, несколько раз сидевшего в Киеве и не раз с позором выгоняемого оттуда. В 1154 г., когда умер Изяслав и в Киеве остался дряхлый Вячеслав, а при нем неокрепший в силах Мстислав, то Изяслав Давыдович задумал овладеть Киевом, и когда он подошел к нему, то на вопрос Вячеслава, зачем явился, он ответил: «Приехал есмь брата своего плакать, аче есмь ми ныне, ать оплачу гробь его шедь». Но его не пустили, и он перешел на сторону Юрия Долгорукого, который стал подходить с половецкими отрядами к Киеву. Между тем, Вячеслав умер, а Ростислав, желая остаться в Киеве, сначала воевал с черниговскими князьями, а потом захотел перетянуть их на свою сторону, пообещав Изяславу Давыдовичу киевское княжение после себя. Это рассердило Мстислава Изяславича и послужило поводом ссоры между ними, чем воспользовались половцы: Ростислав был разбит и бежал из Киева, где сел Изяслав. Но двоюродный брат Изяслава Святослав Ольгович хорошо видел, что добытый стол не будет прочен, и писал ему: «Поеди, брате, из Киева, и деть ти Дюрги, а позвале себе оба». Изяслав не слушался. Ему он вторично говорил: «Пойди из Киева,

ать идти в Киев Дюрги, а язъ ти Чернигова с ступлю». Когда Юрий стал приближаться к Киеву, то послал сказать Изяславу: «Мне отчина Киев, а не тебе». Изяслав же присла к Дюргеви, моляся к Дюргеви, моляся и кланяся, река: «Ци сам есмь ехал Киев? Посадили мя Кыяне, а не сотвори ми пакости, а се твой Киев». Отлично охарактеризовал стремление к Киеву Святослав Всеволодович, союзник Ростислава, послав сказать Юрию: «Избезумился есмь». Но Изяслав Давыдович не считал безумием стремиться в Киев, и он заблаговременно принял меры, чтобы сестъ в Киеве. Он составил союз и двинулся к Киеву; Юрий умер, и начались смуты, пользуясь которыми Изяслав сел на стол киевский; но смуты не прекратились, ибо они стали необходимы. Изяслав задумал смутить Галицкую землю и когда не все черниговские князья поддержали его в этом, был выгнан из Киева Мстиславом Изяславичем. Затем он много воевал со своими родичами – черниговскими князьями, силясь возвратить себе, по крайней мере, Чернигов, который сам уступил ранее; еще раз побывал на киевском столе, напав на Киев с половцами врасплох, но как только противники собрали войско, бежал из Киева и был убит (1161 г.).

Причиной такого стремления к Киеву была разнузданность того времени. Изяслав Давыдович держался, напр., такого мнения: «Мир стоит до рати, а рать – до мира»; о нем сказано в летописи, что он не хотел выйти из Киева, «зане у любил бы Киев ему». В Никоновской летописи причина стремления князей к Киеву выражена еще яснее: о Изяславе Давыдовиче здесь сказано, что он не хотел уйти из Киева, «зане излюбил зело княжение киевское и кто возлюбить его понеже и честь благо». Вот, значит, почему стремились князья к Киеву: здесь можно было наслаждаться многими благами.

От этого стремления к благам и воинственности князей страшно страдала русская земля; при этом страдали не одни только простые люди, но и князья со своими дружинниками. Что делалось в те времена, в 40 – 50-х гг., можно видеть из некоторых фактов, приводимых в летописи.

В 1148 г. Изяслав Мстиславич воевал с черниговскими князьями за Игоря, низложенного киевского князя. «Когда войска стояли у Чернигова, «послашыше», говорится в летописи «и заграбиша, Игореву и Святославля стада в лесе, по Ратни, кобыль стадных 3000, а конь – 1000; послаше же по селом, позгоша жита и дворы» (Ипатьев.

лет. т. 2, стр. 26). Доставалось Киеву от полков берендеев и торков. Во время борьбы Юрия с Изяславом Мстиславичем «велику пакость сотвориста Киеву и монастыри позгоша». В 1149 г. Изяслав шел на Юрия с уграми и поляками, Юрий и Вячеслав отправили посланных с такими словами: «Не стойте на нашей земле, и жизни нашей, и сел не губите, но ать Изяслав поидеть в свой Володимир, а вы в свою Землю пойдите; вся с моим «братом и сыном Изяславом сами ведаемы» (Ипатьев. лет. т. 2, стр. 46).

Изяслав Мстиславич, отличавшийся воинскими дарованиями, весьма дешево ценил человеческую жизнь. Известен ужасный факт из истории борьбы с Ярославом Галицким, факт, относящийся к 1159 г. и имевший место после стычки у Требовли. «И остался Изяслав, читается в летописи, с малом дружины на полчищи, и постави стяги Галичския, и поидоша Галичане под свои стяги, изоимаша множество колодник. Но ту же ночь убося Изяслав, зане бе остался с малом дружины на полчищи, река: «да не совкупятся на нас из города, боле-бо бяшет колодкин его дружины; и види многое множество колодкин Галичан вязачи, и тако повеле сечи, а лучшии мужьи с собою поя. Утрии же день Изяславы Мстиславич поиде в Киев, у дом свой, зане братья его и дружина его разбехлися бяхуть. Бысть плач велик по всей земли Галичстей» (Ипатьев. лет. т. 2, стр. 74). Понятно, что если так мало ценили жителей те князья, которые стремились с запада, то естественно было ожидать, что и восточные князья так же бесцеремонно относились к жителям.

Сын Юрия Андрей Суздальский, не любивший смуты и борьбы, поэтому против воли отца ушедший из Киева в то время, когда Мстислав Изяславич хотел овладеть Киевом, решил напомнить киевлянам, что нужно уважать старшинство князей и что пришло время расплатиться за старые дела. Отец его Юрий, сев с 1157 г. в Киеве, обезопасил себя надежными людьми, назначив на разные места суздальцев; по смерти же его киевляне разграбили его имущество и перебили поставленных им суздальцев. «И много зла сотворися в ть день: разграбиша двор его красный, а другой двор его за Днепром разграбиша, его же звашеть сам раем, и Васильков двор сына его разграбиша в городе; избевахуть Суздальци по городом и по селом, а товар их грябче» (Ипатьев. лет. т. 2, стр. 81).

С одной стороны, желая отплатить киевлянам за подобные бесчинства, а с другой – намереваясь уничтожить значение Киева, Ан-

дрей Боголюбский взял его в 1169 г. и при этом даровал право своей дружине все грабить и всех пленить. Замечательно, что он посылал войско с боярами, оставаясь дома. Его войско было огромно и состояло из черниговских и суздальских полков (вероятно, князя их подчинены были Андрею Боголюбскому).

Со времени похода Андрея Боголюбского Киев потерял свое значение: от военных дел его земля кругом опустела, народ выселялся отсюда по преимуществу в Суздальскую область, где было спокойно от врагов. Но тем не менее Киев не мог сразу пасть; с ним связаны были некоторые идеи, которые должны были сказаться.

Пытался Андрей Боголюбский разрушить и Новгород, где сидел сын Мстислава Роман, но здесь он потерпел поражение. Таким образом, этот важный пункт не был добыт, хотя покорился ему, когда был пресечен подвоз хлеба.

Андрею Боголюбскому пришлось вытерпеть сопротивление и со стороны южных князей. Он посадил в Киеве брата своего Глеба, но тот скоро умер, а на его место сел Роман Мстиславич. Однако до Андрея Боголюбского дошли слухи, что Глеб умер не своею смертью, и в 1174 г. «начася Андрей вины покладывать на Ростиславичи, и присла к ним, река тако: «выдайте ми Григоря Хотовича, и Степаньца, и Олексу Святославца, яко те суть уморил брата Глеба; а то суть ворозе всим нам; сего же Ростиславичи не послушаша, и пустиша Григоря от себе. И рече Андрей Романови: «не ходиши в моей воле с братьею своею, а поиди из Киева, а Давыд из Вышегорода, а Местиславъ изъ Белагорода; а-то вы Смоленск, а тем ся поделите» (Ипатьев. лет., т. 2, стр. 108). Только Роман подчинился его воле, а другие остались в южной Руси.

В Киев Андрей послал своих братьев, сначала Михалка, а потом Всеволода. Но Всеволод, просидев там 5 недель, захвачен был Ростиславичами в плен. Тогда Андрей опять послал Ростиславичам, а особенно Мстиславу: «В тебе стоит все, а не велю ти в Русской земле быти». Мстислав остриг Андрееву послу голову и бороду и велел ответить: «Мы тя до сих месть яко имели по любви; яже еси с сякими рэчьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а тодей, а Бог завсем». «Андрей же послышав, бысть образ лица его потускнел».

В 1174 г. Андрей Боголюбский собрал громадное – до 50 тысяч войско и направил его в южную Русь. Ростиславичей – Рюрика и Да-

вида — он велел выгнать из отчины своей, а «Мстислава емше не сотворите ему ничтоже, приведете и ко мне».

Мстислав Ростиславич не стал дожидаться в Киеве, потому что киевляне боялись подвергнуться разорению, а засел в Вышгороде; здесь был осажден ратью суздальскою и отражал ее. В те времена чрезвычайно много значили в военном деле личная храбрость, физическая сила и броня, благодаря чему можно было по несколько раз проезжать сквозь неприятельские полки, и Мстислав в Вышгороде оказал необычайную доблесть, вырываясь с дружинниками из города и производя смуты среди нападающих. Стан под Вышгородом обратился как бы в военное ристалище. Однако дело решено было не этими доблестными подвигами. Война кончилась самым неожиданным образом: маленький князь луцкий Ярослав Изяславич, недовольный Ольговичами — союзниками Андрея, перешел к Ростиславичам. Это произвело такой переполох в рати суздальского князя, что она поспешно разбежалась в разные стороны. Причина такого поворота в том, что князья неохотно собрались в поход, повинувшись воле Андрея Боголюбского и тяготились им.

Эта неудача имела роковое значение для Андрея Боголюбского: в следующем году он был убит дворовыми Кучковичами, родственниками по жене (князь казнил одного из них, а другие, опасаясь того же, решили покончить с ним самим), кавказцем (Ясином) Анбалом и жидом Мойзичем. Убийство было совершено самым коварным образом.

Это убийство показало, однако, что князь не пользовался симпатиями в низшем слое суздальского населения. Горожане разграбили дворец княжецкий в Боголюбове; «и много зла сотворися в волости его, посадник его и тиунов его дома пограбиша, а самих избиша». И до такой степени забвения дошли суздальские люди, что тело князя, выброшенное убийцами на огород («хочем и выверечи псом» — говорили они), несколько дней лежало там без всякого призора. И только один между слугами нашелся Кузьмище, киевлянин родом, который осмелился взять у княжеского ключника ковер, прикрыл им тело князя и положил его в притвор у божницы.

Причина такого ожесточения к погибшему князю в том, что он ясно заявил и проводил в своей деятельности новые принципы, непонятные окружающим. Летописец удивляется его обращению с кня-

зьями; о его приказании схватить и привести Мстислава летописец замечает: «Андрей же князь точик умник сы во всех делех, добль сы, и погуби смысл свой невоздержанием, располевся «гневом тако-га убо слова похвальна, испусти». А под 1162 г., когда Андрей разогнал братьев своих Мстислава и Василько и племянников Ростиславичей, летописец замечает: «Се же сотвори, хотя самовластец быти всей Суздальской земле». Это в первый раз встречается упоминание о самовластии – самодержавии. И не только к князьям он относился так грубо, подчиняя их своей власти, но и к другим людям – дружинникам своим, боярам и окружающим. А это мало подходило к тем временам и возбуждало общее к нему нерасположение. Пока фактическая сила была на его стороне, ему удавалось распоряжаться всей русской землей. Но дело под Вышгородом нанесло роковой удар его обаянию; и как это всегда бывает, когда сильный человек теряет силу, на него поднимаются и самые его приближенные: и князь Андрей погиб от рук своих дворовых.

Таким образом, сила, созревшая в Суздале, пала, и это повело к смутам на всем пространстве русской земли, начиная с самого Суздаля. Здесь целых два года продолжались смуты. Тот час же выступили Ростиславичи и братья Андреев, Михалко. Сейчас же в этих смутах принял участие ближайший сосед Суздальской земли рязанский кн. Глеб. Дела осложнились из-за первенства областей – Суздаля и Владимира. Сначала призваны были Ростиславичи, а Михалко, пришедший вместе с ними, не был принят и должен был удалиться. Но суздальцам скоро пришлось раскаяться. Ростиславичи привели с собою дружину из Южной Руси «и раздаяла беста посадничества Русским людем; они же многу тяготу людам сим створиша». Владимирцы начали говорить: «Мы есьмы вольная князя прияли к собе, крест целовали на всем, а си акы не свою волость творита..., грабита не токмо волость всю, но и церкви». Поэтому они решили призвать Михалку, который победив при помощи черниговского князя Ростиславичей, сел во Владимире, а около него утвердился и Всеволод, которому скоро пришлось восстановить влияние Суздальского княжества на всю Русь.

Но пока смуты продолжались везде.

Мономаховичи должны были уступить Киев Ольговичам Черниговским – Святославу Всеволодовичу, который «избезумился»,

стремясь к великокняжескому столу, и основывал свои претензии на том, что «Угрин (он), не лях, но одного деда есьмы есьмы мы внуци».

Всеволод Юрьевич скоро, однако, положил конец смутам: утвердив свое единодержавие в Суздальской области, он скоро подчинил себе всю Русь. Не говоря уже о других князьях, ему подчинялись киевские: Святослав Всеволодович не выходил из послушания ему, Рюрик Ростиславич также во всем ему повиновался. Он влиял на дела даже такого отдаленного и могущественного княжества, как Галицкое, где ему приходилось ведаться с храбрейшим князем Романом Мстиславичем.

В сравнении с Суздалем Киев в то время все более и более падал. В 1203 г. он был взят «на щит» Рюриком Ростиславичем, причем и русские, и половцы грабили в нем без пощады.

Ход вещей обнаруживал, что вся срединная полоса Руси, кроме, впрочем, Новгорода, как бы совсем уже изжила и не давала своим князьям прочной опоры: вследствие этого мы и видим, что Ростиславичи Смоленские и Ольговичи Черниговские (из которых, кроме Святослава Всеволодовича, удалось сидеть в Киеве (1210 – 14), сын его Всеволод – по призванию «Чермной» – то и дело и дело перегоняют друг друга, не будучи в силах удержаться прочно на киевском столе. Сила выступала теперь из окраин областей.

Суздальская область много обязана была своим усилением влиянию народных масс: ранее она была населена колонизацией из Новгорода; теперь же сюда стремятся с юга и запада, и в настоящее время по этнографическим исследованиям оказывается, что суздальская земля представляет собою смесь двух типов – малороссийского и белорусского: первого, проникшего сюда с юга, второго – со Смоленской области. В том, что в суздальские области селился народ; в том, что эти области приобретали народное, а не аристократическое значение, заключалась сила суздальских князей. Они создавали это и всегда заботились о народе. Этим отличался еще Юрий; о Всеволоде же есть известия в летописях, что он судил, «не обвиняя от лица сильных людей».

Но надо сказать, что срединная Русь, как бы истлевшая, представляет любопытный ряд светлых явлений. Были сделаны попытки воскресить ее значение и дать силу ее принципам, показать всем князьям, что эти принципы легко могут уступить новым. Мстислав

Ростиславич Храбрый и Мстислав Мстиславич Удалой были представителями этой срединной Руси; они и давали понять, что не погибла еще эта Русь, и они за нее ратуют, и всех могут смирять и на востоке, и на западе.

На значении этих князей и остановимся. Весьма возможно, что после вышгородской войны Мстислав Храбрый живо напомнил всем – и по физической силе даже – Владимира Мономаха. На нем сосредоточились все надежды, по крайней мере, этой срединной Руси. В это время мы имеем такое богатство воспитательных начал – в смысле общественно-политическом – какого после не видим. Жили теми идеалами, которые рисовались в жизни знаменитых людей, идеалами, несомненно, великими, а это означало богатство строительных сил в народе. При всех безобразиях старая Русь имела в своей среде многих людей, к которым относилась с великим уважением, какого они и заслуживали. И вот, кроме Владимира Мономаха, которого века помнили, в числе этих людей весьма видное место занимал Мстислав Ростиславич. Вот как характеризует его летописец: «Сий же благоверный князь Мстислав, сын Ростиславич, возрастом середний бе, и лицом леп, и всею добродетелью украшен и добронравен, и любовь имяше ко всим, паче же милостыни прилежае, монастыри набдя, чернцы утешившая, и все игумены утешивая...; бе бо крепок на рати, всегда бо желает умерети за русскую землю и за хрестьяны, егда бо видяше хрестьяны полонены от поганых, и тако моляше дружин своей: «Братя, ничтоже имете в уме своем, аще ныне умрем за хрестьяны, то очистивая грехов своих и Бог вменит кровь нашу с мученикы; аже ли Бог даст милость свою, а слава Богу; мы же аще ныне умрем, умрем же всяко» – и тако молвя дерзость подаваше воем своим и тако от всего сердца бяшеться заотчину свою; бо бе любезнив на дружину и имения не щадяшет и несбирашет злата ни серебра, но даяте дружине своей, ово же правяше души своей; и приложися ко отцем своим и дедо и своим... Не бе бо тое земле в Руси, края же его не хотяшет ни любяшет, но всегда бо то сняшеться на великая дела; но преставися юнь» (Ипатьев. лет., стр. 121).

Нужно вдуматься в эти слова: нельзя назвать варварским то общество, которое знает о великих делах, стоящих выше личных интересов, и ценит тех людей, которые стремятся к этим делам. И как бы это общество низко ни пало, историческая живучесть его несомненна.

Как высоко ценило этого князя русское общество того времени, видно из летописи: «И слышавше братья представление его, печальни быша вельми; и плакашеся по нем вся земля русская, не може забыти доблести его, и Чернии Клобуци вси не могут забыти пригособления его».

Уже вскоре после вышгородской войны все обратили внимание на Мстислава Ростиславича, и самый свободолюбивый народ – новгородцы обратились к нему, призывая его к себе – защитить их от Суздаля и чуди. «Он же не хотяше ити из русской земли, река им: «Яко не могу ити из отчины моей и с братией своей разойтися»; прилежно бо тщашеться, хотя страдати от всего сердца за отчизну «свою, всегда бо на великая дела тесняся». Но братья убедили его ити в Новгород: «Брате, аже зовутся с честию, иди: а тамо ци не наша отчизна?» К несчастью, в 1180 г. этот князь скончался в Новгороде, успев, впрочем, поразить чудь и сдержать властолюбивые порывы Всеволода III по отношению к Новгороду. «Уже бо солнце наше зайдены и в обиде всим остахом», плакались новгородцы о его смерти.

С течением времени обычный порядок возвратился и в Новгород: новгородцы должны были подчиняться суздальскому князю и от него брать своего князя. Так был дан им Ярослав Всеволодович, который, как и вообще суздальские князья, не стеснялся новгородскими вольностями, посылал своих бояр в области за сбором дани. А когда ему указали путь, он засел в Торжке, перенимал множество новгородских торговых людей и прекратил подвоз в Новгород продовольствия. Это было уже в 1212 г., вскоре после смерти Всеволода III.

Тогда новгородцы вспомнили Ростиславичей Смоленских и обратились к сыну Мстислава Храброго Мстиславу Мстиславичу Удалому.

Одно появление этого князя оказывало сдерживающее влияние и на Всеволода, когда он был жив, и на его сыновей. Так было и на этот раз: Ярослав смирился.

До какой идеализации своего призвания доходили Ростиславичи Смоленские, можно судить по следующему факту: после непродолжительного пребывания в Новгороде Мстислав отправился на юг, пригласив новгородцев помочь ему против Всеволода Святославича Черниговского и восстановить в Киеве его братьев Ростиславичей Смоленских. Новгородцы согласились, дошли до Смоленска, но тут

произошло препирательство у них с князем по случаю ссоры новгородцев со смольнянами и убийство одного из последних. Князь хотел созвать вече; новгородцы не явились. Тогда Мстислав, откланявшись им, сказал, что и без них пойдет. Новгородцы одумались; их убедил тысяцкий Твердислав, напомнив, что деды и отцы их страдали за Русскую землю, «так, братие, и мы пойдем по своему князю». Новгородцы пошли за князем; дружина дошла до Киева и взяла его. Всеволод бежал из него, а на место его был посажен Мстислав Романович.

В 1215 г. Мстислав Удалой вернулся в Новгород. Но, видя там преобладание суздальской партии, причинявшей ему много неприятностей, созвал вече и, откланявшись новгородцам, сказал: «Суть ми орудия Руси, а вы вольни в князех», и добровольно покинул Новгород.

С отъездом Мстислава новгородцы переживают много неприятностей. Они обратились к Ярославу Всеволодовичу, тот пришел, расправился с лицами противной ему партии, а потом ушел из Новгорода, засел в Торжке и, воспользовавшись неурожаем в Новгороде, не пропускал туда хлеба. Новгород терпел страшный голод. Напрасно они посылали послов к Ярославу с просьбами примирения, он в ответ на это приказал заковать и засадить всех бывших в Торжке новгородцев – до

2 тыс. человек и окончательно загородил все пути к Новгороду. В этих-то печальных обстоятельствах защитником новгородцев выступает Мстиславич. «Тогда же учув Мстислав Мстиславич (сидевший тогда в маленьком Торопце) зло то, въехал в Новгород. На «вече» он говорил: «Бо изищу мужи Новгород и волости, любо головою повалю за Новгород. Поищем муж своих вашей братьи и волости своей, да не будет Торжок Новгородом, ни Новгород Торжком, но где Св. София, там и Новгород; а и в мнозе Бог, и в мале Бог и прида» (Новгород. лет., 6123 г., стр. 33).

Между тем, и в Суздале со смертью Всеволода были большие смуты. Старшим сыном Всеволода был Константин, о котором летопись говорит как о человеке весьма образованном по тому времени. Приближаясь к смерти, Всеволод звал его из Ростова на княжение в Суздале с тем, чтобы Ростов передать другому сыну – Юрию, но Константин не захотел отказаться от Ростова, и Всеволод, раз-

гневавшись на него, назначил князем суздальским Юрия. Этим воспользовался Мстислав и, отправляясь на Ярослава, имел на своей стороне Константина Всеволодовича. Кроме того, к нему пришли князья смоленские (братья его).

Таким образом, из новгородцев, смольнян и ростовцев составилось значительное войско, и Мстислав повел его в Суздальскую область. Между прочим, он отдает на походе распоряжение войску, характеризующее его личность: не обижать простых поселян, фураж брать из своей волости.

Мстислав хотел уладить все миром; Юрию посылал сказать: «Кланяемся, нету ны с тобою обиды, с Ярославом ны обида», а последнему: «Пусть мужи мои Новгородцы и Новоторжцы, а что еси зашел волости нашей Новгородской в снятии, мирче с нами возьми, и крест к нам целуй, а крови не проливаем». Но первый отвечал: «Один есьмя брат с Ярославом»; а второй: «Мира не хотим, а мужи у меня; а далече есте шли, и вышли есть, аки рыбы насухо». Между тем, противники сошлись на р. Липице. Суздальцы стояли за ручьем, на горе за тыном. Мстислав предлагал им выйти на ровное место, но они отказались. Оставалось брать на приступ. Новгородцы сказали: «Не хотим биться на конях, а как отцы наши бились на Колакче²⁸, пеши». Соскочив с коней, сметав с себя порты и сапоги, они перебежали ручей вброд и ударили на суздальцев. Мстислав проявил замечательную личную храбрость: три раза он проехал по неприятельским рядам, работая топором («на поворозе») на обе стороны. Юрий и Ярослав были побиты на голову (1216 г.). Юрий бежал во Владимир, один, сильно расстроенный, прося жителей не выдавать его Мстиславу и обещая сам скоро же сдаться ему. И, действительно, скоро сдался.

Входя во Владимир, Мстислав отнесся к жителям с полным великодушием: он не дал воинам грабить города. Сдался скоро и Ярослав. Он спасся от поражения сначала в Переяславле, и в этом городе Мстислав не дозволил грабеж, хотя и был повод: Ярослав, прибежав в Переяславль, прежде всего приказал схватить всех бывших там новгородцев и смольнян и вметать их в погреб, и они «туся издехоша в множестве». Мстислав удовольствовался сдачею Ярослава и Юрия. Владимирский стол представлен был Константину, который скоро (1218 г.), впрочем, скончался. После его смерти Юрий

снова вступил во Владимир, и Новгород опять начал подчиняться его влиянию, так как опять оказались в его руках все пути и подвоз хлеба к Новгороду.

Мстислав, совершивши это славное дело, занялся устройством дел Южной Руси: отправился вновь в Галицкую землю, где после прекращения рода Ростиславичей стали утверждаться Мономаховичи. Галич страдал в это время не только от внутренних неурядиц, но и от внешних врагов.

Характеризуя Мстислава, Соловьев указывает такую черту в этом князе: он был беспочвенный, переезжал с места на место, везде являя свою удаль; притом он не был политиком и, когда вздумал, утвердись в Галиче, основать под собою твердую почву, то потерпел неудачу именно потому, что не имел политического такта. Идеализм южных князей оказался бесплодным для создания Русской земли; напротив, там, где идеализм совмещался с практицизмом, там и видим это создание Русской земли, как в Суздале, или в счастливые времена в Галиче.

Весьма любопытно сопоставление Галицкой государственности с Суздальской.

В Суздальской области она строилась на земле малоразвитых народностей, и они, естественно, должны были уступить русским. В Галиции же русские должны были строить свою государственность в соседстве с другими славянскими народами, имевшими свою государственность.

Галиция, входившая в состав Волыни прежде, на Любецком сейме отдана была двум братьям Ростиславичам – Василько и Володарю. Расселение братьев в пожалованной им области обнаруживает великий славянский ум. Василько занял Тереволь, Володарь – Перемышль. Место, занятое Васильком, было важно тем, что он мог «и болгар перенять, и с половцами тягаться»; тут было важно движение по р. Днестру, Бугу, Пруту; было важно то, что государственность будет развиваться в связи с болгарскими и греческими делами. Перемышль, занятый Володарем (на р. Сож, притоке Вислы), необходимо сближал Галицию с польским племенем. В этом-то районе государственность достигла высокой степени развития при сыне Володаря Владимирке (в полов. XII в.). Положение его было крайне затруднительно: с одной стороны, угрожали сильные волынс-

кие русские князья, с другой – мадьяры, с третьей – поляки, а с четвертой – ятвяги.

Характер князя выработался неразборчивый до такой степени, что он представляет единственный пример русского нигилиста тех времен. Когда раз укоряли его в нарушении договора за преступное целование креста, в котором была часть животворящего древа, он сказал, что может мне сделать «сей крест малый?» «Князь! – возразили ему: «Крестец-то малый, да сила в нем велика». Настала вечерня; князь отправился к вечерне, и с ним случился удар... Только благодаря своей неразборчивости Владимирко и мог удержаться, сделался даже довольно сильным и дал основу для более широкой деятельности своего сына Ярослава, известного по «Слову о полку Игореве» под именем «Осмомысла».

Автор этого «Слова...» дает Осмомыслу замечательную характеристику, что «он подпирает своими полками Карпатские горы». Действительно, этот Ярослав, княживший до 1187 г., был князем мудрым, миролюбивым, избегал всяких неразумных столкновений. Он придал необычайное значение Галиции, увеличил ее народонаселение, торговлю; не напрасно автор «Слова» говорит, что «он сидит на златокованом престоле». Особенность, отличающая правление Владимирко и Осмомысла, сходная с особенностью Суздальского государства, та, что оба беспощадно относились к своим братьям и родственникам и изгоняли их. Таким образом, у них удерживалось единоедержавие, но рядом с этим выработалась другая особенность, которая вела к смутам, – развитие боярства, так как Владимирко и Ярослав, не имея родственников, раздавали области дружинникам. Затем оба, особенно Ярослав, известны неурядицами в семейной жизни. Ярослав, бросивши жену, связался с какой-то Анастасией: от ней был Олег, которого он хотел предпочесть законному сыну Владимиру. Тут-то и сказалась сила бояр. Они заставили князя сойтись с законной женой и сожгли Анастасию.

После смерти Ярослава начинается в Галиции ряд смут. Волынь была ближайшей соседкой ее. Стоит только взглянуть на карту, чтобы сказать, что Владимиро-Волынские князья рано или поздно непременно должны были вмешаться в галицкие дела, и наоборот.

Владимир-Волынский лежит на месте, близком к системе Припяти, очень недалеко от Зап. Буга. Ему открывалась возможность

близких сношений с Польшей (по Зап. Бугу и Висле), с ятвягами (по Нареве и маленьким речкам) и с Литвой (через Неман). Отсюда же недалеко и до Днестра и южно-бугской системы. Поэтому совершенно естественно, что когда после смерти Ярослава дела Галиции запутались, в них вмешался Роман Мстиславич. Он, заметив, что между Владимиром и Олегом идет спор, устроил так, что галичане призвали на галицкий престол его. Но Владимир обратился за защитой к венгерскому королю Беле, который взял его под свое покровительство и удалил Романа из Галиции. В результате этого Бела утвердил на Галицком престоле своего сына Андрея. Таким образом Мадьярская держава распространилась на Галицкую область.

Из-за этого возникает в Галиции новая смута, в которой принимают участие князья не только волынские, но и черниговские. Еще Изяслав Давидович покровительствовал Ивану Берладнику (сыну Ростислава, брата Владимира). Последний некоторое время владел Берладом, но так как этот город (между Прутом и Днестром), находясь в руках чужого князя, был помехою для Галича в его торговых интересах, то неудивительно, что галицкий князь употребил все усилия вытеснить оттуда Ивана Берладника, после чего этот князь вел скитальческую жизнь, переходя от одного князя к другому, пользуясь особенным сочувствием черниговских князей, а между ними и Изяслава Давидовича. Такова же была судьба и его сына Ростислава, пока в это смутное время – после смерти Ярослава – обратились к нему некоторые из галичских бояр, призывая его избавить отечество от мадьяр. Ростислав отправился туда, подошел к самому Галичу; и, несмотря на малочисленность дружины, так как галичане, у которых немало бояр было в руках мадьяр, мало помогали ему, напал на врагов, говоря: «Не хочу блудить по чужой земле, но лучше голову положу в отчине своей». Был ранен и взят в плен; и хотя галичане и хотели защитить его от мадьяр, но те успели приложить к ранам его какого-то зелья, от которого он и умер. С этого времени началось прямое вмешательство черниговских князей, именно сыновей Игоря Святославича, воспетого в «Слове...». Мадьяры, видя невозможность удержаться, должны были уступить Владимиру Ярославичу; он оставался на Галицком столе до конца XII в. Новый взрыв последовал после его смерти. Тогда Галичем овладел уже Роман и утвердился в нем очень прочно. К сожалению, он и царствовал недолго – до 1205-го г. Его силу сразу узнали и мадьяры,

и поляки, среди которых он имел и друзей, т.к. был в родстве с ними, и половцы, более же всего галицкие бояре, на которых он смотрел как на главных виновников смут государственных. Он не только обращался с ними сурово, но и беспощадно казнил их. «Не раздавивши пчел, меду не есть», – говорил он. Роман отличался энергией и жестокостью. Он сверг, например, с киевского стола Рюрика Ростиславича; постриг его самого и жену в монашество. Той же участи он подверг и свою собственную жену (дочь Рюрика); а сам женился на польской княжне – родственнице Лешко Белаго, от которой родился Даниил.

Роман произвел в Галиции большой переворот, поднял ее на высокую степень могущества; недаром летописцы называют его львом, барсом, самодержцем Русской земли. В 1205 г. Роман поддерживал своих родственников – польских князей против Мечислава; когда увидел, что враги примирились и помощь его не нужна, он стал просить себе вознаграждения, но в начавшихся военных действиях он погиб жертвой своей неосторожности. После Романа длинный ряд смут оказался безысходным. От Романа остались два сына: Даниил 4 лет и Василько – 2-х. Единственным местом, где они могли оставаться спокойными, была их наследственная вотчина – Владимир Волынский; из Галича же они должны были бежать и странствовать то в пределах Польши, то Угрии. Опять выступили черниговские князья и стали добиваться галицкого стола; опять повторилась прежняя история, что мадьяры, взявшись защищать Даниила, утвердили в Галиции свою власть, и их король Андрей поставил на галицкий стол сына своего Коломана. Поляки также пытались утвердиться в Галиции, вступив даже в соглашение с уграми, но Коломан был обручен с дочерью Лешка Белаго.

Эта борьба из-за Галиции ознаменовалась ужасным делом. Черниговские князья Роман, Владимир и Святослав, впутавшиеся в галицкие дела и добившиеся того, что расселись по галицким столам, недолго держались на них. После того как Роман начал позволять себе обращаться с галицкими боярами так же, как прежний Роман, все трое должны были бежать, причем Роман и Святослав были схвачены и повешены (1211 г.). Тогда же выступил боярин Володислав, который добивался княжения, что также было делом необычным.

Заявлявшие притязания на Галич иноплеменники поссорились между собой, и тогда на защиту Даниила выступил родственник его Мстислав Удалой. В 1218 г. он прибыл к Галичу. Магьяры смеялись над ним, думая, что чрезвычайно легко побить его, но были сами побиты и вынуждены были удалиться. Мстислав начал благоустроить дела галицкие и расчищать пути к прочному княжению Даниила. Он близко сошелся с Даниилом, восхищался его храбростью, подарил ему коня и выдал за Даниила дочь. Можно было радоваться этому согласию в княжеской семье, но оно продолжалось недолго. Мстислав поссорился с Лешком. Лешко, соединившись с Андреем Магьярским, вытеснил Мстислава из Галича; когда же дела пошли на мировую, Мстислав выдал свою дочь вторую за сына Андреева Коломана, которому и отдал Галич. Это, конечно, не могло нравиться Даниилу, а галицкие бояре стали наговаривать Мстиславу, что Даниил изменяет ему, и хотя он убедился во лжи наговоров этих, но неудовольствия были уже посеяны и было очень трудно разобраться в них. В 1221 г. он удалился из Галиции, предоставив Даниилу самому расправляться со всем.

Вся эта история особенно замечательна в том отношении, что храбрейший человек своего времени, которому ничего не стоило разбить большое войско, оказался бессильным в политике и запутался во вражеских интригах. К счастью, он предоставил распутывать галицкие дела Даниилу, который, походя на отца храбростью, был к тому же и образованным человеком и, находясь под влиянием матери, не чужд был гуманных воззрений.

Если бы не было татарского нашествия, то, по всей вероятности, царствование Даниила было бы могущественным и надолго упрочилось бы могущество самой Галиции. Россия представляла бы тогда два сильных пункта (первый – Суздаль) русской государственности, и ближайший знаменитый русский человек объединил бы их.

Обращая внимание на все эти неприглядные факты, чтобы нарисовать тогдашнюю темную картину, никоим образом не следует забывать и того хорошего, что было тогда среди этой смуты как в Суздале, так и в Галиции.

Когда придется рассматривать отношение русского народа к инородцам и оценивать его этнографический труд, мы увидим рядом с неудачами и блистательные результаты: увеличение числа русских людей в том или другом месте, их влияние на инородцев. Но кроме

этого чисто этнографического труда, нужно иметь в виду и труд цивилизационный.

В нашей исторической литературе почти признается, что как бы ни велики были смуты до татарского времени, наша цивилизация и в то время не была ниже западноевропейской. Данные об этом есть у Иловайского. Он очень большое внимание обращает на церковную архитектуру и в ней видит богатые цивилизационные задатки. Мнение о высокой степени тогдашней русской цивилизации можно встретить не только в русских книгах, но и иностранных, как, например, у Леруа-Болье в целой серии его трудов. У него есть блистательные доказательства высокой степени развития и господства русской цивилизации и именно в Галиции. В настоящее время даже польские ученые весьма тенденциозного направления, как, например, проф. Краковского университета Бобржинский, должны признать, что русская (или византийская) цивилизация влияла и на Польшу и оставила в ней больше следов, чем мы думаем. Есть русское сочинение проф. Линниченко: «Отношение Руси к Польше до XIV ст.», в котором совершенно ясно доказывается, что предметы торговли, вообще вся домашняя обстановка в Галиции и во всей Руси были выше, чем в Польше; Польша была более бедной и менее цивилизованной страной, чем Русь.

Наша цивилизация при всем внешнем неустройстве государства заключала в себе много хороших сторон, и будущему предстояла одна задача – урегулировать дружину, так как вся смута сеялась не только князьями, но и дружинами. В Суздале дружинники жили промыслом, добычей; в Галиции дружинники делались большими землевладельцами. В Суздале, хотя бояре и дружинники были сильны, но при сильной власти князя они не могли иметь преобладающего значения и должны были сближаться с людьми торговыми, т.к. Суздаль имел громадное торговое значение. В Галиции предстояла задача поставить дружинников-интеллигенцию в известные пределы; установить к ней правильное отношение представителей народа. Не будь татарского нашествия, Русь справилась бы с этой задачей. Татарское же нашествие хотя и облегчило ее, даже ускорило, но внесло много новин.

ЕКЦИЯ III

Русь и соседние земли. – Истории инородцев. – Литовцы. – Основание Вятской общины. – Князья. – Административный строй древней Руси. – О службе и значении дружины. – О земских членах и городских сословиях. – Законодательство. – Деньги древней Руси. – Татарское нашествие. – Государственное строение на юго-западе России. – Литовско-русское строение. – История государственности в восточной части Руси после татарского разгрома. – Борьба Москвы с Тверью. – Политические события при Василии Темном. – Время Иоанна III.

Вопрос об отношении русских племен к инородцам имеет громадное значение в нашей русской истории. Можно было бы весь курс читать о том, как русские племена, окруженные со всех сторон разными инородческими племенами, создавали свою историю. Важность этого вопроса, несмотря на всю его озвученность, до сих пор еще не осознается русским обществом. Тем не менее, с какой бы точки зрения мы ни стали рассматривать исторические судьбы России, будем ли разбирать ее прошлую жизнь или гадать о будущем, мы неизбежно приходим к этому вопросу. Вопрос здесь состоит именно в том, каким образом русский народ, занимающий сначала весьма незначительную территорию (см. атлас Замысловского), с течением времени вырос прежде всего количественно, создал свою историю и сохранил этнографическую личность, несмотря на множество окружавших его инородцев и на разрушительное поселение впоследствии в его среде иностранцев-колонистов.

В Западной Европе весьма много сделано для разрушения цельного понятия об этнографической личности, об этнографическом типе; утверждают, будто этнографический тип не есть что-либо неизменное; будто он при различных условиях меняется, что неизменно остается в народе одна лишь основа органического механизма человека, т.е. кости. Эту теорию, между прочим, развивал Ренан.

Каждый народ вносит что-нибудь свое в мировую историю, как это прекрасно раскрывали славянофилы. Поэтому оберегать русский этнографический тип значит сослужить великую службу не только русскому народу, но и всему человечеству. И как бы кто ни уменьшал этнографические особенности русского народа, нужно только видеть и знать русского человека, чтобы видеть его цельный этнографический тип.

Итак, весьма важно проследить исторический рост или так называемую историческую живучесть русского народа.

До половины XI в. или, быть может, раньше русские племена были малоизвестны иностранным писателям; они первоначально жили на юге нынешней России, около Дона и Крыма, отчасти в степях, но главным образом в лесных местах, где находили убежище и естественную защиту от нашествия кочевников. Их этнографическое и государственное развитие начинается с того, что они выступают из лесного пространства и направляются к заселению пространства степного; целое племя полян получило свое название от такого именно поселения. Вся задача этого развития в последующее время сводится к завоеванию новых земель и утверждению на них. Так, тиверцы и углича утвердились на берегу Черного моря, и у них появилось много городов; на азиатском берегу Керченского пролива основалось целое княжество – Тьмутараканское. Насколько успешно действовали русские племена в этом отношении, ясно показывает уже то обстоятельство, что в настоящее время, при всей территориальной громадности России, этнографические ее границы далеко не совпадают с государственными, и целая русская область Галиция до сих пор еще остается под чужою властью, чего в свое время не могли терпеть Владимир Святой и Ярослав.

Весьма важно проследить, как русские при этом движении из лесов справлялись с разными инородцами, окружены они были ими со всех сторон. Тут необходимо обратить внимание на ту особенность, что в этой этнографической работе было чрезвычайно много мрачных и печальных явлений, но с другой стороны, в ней заметны такие успехи цивилизации, что нам теперь приходится стыдиться своей отсталости.

Для удобства, хотя это будет и произвольно, начнем обозрение с юга. Здесь русским приходилось сталкиваться, главным образом, с печенегами, торками, половцами и др. исторически известными народами. Плохо было справляться с ними и в высшей степени трудно ассимилировать жертвы. Целые массы русских людей были уведены в плен и даже продавались при посредстве жидов в рабство в Азию, Африку и Западную Европу. Эта была уже непроизводительная трата этнографических сил. Оставшиеся в плену приносили пользу по крайней мере тем, что между ними и инородцами происходило смешение и сближение, особенно благодаря тому, что в плен попа-

дали и женщины; инородцы смягчались под русским влиянием и этим путем ассимилировались.

Первым народом, с которым пришлось бороться русским племенам, были печенеги, народ тюркского племени. Первоначально, живя между Уралом и Волгою, они часто беспокоили известных хазаров; затем, теснимые другими племенами с востока – узами, или торками, двинулись на Запад и заняли пространство между Волгою и Крымом; распространяясь далее, они доходили до Дуная, но главным образом, засели у среднего и нижнего Днепра по обеим сторонам, особенно около порогов. В первый раз вблизи русских племен они появляются в начале X в., а по летописи Лаврентьевской – под 915 г.

На первых порах они находили выгодным для себя сохранять мирные отношения с русскими. Они загородили дорогу из Крыма в Византию и сделались посредниками в русской торговле с последнею; имея много скота, они снабжали русских лошадьми, а также давали им проводников, чем, конечно, русские не могли не быть довольны. Но утвердившись здесь вполне, печенеги начали враждовать против русских соседей своих и сделали им много зла. Много боролись с ними Святослав и Владимир Святой. Эта борьба важна была в сознании русских людей; сознавая это, Владимир поселял на юге выходцев из других стран. Здесь были устроены укрепленные места, например, к югу от Киева, на р. Стугне, был устроен целый вал, за г. Васильковым такой же вал был на р. Роси, так называемое Поросье. Также для защиты от печенегов были назначены города Белгород и, главным образом, Переяславль-южный. Благодаря этим мерам, русские этнографические границы с течением времени подвинулись далеко вперед (атлас Замысловского) – до Ворсклы, верховьев Донца и до Оки. В борьбе с кочевниками развивалось Новгород-Северское княжество, а равно и Муромо-Рязанское.

Но не обошлось и без потерь; особенно пострадало Тмутараканское княжество, оторванное от связи с общерусскою жизнью. Затем тиверцы и угличы принуждены были переселиться отчасти в Галицию – вверх по Бугу, отчасти в Болгарию. С этим, вероятно, имеет связь намерение Василька «переехать Болгары Дунайские», имея, вероятно, в виду только угличей, живших здесь. Ярослав, наконец, соединенными русскими силами нанес такое решительное поражение (в 1034 г.) печенегам, что они уже более не появлялись.

После печенегов появились торки, или узы, но они потом сделались союзниками русских.

На место печенегов в 1055 г. явились половцы – народ тоже тюркского племени, сродный с киргизами. Они назывались также «куманами, что значит «жители степей»; русское название «половцы» имеет то же значение. Как тяжело было это соседство, видно уже из того, что с половцами русские не могли управиться до нашествия татарского, т.е. около двух столетий. Особенно боролся против половцев и более всех имел успех Владимир Мономах. Знаменитыми борцами еще были Василько Ростиславич, Мстислав Владимирович и Роман Галицко-Волынский. Половцы, со своей стороны, выставляли ряд знаменитых героев, для которых было как бы некоторым призванием делать зло русским людям; особенно известны из них Боняк Шелудивый и Кончак, о котором упоминается также в «Слове о полку Игореве». В Лавр. летописи под 1096 г. есть такая характеристика Боняка, а также набегов Половецких: «Прииде второе Боняк безбожный, шелудивый, отай, хищник, к Киеву внезапно, и мало в град не въехаша Половци, и зажгоша болонье около города, и возвратишася в монастырь, и деревне, и Германечь. И придоша в монастырь Печерьский, нам сущим по кельям почивающим по заутрени, и кликнуша около монастыря, поставиша стяга два пред враты монастырскими, на може бежащим задом монастыря, а другим вздегшим на полати» и т.д. Впрочем, Боняк иногда бывал в дружбе с некоторыми русскими князьями, напр., с известным Давыдом Игоревичем. В 1097 г. он с последним воевал против Святополка, который, воюя против Володаря и Василька (после ослепления последнего), призвал даже Мадьяр: «И укрепи и Боняк, и воротися Давыд, и поидоста на Угры (союзников Святополка). Идущема же има, сташа ночлегу, и яко бысть полунощи, и встав Боняк отъета от вой, и поча вытиволцкы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Боняк же призвав поведа Давыдови, яко «победа ны есть на Угры заутра». И наутрия Боняк исполчи вои свое... и пусти на ворон (на первый натиск) Алтунапу в 50 чади, а Давыда постави под стягом, а сам разделися на две части, по 50 на стороне. Угри же исполнишася на заступы, бе бо Угр числом 100 тысяч. Алтунопа же пригна к первому заступу, и стреливше побегнута пред Угры, Угри же погнаша по них; яко бежаще минута Боняка, Боняк погнаше сека в тыл, Алтунопа возвратяшеться вспять; и не допустяху Угр опять, и тако множицею убиваша сбиша е в мячь; Боняк же разделися на три

полкы, и сбиша Угры акы в мячь, яко се сокол сбиваетъ галице. И побегоша Угри»... и т.д. Битва эта была около Перемышля.

Около пол. XII в. прославился другой половецкий герой – Кончак. В Ипатьевской летописи о нем так рассказывается: «Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак, со множеством Половец, на Русь, похупся яко пленити хотя грады Руские и пожещи огньм: бяже бо обрел мужа таковою бесурменина, иже стреляте живым огньм, бяти же у них луци тузи самострелнии, обва 50 муж можа-шеть наприящи» (1184 г). В других списках говорится о нем: «Иже Сулу снесе, неш ходил, хотел нося на плечеви».

Между прочим, весьма интересно в этом отрывке замечание о живом огне. Что это за огонь был – известный ли греческий огонь или другой какой – остается неразгаданным. Но видно, что он был у азиатских народов. Русские, однако, победили половцев и даже взяли в плен басурманина, стрелявшего живым огнем; но допытались ли у него об этом огне, летописец ничего не говорит.

Победа, несмотря на то, что во главе половцев стоял такой воин, как Кончак, была полная. Русские же этим не удовлетворились: в следующем году был предпринят поход вглубь половецких степей. Новгород-северские князья, опоздавшие со своим участием в походе предыдущего года, – Игорь Святославич, брат его Всеволод Трубчевский, племянник Святослав (Ольгович) Рыльский, Владимир Игоревич Путивльский предприняли особый самостоятельный поход на половцев; они прошли вглубь половецких владений, достигли Дона и одержали также блистательную победу. Но потом счастье изменило им, и Игорь Святославич попал в плен, откуда, впрочем, скоро убежал. Весьма основательна догадка Иловайского, что Игорь в этом случае поступил не по одному порыву соревнования славе др. князей, но и потому, что как князь Новгород-Северский видел для себя интерес в поддержке Тмутараканского княжества, которое было связано с Черниговским.

К концу XII в. половцы вообще начинают заметно терять свое влияние на русских. В частности, падает их влияние в Тмутаракани. В 1170 г. византийский император заключил договор с генуэзцами, позволяя им селиться в Крыму. Действуя отсюда, постепенно генуэзцы завладели Тмутараканью. Русский элемент здесь исчез бесследно, точно так же, как исчезли тиверцы и угличи. На месте последних являлись потом (в Олешве и Берладе) борцы за независимость (напр., Иван Берладник), но не имели успеха.

Эти вольные дружины были первыми зачатками казачества. Можно думать, что нынешняя Русь – Угорская и Буковинская – произошла от переселенцев угличей и тиверцев. В преданиях и былинах жителей Буковины и Угорской Руси не сохранилось никаких указаний на то, что они участвовали в государственной общерусской жизни; напротив, они представляются как бы оторванными от истории остальной Руси, но у них сохранился замечательно чистый русский язык и строгое соблюдение православных обрядов, несмотря на господство между ними унии. На этих именно данных основывается предположение, что жители нынешних Буковины и Угорской Руси суть потомки тиверцев и угличей.

Остатки разных инородческих племен – печенегов, торков и др., примирившихся уже с русскими и подчинившихся их влиянию, составляли этнографическую защиту от половцев русских пределов. Эти инородцы занимали целую область – Поросье с главным городом Торческом. Общее название их было «черкасы», или «черные клобуки», что составляет прямой перевод другого названия – «кара-колпаки» (от особого головного покрова). Что касается др. названий этих племен, например берендеи, коуни, то это имена племенные. Некоторые из этих инородцев особенно были преданы интересам русским и высказывали это прямо русским князьям. Например, когда половцы просили больного русского князя отпустить им их пленников, взятых берендеями, то берендеи сказали князю: «Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном, и головы своя складываем за твою честь» (1155 г.).

С течением времени и половцы прекращали набеги и враждебные отношения к русским и становились с ними в дружественные отношения. Они даже принимали христианство; по крайней мере, у них были христианские имена, хотя и с языческими отчествами, напр.: Иван, Игорь, Юрий, Давыд; но все это происходило весьма медленно. Русские князья нередко были женаты на половчанках, например, Юрий Долгорукий, некоторые черниговские князья, Владимир Мономах (во второй раз), Мстислав Удалой. Отсюда произошло такое сближение, что при нашествии татар половцы уже сознавали необходимость действовать заодно с русскими.

Есть мнение, высказанное Беляевым, что если бы не татарское нашествие, половцы совершенно слились бы с русскими. Что объединение это уже началось, видно из этнографического склада днепровских казаков, которые сохранили и обычаи, и костюм, весьма близко

напоминающие костюм и обычай половцев. Но благодаря татарскому нашествию, эти задатки русской цивилизации затерялись после того, как Киев – центр русской жизни обратился в деревушку. Это историческое несчастье России, за которое она и теперь еще рассчитывается.

Нынешняя Галиция – Холмская область – расположена на Буге, Днестре, Пруте, верховьях Вислы и Одера. Эти реки в доброе старое время были многоводны и у своих истоков могли быть судоходными. Галиция примыкает к Карпатским горам. В этнографическом смысле здесь узел народностей – русской и польской. Чрез угорские горы сюда легко могло направляться культурное движение, возбужденное Святыми Кириллом и Мефодием. Если бы в те времена прибавилось ясного сознания дела, если бы были великие люди, которые осмыслили бы значение этой страны, то никакой германский и даже мадьярский мир ничего не мог бы сделать. Славяне с этих верховьев распространялись бы далее и далее к Балтийскому морю. Замечательно, что при тех ужаснейших смутах внутреннего славянская культура была гораздо крепче, чем ныне. Так, когда мадьяры пробились за Карпаты, в страну морован, а христианство славян сосредоточилось в Чехии, то культура Кирилла и Мефодия воздействовала и на мадьяр, как это видно из сочинений Грота. Чехи, естественно, ближе стояли к славянам и особенно к русским, у которых христианство освежалось с Киева и Византии. Что эти места были очень важны и что славяне не были как следует близки друг к другу, сказалось во времена Болеслава Храброго, который в польской литературе представляется более великим, чем был на самом деле. Он перенес государственный польский центр в Краковскую область вместо прежнего в Познани. Можно думать, что он разумел значение христианства, насажденного Кириллом и Мефодием и значение славянской взаимности. Между тем, желая быть ближе к славянам и русским, Болеслав в то же время принял латинскую культуру и главным образом латинскую иерархию, что было весьма неразумно. Когда этот переворот совершился, то он отразился и на мадьярах, и тем более на русских. У поляков и мадьяр, как и у чехов, православие уступило католичеству. Папы сейчас же обратили внимание и на русских. Романа Мстиславича папа склонял принять католичество, обещая ему содействие в его завоевательных планах. Известен знаменитый ответ Романа, что «все свои владения он завоевал мечом – такой ли меч и папы?» Известно, какие усилия

употреблял латинский мир, чтобы затянуть Даниила Романовича в католичество. И он поддавался на эти усилия, но позднее ясно сознал всю ошибочность своего поведения. Это показывает, что только у русских сохранилось сознание, что блага византийской государственности неизменно выше западноевропейской цивилизации. Это само собою подсказывалось тою высотой культуры византийской на Руси в сравнении с западноевропейской у соседей – поляков и угров. Изучение польских древностей открыто показывает, что и в Польше влияние византийской цивилизации было очень сильно; оно сказалось в устройстве церквей, икон, в домашних украшениях и проч. Понятно, что при сознании превосходства византийской цивилизации галицкие князья заботились уберечь русский элемент от латинской порчи.

Владимирко и Ярослав, которого недаром прозвали Осмомыслом, твердо закрепили за Русью достояние Владимира Святого, а Роман стремился даже закрепить за собою Люблинскую область, чтобы достигнуть таким образом совпадения этнографических и государственных русских границ, из-за чего он и погиб. Точно так же и Даниил подвигался с русскою государственностью на запад. Принимая участие в польских делах, он ясно обнаруживал сознание, что Мазовецкая область, наиболее свободная от западных влияний, есть лучшее зерно польской государственности; с мазовецкими князьями он более всего и дружил²⁹. Поэтому-то так печальны все смуты, которые не давали устроиться порядку в Галиции, вели к вторжению поляков и мадьяр, губили русское дело и до некоторой степени заражали западным влиянием. Этому влиянию Галиция обязана сильным развитием боярства. И впоследствии весь верхний слой русской народности в Галиции был снесен напором того же запада. Зато до сих пор отрадно поражает необычайная энергичность русских начал в Галиции среди простого народа. Даже такой неустойчивый историк, как Кулиш, преклоняется пред этой энергией. Значит, до сих пор сохраняется сознание превосходства восточной культуры и особенно основы ее – православия.

Мадьяры – народ финско-тюркского происхождения, это близкие родичи нынешних башкир. Есть основание полагать, что Аскольд и Дир были тоже мадьяры, и правили они в Киеве в зависимости от хазарского кагана, от которого вообще угры были в зависимости некоторое время. При Олеге угры прошли мимо Киева к Карпатским горам, за которыми они вскоре и основали свою державу.

Литовцы. Историческая судьба этого народа представляет великое пятно в нашей истории; и притом чем далее, тем хуже дела этого племени, с нашей русской точки зрения. Мы находимся в заблуждении относительно благ западной цивилизации: они очень велики, но сосредотачиваются и прогрессируют в небольшом лишь количестве людей, а не в массе; поэтому с принятием ее увеличиваются блага интеллигенции, а состояние масс ухудшается. Между тем, славянская культура к тому и стремится, чтобы блага более разливались в массах. Вот поэтому-то в старое время гораздо лучше обегалась цельность русского народа, нежели теперь. И особенно замечательно то, что влияние русской цивилизации у литвинов, эстов и латышей прежде было сильнее, чем в позднейшее время.

Литовское племя составляло самый чистый остаток от древнего общеарийского племени. Ближе всего они родственны славянам, для которых и должны были составлять передовой отряд в борьбе с хищностью Западной Европы. Они занимали места между Вислою и Неманом – от верховьев до самого Балтийского моря, так что и географически легко можно соединиться с восточными и западными славянами. В особенности на них могли рассчитывать польские племена, главным образом в Мазовии. Вместе с литовцами мазуры могли давать отпор западноевропейским покушениям и через это поддерживать и балтийских славян от Вислы до Одера и далее.

В действительности же случилось иначе. В Мазовии в XI и XII в. утвердилось латинство, и отсюда его пропаганда стала проникать в Литву с обычными своими приемами. Вследствие возникшего раздражения литовцев поляки призвали немцев, которые утвердились на берегу Балтийского моря и основали здесь орденское государство. Таким образом между славянами возникли немецкие владения, которые потом разрослись в Пруссию. Что касается русских, то литвины не раз вступали с ними в столкновение и чем далее, тем более покорялись русской цивилизации. В исследовании Беляева собраны доказательства, что уже в давнее время русская цивилизация проникала в Литву с разных сторон, главным же образом из Новгорода, Киева и Смоленска. В Литве и России, например, встречаются одинаковые названия рек, городов: Северная Двина – Западная Двина; Десна в северной области – Дисна в северо-западном крае; Новгород и Новгород-северский; Норево у ятвягов и Нарова в Новгородской области, Смоленск и Смолинск (в Ошмянском уезде), Брянск (в Орловской губ. и Гродненской); Тверь (в России и Ковенской губ.).

Колонизация шла в весьма старое время. Один из важнейших путей был из Галича по Зап. Бугу. Здесь существовал целый ряд укрепленных городов – Туров, Пинск, Дорогичин, Берестье (Брест). Из этих пунктов шло естественное движение на северо-запад, вглубь литовской земли, и подкреплялось встречным движением из Полоцка, для которого важнейшим пунктом было Гродно (Городно или Городня). Здесь от XII в. сохранился прекрасный памятник русской цивилизации – Борисоглебская церковь, представляющая собою замечательнейшую в архитектурном отношении (по подготовке и кладке кирпичей, украшениям и кафельным крестам) работу. Может быть, что эту церковь работали те же мастера, которые работали и Киево-Софийский собор и церковь св. Ефросинии в Полоцке.

Столкновения с литвинами начались еще при Владимире (883 г. – поход на ятвягов); при Ярославе был целый ряд походов на Литву; особенно же блистательным был поход Мстислава Владимировича в 1131-1132 гг. Из Галиции тоже был целый ряд походов, особенно Романа, о котором польские хроникеры сохранили пословицу: «Романе худым живеше, Литвою ореши». Даниил воевал с Литвою в союзе с польскими князьями, признаваемый ими за своего короля и главу.

В XIII в. результаты русской цивилизации ощущаются в Литве даже в самых отдаленных местах. В татарское время Даниил имел громадное влияние не только на Литву, но и на отдаленную Жмудь. Русское влияние шло также из Полоцка. В Полоцких странах часто бывали литовцы, производившие неожиданные нападения на жителей этих местностей. Полоцким князьям не раз приходилось жутко от литовцев.

При дроблении Полоцкой области на множество уделов она не имела достаточно силы сопротивляться литовцам и, производя на

них большое влияние в культурном отношении, то и дело была разоряема ими. Сами князья пользовались литовцами в своих междоусобицах, как на юге пользовались половцами. Так, Володарь Владимирович имел дружину, набранную из литовцев. В то время полоцкие князья особенно враждовали между собою, едва устраиваясь в своих уделах после возвращения из Царьграда, куда отправлял их в изгнание Мстислав Владимирович. В 1167 г. Володарь подвел Литву к самому Полоцку и, напав «изнезапы», разграбил его.

Смешение русского и литовского элементов было так сильно, что одни историки производят литовских князей от русских, а другие позднейших полоцких князей выводят из Литвы, подобно Довмонту Псковскому. Как бы то ни было, но в XII и XIII вв. мы видим целый ряд литовских походов на Русь. Так, в 1183 г. псковичам пришлось защищаться от литовцев в собственных областях; в 1210 г. в Новгородской области побили литву; в 1212 г. литовцы сожгли Псков; в 1217 г. воевали по Шелони; в 1224-1225 гг. – под Русой; в 1225 г. были у Торжка; в 1229 г. – у Селигера; в 1234 г. – опять у Русы и т.д. почти каждый год.

Конечно, ни один из этих многочисленных походов не мог бы быть предпринят, если бы литовцы не имели защиты в тылу. В своих походах литовцы должны были проходить через Белоруссию, а на этом пути они неизбежно должны были русеть. Взаимный обмен литовских и русских начал особенно замечен в Полоцке, Минске, Гродно, Замойске и т.д. Литовцы до такой степени подчинились русскому влиянию, что в Жмуди встречалось немало русских названий, бывших в употреблении в сев.-вост. Руси. Мы не можем определить, когда в Полоцке явились литовские князья: они являются вместе с полоцкими; а литовское государство возникает с русскими особенностями (в русских пределах).

Русская цивилизация оказывается настолько сильной, что переживает русскую государственность. Центром нового государственного строения был, соответственно характеру всего государства, полурусский, полулитовский Новгородок-Литовский.

Мирные сношения русских с Литвою заключались прежде всего в деятельной торговле. Русские торговали не только с Литвою, но чрез Литву и с Балтийским морем. Так, в 1228 г. смоленский князь Мстислав Давыдович заключил договор с Ригию и береговыми немцами (готским берегом), устанавливавший способ прохождения товаров по Зап. Двине, по которой распоряжался смоленский князь. По Зап. Двине русская колонизация получила значительное развитие. Около татарского ига мы знаем на нижнем течении Двины два русских удельных княжества с укрепленными пунктами – Герцике и Кукенойс; усиление Ливонского ордена принесло им печальный конец. Сближение с русскими Литвы происходило на всем пространстве, известном под именем Белоруссии. Об этом сближении и влиянии русских на латышей говорит Трусман, приводя в своем сочинении много латышских, заимствованных из русского языка слов, как, например, крест, крещение, воскресение и др.; в обычаях эстов-лютеран до сих пор сохранились следующие влияния: они христосуются на Пасхе, заказывают молебны, панихиды. Хроника Генриха Латыша указывает, что вся страна по Зап. Двине считалась принадлежащею полоцкому князю, а ему платили дань. И для обращения в христианство ливов епископ Мейнгард просил позволения у полоцкого князя Владимира, которому они, ливы, платили дань.

Эсты также подпали под сильное русское влияние, главным образом, со стороны Новгорода и Пскова. Древний город Изборск стоит собственно в земле эстов. Предполагают, что окрестна чудь участвовала вместе с русскими в призвании, а также в походах Олега. Затем эта чудь-эсты фигурируют то в качестве данников Руси, а именно Новгорода, то в качестве ее врагов и вызывает многочисленные походы новгородцев и псковичей. Еще Ярослав построил в стране эстов г. Юрьев и брал с них дань³⁰. Мирным образом, но весьма успешно распространялось между ними и христианство. Борьба с орденом еще более сблизила эстов с русскими. Когда последние стали уразумевать, что такое Ливонский орден, и стали принимать против него решительные меры, то всегда пользовались симпатиями и поддержкой эстов.

Вот обстоятельства, при которых совершилось величайшее зло – поселение немцев по Западной Двине.

Во всей истории Ливонского ордена обнаружилось много чисто немецких особенностей: осторожность, дружелюбие,

услужливость (все это до поры до времени) и др., пока немцы не почувствуют своей силы...

Нужно бросить в настоящее время то баснословесное сказание, что немцы не знали балтийской страны, пока их корабль случайно не был занесен к устью Двины (в 1158 г.). Край этот они знали давно, а прежде знали его датчане, шведы. Уже давно эти народы вытеснили славян с островов Готланда и Эзеля. Легенда о занесении корабля указывает на один из случаев знакомства немцев с русскою землею. Бременские купцы, основавшиеся во второй половине XII в. в устьях Двины, получили впоследствии большую силу. Встретив враждебное отношение на первых порах, они заключили со здешними жителями мирный договор и под видом склада товаров устроили укрепление Иксуль. Основалась таким образом торговая колония. А так как в ней на зиму оставалось много немцев, то понадобилось для них духовное лицо. В 1187 г. сюда прибыл августинский монах Мейнгард не только для удовлетворения духовных нужд колонистов, но и для распространения веры среди окрестного населения. Латиняне же к этому времени убедились, что гораздо удобнее обращать в христианство ближайших жителей, чем спасать на Востоке христианство от магометан. Мейнгард дал знать бременскому архиепископу, какая обильная жатва предстоит в новой стране; этот известил папу Александра III, и в 1183 г. Мейнгард был поставлен епископом для новой страны. Тогда до такой степени сильно было убеждение, что устье Двины принадлежит полоцкому князю, что немцы обратились к нему за разрешением проповедовать христианство. Им было разрешено, потому что полоцкие князья дорожили сношениями с Западной Европой. Преемник Мейнгарда Бартольд (в 1198 г.) погиб в сражении с ливами. Тогда же для защиты новообращенных от язычников и вообще для большего успеха миссии сюда были приведены крестоносцы – сила, которую тогда легко можно было найти в Западной Европе. Возникли недоразумения между миссионерами и туземцами из-за вопроса о десятине. Волнения распространились даже среди принявших христианство, которые стали отказываться от него и смывать крещение. С приходом крестоносцев возмущение усилилось еще более и стоило Бартольду жизни. После этого немцами выдвинута была правильно организованная сила. Преемник Бартольда Альберт основал г. Ригу, куда перенес свое местопребывание, а в 1201 г., с дозволения папы Инно-

кентия III, им был учрежден орден меченосцев. Рыцари давали обеты целомудрия, послушания и нестяжания, а взамен получали право владеть покоренными землями в ленной зависимости от епископа (они носили белый плащ с красным нашивным крестом на плече). Покоряемая и просвещаемая немцами страна с тех пор делилась на три части. Одну составляли непосредственные владения рижского епископа, другая принадлежала ордену, зависимому от епископа, но постоянно стремившемуся освободиться; наконец, были города, получившие магдебургское право, подобно германским городским общинам. Сразу же между немцами этих трех категорий начались несогласия, раздоры, которыми могли бы воспользоваться русские, чтобы отделаться от немцев, но не воспользовались потому, что не понимали всей серьезности положения. Является вопрос: кто такие поселившиеся в их пределах немцы, когда русские это сознали? Полоцкий князь не понял опасности и дал позволение немцам поселиться в устье Двины и распространять латинство; но когда среди жителей начались волнения, Владимир Полоцкий не мог не видеть, что его владениям грозит опасность. В 1203 г. он предпринял поход и взял с Икскуля дань. В 1206 г. туземцы предприняли поход на Ригу. Обстоятельства, таким образом, благоприятствовали князю: недовольные ливонцы стали на его сторону во главе со знаменитым вождем Ако. Однако последовала неудача. Князь опоздал помочь своим союзникам, и они потерпели поражение. Пользуясь отсутствием Альберта, князь сам осадил Ригу, но также не имел успеха: прибытие датских кораблей с новыми толпами крестоносцев спасло город. Вскоре сами немцы стали действовать наступательно против самих русских. Удельные полоцкие князья – кукенойский и герцикеский – первыми испытали на себе силу немецкого владычества. Кукенойский кн. Вячко, притесняемый немцами, вынужден был признать власть их над собою и стал к ним в ленные отношения. Это тоже немецкая особенность: назначать такие условия, при которых кажется, что человек пользуется полной властью в своих владениях, тогда как она принадлежит ему только номинально. Не имея возможности перенести иго, Вячко в 1208 г. сжег в отчаянии свой город и бежал сначала в Псков, а потом в Новгород. Очередь затем дошла и до герцикеского кн. Всеволода Борисовича, бывшего по Ливонским хроникам врагом ливонских христиан-латинян. Женатый на дочери литовского князя, он в качестве предводителя литовских войск пере-

правился через Западную Двину и навел ужас на немцев. Наконец, в 1209 г. немцы с большим войском напали на Герцике, взяли его и принуждали князя признать свою зависимость от них. Но Всеволод проделал ту же историю, что Вячко оставив город, жену, бежал в Псков, а потом в Новгород. Постепенно таким образом падает опора, которая могла поддерживать ливов и латышей в их борьбе с немцами. Несмотря на это восстания среди них не прекратились и в последующее время. Но при всей раздробленности своей, они не могли иметь успеха, тем более, что и русские сами, теснимые немцами, все более и более предоставляли себя алчности последних – туземцев. Так, в 1219 г. Владимир Полоцкий за помощь против Литвы и небольшую дань уступил немцам южную Лифляндию. Владимир сверх того даже обещал им помощь против местных жителей. Скоро немцы прочно утвердили свою власть над латышами и ливами, что позволило им двинуться в страну эстов, т.е. приблизиться к пределам Новгорода и Пскова. Как же понимали псковичи и новгородцы свои отношения к немцам? Здесь нужно бы ожидать лучшего, чем было у князей. Но отношение последних к этому было иным, чем полоцких. Род Изяслава Полоцкого раздробился и был настолько слаб, что смоленские князья, тоже сильные, имели возможность распоряжаться в его области: у псковичей и новгородцев порядки были крепче, и они сильнее чувствовали стеснение их свободы. Вообще во всей этой истории мы видим, что русские запаздывают: ранее немцев они могли утвердиться на берегах Балтийского моря, а равно и христианство распространить. Здесь, впрочем, сказались особенности русского народа как в чисто национальных, так и церковных делах: искусственная организация и успех противны нам, а насилие еще более; православие ждет, пока сам человек поймет истину. Обрушение у нас даже шло впереди православия. Поэтому, если государственность была сильна, то и православие сильно. Перед татарским игом и непосредственно после него она ослабела, а с ним ослабело и последнее. Но все-таки новгородцы и псковичи поздно поняли, что пора обращать эстов и латышей в православие. В этом отношении замечательны и Мстислав Храбрый, и сын его Мстислав Удалой. Запоздали новгородцы и псковичи понять (после столкновения в 1217 г.) и характер своих отношений к немцам. Когда немцы овладели Медвежьей головою, или Оденпе, подбирались к псковс-

ким владениям, то псковичам помогли выжить их эсты и население о. Эзеля. Оденпе был взят. Немцы искали помощи в Западной Европе и нашли: в Эстляндию пришли датчане (Вольдемар II) и сильно побили туземцев, а на Эзеле против них действовали и шведы. Датчане основали Ревель, русское название которого Колывань. В 1222 г. русские с литвою ходили к Кеси (Венден), а 1223 г. кн. Ярослав – «с силою многою к Колываню». Поход последний был вызван просьбами эстов о защите от немцев и датчан, который и совершен был с их поддержкой. Воевали удачно, но в первом случае отступили ввиду прихода к осажденным помощи, а во втором взяв много золота. В это время обнаружилась поражающая противоположность в положении русских: непонимание ими немцев и вместе с тем доблесть. Владимир Мстиславич выдал свою дочь за брата епископа Альберта, за что был выгнан из Пскова; некоторое время даже управлял областью в Ливонии, но и там он не прижился. Это обстоятельство и заставило Владимира стать во главе движения против Оденпе. В 1224 г. немцы овладели Дерптом (Юрьевом) после упорной борьбы: Вячко защищал туземцев. Юрьев оказал сильнейшее противодействие. Взятие этого города было знаменитым немецким делом, но здесь обнаружилась и слава русских. Вячко не сдавался; русские все погибли, кроме одного суздальца, известившего об исходе дела новгородцев и псковичей. Тогда последние поняли, что ожидает их со стороны немцев. Главная причина успеха немцев – всеобщая рознь среди русских и их союзников. Вячко был во вражде с литовцами; латыши и ливы были на стороне рыцарей и, пользуясь их покровительством, часто делали набеги на русские области. В 1217 г. туземцы подвели к осажденному русскими Оденпе немецкую помощь; в 1224 г. при осаде Юрьева с немцами были латыши и ливы. Новгородцы и псковичи не подали Юрьеву своевременной помощи и только на пути узнали о падении его. Тогда они заключили с немцами мирный договор в видах успешного ведения торговли. Дело в том, что пока сильны были балтийские славяне, новгородцы и псковичи легко сносились с западом; когда же они оказались задавлены, им приходилось иметь дело с посредничеством немцев, особенно когда эти утвердились на торговом пути на о. Готланде и всю торговлю новгородскую разобрали в свои руки. С основанием Риги явилась зависимость еще и от рижан в той торговле, которая шла по Зап. Двине. Таким образом, установились три пункта зависимости

торговых интересов Новгорода от немцев: 1) в Любеке и Бремен; 2) на Готланде и 3) при устьях Двины. После падения Юрьева новгородцы и псковичи принуждены были заключить мир³¹.

Нелегка была эта зависимость и в мирные времена, а тем более при вражде с немцами – торговля страдала и почти прекращалась. И понятно, что после нескольких лет военных действий, неблагоприятных в торговле, новгородцы сразу после падения Юрьева поспешили заключить мир. Немцы еще согласились уплачивать русским некоторую дань за занятые им области.

В 1228 г. псковичи отдельно заключили договор с немцами с условием воевать вместе против Литвы, разорявшей тогда обл. Псковскую и Лифляндию, а немцы обязались еще поддерживать Псков против новгородцев. Когда Ярослав Всеволодович призывал псковичей идти с ним на Ригу, они отказались, говоря, что находятся в мире с рижанами, и указывали на то, что прежними походами новгородцы (к Кеси и Колываню) только раздражили немцев и потом оставили им в жертву псковичей. «Аще тако с думами есте», добавляли псковичи, «то и мы противувась». Между тем, немцы, чудь, латы и ливы были уже готовы оказать псковичам помощь, однако этот союз не помешал оказать поддержку изгнанному из Пскова Ярославу Владимировичу (сыну псковского князя) в захвате Изборска (1233 г.); на этот раз псковичи немцев побили, а князя взяли в плен. Ярослав Всеволодович, будучи в Новгороде в 1234 г., ходил на немцев, побил их под Юрьевом и Медвежьей головой и заставил платить дань, но это не принесло великой пользы. Между тем быстро увеличиваются силы ливонских немцев. В 1237 г. они соединились с прусскими рыцарями, которые основались на славянской земле, по соседству с Польшей и Литвой. В это время славянство здесь было до того поколеблено, что сам мазовецкий князь призывает (1225 г.) прусский орден покорить литвинов. Торговые сношения Мазовии велись через литвинов. Последние не давали покоя Мазовии. Князь призвал немцев на левый берег Вислы и основал орден. Благодаря этому было положено начало Пруссии и нынешней Германской империи. Скоро завязались переговоры между Тевтонским и Ливонским орденами о соединении. Тевтонский орден по преимуществу, состоявший из рыцарей-аристократов, не хотел соединиться с демократическим – Ливонским. Но оба ордена, когда узнали всю опасность розни, то в 1237 г. соединились. Псковичам первым пришлось

испытывать результат этого. В 1240 г. немцы опять с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск, разграбили и сожгли его (причем взяли много святых книг) и «поймав дети у добрых людей в таль» (в качестве заложников) отидоша». Тут как будто была измена: «Бяту бо переворот держали с Немци, Плесковичи: подвел Твердило Иванович, а сам нача владети с Немци, воюя села Новгородския». Но в Псковской летописи прямо говорится, что «избиша у Изборска Немцы 600 муж Пскович, и по сем пришедше, взяша Плесков». Из Пскова немцы угрожали самому Новгороду. Но бедствия пробудили новгородскую энергию, и в это время на сцену выступает доблестный Александр Невский.

Одновременно шла на Новгород гроза и с другой стороны. Папство стало в это время направлять корпорацию крестоносцев, вернувшихся из Святой Земли, на язычников Европы, к категории которых были подведены и православные. Шведы начали надоедать русским через Финский залив, где новгородцы имели прочные завоевания. Племена водь, ижора, жившие здесь, стояли за новгородцев. Новгородцы сносились с Западом при Ладожском озере, и поэтому здесь сосредоточилась русская колонизация. Корела и чудь (на север от Ладожского и Онежского озер) привязались к новгородцам до того, что стали во враждебные отношения к другим финским племенам.

Другие племена, жившие на северо-западе (емь, сумь), также были в союзе с Новгородом. Когда шведы поселились около финских племен, то должны были столкнуться с русским влиянием. 1142 г. был началом столкновения новгородцев с емью и шведами. «Приходиша Емь, и воеваша область Новгород; избиша я Ладожане и не пустиша ни муж. В то же лето приходи Свейский князь с епископом в 60 шнек на гость иже из заморья шли в 3-х ладьях; и бишася, не успеха ничтоже». Русским в этой борьбе помогали корелы. В 1143 г. последние ходили на емь, но были побиты. А в 1149 г. емь («в тысяще») сделала нападение на Водь, но новгородцы всех их истребили. В 1158 г. шведы основали колонию, а в 1164 г., придя в 55 шнеках, осадили Ладогу, но были побиты новгородцами, так что мало кто спасся. В 1166 – 1168 гг. были постоянные столкновения у русских с финнами и Швецией. Корелы предпринимали храбрые походы даже до Упсальской области. В 1191 г. они с новгородцами сожгли г. Або и опустошили страну. Это ослабило шведов, однако колонии их про-

должали существовать. В 1227 г. емя снова была побита русскими на Неве и Ладожском озере. Такое неопределенное положение Руси относительно Швеции продолжалось до Александра Невского.

Колонии русских на северо-востоке на необозримом пространстве захватывают Европейскую и Азиатскую Россию. Сюда устремился русский человек из прекрасного климата и чернозема, из южной и юго-восточной Руси, а новгородцы от привольных сношений с Зап. Европой. Такое движение было недобровольное. С юга гнали русских смуты князей и постоянные набеги кочевников, а подневольное немецкое господство на Балтийском море связывало энергию новгородцев. Все это направляло их к Белому морю и Уральскому хребту. Они выработали особенную колонизационную силу ушкуйников. При беспристрастном взгляде на это движение надо удивляться, как не погиб русский народ и не потерял своей народности. По мнению Сеньковского (поляка), русское государство образовалось по Балтийскому побережью и Финскому заливу из разных народов и лишь случайно удержало русский язык. На это нужно смотреть иначе: по Волге образовалась сильная ветвь великороссов, которая не потеряла своей народности при смеси с инородцами, потому что русский нес с собою культуру в языке, письме, вере, богослужении и быте. Русская власть даже развилась на северо-востоке. У Ладожского и Онежского озер находился центр владений новгородцев, расхившихся отсюда на запад и восток. Движение на восток направлялось через Онегу, Белое озеро и Волгу или через Ростов и Суздаль к Нижнему Новгороду. Но на этом пункте оно стало перехватываться движением из Киева. Об этом лучше всего у Беляева сказано: у новгородцев было несколько колоний: 1) Ладога, Белое озеро – места, ближайшие к Новгороду; 2) места, менее связанные с Новгородом, – владения частных лиц. Это пространство за Онежским озером, между Сухоней и Двиной, называлось «Заволочьем» (ибо здесь были волоки). Новгородцы пробирались прежде всего путем меновой торговли. За торговлей следовала власть с данью, которую они брали в местах своих поселений. В 1193 г. воевода Андрей, отец епископа Антония, с отрядом новгородцев направился к югре, но она, пригласив к себе начальников под видом мира, перебила их.

* * *

Завоевания продолжались охотниками-повольниками, нападавшими на частные владения. Это повело к образованию Вятской республики (1174 г.). Одна партия новгородцев пошла по Волге, где имела остановку у Камы, но часть ее пошла далее и основала на Вятке Никулицын, а другая – Котельнич. Обе партии сошлись в Хлынове. Вятская республика не хотела знать князей; существовала она до 1489 г., при Иоанне III она была уничтожена.

Русское колонизационное движение из Суздальской области в Нижне-Волжские области охватывало мордовскую, черемисскую и болгарскую земли.

Более организованным путем велась колонизация новгородцев в суздальской и ростовской землях. На пути к северо-востоку, кроме веси и мери, были племена около Волги – болгары, народ земледельческий и торговый, почему князья заключали большие мирные условия. Но смуты княжеские вызывали столкновения с болгарами, которые осаждали Муром. В 1107 г. болгары осадили Суздаль, а в 1120 г. Юрий победил их. В 1164 г. Андрей Боголюбский в союзе с муромским князем (с иконой из Владимира) снова победил их. После него, в 1186 г., целый союз рязанских, суздальских и муромских князей доходил до Великого города (столицы Болгарии), и болгары смирились и пошли на заключение мира. В 1219 г. болгары взяли Устюг. Охотники из ростовцев и устюжцев также грабили болгар. В 20-х гг. XIII в. болгары запросили мир. В 1221 г. Юрий 2-й основал Нижний Новгород.

При столкновении с болгарами русские показали удивительный практицизм. От Владимира до Оки были устранены укрепленные места. Где был Нижний, тут жило мордовское племя. Мордва разделялась на пургасов и урешь. Первая была ближе к русским и враждовала с суздальскими князьями, а вторая была в союзе с ними и, наоборот, принимала с суздальскими князьями походы на пургасов. Урешь одолела мордову и пургасов. Вместе с последними здесь принимала участие русская вольница – наемное войско. Аналогичное влияние составляли берладники (в юж. Руси) и ушкуйники новгородские (на Волге). Не доказывает ли это то разнообразие средств, которые принимались русскими для выработки их национальности^{32?}

Литература по истории внутреннего быта удельного времени очень богата. Она заключается как в курсах истории, так в специ-

альных сочинениях. У Карамзина этому предмету посвящена 7 гл. III тома. Он весьма мрачно смотрит на удельное время и, как извещено, обрадовался, когда дошел до Иоанна Васильевича, уверяя, что он отдыхает на событиях крупных. У Соловьева об этом написано в 1 гл. II т. и 1 гл. III т. Он проливает свет на это мрачное время, причем на внутренний быт смотрит своеобразно, исходя из родового начала. У Бестужева-Рюмина – 4 гл. II т. Он детально останавливается на внутреннем состоянии общества (князь, вече, дружина, люди, суд, церковь, литература, материальное состояние общества), а внешние события перечисляет лишь конспективно. Достоинство его труда в том, что он примиряет разные теории (а в примечаниях дает подробнейшие указания на литературу предмета). У Иловайского 19 гл. II т. представляет ту особенность, что явления русской жизни оцениваются им с точки зрения северо-восточной России, хотя дело идет о дотатарском периоде. Он городам дает преимущественное значение, а села представляет развившимися впоследствии. «История» Погодина – полнейший подбор сведений из летописи по рубрикам, напр., ремесла, скотоводство.

Затем идут специальные сочинения. Общее значение имеет «Боярская дума» Ключевского, где обращено внимание на совет, окружавший князя, который занимал первое положение на «вече». Это сочинение касается самого древнего времени удельного периода. Это же направление и у Самоквасова. Еще более специальное сочинение – «Вече и князь» Сергеевича. Далее Щапов – «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», в котором он объясняет явления русской истории при помощи данных естествознания. Научного значения эта книга не имеет, а представляет только оригинальную попытку своеобразно толковать историю. Сочинение Хлебникова – «Общество и государство в домонгольский период». Автор хочет показать, как русское государство развивалось из азиатских родов. Много данных собрано как из летописей, так и из других источников. Значительно серьезнее книга Никитского – «Очерки внутренней истории Пскова». Автор выводит свою концепцию из родового быта, но с умением пользуется летописями. Республиканское устройство Новгорода он сравнивает с республикой в Риме. Далее «Рассказы по русской истории» Беляева, 1-я часть которых посвящена делам до-монгольского периода, 2-я – Новгороду, 3-я – Пскову, 4-я – Полоцку. Некоторое значение имеют

сочинения Корсакова «Мера и Ростовское княжество» и Борзаковского «История Тверского княжества».

Затем целый ряд юридических сочинений «История русского права» Владимира Буданова; «История русского права» Сергиевского; «Служилое дворянство» Загоскина; Калачева «Исследование о русской Правде»³³; Аристова и Бережкова «О торговле»; Прозоровского «Монеты и вес в России до конца XVIII в.». Ход мыслей в этих сочинениях тот, что разбросанные факты объединяются и объясняются общим началом в татарское время. Единство начала внутренней жизни за это время разработано в 30-х гг. В новое время у Иловайского показано, что видимое разъединение вело к объединению: войны, передвижения способствовали соединению. Но наибольшее объединяющее значение имели церковнославянский язык с верою.

Вера в славянских формах была великим двигающим началом. Затем единство языка: и летописи писались, и богослужение совершалось на одном языке (между Лаврентьевской и Ипатьевской летописями разницы мало в языке). Единство русское выражалось в единстве обычаев. Куда бы русский ни попадал, везде своим он был. В эти времена (до татарского нашествия) не было таких перегородок между сословиями, как в московский период. Только княжеское сословие – вверху, а рабы – внизу, были резко отделены от массы народа, а все остальные были близки меж собой. При таких условиях могло успешно развиваться единство. Самое видное учреждение удельного периода – вече. Власть его связана с княжеской властью в дотатарское время (исключение – в Вятской республике). В старое время княжеская власть покрывала все (Карамзин, Бестужев-Рюмин, Соловьев). Впрочем, Полевой в историю городов ввел феодальный элемент, а Карамзин на Псков смотрит как на вольный город. Но славянофилы разъяснили это, разделяя государственную власть. Беляев показывает, что между княжескою и вечевою властью было соглашение. Но почему должно было быть это соглашение? Потому что государство составлялось не завоевательным образом, а путем «мирного призвания и ряда», да и не могло оно обойтись без веча. Князь сам многого не знал, а специальных чиновников у него не было, вот он и пользовался услугами веча (напр., при раскладке податей). Кроме того, разные торговые корпорации – горшечники, плотники и др. – преследовали свои частные интересы, которые могли не схо-

диться. Князь, как третейский судья, соглашал их, судя по правде по требованию нравственного чувства.

Где были веча? Веча были во всех значительных городах. Из летописи видно, что, кроме Новгорода и Пскова, вече было в Белгороде, Владимире Вол., Рязани, Муроме, Смоленске, Галиче, Полоцке, Чернигове, Курске, Суздале, Владимире на Клязьме, Ярославле, Костроме, Твери, Переяславле южн., Звенигороде, Турове, Дмитрове, Козельске, Перемышле и пр.³⁴). Были вече для целых областей. Например, под 1132 г. говорится: Всеволод Мстиславич, вопреки обещанию сидеть в Новгороде, ушел в Киев, а при неудаче там опять возвратился. Новгородцы были недовольны «и Плесковичи, и Ладожане нового роду и выгониша князя Всеволода из города, и паки сдумавше вспятиша й»³⁵; под 1136 г.: «Новгородцы призваша Плескович и Ладожаны и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода; и всадиша его в епископлъ двор... А се вины его творяти; 1) не блюдетъ смерд; 2) чему хотел еси, сести Переяславли; 3) ехал еси с полку (с битвы) переди всех». В 1158 г. «Ростовци, Суждальци и Володимирци вси пояша Андрея, сына Дюрива, старейшаго и посадиша на охни столе: зане бе прелюбим всим за премногу – его добродетель, юже имейше преже к Богу и к всим сущим под ним». В 1175 г. «уведавше смерть княжю (Андрея Боголюб.), Ростовци, Суждальци, Переяславци и вся дружина, от мала и до велика съехашася к Володимерю и реша»... В том же году владимирцы, притесняемые князьями Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, жалуясь на обиды от князей, говорили: «А промышляйте, братье!» и послашася к Ростовцем и к Суждальцем, являющем им обиду свою». Известно, что в конце XI в. было общерусское вече, на которое Владимир Мономах пригласил князей, духовенство, дружину, горожан и всю русскую землю³⁶.

Что же такое было по существу вече? На вече собирались все. В летописи говорится: «И вздумали Новгородцы все, Кияне» и пр. На вече собирались преимущественно главы дома – хозяева, но допускались вообще желающие. На вече дела решались большинством голосов. Тут, конечно, не обходилось без насилия, от чего смуты происходили.

При изучении древнерусского веча всегда приходится обращаться к самому ясному выражению его: вечу новгородскому и псковскому при решении того или другого вопроса, поставленного вечу и

подлежавшего его решению, требовалось, конечно, согласие решавших, но это почти всегда достигалось с чрезвычайно большим трудом: на вече являлась, как известно, масса различных корпораций, из которых каждая имела в виду прежде и больше всего свои собственные интересы, за которые, конечно, и стояла... Разногласия во мнениях были особенно велики, когда запутывался вопрос о князьях: кого брать князем, откуда, из какой области? Новгородцы, как известно, пользовались правом брать себе князя откуда угодно, и мы видим, что на вече их, обсуждавших вопрос, кого взять князем, одни тянут за князей суздальских, другие за черниговских, иные стоят за смоленских. Подобные разногласия иногда принимали даже жестокие формы. Вот что, например, рассказывается в I-й Новгородской летописи. Под 6649 г. (1141 г.): «В лето 6649, в 1 апреля, бысть знамение на небеси давно вельми: 6 кругов, 3 около солнца, а кроме солнца другыя три великы и стоя близ не весь день (связь между небесными явлениями и течением жизни: «знамения»). В то же лето придоша из Киева от по брата Святослава вести Киеву; а сына моего, рече, примите себе князя, и яко послаша епископа по сына его и много лепеших люди, а Святаславу реша: а ты пожди брата, тоже пойдеш; он же убоявсья Новгородец: чи прельстивше мя имуть – и бежа в ночь Якунь (посадник) с ним бежа, и Якуна Яша на Плисе, и придоша и семо с братом его Прокофьею, мало не до смерти убиша, обнаживше яко мати родила, и севергоша и с моста его не биша, не взяша у него 1000 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ, тако же и у инех имаша; и затоциша Якуна в Чудь с братом, оковавше и руци к ми; и послед приведе я к себе Гюрги, и жены ее из Новгорода, и у себе я держаша, в милости, и разгнеवासя Всеволод, и прияслы вся, и епископа, и гость, и седоша Новгородци без князя 9 месяц... и послаша по Гюргя по князю Суждалю, и не иде, не посла сын свои Ростислав, оже той прежде был. В то же лето вниде Ростислав Гюргевиць Новгороду на стол»³⁷. В данном описываемом летописцем случае суздальская партия в Новгороде взяла, как видим, верх над партией, стоявшей за черниговского князя. Иногда, вследствие несогласия на вече, противники, защищавшие разные мнения, начинали самые жестокие расправы друг с другом. В Новгороде две стороны – Софийская и Торговая – выступали одна против другой с оружием в руках, и начиналась страшная свалка, недешево стоившая той и другой стороне. Тут иногда имела место и величественная картина: владыка Новгородский с крес-

том в руках шел в эту так упорно и убедительно защищавшую свои разные взгляды толпу и призывал ее к миру. Слово его иногда оказывалось действенным, и мировая устраивалась. Бывали иногда попытки составить на вече искусственное большинство; так, под 6723 г. (1215 г.) мы находим у Новгородского летописца следующий рассказ, свидетельствующий об этом: Мстислав Мстиславич, желая вытеснить из Новгорода Ярослава Всеволодовича, «въеха в Новгород... вся дворяны искова; и въеха на Ярославль двор и целова честный крест, а Новгородцы к нему яко с ним в живот и в смерть: любо мужи Новгородстии и волости, паки ли головою повалю за Новгород. Ярослав, узнав об этом, «в Новгород...муж Новгородьць Мстислава проваживать из Новгорода; и не яшася на то, вси быша единодушно и то 100 муж». Особенно сильны были разногласия по вопросу о выборе князей в Новгороде, когда стал падать Киев и возвышаться другие княжества.

Рассмотренные нами рассказы записаны летописцем потому, что вече, имевшие место при описываемых им событиях, представляли собой нечто особенное. Но, разумеется, были вече и нормальные: это вече, происходившие по поводу дипломатических переговоров, сбора войска, податей и т.п. В них сказывается влияние тех организационных сил, которыми была богата древняя Русь. В Новгороде особенное значение на вечех имели князья, которые и были главной организационной силой.

Князья назначали лавных начальников, посадника и др. За князем по силе своего влияния следовал архиепископ: нередко вече собирались на его дворе. В Новгороде, кроме того, существовал еще особый совет, состоявший из владыки Новгородского, посадника, тысяцких, кончанских старост; в нем имели также значение старый посадник и старый тысяцкий. Число членов этого совета доходило до 300 человек. Он готовлял дела и докладывал их на вечех. Известны также еще особые чины, имевшие значение на вечех: это вечевой дьякон и биричи – чиновники, объявлявшие, когда будут вече, и по окончании их выработанные ими постановления. На вече созывались также посредством звона в колокол «вечевой» (Корсунский в Пскове). Во всех городах обыкновенно было два места для собраний народа на вече: двор князя (в Новгороде – Ярославов двор) и площадь возле городской святыни: в Новгороде возле храма св. Софии, в Пскове – св. Троицы. Бывали вече на улицах, в походах (1-я Новгород. лет. под 1137 г.: «И сдумавше князь и

люди на пути»). Существовало на их приспособление для ораторов – своего рода кафедра со ступеньками. Поэтому посадник нередко называется «степенным», или, напр., говорится, что дьяк, объявив псковичам об уничтожении самостоятельности Пскова, «сел на ступени». В разных городах веча имели различную силу и значение: веча новгородское, псковское, киевское имели право выбирать князей; за ними по значению следуют веча в Полоцке, Смоленске и др.

* * *

Вопрос об отношении князей между собой в нашей исторической литературе значительно разработан: существует даже несколько научных теорий относительно этого вопроса. Эверс выработал так называемую родовую теорию, которая затем была развита Соловьевым, Хлебниковым и Никитским. Сущность ее коротко заключается в следующем: княжеский род считал Россию своею собственностью, и старший в нем, в силу родового принципа, занимал главный престол. После него, в силу того же начала, стол его переходил не к старшему его сыну, а к следующему за ним брату, имевшему до этого времени свой стол, вследствие чего после смерти старшего происходили перемещения... Эта теория была несколько изменена Погодиным, который посмотрел на нее со славянофильской точки зрения и привнес сюда общинное начало: «все князья, по его теории, считали себя вправе участвовать во владении русской землей, как в настоящее время каждый поселянин считает для себя возможным и вполне законным владеть куском земли, принадлежащей общине села». Родовая теория вообще и это видоизменение ее, сделанное Погодиным, действительно имеют для себя основание в истории древней России. Мы знаем немало случаев, когда старший в княжеском роде занимал и главный стол, так, например, известно, что Владимир Мономах отказался идти на киевский стол не в порядке старшинства, а призвал Святополка, старшего в роде. Мысль Погодина может находить подтверждение, напр., в следующем рассказе летописца: «Вниде Ярослав (Изяславич) в Киев, и седе на столе деда своего и отца своего. Святослав же поча слати к Ярославу с жалобою, река ему: «На чем еси целовал крест, а помяни первый ряд; рекл бо еси, оже я сяду в Киеве, то я тебе наделю, паки як сядеши в Кыве, то ты мене надели; ныне же ты сел еси, – право ли, криво ли надели же мене». Он же поча ему молвити: «Чему тебе наша отчина? Тобе си сторона не надобе». Святослав же поча ему

молвити: «Я не угрин, ни лях, но одного деда есьми внуци, а колко тебе донего, толко и мне; аще не стоишь в первом ряду, а волен еси» (Ипатьев. лет., 6682 г., стр. 110) и в некоторых других. Но кроме этого, мы видим в отношениях князей еще и др. начало: это именно семья. Ярослав, напр., разделил Русь между своими детьми, не имея вовсе в виду тех членов княжеского дома, которые стояли особо, даже упустить из виду интересы детей своего старшего сына. Даже Владимир Мономах три четверти Руси держал в руках своих сыновей. Несомненно поэтому, что принцип рода и семьи имел большое значение в отношениях князей. Но с развитием жизни выступают новые начала, выработанные самою жизнью, которые и сказываются в отношениях князей друг к другу. На известном Любечском союзе было определено, чтобы каждый род владел тем, что ему было назначено по разделу Ярослава. Таким образом, князья сближаются со своими областями, откуда получали главный контингент дружины. Образуется федерация областей и наряду с ней федерация князей. После этого, естественно, выделяются, с одной стороны, все более и более усиливающиеся области, обязанные своим возвышением ряду даровитых князей. С другой стороны, и помимо областей, выделяются князья, которые благодаря исключительно личной доблести на некоторое время все устраивают по-своему. Выступает, таким образом, и там и здесь принцип личной доблести. Представителями его, после Владимира Мономаха, были, с одной стороны, Андрей Боголюбский и Всеволод Суздальский, а с другой – Мстислав Храбрый и Мстислав Удалой. Всего лучше было, конечно, когда бы личная доблесть соединилась со старшинством, как это было, например, во Владимире Мономахе, Всеволоде. В противном случае этот новый принцип выдвигал целый ряд мелких князей: честолюбивых или обиженных. Нужны, конечно, были меры против этого; такими мерами и являются договоры князей между собою. Договорное начало в отношениях между собою князей особенно тщательно изучается в сочинениях наших юристов и выставляется как главный, а некоторыми даже как единственный руководственный принцип во взаимоотношениях наших русских князей. Вырабатывается, таким образом, новая, как мы видим, теория по данному вопросу – теория договорного начала (раскрывается она и Сергеевичем). Сущность ее коротко заключается в следующем: каждый князь, сам по себе слабый, вступает с другими князьями в союз на известных ус-

ловиях посредством договора. При этом дается крестоцеловальная грамота. Это начало подымает значение духовенства, которое имело место в этих договорах, так как они носили религиозный характер. Договоры, когда заключались только между двумя князьями, нередко не имели никакого значения: кто-либо из вступивших между собою в союз скоро нарушал поставленные условия. Нередко давались клятвы незаконные. Духовенство иногда вынуждено было разрешать освобождать некоторых князей от клятвы. Некоторые из князей, вступивших в договоры между собою, оказывались чуть ли неверующими (Владимирко Галицкий). Больше значения имели договоры, когда они заключались между несколькими князьями на так называемых «съездах». Таковы съезды Любечский и Витичевский, совещание Изяслава и союзников его у Киева (1146 г.), Юрия в Москве со Святославом Олеговичем (1147 г.), черниговских князей между собою (1153 г.), Мстислава Изяславича (1170 г.), с братьею своею», т.е. со всеми князьями, когда он просил их забыть личные счеты между собою, дружно идти против половцев и открыть пути к грекам, совещание Андрея Боголюбского и др. Однако же и эти договоры оканчивались иногда такими вероломными поступками, как, напр., ослепление Василька Ростиславича (после Любечского съезда). Таким образом, и договорное начало не могло создать прочного и твердого устраниения русской земли. Эта высокая и в то же время трудная задача падала на долю единичных, но сильных и даровитых личностей, которые своими идеалами и своею деятельностью всем напоминали об единстве русской земли и об общем благе. К этому сосредоточению всего вокруг сильных личностей явно вела вся русская история. Андрей Боголюбский мог распоряжаться почти всею Русью, после него Всеволод III был еще сильнее. После смерти Всеволода как будто произошло некоторое замешательство, но вскоре выдвинулись сразу двое таких сильных князей, как Александр Невский и Даниил Галицкий. И, без сомнения, не будь татарского ига, эти два князя сумели бы положить твердое основание устройству русской земли, ее благу и величию.

Князь и вече — это главные силы, которые управляли русскою землею. Разумеется, они не могли обойтись без посредствующих между ними и управляемым областным населением, учреждений и лиц. Мы видим, что в этом отношении наше время должно постыдиться перед древнею Русью, не говоря уже о Московской, которая

создала удивительную организацию, ибо даже в древней Руси рассматриваемого периода было больше правильности и исторического консерватизма. Необходимое условие успешности действий той или другой организации – привычка в обращении с нею; это имеет приложение как к отдельным людям, так и к целому народу. Иногда нужно мириться несовершенствами старой организации в виду того, что много пройдет времени, прежде чем народ освоится с новой, и это освоение будет стоить больших трудов. В старой Руси было весьма удачное соединение власти княжеской и областной. Первая – самая древняя; летописец представляет славян не иначе, как с князем во главе (помимо призвания варягов, как, например, у древлян). Во время государственности уже явно выделяется областное начало – «земля» – Новгородская, Киевская, Черниговская, Полоцкая и т.п. Это были крупные единицы; они распадалась на более мелкие волости. Это деление совпадало иногда с делением на княжества (уделы). Уезд, составляющий особенность Московской Руси, в данное время еще не был известен; он появляется лишь к XIV в. Волость составлялась из мелких административных единиц, которые на севере назывались погостами³⁸, а на юге они носили название «верви». Потуги – дальнейшее подразделение – составлялись из деревней, которые вместе тянулись к одному погосту, в отношении суда, сбора податей и исполнения повинностей. Сосредоточием всей области или княжества был главный город, или стольный, как Киев, Чернигов и др.; за ним следовали пригороды, стоявшие во главе волостей.

При всем множестве административных делений – устройство, действительно, самое простое со строго выдержанной последовательностью: город, пригород, погост, село, потуга, деревня.

Это, так сказать, общее, обычное всей Руси, деление, а были и областные особенности. Замечательны они в Новгороде и Пскове, которые в этом отношении весьма похожи друг на друга. В Новгороде – первое деление на две части: город р. Волховом делился на две части, в которых одна называлась Софийской и имела своим средоточием Новгородскую святыню – храм св. Софии, а другая имела у себя Ярославов двор и называлась Торговою; князь со своим «двором» жил не на той или другой стороне, а отдельно за городом, на «городище». Стороны делились на концы, которых всего 5 было: Неревский, Загородный и Гончарный на Софийской стороне: Плотничий и

Словенский – на Торговой. Концы имели каждый свое управление и свое частное вече, помимо общего всему городу. Концы разделялись на улицы, и опять жители каждой улицы – уличане имели свое вече и свое управление. Концы не ограничивались пределами города, но к каждому из них «тянул» известный район области, принадлежавший городу, и он был связан с ним управлением, повинностями и т.п. В Новгороде таких районов было пять, отчего и назывались они пятинами: Водская, Деревская, Шелонская, Бежецкая и Обонежская. Впрочем, относительно Новгорода положительно неизвестно, что пятины зависели от концов, но, судя по аналогии с Псковом, такая связь должна была существовать. Устройство Пскова представляется яснее и определеннее. Сторон там не было, а город делился прямо на концы, которых в различное время было то больше, то меньше 8, 12... В Пскове сосредотачивалось управление всей Псковской земли, и каждый конец имел в своем управлении полосу области; собирал с нее повинности на общеземские потребности, как содержание крепостей и подъездных дорог, производил суд и т.д. Подобное в менее ясном виде существовало и в других местах.

Администрация предполагает людей, которые ведают ее отправления. Отсюда являются чины, власти, которые группировались, с одной стороны, вокруг веча, а с другой – вокруг князя. В старину у нас не было отдельных сословий: из общей массы народа резко и бесповоротно выделялись только князьяверху и рабы внизу. Все остальные были близки друг к другу, и переход из одной группы в другую (а эти группы различались только по занятиям: дружинники-военные, духовенство и т.д.) был незатруднителен.

Самое большое значение имела дружина княжеская. Так как дружина жила войной, то ей лучше было у князей воинственных и удачливых, и чем более отличался этими качествами какой-либо князь, тем более собиралось вокруг него дружинников. Дружина распадалась на два слоя: старшая и младшая. Старшую составляли бояре (от слова «боярин»), или боляре (от слова «большой» – боярин). Ее преимуществом было составлять совет князя – «знать думу князя». И она всегда стояла за это право и пользовалась им, иначе могла разойтись и предоставить князя самому себе. Весьма важное обстоятельство: требовалась здесь не то что внешняя корпоративность, а единение внутреннее. Этот принцип про-

ходит через всю русскую историю; им руководилась и Московская боярская дума; «бояре требовали, чтобы из думы их не выслали», иначе они считали вправе переходить к другому. Старшие дружинники были постоянными советниками князя, участвовали в его походах и так или иначе за свою службу получали от него содержание. Так как в первое время князя при постоянных переходах не имели недвижимой собственности и все потребное получали от населения натурой, то и дружинникам платили тем же. Затем, приобретя прочную оседлость, князья стали вести собственное хозяйство и владеть селами, тогда и дружинникам они могли раздавать земли, где они устраивали дворы и усадьбы. Некоторые из них таким же путем достигали богатства, так что сами уже могли держать подручных себе дружинников, иногда очень многочисленных: напр., у Шимона Варяга было 3 тыс. дружинников.

Низший слой дружины княжеской, и притом самый важный по своей численности, составляли младшие дружинники – гридия. Гридия состояла из детей старших дружинников, или полусвободных людей. Она иногда была очень многочисленна. Например, князь Святополк мог предпринять поход на половцев с одними только отроками, и их было 800 чел. Разумеется, количество дружины определялось прежде всего значением князя: великий он был или удельный, крупный удел имел или незначительный. Но многое значили и личные качества князя – его доблесть и воинственность; обладая такими качествами, он мог иметь незначительный удел, но, несмотря на это, и большую, хорошую дружину. Замечательные дружины были у князей: Владимира I, Ярослава I, Владимира Мономаха, Мстиславов – Храброго и Удалого.

Эти княжеские дружины заслонили собой почти совершенно другой разряд дружины, в доисторическое время имевший не меньшую важность, не потерявший, впрочем, в трудные времена окончательно своего значения. Речь идет о римской дружине, земском ополчении.

* * *

Самое главное дело дружины княжеской было участие в войнах князя. Дружина была зерном военных сил; в те старые времена, когда огнестрельного орудия не было, личная храбрость дружинников имела

большое значение: нередко все дело решали несколько человек. Далее дружина участвовала в охоте князя, на пирах и торжествах, что так воспето в древних былинах; дружинники же заседали и в совете князя. Кроме того, дружинники занимали самые важные и почетные выборные должности, напр., посадников; из дружинников же выбирался и имевший большое влияние на дела пестун, т.е. воспитатель детей князя. После пестуна имел большое значение при князе ряд чинов, на которые поступали то дружинники, то рабы.

Общее название этих чинов – тиун, ябедник-прикащик (не смешивать с современным приказчиком – мелким торговым служащим). Понятно, почему слово «ябедник» сделалось впоследствии дурным словом, потому что прикащик князя по самому положению своему должен был доносить князю о разных злоупотреблениях, растратах и т.п. Самое слово «ябедник» – очень древнее, но еще в старину оно стало выходить из употребления; а слово «тиун» еще древнее; но оно и до сих пор еще употребляется в Польше. Эти тиуны назначались на разного рода должности, особенно по финансовым делам. Важнейший из тиунов – тиун дворский, или дворецкий. При нем было множество меньших тиунов, которые получили название ключников, так как хранили ключи от разных складов и пр. Так как для присмотра за предметами надо было выбирать, конечно, людей надежных или же вполне зависимых от главного тиуна, то понятно, почему часто выбирались в ключники рабы. Свободные же люди выбирались не иначе как «с рядом», т.е. на известных условиях.

За тиуном дворским следовал тиун по суду, бравший штрафные деньги. В период татарский и в этой должности были очень часто рабы, но в дотатарские времена избирались на эту должность всегда дружинники и вообще важные лица; это видно из того, что, напр., в 1146 г. князь Изяслав за убийство тиуна назначил двойную виру, чего не положил бы за убийство раба. При этих лицах были разного рода подручники-мечники, или метельники; они присутствовали на суде и охраняли важность его. При них состояли вирники, должность которых состояла в сбирании и взыскании виры с целой общины в тех случаях, когда действительный преступник не открыт. Затем выделились еще некоторые должности, которые раньше занимались рабами, напр., конюший. Так как конница имела громадное тогда значение на войне, то понятно, что княжий ко-

ных постепенно должен был выдвигаться до положения важной особы: за убийство конюшего дорогобужцами была назначена и внесена в «Русскую Правду» двойная вира. Также постепенно выдвигались княжеские меченоши до положения важных особ.

При тиунах были и еще низшие служители, которые объявляли решения суда – это биричи. Все эти чины получали содержание, или корм от службы; при разъездах они могли брать подводы и кормы. Но главное содержание – жалованье, они, конечно, получали от князя. Сколько он платил, неизвестно; из летописи видно только, что оклад в 200 гривен был хорошим обеспечением. Но, конечно, дружинники обзаводились и своим имуществом, движимым и недвижимым. Для них очень выгодным временем в этом отношении была война. Они пользовались правом реквизиции, или зажития: брали себе пленных и обращали в своих дворовых, делаясь, таким обр., господами занятых земель (остатки такого частного заселения и приобретения земель сохранились еще и до сих пор, например, город Острог на Волыни). На занятых местах селилась также и челядь, по дворам; так что издревле русское землевладение развивалось на началах рабовладельчества.

Богатое сословие дружинников, естественно, должно было постепенно затеснять собою другие сословия. Будучи сословием незамкнутым, оно, конечно, притягивало в себя все лучшее из других сословий, так что уже в период княжеский дружина составляла важнейшую часть русской интеллигенции; естественная же интеллигенция – городская никла тогда перед ней. Важное значение эта городская интеллигенция имела только в Новгороде и Пскове, где участвовала всегда в избрании князя. Все русские города с древнейших времен сохраняли элементы военного устройства, удерживая разделение на тысячи, сотни. Отсюда и военные начальники – десятские, сотские, тысяцкие – являлись естественными начальниками народного ополчения в случае войн. Их назначал обыкновенно князь, но так как тысяцкие должны были само собою пользоваться большим авторитетом в народе, то князья выбирали их из горожан, а не из дружин, нередко даже из одного рода: так, в Киеве достоинство тысяцких долго сохранялось в фамилии Выжатых. Также и посадники в древности выбирались всегда из среды народа. В Новгороде тысяцкий был представителем демократической партии. В Пскове выбиралось два посадника. Подле посадника и тысяцкого –

старосты, т.е. вожди городских концов; старые тысяцкие и посадники и просто бояре составляли в Новгороде интеллигенцию, и чем дальше, тем большую силу приобретали они над князем. Князь не мог сменить новгородских должностных лиц без согласия новгородцев и назначать на их места своих дружинников. Поэтому в Новгороде княжеская дружина не имела никакой силы и значения, была при князе высшим, почетным сословием и жила с князем в городище. Здесь смотрели на нее как на младшую, нужную только князю дружину, жившую постоянно при его дворе. Отсюда постепенно для княжеских дружин вырабатывалось особенное название «дворян». Чтобы видеть яснее порядки новгородские, приведем по летописи рассказ о случае смуты. Рассказ этот помещен в 1-й Новгородской летописи под 1218 г.: «И бысть на зиму, побеже Матеи Душилцевиць связав Моисеица ябетницъ: новгородци же угонивше, и яша и ведоша и на Городище; и в иде ежа в город, выдал Твердислав князю Матея и в звониша у святого Николы они половици через ночь, а Неревъ скакоч у святых 40, также коняче люди Твордислава и бысть заутра пусти князь Матея, учувъ мятеж в городе и поидоша они половици и до детей в бронех (и шеломы акы на рать, а Неревляне также, а за город ци не всташа ни посих, ни по оних; не зряти перезора. Тверди позря на Святую Софию, и рече: даже буду виновать, да буду мертету; буду ли прав, а ты мя оправи, господи, и поиде с людинем концем и с Прусы, и бысть сеця у городных ворот, и побегоша на онпол, а друзии в конце, и мость переметаша; и переехаша они половици в лодях, и поидоша силою о великое! Братье, чудо свади окаяньный диавол! Когда бяше брани быти на поганых, тогда ся начаша бити межи собою, и убижа муж Прус, а Концян другии, а оных половиц Ивана Душилцевица, братъ Матеев, а в Неревском половици Кснятина Прокопииница, иных в муж; а раненых много обоих бысть же месяца января в 27, на Святого Иоанна Златоуста и тако быша веча по всю неделю; не Богом диавол попрашь бысть и святою Софиею, крест возвеличян бысть, и сидошася братья в купе однодушно, и крест целоваша. Князь же Святослав присла свои тысяцкыи на вече, рече: не могу без вины. Рече Твердислав: тому есм рад, оже вины моя нету; а вы, братье, в посадничестве и в князех. Новгородци же отвещаша: княже оже нету вины, ты к нам крест целовал без вины мужа не лишите; а тебе ся кланяем, а се нам по-

садник; а в то ся не владим и бысть мир» (Полн. собр. русск. лет., изд. 1, т. III, с. 36-37).

Почему такое громадное значение получила в Новгороде местная интеллигенция, объясняется отчасти у Никитского, а особенно у Ключевского.

Вся Новгородская страна получала свое значение от торговли, и люди торговые и богатые составляли здесь боярство, пред которым преклонялась вся остальная масса, и этого значения богатых людей не подрывала даже демократия. Это объясняется тем, что около богатых людей волей-неволей группировались остальные новгородцы: они брали у богачей деньги и очень дорожили этим правом. Долговые обязательства писались на дощечках и назывались «досками». Когда во время смут грабили имущество какого-нибудь богача, то часто находили целые склады долговых досок; из всего имущества только их не уничтожали, а бережно относили к князю. Около этих богачей (как бы банкиров) группировались гости, т.е. иноземные торговцы и купцы «пошлые», т.е. старые, а также купцы новые, ремесленники и т.п. Из всей этой массы часто выделялись в качестве воителей молодые люди, которые набирали ватаги охотников и ходили с ними на восток собирать дань и завоевывать новые земли. Эти люди большею частью совершали свои походы на лодках и назывались ушкуйниками. Их бродяжничеству обязаны своим возникновением многие города, напр., Вятка. Аристократизм удерживался даже в Пскове, который вообще был более демократичен; все в нем разделялось на больших и меньших, низших. Особенно тяжело было положение смердов – людей полусвободного состояния, кочетников, голубятников, огородников, живших на городских землях. Таким образом, городская знать умаляла значение княжеской дружины; еще более умаляла значение низших сословий и особенно людей полусвободных, так называемых смердов.

Масса народная состояла обыкновенно из людей, которых называли «смердами». Этим словом часто называлась вся масса народа в княжестве, как это видно, напр., из ответа Олега Святославича Черниговского на приглашение Мономаха явиться в Киев на союз (1096 г.): «Не хочу, чтобы меня судили игумены и смерды». Но чаще всего это название применялось к низшим людям – селянам. Смерды группировались в корпорации – верви, погосты. В старой Руси необходимо было принадлежать к какой-нибудь корпорации. Кто слу-

чайно выпадал из своей корпорации, тот причислялся к разряду людей несчастных, о которых заботилась церковь и принимала под свою защиту, напр., раб, отпущенный на волю или «если кто обесчестит девицу...». В Погодинской «Исторической библиотеке», в «Уставе князя Всеволода» указано название этого состояния вне корпорации – «изгоев» и указаны лица, подпадавшие под это определение «изгой»: 1) попов сын грамоте не умеет; 2) холоп из холопства выкупится; 3) купец одождает. И еще 4) приложим – «аще князь осиротеет». Корпоративная стойкость древней Руси поражающая: при всех тогдашних неустройствах народ все выдержал, сохранился. Мало того, что он строил города, нужно посмотреть на устройство общин на севере (после татарского погрома), чтобы удивляться этой корпоративной способности русского народа. Вся наша новейшая цивилизация на западноевропейский лад всецело направлена к тому, чтобы разбить на отдельные личности все те группы, которые выработала наша старая Русь, и стройно организованное общество превратить в бесформенную толпу. Между тем, старая Русь потому и сильна была, что существовала в признанных правительством исторически выработанных корпорациях. Но и в старое время было очень много влияний разрушительного характера. Смерды все больше становились в положение людей полусвободных; селились на княжеских землях и подчинялись княжескому суду, несли особые повинности. Таким образом, общины разрушались, а смерды обращались к покровительству отдельных лиц, напр., князей; получали от них землю; отсюда смерды ралей. Наконец, совсем бесправное сословие: челядь из пленных, обель, холопы... Существовал целый ряд условий, превращавших свободного человека в рабство. А рабство – это яд, который постепенно разъедает и разрушает государственный организм. Мы дальше увидим, как неумелое решение этого вопроса часто тормозило самые важные дела, например, в смутное время.

* * *

«Русская Правда» стала подвергаться научной обработке в прошлом столетии. Впервые обратился к ней Татищев, но славу его предвосхитил известный Шлёцер, издавший ее в 1767 г. Затем «Русская Правда» переиздавалась во множестве изданий; издание главного списка было сделано Калачевым в 1841 г. Текст «Русской Правды» в целом виде и по частям помещался во всех курсах русского

права³⁹; затем при отдельных сочинениях Калачева: «Исследование о Русской Правде», Владимирского-Буданова «Хрестоматия русского права» и «Сочинения о русском праве» Мрочек-Дроздовского. «Русская Правда» подвергалась многим исследованиям, самое раннее у Калачева; затем следует целый ряд сочинений, составляющий большую отдельную литературу. Эта литература дана у Бестужева-Рюмина и в «Хрестоматии русского права» Владимирского-Буданова (на 84 стр.). В этих исследованиях «Русская Правда» рассматривается, между прочим, в отношении к законодательным памятникам германским и вообще северных народов; при этом иногда высказывалось мнение о заимствовании ее с этой стороны, но тщательным рассмотрением вопроса мнение это вполне опровергнуто.

Сравнивали «Русскую Правду» с «Литовским статутом» (см. «Русская Правда» и «Лит. Статут» Леонтовича) и со славянскими законодательствами (см. соч. проф. Бодуэна-де-Куртэне). Было много споров о подлинности «Русской Правды». Так, проф. Голубинский предполагал видеть в ней позднейшее законодательство, только приуроченное к авторитетному имени Ярослава I. Что это законодательство сложилось путем многовекового постепенного нарастания, об этом свидетельствует будто бы разнообразие списков «Русской Правды». Но Владимирский-Буданов справедливо объясняет, что то разнообразие является результатом существования списков частного происхождения, более или менее полных; в основе же всех их лежит правительственный судебник, несомненно подлинный, составленный Ярославом и вновь редактированный его сыновьями. Все списки «Русской Правды» разделяются на три фамилии (вида) — самая краткая, более подробная и самая подробная.

Зерном «Русской Правды» послужили народные русские обычаи, обязанные своим объединением и пополнением развитию княжеской власти, пополнение и изменение этого обычного права совершалось под влиянием культурных условий, в ряду которых важнейшим моментом было принятие христианства, а с ним и плодов византийской цивилизации. Есть даже мнение (Беляева), что с принятием христианства народные обычаи были оставлены в стороне, и Владимир принял от греков не только гражданский, но и церковный закон, именно при нем действовал «Судный Устав Св. Правоверного Великого Самодержца Царя Константина»: греческий закон — «судебник людем». Этот судебник сохранился в Софийской летописи и более все-

го исследован Розенкампом (в «Обозр. Кормч. Книги») и Калачевым. В этом судном уставе проводятся два совсем неоднородных принципа: нрав – христианское начало, например, когда объявляется, что места языческих богослужений должны принадлежать церкви; высоко ценится жизнь человека, даже раба, высказывается осуждение блуду и разврату, дети научаются повиноваться родителям, но наряду с этой христианской стороною в самой регламентации наказаний сказывается начало римско-языческой суровости: полагается смертная казнь зажигателям, разбойникам, блудящему с ослом, делается урезание носа за блуд с кумой, отрезание руки за повреждение половых органов у одного из бьющихся; ослепление за троекратное святотательство, продажа в неволю за святотательство; «того, иже мертвого совлечь в гробе, да делать ему 300 ран». Вообще множество всякого рода телесных наказаний.

Вот этот «Судный Устав Царя Константина», с церковной части которого, можно сказать, исписан первый рус. церковный устав («Устав Св. кн. Владимира, крестившего русскую землю, о церковных суждех и о десятинех»), был пересажен кн. Владимиром на русскую почву.

Летопись рассказывает об одном частном случае заимствования греческих законов и именно о том, что Владимир по совету епископов положил смертную казнь разбойникам. Однако вскоре обнаружилось несогласие такой меры с духом славянской кротости и благодушия, освященных к тому же христианством, в результате смертная казнь была отменена и восстановлена вира. Несовместимость русской жизни с греческим законодательством обнаруживалась, разумеется, и в массе других случаев. И вот выражением протеста русских народных начал против чуждых греческих законов явилась «Русская Правда» (так высказался Иван Дмитриевич Беляев, см. «Ист. рус. самосозн.»). Это тот самый вид «Правды», который известен с именем Ярослава. Это совершенно понятно, потому что Ярослав как воспитывавшийся в Новгороде проникся началами русскими: поэтому он отверг греческое уложение царя Константина и велел списать важнейшие из этих обычаев.

Этот краткий вид «Русской Правды» есть древнейший, правда, времен Ярослава. Существенная особенность ее – это одна и та же плата за убийство, именно: 40 гривен, если не кому мстить, а если

есть, то убийство, но только со стороны ближайших лиц – родственников, след., личная месть здесь полагается в основу. Это совершенно понятно и отвечает положению славянского рода: живя замкнутыми корпорациями, они должны были, таким образом, наводить страх на всех на будущее время. Затем здесь излагается, сколько надо платить за увечье, удар и вообще личные оскорбления. Например, за отрезанный палец – 3 гривны, а за вырванный ус – 12 гр. Затем приводятся постановления касательно прав имущественных. Этот вид «Правды» находится в 1-й Новгородской летописи и в Кормчей книге XIII в.; известен он под именем академического списка и заключает 17 статей. Это самый древний вид «Правды». Затем в ином виде «Правда» является при сыновьях Ярослава; составлена она, можно думать, при участии земских людей⁴⁰.

Мечь была отвергнута, установлена вира с некоторыми изменениями сравнительно с прежними обычаями. Вдвое повышена цена жизни людей, как либо прикосновенных к княжеской власти: «Аще ли кто убьет княжа мужа..., то о гривен, поки ли (окажется убитым) и за колюший 80 гривен», яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобужцы». В то же время спускается (против обычных 40 гривен) плата за людей других состояний в нескольких случаях: за сельского тиуна полагается 12 гривен; за рядовица, смерда или холопа, за людей несвободного состояния – 5 гривен; за женщину – половинная вира от 40 гр. – 20 гр.⁴¹

Чтобы понять разницу в пользу княжских людей, следует припомнить, что обыкновенные люди как члены общин пользовались их защитой, охраной. Убийство того или другого общинника поднимало на ноги всю общину, и убийце трудно было скрыться: это должно было служить сдержкою покушениям. Между тем, княжеские люди больше подвергались опасности лишиться жизни, стоя вне общинной охраны и в то же время являясь среди населения, которое могло быть к ним недоброжелательно без военного прикрытия; их защитником мог быть только князь, а для него розыск убийц был гораздо труднее, чем для общины. Это средний вид «Правды», как она явилась с дополнениями при сыновьях Ярослава.

Третий вид (который заключается в большинстве списков) явился при Владимире Мономахе. «А се уставил вел. кн. Володимир Всеволодович Мономах: по Святополце созва дружину свою на Берестовом, Ратибора тысяцкого Белгородского, Станислава тысяцкого

Переяславского, Нажира, Мирослава, Ивана Чудиновича, Олгова мужа, и уставили и до третьего резу⁴² аже емлеть куны в резы, в треть аже кто возьмет два резу, то ему взяти истое, паки ли возмет третий рез, то истое ему не взяти».

Многие ученые думают, что деятельность Берестовского съезда ограничивалась только ближайшею статьею о резе, и между предыдущим и последующим изложением «Правды» это замечание является просто вводными словами, пояснительною вставкою. Но это совершенно несправедливо: очевидно, все последующее изложение нужно считать именно делом этого съезда. Недаром же «Правда» вообще с разного рода дополнениями по многим спискам называется «Правдою Владимира Всеволодовича». В этих дополнениях заключаются постановления в высшей степени важные; они вполне соответствуют духу Владимира Мономаха и согласны с теми делами, которыми он славился. Устанавливается высший предел процентов, чтобы положить предел злоупотреблениям; объявляется, что, если купец оказался несостоятельным должником по несчастью, а не по злоумышлению, то его не продавать для уплаты долга, и т.п. Но кроме этого, есть в этой части «Правды» такие постановления, которые трудно приурочить к какому-нибудь времени позднейшему. Таковы постановления о закупах. Общее колебание порядков русской общественной жизни, производимое распрями князей из-за киевского стола, их непрерывными войнами и разорительными для низших людей походами и опустошительными набегами половцев, делало чрезвычайно тяжелым и ненадежным положение низших слоев населения. Люди, настигнутые бедою, разоренные, а таких, естественно, было много в эту бурную эпоху, искали покровительства у людей сильных, так или иначе обеспеченных, пристраивались к ним в качестве наймитов или челядинцев. Но покровительство вело к злоупотреблениям: покровительствуемых не трудно было сделать совсем бесправными, рабами. Это было большое зло, и предупреждение его или прекращение было делом весьма важным, в интересах общего блага и прежде всего в интересах этих низших людей. Взять на себя это дело мог только тот князь, который заботился о низших людях, вникал в их положение. А таким именно представляется Владимир Мономах, и потому естественно приурочить направленные в пользу низших людей постановления «Русской Правды» именно в его вре-

мя. «Оже закупный вежить от господна, то обель (делается рабом), а явлено ходил (если открыто ходить), или ко князю или к судиям бежить, обиды деля господина, то про то не робять его (не делают рабом). Оже господин приобидит закун увередить цену (условие нарушить)..., то ему все воротили (все несправедливости исправляются) а за обиду ему платити кун. Продаст ли господин закупа обел (в полное рабство), то наймиту свобода во всех кунах, а господину платити за обиду 12 гривен. Аще ли господин биеть про дел закупа, то без вины есть; биеть ли пьян без вины, то якоже свободну платеж, такоже и в закупе. Оже закупен уведеть что, то господин в нем, но оже и где налезуть, то прежде господин его заплатит, а ему холоп обельный. Если закупен испортит что-либо из вещей господина, порученных ему, то платит; но если господин отошлет его куда-либо и в его отсутствие случится порча, он не отвечает». Всеми этими мерами имелось в виду оградить полусвободных людей от полной утраты свободы, отличить их от рабов и даже облегчить выход на свободу, утверждая за ними и в этом их положении некоторые права свободных, напр., за обиду вознаграждались они наравне с свободными; затем, тогда как раб не мог быть свидетелем на суде, закупен пользовался этим правом, хотя только за отсутствием свидетелей из свободного состояния и по меньшим делам («в мале тяжи»).

Эти ограничения, оказывается, имели громадную силу и значение в смысле улучшения положения низших классов. Они составляют славу русской жизни тех времен. Обращено было внимание и на то, чтобы человек, пошедший в наймы, не делался рабом, и это в то время, когда повсюду правящие классы были безучастны к положению простого народа. Это свидетельствует о тех великих культурных стремлениях, которые пробивались сквозь тогдашние смуты и которых представителем был Владимир Мономах, что делает ему великую честь.

Кроме этих постановлений, относящихся ко времени Владимира Мономаха, в разных редакциях «Русской Правды», древних и особенно позднейших, есть много постановлений и о других предметах, кроме главных, касающихся убийства и нарушения прав собственности. Таковы, напр., постановления о наказаниях, о способах расследования преступлений; много постановлений о наследстве; есть даже постановления о том, как мстить улицы.

Нужно обратить внимание на то, какое значение в «Русской Правде» имеют элементы правительственный и общественный. Кроме того, что за убийство или оскорбление правительственного лица обидчик должен был платить двойную виру, существовали в «Русской Правде» и целые штаты правительственных лиц. Главным судьей был князь, и в «Русской Правде» неоднократно упоминается об этом. Например, говорится, что если поймали вора и тотчас не убили его, то его должно вести на княжеский двор; говорится, что суды должно производить на княжеском дворе и на торгу. Далее судом занимались, по «Русской Правде», назначаемые князем тиуны; потом были подручные им: вирники, занимавшиеся расследованием преступления, взысканием и взысканием виры; мечники или метельники, обязанные присутствовать в тех случаях, когда приходилось обращаться к суду Божию, а также приставы, участвовавшие в раскрытии преступлений и назначаемые для различного рода посылок. Всем этим лицам назначался урок или покон, т.е. содержание. В древних «Правдах» говорится, что им должно давать хлеба, сколько съедят, позднее им назначалась часть хлебов, достаточная для пропитания. Разного рода пени и виры назначались в княжескую казну, а обиженному выдавалось вознаграждение из имения убийцы или вора.

Кроме правительственного элемента, в постановлениях «Русской Правды» очень силен элемент общественный. Обязанность указать преступника и даже привести его на суд (кроме некоторых случаев заочного суда) лежала на обиженной стороне, помимо правительства. То есть истцу нужно было не только доказывать преступление, но и производить следствие. Для доказательства преступления должно было представить видоков или послухов, т.е. свидетелей. Впоследствии, во времена татарского ига и особенно когда стало развиваться Московское государство, несколько изменилось понятие о видоках или послухах. Это были нечто в роде приставов, только с обеих сторон. Послухи свидетельствовали и об истце, и об ответчике, и потому часто вступали в спор между собой. Кроме свидетелей, важное значение в суде имела рота, т.е. присяга. До какой степени сильно было развито обращение к роте, видно из обычаев простого народа, который в сомнительных случаях ссылается на то, что он готов присягнуть. Особенно сильно заметно это в тех местах, где сохранились остатки «Русской Правды». Там требуется, чтобы в суде тотчас приводили к присяге. В сомнительных случаях, если, например, сделан

дом или заложена вещь, а должник отказывается платить, то по «Русской Правде» требуются 12 свидетелей, которые и решают дело. Эти 12 свидетелей употреблялись во всех более или менее спорных делах. Затем по Русской Правде требуется более широкое расследование дела: суд на княжеском дворе совершался открыто, еще открытее совершался суд на торгу. Если, например, у кого что-нибудь пропадет, то потерпевший объявляет об этом на торгу, чтобы люди знали, тогда он может взять свое там, где его откроет, без всяких проволочек, получив за обиду 3 гривны. Если же потерпевший не заявит на торгу то, чтобы установить иск, должно отыскать вора: встретив свою вещь, он не может взять ее сам, а ведет того, у кого нашел вещь, «на свод», т.е. последний должен указать, у кого приобрел вещь, и, переходя от одного к другому, добиваются до вора, т.е. во всяком случае до человека, который не может доказать, откуда у него вещь. Или идут до третьего, который платит цену покраденного, а сам может искать вора далее, не выходя из пределов своей земли. Самым сильным образом общинная сила выражалась в том, что в случае, например, убийства вся община отвечала за него. Если происходило убийство или кровопролитие, то нужно было отвести следы убийства от своего места; если же оказывалось, что убийство произошло в пределах общины – верви, то вервь должна была или найти и выдать убийцу, или заплатить виру, которая называлась «дикой». Вервь не отвечала только тогда, когда нельзя было признать убитого или никем не предъявлялось право на его имущество. При этом все лица, находившиеся в общине, должны были принимать участие в платеже наложенной виры; правда, это не было обязательным законом, но если кто отказывался участвовать в таком платеже, то и за него не платила община, если случится убийство с его стороны. Кроме виры, наказанием за более важные преступления, например, за ограбление и т.д., было изгнание («поток»), причем имущество изгоняемого обрекалось на разграбление. Это весьма важная черта для характеристики общинной и вечевой жизни. В Новгороде, например, часто можно было встретить такие случаи расправы с злодеями, когда их сбрасывали с моста в Волхове, а имущество их предавалось разграблению. В какой мере было сильно законодательство «Русской Правды», можно судить уже по тому, что упоминание о ней как обычном законе встречается в древнейших памятниках и договорах. Даже в таких древних договорах, как договоры с греками Ольга и Игоря, замечаются следы того, что и в

то время «Русская Правда» действовала как обычное законодательство. В договоре, например, Олега говорится: «Если кто убьет, русин христианина или христианин русина, то умрет на самом месте, где сотворил убийство»; т.е. здесь греки по своим римским законам назначали казнь, а русские думали, что они мстят, и если убийца убежит, то родственники убитого брали вознаграждение из имущества убитого. Самое ясное указание в Олеговом договоре на действие в то время «Русской Правды» то, что по договору за удар мечом назначено взыскание в 5 литров серебра, «по закону русскому», в «Русской Правде» определено за то же 12 гривен, а литр равняется свыше 2-х гривен. Подобные же указания на действие «Русской Правды» встречаются и в позднейших памятниках. Например, в договоре новгородцев с немцами в 1195 г. во второй статье говорится: «За убийство немецкого или новгородского посла полагается 20 гривен серебра», а это равняется почти 80 гривнам кун; «За убийство купца 10 гривен серебра или 40 грив. кун». «Аще свяжут мужа, 12 гривен старых кун». Лишение свободы считалось оскорблением. За удар оружием положено было 6 гривен старых кун (12-я статья). В 10-й статье указывается, что спорное дело должны решать 12 мужей, точь-в-точь как в «Русской Правде». В договоре Смоленска с Ригею и Готским берегом при Мстиславе Давидовиче за убийство мужа полагалось 10 гривен серебра (нужно заметить, что смоленские гривны были дешевле новгородских), за увечье – 5 гривен серебра, за лишение свободы – 3 гривны. Затем в 14-й и 15-й статьях этого договора говорится об испытании железом, о «поле» и тому подобных тогдашних средствах отправления правосудия.

Что особенно замечательно, «Русская Правда» самую большую живучесть обнаружила в западной половине России, где в своих остатках она сохранялась еще в нач. XVIII в. В памятниках Западной Руси о каком-либо вновь вводимом праве, особенно же о праве магдебургском, то и дело говорится, что оно вводится взамен русского права. Что это за русское право? Яснее сущность этого права обнаруживается не в городском устройстве, которое не избежало польского влияния, а в сельских «копных судах». О них небольшое, но замечательное исследование написал ректор Киевского университета Иванищев. Он занимался разработкой Киевского центрального архива и там нашел немало документов, которые раскрывают характер копных судов. «Копя прежде всего оз-

начает определенный счет: 60 снопов; «копа», далее значит и просто массу, большое собрание людей, общину. Отсюда и «копные суды». Суды эти занимались, главным образом, двумя важными вопросами: о жизни (убийства) и нарушении прав собственности. Дела об убийстве копными судами решались так: все общество изображало собой судей, имеющих право на жизнь и смерть. Все домохозяева собирались вместе и, точно так же, как и в «Русской Правде», должны были найти труп и отвести следы бежавшего убийцы; если же этих следов не находилось, то они должны были искать убийцу в своей среде; с этой целью избирались старцы числом 12. Такой же процесс происходил и по вопросам поземельной собственности: если кто захватил часть чужой земли, копные суды разбирали дело, а старцы судные окончательно решали его. Замечательно, что эти копные суды сохранялись во времена закрепощения; к ним иногда обращались даже помещики. Насколько важным делом были они, показывает то, что постановление о них вошло во все «Литовские статуты», и когда М.О. Кояловичу пришлось разбирать дела униатского архива, то он там обнаружил несколько документов о копных судах XVII и нач. XVIII в. Вот до какой степени живуча была в Западной Руси «Русская Правда». Вообще можно заметить, что в местах, более близких к древнему историческому центру Руси – Киеву, при всех страшных искажениях, произведенных чуждым влиянием, нередко сохраняются следы порядков глубокой древности. То же нужно сказать и о «Русской Правде». Следы ее сохраняются иногда даже в языке («казал, кажет вместо сказал и говорит»). «Русская Правда» действовала и в татарские времена и отразилась на Псковской судной грамоте, Новгородской, Двинской и даже на первых Московских законодательных грамотах, так что в настоящее время не может быть и вопроса о том: существовала ли подлинная «Русская Правда»? Не заимствована ли она от иноземцев? Хотя в ней и встречаются некоторые иностранные слова, как «вира», но не нужно забывать, что это относится к тому времени, когда сношения между народами были очень близки.

* * *

Вопрос о деньгах в нашей истории – вопрос запутанный с весьма старого времени; на исследование его положено очень много труда. Из немцев им занимались: Круг («Краткие изыскания о древних

русских монетах») и барон де-Шодуар, бывший член нашей Академии Наук. Из русских исследователей известны: Чертков, издавший «Описание древних русских монет», и до сих пор здравствующий профессор Казанского университета Солнцев. В последнее время появилось замечательное в этом отношении исследование археолога

Прозоровского «Монеты и вес древней Руси». Но кто не знает математики, тому трудно ведаться с этим сочинением. Любопытна здесь сама система. Прозоровский идет от денег XVIII в. назад и разбирает монетные единицы, действительный вес, материал и номинальную ценность. Далее по обилию фактов весьма замечательно исследование о деньгах Мрочек-Дроздовского, составляющее 1-й выпуск его сочинения о «Русской Правде».

В вопросе о наших старых деньгах есть много недоумений, которые нужно разъяснить, чтобы иметь верное понятие о денежной системе. 1-е недоумение – о кожаных деньгах. На основании свидетельства Герберштейна, что он видел кожи с клеймом, некоторые утверждают, что у нас будто бы были кожаные деньги, при этом, разумеется, опираются на то, что главным нашим богатством были меха, что и самые денежные названия – куна, ногата, резань – взяты от мехов, и что в московские времена известен был счет в 40 соболей. Нужно, следовательно, представлять дело так, что князья давали кожаные ярлыки, которые и ходили как ассигнации. Однако для этого нет твердых оснований. Кожаные ярлыки, действительно, встречаются в татарские времена, но о том, чтобы они были и в древние времена, мы не имеем права думать, напротив, имеем возможность утверждать, что то, что носит название кож (куна, ногата, резань), было предметом металлическим. Что «куна», например, не была кожей, показывает одно то, что самое слово «куна» по-гречески передавалось не как название кож. Есть множество свидетельств о том, что куны были металлическими деньгами. Так, известно, что князь Владимир Василькович Волынский велел пред смертью перелить свое золото и серебро в куны. Куны служили общим названием денег. Монетной единицей была гривна. Гривна, прежде всего, – это украшение полукруглое или круглое, которое носили на шее. Затем гривна – вес (1/2 малого фунта греч. в 72 зол. или 12 грив. 5 литрам визант., а литр 723, следовательно, гривна = 40 зол.; гривны, хранящиеся в Эрмитаже, –

от 36 – 40 зол.). Различаются еще между собой гривны золотые и серебряные. В памятниках, когда хотят обозначить высшую степень гривны, говорят: гривна золота или серебра, а потом гривна кун. Есть место в «Судном Уставе Царя Константина», которое указывает на взаимоотношение этих гривен, одно оригинальное постановление, которое очень удивляет, так как кажется нам нерусским. В случае бесчестия, «аже будет баба была в золоте и мати (т.е. какого происхождения), взяти (обиженному) 50 гривен за гривну золота; аже будет была в лоте, а по матери ему не взяти золота (т.е. по матери незнатного происхождения), взяти гривну серебра, а за гривну серебра полностью гривны кун». Т.е. гривна золота содержит 50 простых гривен, а гривна серебра – 7 с половиной гривен кун. Не нужно думать, чтобы эта цена была постоянною; из древних договоров русских с греками видно, что литра – малый фунт греч. = 2 с небольшим гривен; а в указанном памятнике, относящемся к XII или XIII в., говорится, что гривна серебра = 12 и 20 гривнам кун. Эта разница в стоимости денег происходила, во-первых, от того, что обыкновенно деньги скоро портились и дешевели и нужно было большее их число – на вес; во-вторых, и от местных обстоятельств. Известно, например, что самые свободолюбивые области, как Новгородская, имели и лучшие деньги; затем хорошие деньги были в Киеве, Смоленске; чем дальше на восток, тем деньги были дешевле, особенно же дешевы были они в Москве.

В Киеве употреблялся греч. фунт в 723 золот., а в Новгороде – западноевропейский – в 963 золот. Около XII в., когда торговля с Грецией ослабела, а сношения с Западной Европою чрез Угрию и Польшу усилились, то в Киеве стал входить в употребление фунт в 963 золот. Разница между киевским фунтом и новгородским была причиной разницы и в деньгах: фунт = 2 гривнам, следовательно, гривны получают-ся 36-ти зол. (в Киеве) и 483 (в Новгороде). Это отношение проходит чрез всю историю, и впоследствии рубль московский был вдвое дешевле новгородского. Это происходило еще от того, что новгородская гривна заключала в себе больше чистого серебра, чем московская гривна = 1/2 ф., когда употреблялась для выражения веса, а как денежный знак она равнялась 48 или 36 зол. Преимущественно гривны считались кунами – мелкою монетою. Гривна кун то же, что фут стерлингов, т.е. определенное количество мелких денег, равное куску

серебра в 48 или 36 зол. Первоначально гривна заключала 4 гривны кун при Ярославе, при Владимире Мономахе – 7 с половиной, а в татарские времена – 10. Это понижение ценности гривны кун происходило от того, что мелкие монеты заключали много примеси; и количество ее с течением времени более возрастало. Это последнее обстоятельство стояло в связи с другим. В России не было собственного серебра и золота, и эти металлы добывались посредством торговли и войны. Поэтому мелкие монеты делались из иностранных монет; напр., греч. солиды и араб. диргемы разрезались на части, и эти обрезки пускались в обращение; с другой стороны, монеты чеканились в России. Известно, например, серебро «Ярославле», т.е. монеты, чеканенные при Ярославе и найденные в черниговскихкладах. Такие деньги ниже ценились и скорее портились. В каком же отношении к гривне находилась куна?

По «Русской Правде», «начинщик драки платит три гривны за окровавление битого; а ежели нет знаков, то 60 кун». Очевидно, что 60 кун меньше 3 гривен, а 20 кун меньше одной гривны. С другой стороны, в «ответах» Нифонта на вопросы Кирика говорится: «Сорокоусты на гривну пятью служити, а на шесть кун ейною», т.е. пять сорокоустов стоят одну гривну, а один – 6 кун. По-видимому, выходит так: если один сорокоуст стоит 6 кун, то пять сорокоустов – 30 кун, а гривна = 30 кунам. Но тогда в «Русской Правде» было бы прямо сказано: 2 гривны вместо 60 кун. И при том предполагается, что огульно каждый из 5 сорокоустов стоил меньше 6 кун. Вообще нет данных для точного определения ценности кун, и обыкновенно полагают, что в старой киевской гривне было 20 кун, а в позднейшей новгородской – около 20. Известны еще как монеты ногаты и резань. В каком отношении к гривне они стояли, прямо не указывается нигде, но ценность их определяется на основании следующих двух отрывков из «Русской Правды»: 1) «А на тех овчях и на баранех рун 360,446, а на тех руних кунами 7,208 гривен и 46 резань; а руно чтено по резани»; 2) «от 22 коз приплода на 12 лет 90,112 коз, а то кунами 27,033 гривны и 30 резань, а коза метана по в ногат». Если над тем и другим из этих условий произвести соответствующие арифметические действия, то в первом случае получим, что в гривне 20 ногат, а в ногате – $2\frac{1}{2}$ резани.

Указанные монеты были всеобщы в России, хотя, кроме них, употреблялось множество и других монет. Они очень долго удерживались даже до татарских времен, а затем стали выходить из употребления. К XVI в. явилось татарское название «деньги»; монету начали чеканить в России, и во главе разных денежных единиц стал рубль. Он был еще в дотатарские времена и представлял собою кусок серебра, равный гривне. Это видно из сохранившихся кладов. Самое название указывает на происхождение этой монеты. И теперь еще в некоторых местах оно прилагается к обрубку дерева или бруску, который кладется на воз для придерживания на нем груза.

* * *

Вопрос о весе и монетах обращает на себя внимание потому особенно, что он помогает объяснению «Русской Правды» и доказывает единство России. Почти такое же значение имеет и вопрос о городах. Исследованием этого вопроса занимались, между прочим, Ходаковский и Самоквасов. Всех городов насчитывают до 300. Располагались они преимущественно по окраинам. В числе их было очень мало городов, приспособленных для постоянного жительства; по большей части они были тесны, потому что они предназначались, главным образом, на время военных действий. Некоторые города поражали своею обширностью и были даже больше, чем теперь. Таковы Киев, Полоцк, Новгород, Смоленск, Владимир и Суздаль. В каждом городе, в частности, центром его был Кремль, укрепленный валом и тыном, а впоследствии вместо вала каменною стеною. Здесь был собор, служивший, так сказать, религиозным патронатством над городом, он же местная святыня. Эту святыню знали, чтили и заботились о ней больше, чем в последующее время. На устройство храмов обращалось особенное внимание. Храмы были и самыми первыми каменными зданиями. Сохранившиеся остатки этих храмов составляют блистательное доказательство значительного успеха древней русской культуры. Особенно замечательны в этом отношении, например, Софийский Киевский собор и развалины Борисоглебского собора (в Гродно). Последний относится к XII, а быть может, и к XIII в., и едва ли не современен Киевскому Софийскому собору. Здесь обнаруживаются поражающее совершенство архитектуры и орнаментики, правильность полукружий и арок, прочность кирпича и

кафлей с крестами наружу и т.п.⁴³ То же можно сказать и о соборе Владимирском. Нельзя не признать, что это было необычное движение русской цивилизации, и как нам не пожалеть, что эти задатки самобытной культуры загублены введением иностранной цивилизации.

Закончим описание городского устройства. Кроме Кремля, был еще вал, окружавший находившуюся за Кремлем торговую площадь. В Кремле, при церквях находились помещения для князей. Помещения эти большею частью были из дерева, хотя были и каменные, как, например, терем Ольги.

Устройство княжеских домов было вообще одинаково с устройством домов простолюдинов. Княжеские дома были выражением общерусского типа домов. Дом вообще назывался хоромом (хоромами и теперь в некоторых местах называются дома); устраивался он на дворе. В основании дома был четырехугольник; у простых людей было в основании 2 четырехугольника, у богатых – 3-4. Дом четырехугольниками делился как бы на клетки, почему самые комнаты назывались клетями. Дом был из 2-х этажей; нижний этаж (подклеть) не всегда служил жилым помещением; здесь бывал склад разных запасов. Жилым помещением был верхний этаж, состоявший из теплых, отоплявшихся «истопками» комнат и холодных помещений. У князей и знатных людей были еще сени, нечто вроде гостиной, приемной. Сени выходили в крыльцо, в которое вела лестница со двора. Третий этаж служил для летнего помещения, а чаще всего для помещения женщин и носил название терема. Снаружи дома украшались такою же резьбою, какая сохранилась еще до нашего времени у крестьян. В княжеских дворах, кроме княжеского дома, были помещения для дружины, низшей прислуги; была еще баня. В XII в. стала особенно сильно развиваться архитектура. Одежда русских представляла смешение чисто русской одежды с византийской. Влияние Византии отразилось и на самом внешнем виде славян: под этим влиянием славяне стали отращивать бороду, тогда как у древних славян, как, например, балтийских, было в обычае брить бороду и оставлять чуб и усы; только в старые годы отпускали бороду.

У русских была следующая одежда: одеждою исподнею была рубашка холстинная, у богатых дорогая, шелковая; штаны засовы-

вались в голенища; поверх сорочки надевались зипун, метля или корзно; поверх его – епанча. Верхняя одежда застегивалась на правом плече, чтобы удобнее было действовать руками. Самая верхняя одежда называлась шубою, которая покрывалась дорогими материалами, обшивалась позументами; шуба называлась также кожухом. Но не должно представлять, что кожух был на меху, о чем можно заключать из описания в летописи встречи Даниила в Австрии. Встреча была летом, в жару. Летописец говорит, что кожух Даниила поражал своим богатством. Можно ли думать, что Даниил летом носил меховую одежду? Конечно, нет.

У богатых одежда шилась из шелковой материи (паволоки), расшивалась золотом, жемчугом, особенно наплечники, воротники; вышивались также обшлага. На плечах носились ожерелья, иногда со священными изображениями; эти ожерелья назывались у князей бармами. На руках носились браслеты, называвшиеся запястьями. Для украшений на шее служили гривны. Наконец, древние русские носили пояса. У мужчин были широкие пояса и украшались золотом. О Владимире Васильковиче говорится, что раздал нищим пояса своего отца – золотые и серебряные. Шапки древних русских были валеные, назывались клобуками. Обувью служили лапти, сапоги. Женская обувь называлась сандалиями. Обувь делалась из простой кожи, сафьяна и др.

Вообще можно сказать, что в древней Руси была страсть к всевозможным украшениям. Особенное пристрастие к украшениям обнаруживали женщины. Они заботились о монистах, цепочках; увешивались крестами, сережками. Украшения были и на воинских предметах: на латах, панцырях, шлемах, мечях, налучниках, стремежах и уздечках.

* * *

Татарское иго распадается на два периода: 1-й, когда татары господствовали над Россией внешним образом; 2-й, когда внешнее иго было свергнуто, но последствия его остались во внутренней жизни России; 1-й период простирается до Иоанна III (1480 г.); 2-й – от 1480 г. на несколько веков далее.

Пособиями к изучению истории нашествия татар могут служить: Бестужев-Рюмин и его «Замечания на источники» (стр. 260–

70); сочинения Иловайского – II т., ч. 2-я отд. 1-й; сочинения Иванина «О военном искусстве татар в их походах при Чингисхане и Тамерлане». Первоначальные источники недоступны. Они выведены наружу ориенталистами. Это китайские, персидские, монгольские и армянские летописи. Исследованием их занимались: бывший начальник китайской миссии Иакинф, профессора Васильев, Григорьев и Березин. Для оценки военных действий татар в истории их завоеваний важно мнение военного человека Иванина, выраженное в упомянутом сочинении, изданном после смерти автора в 1875 году.

О Чингисхане без сомнения известно, что этот завоеватель родился в нач. 2-й пол. XII в., что действовал в конце его и нач. XIII в., а умер в 1227 г. Первая арена его действий располагалась на юге от озера Байкала, в монгольских степях, в степи Гоби, где жили монголы и татары. Полчища Чингисхана состояли преимущественно из монголов и татар, которые не были полчищами дикарей, а полчищами кочевников. В их среду проникла высшая азиатская цивилизация – китайская, от которой они заимствовали военное искусство и др. воззрения. Чингисхан начал свои походы с покорения Китая. Став во главе покоренных народов, он постепенно обрушивался на юго-западный Китай, затем на юго-восточный; потом же его действия перешли на среднюю Азию, на государство Ховарезмийское. держава эта скоро была сокрушена; многие города, в числе их и Самарканд, были разгромлены. Степи с разрушением городов стали страшно расширяться. Магомед, хан Ховарезмийский, ожесточивший монголов против себя убийством их послов, подвергся преследованиям. Гонимый за ним, Чингис ходил в Индию до Ганга, в Персию, расширяя свои завоевания во все стороны; затем татары, обогнув южный берег Каспийского моря, вошли в пределы Кавказа. Отсюда отряд их (под предводительством Джебе и Субудая) направился на север, в половецкие степи.

Таким образом, власть Чингисхана в короткое время распространилась весьма широко, и его владения вполне оправдывали принятое им имя «Чингисхана», т.е. Великого хана. Такой успех в завоеваниях объясняется несомненными талантами Темучина, а также и условиями татарского военного искусства. У татар чрезвычайно была развита разведочная часть: они никуда не двигались, не зная обстоятельно о стране и жителях. А при завоеваниях они пользовались китайской системой: устраивали войска так, что на одного врага их

шло 10 голов. Подавляли числом, как подавили германцы французов в 1870 г. при Верте, Меце, Седане и др. Кроме того, татары устраивали засады, облавы, обходы с тыла и флангов. В числе азиатских особенностей было и обессиливание неприятеля, истребление массы населения в покоренной стране. В Средней Азии в один раз при разорении города истребляли сотни тысяч населения, оставляя только нужных людей, ремесленников. Употребляли татары и такой способ ослабления противника. Оставшихся в живых неприятелей они посылали в первых рядах на их же соплеменников, чем парализовали защиту противника. Вся завоеванная страна служила военным целям, а потому о благосостоянии жителей не могло быть и речи, а была забота только о подати.

В самом устройстве Орды лежали военные принципы, вроде подразделения войска на 10, 100, 1000 и беспощадного требования идти неукоснительно на смерть (казнь дезертиров). Но в политике Чингисхана были и черты гуманности. Они являлись как неизбежное следствие невозможности за всем наблюдать, всем управлять. Китайское безразличие в вероисповеданиях выразилось в законодательном памятнике татар: Чингисхану приписывают оригинальную аналогию: у человека на одной руке много пальцев, так и у Бога много исповеданий. Чингисхан даже оказывал особое уважение представителям религии. Наше духовенство не преследовалось так, как прочие граждане. Тем более это было возможно, что татары сначала были язычники, с XIV в. в их среде стал распространяться ислам и проявляться фанатизм мусульман. У татар, впрочем, и в период языческий были религиозные обычаи, общеобязательные для покоренных и, след., могущие смущать религиозную совесть, напр., прохождение чрез костры, поклонения изображениям ханов, но они имели характер скорее государственной церемонии. Вот те особенности Орды, которая завоевала Россию своим нашествием, и это нашествие кочевников было несравненно тяжелее и по количеству, и по приему завоевания, чем всякое другое. Какое же понятие имели русские о татарах, когда они приблизились к кавказским воротам? У нас сведений о татарах было очень мало, и это естественно. Чем больше государство занято вопросами внутренней жизни, тем менее ему известны внешние политические дела, и наоборот. Гармонию выдержать трудно. Возможно это только лишь в лице светлых лич-

ностей или в случае особенного развития общества, не только культурного, но и национального. У нас во время смут изучения соседей не было. Вот что говорит Новгородская летопись под 6732 г.: «Том же лете, по грехом нашим, приидоша языци незнаеми, их же никтоже не весть, то суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть и, что вера их; а зовут я татары, а инии глаголют таурмены, а друзии Печенези, инии же глаголют, яко се суть, о них же Мефодий Патормьский, епископ свидетельствует: яко сии суть исшли из пустыни Етриевския, сущи межи восток и севером, тако бо Мефодий глаголет: яко скончанию времен являлись, яже загна Геден и попленья всю землю от востока Ефрата и от Тигр до Поньтского моря, кроме Ефиопия. Бог един ведь, кто суть и отколе изидоша, премудрии мужи ведят, я добре, кто книги разумеет, муже их не вемы, кто суть, и зде вписать о них памяти ради русских князь и беды, яже бысть от них им» (Новгород. лет., стр. 39).

По Воскресенской летописи: «В лето в 6731, по грехом нашим, приидоша языци незнаеми, при Великом князе Киевском Мстиславе Романовиче, внуце Ростиславич Мстиславича. Приидоша бо неслыхнии, безбожии Моавитяне, рекомии Татарова...» (далее сходно с Новгород. лет. см. Воскресен. лет. 6731 г., стр. 129).

Есть особенности и в Тверской летописи. В ней объясняется, что нашествие татар случилось из-за гордости и хвастливости князей, их разрозненности и междуусобий. Как велика была гордость и хвастовство князей, видно из гордого ответа Мстислава Романовича Киевского: «Дондеже моя власть на Киеве, сабли не маховать от Яика до Дуная».

Татары прошли в кавказские горы, но в трещинах их они были окружены со всех сторон горцами и половцами. Проводники бежали, но для острастки оставшихся татарами казнен был один. Из стесненного положения татары вышли хитростью. С помощью подкупа татары уговорили половцев пропустить их. Вскоре обнаружился обман. Татары обрушились всей массой на половцев. Стесненные половцы обратились с просьбою к русским князьям. Половцы к тому времени значительно обрусели, и даже князья их породнились с русскими⁴⁴. Родственник половецкого князя Мстислав Галицкий собрал южнорусских князей, подчиненных ему, и решил сообща идти в по-

ход. В нем приняли участие три Мстислава: Мстислав Галицкий (Мстиславич), Киевский (Романович), Черниговский (Святослав). Войска собрано было не менее 100 тысяч, о чем можно судить того, что одних киевлян легло на поле до 30 тысяч. Русские хотели знать о новом неприятеле. Пришла весть, что татары «пришли суть подсмотреть олядии русския» (Воскресен. лет., стр. 130), т.е. посмотреть на лодки. «Слышавше Даниил Романович и вседь на конь гна, и сущии конницы и инии мнози князи с ним гнаша, видети рати: о нем же шедшим, Юрий же им сказаша, яко стрелыцы суть, пуше и половець; инии же молвяти, яко прости людие суть; Юрий же Домаречичь молвяте: «Ратницы суть и добрая воя». Общее мнение, однако, было за то, что враги неважны. Князья торопились покончить с неприятелем и рвались каждый в разброд. «И рекшим молодым князем: «Не стойте, поидем противи их». Мстислав Удалой боялся, чтобы у него другие князья не восхитили славы и бросился на татар. Последние отступали к Азовскому морю. Наконец, остановились на р. Калке. Произошла битва, причем с самого начала татары обрушились на половцев. Те в страхе кинулись назад, на русские полки смяли, и расстроили их; татарам же оставалось воспользоваться замешательством. «И бысть победа на вси князи, якаже не бывала от начало русские земли никогда же» (Воскресен. лет., стр. 131). Мстислав киевский, не успевший принять участие в общей битве, бился полдня в укрепленном стане, на горе, и сдался только тогда, когда татары пообещали сохранить жизнь сдавшимся; но татары их обманули, избili русских, а «князи имеше издавише под кладше подьдски, а сами верху сидоша обедати, и тако живот их конаша». (Новгород. лет., 1-я, стр. 41). Убили шесть князей; едва не погиб Даниил Галицкий. «И погibe много без числа люди, и бысть вопя и плач и печаль по городам и по селам». По Тверской летописи, киевлян погибло 30 тыс. Если бы было у русских единодушие, то они, несомненно, победили бы. Побывав в половецких степях, татары пошли к Волге, побили болгар и направились в Среднюю Азию. Русские думали, что это обычное явление набега диких народов. По летописи, русские не знали, откуда татары «суть пришли, и где ся дели опять» (Новгород. лет., 1-я, стр. 341). Нерешительность продолжалась до 1237 г. В 1227 г. умер Чингисхан; власть распределилась между его

сыновьями. Один из них (Огодай) наследовал Чингису в достоинстве «великого хана», а запад был отдан Джучи, но он скоро умер, оставив свой удел сыновьям. Один из них, Батый, пошел в назначенную ему область на жительство с войском и составом семейственным. В 1236 г. он подступил к России, разбил болгар и пошел на Рязань. «В лето 6745... придоша от восточные страны на Рязаньскую землю, лесом; безбожии татары, и почаша воевати Рязаньскую землю, и пленовати и до Проньска; попленивше Рязань весь и пжгоша, и князя их убиша, их же емше овы расти на хуть, другыя же стрелами растреляти в ня, а инии и паки руце связывають; много же святых церквий огневи предаша, и монастырю и села позгоша, «именья не мало обою страну взяша» (Лаврент. лет., стр. 196). Затем татары двинулись дальше; прошли Коломну, Москву, Владимир, на север дошли до Устюга, не дошли за 100 в. до Новгорода и повернули на юг; на пути были оставлены у Козельска, осаждали его 7 недель, затем пошли к Волге; утвердились у Царицына, где и основали свою столицу Сарай.

При обозрении этих опустошений возникает вопрос: как русские допустили завоевать свою землю?

Русские, за исключением небольших деревень, нигде не сдавались. Рязань татары осаждали с 16 по 21 декабря, Владимир – с 3 по 8 февраля, Козельск – 6 недель (даже 7); при осаде этого города русские во время одной вылазки избили 4 тыс. татар. При нашествии на восточную Русь татары встретили великое упорство, удивившее их. В «Русском Временнике» записана повесть о рязанском герое Евпатии Коловрате; это былина, слова в ней, несомненно, исторические. Прибежав из Чернигова на родину в то время, когда она уже представляла груды развалин и трупов, Евпатий закипел мстостью; взяв 1700 человек, он устремился вслед за татарами, удалившимися в Суздальскую землю, напал на них и бил без пощады, «бо храбр зело». Татары сделались пьяные. Мечи у русских притупились, потому что они били и били татар. Батый думал, «не мертвые ли рязанцы воскресли?». «Что вы за люди?» – спрашивал он у пяти русских, попавшихся в плен вследствие своей крайней изнуренности. «Мы христиане из Рязани, – отвечали они, – слуги Георгия Игоревича Рязанского, хотим тебя, великого царя, с честью проводить». Батый удивился и выслал на Евпатия богатыря Хоздовруля, обещавшегося взять Евпатия живым, но по-

следний рассек его «на полы», до седла; Евпатий еще «многих богатырей поби, иных до седла кроя». Батый рассердился и велел двинуть на русские «стенобитные машины». Едва не все свои силы должны были употребить в дело татары, чтобы одолеть Евпатия и его небольшую дружину; Евпатий был убит. Батый с честью отпустил оставшихся в живых, отдав им и тело Евпатия. В 1240 г. татары пошли на южную Русь, снесли Чернигов и другие места и подступили к Киеву, взяли его 6-го декабря после упорного сопротивления киевлян. Идя далее, они Кременца совсем не взяли, а другие города брали после невероятных усилий. Русские выставили из своей среды много и других героев, кроме Коловрата: Василько Константинович Ростовский, князь просвещенный, был замучен татарами за то, что не хотел изменить христианской вере.

Общий вывод из всех частных проявлений сопротивления татарам тот, что русские дорого продавали свою свободу; а это бывает при дорогой оценке своей свободы, своей цивилизации, ибо рабы плохо защищаются. Крепкое стояние наших предков за свою свободу свидетельствует о сильной живучести русского народа; он будет жить долго, а умрет, постояв за себя, татары впоследствии и узнали это.

Татары не ограничились Россией и пошли далее, мечтая выполнить программу Чингисхана о всемирном завоевании. Вторгнувшись в 1241-42 г. в Венгрию, где был королем Бэла IV, они думали здесь утвердиться. Они разделились пред походом на три группы: одна направилась в Венгрию, другая – в Молдавию, третья – чрез Галицию и Польшу в Силезию. Генрих Благочестивый с тевтонскими рыцарями встретил татар у Легницы, был разбит и сам пал, но все-таки отпор татар был настолько силен, что они уклонились назад при вести о приближении других европейских войск. Этой битвой гордятся поляки, говоря, что они спасли его западноевропейскую культуру. Но на самом деле обстоятельства не изменились даже и тогда, когда в Моравии, у Ольмюца, татары потерпели неудачу от войск чешского короля Венцеслава: эта неудача немного значила, коснувшись только одного отряда, ибо средний и южный отряд, разгромив всю Венгрию, прошел до Адриатического моря. Фридрих II, эрц-герцог австрийский, напрасно просил помощи у Европы и принужден был бежать на острова Адриатического моря. Но смерть Огодая заставили Батыя повернуть к Волге, и, благодаря только этому сплетению по-

литических обстоятельств в Средней Азии – центре татар Западная Европа спаслась.

Затем татары обрушились на Русь. Она два с половиной века выдерживала их варварство и все-таки заново создала свою гражданственность. Это воссоздание тем более замечательно, что в нем принимал участие простой народ, так как лучшая часть русского общества была истреблена во время борьбы с татарами. Строевание русской государственности происходило среди затруднений татарского ига и среди затруднений со стороны Западной Европы. Это воссоздание было мировым делом; на Русь восстали и татары, и Запад, но Русь выдержала все это и, несмотря ни на какие затруднения, создала свою государственность. В каком ужасном положении находилась Русь, когда ураганом пронесли татары по ее поверхности! Вот лишь несколько сведений из летописей о том, какие страшные опустошения производили татары в восточной Руси.

После взятия Владимира, «поидоша на великого князя Георгия окаянии ти кровопийци, и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волзе, даже и до Галича Мерьскаго; а ини идоша на Переяславль, и ть взяша, и отголе всю страну и грады многы, все то плениша, доже и до Торжку, и несть места, ни вьси, ни сел, тацех редко, идеже не воеваша городов 14, опроч свобод и погостов, в един месяц февраль, кончевающуся 45-тому лету». «Точно даже гоняшася оканьнии безбожицы от Торжку Серегерьским путем оли (т.е. дажь, и до Игнача креста, а все люди секуще акы траву, за 100 верст до Новгорода». Наконец, о взятии Козельска говорится: «Приде ко граду Козельску; будущу в нем князю младу, именем Василью, уведавше же нечестивии, яки ум крепкодушный имеют людье во граде, словесы лестными невозможно бе град прияти. Козляне же совет сотворше не вдатиси Батью, рекше: «Яко аще князь наш млад есть, но положил живот свой за ным и сде славу сего света, примимше, и там небесныя венца от Христа Бога примем. Татаром же боющимся оград, приятихотящим град, разбившим граду стену и возидоша на вал татаре; козляне же ножи резатися с ними, совет же створиша из ити на полкы татарские, и ишедше из града исекоша праща их, нападше на полкы и убиша от татар 4 т., и сами же избиени быша. Батый же взя город, изби вся, и не пощаде от отрочать до сосущих млеко; о князи Васильи неведомо есть, инии глаголати, яко во крови утонул есть,

понеже убо млад бяше. Оттуду же в татарех не смеют его нареши град Козлеск, но град злый, понеже бишася по семь недель». Точно также производили татары опустошение и в южной Руси. Положение последней было тем ужаснее, что она граничилась с степным пространством, где засели татары и где именно – в Курске было средоточие их кочевий, из которого они непосредственно управляли страной. Бахмет взял на откуп даже северские области. Он устроил две слободы во владениях Олега и Святослава, рязанских князей, которые производили смуты и из которых последний делал нападения на татар, а первый сначала действовал в союзе с Святославом, но потом был им убит. Такое же опустошение было по всей Руси. Города были разрушены, и в них погибло все ценное. Погиб многовековой культурный труд русского народа. Множество народа было перебито татарами или отведено в плен. Оставшиеся бежали, кто куда мог: и в леса, и тундры севера, в леса и болота Литвы; так что, казалось, что Русь возвратилась в то доисторическое состояние, когда славяне русские жили в лесах и трущобах. И все это, бежавшее от татар, был беззащитно; была страшная раздробленность; общины разбивались; люди оказывались или в одиночку, или в случайных сборищах; погибло едва ли не 3/4 интеллигенции, руководившей народом; остались на Руси одни только недобитки, все стремление которых теперь было направлено на спасение жизни, приобретение куска хлеба, устройство на новых местах; духа корпорации не было. В это-то время и пришлось строить государство. Самая попытка строить на развалинах служит признаком живучести русского народа. В соответствии с великими бедствиями он выдвигает из своей среды на государственное дело необычайно великих людей. Представителями попыток воссоздать Россию, попыток, в которых сказались разнообразные принципы, были: на южной окраине России – Даниил Романович Галицкий; на западе – Миндовг; на севере – Александр Невский. Даниил, даровитейший, образованнейший и высоко ставивший западную культуру, хотел воспользоваться ею, приступая к созданию русской государственности. Но хотя совмещение принципов русской и з а п а д н о е в р о п е й ской цивилизации все же вело к гибели, в данном случае только благодаря личным талантам Даниила падение галицкой государственности было задержано почти на 100 лет. Такое же совмещение цивилизации русской с европейской и даже с языческой мы видим в

Литве. На первый взгляд кажется, что здесь строение государственности было крепче, но кто прикасается к фактам, тот видит ее непрочность. На северо-востоке государственность строилась на самых оригинальных принципах. Даниил высоко ставил вопрос о свободе гражданской и мучился тем, что приходилось сносить татарское иго. Литва совсем не знала этого ига. А между тем, на северо-востоке мы видим совершенно другое. Вопрос о свободе здесь упал на самую низшую степень, и при доблестной борьбе с западом замечается преклонение пред татарским игом. Однако и при таком странном смещении принципов в северо-восточной России государственность оказывается здесь прочнее.

* * *

Литература по вопросу о галицкой государственности не богата, но зато имеются хорошие книги. Кроме «Русской Истории» Бестужева-Рюмина, есть сочинения Дашкевича «Очерки истории княжения Даниила Антоновича», «Очерки истории Литовского княжества до XV в.» и очерк того же Дашкевича «Заметки по истории Литовского государства». Первое из этих сочинений особенно важно по разбору генеалогии литовских князей, во втором же представлен тщательный свод русских, литовских, немецких и польских сказаний о Литве. Оно было переиздано вместе с другими статьями под заглавием «Монографии к истории южной России»; эти-то последствия вызвали «Заметки» Дашкевича. Сверх того, можно указать на сочинения Зубрицкого и Филевича, из которых последнему принадлежит «Борьба Польши и Литвы за Галицко-Владимирское наследство», помещенное в «Журнале Мин. Нар. Просвещения» за 1889-й г., коротко касающееся старых времен и заключающее в себе разные сведения.

Когда нахлынули татары, Даниил был на пути из Венгрии в Польшу, куда он ездил, по одним сведениям, чтобы завязать сношения с королем Бэлой, для борьбы с татарами, а по другим – он сватал за сына своего дочь короля Бэлы. Узнав о татарах, он скрылся в пределах Польши (в Мазовецком княжестве). Когда татары ушли, он возвратился в свое княжество, которое нашел совершенно опустошенным. «Даниил ови же, – говорится в летописи, – с братом пришедшу к Берестью, и не возмогоста иди в поле смрада ради

множества избиенных: не бе бо на Володимере не остал живый, церкви святой Богородицы исполнена трупья, иныя церкви наполнены быша трупья и телесь мертвых». Нужно было очищать землю от трупов, возобновлять города, вызывать из лесов остатки разбежавшегося народа. Кроме того, тогда же Даниилу пришлось считаться с разными неприятелями внутренними и внешними. К первым принадлежали Доброслав Судыч и Григорий Васильевич, которые поделили между собою Галицкую землю. Были самозванцы-правители и в меньших городах; так, когда Даниил с братом (Васильком) возвращались в Галицию, в Дорогичин их не пустили, и только впоследствии город этот был взят силою. Но более опасным для Даниила врагом был сильный князь Ростислав, сын известного черниговского князя Михаила, который, утвердившись на великом столе в Киеве и собрав около себя галицких бояр, заявил притязание и на Галицкую землю. У верховьев Буга и Тетерева существовали владения князей Болховских, которые были оставлены татарами, «да им орют пшеницу и проса» (и о которых можно читать в «Очерках исторической географии» Н. Барсова и в соч. Дашкевича). В союзе с этими князьями Ростислав собирался совершенно уничтожить Даниила. Он подходил к Бакоте, но здесь был разбит. Однако потом, опять собрав войско с помощью неверных Даниилу галицких бояр, он овладел Галичем. Хотя и на этот раз Ростислав был выгнан отсюда Даниилом и Васильком, но он не успокоился. Он призвал теперь на помощь поляков и венгров. Однако счастье не оставляло Даниила: враги его опять были разбиты на голову у Ярослава Галицкого, что было, по всей вероятности, в 1245 г. Эта победа доставила Даниилу славу, и весть об нем донеслась и до татар. По свидетельству Ипатьевской летописи, Батый, еще возвращаясь из похода в Венгрию, послал двух богатырей «возискати» Даниила. После татарского разгрома Даниил успел сделать средоточием своего княжества г. Холм. Узнав о победе его под Ярославлем, татары прислали к нему требование: «Дай Галич»; они, очевидно, хотели взять Галич, как и Курск, в свое непосредственное управление и оттуда держать Даниила в своих глазах. Когда Даниил получил известие об этом требовании, то, как говорится в летописи, «бысть в печали велице, зане не утвердил бе земле своя городы, и думав с братом своим, и поеха ко Батыеву, река: не дам полуотчины своей, поеду к Батыеву сам». В этот путь Даниил собирался, как на смерть, и сильно скорбел. О чем скорбел?

Летопись об этом говорит: «Виде, яко несть в них (т.е. в татарах) добра, видя бо обладаемы дьяволом: скверная их, кудешская бляденья и Чинзаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его волшбы; приходящия цари и князи и вельможе, солнцу и луне и земли, дьяволу и умершим в аде отцем их и дедом и матерем, водяше около куста поклоняться им». «И прииде Переяславлю, и стретоша татарове». «Оттуда же прииде к Батыеву, на Волгу, хотящуся ему поклонити. Пришедшу же Ярославлю человеку Соногурову, рекшу ему: «Братъ твой Ярославъ кланялся кусту; и тебе кланяться»; и рече ему: дьявол глаголетъ из уст ваших, Бог загради твоя уста и не слышано будет слово твое». В той час позван Батыем, избавлен бысть Богом злого их бешения и кудетьства, и поклонися по обычаю их, и вныде во вежю их. Рекшу ему: «Данило! Чему еси давно не пришел, а ныне оже еси пришел, а то добро же; пьети ли черное молоко, наше питье, кобылий кумуз? — Одному же рекшу: «доселе есть не пил, ныне же ты велишь, пью». Он же рече: «Ты уже наш же татарин, пий наше питье». Он же испив, поклонися, по обычаю их, измолвя слова своя, рече: «Иду поклонитися великой княгини Баракчинови». Рече: «Иди». Шед поклонися по обычаю: и присла вина чюм и рече: «не обыкли пиити молока, пий пиво». Дальше следует классическое место, характеризующее взгляд русских на татарское иго: «О злее зла честь татарская! Данилови Романовичу князю бывшему, обладавшу русскою землею, Киевом, и Володимером и Галичем, собратом, и инеми странами: ныне сидит на колену и холопом называется, и дани хотят, живота не чае, и грозы приходят. О злая честь татарская! Его же отец бе царь в русской земли, иже покори половецкую землю и воева на иные страны все сын того не прия чести: то иный кто может прияти». Наконец, говорится о возвращении: «бывшу же князю у них онии 20 и 5, отпущен бысть и поручена бысть; и приде во землю свою, и срете его брат и сынове его, и бысть плачь обиде его, и большая же бе радость о здравии его». Само собою разумеется, что такой князь, как Даниил Галицкий, не мог забыть о свободе и примириться с рабством. Впрочем, на западных соседей Даниила поездка его и позор раболепства пред татарами произвела совершенно другое впечатление: они стали смотреть на Даниила как на весьма сильного человека. Венгерский король Бэла IV, который прежде отказывался выдать дочь свою Констанцию за сына Даниила Льва, теперь сам прислал к нему предложение. В 1253 г. другой сын Даниила Роман женился на племяннице умершего герцога австрийского

Фридриха Гертруде и при этом получил в приданое австрийское герцогство. А так как последнее оспаривали чехи в пользу своего короля, то Даниилу пришлось воевать с ними. Этот поход его в Австрию в летописи описывается так: «Даниило же приде к нему (королю венгерскому), исполчи вся люди татарскому: беша бо кони в личинах, и в коярах кожанех, и людие воярыцех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающаяся. Сам же еха подле короля, по обычаю русску: бе бо конь под ним дивлению подобен, и седло от злата жжена, и стрелы и сабля златом украшена, иными хитростьми, якоже дивиться, кожих же оловира грецкого и кружевы. Златыми плоскими ошить, и сапозы зеленаго хуза шити золотом. Немцем же зрящим, много дивящимся, рече ему король: «Не взял бых тысяч серебра за то, оже еси пришел обычаем русским отцев своих»; и просился у него в стан, зане зной бе велик дне того. Он же я и за руку и веде его в палату свою, и сам соволочашеть и в порты свое; и такую честь творяшеть ему». В столь же близких сношениях находился Даниил с польскими князьями; он часто съезжался с ними, и они признавали за ним старшинство и право первого нападения на врагов Ятвягов, впрочем, больше из политических соображений, чем искренно. «Сотворивше же совет», – говорится в летописи, – вси князи Рустии и Лядстии, и реша мужи браннии (Даниили): «Ты еси король, голова всим полком; аще нас послети наперед кого, не послушно есть, веси бо ты воинский чин, на ратех обычай ти есть, и всякий ся тебе усрамит и убоится; изиди сам наперед», Ятвягов Даниил так смирил, что они стали платить дань. Он имел могущественное влияние и на всю Литву, сам был женат на родственнице Миндовга, а сын его Шварн – на дочери Миндовга, и Миндовг до такой степени был расположен к Даниилу, что дал другому сыну его Роману Новгородок (Литовский). С действиями Даниила сообразовалась даже языческая Жмудь. Даже немецкий Ливонский Орден подчинялся его влиянию. Из летописей можно заметить, что Даниил желал славы в политических делах. Но он имел при этом и практические цели. Всеми этими путями он собирал силы для свержения татарского ига. Но если Даниил обратился к зап. соседям, то, чтобы соединить их и владеть ими для своих целей, он должен был иметь на своей стороне папу. Папа, действительно, выступает на сцену. Нужно заметить, что татары выступили с программой завоевать весь мир, и их хан сообразно с этим носил гордый титул, заимствованный у

китайцев, – «сын неба». И вот когда татары дошли до Зап. Европы, то, естественно, должны были произойти столкновения между двумя сторонами, исполнявшими с двух концов одну и ту же программу: ведь и папы стремились не более, не менее как к всемирному господству. Действительно, папы тотчас же сочли нужным войти в сношения с владыками татарского мира, чтобы убедить их признать верховную религиозную власть папы и этой-то власти подчинить свое всемирное – в идее – господство. С этой целью был послан в Орду Плано-Корпини. В 1246 г. папский посланец проезжал чрез Галич. Он вошел в сношения с Даниилом, говорил ему, что если Даниил примет унию, то папа поднимет крестовый поход против татар. Даниил, так лелеявший мечту об освобождении от татарского ига и всюду изыскивавший средства для ее осуществления, с радостью принял предложение. Но папа слишком круто повернул дело и еще до исполнения своих обещаний поспешил воспользоваться плодами соглашения с русским князем: в Галич был назначен папский легат для устройства унии. Но Даниилу нужен был поход, а не уния. Папа попытался устроить и поход, издал послание с проповедью о нем; между тем, Даниилу прислал королевский венец. Но проповедь не действовала, а Даниил не хотел ни о чем думать, кроме татарского вопроса: «На что мне венец королевский, говорил он папе, когда татары грозят каждую минуту». Правда, после двукратного отказа он уступил просьбам матери и своих друзей – польских князей и в 1254 г. короновался (в Дрогичине). Но он уже ясно видел, что надежду на Западе нужно оставить и прекратить все сношения с папой.

Однако от заветной мысли своей он не отказался и стал собирать собственные силы для ее осуществления. Обстоятельства ему благоприятствовали. Умер Батый, пошли слухи о замешательствах в Орде, а между тем, правителем южной Руси был татарин Куремса, человек очень слабый. Даниил открыто начал действовать и очищать свою землю от татар. На эти порывы к свободе отзывались и на севере России. И в Тверском княжестве Ярослава Ярославовича жила идея поскорее освободить Русь от тяжелого ига. Летописец замечает, что Даниил совсем не боялся татар и открыто бил их. Так, татары взяли Бакоту, а Лев Даниилович выгнал их оттуда, причем и баскака татарского взял

в плен. Куремса приходил к Кременцу, но был отражен. Но когда Куремса был сменен и на его место назначен старый, опытный воитель и сподвижник Батые Бурундай, обстоятельства приняли другой оборот. Бурундай обратился к обычной татарской политике губить врагов, заранее разъединивши их силы. Он велел Даниилу идти войною на Литву, т.е. бить своих союзников. И действительно, Василько воевал Литву с Бурундаем, но сам Даниил от этого уклонился. Бурундай, однако, этим не удовлетворился и в следующем году потребовал, чтобы князья явились ему на поклон. Даниил в это время был на свадьбе во Владимире Волынском. Веселье сменилось печалью. Общим советом было решено, что Даниил сам опять не поедет, а пошлет вместо себя к Бурундаю своего брата Василько, сына Льва и епископа Холмского Иоанна. Чтобы показать свою верность и повиновение татарам, Василько побил на пути отряд литвинов и привел к Бурундаю «сайгат». Кроме того, принесены были ему большие дары для смягчения его гнева. Бурундай страшно рассердился на Василька и приказал татарам разметать наиболее укрепленные города. Разрушен был Кременец, Львов, Луцк, Владимир и др. Уцелела лишь новая столица Даниила – Холм. Даниил принужден был удалиться на запад, в Польшу, а потом в Венгрию. От Холма татары вместе с русскими двинулись и разорили Польшу до Сандомира. Могущество Даниила упало. Последние годы Даниил провел тихо, восстановив союзы с Литвою и Польшею. Нравственные томления страшно угнетали его, и в 1263 г. он скончался в великом горе. Наша старая Русь редко выдвигала из своей среды таких людей. Этот князь обладал большим умом, был великим политиком и храбрым воителем. Он сам старался все видеть и знать. Его любовь к Руси уравнивает его с Владимиром Мономахом. Он был образованнейшим из людей своего времени и обладал замечательною мягкостью характера и добротою. В последнем отношении он составляет резкую противоположность своему отцу; в этом, главным образом, сказало материнское воспитание. При всех этих качествах Даниил при смерти, вероятно, сознавал, что напрасно он обращался за помощью к Западной Европе и что это было главной причиной неудач его государственного строения. Даниил без разбора принимал к себе, в свое государство, и немецких колонистов, и жидов. При этом колебалась важнейшая сила Галицкого княжества – православие, ибо без согласия на унию Даниил не мог рассчитывать на помощь Запада. Неуди-

вительно, что после его смерти Галицкое княжество стало клониться к упадку, хотя и просуществовало еще 100 лет.

После Даниила остались 3 сына: Лев, Шварн, Мстислав и родной брат Василько. Галицкое княжество еще при жизни его делилось на две части: Галицкую и Волынскую. В последней княжил Василько, а по смерти последнего (в 1270 г.) – сын его Володимир; Галиция же собственно разделилась между 3 братьями, причем Мстислав владел частью Волынского княжества. Продолжателем Даниилова дела был Василько, но и он скоро скончался после смерти Даниила. После него остался наследником сын его, Володомир, который был бездетен и умер от особенной болезни (рака). Умирая, он предоставил жене своей полную свободу идти в монастырь или вновь выйти замуж. Володомир могущества княжества Галицкого поддержать не мог. Все зависело от старшего сына Даниила – Льва. Это был князь неукротимый по своему характеру. Так, например, он убил монаха Войшелка, сына Миндовга. К тому же он скоро понял, как при татарском владычестве возможно достигнуть самодержавия, а потому часто наводил татарские полчища на Литву и на своих братьев, разрушая таким образом дело своего отца. Владимир умер в 1289 г., а в 1301 г. – Лев.

Могущество княжества сильно пошатнулось. Оставался сын Льва Юрий, который мог бы действовать, но уже было поздно. Потомство Даниила было близко к концу: оно прекратилось, кажется, сыном Юрия – Львом. Называют некоторые еще Юрия II, будто бы сына Льва Юрьевича, но вернее, что этим именем назывался Болеслав Тройденович Мазовецкий, севший в Галиче в качестве ближайшего родственника угасшего дома Данииловича: он был сыном сестры Льва. На Волыни последним из Романовичей был Андрей Владимирович; при нем муж сестры его Любарт Гедиминович получил в удел Луцк, а после него наследовал и владимирово-волынский стол. Таким образом, собственная Галиция подпала под влияние Польши, а Волынь стала склоняться к Гедиминовичам Литовским.

* * *

Источниками истории Литвы служат следующие сочинения: 1) «Очерки истории княжения Даниила Галицкого» Дашкевича; это сочинение особенно важно при разборе генеалогии династий литовских князей; 2) «Очерк истории Литовского княжества до середины

XV века» Антоновича – самый тщательный свод русских, литовских и польских известий (между прочим, здесь установлено, что Киев был завоеван Литвою при Ольгерде, а окончательно даже при Витовте). Это сочинение переиздано вместе с др. сочинениями под заглавием «Монографии к истории юго-западной России»; 3) «Критические замечания на соч. Антоновича» Дашкевича (им взятие Киева отнесено к 1332 г., т.е. при Гедимине). Далее в 1885 г. было издано сочинение «Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы» Барбашева. Из исторических целых курсов сведения о Литовском государстве можно найти в 2-томном сочинении Иловайского и в 3 томах (1. Холмская Русь, 2. Волинь, 3. Литва и Белоруссия) Батюшкова (текст проф. Петрова с поправками проф. Малышевского); изложение здесь популярное, но указания на источники придают ему научное значение⁴⁵. Для польской истории в Краковской Академии во Львове также очень много наработано.

Замечательно, что государственность в Литве начинается именно там, где уже было сильно русское влияние. Громадное обрусение Литвы производилось без всяких искусственных мер, а простым прикосновением русских элементов к литовцам, и держалось оно упорно. В 14-м и 15-м томах «Актів Виленск. археогр. комисии» собраны документы, касающиеся частного и домашнего быта из самой середины Литвы, где теперь чистый литовский язык. По времени от XV-XVI и даже XVII веков эти акты были писаны отчасти на латинском и польском языках, но главным образом на русском. Из этих же актов видно, что люди низших классов нередко носят фамилии аристократические, что и до сих пор замечается. В предисловии этого издания высказано весьма важное предположение, что когда на Городельском сейме раздавались литвинам дворянские гербы под условием принятия католичества, то многие православные литвины отказались переменить исповедание и потому лишились своего привилегированного положения.

Вначале представим здесь влияние русской цивилизации. Сын Миндовга Войшелк принял не только православие, но и монашество. Он был сильным проводником русского направления в Литве. В то же время это сближение выразилось и в том, что племянник Миндовга Товтивил княжил в Полоцке. Брат Гедимина носил чисто русское имя Воин и был православным. Чрезвычайно успешно действовало в Лит-

ве русское влияние и из Галиции. И в этом отношении было бы сделано еще больше, если бы Даниил вместо того, чтобы смотреть на Запад, все свое внимание обратил в сторону Литвы. Начало могуществу Литвы положил Миндовг. Он принадлежал к типу основателей государств в варварские времена, а потому не останавливался ни перед какими средствами для достижения своих целей. Начал он с избияния родственников; последние обратились с жалобой к Даниилу и немцам. Угрожаемый с двух сторон, Миндовг, чтобы спастись, предложил папе чрез рыцарей принять христианство; папа обрадовался и прислал ему в 1252 г. королевский венец. С Даниилом Миндовг тоже вскоре помирился, но не надолго: когда Василько принужден был с татарами разорять Литву, Миндовг со своей стороны начал враждебные действия против Даниила. Около того же времени он рассорился с немцами, которых долго обманывал, вторгаясь в землю ордена, вызвал восстание пруссов, разбил самого магистра Ливонского и торжественно отрекся от христианства. Последнее, однако, не помешало сближению его с Даниилом; дочь его была за сыном Даниила Шварном, а младшему сыну его Роману он отдал Пинскую и Городненскую области, лежавшие на северо-западе от Новгородка. Связями с орденом он погубил свое значение внутри Литвы, особенно тем, что отдавал ливонским рыцарям целые области (Жмудь) и даже завещал им всю Литву, если у него не будет наследников. Язычники озлобились на него до того, что и отречение от христианства не помогло Миндовгу: в 1263 г. он был убит одним из заговорщиков – князем Довмонтом, впоследствии князем Псковским, христианином.

После этого в Литве наступают смуты; выступают поборники то русского, то нерусского направления. Сын Миндовга Войшелк сбросил монашескую рясу и начал расправляться с убийцами своего отца. Войшелк завещал Литву зятю своему Шварну, сыну Даниила Галицкого. Шварн вскоре умер (1267 г.). В 1270 г. выступает сильный представитель языческой партии Тройден. После него начинается новая династия в лице Витена (1283–1315) и знаменитого брата его Гедимина (1315–1341). Деятельность этого князя замечательна. Русский элемент так ясно выступил в его появлении, что даже посторонние люди, рыцари замечали перемену в военном строе; иначе стали сражаться литовские войска; иначе стали защищать крепости. Этому всему их научили русские. Из русских же выдвигались необыкновенные люди, такие как, например,

князь Давид Городненский, который нападал и на ливонских, и на прусских рыцарей, и везде их побеждал. Гедимин благодаря этому распространил власть свою на север – за Двину, на восток – за Днепр, на юг – до Житомира и за Припять. Вернее всего, что при нем и Киев перешел под литовскую власть, а не при Ольгерде. Литва знать не хотела татарского ига. Предполагают, что Гедимин будто бы терпел татарское иго; взявши Киев, он будто бы остановил там власть татар, что весьма сомнительно. По всему не видно, чтобы литовские князья признавали татарского хана.

Тогда же Гедимин задумал ослабить величайшую беду литовского племени: ливонских рыцарей, оставивших своею целью обращение в христианство (в форме латинства) литвинов-язычников, а вместе с ними и православных. С этими якобы просветительными целями рыцари постоянно нападали на государство Гедимины. Он же выставял сначала против них русскую силу, но впоследствии решился вооружиться против врагов и западноевропейскою техникой. Владея Полоцком, женив своего сына на витебской княжне, распространив свою власть на Киевскую и Волынскую области, он, естественно, желал вступить в сношения с Западною Европою для целей чисто торговых – по Неману. Но кроме них, были и другие цели: он хотел избавить свое государство от постоянных вторжений рыцарей и по возможности уничтожить саму причину их существования подле него. Он вступил в сношения с рижским епископом, выразил полную готовность принимать торговцев (из городского сословия рыцарей), позволял им строить костелы в Литве и т.п. Епископ ухватился за это позволение. Через него открылась для Гедимины возможность вступить в сношение с Ганзейским союзом; через него же пришлось Литве иметь дело с монахами-доминиканцами и францисканцами и даже с самим папою Иоанном XXII. Связаться с папою – то же, что с жидом-торговцем: скоро не разделаешься... Папа прислал к Гедимину посольство, которое прямо поставило ему вопрос: когда и как он примет христианство и распространит его в своей стране? Гедимин отвечал, что он вовсе и не думал об этом, что он остается в той вере, в какой родился, а входя в сношения с Западом, ищет совсем другого. Ему указали на то название, которое он «употребил по отношению к папе – «отец». Он отвечал, что назвал этим именем папу потому просто, что он старше его. «Я, говорил он, всех называю отцами, кто старше меня по годам, а кто одних лет со мною, тех я

называю «братьями». Он даже будто бы выразился на все эти вопросы и требования послов папы еще резче: «Если я обещался креститься, то пусть меня сам черт крестит» (грамоту Гедимины переводили на латынь католические монахи, и, очевидно, немало сочинили). Но этот вопрос, оставшийся нерешенным, имел впоследствии весьма важное значение. Ливонские рыцари нашли в нем для себя повод открыть военные действия. Война с ними продолжалась целых семь лет. Чтобы отразить врага, Гедимин вступил в сношения с представителем польской династии Владиславом. Он выдал за него свою дочь Альдону и заключил союз с ним против рыцарей (1325 г.). Теперь он мог уже напасть на прусский Орден. Все последние годы своей жизни он провел на поле битвы и умер (был убит) при осаде одной крепости (1341 г.). После него Литва чуть не разделилась между его сыновьями, которых он оставил восемь. В этих обращениях Гедимины то к русской силе – на восток, то к западу, то к своим собственным литовским силам мы видим колебания литвина того времени: у него имелось в виду три силы – православие, католичество и собственная народная религия – язычество. Это язычество Литвы производило постоянную дисгармонию в ее исторической жизни; пока в ней распространялось православие, Литва естественным мирным путем шла к обрусению; но как только она обращалась к Западу, ей постоянно приходилось считаться с интересами рыцарей. Преемником Гедимины, почти единодержавным в Литовском государстве (хотя и в ограниченной форме) был Ольгерд. Необходимость для сохранения самостоятельности Литвы опираться на различные силы заставила Гедимины разделить Литовские государства на два, так сказать, направления: одну из указанных Гедимином задач – смотреть на восток и взял на себя Ольгерд, сын православной княжны, крещенный в православие еще в детстве. Другую задачу – стоять за самостоятельность Литвы против Запада и прежде всего против рыцарей он поручил своему брату Кейстуту. Братья были связаны между собою весьма тесно общностью интересов и взглядов. Кейстут был язычником, хотя строил и монастыри, был беззаветно храбр и неустрашим в борьбе с рыцарями. Ольгерд распространял свое влияние на восток: под его власть окончательно перешли Киевская область, также Подолия (кроме Волыни), Северское княжество и часть Смоленского. Он подвинул свои владения далеко и за Днепр. Они примыкали к Можайску и

даже к Коломне. Под его покровительством были Новгород, Псков, Тверь. Ольгерд ясно понимал, что главнейшая сила, которая тянет население на восток, — это не только народность, но и православие. При Дмитрие Иоанновиче митрополитом Московским был необычный святитель Алексей, человек, в высшей степени любивший свое Отечество. Влияние этого лица должно было быть сильным не только на русских православных людей, но и на православных литвинов. Ольгерд хорошо понял это. Вот почему он, воспользовавшись смутами из-за разделения русской митрополии, выставял своих кандидатов (Романа, Даниила) и требовал особого митрополита для Литвы. Ольгерду так же, как и Гедимину, пришлось поведаться с Западной Европой, латинством и язычеством. Вскоре после своего утверждения на престоле ему пришлось поневоле признать языческий склад Вильны. Три царедворца — Антоний, Иоанн и Евстафий приняли православие. Языческие жрецы, испуганные этим, убедили Ольгерда выдать на мучение отступников. Ольгерд согласился, и эти первые литовские христианские мученики были преданы смерти (1347 г.). Замечательно, что языческие имена этих святых мучеников — Круглец, Кумец и Нежило — чисто славянские (это значит, что они прежде принятия христианства обрусели). Впрочем, этот взрыв потухающего язычества был настолько мимолетным, что нисколько не мешал русской силе утвердиться в Вильне. Другое отношение обнаруживали виленцы к латинству. Когда один вельможа по имени Гастольд построил в Вильне латинский монастырь, то население города было так возмущено, что перебило всех монахов и разрушило костелы. Ольгерд наказал главных виновников этого волнения по той причине, что поступок их, оставшись безнаказанным, мог вызвать нежелательные для Литвы нападения ливонских рыцарей. Наши летописи весьма хвалят Ольгерда за то, что он «не пияше вина», отличался умом и чрезвычайной скрытностью (никто не знал, на кого идет войною Ольгерд, и потому приход его был всегда неожиданным). Отличаясь этими качествами, Ольгерд был также чрезвычайно щекотлив к своей чести; так, он ходил на Новгород войною только за то, что новгородский посадник позволил себе называть его «псом».

Русское направление Ольгерда было так сильно (он построил Пречистенский собор, в котором и похоронен, принял даже схиму пред смертью), что в ближайшее за ним время можно было,

казалось, ожидать полного обрусения всего Литовского государства. Это можно было ожидать еще и потому, что пред своею смертью Ольгерд особенно покровительствовал своему сыну Ягайло от русской (Тверской) княжны (Юлианы), человеку, казавшемуся совершенно русским и который легко мог бы найти поддержку в других литовских князьях, из которых многие были православными (Андрей, Дмитрий и даже Витовт). Но, к несчастью, сам Ягайло обладал только желанием быть великим князем, но не имел тех дарований, которые имели его отец и дед, стоял гораздо ниже своего дяди (Кейстута) и двоюродного брата. Дать правильное направление ходу дела он оказался совершенно бессильным, а потому он воспользовался первым предоставившимся обстоятельством, чтобы повернуть политику в совершенно другую сторону. Ягайло получил от польских магнатов предложение жениться на Ядвиге, дочери венгерского короля Людовика. Вследствие этой женитьбы Ягайло делался великим князем Литвы и Польским государем. В 1386 г. он согласился быть польским королем, жениться на Ядвиге, соединить свое государство с Польшей и просветить его латинством (имелся в виду не только литовский языческий элемент народонаселения, но и православные). Литовские удельные князья поддались этим намерениям (только Андрей и Дмитрий восставали), потому что надеялись сбыть Ягайло в Польшу и из своей собственной среды выдвинуть кого-нибудь на престол.

Но Ягайло, коварно погубив Кейстута, стал напирать и на Витовта, так что последний бежал из Литвы. Между тем, началось усиленное обращение Литвы в латинство, причем язычников самым бесцеремонным образом заманивали и загоняли для крещения. С православными обращались по-варварски. Так, было объявлено, что в случаях смешанного брака обоим супругам надо было принять католичество, и к этому побуждали розгами. По мнению не только польских, но и русских книг, западная цивилизация проникла в Литву через Польшу. И пока один Дашкевич высказывает ту мысль, что цивилизация эта была недоброкачественна, ибо была направлена к разработке личных прав. Лица латинского вероисповедания были освобождаемы от феодального склада жизни; в своих имениях они имели права на все, что запрещалось другим, так, они могли продавать землю, выдавать замуж дочерей и т.п. без ведома князя. Этим

вводилось папство. Пред влиянием национального и религиозного давления литвины стали волноваться, и этим воспользовался Витовт, чтобы завладеть Литвой. Становясь, смотря по обстоятельствам, то на одну, то на другую сторону партий, он ввел в жизнь теорию компромиссов между разными элементами Литовского государства. Сам он был сначала язычником, потом православным и, наконец, католиком. Но заветная мысль отдалиться от Польши не покидала его, а потому с целью усилить Литву он делал завоевания на востоке; он покорил Смоленскую область; укрепил свою власть в Северской и Рязанской; влиял даже на Новгород и Псков. Рядом с этим он задумал сломить могущество юго-восточных татар Эдигея и уже вместо него владеть Москвой. В 1399 г. на берегах Ворсклы он дал битву татарам, но потерпел страшное поражение за то, замечает один западнорусский летописец, что отступил от православной веры.

На западе в это время было то же гнездо, причем не менее надоедливое западным славянам, чем татарское гнездо русским восточной Руси. Это было немецкое гнездо прусских рыцарей, от хищничества которых изнемогала и Жмудь, и таяли славянские силы. Явная беда заставила не только Витовта, но и Ягайлу стать выше всех личных счетов. Становились выше племенных счетов и народы их государств – русские, поляки и литвины. Пошли на эту борьбу с немцами полочане, витебляне, смольняне, подоляне и др. Битва с немецкими рыцарями произошла в 1410 г. у Гринвальдена, и была она как бы воспроизведением битвы Куликовской. На нее она походила не только объединением громадных и разнородных сил и важностью исторической задачи, но и самим ходом своим. Одни русские полки и особенно смольняне со своим князем Юрием устояли и выдержали все немецкие удары и спасли дело. Рыцари понесли страшное поражение, но Витовт боялся окончательно уничтожить их, ибо не хотел оставить Польшу без врага и таким образом дать ей возможность окончательно завладеть Литвою. Из этого остатка немцев выросла змея славянства – Пруссия. В то же время Витовт желал отделиться по возможности и от Востока, главным образом, в церковных делах. Поэтому он просил патриарха Константина поставить отдельного митрополита для Западной Руси, а именно Григория Цамблака, которого и послал на Константинопольский собор с целью завести, по мнению доверчивого летописца, приемлемые отношения с папой. Поляки, со своей стороны, также стали сильно думать о том,

как бы окончательно привязать Литовское княжество к Польше и прежде всего всё высшее общество. Говорят, что германский император Сигизмунд присоветовал Ягайле следующее средство: дать знатнейшим литовцам польские гербы, соединенные с разными преимуществами, и этим как бы породнить их с поляками.

Между тем, Витовт под предлогом войны с турками созвал в 1429 г. сейм (в Луцке), пригласив государей: Московского (Василия Вас. с князьями Тверским и Рязанским и митрополитом Фотием), Германского императора Сигизмунда и Польского короля, а также магистра Ливонского ордена. Здесь велась речь о королевском венце для Витовта; сопротивление этому польских вельмож и Ягайлы расстроило дело. Сигизмунд был на стороне Витовта. Но и второй съезд⁴⁶ (с участием Ягайлы) неудачей окончился: поляки перехватили посольство с короной и пр. регалиями. Неудача так подействовала на старого (более 80 лет) князя, что он вскоре (27 окт. 1430 г.) скончался.

После смерти этого великого человека, всю жизнь не покидавшего мысли о величии Литовского княжества, но из-за многих крупных ошибок ничего существенного не добившегося, Литва лишилась окончательно своей самобытности. Непрочность самостоятельности Литвы объясняется двойственностью ее начал – латинством и православием.

* * *

К пособиям по истории государственного строения в восточной России после татарского разгрома относятся: Экземплярский «Великие и удельные князья северо-восточной России», т. 1, которое представляет собой тщательный свод летописных известий о той поре. Этой же теме посвящено сочинение Арцыбашева «Повествование о России».

Татарский разгром в восточной Руси отразился такими же последствиями, как и в юго-западной страшным опустошением, истреблением массы живых людей и перемещением народонаселения; как из юго-западной Руси все, что могло спастись, устремлялось в Литву, так и здесь кто мог – уходил на север в леса, болота и тундры. В нашей истории подобные явления повторяются, прежде же было сказано, что вследствие нашествия кочевников на юге Руси жители ее прятались на севере в лесах. Таким образом, вследствие неблагоприятных обстоятельств вся наша позднейшая история пред-

ставляет собой выход из лесов на черноземную почву. В бедственные времена татарщины, в ужасное время Иоанна IV и в смутное время русской истории русский народ, прорываясь на юг в казачестве, прорывается также и в Азию, совершает геройские подвиги, приносит страшные жертвы, осуществляет завоевания.

В наше время замечается то же, что может служить мерилом нашей цивилизации: мы не только производим завоевания в Азии, но русский народ, размножаясь внутри страны, уходит на восток под напором новейших цивилизаторов – точно других кочевников, явившихся на смену древним...

Нам нужно показать, как после татарского разгрома, когда едва ли оставалась общественность, русский люд, сохранившийся в очень малом числе, мало-помалу создал могущественную державу, явившуюся в истории с громадною силою и теперь еще вырастающую пространственно и количественно. При разрешении этой задачи постепенно приходится убеждаться, что та цивилизация, которую провозглашают мировую, есть в большинстве случаев только цивилизация

западноевропейская, и нам она непригодна. Нам постоянно приходится самостоятельно выбирать между востоком и западом, и этот вопрос пришлось в первый раз решить великому печальнику русской земли Александру Невскому.

Нельзя не заметить великую разницу в положении северо-восточной и юго-западной Руси после татарского ига. Эта последняя была ближе к татарам, граничила со степями, которые были весьма удобны для татарских поселений, татары засели даже в Курске и очень часто наведывались в русские области. В восточной России труднее было заселить татарам, ибо она была отдаленнее от татарских кочевий и ее ограждали леса и болота. Поэтому-то на юго-западе России не могло выработаться прочной государственности. Татарский разгром был как бы сигналом для литовцев, ливонских рыцарей и шведов предпринять нападение на северо-западные области Руси – Псковскую и Новгородскую. Нападения эти делались и прежде, но теперь они обнаружили особенную энергию, воспользовавшись плохими обстоятельствами соседей. Но что еще важнее, так это то, что к этому посягательству на русскую землю пристал папа и возбудил у захватчиков новую энергию... Я говорил уже, что великий по притязаниям на владение вселенною папа, увидев вели-

кого по притязаниям на гражданскую власть хана, задумал войти с ним в (союз) сношения и в то время как татары наложили на русских материальное иго, он надеялся даже при помощи татар наложить на них религиозное иго. Уже говорилось о том, как по пути к татарам папский посол Плано Карпини вступал в переговоры о соединении церквей с Даниилом Галицким. Едва только Миндовг стал образовывать Литовское государство, как папа издал бумагу, предписывавшую ему покорять русских; он воодушевлял рыцарей обращать русских в латинство и укорял за их терпимость к православию: равным образом и шведы приглашались сюда воевать во славу своей церкви и веры. Таким образом, русским приходилось отбиваться с двух сторон – с востока и с запада. Они сознавали всю тяжесть неприятельских притязаний, особенно в сфере религиозной. В летописях сохранился печальный отголосок сознания злокозненности этих замыслов западноевропейских людей. Софийский сборник так выражается о шведах: что «король, части римские от полунощные страны помысли в себе: поиду и пленю землю Александрову», а о рыцарях, что «они говорили: укорим язык Словенск».

Сохранились памятники о сношениях папы Александра IV с Даниилом Галицким; в 1246 г. папа шлет послание Александру Невскому, в котором говорит, что, зная его доблесть, он приглашает его устроить соединение церквей. В летописи сохранилось известие об этом послании папы и о том, что ответили ему. Ответ этот с западной точки зрения без сомнения может представляться весьма невежественным; но в действительности он представляется очень умным. Он, в существе дела, есть распространение ответа, данного римским послам св. Владимиром. В летописи говорится, что «великий князь Александр, приняв посольство и сведавшись с мудрецы своими, – написав вся от Адама до потопа, от потопа до изшествия из Египта, а от изшествия из Египта до Рождества... сказал: сия вся свем, а от вас учения не приимаю».

Это показывает, что в северо-восточной Руси при всей, по-видимому, невежественности этого времени, очень хорошо понимали, чего нужно было остерегаться. Совершенно естественно, что тут должна была завязаться самая жестокая борьба с Западом, потому особенно, что тут была самая свободная русская область – Новгород, не знавший никогда никакого ига.

Русская свободная страна, не знавшая татарского разгрома, вступает в отчаянную борьбу против порабощения церковного и гражданского, и здесь вырабатывается программа того, что нужно забыть разделения, добровольно отказаться от своей свободы и навлечь на себя татарское иго и под его прикрытием отбиться от внутренних злодейских покушений со стороны папы. Народ принимал на себя подвиг истинно-христианский. Задача представляла страшные трудности для удовлетворительного разрешения. Как бы в соответствии с трудностями этой задачи, русская жизнь для выполнения ее дает этой области необычайную личность, стоявшую на уровне, а иногда и выше, не только с Миндовгом Литовским, но и Даниилом Галицким. Александр Невский становится выше воззрений лучших людей своего времени (он положил начало вековой политике преемников своих). Необходимо ознакомиться с биографическими подробностями этой личности. Самая лучшая биография его дана в житии. Нам важна не столько подлинность жития, сколько свидетельство ближайших и дальнейших к этому времени лиц, что оно обнаруживает широту и прочность взгляда. В нашей литературе Александр Невский оценен прежде всего церковью (она признает его святым); в гражданской же литературе оценка его неверна, и здесь встречаются два камня преткновения: а) отношения его к брату Андрею Ярославичу и

б) восстание в Новгороде. В житии говорится: «Сей бе велик человек Александр: возраст его других человек, и очи его и лице его, яко лице Иосифа Прекрасного (характерные понятия), сий великий князь везде побеждая, сам же не где не побеждаем». Этот замечательный человек выступает на защиту Новгорода, где был князем с 1236 г. Первая борьба его произошла со шведами, которые в 1240 г. под предводительством Ярла Бюргера двинулись в Новгородскую область «со бискупы своими» (см.: 1-я Новгород. летопись). За это последние заплатились 15 июня (1240 г.) в день св. Владимира, которого князь особенно чтил. В этот день Александр Невский поразил их наголову у устья Невы. Но когда происходило это, ливонские рыцари торжествовали победу над Псковом, заставив его признать тягостнейшие условия; они были даже в 30 верстах от Новгорода, а между тем и после этой победы новгородцы плохо оценили заслуги Александра Невского, дали силу противной партии, и Александр уехал в Торжок. Но вскоре они опять обратились к князю, и он в 1241 г. про-

извел нападение на Капорье, где немцы устроили крепость, «изверже град из основания, а немец изби, а иных приведе в Новгора Чудь всю переветник извыша». На сей раз новгородцы опять разошлись с Александром, и он удалился в Суздальскую область, но через короткое время он опять почувствовал нужду в нем. В 1242 г. он очистил Псков от немцев, потом один его отряд вошел в немецкую область, но неподалеку от Юрьева был разбит. Немцы обрадовались этому и с громадным войском двинулись к Пскову. На Чудском озере последовало Ледовое побоище, где немцы своим обыкновенным строем – «свиней» врезались в русские полки, но Александр Невский ударил сзади и так их поразил, что 400–500 рыцарей пало «вельми много Чуди поби без числа», много было взято в плен, и немцы к величайшей радости Новгорода и Пскова пошли на мировую. Это, собственно, заставило задуматься летописца, а из Новгорода раздался голос, неприятный для Пскова, заподозривший их доблесть. Летописец, от которого раздался вышеуказанный голос, говорит, что Псков допустил такие бедствия, и счел нужным обратиться к ним с такими поучениями: «О, невелигласи, Пековичи, аще забудете добро и до правнучат великого князя Александра Ярославовича уподобится жидован и наречетеся вторая жидова»... Мы увидим, что этот укор был очень жесток, что и без этого напоминания они понимали свое благо, и наложил обещание не забывать этих заслуг в лице потомков Александра Невского. Александр Невский поражал литовцев, доходя даже до Витсбена, так что они боялись имени его. Слава его распространилась далеко – «нача слыти по всем странам от моря Хурожского (Суражского-Азовского) аль до Рима Великого (не папского, а императорского). Сего ради некто от западные страны, иже нарицаются слуги Божии, прииде в Новгород, хотя видети возраст Александров дивный; видево Андреш князя Александра, и к своим возвратися и рече: пришед страны и языки, не видах такового ни в царех, ни в князех князя». В 1246 году Александр ездил к Батю; слава его возросла даже среди татар. Батый удивился представительной внешности Александра Невского; жены «Моавитские» именем его пугали своих детей: «Молчи, Александр Невский едет». Слава его как борца за русскую свободу росла еще тогда, когда он должен был, отправившись на восток, признать татарское иго.

Будем говорить о наиболее трудных делах Александра Невского, трудных для него, но трудных и в научном отношении, ибо тут мы

встретимся с такими делами, которые называются злыми, и с этими-то злыми делами приходится считаться в жизни человека святого. Впрочем, науке нет оснований отвергать худые дела в жизни человека святого, тем более, что святости нередко предшествует глубокое падение: вспомним хотя бы Марию Египетскую. В истории мы ведаемся с людьми и их делами, и история должна их указывать, каковы бы они ни были. Итак, были ли злые дела у Александра Невского? Ответить на это с решительностью трудно. Трудность является, во-первых, следующая: Александр, представитель Суздальской области, в Новгороде является стоящим во главе больших людей, аристократии и таким образом является уже поборником простого народа, каким был в Суздале. Но дело в том, что сношения Суздальской области с Новгородом были преимущественно, если не исключительно, торговые; и Александру, даже в интересах простого народа, естественно, было важно в Новгороде ведаться и быть близко к людям торговым и богатым. При этом рядом с этими сношениями Александра стоят и такие его дела, как борьба со шведами и немцами и победа над ними, дела, равно обеспечивающие все сословия людей, и простых, и знатных. И еще: несомненно известно, что при всех близких сношениях Александра с аристократами интересы народа стояли у него всегда гораздо выше, чем у всех прочих князей.

Второй трудный для объяснения вопрос, бросающий тень на личность святого князя – это вопрос о престолонаследии. Ярослав Всеволодович Суздальский умер в 1246 году, по всей вероятности, насильственной смертью, от яда, отравленный матерью хана. Старшим в роде, значит, преемником ему являлся брат его Святослав Всеволодович. Но сыновья Ярослава, Александр и Андрей, едут к Батыю с целью получения прав на престолонаследие, от Батыя Александр отправляется и далее, вглубь Татарии, к самому хану. А на Руси во время его путешествия совершаются неожиданные события: младший Ярославич стогняет с занятого уже престола Святослава и занимает его место; а через несколько времени Святослав умирает. Между тем возвращается из Орды Александр и, будто бы согласно воле хана, назначается и делается князем юга России и Киева, а Андрей утверждается во Владимире. Странность тут та, что знаменитый защитник северо-западной Руси Александр назначается на юг, как известно, страшно разоренный татарами; назначается, вероятно, для воссоздания его и для борьбы с Миндовгом и Даниилом, союзником его, т.е. для разрешения того самого

государственного строя, который один только оставался независимым от татар. Между тем на северо-востоке в то же время затевается целая попытка свергнуть татарское иго: Андрей вступает в брак с дочерью Даниила, с которым же вступает в тесный союз, имея целью борьбу с татарами. Александр выступает, таким образом, едва ли не прямым защитником интересов татар. А в 1256 году видим события и еще более странные. Александр Невский, до сих пор не думавший ехать в Киев на княжение и продолжавший пребывать в Новгороде, вдруг едет в Орду и там остается долгое время, а оттуда до его возвращения посылается на Русь целое татарское войско с прямою целью борьбы с Андреем

Суздальским: Андрей разбит, бежит сначала в Новгород, потом в Псков, наконец, в Швецию – к врагам Александра Невского. А затем возвращается из Орды Александр и во Владимире торжественно встречается гражданами, как великий князь.

Таковы отрывочные факты, сообщаемые в летописях. Но как их связать и осмыслить? Для этого, очевидно, нужно обратиться прежде всего к тем же летописям, не забыв принять во внимание их разделение на летописи по древним и летописи по новым спискам; а потом уже обратиться и к мнениям ученых.

В древних летописях нет точных и ясных объяснений указанным событиям: они там только приведены, без указания, по чьей вине совершались. Только в Лаврентьевской летописи встречаем лишь один намек на объяснение, и намек не в пользу Андрея; именно в вину ему ставится, что он вздумал «бегати и служити Кесарю», в чем намекается на его связи с Литвой и Западом. Но нужно принять во внимание, что это взгляд не древнего современника описываемых событий, а взгляд писателя позднейшего – XIV века, т.е. того времени, когда татарское иго признано было законным, как нечто неустранимое.

В Никоновской летописи также видим объяснение данным событиям, но только это объяснение способно создать лишь новые недоумения. Здесь узнаем, что еще когда Александр отправлялся в Орду, в Невруге стоял значительный татарский отряд. И весьма возможно, что помимо всякого участия Александра, этот отряд мог начать действия против Андрея и вести борьбу с ним. Затем в той же летописи видим намек на то, что Александр, уезжая, поручил

Андрею блюсти землю Суздаль-скую; приведены далее слова Андрея, указывающие на его миролюбивое настроение: «Господи, что се есть, доколе будем меж собою браниться и служить татарам, лучше обежати в чужую землю». Но кого и какие распри, а также с кем разумеет здесь Андрей, ничего не объясняется.

Более ясные указания имеются в летописи Густынской (XIII века); там прямо говорится, что «Александр пойде в Орду и упроси себе княжение над всею землею русскою и всеми князи, и прииде к Владимиру, а князь Андрей побеже». Здесь указания как будто не в пользу Александра. Но что же это за достоверный источник?! Это известие приведено под 1254 годом, а на поле указаны и источники – польские историки XVI и даже XVII века!

Как бы то ни было, но в древних летописях объяснения указанным событиям нет, а есть они лишь в позднейших списках. И вот на основании этих-то известий позднейших списков историки, начиная с Татищева, начинают обвинять Александра Невского в разных недобрых действиях. В своих обвинениях они доходят подчас чуть ли не до наивного. Так, Соловьев (3-й том, примеч., стр. 299) ставит в вину Александру, почему он не отмолил у хана решение посылать войско на Андрея. Легко это сказать, но легко ли было сделать! А если умолял, но не смог умолить? Бестужев-Рюмин склоняется в сторону Соловьева, точно так же и Иловайский; и оба выступают с разными обвинениями на Александра.

Однако есть историки, иначе смотрящие на дело. Щербатов, например, в объяснение действий татар против Андрея говорит, что тут, вероятно, не обошлось без интриг Святослава Всеволодовича против Андрея. Карамзин же делает на основании летописей характеристику Андрею как человеку, неспособному управлять; за это, по его мнению, татары пришли и прогнали его; личности Александра он не трогает; а в примечаниях приводит все выписки летописей, говорящие о данных делах.

Вопроса о действиях Александра Невского касается и Беляев и также не трогает нравственной личности Александра (IV том «Временника»). Вот в каком положении этот вопрос в нашей науке. Есть факты, которые освещают его с совершенно другой стороны, хотя и при таком освещении нужно признаться, что это были злые дела Александра. Имеется в виду ряд фактов о том, как происходили на

Руси татарские переписи, налагались личные подати, как народ волновался и восставал против этого и как держал себя при этом Александр Невский. Тут и зародилась многовековая политика, которой впоследствии держались все московские единокорржцы. Этот вопрос о татарских данях имеет громадное значение. До татар Русь почти совсем не знала личных податей. Подати только в крайних случаях распределялись по сословиям, в обыкновенных же – по дворянам, по благосостоянию; брали подати с земли, с торговли, но не с лица. Татары первые на Руси стали систематически проводить вопрос о личной подати. К великому позору западноевропейской цивилизации эти усилия татар не удалось: Русь возвратилась к старым порядкам, а первый глашатай на Руси западноевропейской цивилизации (Петр I) восстановил подушную подать, от которой наш народ был освобожден только в нынешнее царствование.

После татарского погрома, несомненно, сейчас же следуют перепись и обложение данью. В наших летописях об этом только намекается, сохранились свидетельства чужестранцев, весьма компетентных – у Плано-Карпини и у армянского писателя Грегора. Первоначальный вид татарской дани был таков: происходило счисление или, лучше сказать, перебор населения. Татарские счетчики забирали из семьи из 3-х сыновей одного, и также будто неженатых мужчин и не вышедших замуж женщин, а остальных, начиная от десятилетнего возраста, облагали данью по шкуре с человека. Неисправные плательщики забирались и продавались: ими наполнялись рынки не только в Азии, но и в Европе. В Феодосии, например, благодаря такой системе русские люди рассеивались по всему миру, так что это время было всемирным славянским плачем о потере свободы. Многие из западноевропейцев, покупая дешевых русских пленников, нажили себе громадное состояние. А в историческом значении русским людям приходилось вносить в европейский и азиатский мир смягчение. Кстати, нужно заметить, что Западная Европа и Азия сошлись вместе на погублении русско-славянского мира.

Есть далее сведения о том, как в это время держал себя Александр Невский. Эти драгоценные сведения сохранились в летописях. В них говорится об Александре, что он подражал лучшим качествам своего отца, «посылая в Орду за людьми своя, иже пленени быша, от поганых татар, много злата и серебра, искупая их от безбожных татар и избавляя от бед и напастей». Это говорится вслед за смер-

тью Ярослава Всеволодовича (значит, под 1246 годом). Александр был тогда переяславским князем и, владея к тому же Новгородскою и Псковскою областю, был богат и употреблял эти деньги на выкуп пленных. Татары же, видя хорошего плательщика, делали на Русь нашествие за нашествием и забирали пленных. Подобная система была ужасающа, потому что заставляла народ разбежаться по разным странам. Благодаря этому, возросла, между прочим, Литва. Но эта же система заставила самих татар подумать о более правильной организации дани, так как татарские сборщики, являясь на Русь, разгоняли народ и потому не могли являться в Орду с большим количеством пленников. Из Орды последовало распоряжение сделать повсеместную перепись русских людей, наложить на них дань по счету других, а для наблюдения за этой данью поставить особых начальников – баскаков. Тут необходимо должен был последовать переход от новой татарской системы к старой русской, так как, хотя по новой татарской системе подати раскладывались по лицам, но в действительности раскладка происходила между самими жителями. Это, без сомнения, имело громадное значение.

Итак, мы видим, что, когда на Руси возникли волнения против татарского ига, Александр Невский идет против этого, стоит за татар; и только конец этой истории показывает, как нужно понимать это. По всему видно, что между русским князем и татарами долго шли переговоры относительно дани. Но с 1457 года начало обнаруживаться, чего добиваются татары: «Тосяже зимы, читаем в Суздальской летописи, переехаша численницы и счетоша всю землю Суздальскую, Ростовскую, Муромскую и ставяше (?) десятники, сотники, темники; токмо почташа попов, игуменов, клирошан, кто зрит на Св. Бога и на Владыку!». Татары начали отдавать дань на откуп среднеазиатским купцам. На юге России, где было средоточие татарской власти, там, конечно, не могло быть и речи о каком-либо сопротивлении, но в восточной России было совсем другое. Смятение должно было последовать в самой свободной области – Новгородской. Под 1257 годом в Новгородской летописи читаем: «Прииде весть из Руси зла, яко хотят татарове имети десятины и смятошася люди чрез все лето». На стороне нежелающих подчиняться татарскому требованию этому был и сын Александра Невского Василий, княживший тогда в Новгороде. Вероятно, эти-то волнения заставили Александра Невского придти потом с численни-

ками в Новгород. «Той же зимы приеха Александр с численниками в Новгород и Василий бежаше во Псков». Новгородцы дали большие деньги и отпустили их, а Александр выгнал своего сына из Пскова, а Александрова дружина стала чинить казни, «очи выимаше и носы урезоша, кто Василия на зло навел». Это страшный факт. Не то важно здесь, что на стороне противящихся стал сын Александра, а то, что совершалось отделение Пскова от Новгорода. Против этого всячески восставали и сами новгородцы, и Александр, но насколько и те, и другой встречали участия, доподлинно не видно. «1259 л. (6667 г.) бысть знамение в луне, яко и следа ея не бысть; тоя же осени приеха Михайло Пинецинич из Низу со лживым посольством, река тако: аже не иметеса по чило, та уже полкы на Низовской земли; и яшася новгородци по число. Тои же зимы приехаша опальнии татарове сырояжи, Беркай и Касажеск, с женами своими и инех много; и бысть мятеж велик в Новгороде и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьным татаром. И нача жаньный бояться смерти, рече Александру: дай нам сторожи ать не избият нас; и повелел стеречи их сыну посадничу и всем детям боярским. И реша татарове: дайте нам число, или бежим проче; и чернь не хотеша дати числа, но реша: умрем честно за святую Софию. Тогда издвоишася люди, кто добрых тот по святой Софии и по правой вере, и сотвориша супор: вятшии велят ся эти меньшим по число» (1 Новгород. лет., стр. 57).

Смута кончилась тем, что большие были одолены. «Творяху бо бояре себе легко, а меньшим – зло». В то самое время, когда почти половина Руси восставала против татар и избивала их, величайший герой, никогда не знавший поражения, не стал во главе народного движения, а поехал в Орду преклонить свое подобное чело и стал упрашивать татар, чтобы они не посылали войска в Россию. И это было таким величайшим моментом, что татары, никогда не имевшие обычая прощать, простили и отпустили Александра Невского. Но это было таким страшным напряжением в Александре Невском, что его сердце не могло не разрываться; он как бы вышел из пределов человеческой возможности: достичь высочайшей славы и терпеть тягчайшие унижения, это можно было только при высочайшем возбуждении христианского чувства, что и послужило поводом к признанию его святым, но физическая его натура не выдержала, и он на пути умер. Конечно, на Руси сразу поняли этого человека. Нашелся

необыкновенный выразитель этого, который сглаживал предшествующее непонимание Александра, им был митрополит Кирилл, который возгласил в храме о смерти Александра Невского: «Зайде солнце наше; вси погибаем». Все эти обстоятельства показывают, что к оценке Александра Невского нужно относиться значительно серьезнее; и сегодня с торжеством можно сказать, что оценка, сделанная Церковью, самая справедливая.

С 1251 года начались большие волнения в Новгороде. Когда пришло туда известие, что татары имеют намерение обложить Новгород данью, новгородские люди возмутились, но, когда прибыли татарские послы, новгородцы отделались от них подарками. В 1259 году до Новгорода в первый раз дошло известие, что татары сочли всю русскую землю. Это известие взволновало новгородцев, и вот, когда в Новгород явились татарские послы, в городе разразился мятеж. Одни отказывались от переписи, другие соглашались на нее. Татары, опасаясь за свою неприкосновенность, потребовали у князя Александра Невского назначить к ним стражу. Князь назначил такую стражу из посадского сана и знатных боярских детей. «И рекоша злии: дайте нам число, или паки да бежим проч, и чернь не хотеша дати числа, но реша: умрем честно; тогда издвоишася людие, кто добр, тот по правой вере, и створиша супор» (Новгород. 4-я лет, стр. 39). Произошла большая смута: многие переправились на Софийскую сторону «рекище: положим главы своя у святой Софии» (Полн. собр. рус. лет., Новгородская 1-я, стр. 57). Князь Александр собрался уехать из Новгорода вместе с татарами. Это всех встревожило: новгородцы смирились и позволили собрать с них дань. Собравши «число», татары удалились из Новгорода, а вскоре после их отъезда и князь Александр выехал из Новгорода, оставив на столе сына своего Димитрия. Летописец высказывает сочувствие новгородскому противлению татарам, и не даром. Это противление нашло отголосок и в других местах и охватило половину России. Под 1262 годом летописец говорит: «Избави Бог от лютого томленья Басурменского люди Ростовския земля: вложи ярость в сердца крестьянам, не терпяще насилья поганых, изволиша вещь, и выгнаша из городов, из Ростова, из Володимеря, из Суздаля, из Ярославля» (Полн. собр. рус. лет., Лаврент. список, стр. 204). Свою ярость народ излил на монахе Зосиме, который принял магометанство и был советником Котлубая. Татары увидели необходимость дать почувствовать

русским, что значит татарская власть, и отправили на места возмущений отряды войска, присоединяя к ним по пути и русские военные силы. Вот в это-то время Александру пришлось пережить тяжелые минуты, так как, кроме личной храбрости, он имел чуткое сердце, которое не могло не откликаться на народные нужды и желания; вдобавок у Александра, по словам летописца, «было много храбрых людей, как у Давида царя, исполненных ратным духом и сердце их, аки львом». Не могла ли при таких обстоятельствах явиться мысль о вооруженном сопротивлении ненавистному басурманскому игу? Но несмотря на эти искушения, Александр счел за лучшее уступить татарам следующим образом: все свои войска, и новгородские и псковские, он отправил против немцев, быть может, не желая допустить русских до открытого столкновения с татарами, чтобы этим столкновением не навлечь большого озлобления со стороны последних; а быть может, желая дать татарам понять, что если они опустошат Россию, то ее возьмут немцы; сам же отправился в Орду, к хану. Хан продержал его у себя всю зиму. Александр выбыл оттуда уже больным и, проехав Нижний, умер в Городце (1263 г.) О нем в житии, помещенном в 1-й Софийской летописи и с некоторыми изменениями в 1-й Псковской, говорится: «Горе тебе, бедный человеце! Како можети написати кончину господина своего великого князя Александра Ярославича? Како не исподета женицы твои выкуп со слезами? Како-ли не разседся сердце твое от многыя тугы? Отца бо человек может забыти, а добра господина аще бы с ним в гроб влезл. Пострада Богови крепко. Митрополит же Кирилл глагола людем: «чада моя милая! Разумейте, яко зайде солнце земли Русской». Иерея и дьяконы, и черноризца, нищии, богатии и вси людии мнозии вопияху, глаголюще, «уже погибаем». Святое же тело его несоша к граду Володимерю, митрополит же Кирилл с чином церковным, вкупе же князи и бояре, и весь народ, мали и велиции, сретога его у Боголюбова с вещами и кандилы; от множества народа изгнетяхися людие, хотяще прикоснуться честнем теле его, бысть же плачь велий и, кричание и туга, якоже несть такова бывала, токмо и земли трястися» (см.: Полн. собр. рус. лет., 1-я Софийская, стр. 191 – «Представление великого князя Александра Ярославича, внука великого князя Всеволода»). Этот отрывок жития считается самым древним и помещен, кроме указанных летописей, еще и в Воскресенской. Были позднейшие переделки этого жития, но чем дальше, тем все хуже и хуже.

Житие это подвергалось научной разработке, и самая важная из них принадлежит проф. Ключевскому в его сочинении «Древняя русская жития святых», изданном в 1871 г. Ключевский обращает внимание на выдающиеся особенности этого древнего жития, именно на то, что оно проникнуто сердечностью, теплотою и, хотя написано современником Александра, но напоминает собою произведения дотатарского времени. При этом Ключевский полагает, что автор этого жития южнорусс. Но есть данные полагать, что это житие могло быть написано и восточнорусским человеком. Мы видели, как у русских людей соединялся практицизм с идеализмом, например, в лице Владимира Мономаха. Потом это соединение нарушилось: практицизм сделался характерной чертой северян, а идеализм – южан, но потребность соединения этих черт чувствовалась русскими людьми, и потому они обращали особенное внимание на такую личность, которая, как Александр Невский, заменив собою Владимира Мономаха, стала идеалом русских людей последующего времени не только как человек, но и как государь. Совершенно ясно обозначилось, что в своей политике он готов был вести самую сильную борьбу с Западом и в то же время покоряться татарам. Эта политика сделалась наследственной в его роде; но это была очень опасная политика: хорошие правители, подчиняясь татарам, оберегали себя от тех ужасов, которые могли произойти от этого подчинения, но люди невысокого нравственного уровня погружались в раболепство до крайностей, и сами делались как бы татарами. Но русская жизнь требовала, чтобы кто-нибудь проявил соединение практицизма и доблести, вот почему русские люди с особенным вниманием останавливались на деятельности Димитрия Донского, в котором сказывались эти черты.

Политика Александра Невского состояла в том, чтобы покоряться татарам и не восставать против них; но взамен за эту покорность все русские стремились вознаградить себя славными делами против Запада, что особенно было заметно в Новгороде и Пскове. В результате этой политики оказалось, что Новгородская, а за ней отчасти и Псковская область получили необычайное значение. В Пскове на смену Александру Невскому явился новый человек, продолживший его славную борьбу с Западом. Это был Довмонт, бежавший во Псков из Литвы вместе с дружиною и участвовавший впоследствии в убийстве Миндовга. В Псковской первой летописи под 1266 годом говорится: «Побишася Литва межи собою, некия ради нужда

блаженный же князь Довмонт с дружиною своею и со всем родом своим, оставле отечество свое землю Литовскою и прибеже в Плесков. Си бысть князь Довмонт от племени Литовского правее имея ко идолу служение, по отчю преданию; егда Бог восхоте, избрати себе люди новы, и вдохну в он благодать Святого Духа, и възбнуся яко от сна от идалского служения, и помысли с своими бояры креститися во имя Отца и Сына и Святого Духа. И крещен бысть в соборной церкви в Святой Троицы, и наречено бысть имя ему в святом крещении Тимофей, и бысть радость велика во Плескове, и посадиша его мужи Псковичи на княжение во граде Пскове, в лето 6744» (Полн. собр. рус. лет., Псковская 1-я лет., стр. 180). Довмонт, получивши княжеский стол в Пскове, породнился с Александром Невским, женившись на дочери его сына Димитрия Александровича. Довмонт много побивал и своих соотечественников и особенно ратовал против немцев. Замечательно, что эта борьба приняла священный характер в подражание латинским воззрениям. Это особенно сказалось, когда немцы 1269 года пришли к Пскову: «Слышав же то Домонт, говорит летописец, ополчающаяся люди без ума во множестве силы, без Бога, и вниде в Церковь Святыя Троица, и положи меч свой пред алтарем Господним, пад моляся много с плачем, тако глаголя: «Господи Боже сил! Мы люди твои и овца пажити твая, имя Твое призываем; призри на кроткия и смиренныя възвыси, и гордых высокия мысли низложи, да не опустеет пажить овец твоих». И взем же игумен Сидор мечь, и весь иерейский чин, препоясавше мечем и благословиша и отпустиша» (Псковская 1-я лет., стр. 182, ср.: Новгород. 4-я, лет. стр. 42). Довмонт страшно поразил немцев и, можно сказать, прославил Псков и укрепил его самостоятельность. Какое он имел значение, видно из того, что когда он умер в 1299 году, «бысть тогда жалость велика в Плескове, мужем и женам и малым детям, по добром господин благоверном князи Тимофеи; и много бо дней пострада за дом святыя Троицы и за мужей за Пскович, стоянием дому святыя Троица» (Псковск. лет. 1-я, стр. 183).

Деятельность Довмонта ценили и новгородцы, хотя им и неприятно было возвышение Пскова; это видно из того, что они не допустили своего князя Ярослава Ярославича изгнать Довмонта из Пскова, а он этого хотел. Мало того, все русские князья были единодушны, так, Димитрий, Святослав, брат его Михаил, Константин, Довмонт с Плесковичи и др. ходили к Ревелю и одержали победу при Раковоре

(Новгород. 4-я лет., стр. 41) над датчанами. Благодаря этой борьбе северо-запад получил великое значение и достиг великой самостоятельности. Этот северо-запад не знал тяжелых последствий татарского ига, так, новгородцы, хотя и согласились давать дань ино перепись, но собирали её сами; в Пскове же и совсем не было татар. Весь северо-запад достиг величайшей самостоятельности, так что когда после смерти Александра Невского Ярослав Ярославич сделался великим князем и пожелал быть князем Новгородским, то новгородцы потребовали от него грамоту. (У нас известна 1-я Новгородская грамота, напечатанная в «вифлиофике» Новикова и в сборнике государственных грамот, содержание хорошо ее передается и рядом историков.) Сущность этой грамоты заключается в том, чтобы управлять с новгородскими людьми; судить с посадниками; ни князь, ни его служители не должны покупать сел, не должны вводить людей и не требовать на суд в Суздальскую область. Вот до чего довели свою самостоятельность новгородцы. Это было большою новостью. Но Ярослав не очень был расположен уважать новгородскую самостоятельность. Он стал приобретать поля для охоты, реки для рыбной ловли и проч., так что новгородцы вскоре вынуждены были требовать, чтобы он ушел от них. «Бысть мятеж в Новгороде, рассказывает под 1270 годом Новгородская летопись, начаша изгонити князя Ярослава из города... ныне княже, не можем терпети твоего насилия, поеди от нас, а мы собе князя промыслим. Князь же присла на вече Святослава и Андрея Воротиславича с поклдоном: того всего лишися, акрест целую на всей воли вашей. Новгородцы же отвечаша: княже, поеди проче, не хотим тебе; али идем весь Новгород прогонити тебе, князь же пойде из города по неволи. Новгородцы же послаша по Димитрия Александровича» (Новгород. 1-я лет., стр. 61). Ярослав не хотел подчиняться решению новгородцев, оперся на татар, но новгородцы «поставиша острог около города, по обе стране» и решили всеми силами стоять против Ярослава, «совокупися в Новгороде вся волость Новгородская» (Новгород. 1-я лет., стр. 62). Очевидно, новгородцы не хотели не только Ярослава, но не хотели также втягиваться и в татарское иго. Спор решен таким образом: «И присла митрополит грамату в Новгород, рек тако: мне поручил Бог архиепископию в русской земли, вам слушати Бога и мене, крови не проливайте, а Ярослав веси злобы лишается, а за то яз поручаюся... И присла Ярослав с поклоном в Новгородский полк,

и взяша мир на всея воли новгородской, и, посадиша Ярослава и во-
диша к кресту».

Но не одни слова митрополита понимали новгородцев с Ярославом. На обороте грамоты, помещенной в III томе сборника государственных грамот, написано, что сажали Ярослава татарские послы с грамотой хана, после чего Ярослав пошел в Орду, т.е. новгородцы приняли князя по повелению хана. Весьма важно (возможно?), не потому ли великий князь и считал себя князем Новгорода. Вся Россия была разделена и разорена татарами, один север-запад остался целым, почему естественно было князьям стремиться владеть Новгородом, это была большая область, дававшая возможность закупать татар и силу над всеми князьями. С другой стороны, стремлением к цельности, единству русской земли объясняется то, что новгородцы тянули к игу татар, ибо восстание против татар было решительно невозможно. С тех пор, как Александр Невский укрепил это своим авторитетом, две области – Новгородская и Псковская в некоторой степени и должны были тянуть к татарскому игу.

Понятно, если выступали на сцену лица заурядные, то они страшно могли злоупотреблять этим. Безразличие в средствах для достижения цели должно было широко распространиться. Русские смешивались с татарами и легко могли делать дела, как татары. Это странное смешение принципов, эта жестокая критика политики Александра Невского сказала с 1272 года, после смерти Ярослава и особенно с 1276 г., уже после смерти Василия Ярославича, когда на сцену выступили сыновья Александра Невского – Димитрий Переяславский и Андрей Городецкий. Оба стремились, чтобы добиться великого княжения и владеть Новгородом, и у обоих замечается безразличие в средствах. Димитрий, чтобы укрепиться в Новгороде, просил новгородцев устроить крепость и объявил ее своею. Новгородцы взбунтовались, этим воспользовался Андрей и стал добиваться великого княжения. Таким образом, оба брата разделились; в это же время разделилось татарское ханство; значительный хан – Ногай самостоятельно стал действовать на Дону. Андрей соединился с Ногаем и бесцеремонно наводил татар на Русскую землю.

Самый запутанный период нашей истории – это татарские времена, период крайне неустойчивый, так что стоит большого труда добраться до руководящих начал в ходе исторических собы-

тий, каковые начала, без сомнения, были. Период этот характеризуется колебанием русской жизни. Где устроить центр русских сил? Такой исторически живучий народ, как русский, не мог не заниматься воссоединением разрушенного, но при этом приходилось применяться к совершенно новым потребностям. Русские люди старались притягивать и свободные северо-западные области под татарское иго, и вследствие сознания своего единства, и вследствие того, что эти области, будучи богатейшими, могли давать князьям средства откупаться от татар и чрез это удерживаться на своих столах. Поэтому князья особенно старались удержать власть над Новгородом. И сами татары покровительствовали подобному стремлению князей; они покровительствовали и Ярославу Всеволодовичу, и Александру Невскому. Но беда в том, что когда князья стремятся захватить эту власть, нечасто являются даровитые люди, которые могли бы твердо удерживать ее. Всякий великий князь садился на Владимирский престол. Но Владимир после татарского погрома никак не мог подняться, он занимал такое же положение, как Киев пред татарским нашествием – был стольным городом, а действительные силы каждый князь должен был искать в каком-либо другом месте; эту силу Ярослав Всеволодович и Александр Невский старались находить в Новгороде. После них не было князей, которые приобрели бы такую же силу. Димитрий Александрович Переяславский, Андрей Александрович Городецкий, дядя их Василий Костромской, сам Ярослав Ярославич, преемник его князь тверской, Даниил Александрович, князь маленького удела Московского – все они владели и опирались на маленькие уделы, которые не могли давать им больших сил, а между тем претендовали на звание великих княжеств. Но беда в том, что каждый из этих великих князей мог опираться на татар, вмешательство которых и производило смуты: в случае жалобы князей они вводили свои войска вовнутрь государства и собирали здесь деньги. Эта-то политика и сказалась после смерти Ярослава Ярославича в 1272 г. и особенно после смерти Василия Ярославича (1276 г.), когда завязались счеты из-за великого княжения между сыновьями Александра Невского – Димитрием Переяславским и Андреем Городецким. Димитрий был старшим и получил великое княжение. Как ближайший сосед к Новгороду, он старался подчинить его своему влиянию, даже выстроил на средства новгородцев

крепость

Ко-

порье на берегу Балтийского моря. Но с этим не хотел мириться Андрей, который по самому месту своего княжения на Волге мог быть в ближайшем сношении с татарами. Он воспользовался разложением татарской Орды, воспользовался тем, что Димитрий опирался не на сарайского хана, а на ногайского, и в 1281 г. он (Андрей) навел татар, которые разгромили Муром, места около Твери, Торжка, Ростова, Переяславля. В 1284 г., когда братья помирились и общими силами налегли на Новгород с помощью татар, после чего в Новгороде сел Димитрий. В 1285 г. Андрей навел на Димитрия какого-то татарского князька и «много зла сотвори христианом». Но особенно было страшное нашествие в 1293 г.: «кн. Андрей Александрович иде в Орду и с иными князи. Рускими, и жаловася царю на брата своего, на вел. князя Дмитрия Александровича; царь же отпустив брата своего Деденю со множеством рати на вел. кн. Дмитрия Алекс. Они же пришедше много пакости учиниша христианом и много градов поимаша... а всем градов взяша 14 и всю землю пусту сотвориша; а кн. вел. Дмитрий Алекс. бьеше во Псков (Воскресен. лет., стр. 180). Это нашествие замечательно тем, что когда татары подходили к Твери, то жители этого города решились дать отпор. В 1294 г. Димитрий умер, остался великим князем Андрей, но он не умел ладить ни с Новгородом, ни с другими князьями. Дошло до того, что князья решили собраться и решить споры при посредстве татар. В 1296 г. во Владимире состоялся съезд под председательством ханского посла. Благодаря только содействию духовенства дело здесь кончилось миром, но обошлось это очень нелегко; летописец замечает по этому поводу: «За мало не бысть кровопролития». Таких съездов было немало, но во всех них главное участие принимали татары. В конце концов, и Новгород был втянут в татарское иго, и князья оказались подчинены большому влиянию татар. Единственно, что оставалось от старых времен, это то, что сохранилось много маленьких князей, которые, соединяясь с тем или другим князем, производили смуты и оказывали влияние на решение дел. Темные смуты продолжают до смерти Андрея; с этого же времени историческая жизнь начинает разъясняться. Переяславль и Городец теряют свое значение; Владимир же делается большим и богатым, титулярным городом; действительная же сила сосредоточивается в двух соседних областях —

Тверской и Московской и отчасти в Рязанской. С этого-то времени (XIII—

XIV в.) и начинается возвышение Москвы, которая делается военным пунктом, средоточием русских; она уничтожает даже значение Владимира. На этом были сосредоточены необычные и громадные симпатии народа, который радовался, что выдвигается объединяющий центр⁴⁷. История Московского единокровия – такое не только русское, но и славянское явление, что к нему не только по научным соображениям, но и под влиянием патриотизма можно относиться совершенно свободно, оно выдержит всякую критику, даже самую строгую; поэтому ничего страшного не будет, если будут доказывать, что московское единокровие создавалось и долго строилось на великих беззакониях, что русские люди часто задыхались в этой Москве и потому открыли как бы спасительный клапан – устроили около Москвы Сергиеву Лавру, где можно было бы отдохнуть от московских ужасов. Но мы видим, как при страшных ужасах сохранились лучшие качества русских людей и как они в блеске сказывались в критические времена, когда бывали поэтические взрывы даровитейшего в славянском мире русского народа. И вот историю московского единокровия нам приходится рассматривать в таком виде, что создавал ее русский человек, почти совершенно отатарившийся князь Московский Юрий.

Даниил Александрович был собственно первым московским князем, который понял заветы Александра Невского, политику татар и свое положение. Москва была маленьким княжеством, близким к татарам, и поэтому для того, чтобы спасти его, необходимо было ладить с татарами и в то же самое время нужно было копить как можно больше добра, таким образом, ничто не спасало перед татарами, если нечем было платить им. Это мы видим в Данииле, он ладит с татарами и в то же время с удивительным искусством округляет свое княжество. Он захватывает весьма важный опорный пункт у Оки – Коломну (от Рязанского княжества), затем пользуется тем обстоятельством, что сын Дмитрия Александровича Переяславского Иван Дмитриевич оставался бездетным; так как и сам Даниил пользовался большим расположением у Дмитрия, и сын его Юрий, то и не мудрено, что он получил Переяславское княжество по завещанию. Затем Юрий, наследовав отцу, с 1304 г. увеличил свое княжество, захватив Можайск и верховья Москвы. Тогда пути и к Оке, и к Смоленску, и к Новгороду, и вообще к северу России через Переяславль находились во власти владыки Московского. Это открывало

возможность влиять на Рязань, Тверь и Новгород и другие мелкие княжества. Юрий Данилович начал энергично выдвигать значение Московского княжества. Делать это ему пришлось при чрезвычайно трудных обстоятельствах, потому что рядом с ним на тверском княжеском столе сидел старший его по родовым счетам дядя Михаил Ярославич, обладавший к тому же замечательным богатством воинских и политических способностей. С ним-то и пришлось соперничать Юрию, и последний старался отбить у первого великое княжение. Юрий тоже не без дарований – был человек крайне неразборчивый на средства: убить кого-либо ему ничего не значило. Едва вступив на престол, он убил Рязанского князя Константина; не без его же участия был убит и сын этого Константина Василий. Своим безразличием он так действовал на свою среду, что в 1305 г. от него отъехали к тверским князьям не только бояре, но даже и братья. Борьба с Михаилом Ярославичем началась из-за Новгорода, с одной стороны, и из-за мелких княжеств в Суздальской области – с другой: между Москвой и Переяславлем было много местностей, которые принадлежали владимирскому столу, а кругом было много маленьких княжеств. Московскому князю необходимо было приобрести промежуточные земли для связи своих владений. Михаил Ярославич и на Новгород имел влияние и не только владел Владимиром, но и старался овладеть первым важнейшим пунктом по близости к татарам – Нижним Новгородом; тогда бы и все другие мелкие княжества были под властью, тогда бы и московские владения перерезывались. Из-за этого и произошла у них борьба, а новгородцы, видя, что все князья втягивают их в татарское иго, порешили передаваться от одного к другому, то от Михаила Ярославича переходили к Юрию, и он находил у них опору, а маленькие князья переходили к Михаилу, то делали все наоборот. Эти дела продолжали существовать, пока правил хан Тохта, человек слабый; но с 1313 г. они изменились, когда на престол вступил хан Узбек, очень ревностный магометанин. Тогда русским князьям пришлось считаться с ханом и для избежания подозрений сыпать ему деньгами. Михаил Ярославич, более богатый, задарил хана и чуть не подвел под беду Юрия; но Юрий, не стеснявшийся средствами, постарался найти у татар особую опору. Он с лишком год прожил в Орде, женился на сестре Узбека Кончане, получил звание великого князя и привел с собой в Россию «сильных зело послов татарских». Тогда начались совещания

Михаила Ярославича с суздальскими князьями. Сначала решили идти против Юрия и татар, впрочем, скоро Михаил Ярославич и Юрий уладили дело относительно княжения; Юрий, по-видимому, уступил. Но примирение было непрочно; к Юрию стали переходить суздальские князья и новгородцы, и решено было совместно с татарами погубить Михаила Ярославича. На него выступили с разных сторон: с одной – новгородцы, с другой – татары. Но новгородцы оплошали, и Михаил Ярославич их разбил. Наконец, Михаил Ярославич, согласно народному желанию, решился отразить татар. Последняя и решительная битва была в 1318 г. и завершилась страшным поражением Юрия и его союзников. Юрий бежал в Новгород, а жена его была взята в плен. Михаил Ярославич, понимая, что татар трогать не следует, обошелся с ней почтительно и решился передать все дело на суд хана. Юрий между тем, несмотря на стражу Михаила, пробрался в Орду и стал «чинить Михаила пагубу», в этом принимали участие и новгородские посланники. В 1319 г. Михаил Ярославич был потребован в Орду и замучен. Сыновья Михаила заключили с Юрием условие, выдали ему татарский выход (дань), и один из сыновей Михаила женился будто бы на дочери Юрия, но это неправда, не Юрия, а Даниила. Потом сыновья Михаила донесли на Юрия в Орду, что он выход держит у себя, а не отдает. Юрий подпал под немилость; великое княжение было отдано сыну Михаила Димитрию-Грозные очи, а Юрий был вызван в Орду на суд. Туда же поехал и Димитрий для утверждения. В 1324 г. они оба были в Орде и встретились; Димитрий, увидевши убийцу своего отца, не удержался и поразил его насмерть. Это произвело большое волнение среди татар, и Узбек «жевен бе зело на вся князи тверские и называше их крамольники и противники себе». Димитрий был казнен в самой же Орде; однако великое княжение было передано его брату Александру, и за ним приехал посол Чолхан с множеством татар, чтобы поставить его на великое княжение, и засел в Твери. Там произошло народное восстание. Распространился слух, что татары намерены убить Александра и взять Тверь в непосредственное владение. Народ восстал и начал перебивать татар; запрятавшиеся и думавшие защищаться в княжеском дворце были сожжены, и только немногие спаслись и дали знать об этом в Орду. Татары обратились к обычной расправе: громадное войско было направлено к Тверской области под предводительством московского князя Иоанна Калиты, бра-

та Юрия. Тверская область чуть ли не была превращена в пустыню; татары пробрались и в Новгородскую область, разрушили и ее, и новгородцы избавились от них только тем, что заплатили им 2000 рублей. Летописец так описывает бедственное положение Тверской области: «Князь Константин Михайлович приеде во Тверь и седоша во Твери в великой пужи (пущи) и убожестве, пожеже вся земля тверская пуста». Другой летописец смотрит на дело несколько иначе и обращает внимание на то, что когда другие области были разорены, московская наслаждалась спокойствием: «Того же лета (1327) князь великий Иван Даниилович, внук Александров, приеде от царя Азбьяка из орды с пожалованием и с великою честью на великое Володимерское, и седе на великом княжении на Москве; а стол Володимер и ныне многие княжения царь Азбьяк даде ему к Москве, и бысть оттоле тишина велика по всей русской земле на Мн. Лет и престаша татарове воевати русскую землю».

Для характеристики борьбы Александра Михайловича с Москвою служит рассказ Никоновой летописи, хорошо разъясняющий это интересное дело, впрочем, о самом рассказе у Иловайского и Борзакского существуют различные мнения. Говорят, между прочим, что раскрываемые в рассказе мысли не принадлежат Александру Михайловичу и никогда не были им высказываемы. Важны в рассказе не только отдельные слова и выражения, приписываемые летописцем тому или другому князю, но и воззрение русского народа на современное положение вещей, воззрение, оправдываемое и более старыми летописями – Софийскою и Тверскою. После избиения татар в Твери появилась татарская сила и произвела страшное опустошение в Тверском княжестве. Александр Михайлович бежал в Новгород, и когда его там не приняли, он отправился в Псков. Хан Узбек потребовал выдачи князя. Все жители города были проникнуты сознанием, что необходимо выполнить это требование, и предложили Александру Михайловичу отправиться в Орду. «Того же лета (1327), говорится в Никоновской лет. (т. III, стр. 141), князь великий Иван Даниилович Московский, внук Александров, посла послы своя во Пскове по цареву слову Азбьякову ко князю Алекс. Мих. Тверскому, дабы шел к нему в Орду; а новгородцы послаша от себе послы в Псков ко князю Александру Михайловичу тверскому по цареву слову Азбьякову, дабы пошел к нему в Орду, а брать его князь Костятин Мих. тверский посла к нему послы своя о том же;

он же не восхоте ийти ко царю Азбяку в Орду, и не поиде». Узбек повторил свое требование. И вот «того же (1328) лета вложи окояный враг диявол злую мысль князем русским взыскати князя Александра Михайловича тверского, повеленьем татарского царя Азбяка подиша всю землю русскую; и поиде ратию князь великий Иван Данилович в Новгород». Вместе с Иваном Даниловичем отправились новгородцы, тверские князья, братья Александра Михайловича: Константин Михайлович, Василий Михайлович, суздальский князь Александр Васильевич. Князья и новгородцы отправили впереди себя послов к Александру Михайловичу с предложением добровольно подчиниться требованию Узбека: «Поидик нему, говорили послы князю, да не привлечения ярости его на всех нас; удобно бо тебе есть за всех пострадати, неже нам всем тебе ради, и троту всю землю сотворити». Александр Михайлович отвечал на это: «Мне ибо должно есть со всяким терпением и любовию за всех пострадати, неже отмшати себе лукавующим и крамолящим», вам же князья, продолжал Александр Мих., было бы более прилично стоять друг за друга, брат за брата, не предавать русской земли татарам, а вы вместо этого наводите татар на христиан и свою братию выдаете неверием. «И восхоте ити ко царю Азбяку во Орду, и не даша ему Исковичи». Все князья, говорили они Александру Михайловичу, хотят твоей смерти; «ныне не ходи во Орду напрасно на себя смерти предати, но сиди во Пскове и мы вси главы своя за тебя положим; и тако вси москвичи крепко яшась о нем». Иван Данилович, узнав об этом, сказал остальным князьям: «Аще не приведем во Орду князя Александра Михайловича тверского, царя Азбяка отчества своего лишени будем и смерти предани, и землю русскую пусту сотворим». Ввиду этого князья подступили к Пскову, осадили его, но братья не решались из опасения потерпеть поражение, так как псковичам помогали немцы (в 1324 г. псковичи заключили с немцами мир и, следовательно, могли опереться на них с восточно-русскими силами). Не надеясь на свои военные силы, князья обратились к силе духовной: «Начаша увещевати и молити пресвященного митроп. Феогноста, дабы отлучением и запрещением связать его, и послал во Орду ко царю Азбяку; и тако посла Феогности митрополит отлучение и проклятие на князя Александра Михайловича тверского и на весь град Псков и на всю землю их. Тогда князь Александр Михайлович тверский рече псковичем: «Еще братия и друзи вернии и любовнии храбрыя псковичи, не буди на вас отлучение и проклятия свя-

тительского не ради худого и грешного и не буди под крестное ваше целование на мне грешнем и худем, и моего и вас, и се убо аз худый отхожу от вас в немцы и в Литву (Александр Михайлович находился в родственных отношениях с литовскими князьями: его брат был женат на дочери Гедимина, а дочь Александра Михайловича была замужем за Ольгердом), да вам и вашей земле не коея же пакости от царя Азбяка и русских князей не будет, и да пошнут вси враги мои гонящей мя и ищущей душу мою изяти от мене. Псковичи же собравшиеся вечем сотвориша плач веелий и отпустиша Александра Михайловича тверского с великим рыданием и плачем по его воли». Князь отправился к немцам, а потом в Литву; псковичи заключили с Иваном Даниловичем мир. Князя известили хана о бегстве Александра Михайловича. В Литве князь оставался, однако, недолго; скоро возвратился назад в Псков, но в 1335 г. решил идти в Орду. «Того же лета (1335), говорит летописец, князь великий (ошибаются те, которые думают, что Александр Михайлович был великим князем) Александр Михайлович тверский нача тужити и скорбети живя в Пскове, глаголя еще: приму смерть едь, что убо ми будет и детям моим? Ведят бо вси языцы яко отбежа няжения своего и смерть прия, и тогда дети мои лишени будут княжения своего, лучше бо ми умрети Бога ради неже зле жити» (163 с.); испросил благословение у митрополита Феогноста, всех святителей русских и отправился в Орду. Это так поразило хана, что он простил Александра Михайловича и с великою честью отпустил его на великое княжение в Тверь. Но в 1337 г. отправился в Орду Иван Данилович. «Того же лета, говорит летописец, во Орде царю Азбяку много клеветаша нецыи на князя Александра Михайловича Тверского». Хан оскорбился и потребовал чрез посла Натрогая (Нотлубая), чтобы Александр Михайлович со своим сыном явился в Орду, и обещал князю великую милость. По другим известиям, хан потребовал в Орду всех князей, в том числе и Александра Михайловича. Последний наводил сначала чрез своего сына справки, можно ли ему надеяться на помилование, и, узнав, что хан гневается, понял, что его в Орде ожидает смерть. Несмотря на это, он отправился в Орду, не желая возбуждать ханский гнев и своим послушанием наводить татарские силы на русскую землю. И князья, и народ поняли, что, идя в Орду, Александр Михайлович идет на верную смерть. С плачем и воплем они убеждали князя отказаться от своего намерения,

указывая ему, что само Св. писание «не повелевает самому себя на смерть предати». Князь остался непоколебимым, отправился в Орду и «ту убиен бысть и с сыном своим Федором». Весьма важно знать, как отнеслись русские к этому событию. В Никон. летописи рассказывается, что тело Александра Михайловича и его сына торжественно было встречено в Переяславле братьями князя Константином и Василием, епископами Гавриилом Ростовским и Федором Тверским, совершено было надгробное пение. В Твери убитых ожидала еще более торжественная встреча: граждане взяли на свои головы убитых и в сопровождении их матери, братьев внесли в церковь св. Спаса: «Весь град плакашись о них горько на много время: и тако тверское княжение до конца опусте». Из этого рассказа видно, что большая часть русской земли сочла своим долгом, несмотря на опасность со стороны татар, выдать дань уважения страдающим и устроить им встречу.

Как в Никоновской, так и в Софийской летописи говорится, что виновником смерти Александра Михайловича был Иван Данилович, но в Софийской летописи указание на Ивана Даниловича сделано более прямо: «Ходи князь Иван Данилович во Орду и его же думоу царь посла на Русь и призва великого князя Александра Михайловича в Орду», а в Никоновской: «Нецья оклеветаша». Иван Данилович, воротившись в Москву, с целью больше унижить Тверь, взял из Твери вечевой городской колокол и лишил таким образом Тверь обычной народной самобытности. Этим объясняется выражение летописи, что «так тверское княжество до конца опустело».

Как должно смотреть на совершившиеся дела? Разгадку истинного смысла рассмотренных событий должно искать в том обстоятельстве, что окончательное помилование ханом Александра Михайловича должно было сопровождаться уменьшением власти московского князя, который между тем в то время стал более и более распространять свою власть, стал подчинять Суздальскую и Ярославскую области.

Новгородская летопись рассказывает, что Иван Данилович стал требовать от новгородцев дани из ханских доходов, в каковом требовании новгородцы, однако, отказали московскому князю. Ясно, что Иван Данилович, с возвращением Александра Михайловича не имевший возможности простираť далее и далее свою власть, имел основания быть недовольным тверским князем и стремиться к ниспроверже-

нию его. Недовольство на Александра Михайловича шло и с другой стороны. Прежде всего недовольны были возвращением Александра Михайловича его братья и Михаил, которые в отсутствие старшего брата занимали первое место, а теперь, с возвращением Александра Михайловича, должны были занять второстепенное место. Потом Александр Михайлович, пробывший в Пскове и Литве, имел около себя дружину, которую привел с собой и в Тверь. Естественно, что дружинников Александр Михайлович считал ближайшими людьми, но этим были недовольны бояре, которые поэтому стали отъезжать к Москве.

Так Москва взяла верх над своим соперником и утвердила свое значение. Понятно, не обошлось тут и без «насилования многа» (жизнь преп. Сергия Радонежского рассказывает о многих притеснениях от люта князя в Ростовской земле, которые и вынудили между прочим родителей Сергия переселиться в Московское княжество, в г. Радонеж. «Увы, увy тогда град Ростов!», восклицает писатель, сказав об этих притеснениях).

Рядом с этими известиями нужно сопоставить противоположные им, и тем более замечательные, что эти известия находятся в Тверской летописи, которая, очевидно, должна была защищать тверские интересы. Здесь под 1328 г. рассказывается, что с того времени, как Иван Данилович сел на великом княжении, наступила тишина великая на 40 лет «и престаша погани и отдохнуша и опочинуша от татарския истомы». Летопись в данном случае преследует не княжеские или сословные интересы, а говорит о всем народе и говорит, какие блестящие результаты дало возвышение Московского княжества. Ввиду этих результатов возвышение Москвы должно было идти далее и далее, Москва должна была привлекать к себе все более симпатии русского народа. Мы должны помнить, что существенная сила Суздальского княжества заключалась в том, что в нем, в противоположность юго-западной Руси, всего более были оберегаемы интересы простого народа. В этом именно была сила суздальских князей Андрея Боголюбского и Всеволода III. Идея охранения интересов народа выразилась и в делах Александра Невского. Казалось, что эта идея среди смут последующего времени пропала, но мы совершенно неожиданно встречаем ее в другом месте – в Москве; и при этом замечательно, что эта идея встречается в летописи Тверской, т.е. той летописи, которой естественнее всего было бы относиться враждебно к Москве.

Ко всем рассмотренным обстоятельствам присоединяется еще следующий факт. Еще за несколько времени до смерти Александра Михайловича митрополит Петр, имевший местопребывание во Владимире, переселился в Москву и убедил Ивана Даниловича построить в Москве церковь пресв. Богородицы и предсказал, как говорит его житие, что если она будет построена, род Ивана Даниловича возвысится. Мы должны обратить внимание на то, что имея пребывание во Владимире, митрополит имел возможность выработать независимость церкви; стремление к подобной цели было бы для него тем более легко, что он находился под покровительством татар. Однако митрополит бросает многообещающий Владимир и переселяется в Москву. Поступок митрополита тем более замечателен, что митр. Петр был южноруссом, человеком поэтического настроения.

По мере того, как разрушалась на Руси сила физическая, сильнее и сильнее сказывалась сила нравственная и яснее выяснялась возможность свергнуть татарское иго. Одновременно с этим вышло в сознании русских людей то, что Московское государство есть единое средоточие русского мира и что русским людям суждено стягиваться к этому средоточию. Перенесение митрополичьего стола из Владимира в Москву хорошо уяснено в нашей науке, не только церковной, но и гражданской. Значение его состояло в усилении могущества Москвы, в которую должны были обращаться по церковным делам все русские люди. Известно, что митрополит Петр не дождался того блага, о котором говорит летописец, что мир в Московском княжестве начался со времени Ивана Калиты, воцарившегося в 1328 году; а митрополит Петр умер в 1328 г. Замечательно, что в следующее княжение, благодаря Сергию Радонежскому, устроилась такая нравственная твердыня Москвы, которая давала себя чувствовать во все времена. На митрополичью кафедру вступил Алексей, чисто русский человек. Калита скончался в 1341 г., т.е. вскоре после того, как Александр Михайлович был замучен в Орде. Он как будто живет еще воспоминаниями об удельном времени и разделяет свои владения между тремя своими сыновьями – Симеоном, Иоанном и Андреем, причем, конечно, старшему достался больший удел, а Москва составляла общее владение братьев. Что касается общей силы Московского княжества, то она выросла, так как князь Московский закинул свою власть далеко: кроме Можайска, власть его

распространялась на Белозерск, Устюг и др.; над Торжком он также имел большую силу. Всем этим воспользовался сын его Симеон Гордый (1340–1353). Многочисленное население и обширные богатства страны дали ему возможность показать свою силу и могущество более своих предшественников и других современных ему русских князей; князья эти вместе с Симеоном отправились к хану Узбеку. Татары признали Симеона великим князем и подчинили его власти других русских князей, которые, по выражению летописи Софийской, «даны быша под руку его». Этими княжениями Симеон распоряжался и пользовался для достижения известных целей. Так, в 1341 г. он собрал князей в походе против новгородцев, против которых он выступил за то, что вольница новгородская, содействовавшая свержению татарского ига, наделала беды в Устюжке и Белозерской стране. Наместники московского князя стали собирать дань в Торжке, притесняя богатых людей. Те возмутились и призвали к себе новгородцев. Чернь восстала против больших людей (богачей), освободила княжеских людей и по-своему стала расправляться с виновниками возмущения, так что они едва успевали спасать свои жизни. Такое же дело было и в Ростове. Поход этот окончился тем, что новгородцы смирились. Князь потребовал черную дань, которую они и отдали деньгами. Другой раз Симеон собирал удельных князей в 1351 г. для похода на Смоленск, обладание которым послужило тогда поводом столкновения Москвы с княжеством Литовским. Этот поход окончился примирением на Угре. Симеон без всякого труда собирал князей и приучал их повиноваться власти, исходящей из Москвы. По позднейшим летописям, Симеон хорошо сознавал свое государственное влияние среди других русских князей и разъяснял им свою власть, говоря, что они должны повиноваться ему, чтобы свергнуть ненавистное татарское иго. Это могло быть сказано не раньше 1342 г., когда умер Узбек, один из властительных ханов, помнивших дружбу с московскими князь-ями и благоволивший к Симеону. Правда, это известие сохранилось в летописных отрывках, собранных Татищевым в IV томе, что делает его сомнительным. Тем не менее, оно небезосновательно. Во всяком случае недаром Симеон прозван Гордым, недаром у того же Татищева рассказывается, что Симеон и на деле показывал суровую свою власть, что, например, когда новгородцы смирились, то посольство их должно было босыми являться к Симеону, принять мир стоя на коленях и при этом целовать руки.

Таким образом, путем насилия, неправды, дружбы с татарами, путем убийств выдвигается Московское княжество и занимает первое место. Народное мнение старалось осмыслить это и вынесло сознание, что этим путем вырабатывается освобождение Руси от татарского ига. Но если и было такое сознание, то оно было преждевременным, ибо немало требовалось еще времени, чтобы собрать силы и двинуться на татар. Московскому княжеству предстояло еще пройти длинный путь испытаний, которые должны были выработать в московском князе и во всей Руси сознание значения Москвы, хотя они и истощали физические силы Руси. С 1352 г. ее поражают в продолжение четверти столетия одно за другим физические бедствия. Прежде всего, постигла народ страшная болезнь — черная смерть (черные пятна, чума), которая распространилась в Новгороде, Пскове, Смоленске и просто косила русское население, унося тысячи людей, так что, например, в Белозере не осталось ни одного человека. Добралась она и до Москвы, и здесь жертвою ее был митрополит Феогност, а еще ранее великий князь Симеон Гордый (в 1353 г.). Мор повторялся и после несколько раз. Так, был мор в 1363 и 1364 гг. в Нижнем Новгороде, Переяславле, Рязани, Коломне, Суздали, Можайске, Владимире и Москве: «Хракаху людие кровию, а инш железою боляху... Болость же бе сице: прежде яко рогатиною ударить за лопатку, или под груди, или меж крыл, и тако разболевся человек качнеть кровию хракати и огонь зажжет, и потом пот, тоже дрожь, и полежав един день, или два, а редко 3 дни, и тако умираху. Железа же не у всякого бываше в едином месте: но овму на нет, а иному под скулою, а иному под пазухою, другому за лопаткою, прочим же на стегнех. Та же и по всем градом и страном бысть мор велик и страшен, не успевахи бо живые мертвых опрятывати, везде бо бе мертвии». Кроме того, в 63 г.: был голод, который повторился в 1365 г. оттого, что тогда «земля курешесе и сухмень и зной велик бояще». А между тем в это же самое время во главе московского правительства стоят люди слабые или по душевной силе, или по возрасту. Так, в 1353–1359 гг. у власти стоял брат Симеона Иоанн Иоаннович, человек кроткий, тихий и слабодушный, который не мог поддержать энергии своих предшественников. При нем начались притязания удельных князей на независимость. После Иоанна великим князем оказался малолетний сын его, Димитрий (9 лет). Тогда притязания разных удельных князей сказались с особенною силою. Северные

страны, где голод и мор сказывались сильнее, были переполнены удельными князьями. А среди множества удельных князей обыкновенно выдвигался свой великий князь: то в Твери, то в Суздали, то в Рязани. Прежде всего выдвигается княжество Суздальское, где управляла ветвь ростовских князей (от Александра Александровича – сына Невского), городецкие князья, а именно Константин Васильевич, а затем особенно энергично – сын его Дмитрий Константинович. Ростовские князья хотели заявить свое значение сразу же после смерти Симеона и ходили к хану, чтобы получить Владимирский великокняжеский престол. В летописи об этом говорится под 1354 г.: «Прииде из Орды пожаллован на великое княжение владимирское князь Иван Иванович (брат Симеона) и вси князи русии были тогда в Орде и отпущены киждо во своя их вотчины». Под 1359 г. говорится: «Поидоша во Орду к царю Наурусу вси князи русии и биша челом царю о разделении княжений их; и тако смира их и раздел положи княжениям их, и знати им камуждо свое княжение и не преступати; и тако раздели их коегождо вотчину его».

После смерти Иоанна Иоанновича притязания ростовских князей на великокняжеский престол возобновились. Дмитрий Константинович (сын Константина Васильевича) не раз предъявлял свои права на престол и даже выносил от хана утверждения. В свою очередь и Дмитрий Иоаннович не уступал ему и даже взял перевес. Так трудно было Дмитрию Иоанновичу добиться власти, однако он добился ее: будучи 11 лет от роду, в 1361 г. получил великое княжение; лишив власти Дмитрия Константиновича над мелкими князьями Суздальской области, он подчинил последних себе. А в следующих годах взял над Дмитрием Константиновичем «всю свою волю», так что в 1364 г. последний сам отказался от великого княжения, которое ему предлагали татары, а в 1365 г. выдал свою дочь Евдокию за Дмитрия Иоанновича.

Замечательно то, как предусмотрительны были тогда московские люди и как вовремя они принимали меры! В 1366 г.: того же лета князь великий Дмитрий Иоаннович «заложил град Москву камену и начаша делати безпрестани» (торопились), и непосредственно в связи с этим летописец продолжает: «и всех князей русских привоажаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, и на тех нача посегати, тако же и на князя Михаила Александр. Тверского».

В Никоновской летописи (а в основе ее лежит более ранний список — так назыв. Патриарший, но относящийся к XVI в.) в связи с постройкой каменной стены в Москве, вызванной употреблением огнестрельного оружия, не только высказывается сочувствие, но и широкий взгляд на дела чисто славянские — драгоценность в русской истории: «И радовахуся бояре их (т.е. великих князей и тверских князей, о деле которых пред тем рассказано) и вси вельможи их, також и гости и купцы и вси работные люди, вси роды и племены Адамовы; вси бо сии един род и племя Адамово, и цари, и князи и бояре, и гости и купцы и ремесвенницы и работнии людие, стин род и племя Адамово; и забышеся друг друга враждуют и ненавидят и грызут и кусают, отстояще от заповедей больших еже любити искреннего своего яко сам себе». Эта летопись отражает воззрения XVI в.

Не напрасно это было сказано летописцем. Московскому князю предстоял целый ряд крупнейших задач, одна другой труднее — установить отношения с удельными князьями. Счеты с Тверью были особенно трудны, что приходилось считаться с литовским князем Ольгердом, родственником Михаила Александровича. А литовский князь имел свои задачи.

Если обратим внимание на то, что к этому времени назрел вопрос татарский и что все это Дмитрий Донской выносил и вынес на своих плечах, то обнаружится вся чудовищность мнения Костомарова (высказанного в «Календаре Акад. Наук», 1864 г.), что Дмитрий Донской был трусом. В защиту последнего выступил Погодин в соч. «Борьба на жизнь и смерть». Вследствие чего Костомаров должен был сбавить тон («Русская история в биографиях и характеристиках главных деятелей»). К такому мнению Костомарова Иловайский относится с пренебрежением.

В 1371 г. возгорелась борьба между Димитрием Иоанновичем и рязанцами из-за владений, ближайших к Коломне (отрезанных (?) в царствование Иоанна Иоанновича). Рязанцы потерпели неудачу: они были разбиты наголову. Интересен рассказ Никоновской летописи об этом: «Месяца декабря пред Рождеством Христовым бысть побоище Московичей с Рязани: князь Дмитрей Иванович посла рать на Рязань на князя Ольга Рязанского, а воеводу отпусти князя Дмитрия Михайловича Волинского; князь же Олег собра вон многи, иде ратью противу их. Тогда Рязанци суровии человери и сверепы людие,

высокоумни суще, везнестеся мыслью возгордешася величанием и помыслиша высокоумием и реша друг к другу: не емлите с собою ни щита, ни копья, ни иного никоего оружия, но токмо с собою емлите едины ужлища, коегождо щимавше москвич, да есть вы чем вязати, понеже суть слаби, страшливи и некрепци; наши же с смирением и со воздыханием уповаша на бога, крепльшаго в бранех... дает победу Бог видя сих смирение и оных гордость, яко в Евангелии речется: всяк возносяйся смирится, а смилившийся вознесется» (Новгород. лет., т. 4, стр. 67). Несомненно, рассказ этот преувеличен; но дело в том, что здесь есть и важные черты. Рязанцы отличались поражающею храбростью, а москвичи не были сильны и если взяли верх, то только благодаря тому, что во главе их стоял Дмитрий Михайлович Волинский. Олег, побежденный с половиною войска, был отпущен в Рязань. Гораздо труднее было Димитрию Иоанновичу справляться с тверскими и особенно литовскими князьями, тем более, что здесь примешивается вопрос о татарах.

* * *

Борьба Москвы с Тверью — Димитрия Иоанновича с Михаилом Александровичем — замечательна как по характеру лиц, так и по принципам, обнаружившимся во время ее ведения. Как на московском, так и на тверском престоле были люди даровитые. На тверском преемственно восседали: Михаил Ярославич, Александр Михайлович и даровитый сын его Михаил Александрович, современник Дмитрия Донского. Уже поэтому заметка в летописи, сделанная после татарского разгрома Твери («оттоле запусте Тверское княжение»), не совсем верна. Как увидим, тверские князья следовали не тем принципам, которые могли бы обеспечить успех борьбы. Если позволительно вдаться в гадания, то нельзя не заметить, как тверские князья выпустили из рук те задачи, которые были указаны Александром Невским. Тогда средоточие было бы в Твери, а не в Москве. Александр Невский показал и России, и Западной Европе, что он борется с западными силами, а на татарский вопрос смотрит, как на такой, с которым можно мириться. Это и должны были продолжать тверские князья, что было для них достаточно легко. Тогда бы слава Смоленского княжества возобновилась; Псков был бы опорным пунктом в борьбе с Литвою и Полоцком. Чрез Днепр было бы воз-

можно влияние на юг. Эта задача давалась сама собою. Довмонт был бы подспорьем для Твери. Для преследования этой цели были основания и этнографические (см. Борзаковского). Тверь сложилась из великороссов, малороссов и больше всего из белорусов. Этот элемент мог бы притягивать области, населенные белорусами. Все это заставляло взять в свои руки средоточие. Почему этого не случилось? 1) князья тверские не понимали, а у литовцев были даровитые Гедимин и Ольгерд; 2) белорусский элемент не обладал достаточной энергией; 3) у тверских князей была мысль бороться с татарами, таковы: Ярослав Всеволодович, Михаил Ярославович и Александр Михайлович. Теперь о вражде с Москвой. В то время как Дмитрий Донской стал вырастать в смысле государственном, завязалась борьба с Тверью. Она ясно обозначилась в 1364 г. Начало ее было положено раздором между князьями в самой Тверской области, Симеон Константинович (внук св. Михаила), умирая, завещал свой удел, помимо родного брата Еремии Константиновича, двоюродному Михаилу Александровичу; Еремия потребовал удела, за него вступился дядя Василий Михайлович Кашинский. Обратились к суду церковному. Митрополит Алексей передал дело Тверскому епископу, а последний уважил завещание. Великий князь вступился за Василия. Тогда Михаил Александрович обратился к литовцам, чтобы при помощи их смирить Василия. В 1368 г. дело это разбиралось в Москве. Приехавший сюда Михаил Александрович был взят и заключен в тюрьму. После освобождения из нее (при помощи татарских послов) оскорбленный Михаил обратился к Ольгерду, и тот пошел на Москву и дошел до нее. И хотя скоро был заключен мир, однако московские пределы были так страшно опустошены, «как еще не были опустошаемы и татарами», по замечанию летописца. В наказание за этот поход в 1370 г. московский князь пошел в Тверскую область и, разумеется, произвел большое опустошение и забрал в плен множество народу. Ольгерд помогал тверскому князю. Он подошел к Москве, все пожег кругом и, услышав про большое войско, ушел. Таким образом, и Тверь, и Москва подверглись страшному разорению.

В этих фактах ясно одно, что обращение к Литве произвело разорение и в Москве, и в Твери. Потом сказался и другой принцип. При походе 1370 г. уничтожался смысл прежней политики Твери. Михаил обратился к татарам мамаевской Орды и получил ярлык на

великокняжеский престол и шел с татарским послом Сариходжа, чтобы утвердиться на престоле. Дмитрий Донской, державшийся сарайской Орды, расставил заставы, чтобы перехватить Михаила Александровича. Это заставило Михаила Александровича обратиться к Ольгерду. Так появился союз между Тверью, татарами и Литвой. В 1371 г. Михаил снова обратился в Орду и получил ярлык на великокняжеский престол. Дмитрий Донской привел бояр и черных людей к присяге не принимать Михаила на великое княжение (см. Тверскую и Никонов. лет.). Мало того: когда пришел татарский посол Сариходжа, то Дмитрий отвечал: «К ярлыку не еду, в землю Владимирскую Михаила не пущу; а тебе послу путь чист», и так обратил его, что тот стал защитником его пред Мамаем, к которому теперь и обратился Дмитрий Иванович. Михаил Александрович стал опустошать волости между Москвой и Новгородом, добрался до Вологды, зацепил и новгородские области. Этому содействовал и Ольгерд, который, однако, потерпел в 1372 г. поражение и заключил мир. Оказывалось таким образом, что тверские князья, которые даже по взгляду самих татар постоянно ратовали против них, изменили свой образ действий: Михаил Александрович вошел в союз с татарами и заставил даже Димитрия Иоанновича (Донского) признать существование и значение той части татар, во главе которой стоял Мамай. Этот тверской князь производил разорение России – своей отчизны... Конечно, в сознании русских людей должен был произойти переворот понятий. Русские люди видели, что тверской князь наводит на Русь татар и Ольгерда с его войсками. Вследствие этого в 1374 – начале 1375 г. русские силы устремились на Тверь, чтобы проучить ее князя. Это движение весьма характерно изображается в Никоновской летописи. Здесь перечисляется множество русских князей, участвовавших в этом походе против тверского князя (многие из них участвовали впоследствии в знаменитой Куликовской битве). Все они «возгнедовавша» на Михаила Александровича за то, что он приводил Ольгерда, и за то, что «сложися с татарами». Все они «со всею силою своею» двинулись к городу Михаила. Тверское княжество было страшно опустошено. Михаил Александрович, очень искусный в военном деле и храбрый вождь, мужественно отражал приступ, но в конце концов не мог больше противиться и отдался на волю Донского. Был заключен мир. Михаил отказался от союза с

Ольгердом, обещал не искать более великокняжеского престола («вотчины нашей», как говорил Дмитрий Иванович), даже если сами татары станут его предлагать, но зато участвовать во всех тех походах, которые предпримет великий князь. После этого нашествия русских князей на Тверь тверское княжение действительно «запустило».

Необходимо указать еще на одну немаловажную причину этого почти общерусского движения на Тверь. Ольгерд, помогавший Михаилу по родственным связям (его жена Юлиания была сестрой Михаила), был дальновидный политик: помогая Михаилу Александровичу, он вместе с тем старался закрепить свое влияние над Псковом, Новгородом, над той же Тверью, распространить его на Суздальское и на Нижегородское княжества. Зная, что немалую силу Руси составляет духовная власть и прежде всего русский митрополит, он хотел завести и своего собственного Литовского митрополита. С этой целью он и выставлял своих кандидатов: Романа, Киприана. Русские люди ясно сознавали, что, подчиняясь Ольгерду политически, они должны будут подчиниться Литве и в духовном отношении. Поэтому-то они так единодушно устремились против Михаила, наводившего своего зятя на Русь.

Все эти события важны еще потому, что малые князья здесь приучались действовать под главным руководством московского князя: Московское княжество все более и более получает общерусское народное значение. В настоящее время в русской литературе нередко пробивается то вполне верное воззрение, что возрастание Московского княжества шло постепенно и выше потому, что русские люди сознавали, что в нем с особенной силой развивается общерусская народность. Вот что говорит относительно этого, напр., проф. Владимирский-Буданов: «Московское государство не есть создание политики Московских князей и внешних столкновений..., оно создано в XIV в. силами самого населения и есть русское национальное государство». Ту же мысль, хотя несколько иначе (и не совсем верно) высказывает и проф. Ключевский в «Боярской Думе». Он относит это возвышение Москвы как народного центра ко времени главным образом Иоанна III: тогда по нему образовалось национальное великорусское государство. (Нужно сказать, что *de facto* строилось действительно великорусское государство, но тогда рус-

ские люди еще не сознавали тех делений на великороссов, малороссов и белорусов, которые осознали теперь мы, во всяком случае, не сознавали, по крайней мере, так ясно, как мы сейчас.) Поэтому-то государи (даже Иоанн IV), московские митрополиты подписывались «всея Руси» (Русь соznавалась как нечто единое). Эта черта весьма важна при исследовании вопроса о Куликовской битве, которая была, прежде всего, результатом общерусских стремлений, выразившихся уже и в нападении русских на Тверь (впрочем, и Ключевский показывает зарождение народной силы московской в более раннее время, чем княжение Иоанна III: он указывает на дружное действие московских князей в союзе с боярством, когда то было нужно, еще в XIII и XIV вв.).

Русские князья шли на тверского князя, несмотря на то, что им несомненно предстояло считаться при этом как с Ольгердом, так и с татарами. Так велико было в это время общерусское единодушие. Действительно, князья Смоленский, Брянский и другие поплатились за этот поход: литовский князь пошел на них. Те князья, которые были ближе к татарам, точно так же потерпели от них за свое участие в походе. Но так сильна была тяга к Москве, поэтому вполне верно замечание летописи, что «великий князь всех князей привел под свою волю».

Князья Московские в это время постоянно опирались на боярство московское, которое пользуется их постоянным и полным уважением. Вот что, напр., говорил Симеон Гордый своему преемнику: «Слушай отца владыку да старых бояр, которые отцу нашему и нам добра хотели». В ряду московских бояр этого и последующего времени мы видим много заезжих людей из татар, Западной Европы, литовского мира и из южной России. Особенно важным в деле объединения Руси элементом из этих заезжих людей были люди русские, пришедшие в Москву из Киева при Дмитрие Ивановиче Донском, – Радион Нестерович со своими (1700 человек дружины) людьми; из Волыни – Дмитрий Михайлович Боброк; из западной же России был и митрополит Алексей (из Черниговской области), этот великий патриот, вынесший, так сказать, на своих руках московскую государственность. Таким же патриотом был и знаменитый подвижник того времени Сергей Радонежский. В лице этих двух представителей духовенства сливаются в одно интересы церковные с интересами государственными. Этот союз интересов

подготовил Русь к борьбе с татарами и дал ей победу над ними; он же спас ее и в смутное время. Нужно, впрочем, сказать, что от этого союза у нас больше выиграло государство, чем церковь.

Борьба с Суздальским и Тверским князьями была школой (правда, тяжелой) для другого важного дела – борьбы с татарами. Малые князья покорялись власти московского князя, а эти малые князья занимали пространство у средней Волги и далее на север до Каргополя. Это сосредоточение власти России имело великое общерусское значение. Москвичи сумели приучить русских людей действовать заодно; вместе с тем они находили нравственную опору в митрополите Алексие и преподобном Сергии. Вот обстоятельства, которые сложились в Москве пред новым великим русским делом, которое потребовалось от Дмитрия Ивановича, – борьбою с татарами.

Татарское царство с XIV в. стало рассматриваться, и наши летописцы со вниманием следят за этим. «Бысть залитня в татарской земли» (отец убивал сына, брат брата). Орда заметно стала располагаться на две части. В 60-е гг. выделяются два соперника хана: Мюрид, который подвинулся ближе к Астрахани, и Абдул в Сарая, южнее от Волги, у Дона, именем которых управлял главный военачальник Мамай. События, подготовившие решительную борьбу с татарами, были двоякого рода: 1) русские бесцеремонно забирались в татарские земли. Новгородские ушкуйники в 1365 году дошли до Нижнего, в 1372 г. ушли за Нижний и в 1374 г. дошли до Астрахани, где все были перебиты; 2) татары также давали знать о себе русским людям. В 60-х годах князья Ретопор и Гай, княжившие в Мордовской стране, разоряли Рязанское княжество. Рядом с ними работал Абдул; а Булат Темир разорял область Нижегородскую. В 1374 г. татары взяли Кашин, а в 1375 г. воевали за Дмитрия. Вместе с татарами восстали черемисы и мордва, но более всего стал надоедать русским Аракша, подвижник Мамай (малый телом, но искусный и свирепый воитель), имевший способность нападать одновременно на нижегородцев и рязанцев. В 1373 г. татары разгромили Рязань. Особенно чувствительным было поражение московско-суздальской рати в 1377 г. на р. Пьяне. Русские нередко относились самонадеянно и небрежно к своей безопасности. Подумав, что Аракша далеко, они сложили свои доспехи и даже сняли со своих пик острия; несмотря на жаркое время, они преспокойно себе располо-

жились и много пили. Аракша неожиданно напал и нанес им полное поражение; погибло множество народа, в том числе и главный начальник ополчения кн. Иван Дмитриевич Суздальский. Аракша устремился к Нижнему и взял его. Большая часть жителей спаслась бегством в Городец. При всех этих столкновениях Димитрий Иоаннович посылал войска: то на помощь нижегородским воинам, то сам подступал к Оке и помогал Рязанскому князю. Мамай видел, где главная сила русских, и посылал войска на эту основную русскую силу, чем напоминал князю Димитрию о прежней власти татар. Летом 1378 г. Мамай послал против него большое войско под начальством мурзы Бешча. Дмитрий Иванович поспешил на встречу ему и на южной стороне Оки, на берегах Волги, разбил татар наголову. Теперь Мамай был уже самостоятельным ханом. Вот событие, предшествующее знаменитой Куликовской битве. О ней множество сказаний. Самое старое и краткое в 1-й Новгородской лет., в которой перечисляются убитые и коротко говорится о том, что все-таки «Божьей милостью победили русские». Этот же рассказ передан более подробно в Софийской-Воскресенской, в 4-й Новгородской, причем прибавляется сюжетами о видимой Божественной помощи, о полках ангелов, о Борисе и Глебе. Более пространенный рассказ находится в Никоновской летописи, в том числе об участии преп. Сергия в судьбе Руси, о борьбе Пересвета, также о решении Мамаю и о действиях западного полка. В Софийской, Воскресенской и 4-й Новгородской летописях значительно больше говорится об участии в этих событиях литовских князей и псковичей, и это затем перешло и в Никоновскую летопись. Во всех этих сказаниях, особенно в Никоновской летописи, в основе лежит сказание Сафрония Рязанца (по Тверской летописи – воеводы Брянского). Существует еще сказание «Задонщина», поэтическое пособие к «Слову о полку Игореве». Новейший разбор ее весьма серьезно сделан Иваном Петровичем Орущевым на III съезде в Киеве. В 500-летие Куликовской битвы об ее историческом значении писали Бестужев-Рюмин, Иловайский («Обзор источников») и Коялович М.О. (в «Церковном Вестнике»). На основании этих источников и будем рассказывать о выпавших на долю русского народа событиях.

Мамай был озлоблен за свои поражения на Дмитрия Донского. Нужно было восстановить авторитет своей власти. Средства-

ми к тому считались разорение непокорных стран и уничтожение непокорных. Мамай будто бы научным образом готовился к войне. Он изучал летописи, рассказывающие о нашествии Батыя и завоевании им России. Он счел нужным опереться на иностранные силы: нанимал кавказцев и генуэзцев, вступил в соглашение с Ягайлом Литовским и Олегом Рязанским. В источниках рассказывается о мечтании Мамай и союзников его о том, что будет с Русью после разгрома Дмитрия Донского: думали, что восстановится во всей силе татарская власть над русскими и здесь будет распространена магометанская вера. Олег и Ягайло мечтали при этом о разделении русской земли между собою. Успех всего этого дела основывался на том, что Дмитрий не посмеет противиться и оставит свою землю. Но эта гроза не могла смутить Дмитрия. Он, конечно, сознавал всю меру опасности, но твердо надеялся на помощь Божию; он обращается за благословением к Сергию Радонежскому, за что особо возвеличивается в «Задонщине» и за что Костомаров считает Донского малодушным. Несомненно, однако, что он не пренебрегал и другими доступными средствами. Если хорошенько вдуматься в разностороннюю деятельность Донского, то в ней обнаружатся блестящая сила ума, замечательная доблесть, которая была на такие пункты, где все могло пропасть.

В августе Дмитрий разослал послов с грамотами (а может быть, и ранее – к 1-му августу); призывание на князей подействовало могущественно; правда, не все из них этому призыву последовали, не говоря уже об Олеге Рязанском (он соединился с татарами, хотя не порывал связей с Донским). Не рвались к объединению Михаил Александрович Тверской и Дмитрий Суздальский, но им и нелегко было двинуться: один – на границе с Литвой, другой мог ожидать нападения татар именно по Волге на свою область. Не торопились и новгородцы; но другие области откликнулись и поспешили на помощь: явились ярославцы, белозерцы, устюжане, каргопольцы; пришли некоторые князья смоленские, из Литвы явился вешун Боброк-Волынец и два Ольгердовича – Андрей и Дмитрий. Летопись говорит, что собрались русские люди «со всех земель и городов»; чтобы правильно судить об этом, нужно принять во внимание то, что отъезд тогда был и являлся всякий, кто бы ни захотел.

20 августа войска двинулись в поход; в Коломне был смотр; число войск по Новгородской летописи доходило до 200 тыс., по

Никоновской – больше 400 тыс.; но все летописи говорят о том, что никогда не было в сборе такого множества воинов. В этом деле принял участие преподобный Сергей Радонежский. Когда Донской явился в лавру помолиться, то Сергей дал ему двух иноков Пересвета и Ослябу. 24-го Донской был уже на Дону, недалеко от которого, по слухам, стояли татары. Началось совещание, переходить ли за Дон или нет; литовские князья советовали перейти. Перешли у р. Непрядвы, впереди открывалось Куликово поле. Ночью с 7 на 8 сентября Дмитрий с Боброком-Волынцем отправляются узнавать приметы, на татарской стороне слышен был плач и на русской – плач, но со свирелью. Утром был туман; русские воспользовались этим обстоятельством и скрыли засадной полк под начальством Волынца (существует спор, по которую сторону был скрыт этот полк – по правую или по левую? Думаю, что по правую, ибо говорится «вверх»). Сам Дмитрий пошел сражаться в переднем полку, поставив у стяга своего любимца Бренка. Сражению предшествовало единоборство Пересвета и Мурата. Затем началось само сражение; передовой полк был смят: татары ударили на главные силы, а так как здесь было много неопытных и молодых воинов, то татары ворвались в средину войск. Сам Дмитрий то нападал, то отражал атаки неприятеля, под ним были убиты две лошади, а так как он был тучный, то когда изнемог, то его положили под дерево. На всех напал ужас: что будет? Между тем Волынец терпеливо стоял в засаде, дожидаясь, пока тыл еще больше обнаружится; его умоляли, но он был непоколебим. Наконец, он сказал: «Настал час наш!» Это нападение и перешло в битву. Татары кинулись назад, но страшно были избиваемы (нужно предположить, что здесь уже было применено огнестрельное оружие; не может быть, чтобы князья литовские не привезли его). Татары от победы перешли к великому поражению; тогда и оставшиеся из главного полка воины погнались за ними. Мамай наткнулся на нового хана Тохтамыша и был убит (из-за денег).

Когда вернулись войска и «стали на костях», то начали искать великого князя; нашли его под деревом, сильно радовались этому; войска осталось всего 40 тыс.

Есть здесь еще и другие обстоятельства великой важности: Ягайло шел к Мамаю и был уже в Одоеве, но когда узнал, что татары разбиты, то не посмел идти на победителей. Возникает вопрос: как удержалось спокойствие в Руси, когда войска вышли на бой с

татарами? В летописи об этом говорится: «Во всех областях жены рыдали», ибо оставался один Дмитрий Суздальский; между тем, в любое время могли наскочить татары, Ягайло. Собственно говоря, Русь «оставалась с женами», а удерживали ее спокойствие великая нравственная сила, сочувствие к Донскому и, наконец, вера в митрополита. Велено было также не разорять Рязанского княжества, а это парализовало Олега.

Любопытен вопрос: было ли сознание, что татарское иго свергнуто? Думаю, что было, но так как Тохтамыш сейчас же захотел напомнить о себе русским, то сознание это скоро же теряется; в последующих сказаниях мы его не видим. Однако в Западной Руси, более удаленной от татар, мы видим целый ряд сказаний о том, «как московский князь свалил иго». Тем не менее Куликовская битва прославляется во всех сказаниях. Это была такая победа, после которой татарское иго не могло уже существовать. Как перед Куликовской битвой высказывалось упование на то, чтобы свергнуть татарское иго, так и после Куликовской битвы эта надежда высказывалась. Но в действительности еще далеко было то время, когда Русь могла быть уверенной, что иго не существует. Татары держали Русь под страшною грозою. Следовали неисчислимые бедствия и разного рода опустошения; к этому злу присоединялись еще и собственные смуты. Можно сказать, что тогда страшно колебался татарский мир, волновался и Запад, но и внутри Руси не было устойчивости. Под влиянием этих обстоятельств русские приходили к убеждению, что с окончанием 8-й тысячи лет будет конец мира. Неудивительным представляется, что многие князья тогда теряли сознание того, что делать, куда идти. И если мы будем видеть, что некоторые из них все же терялись, то мы должны искренне подивиться их способности ясновидения.

Сейчас после Куликовской битвы (1381 г.) оказалось необходимым войти в сношение с Тохтамышем, а уже в 1382 г. пришлось испытать силу татарской державы под его властью. Татары произвели нашествие на Русь. Справедливо замечают историки, что татары, чувствуя силу Куликовской битвы, пробирались сюда тайком. Но бедствие готовилось страшное. Суздальский князь Дмитрий Константинович, чтобы хан оставил в покое его область, вошел в сношение с ним, и Олег Рязанский обводил лишь по северным окраинам княжества татар. Не мог

не узнать об этом Дмитрий Иванович, и пришлось ему думать об отпоре. Вот по этой причине произошло совещание князей и Дмитрия Донского. Мы видим, что он упал духом, но несправедливо было бы видеть в этом постоянное качество Дмитрия Донского – трусость: он думал сопротивляться. В летописи (Новгород. IV летоп.) говорится: «И ту начаше думу думати князь Дмитрий и с прочими князи русскими, и с воеводами и с думцами и с вельможами и с боярами старейшими, и всячески гадавшие и обретесе разное в князех, и не хотяше пособляти друг другу и не изволиша помогати брат брату» (Полн. собр. рус. лет., т. IV, стр. 84). Таким образом, мотивы благоразумия удерживали Дмитрия Донского от решительных действий. В Москве началось страшное смятение: «Беху людие смущени, яко овца не имуща пастуха, гражданстии людие взмятошася и всколебашеся яко пьяни... и створиша вече, позвониша во вся колоколы и всташа вечею народи мятежници, недобрыи человеци, людие крамольници» (такая форма общественности считалась уже дурною). Но тут неожиданно явилась помощь из Литвы: прибыл князь Остей и восстановил спокойствие. Об этом говорит последовавшая затем уверенность, которой, казалось, уже трудно было ожидать. Русские храбро защищались и с успехом отражали приступы татар. Татары осыпали стоящих на стенах такую массою стрел, «что мнози на граде стоящии на забрале от стрел падаху». О русских говорится, что они сшибали приступающих татар «камением, а инии самострелы напрягающе пригаху, друзии же – тюфяки (это одно из орудий для сильных нападений и даже для осады: полагался громадный камень, отводили колоду и пускали; камень мчался с быстротою ядра). Но далее говорится: «И самыя те пушки пущахи». Здесь является вопрос: были ли это огнестрельные пушки, или нет? Вероятнее всего, что уже были и огнестрельные, но находились и мастера, умевшие прекрасно владеть и старым оружием – луком: из толпы неприятелей выбирались отдельные лица, и в них направлялись точные удары. Тохтамыш увидел, что трудно взять русских силою. А потому, в чем не успел силою, задумал сделать коварством и хитростью, он предложил русским засвидетельствовать свою покорность и обещал при этом пропустить Дмитрия Донского. Неизвестно, что здесь взяло верх: истощились средства: то ли защиты, то ли по безрассудству, но были отворены ворота. Татары ворвались в город. Последовал ряд страшнейших неистовств. Пострадала и наша наука: «Книг мно-

гое множество снесено со всего града, в сборных церквах до стропа наметано, для хранения ради справажено, то все без вести сотвориша». При этом было убито такое множество народа, что когда вернулся Дмитрий Донской «и повелиша тела мертвых хоронити и даяста от 40-а по полтине, а от 50 по рублю; и сетоша, всего того дано бысть от погребения мертвых 300 рублей». Этот счет показывает, что в Кремле погибло от татарского меча 24 000 человек, не считая сгоревших и утонувших. Татары рассыпались по Руси, грабя ее и опустошая: сожгли Владимир, Можайск, Переяславль Залесский и др.; но у Волоколамска отряд их натолкнулся на Владимира Андреевича и был разбит наголову. Тохтамыш, узнав об это, бежал, разорив на пути Рязанскую землю. Олег тоже бежал. Истощенная Куликовской битвой и этим нашествием Москва не могла думать об отпоре; нужно было только в 1382 г. разделаться с Дмитрием Константиновичем и Олегом Рязанским, отправившимся в Татарию добывать князя Дмитрия Донского. Московская рать вступила в эту землю и вконец разорила ее, хуже татар, без всякого милосердия. И все-таки на тот момент Москва должна была преклониться перед ханом, и Дмитрий Донской в 1383 г. послал к нему своего сына Василия. Обаяние последнего было так сильно, что испортились дела всех других конкурентов (в Орде был и Михаил Алексеевич Тверской с целью добиться великого княжения). Однако Василий Дмитриевич был удержан в Орде до 1385 г. Потом он бежал оттуда, пробрался в Молдавию, а затем в Литву. Все это должно было сильно подействовать на Дмитрия Донского. Он в 1389 г. 19 мая скончался, 39 лет от роду. С приемлемой вероятностью объясняет эту кончину Иловайский: не токовы раны, полученные князем Донским на Куликовском поле, произвели повреждение всего его организма, что подтверждается рассказом о его смерти, но страдал он еще и сердцем.

При сыне его Василии пришлось Руси испытать срам: в 1395 г. явился новый воитель Тамерлан, поразил Тохтамыша и подошел к Оке. Тогда бы Тамерлан мог повторить Батыево нашествие, но его дела осложнились в Средней Азии; он повернул назад. Русские избавились от беды, но не надолго. С другой стороны, где, казалось, установились наилучшие отношения, готовилась беда. Витовт по примеру своих предшественников также стремился расширить пределы Литовского государства за счет русских земель и постепенно подчинял себе последние одни за другими. С этою целью он задумал

возобновить сношения с татарами для нападения на Русь. Для этого Витовт решил возвратить Тохтамышу престол и при его содействии овладеть Русью. С отборным войском, с большим шумом и блестящими надеждами выступил Витовт за татар, но на берегах Ворсклы потерпел страшное поражение. Скоро и Москве пришлось испытать нашествие Эдигея (1408 г.). Василий несколько лет не платил выхода хану и считал себя независимым. Эта непокоренность имела своим результатом то, что Эдигей явился в Московскую область и, разорив ее, взял большой выкуп. Между тем Витовт потерпел неудачу в своих замыслах – взять русских при посредстве татар. Тогда он стал напирать на Псков, Новгород и Смоленск, и замечательнее всего то, что Василий Дмитриевич не разглядел, что за беду он допустил, не оказав помощи Смоленску. Когда стремления Витовта определились со всею решительностью, московский князь открыто вооружился на Витовта, так что дошло дело до войны, однако после трехкратных походов с той и другой стороны дело окончилось между ними в 1408 г. миром, по которому река Угра поставлена была гранью между московскими и литовскими владениями. В отношении к Литве Василий Дмитриевич вел себя сдержанно, насколько возможно было уступал, но охранял себя и Русь. Он, например, не помешал Витовту овладеть Смоленском, и лишь крайность опасности вызвала указанный выше отпор.

В 1406 г. Эдигей совершил нашествие на Россию. Василий Дмитриевич бежал из Москвы в Кострому. Эдигей не мог взять Кремля, но зато Орда опустошила много русских сел и городов. Снова охватила «скорбь» землю русскую. Но кроме этого несчастья, последовал ряд физических бедствий. После 1420 г. говорится в летописи: «Мор бысть на люди»; под 1421 – в Новгороде было наводнение; под 1422 г. – «Глад на земли Русской», под 1423 – голод в Рязанской земле; под 1425 – начался ряд бедствий, каких не знала Москва: последовали смуты в княжестве Донского. В 1425 г. умер Василий Дмитриевич и оставил 10-летнего Василия Темного (сына своего). У Василия Дмитриевича был двоюродный брат Юрий Звенигородский, считавший себя прямым преемником на престол, помимо малолетнего своего племянника; кроме того, он имел, по-видимому, в этом деле и юридическую опору. На основании своего старшинства Юрий оспаривал права престолонаследия у Василия Темного, но неудачно; после чего Юрий удалился в Галич и начал замышлять козни против

своего противника. Он хотел привлечь на свою сторону митрополита Фотия, но тот не дал ему благословения и уговаривал его отказаться от своего предприятия. Соперники решили представить свой спор в Орду на суд Улу-Махмета, который и решил его в пользу племянника Юрия. Это обстоятельство своею видимостью показывает, будто русские сами шли в рабство, возводили его в принцип; обращаясь к татарскому посредству в то время, когда оно начинало слабеть, они поднимали его нравственное значение в своих глазах...

Юрий не соглашался признать Василия великим князем, потому что считал право на это за собою. Митрополит Фотий был послан склонить его к примирению. Юрий соглашался на это под тем условием, чтобы это дело было представлено на обсуждение хана. Впрочем, сохранились сведения, показывающие, что в 1428 г. был заключен мир между Василием и Юрием. И хотя в договорной грамоте Юрий называется младшим, однако оба обязуются не вмешиваться в дела друг друга и помогать друг другу: Юрий отказывается принимать отъезжающих от Василия бояр, а Василий обещается защищать его от врагов. В 1431 г. Юрий сломил целование и потребовал Василия на суд в Орду. Объясняется это тем, что Витовт, дядя Василия, в 1430 г. умер, а его место заступил родственник Юрия – Свидригайло. Ордою управлял Улу-Махмет; она начала уже разлагаться, и подданные хана переходили к ордынскому великому князю Ширин-Тягину, имевшему владения в Крыму. Юрий по примеру тверских князей искал опору у тех татар, которые всего легче могли отложиться от Улу-Махмета. Сторону Василия держал Мин-Булат, главный ханский посол для Москвы.

Итак, в Орде начали разбирать, кому представить великое княжение. С Василием был ловкий для того времени боярин Иван Всеволожский. Он подстрекал Мин-Булата и его партию, говоря, что если они допустят торжество Юрия, то Ширин-Тягин, имея помощников в московском великом князе и литовском, станет ханом в Орде. Это так подействовало на хана, что он грозил смертью Ширин-Тягину, если тот будет защищать Юрия. Было и другое обстоятельство в пользу Василия. В ожидании решения дела Юрий уехал с Ширин-Тягиным в Крым на зиму. По возвращении их начался суд. «Князь повелев своим князем судити князей русских, и много пробыс меж им; князь великий Василий Васильевич по отчеству, и по деденству искаше стола своего, князь же Юрий Дмитриевич дядя его летопис-

цы списки, и духовную отца своего великого князя Дмитрия. И тогда рече боярине великий князь Василия Васильевича Иван Дмитриевич царю, и князем его к глаголю сие: государь вольный царю, освободи молвить к тебе мне холопу великого князя наш государь великий князь Василей Васильевич ищет стола своего великого княжения, а твоего улусу по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыкам, а се твое жалование пред тобою; а господин наш князь Юрией Дмитриевич дядя его хочет взять великое княжение по умертвым и грамоте отца своего (т.е. Юрий ссылается на древние примеры, когда престол занимал не сын, а брат великого князя, и на известную духовную Дмитрия Донского), а не по твоему жалованию волного царя, а ты волен во своем улусе кого возхощеши жаловати на твоей волни; а и государь наш князь великий Василей Дмитриевич великое княжение своему сыну великому князю Василию по твоему же жалованию волного царя» (Никонов. лет., т. V, стр. 110). «И тогда царь Нахмет даде княжение князю Василию Васильевичу и повеле князю Юрию Дмитриевичу, дяде его и кон, повести под ним» Василий отказался от этой чести. Но вышло еще хуже: с ним отправился в Москву ханский посол Мансыр Улан царевич. «Тот его садил на великое княжение у пречистые у золотых дверей». Это первое известие, что великий князь московский устами своего боярина высказал полную покорность хану и объявил Москву его улусом после Куликовской битвы. Эту холопскую услугу Всеволожский оказал в надежде, что Василий женится на его дочери; но Софья Витовтовна избрала для него Марью Ярославну (дочь Ярослава Владимировича). Оскорбленный боярин отъехал в Литву и начал возбуждать Юрия против великого князя. В том же (1433 г.) году явился повод к разбору. На свадьбе Василия был сын Юрия Василий Косой; Софья Витовтовна сняла с него пояс, который, как ей сказали, принадлежал некогда Дмитрию Донскому, и, благодаря подмене, он попал к Василию Косому. Василий Косой и Дмитрий Шемяка (другой сын Юрия) уехали к отцу. Борьба завязалась с новою силою и продолжалась впоследствии 30 лет. Главными участниками в ней были великий князь московский и Юрий с сыновьями. Юрий победил Василия и сел в Москве. Сыновья настаивали на заточении Василия, но Юрий по совету боярина Морозова дал ему удел – Коломну: «Князю же великому, пришедшу на Коломну, и многие люди начаша отказыватися от князя Юрия за великого князя и поидоша к Коломне без престани, а ему то

видящу» (Полн. собр. рус. лет. т. VIII, с. 97-98). Василий Косой и Дмитрий Шемяка убили Морозова, видя это, и ушли от отца. «Князь же Юрий видево яко непрочно ему великое княжение (дети от него побежали, а люди все идут к великому князю, и посла к великому князю глаголя: «Поиде на свое великое княжение»)), а сам поиде в свою вотчину в Звенигород, а оттуду в Галич». Василий Васильевич снова сел в Москве и примирился с Юрием, который отказался помогать сыновьям. Однако в 1434 г. Юрий опять сошелся с детьми, взял Москву и сместил великого князя. Василий Васильевич бежал из Новгорода в Кострому, а затем в Нижний. Сыновья Юрия Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный преследовали его и с большим войском остановились под Владимиром. В это время умер Юрий, а Василий Косой, пользуясь отсутствием братьев, объявил себя великим князем, о чем не замедлил уведомить и их. Они же отвечали: «Аще не восхоте Бог да княжить отец наш, а тебе и сами не хотим». И послаша в Новгород по великого князя, и прииде к ним князь великий; и смирившеся поидоша к Москве. А князь Василий побежа в Ржеву, седев на княжении месяц. И князь великий Василей опять седе на Москве. Князь Великий Василей Васильевич пришед на своей отчине седе, на великом княжении на Московском; а князю Дмитрию Шемяке дав Углич да Ржеву, а меньшему князю Дмитрию Бежницкой Верх». Косой сильно волновал северную Россию. В 1436 г. он выступил с Шемякою против великого князя. Когда войска обеих сторон сошлись в Ростовской области, Косой, с целью захватить Василия Васильевича, заключил с ним до утра перемирие. Василий Васильевич принял последнее и распустил полки на фуражировку. Между тем, Косой поспешил сделать нападение. Извещенный об опасности великий князь быстро созвал полки и разбил Василия. Последний был взят в плен и в Москве ослеплен. Мир, по-видимому, был восстановлен, но продолжался недолго. С 1439 г. начал свои нападения на Москву бывший хан Улу-Махмет. Изгнанный из Орды, он стал нападать на Рязань, потом утвердился в Белеве и просил у Василия Васильевича убежища, даже детей своих отдал ему в залог. Но великий князь выслал против него войско. Войско потерпело неудачу, а Улу-Махмет, переходя с места на место, остановился в Нижнем. Несколько новых нашествий татар были отражены. Наконец, в 1445 г. Василий Васильевич, услышав о появлении на границе двух татарских царевичей и желая доказать, что он в состоянии бо-

роться с татарами, сам выступил против них. Но у Суздалья потерпел поражение и был взят в плен. Скоро он был отпущен, но на весьма своеобразных условиях: за него пришлось дать большой выкуп: по одним сведениям – 200 тыс., по другим – 30, а по третьим – сколько угодно; приходилось с трудом собирать золотом, серебром и чем кто мог. А с самим князем выехало в Москву много татар, которым он принужден был давать поместья, чтобы противопоставить этих остальным.

Кроме того, Василий, отказавший Улу-Махмету в поселении в русской области, в действительности перезывал к себе много татар и даже ставил их у кормила правления. Так, напр., он поставил правителями северо-восточной части Рязанской области двух татарских царевичей Касима и Якуба, бывших с ним в дружественных отношениях. Таким образом, у Василия была тесная дружба с татарами. Это вызывало негодование среди русских людей, так как все воочно видели, что ненавистные татары принимают участие непосредственное в управлении Россией. Теперь, когда татарам была заплачена большая дань, негодование русских людей еще более усилилось. Распространилось убеждение, что князь дружит со всеми вообще татарами именно потому, что он и прежде принимал их к себе на службу. На беду несчастья разного рода одно за другим разряжались над Москвою. Пред битвой при Суздале «бысть знамение во граде Москве: весьма буряи сами прест честного Рожетсва, иже придел имать святыи Лазарь» (Полн. собр. рус. лет., Софийская 2-я лет., стр. 170). После Суздальского поражения «июля в 14 день, в среду, загореся град Москва внутри города в кощи и выгоре весь яко ни единому древеси на граде остатися, но и церкви каменные распадашася и стены градныя распадашася во многих местах; а людей многое множество, Игоре священно инок, и иноков и инокин, мужей и жен и детей, понеже бо отселе из града от, а из-за града татар бояхуся; казны же многи выгореша и бесчисленное множество товара всякого, от многих бо градов множество людей бояху тогда в осаде. И якоже ногоревшу тогда граду, и княшни великая София и великая княжни Мария, и с детми и с боляры своими идоша ко граду Ростову, а гражане в велице тут и волнении быша» (Софийская 2-я лет., с. 171, Никонов. летоп., стр. 199). Одни хотели бежать из города, чернь же худе люди» стали ловить, бить и ковать бежавших. В 1446 г., когда Улу-Махмет прислал жене и матери Василия нательный крест его в свидетельство того, что великий князь

находится в плену, Москва еще более заволновалась; случилось необычайное явление: «Потрятается град Москва, Кремль и посад весь, и храми поколебашася». Многие, говорит летописец, спали и не слышали этого потрясения, но многие слышали и пришли в ужас и отчаяние. Всеми этими бедствиями воспользовался Дмитрий Юрьевич Шемяка: он вошел в сношения с князем Иваном Можайским, и едва Василий возвратился в Москву, против него начались козни. Побывавши немного в Москве, Василий отправился в Троице-Сергиеву лавру помолиться пред гробом преподобного Сергия; этим и воспользовались сторонники Шемяки, которых было немало в Москве. «Мнози же и от москвич в думе с ними бяху», говорит летописец, «бояре же и гости; бе же и от чернцов в той думе с ними. И тако начаша князи и с своими светники безвестно вооружатися и искати подобна времени, како бы изгонити великого князя». Воспользовавшись отлучкой князя, Дмитрий Шемяка овладел Москвою, а за Василием отправил отряд войска под начальством князя Ивана Можайского. Иван Можайский, скрыв своих воинов в возах, успел обмануть стражу, оберегавшую Василия, и проник в монастырь. Василий скрылся в церковь, которую один пономарь под именем Никифор запер на ключ, а сам спрятался. Тогда Иван Можайский стал убеждать Василия выйти, говоря, что ему не будет сделано никакого зла, и Василий отпер дверь. «Возьмите его!» – сказал Можайский и вышел. Василия взяли и привезли в Москву. Дорогой Можайский утешал Василия, говоря, что теперь народ недоволен им, но когда татары увидят его в таком виде, то облегчат откуп, какой должно было давать царю, и народ снова примет его сторону. Василия привезли в Москву «в понедельник на ночь на мясопустной недели, февраля в и посадиша его на дворе шемякине, а в среду на той же недели на ночь ослепиша великого князя и отослаша его на Угличеполе и с его княшнею, а мать его великую княшню Софию послаша на Чухлому. При ослеплении Василию говорили: «Чему еси татар привел на русскую землю, и города дал еси им и волости подавал еси им и волости подавал еси и волости подавал еси в кормление? А татар любит и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татарам» (Новгород. 4-я лет., стр. 125). Из этого последнего места летописи мы видим, что при княжении татарского ига происходило смешение русских с татарами

в целых группах, татары оказывались правителями чисто русских областей, и сам великий князь любил татарскую речь.

Дмитрий Шемяка утвердился на московском столе, но не прочно. От его времени, может быть, остался нам известный «шемякин суд». Кроме несправедливого суда, против Шемяки возбудило народ его коварное отношение к детям Василия, когда Шемяка насмеялся над святыней. Когда брали Василия Темного из Сергиевой лавры, забыли взять его детей – Ивана и Юрия. Этим воспользовались друзья Василия и увезли его сыновей в Муром. Желая заполучить их в свои руки, Шемяка обратился к посредству Ионы, епископа Рязанского, и дал ему обещание, что детям Василия не будет причинено ничего худого. Иона поверил и «свершив молебная взять их с пелены у Пречистые на свой татрахил» (Софийская 2-ая лет., стр. 175) в знак того, что дети будут вне опасности, и передал их Шемяке. Но Шемяка заключил их вместе с отцом в Углич. Тут вот открывается доблесть приверженцев Василия. Князя Василий Ярославич, Семен Иванович Оболенский-Ряполовский, боярин Федор Басенок и др. бежали в Литву и стали замышлять, «как бы выняти великого князя». В то же время многие бояре стали убеждать Шемяку выпустить Василия на свободу, а епископ Иона особенно негодовал на то, что Шемяка сделал его предателем. Под влиянием общего негодования и особенно со стороны духовенства Шемяка должен был дать свободу Василию, между тем как сторонники Василия подвигались уже к Москве. В Угличе произошло примирение Шемяки с Василием, был устроен роскошный пир, проливали слезы, давали клятвы. Василий дал отреченную грамоту от великокняжеского стола и получил себе Вологду. Мир был заключен, но не надолго. Прибывши в Вологду, Василий отправился в Кириллов-Белоозерский монастырь, и тут «игумен Трифон со всею братиею благослови великого князя и с его детьми на великое княжение, а рекучи так: «тот грех на мне и на моей братии головах, что еси целовал крест и крепость давал князю Дмитрею; и поиди, государь, с Богом и своею правдою на великое княжение, на свою вотчину на Москву, а мы за тебя государя Бога молим и благословляем: несть бо лзе таковому государю в таковой дальней земле заточену быти» (Софийская 2-ая лет., стр. 176). Отсюда Василий отправился в Тверь; здесь с ним соединились его приверженцы, пришедшие с войском из Литвы, сюда же пришли и Касим с Якубом. Дмитрий Шемяка вместе с Иваном Можайским

стали около Волокамского монастыря. В это время отряд Василия занял Москву. «А князь великий поиде к Волоку на Шемяку и на Можайского, с многою силою; они же в недоумении бывше: со от Твери на них князь великий идет, а се приде к ним весть, что цареви-чи идут да князь Василей Ярославич с многою же силою, а Москва уже взята, а от них люди одинако бежать – и тако побегаша к Галичу, а отголе на Чухлому, и ту взял с собою мать великого князя княшню Софию, побегаша на Каргополе» (Софийская 2-ая лет., стр. 177). Таким образом, в 1447 г. на московский стол опять сел Василий Темный. Но этим дело не окончилось. С этого времени и до 1453 г. идут постоянные смуты на севере России. Шемяка не мог успокоиться и, поддерживаемый вятичами и инородцами, жившими в Вятской области, а так же новгородцами, постоянно нападал на Василия и вынуждал его делать частые походы. Положение дел было так запутано, что люди Василия посоветовали ему, а может он и сам на это решился – покончить с Шемякою. Вот как говорится в летописи: «В лето 6991 (1453) месяца июля 23 прииде весть к великому князю из Новгорода, на вечерни и великомученик Бориса и Глеба, на Москве, на рве, что князь Дмитрией Шемяка умре напрасно в Новгороде и положен в Юрьеве монастыре; а пригонил с тою вестью подьячей, а бысть отголе дьяк, Василей Беда» (Софийская 2-ая лет., стр. 180). Дело в том, что один московский дьяк Степан Бородатый подговорил человека Шемяки Ивана Котова, а этот подговорил повара, и Шемяка умер от курицы, напитанной ядом. В житии Пафнутия Боровского рассказывается, что однажды пришел к нему человек, назвавший себя Иваном. Пафнутий, увидя его, сказал, что и монашеская ряса не спасет этого человека. «Почему?» – спросили его ученики. «Сей человек князя Шемку отравой убил», – отвечал преподобный.

Отделавшись от такого опасного врага, каким был Шемяка, Василий Темный счел нужным восстановить свою власть в тех местах, где она была поколеблена, и начал с Новгорода. В 1456 г. он отправился в Новгород и остановился в Яжелобичах, а его войско разбило новгородские дружины. Победа Василия над новгородцами любопытна в том отношении, что здесь столкнулись два военных строя – старый, удержанный новгородцами, и новый, развившийся под влиянием огнестрельного оружия, усвоенный Москвой. Когда воеводы Василия – Стрига-Оболенский и Басенок пограбили Руссу,

отправили товары вперед, а сами с небольшим отрядом пошли на соединение с князем, «бысть весть им, а и сами видяху, что идеть на них от Новагорода рать велика, 5 тысяч их бяху, а сих до двусот не осташихся, видевше же устрашишася, потом же начаша глаголати меж собою: «Что сотворим? Аще не поидем противу их битися, то погибнем от своего государя великого князя, понеже корысть взяхом и воа с тем отпустихом; но лучши помрем с ними за правду своего государя, а за их измену», и поидоша противу их; бысть же плетень меж их и суметы снежные велики, и не бе им лзе вместо снятися. Вон же великого князя видевше крепкия доспехы на новгородцех и начаша стрелати бити по конем их, кони же их яно взбеснеша, и начаша метатися под ними и с себе збивати их; они же не знающе того бою яко омертвеша, и руки их ослабеша, копиа же кмяху долга, и не ножаи и взнимати их, тако якоже обычай есть ратным, но на землю испущающе их, а конем бьющимся под ними, и тако валяхуся под кони свои, не могуще сдержати их; и сбыться реченное пророческое слово над ними глаголющее: ложь конь в спасение, в множество силы своеа не спасется» (Воскресен. лет., стр. 146). Таким образом, новгородцы, сильные своей конницей, надеялись победить московский отряд, но были побеждены москвичами, сильными пехотой. Вскоре после этой битвы последовал Яжелбицкий мир, весьма тягостный для новгородцев: они принуждены были заплатить 8500 р. (на нынешние деньги) или, по другим известиям, 10 тыс. и принять важное обязательство, касающееся коренных условий жизни новгородцев – княжеский суд, княжескую печать и, кроме того, принуждены были отказаться от судебных вечевых грамот и обязаться не давать убежища враждебным Москве князям. Все это потому важно, что уничтожало вольности новгородцев и приближало положение Новгорода к той катастрофе, которая постигла его при Иоанне III.

С XIII в. новгородцев стал теснить Ганзейский союз: немцы взяли в свои руки заграничный торг, а поэтому новгородская торговля двинулась на восток; этим объясняется усиление новгородской колонизации на Белое море и за Урал, а также и основание самой Вятки. Но и на этом пути новгородцы встретились с иноземными силами – с Ливонским орденом и Швецией и, кроме того, на северо-западе с Псковом, который все более отбивался от Новгорода, созидал все большую свою самостоятельность и входил в сношения с

Литвой. Но самая большая беда угрожала Новгороду от Москвы, государственность которой все более расширялась и, обходя Тверь, шла к Суздалью, Ростову, Белоозеру и пробивала себе путь к Балтийскому морю; таким образом, Москва столкнулась с Новгородом.

При Василии Темном от Новгорода отошли к Москве Волок-Ламский, Торжок, Белжецкий верх и Вологда, и самый Новгород покорился воле великого князя. Из отношений князя московского к новгородцам видно, как намечалась судьба Новгорода. Василий Темный в 1458 г., справившись с Новгородом, направил свои силы против других областей. Вятку – это гнездо беспокойной и хищной вольницы он заставил признать свою власть. Василий старался наложить свою власть и на другие княжества – Тверское и Рязанское. Самые обстоятельства благоприятствовали таким стремлениям московского князя. В Твери на княжеском столе сидел малолетний Борис Михайлович; Василий Темный женил на его сестре своего сына Ивана, чрез что Москва приобрела ту выгоду, что тверские дружинники могли тянуться в сторону московского князя. Благоприятствовали обстоятельства Василию и в княжестве Рязанском. В 1450 г. в Рязани был старый князь Иван Федорович, который, умирая, отдал сына своего Василия на попечение московского князя; Василий Темный взял малолетнего князя к себе в Москву, а в Рязань послал своего наместника. Таким образом, Василий Темный захватил громадную власть; в то же время он старался показать, что власть его благодетельна для подданных, преследовал разбойников, воров, предпринимал и другие меры для спокойствия и тем примирял население со своею крайнею жестокостью, которая иногда доходила до крайних размеров, например, известен такой факт, относящийся к концу жизни Василия Темного. Василий Ярославич, князь Боровский, после того, как Василий Дмитриевич был ослеплен и заточен, ушел в Литву и отсюда принимал деятельные меры к его освобождению. Под конец царствования Василия Темного между ним и Василием Ярославичем произошел неизвестно по каким причинам разлад, и последний был сослан в Углич (1456 г.). Так заплатил Василий Темный за благодеяние Василию Ярославичу. В 1462 г. дружина Василия Ярославича Боровского задумала сделать то же по отношению к своему князю, что сделал он по отношению к Василию Темному, т.е. освободить его. Но Василий Темный успел захватить заговорщиков, и вот произошла жестокая расправа, о которой свидетельствует целый

ряд летописных свидетельств, разработка которых представляет любопытную картину. В 4-й Новгород. летоп. говорится, что князь «повеле их казнию незнаемого казнити», в других летописях (Летоп. Авраамки), высказывающих осуждение Василию Темному за такое отношение к Василию Ярославичу, который был его благодетелем и при том много лет томился в заточении, о последовавшей казни дружинников Боровского князя передается так: «Повеле их князь поимати и разной смерти дати: иного коньми растерзающе, а ини оружием прободоша, руце и нозе отсекоша, а иныя в воде истопоша». Ожесточение Василия Темного было так велико, что он запретил даже духовным лицам приступать к ним, т.е. лишил их покаяния.

Можно теперь поставить вопрос: что же разумеется в Новгородской летописи «под незнаемого казнию»? Из сопоставления указанных летописей можно было думать, что слова второй летописи разъясняют, в чем состояла эта «незнаемая казнь». Но вернее думать, что здесь впервые встречается указание на кнут, о котором в этом месте говорит и летопись Воскресенская; в ней читается: «Повеле бити кнутьем». Автор Софийской летописи стал было это дело описывать и написал сначала «незнаемою казнию», а потом зачеркнул и таким образом показал, что в его время кнут был уже в употреблении. Кнут – это ужаснейшее орудие для казни, на западе был неизвестен и появился у нас с востока.

Подробные сведения о кнуте находятся у Сергиевского в его сочинении «Уголовные наказания». Автор смотрит на кнут как на вещь, которая была необходима для поддержки государственности.

Кончина Василия Темного была ужасная: «Повие жещи и себе трут на хребте, болезни ради от сухотной и с тех ран разболеся и преставися».

Весьма важным делом в истории объединения России является то обстоятельство, как Василий Темный порешил вопрос о престолонаследии. Василий Темный свой престол передал своему старшему сыну Ивану. Еще при жизни Василий Темный выдвигал Ивана на первый план. Иван был самым близким к Василию лицом. Василий Темный еще с 1450 г. в грамотах вместе со своим именем стал писать и имя Ивана как наследника. Таким образом, при жизни Ва-

сиятия Темного всем было ясно, что престол по его смерти должен перейти к старшему сыну великого князя.

* * *

Время Иоанна III (1462–1506) представляет замечательное явление в истории русской жизни и поэтому останавливает на себе особенное внимание историков. Карамзин об Иоанне III говорит в VI т. В своей переписке (изд. Погодиным) Карамзин излагает свои, так сказать, кабинетные соображения по поводу этого времени. Он говорит, что он, выбравшись из смут удельного времени, перешедши к Иоанну III, начинает отдыхать. Такой отзыв является вследствие неправильного понимания уделов. К тому же Карамзин относится к Иоанну III небеспристрастно. Это отношение к Иоанну III объясняется тем, что Карамзин в своем трактате об Иоанне III преследовал публицистические цели и писал о нем в укор Александру I, увлекавшемуся иноземной политикой; Иоанн же III больше всего заботился о своей земле. Соловьев представляет (V т.) Иоанна III счастливым наследником целого ряда предков, терпеливо копивших богатства. Соловьеву Иоанн III дорог как носитель цивилизационных идей. Костомаров (во II вып.) славит Иоанна III за восстановление единства России; говорит, что Иоанн устроил такой уклад жизни, который жил в России 200 лет; но устроенный Иоанном III порядок был безжизненен и без творчества. Ключевский («Боярская дума древней России», XII гл.) рисует время Иоанна III как время развития национального самосознания. При Иоанне III развилось сознание того, что русское государство должно заключаться в пределах всего великорусского племени. Весьма важно то, что Ключевский останавливает большое внимание на том, что около Иоанна III группировались служилые люди. В Москву собирались князья из разных мест, в том числе татарские князья. Образовалось крепкое служилое сословие, прочно строившее русское государство. При этом при Иоанне III вполне определились отношения между служилыми людьми. Когда впоследствии специалистам приходилось разбирать местные счета, то они всегда обращались ко времени Иоанна III.

Во время Иоанна III были приняты весьма важные вопросы. Костомаров напрасно утверждает, что в деятельности князя не было творче-

ства. Некоторые вопросы, поднятые при Иоанне III, решались при Петре Великом; а иные были разрешены Екатериной II. В самом деле, мы видим, сколь успешно решался при Иоанне III вопрос об объединении великорусской территории: пали Новгород, Вятка, Тверь, Рязань. Хотя Псков и Смоленск сохраняли свое значение, но недолго оставалось жить им. Целые области северских князей присоединялись. Литовское, Польское княжества были вотчинами великого князя. По отношению к татарскому миру было решено, что нужно бить татар на северо-востоке и уничтожить крымского хана. К несчастью, эта последняя мысль была забыта властями и нашла свое осуществление только при Екатерине II. Немцев также решено было взять в свои руки. Вопрос о дани при Иоанне III был окончательно решен. Наконец, были намечены сношения с Западной Европой. Путем для этих сношений была избрана Италия; этот путь должен был скорее всего вызвать сношения со славянами.

Таким образом, при Иоанне III происходил громадный переворот. При такой ломке не могло быть, понятно, и речи о каких-нибудь нежностях. Жестокости – отличительная особенность времени Иоанна III. Недаром в это время явилась мысль, что пришел конец миру.

Царствование Иоанна III обнимает богатое событиями время. В учебниках этот период подразделяется несколько искусственно на следующие отделы: 1) падение Новгорода; 2) деятельность Софьи Палеолог; 3) свержение монгольского ига; 4) внутренние дела; 5) польские дела. Такого же разделения, ради удобства, будем придерживаться и мы.

Иоанн III родился в 1440 г. Его рождение сопровождалось необычайными предсказаниями в Новгороде. Именно юродивый Михаил Клопский стал звонить в колокола, и когда у него попросили объяснения, то он сказал, что в этот день родился человек, который уничтожит свободу Новгорода. С 1447 г. он начал принимать участие в делах своего отца; в том же году он был обручен с Марьей Александровной Тверской и в 1453 г. женился на ней. Затем он начал участвовать в военных походах (например, помешал хану Ахмату переправиться через Оку). С 19 лет уже официально принимал участие в делах правления и подписывался вместе с отцом на бумагах.

Такое воспитание послужило для Иоанна богатым опытом. При отце он видел вред разделения русской земли и должен был стремиться к объединению ее. Способности его способствовали ему в достиже-

нии этой цели: он был одарен холодным умом, железным характером, расчетливостью и осторожностью. Он поставил на очередь назревшие вопросы: татарский и западнорусский. Высоту власти он поднял до степени, на которой она еще никогда не находилась. Предметом его забот были дела всего православного мира; хотя не брезговал плодами западной цивилизации, но он придавал ей значение технической вещи и принимал ее такими путями, что, если бы русские правители постоянно шли этими путями, то этой цивилизацией давно были бы затронуты все славянские страны.

Еще отец Иоанна III понимал ненормальное положение Новгорода в отношении Москвы. Его сын и наследник осуществил то, к чему стремился отец. Дела великого Новгорода были в то время далеко не блестящи. Там действовали две партии: торговая, тяготевшая к Москве, и демократическая, симпатии которой более склонялись на сторону Литвы. Вече было расслаблено, суд правдивый отсутствовал. В 1470 и особенно в 1471 году у новгородцев завязались сношения с Казимиром и было решено признать его власть. В это же время умер новгородский архиепископ Иоанн. Из двух кандидатов (Пимена и Феофила) выбор, благодаря консервативной партии, пал на Феофила. Явился вопрос: куда ехать для постановления? Феофил хотел в Москву, Пимен же соглашался отправиться и в Литву.

В это время выступает на сцену знаменитая Марфа-посадница, жена Исаака Борецкого⁴⁸, которую Пимен как казначей монастыря снабжал деньгами для подкупа нужных людей. О деятельности Марфы летописец говорит так: «Некоторые же от них посаднички дети Исаака борецкого с матерью своею Марфою и с прочими иными изменники научени дияволом, иже горше бесов быша прелестницы на погибель земли своеи и себе на пагубу, начаша нелепая глаголати и развращенная, и на вече приходящии кричати, не хотим за великого князя московского, ни зватися отчиною его, вольные есмы люди великии Новгород, а московской князь великии многи обиды и неправду над нами чинить, но хотим за короля польского и великого князя литовского Козимира. И тако возмаетесь весь град их и восколебашась яко пьяны, овни же хотяхи за великого князя по старине к Москве, а другии за короля к Литве; тем же изменницы начаша наймовати ходых мужиков вечников иже на то за все готови по их обычаю, и приходяще на вече их звоняхи за все в колоколы, и кричаще глаголахи за короля хотим; инии же глаголяхи им за

великого князя хотим московского по старине как было прежде сего. Наймиты же изменников тех камене метяхи на тех, которые за великого князя хотят, и велико неустроенне бяше в них, и меж себя ратяхуся сам на ся востающе. Мнози же от них старии посадницы и тысяцкие лучшие люди також и жити люде глаголаху к ним, неже братые тому так быти, якоже в глаголате за короля нам дати, и Архиепискупа поставити от его митрополита Латынина суща. А от начала отчина есмы тех великих князей от первого великого князя нашего Рюрика... и от того святого и великого князя Владимира даже и до сего господина нашего великого князя Ивана Васильевича за тенью есмы бывали, и архиепискупа от них не ставили себе якоже вы ныне хотите ставити от Григория называющася митрополитом Руси, а ученик той Исидоров суща Латынин» (Никонов. лет., т. VI, стр. 17-18).

К Казимиру было отправлено посольство, которое заключило с ним договор. Впрочем, наместник, которого Казимир поставил в Новгород, через 4 месяца, увидя смуты, уехал оттуда и по дороге грабил жителей. Иоанн отправил в Новгород посольство с увещанием: «Отчина есте моя людие новгородстии изначала от дед и прадед наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрикова первого великого князя в земли вашей.. а от того великого князя даже и до мене род их мы владеем вами и жалуем вас и бороним от всех, а и казнити волны же есмы коли нас не по старыни за великим князем литовским не бывали есте как и земля ваша стала, а нынеча от христианства отступает к латынству через крестное целование».

Между тем новгородские дела стали предметом обсуждения всей России. Дело соединялось с изменой православию. «Аще бо и христиане нарицахися, а дела их бяхи горее наверных, всегда бо изменяху крестное целование нарушающее», – говорили москвичи. Иоанн требовал от новгородцев покорности и вместе с тем дал знать псковичам, чтобы они готовились к походу. Такого же содействия Иоанн потребовал и от братьев. «Братия же великого князя все с многими силами каждо их из своа вотчины поидоша разными дорогами к Новгороду пленующе и жгуще и люди в плен едуще; такого и князя великого воеводы таже иде творяху клиждо на кое место посланы». Поход сопровождался жестокостями. Так, после поражения новгородцев между Ильменем и Руссой пленным отре-

зали носы и губы. В Шелонской битве новгородцы были окончательно разбиты. Несколько правящих лиц, виновников заключения договора с Казимиром, попали в плен. Иоанн одних казнил, других отправил в ссылку. Новгородцы увидели невозможность сопротивляться и за-просили мира. Иоанн наложил на них тяжелую дань, отнял несколько земель и подтвердил прежние условия: не сноситься с врагами Москвы и не давать грамот. За этим внушением последовали и другие. Иоанн заставил новгородцев быть более справедливыми в судебных грамотах. Так как за судом новгородцы нередко обращались и к Иоанну, то он решил для этой цели отправиться в Новгород (с 1475 до февр. 1476 г.). Многие новгородцы на второй день приезда Иоанна в Новгород «били ему челом на обидчиков», буйных бояр. Князь начал производить над ними суд, в котором ему, вследствие разобщенности интересов, легко было быть беспристрастным. Суд князя очень понравился новгородцам, которые вследствие этого стали обращаться к князю все чаще. Дело дошло даже до того, что в 1477 г. 23 февраля «прииде из Новгорода Великого к Великому князю посадник Захария Овинов приставом великого князя с многими новгородцы, иные твечевати коих обидел, а на того не бывало начала, как земля их стала и как великий князи учали от Рюрика на Киеве, и на Володимери и до сего великого князя Ивана Васильевича, по сей в то приведе их». Свидетельства эти очень важны потому, что показывают, как с такою огромной властью соединялось правосудие.

В завязавшихся сношениях с Новгородом скоро явился новый инцидент, за который Иоанн ухватился для полного укрощения Новгорода. «Месяца марта архиепискуп новгородский Феофил и весь великий Новгород прислали к великому князю послов, своих Лачаря подвойского да Захария дияка – вечного... Били челом и называли себе их господари, а наперед того как и земля их стала того не бывало, никоторого великого князя господарем не называли, но господином». Великий князь отправил в Новгород послов узнать, «какова хотят государства их вотчина их великий Новгород, и они того запершиися рече, с тем есмь не посылавали, и назвали то лжею». Тогда Иоанн вдался в обиду, а в Новгороде, еще при послах его, начался мятеж. «И бысть мятеж в Новгороде, сотвориша вече и пришед взяша Василия Микифорова и приведоша его на вече и вскичаша перевешник, был

ты и великого князя, а целовал еси ему крест на нас? Он же рече им, целовал есми крест великому князю в том что ми послужити ему правдою, и добра ми хотети, а не на господаря своего Великого Новгорода, ни на вас на своего господу и братиго; они же без милости убиша его, а по говору Захария Овина, а потом и того Овина убиша и з братом. Кузьмою у Владыки на дворе; а от того часа возбеснеша яко пьянии, инь иная глаголаше, и к Королю паки восхотеша». Иоанн опять в конце 1478 г. отправился в Новгород с многочисленною ратью. Новгородцы уже не думали собирать сил, ибо их не было, а поэтому сразу пошли на сделки.

В сделках многие из них зашли далеко и стали переходить на службу к великому князю. 30 декабря перешел к великому князю последний новгородский князь Василий Шуйский-Гребенка. 10 ноября на встречу великому князю выслано было посольство, которое было задержано в Торжке до прибытия великого князя. Потом прибыло еще одно посольство за описными грамотами для Большого посольства. Последнее великий князь считал настоящим, а потому и отпустил два прежние обратно. 23 ноября прибыло Большое посольство. Требования его не касались существа дела. Оно просило о возвращении всех удержанных новгородцев, о приезде великого князя в Новгород по разу в четыре года, о том, чтобы великий князь брал с Новгорода по 1000 руб., оставил бы суд посадника и наместника, не вызывал попросту в Москву и проч. Но видя, что в своих просьбах они зашли слишком далеко, вскоре «ударил челом, чтобы государь пожаловал указал своеи отчине, как ему Бог положит на сердце, отчину свою жаловати, и отчина его своему государю челом бьет в чем им можно быти». Иоанн придвинул войско еще ближе к Новгороду и дал ответ: «И мы по вашей посылке и по челобитию... посылали вам бояр своих; велели есмя спросити... какова хотите нашего государства на отчине нашей в Новгороде; и вы того у нас заперлися и к нам послов о том сказали есте не посылавали, взложили есте на нас великих князей то, что рекше мы над вами над своею вотчиною силу чиним; и носе толико еже мож позорили есте на нас своих государей». В это же время Иоанн распустил половину войска своего «на кормы» – фуражировку, сопровождавшуюся, «чтобы государь пожаловал указал своеи отчине как Бог положит ему на сердце своя отчина жаловати». Великий князь отвечал, что «посылали к нам Назара да Захара, а называли есте нас государи и мы послов своих

посылали спросить Вас, какова хотите нашего государства, и вы того у нас запершись, а на нас есте ложь возложили и мы не мога терпети того... пошли есмя на вас; и восхищает нам бити челом наша отчина Вел. Новгород, и они знают как бити челом». Вскоре явился татарский отряд к великому князю. 4 декабря новгородское посольство созналось во лжи. Великий князь, приняв во внимание признание, ответил: «А спрашиваете какому нашему государству быти на отчине нашей Новегороде, ино мы великие князи хотим государства своего как есми на Москве»... Послы испросили позволения ехать назад и посоветоваться с Новгородом. К этому времени прибыли псковские войска и навели мост на Волхове. 7 декабря явилось посольство, но повело речь о частностях. Иоанн ответил им, что они били челом сперва об одном, потом о другом: «И вы пынеча сами указываете мне, а счиняете урок нашему государству быти, иното которое мое государство». Новгородцы отвечали, что не знают порядков низовской земли, а потому и не знают, какого государства хочет Иоанн. Затягивая переговоры, они затягивали время и быстро укрепляли город. Иоанн решительно объявил им: «Вечу польскому в вотчине нашей и в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство свое нам держати ино на чем великим князем быти в своей отчине». Но новгородцы опять стали просить о более точном определении требований. Иоанн потребовал, кроме бывших за ним в новгородской земле владений, половину земель владыки. Требование Иоанна рассчитано было и политично: владыка был и духовным и светским вершителем новгородских дел. Разделяя и уменьшая его имущественный ценз, Иоанн рассчитывал несколько сбавить значение владыки и свести новгородского владыку в разряд обычных владык. Хищения со стороны Иоанна тут не было, хотя он был скопидом и брал везде, где только можно было. В данном случае проявилась «поместная система». Эти земли Иоанн раздавал в поместья служилым людям, преимущественно москвичам. Он, следовательно, имел в виду подбавить здесь общего русского элемента и ослабить местный, замкнутый и сильный традициями элемент. Система эта обнаруживает необычные особенности русского народа, что увидим ниже. В 1478 г. Иоанн ушел из Новгорода, а в 1479 г. здесь вспыхнуло вновь восстание. Иоанн принял новый поход, разгромил Новгород, казнил мятежных бояр и, самое главное, вывел из Новгорода много семейств в Москву, Нижний и другие города, а Новгород засе-

лил москвичами. Это переселение и смешение (ассимиляция) населения в высшей степени важно. Россия исторически слагалась таким образом, что чисто русский элемент мешался с инородческим. Когда приходилось уничтожать прежний строй жизни, то и являлась нужда в смешении. Сильно близорук Костомаров, когда об Иоанне IV говорит как об упрочителе коренного населения. Мера эта есть и была раньше. Ее можно видеть в исторических судьбах Малороссии, западных окраин. Но часто бывают при этом и крайности: излишние завоевания ложатся тяжелой обузой на шею завоевателей. Незначительность русского элемента создала же сепаратическую Финляндию и настоящую Дойчеляндию в Прибалтийском крае. Кроме того, смешение это оттягивает массу народа от своей родной земли, обессиливает центр из ассимиляции окраин. И это прекрасно понимают и пользуются случаем как евреи, так и немцы, наводнившие даже Москву.

Иоанну III приходилось воевать с Новгородом и уничтожать его вольность, вступать в переговоры и в брак с Софьей, улаживать дела с братьями и татарами. Прежде всего займемся рассмотрением дел его с татарами. Собственно, он ничего нового не вносил в этом отношении, но тем-то и замечателен, что, не внося нового, он делал великие дела. Орда начала слабеть, заметно разделяться на две части: одна расположилась по Волге до Камы со средоточным пунктом до Казани, другая – по Дону до его устья. Нам уже известно со времен Александра Невского, что тут образовалось Ногайское царство. До времен Иоанна III образовалось и Крымское ханство. В правление Иоанна III ханом Золотой Орды был Ахмат, в Казани – Абрагим, в Крыму – Мегли-Гирей. Ближайшее отношение к России имели татары казанские. Они добирались до Вятки и затрагивали интересы русских. Это было причиной их недружественных отношений. Что касается татар крымских, то русские были с ними в дружественных отношениях. С самого начала княжения Иоанна III было сделано много походов против казанцев; особенно замечательны они с 1469 по 1470. Цель их состояла в том, чтобы устранить Абрагима, врага русских, что и было достигнуто; причем выдвинулся атаман Руно со своими казаками. После смерти Абрагима претендентами на престол были двое: Амин и Алихам; последний был врагом русских. Опять начались походы, чтобы удалить Алихама и возвести во власть Амина. В 1488 г. это дело было дос-

тигнуто. Казань была подавлена и окончательно подчинилась влиянию Москвы. К этому влекли казанцев и их интересы торговые. Между тем с Крымом Иоанн находился в неизменных дружеских отношениях. Крым был во вражде с Золотой Ордой, искал союзников и одним из лучших союзников считался Иоанн III. Впрочем, Иоанн этим пользовался в своих интересах: он направил Мегли-Гирея на Польшу. Таковы отношения Иоанна III к этим двум группам. Оставался вопрос по отношению к Золотой Орде. Василий Темный старался заселить Касимовскую область и тем защитить с этой стороны Москву от татар Золотой Орды. Иоанну приходилось порешить окончательно с вопросом о подчинении татар. Ахмат Сарайский попробовал было восстановить свою власть над Москвой, рассчитывая на помощь со стороны казанцев и польского короля Казимира. С этой целью в 1472 г. он предпринял поход на Россию. Был разрушен город. Алексей Беклемишев рассчитывал на взятку и, оставив город, перешел на левую сторону Оки. Жители после неудачной попытки защищаться спрятались в тайники, но были изменнически выданы и перебиты. Ахмат потребовал дани, а также чтобы Иоанн явился в Орду. Но когда Иоанну была показана «басма» (изображение хана, пред которым князья русские должны были кланяться и, стоя на коленях, выслушивать ханскую грамоту), то он разбил ее и растоптал. В этом, говорят, сказалось влияние Софьи. Когда в 1479 и начале 1480 г. Ахмат снова предпринял поход и двинулся к Угре, Иоанн стоял в это время в Кременце, а когда начались стычки передовых русских войск с татарами, он перешел с главным войском к Бориску. Нерешительность простиралась до того, что он склонен был к миру с Ахматом и посылал даже к нему людей с челобитьем и дарами. Такое поведение Иоанна, по свидетельству летописца, вызвало против него сильное неудовольствие со стороны бояр, духовенства и всего народа. Так, когда Иоанн ехал из Красного Сельца в Москву, то его называли сребрепредателем-бегуном, что и заставило его снова возвратиться в Красное Сельце. Особенно сильно свое неудовольствие выражал Ростовский архиепископ Вассиан Рыло: «Я стар, – говорил он князю, а дай-ко мне войско, то я не опущу своего лица к земле». Сам сын не хотел ехать к отцу. Ахмат направился к Угре с целью легкой переправы на ту сторону и, говорят, хвалился: даст Бог зиму, много переходов будет. С Дмитрия «руки стали и страхи великие начались и тогда бысть преславное

чудо Богородицы». Иоанн велел войскам идти к реке Оке. Татары побежали в Орду. Но это не так было загадочно. Татарское иго сломилось, как сгнившее ярмо. Причина этому была такова: Ахмат рассчитывал на помощь Казимира, но Казимир обманул. Между тем, наступили морозы; татары были босы и оборваны. С другой стороны, татары боялись русских, чтобы они не разграбили беззащитного Сарая. Все это заставило Ахмата бежать от Угры. На пути напали на поляков и пограбили их. Но у реки Донца на него напали Иван, хан Шибайской Орды вместе с ногайскими мурзами, разбили его и самого Ахмата убили (1481 г.). Так кончилось татарское иго.

При Иоанне III пострадали даже такие ничтожные княжества, как Вереysкое. Иоанн придрался к тому, что на одной свадьбе заметил в числе подарков верейского князя вещи, когда-то принадлежавшие будто бы его родным. Единственный наследник верейского князя должен был бежать в Литву, и отец, лишив его по воле великого князя наследства, завещал свой удел Москве.

В 1489 г. последовало присоединение Вятки, покоренной еще Василием Темным. Но Вятка до сих пор не принимала участия в московских делах и не хотела знать воли великого князя, действуя иногда даже против него в союзе с Казанью.

Слабая тень независимости оставалась теперь лишь в Рязани и Пскове. Псковичи заявляют свое верноподданничество, но не могут ладить с наместниками, потому что те пользуются в деле управления теми приемами, которые выработала Москва. Псковичи поднимают жалобы. Здесь обращает на себя внимание одно обстоятельство. Тяготение к Москве замечается в низшем слое московского общества, тогда как в Новгороде – в высшем и торговом. Эта разница объясняется тяжелым положением низших слоев псковского общества. В Псковской области было много укреплений, поддержание которых лежало на местных жителях; мало того, они должны были являться для исправления стен Пскова и, таким образом, становились в некотором смысле в зависимость от центра; кроме того, были обременены большими податями (влияние соседей-немцев). Вообще положение смердов было самое плохое. Поэтому они всегда стояли на стороне княжеского наместника и всегда могли служить точкой опоры для наместника в борьбе с Псковом. Такая борьба разыгралась в 1475 г. У псковичей была подменена грамота; по этому случаю возникают волнения, причем весьма сильно выражается

сочувствие смердов Москве. Но Псков еще остается существовать в качестве «вольного» города, хотя уже и с тенью независимости. Эту последнюю тень он теряет самым неожиданным образом, вмешавшись в вопрос о престолонаследии.

Когда у Иоанна в 1469 г. скончалась жена, то из Рима была вызвана последняя представительница рода Палеологов (отсюда вытекает прямое право России на Константинополь) Софья Фоминишна. В Рим было послано посольство во главе с Иваном Фрязиным. В ноябре 1472 г. Софья прибыла в Москву. Ее сопровождало много греков и папских легатов, которые питали надежду на унию. Все религиозные папские затеи оказались тщетны. Дело в том, что католики слишком надеялись на помощь Софьи, но слишком ревностное участие их в делах воспитания так успешно надоесть ей, что она рада была освободиться от них. К тому же и митрополит прямо заявил, что он уйдет в другие ворота, если власти войдут в сношения с католиками. Потерпев неудачу в Москве, легаты хотели восстановить папское влияние на Западе России. Вместе с тем они стали действовать и с другой стороны. Дети от смешанных браков по католическим правилам должны быть католиками; следовательно, для папства была здесь кое-какая надежда; но и в Москве слишком хорошо понимали замыслы пап и решили держаться как можно осторожнее, тем более, что брак с Софьею Палеолог в глазах Иоанна имел громадное значение: он же считал свое право на Византийский престол неоспоримым, так что когда явился к нему один из родственников Софьи с предложением купить этот престол, то Иоанн отказал, будучи уверен, что он и без этого имеет право на него. Что Иоанн мечтал о Византии, это уже косвенно доказывается тем либерализмом, который он заимствовал оттуда и который обнаружил в вопросе о жидовствующих, а также при назначении наследником своего меньшего сына от Софьи. Влияние византизма выразилось и в том деспотизме, с каким он относился к боярам: во время ужина, когда Иоанн засыпал, никто не смел ни выйти вон, ни разговаривать громко. Результатом влияния Византии было расширение политического кругозора. Иоанн обращал внимание не только на восток, север, северо-запад, но и на запад. Он знает исторические данные и на деле предьявляет эти знания. Таким

образом, и во внутренней, и во внешней политике этого периода мы видим громадный перелом.

* * *

Время Иоанна III было временем громадных переворотов во внутренней жизни России. Все сдвигается со своих старых, привычных устоев и направляется на новые пути, на новое поприще и утверждается на новых устоях. В такие времена в обществе бывает обыкновенно большое брожение. Таким брожением, едва ли слабее, чем в наше время, ознаменовано время Иоанна III. Тогда, как известно, развилась с 70-х гг. и обнаруживала большую силу вплоть до истечения первой четверти следующего века «ересь жидовствующих». И по количеству лиц, увлеченных ею, и по объему внутреннего содержания она имела большее значение, чем обыкновенно это представляют. Как показывает само название, ересь приближалась к жидовству, хотя достоверно известно, что она не принимала ни обрезания, ни почитания субботы, но в общем это название было просто народной кличкой. Ересь состояла просто в отрицательном отношении к установившимся порядкам. Еретики отвергали не только церковный строй, не чуждый некоторых ненормальностей, но и лежащий в основе этого строя авторитет отцов, соборов, даже авторитет Нового Завета, отвергали искупление, признавали единобожие. Но и из учения ветхозаветного они отрицали, например, бессмертие души, вообще эта была ересь социниан, но только подновленная. Это движение было занесено из Киева, откуда в 1471 году приезжал в Новгород в свите князя Михаила Олельковича жид и «чернокняженник» Схария. В Новгороде это явление нашло благоприятную почву, соединившись с остатками ереси стригольников, и отсюда оно распространилось по всей России вместе с новгородцами, переселявшимися в разные места – по воле и поневоле – при Иоанне III. Это отрицательное отношение к установившейся церковной жизни нашло себе поддержку в ложном убеждении, которого держался не только простой народ, но и духовенство, и люди образованные, что будто бы с окончанием 7-й тысячи лет (в 1492 г.) последует кончина мира. Еретики еще и прежде глумились над ожиданиями православных, а когда наступил 1492 год и все оставалось по-старому, то это было для них величайшим торжеством. Православные, правда, заранее позаботились продолжить пасхалию⁴⁹, доходившую только до конца 7-ми тысяч, далее и на восьмую тысячу,

но все-таки надежды на 7 тысяч лет были велики: у самого Иосифа есть мысль, что, может быть, наше счисление не верно, ведь есть еще другие: еврейское, латинское, по которым 7 тысяч далеко еще не исполнилось, и, следовательно, связь кончины мира с окончанием 7-й тысячи лет окончательно не устранена.

Особенную силу движения того времени приобрели благодаря среде, в которой оно развивалось: эта среда состояла из людей с разных концов не только Руси, но и далее (например, здесь были греки, приехавшие на Русь с Софьей) с самыми разнообразными воззрениями и запросами. Достаточно припомнить, какие люди окружали престол Иоанна. Сам Иоанн разбирал, кто каких воззрений держится. В самой православной церкви возникают две теории, по-видимому, чисто монашеские, но на самом деле с важным гражданским значением. К одной примыкают люди строгого православного закала, а к другой – более свободных воззрений. Их выдвинули Нил Сорский и Иосиф Волоколамский. Задатки той и другой теории были даны предшествующей историей и церковной жизнью, но Иосиф Волоколамский брал обычный строй церковной жизни, как он сложился в ближайшем прошлом и более рассчитанный на массу, а Нил Сорский входил в связь со старой, древней греческой церкви, жизнью и ставил перед собой более высокие идеалы. У обоих исходным пунктом были воззрения на монашество. Нил Сорский брал монашество, отрешенное от житейской молвы и суеты, ничем от мира не пользующееся. Поэтому ни о каком имуществе здесь нет речи. Монах должен питаться плодами трудов своих; в самой церкви – никаких украшений, все должно быть просто и не выходить за пределы необходимого. О строе богослужбном как постоянно собирающем всех на молитву, о богослужениях пышных и величественных, отправлении которых составляет будто бы специальное назначение монастырей, также нет речи. Только в важных случаях иногда собираются все вместе, все обычное же время живут в скитах. Не может быть речи о строжайшем выполнении внешних условий – по расписанию есть, спать, собираться на молитву. «Здоровый можешь предаваться постничеству, сообразно с силами, более или менее строгому, старый меньше ешь, молодой больше, болен – облегчи подвижничество». Но это не регресс в развитии жизни. Наряду с этим представляется, что инок такого рода обладает большим развитием и поднимается на необычайную высоту; требования к иночеству так высоки, что о поступлении юных (10 – 12 лет, как у

Иосифа Волоколамского) не может быть речи. К Нилу Сорскому могли идти только люди взрослые, значительно развитые, если не в умственном отношении, то в духовно-нравственной жизни. Инок должен читать Священное Писание, Святых отцов, а Нил давал даже право ничего не делать, пока не уверишься в этом, что это согласно с Писанием, Св.отцами или заповедано ими. Подвижничество должно иметь своим идеалом способность творить умную молитву. Но с этой высоты Нил Сорский вникает в человеческую природу и снисходит ее слабостям, дает советы разнообразить подвиги: петь, читать, молиться, а когда почувствуешь изнеможение от напряжения души, то употребляй средства для возбуждения. Здесь Нил Сорский рекомендует оригинальный, психологически глубоко верный способ – при изнеможении задержать дыхание, что вызовет прилив крови к голове, и возобновлении мозговой деятельности. Здесь развивается целая психологическая теория, которую, по всей вероятности, преподобный Нил заимствовал с греческого (он, как известно, был на Афоне и греч. язык знал).

По взгляду Нила Сорского, церковная жизнь совершенно отрешена от государства – ничего ему не давая, ничего от него и не требует: следовательно, государство может брать церковные и монастырские имущества. Таким образом, выдвигается принцип личной свободы верующих.

Иначе думал Иосиф Волоколамский. Он хотел из монастырей действовать на массы, вся его теория построена на принципе, что воспитание вырабатывает людей (он и в монастыри принимал малолетних закаленных монахов) и воспитывает деятелей, которыми движется жизнь не только церковная, но и общественная и государственная. Но раз монастырям представлено дело народного образования в сложной дисциплинарной организации, а эта последняя требует больших средств, то монастыри должны быть общежитиями, где инок ничего не имеет, но строгое благоустройство во всем порядке жизни, богослужении делает необходимым, чтобы монастырь, как общество, владел имуществом. Инок, как и по Нилу Сорскому, должен достигать совершенства, но это определяется с точки зрения масс (больше блюд на столе или меньше, одежда лучше или хуже). Затем дисциплина (ее общежительный характер, то же соприкосновение с массами – вроде русской крестьянской общины, артели) монашеская имеет широкое приложение и в жизни общественной. В монастырях воспитываются люди для церковной дея-

тельности: игумены, архимандриты, архиереи. И как в гражданской жизни то была эпоха сильного развития аристократизма (около престола Иоанна III), так и в церкви и монашестве прорываются аристократические тенденции: в монастыри стремятся люди знатных родов. Иосиф шел навстречу этому течению и давал таким людям льготное положение. «Если не иметь (монастырям) имущества, то нечем будет и содержаться, тогда и «честных старцев» не будет, а не будет их, откуда брать епископов, митрополитов?». Новый мотив для монастырей владеть имениями. При таком порядке вещей монастыри приносят пользу не только церкви, но и государству, а следовательно, государство со своей стороны должно поддерживать их и церковь. Отсюда жидовствующих еретиков должно не только преследовать ограничительными законами и такими мерами, как заточение (что допускал и Нил Сорский), но даже и не останавливаться перед необходимостью казнить их. При этом Иосиф ссылался на Деяния Апостолов – факт смерти Анании и Сапфиры, а сподвижник его, Геннадий Новгородский, приводил в пример даже испанскую инквизицию. Преследовать еретиков, даже показания их не принимать, потому что они лгут из-за боязни, одним словом, государство со всеми своими средствами должно явиться на защиту церкви.

Таким образом, с одной стороны, проповедовалось отчуждение, а с другой – объединение церкви с государством. В русской жизни та и другая теории имели смысл, имели силу и в прежнее время, потому-то они и влияли так сильно на ход событий, что находили каждая из них готовые для себя задатки в самой жизни. Их влияние сказалось в таких вопросах, как вопрос о церковных имуществах, о казни еретиков и даже в вопросе о престолонаследии.

Тогда даже в самом дворце встречались два противоположных течения. У Иоанна были дети от двух браков. От первого – тоже Иоанн, молодой, показавший себя героем на Угре, умер в 1490. Должно быть, он простудился, и у него была водянка – ломота в ногах, что летопись называет «количугом». Мистер Леон – жидовин, головою отвечая, стал его лечить: больному он давал пить какое-то зелье и прикладывал ему склянки с горячею водою. Но молодому князю сделалось от этого хуже, и он умер. Великий князь велел посадить Леона под стражу, а по истечении сорочин (шести недель) ему отрубили голову.

Когда умер Иоанн молодой, возник важный вопрос. Иоанн уже назывался наследником и был соправителем отца. После него остал-

ся сын Дмитрий, который по естественному порядку должен был всем наследовать ему. Но Иван Васильевич был еще женат на Софье Фоминишне и имел от нее сына Василия. По старому московскому обычаю, Дмитрий должен был наследовать деду, а по новым – принесенным Софьей, он должен был уступить Василию. Софья, конечно, не могла помириться с мыслью, чтобы ее сын, наследник Византийских императоров, мог оказаться лишенным московского престола. Да и сам Иоанн не упускал из виду этого обстоятельства; папа прямо говорил ему, что, женившись на Софье, он приобретает права на византийский престол (а брат Софьи Андрей продавал ему свои права, но Иоанн, понятно, не купил, имея фактические права: Андрей продавал потом свои права многим, французскому королю и др.) и Антоний, посол папы, имел с Иоанном разговор о венчании королевским венцом. То обстоятельство, что Иоанн делается наследником византийских императоров и что эти его права переходят к Василию, сыну Софьи, а не к Дмитрию, не могло остаться без влияния на вопрос о престолонаследии. Таким образом, обозначалось два решения последнего вопроса, и соответственно этому при дворе возникли две партии: 1) Василия и Софьи, 2) Дмитрия и Елены, матери его. Они нашли себе сторонников и в обществе: на сторону первой стала партия Иосифа Волоколамского, а на сторону второй – русской и по составу, и по идеям – Нил Сорский. В 1497 г. русская партия одолела: Иоанн узнал об интригах сторонников Василия, был будто бы план, чтобы Василий ввиду ожидавшейся кончины отца бежал в Вологду, где сохранились все семейные сокровища, завладел ими и приготовился к борьбе с претендентом. Иоанн «опалился» на сына и жену и решил отдать престол внуку: Дмитрий торжественно был венчан на царство 4 февраля 1498 г. – это первый в русской истории случай венчания⁵⁰.

Но Софья скоро возвратила себе расположение Иоанна; в 1499 г. жестокая опала обрушилась на представителей партии Дмитрия – Патрикеевых и Ряполовских. Спустя три года великий князь возложил опалу на внука и невестку, и они были заключены под стражу. Еще до того Василий был объявлен на первый раз князем новгородским и псковским. При этом псковичи приготовили себе беду на будущее время, оскорбив Василия: они заявили, что не желают иметь особого князя, а желают того же, кто будет на Москве. Иоанн отвечал на это: «Разве я не волен в своих детях?» и за дерзость заключил некоторых членов посольства псковского в тюрьму. Одновре-

менно с отвержением Дмитрия Василий объявлен был наследником, и с тех пор его имя постоянно фигурирует в грамотах наряду с именем великого князя.

Так закончились внутренние дела пред смертью Иоанна полнейшим торжеством всех тех лиц, которые стояли за строго православные воззрения и за то, что русская государственность и церковность должны быть тесно соединены. Охрана государством церкви в высшей степени важна. Покровительство государства церкви – в старинном смысле – принесло для государства перечислимые выгоды, но для церкви это другой вопрос. Церковь призывается стать на ту высоту, которая заповедана Христом и с которой она может и должна не обращать внимания на мирское покровительство: «Вот поведение единственно достойное церкви и единственно полезное ей» (не то мы видим в настоящее время: священник узнает об отступнике и доносит полиции. Между тем, сплетение интересов таково, что полиция должна приходить к священнику и просить в интересах государственных указать подозрительных лиц, а он должен всячески скрывать и действовать против них только своими – духовными мерами).

На эти теории Нила Сорского и Иосифа Волоколамского было, понятно, обращено внимание. Правительство разнесло весь скит Нила Сорского, нашло там и еретиков, и политические вещи (при Василии Иоанновиче).

Государство должно было стать на сторону Иосифа Волоколамского, и в этом смысле Иосиф остался победителем, но зато мысли Нила Сорского представляют чрезвычайно отрадное явление в русской истории. И нужно посоветовать современным церковным и общественным деятелям побольше вчитываться и вдумываться в «Предание ученикам» Нила Сорского⁵¹.

ЕКЦИЯ IV

От Руси к России. – Время Иоанна Грозного. – Завоевание Казани и Астрахани. – Причины особого внимания к северо-западу Руси. – Завоевание Сибири. – Избранная Рада. – Учреждение опричнины. – Митрополит Филипп II. – Псков. – Необузданный разврат Иоанна, его многочисленные браки и внебрачные сожителства. – Характеристика Иоанна Грозного, сохранившаяся в хронографе

Котырева-Ростовского.

В нашей литературе существуют различные мнения об Иоанне Грозном. Карамзин (VIII т.) изображает Иоанна тираном и представляет много фактов, которые подтверждают это; он также думает, что умственные способности его были повреждены. Совсем другой взгляд высказывает Соловьев (VI и VII тт.), который последовал в этом отношении воззрениям наших летописцев и, сообразно со своею теорией, выдвинул Иоанна на высокое положение. Соловьев представляет, что правительственная сила была главной организационной силой, которая где нужно подавляла силы народа, уничтожала его косность. Кроме того, правительственная сила проводила влияние Западной Европы. С этой точки зрения Соловьев оценивает все явления, и Иоанн представляется ему человеком,двигающим Русь по пути западноевропейской цивилизации. Соловьев считает Иоанна человеком очень даровитым, а жестокость его объясняет будто бы женственным характером; взгляд очень странный. За Соловьевым последовали некоторые из славянофилов. Так, К. Аксаков, разбирая сочинение Соловьева, ударился в другую крайность и объявляет жестокость Иоанна страстью к картинности, личной художественностью; взгляд оригинальный, но неосновательный. Во всех этих мнениях предполагается, что Иоанн был человек даровитый. Но есть мнения совершенно противоположные. Так, Погодин («Русск. Газета» за 1860 год) высказывается в том смысле, что все лучшее в царствовании Иоанна принадлежит Сильвестру и Адашеву; когда же Иоанн сам действовал, то в его поступках было много неумного. Это мнение принял и Костомаров (II и III вып. его «Истории»), прибавляя к нему еще следующие черты: у Иоанна была большая фантазия, но в то же время злость и жестокость сердца. В этом мнении много верного. Историк нашего времени Бестужев-Рюмин подкрепил ту теорию, что Иоанн был даровит, и в своей речи (сказанной в Слав. Благотв. Обществе) сравнивает Иоанна с Петром Великим и подсказывает различие: широкие идеи были у того и другого, но Петр Великий достиг своей цели, а Иоанн – нет. Это мнение Бестужев-Рюмин высказывает и в 1 вып. II т. своей «Истории». Мнение это слишком смело, но не основательно. Конечно, есть черты сходства между Иоанном и Петром, но такие, которые не могут быть призна-

ны хорошими – это жестокость, бесцеремонное отношение к человеческой жизни, бесцеремонность нравственных принципов и разврат; но и только. Гений Петра не подавлялся его жестокостью.

Что же такое Иоанн? Без сомнения, Иоанн принадлежал к числу людей даровитых, но не умных: у него была большая память, большая фантазия, он поражал своею бойкостью, был хорошим наездником, но в нем было поражающее отсутствие глубокого политического понимания. Все его царствование представляет соединение страшных ошибок. Он одновременно ведет войны на всех окраинах и в то же время неистовствует внутри России. Тогда же, когда нужно сплотить силы, он губит лучших русских людей, уменьшает число опытных советников. Такого человека нельзя назвать хорошим политиком. С половины царствования Иоанна можно заметить в нем очевидную ненормальность духовной жизни: у него наблюдается такая логика, какая бывает у людей сумасшедших. Затем страшная разбросанность мысли, что видно в его посланиях, беседах. Это особенность людей не просто впечатлительных, но и сумасшедших. Иоанна IV разгадают только тогда, когда за него возьмется доктор-психолог. Это царствование представляет интерес еще по одной особенности: иногда жизнь сумасшедших очень интересна: они отражают на себе современные взгляды, идеалы. Давно уже решался вопрос об отношении власти к обществу и наоборот. Иоанн сильно занимался этим вопросом, и иногда он платил дань современности, когда, например, отставил власть от народа. Известно также, что он выдвинул земские начала. Но гораздо важнее он считал вопрос о власти; все его царствование заключалось в том, чтобы получше осуществить идеал власти: то он представляется окруженным римскими силами, то выдумывает опричников (янычар); потом и этого мало: самая сильная власть на земле – власть игумена, и Иоанн устраивает монастырь. Наконец, он ставит себя в положение какого-то грешного существа и по этой идее производит опустошения и неистовства.

* * *

После смерти Василия Иоанновича (1533 г.) наследником престола был объявлен 3-летний Иоанн, а правительницею – вдова Василия, великая княгиня Елена. Нужно было ожидать, что около нее

главным правителем окажется ее дядя, Михаил Глинский. Но в следующем же году он был заточен, а Елена приблизила к себе Телепнева-Оболенского, выходца из Литвы, человека очень молодого и красивого. Этим были недовольны дядья молодого царя – Юрий Дмитриовский и Андрей Старицкий, но они были заманены в Москву и заточены. Недовольные уходили в Литву. В числе их был князь Семен Бельский, который, убежав в Литву, стал мечтать о восставлении Рязанского княжества при содействии Литвы и Крыма. Действительно, в 1534 г. литовцы начали враждебные действия и отняли у русских Гомель и некоторые другие города. Крымские татары тоже стали враждебно относиться к Москве, что было особенно неудобно: Гирей успели утвердиться не только в Крыму, но и в Казани. Ливония тоже враждебно смотрела на Москву. Но войны не было: та и другая стороны равно страшились ее. Поэтому в 1535 г. с польским королем Сигизмундом I был заключен мир, по которому к Литве отошел только Гомель с окрестностями. В 1537 г. был заключен мир со шведами, по которому они обязались не помогать при войне кого-либо с Россией. Елена умерла в 1538 г. (по Герберштейну, была отравлена). Телепнев-Оболенский был схвачен, брошен в темницу, где на седьмой день умер от голода и тяжести оков; после этого наступает правление бояр (1538–1545–1546). Сначала власть захватили Глинские, но как чужие, они не могли долго удержаться и должны были уступить свое место Бельским как более обрусевшим и более уважающим самодержавие и церковный строй того времени. Однако и Бельские-Ольгердовичи должны были уступить свое правление

Шуйским-Рюриковичам, которые при этом еще пользовались сильною приязанностью новгородцев, как живущих в Новгороде, так и переселенных в Москву. Шуйские выдвигаются на первое место с 40-х годов. Иоанн в это время боярских счетов и раздоров находился в тени. Вдруг в 1543 г. он показал свою власть – приказал бросить на расстезание Андрея Шуйского. Каково же было воспитание молодого царя?

Воспитание Иоанна было ведено небрежно, хотя и не настолько, как он сам изображает это в своем письме к Курбскому: что ему, мол, не было воли ни в чем, даже есть иногда давали не вовремя. Курбский, напротив, говорит, что бояре не только не стесняли, но потакали мальчику во всем. Правды более в словах Курбского: Иоанн

был жесток, сбрасывал с теремов собак и кошек, наслаждаясь их мучениями, носился верхом по улицам, причем давил народ. Это повторил он и в 1534 году над псковичами, которые лично хотели жаловаться ему на своих наместников, за что и заплатились. Курбский считает жестокость Иоанна чертою наследственной, что, конечно, нужно принимать с ограничением (его бабка, Софья Фоминишна, была, правда, женщиной энергичной, равно как и мать его Елена Глинская).

С 1543 г. Иоанн начал действовать самостоятельно, венчается на царство (16 января 1547 г.) и женится (3 февраля). Все эти факты заставляют предполагать, что Иоанн не был один; расправа с Шуйскими и другими боярами подтверждает это. Он был окружен Глинскими, которые и были его руководителями, но, к сожалению, дурными и направлявшими Иоанна только на безобразия. В этих безобразиях и протекла его жизнь до 17 лет. На 17 году он решился венчаться на царство и жениться. Что касается до вопроса о венчании на царство, то это был большой вопрос, предполагавший большие суждения о себе. Первые русские люди того времени старались выяснить мировое и государственное значение России. Теории Иосифа Волоколамского, Нила Сорского и дело Максима Грека возбуждали у русских интерес к памятникам древности, заставили задуматься над читанным и дать себе ответ на возникнувший недоуменный вопрос: что же такое Россия? Давались ответы, что Россия как единое православное государство есть наследница судеб древнего мира, что Москва – Третий Рим и что Русский Государь есть прямой наследник Византийских Императоров. В настоящее время этот вопрос развит в книге Дьяконова «Власть Московских Царей». Вопрос этот автор выясняет в подробностях дипломатических сношений, особенно при Иоанне III с Польшею; уже тогда он называл себя царем «всей России», чего Польша не признавала. Грозный признавал этот титул необходимо связанным с историею нашего государства и называл себя древним царем. Он говорил, что венчался на Царство по примеру Владимира Мономаха «шапкою Мономаха», присланною по преданию Византийским императором русскому царю; им выставлялось еще предание, что Владимир Святой по принятии крещения был помазан и венчан на царство; для упрочения за собою царского звания Грозный воскресил еще легенду «Степенной книги», утверждавшую, что русские князья – прямой род от Прусса, брата

Кесаря Августа. Существовало мнение, что «Русский Царь – волею Божиею Царь». Иоанн и утверждал, что ему нужно венчаться на царство не по примеру Димитрия Иоанновича (внук Иоанна III), а по примеру Византийских Императоров. Конечно, все это выдумал не сам Грозный, а т.н. книжники растолковали ему, что это значит и как это нужно понимать; восприимчивый Грозный горячо принял это к сердцу и 16 января 1547 г. с необычайною торжественностью венчался на царство по новому чину Римских императоров и принял титул Царя. После венчания на Царство Грозный принял меры по женитьбе: созваны были девицы со всей России, и Иоанн сам, как передают, выбрал невесту; разумеется, выбрали другие, но выбор был очень удачен. 3 февраля 1547 г. Грозный женился на Анастасии Романовне, дочери умершего окольного Романа Юрьевича Захарьева. Жена производила на него хорошее влияние, и он весь отдался радостям семейной жизни. Но не долго пришлось Иоанну наслаждаться этим: в самый же год свадьбы последовал страшный пожар в Москве от 24 апреля, который до 21 июня испепелил всю Москву. Грозный удалился на Воробьевы горы. Суеверные люди говорили, что причиною пожаров и поджогов было чародейство, тогда поручено было боярам исследовать дело, и народ указал на Глинских, особенно на Анну Глинскую, которая будто бы вынимала сердца людей, клала их в воду и этою водою, езда по Москве, кропила, отчего Москва и сгорела. Юрий Глинский, присутствовавший при собрании народа, кинулся было в церковь, но был вытащен оттуда и растерзан. Народ кинулся грабить имущество Глинских и требовал выдачи их. На Грозного все это произвело громадное впечатление, и он оказался беспомощным. Вот в это именно время, по свидетельству Курбского, выступают на арену внутренней борьбы священник Сильвестр, Адашев и Макарий, бывший митрополитом с 1542 г. Карамзин представляет дело так, что чудесным образом явился Сильвестр и начал всячески укорять Иоанна, выставляя его причиною всех бедствий России. В действительности это не так: Сильвестр был священником Благовещенского собора, следовательно, был близок и известен Иоанну. Был известен ему и Макарий, с которым Иоанн, по собственному его свидетельству, много советовался. Адашев – постельничий, следовательно, также известен царю. Таким образом, все это были люди близкие, знакомые между собою, бывшие заодно с митрополитом Макарием. Эти три

человека и сделались советниками Иоанна со времени московского пожара, и, конечно же, митрополит Макарий был главным из них.

Время влияния на Иоанна этих лиц было самым блестящим временем его царствования, под их влиянием были предприняты разнообразные меры к благоустройению России. Благодаря этим советникам царя, ласкатели и шуты онемели при дворе, в думе заграждались уста наветников и казнодеев, а правда могла быть откровенною; везде сменяли недостойных властителей: наказывали презрением или темницею. Вообще, как говорит Карамзин, «мудрая умеренность, человеколюбие, дух кротости и мира сделались правилом для царской власти» (VIII т.). Спустя несколько времени после этого встречаемся с необычайным явлением: бояре и воеводы должны были собрать выборных по областям, городам и уездам и представить их в Москву. Когда это было, точно определить нельзя: по одним сведениям — в 1548 г., по другим в — 1549, а более всего относить это событие нужно к 1550 г., так как в одной редакции «Степенной книги», составленной Киприаном и продолженной Макарием, говорится, что Иоанн собрал выборных, имея 20 лет от роду.

Когда выборные собрались, Иоанн в воскресный день, после обедни, вышел из Кремля с духовенством, с крестами, боярами и прочими на Лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен, и царь обратился к народу с речью. В этой речи его, в которой он яркими красками изобразил боярские притеснения, бросается в глаза это жестокое разделение между верхними и нижними слоями, которые проводил Иоанн. Разделение это принадлежало ему лично, как это у него было неоднократно впоследствии. Мера эта, с какой угодно точки зрения на нее, представляется государственным безрассудством и несправедливостью, так как и между людьми высшего сословия было много людей хороших. Но было в этой речи и хорошее — призыв к обиженным, к забвению неправд и обид. «Забудьте, — говорил Иоанн, — чего уж нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду: соединимся лю-бовью христианскою». Кроме этого, известно, что Иоанн на соборе предложил боярам вознаградить за зло и неправды людей обиженных, указал время и гарантии и назначил тогда же Адашева лицом для принятия жалоб. Это решение, однако, принадлежало не исключительно ему. Есть много дел, связанных тесно с этим делом и показывающих, что дела эти были под-сказываемы Иоанну, а не выдумывались им. Собрание выборных на

первом земском соборе – загадка для нашей науки; неизвестно даже, зачем они были вызваны, неужели только для того, чтобы выслушать его речь. Актов собора не сохранилось. Необходимо предположить, что эти выборные участвовали в делах, непосредственно следовавших за римским собором, и сразу же за собором следует ряд преобразований по ранее названному известному принципу.

В том же 1550 г. был издан новый Судебник, значительно измененный против «Судебника Иоанна III», согласно с новыми потребностями России, ее гражданской и государственной деятельностью. По этому «Судебнику Иоанна IV» главными судьями на Руси должны были быть областные наместники, помощниками их – старосты; в случае надобности они могли производить обыск, т.е. допрашивать население, что за человек был обвиняемый. За неправду по этому судебнику была положена казнь. На ближайшие времена мера эта гарантировала защиту слабых от сильных. Установлены были целовальники; предложено было общинам избирать общих старост, которые бы занимали положение председателей судебных палат. Представлено было общинам самим собирать деньги и доставлять их в Москву, чем в значительной степени устранялась возможность обид низшим со стороны высших.

Одобрив «Судебник», Иоанн назначил быть в Москве «Собору слуг Божиих», и действительно, в следующем 1551 г. 23 февраля открылся новый собор, но только по церковным делам – Стоглавый, на котором Иоанн предложил много вопросов, на которые тут же давались ответы-решения. Нельзя не признать, что это был собор чисто национальный, который упорядочил богослужение, озаботился правильной организацией монастырской жизни; он же изыскивал страсть к исправлению нравов белого духовенства в пример мирянам. Собор этот составил правила для управления светским духовенством, учредил должность поповских старост, установил святительский суд и проч. Ясно, что этими мерами имелось в виду благоустроить всю Россию. Одним из полезнейших действий этого собора было заведение училищ в Москве и других городах, чтобы иереи и дьяконы, известные умом и добрыми свойствами, наставляли детей в грамоте и страхе Божиим.

Эта попытка объединить все разрозненные сословными интересами силы русского народа (служилых и даже торговых людей) к совместному участию в государственной жизни России, к обсужде-

нию русских дел или, по крайней мере, к заявлению мнений, явилась весьма естественно. Когда Московское государство, присоединив к себе все удельные княжества и вечевые общины, взяло себе и дружины от князей и бояр, тогда и были осознаны идеи земства и значение собраний – в наиболее важных случаях выборных, именно тогда и стали созываться Земские соборы. Попытка эта сразу привилась, и так она была сродная русской жизни, что удержалась, если не навсегда в сущности, то в своей форме даже до Петра. В «Беседе Валаамских Старцев» говорится («Православный Собеседник» 1866 г.), что царь не должен ограничиваться решением одной думы, но призывать выборных из областей и ежегодно обновлять их. Курбский – ненавистник рода московских князей и строгий обличитель Иоанна, не трогает самодержавия и требует только, чтобы царь обращался к совету умных людей и, в важных случаях, к выборным всей земли. Совершенно ясно, что теория преобразования, которая при видимом сильном принципе раздора между верхними и нижними имела важное умиряющее и объединяющее значение, как в разных слоях русских людей, так и в правительстве.

Частые нападения на русские области со стороны ногайцев, крымцев и казанцев, естественно, вызвали в Иоанне желание обезопасить свои владения, покорить этих беспокойных соседей. Но хорошо зная, что воевать зараз со всеми татарами нельзя, он действовал осторожно и, прежде всего, направил все свои усилия к тому, чтобы завладеть тем, что ближе к нему – Казанью. Вот обстоятельства, при которых произошло это завоевание: хан казанского царства Мегмет-Амин заключил мир с Василием III и даже просил его перед смертью, чтобы он на место его в ханы казанские пожаловал того, кого пожелает. Василий назначил ханом Шиг-Алея. Как ставленник Москвы он, естественно, стал действовать в его пользу. Это не понравилось казанцам, они изгнали его и стали выбирать себе ханов из крымской династии. Сафа-Гирей, хан этой династии, утвердился там при Елене. В 1548 г. он умер, оставив после себя наследником малолетнего сына Утеми-Гирея. Боясь мести со стороны Москвы за свержение ставленника ее Шиг-Алея (особенно ввиду малолетства хана), казанцы послали к Иоанну послов с просьбою о мире. Он велел прислать для переговоров добрых людей, но когда они не явились, то в 1550 г. Иоанн с многочисленным войском явился под Казанью. Вначале приступ к городу не удался, множество людей было

побито с обеих сторон, а тут наступила оттепель, испортились пути сообщений. Простояв 11 дней под Казанью, Иоанн решился возвратиться домой (это был 2-й неудачный его поход; 1-й был в 1546 г.). По дороге он заложил город Свияжск и поручил строение его Шиг-Алею. Видя это, нагорные черемисы стали переходить в подданство России, что значительно ослабило татар, так что у них возникла мысль – не подчиниться ли им русским. Мысль эта приведена была в исполнение в 1551 г. Утеми-Гирей вместе со своею матерью был выдан казанцами Иоанну, а Шиг-Алей снова был объявлен правителем Казани. Но Шиг-Алей и на этот раз не сумел сладить с казанцами; обстоятельства даже так сложились, что он вынужден был бежать и таким образом представить казанским татарам самый удобный случай освободиться из-под власти Москвы. Татары действительно поняли всю важность для себя наступавшего момента и послали послов к Ногаюм искать для Казани хана. Из Ногайских степей явился в Казань хан Ядигер-Мухамед и стал во главе движения против России. Тогда Иоанн решил покончить с Казанью. Громадное 150-тысячное войско, в состав которого входили казаки и стрелки, подступило к Казани. Произведен был удачный подкоп, взрыв, и Казань после шестинедельной мужественной защиты 2 октября оказалась в руках русских. Когда город был очищен от трупов, Иоанн заложил соборную церковь Благовещения, и с этих пор Казани суждено было уже навсегда сделаться христианским городом.

Завоевание Казани имело громадное значение для России. Довольно уже того, что 60 тысяч русских пленников было освобождено из татарской неволи, и этим были как бы заглажены русские потери при взятии Казани. Но что еще важнее – падение Казани произвело сильное впечатление на башкир, живших по Каме; с этих пор они начинают тянуть к России; с падением Казани освободилось для торгового и промышленного движения русских сил почти все течение Волги, которая с этих пор вполне стала рекой Московского государства.

Участь Казанского царства скоро постигла и другое татарское гнездо – Астрахань. До 1554 г. в Астрахани сидел русский подручник Ямгурчей. В этом году он был свергнут, и на его место заступил Дербыш. Последний, обязавшись платить дань Москве, оказался неверным ей, а потому Иоанн в 1557 г. послал против него войско.

Астрахань была взята и присоединена окончательно к Москве. После этого для Москвы открылся целый мир для завоеваний и присоединений на северо-востоке и юго-востоке Европы. При самом уже взятии Астрахани Иоанну помогли ногаи. Когда же Астрахань пала, тяга ногайских орд к России еще заметнее усилилась: слышались заявления покорности и желания подданства России. В конце концов ногаи до того сблизились с Иоанном и Москвою, что Иоанн породнился с одним из ногайских ханов – черкасским, женившись на его дочери.

Когда Иоанн покончил с независимыми татарскими царствами – Казанским и Астраханским, когда и мелкие татарские орды стали тянуться к Москве, для нее обозначилась великая задача – разрушить последнее гнездо, разделаться с Крымом и таким образом покончить с татарским вопросом. Лучшие русские люди и во главе их Сильвестр и Адашев видели и сознавали всю важность этого дела, стояли за него. Но это предприятие было трудное и обещало более выгод в будущем, чем в настоящем. Русские люди не могли не призадуматься над трудностью этого дела. Крым далеко; широкая степь залегла между ним и Москвою: сколько предстояло трудов и опасностей! Чтобы решиться на это дело, с одной стороны, требовалась величайшая политическая дальнорзоркость: нужно было увидеть, что падение Крыма не только навсегда избавило бы Россию от «уводов», но и открыло бы широкий путь к Черному морю и поближе к братьям-славянам, а с другой стороны, требовалось и великое самоотвержение, подобное тому, какое проявила Русь в последнюю русско-турецкую войну. Но не забудем, что кроме этого вопроса, существовали и другие вопросы не меньшей важности, которые также требовали скорейшего разрешения. Русское государство созидалось по началам, по принципу строгого практицизма, и в данном случае ей не легко было от него отказаться. Со времени падения Новгорода и Пскова московское правительство взяло на себя решение новгородской задачи. Естественно поэтому, что в глазах его приобретает особенное значение волжско-балтийский торговый путь, оставляя в тени другой путь – черноморский; естественно, что вождения Москвы направляются непосредственно на завладение первым. Этому могло способствовать еще и то, что в Москве тогда было много новгородцев, которые не могли не сочувствовать этому предприятию – завоевать Ливонию, воевать со шведами, а это, ес-

тественно, производило разделение в партии Сильвестра и Адашева. Вот обстоятельства, которые заслонили в глазах русских государственных людей возможность татарского вопроса и отдалили его на неопределенное время, а между тем время для решения этого вопроса было самое удобное. Истинный государственный ум указывал ясно, что с новгородским вопросом можно и погодить; нельзя было долго задумываться и над трудностями похода в Крым: первые опыты нападения на крымские области показали, что особенных трудностей здесь не представляется. Как известно, в 1556 г. на Крым был послан дьяк Ржевский. Он пошел по завоеванной еще Иоанном III Северской стране, спустился на юг по Днепру. Когда узнали об этом днепровские казаки, они присоединились к Ржевскому в количестве 300 чел. и с ним прошли до Очакова – по крымским владениям. Но в это время случилось событие гораздо большей важности. В 1551 г. порвал всякие сношения с литовско-польским государством коневский староста Дмитрий Вишневецкий и перешел к Иоанну. Этот Вишневецкий был любимцем всего днепровского казачества. Иоанну, благодаря этому, представлялась полная возможность воспользоваться этим обстоятельством и двинуть на Крым даровую казацкую народную силу. И если бы Иоанн серьезно пошел по этому пути, то не только бы был решен татарский вопрос, но сам собою решился бы не менее важный вопрос – западнорусский. На Иоанне как на разорителе татарской силы были бы сосредоточены все симпатии юго-западной Руси, более всех страдавшей от татарских набегов, и тогда никакая сила польско-литовского государства не могла бы уничтожить тяги Западной России к Москве. Как бы то ни было, дело Ржевского произвело большой переполох в Крыму; сильно оно смутило и турок. Но последние неохотно решались на энергичную помощь Крыму: они обожглись еще при взятии Астрахани в 1554 г., когда турецкий вспомогательный отряд погиб у Астрахани от сурового климата. В это же время Вишневецкий утвердился на новом пункте, на Дону. Насколько был важен для России опорный донской пункт, видно из того, что, когда при Михаиле Федоровиче донские казаки овладели Азовом и решался вопрос, не помочь ли им, земцы на соборе говорили: «С тех пор, как там, на Дону, утвердились казаки, татары не уведят наших пленных». Таким образом, нестроения в Крыму, нерешительность Турции, готовность казацкой народной силы

грянуть на разбойничье гнездо крымских татар – все это ясно говорит, что если Иоанн не обратил надлежащего внимания на решения татарского вопроса, то причина этого не в опасностях и трудностях т а т а р - ской войны, как думают некоторые ученые (Костомаров), а в недостатке политической мудрости и дальновзоркости.

Вместо того, чтобы обратить все свое внимание на южных соседей и, в частности, на Крым, Иоанн с 1554 г. сосредоточил свои помыслы и русские силы на северо-западе России, на разрешении Ливонского вопроса. Причины такого поворота политики Иоанна уже указаны выше: они объясняются двояким направлением русских государственных людей и перевесом новгородской партии, радевшей для своего родного города, сильно утесняемого Ганзейскою торговлей. Но были еще особые обстоятельства, наклонявшие Иоанна именно на северо-запад. Русские в это время пробирались в этом направлении к Белому морю; и здесь, в Холмогорах, основали важный торговый пункт, который обещал играть важную роль во внешней торговле.

В 1553 г. к устьям Сев. Двины пристал один из английских кораблей экспедиции, отыскивавшей путь в Индию и Китай чрез Ледовитый океан. Начальником этого корабля был Ченслер. Этот последний прибыл в Москву и заключил с Иоанном договор о безданной и беспошлинной торговле в пределах России. Таким образом, с одной стороны, приобретает важное значение Беломорский путь, а с другой – русское псковское и новгородское купечество много теряет от конкуренции с английскими купцами и, понятное дело, обращает свои взоры и надежды к другому пути для сношения с Европой чрез Ладожское озеро – Неву – Финский залив. Но так как этот путь был в руках ливонцев, то естественно возникает вопрос: не удобнее ли ему находиться в русских руках.

Господствуя на этом пути, ливонцы сильно тормозили сношения Иоанна с Западной Европой, а между тем эти сношения были весьма важны для России. Военные дела Иоанна требовали много, в том числе и военных снарядов. В этом отношении ливонцы задумали мешать России. Известно, что в 1448 г. из-за происков ливонцев партия мастеров, направлявшаяся в Россию из Европы, была задержана. Если ко всему этому мы прибавим, что в это время в Ливонии распространялось протестантство, фанатически разрушавшее не только католи-

ческие костелы, но и православные церкви, то мы увидим, что Иоанн, по-видимому, имел основания начать войну с Ливонией. Необходим был для этого повод, и Иоанн нашел его в так называемой «юрьевской дани», которую ливонцы обещались платить при Иоанне III (1503 г.) и вот уже 50 лет ее не платили. Иоанн потребовал у ливонцев дани и уплаты 50-летней недоимки. Ливонцы платить отказались. Иоанну этого-то только и нужно было. В конце 1554 г. он объявил войну ливонцам. До шестидесятых годов война эта сопровождалась поразительными успехами для Иоанна. Этому способствовало, с одной стороны, страшное внутреннее разложение ордена, постоянные раздоры, происходившие между лютеранами и католиками, между рыцарями и епископами, а также и то обстоятельство, что орден ни от кого в это время не получал подкреплений. Представленный самому себе, Ливонский орден был бессилен защищать свои земли и думал найти помощь извне, но он ошибся в своих расчетах. Германский император наотрез отказал ему в помощи; Дания вместо помощи завладела островом Эзелем, Швеция – Ревелем. Наконец, магистр ордена Кетлер в отчаянии отдает полякам Инфлянты, а за собою оставляет наследственное герцогство Курляндское. Таким образом, орденские владения распались. Русские без труда овладели Нарвой, Дерптом, взяли крепкий замок Феллин и двинулись внутрь страны, везде производя страшные опустошения. Но чем далее подвигались они внутрь страны, тем дело более и более усложнялось, и Иоанну пришлось скоро иметь дело с тремя указанными противниками – с Литвою, Данией и Швецией.

Прежде всего началась война с литовско-польским государством в 1561 г. Но пока дело ограничилось мелкими зацепками, не мешавшими дипломатическим сношениям, Иоанн ведет переговоры с бездетным Сигизмундом-Августом, хочет породниться с ним через брак с его сестрою. Эти сношения могли казаться плодом дальнозоркой политики, так как Сигизмунд-Август был бездетен и после его смерти Иоанн мог бы выступить претендентом на литовско-польский престол. Но Иоанн тут действует крайне неумело и бестактно. Он должен бы знать, что уже в то время велись постоянные переговоры о соединении Литвы с Польшей; происходили сеймы за сеймами, и в Литве уже составила партия, противная соединению. А Иоанн вместо того, чтобы привлечь Литву на свою сторону, идет на нее войною.

В 1563 году войска Иоанна взяли Полоцк. При этом жестоко расправились с жидами: «А которые были в городе жидове, князь великий велел их и с семьями в речную воду вметати и утопати их»; та же судьба постигла и католических монахов. Это, понятно, вызвало к Иоанну сочувствие простого народа, благодаря которому, собственно говоря, и город был взят. Сигизмунд-Август, застигнутый врасплох, передает полякам право после его смерти избрать на польский престол того, кого они захотят. Таким путем Сигизмунд-Август хотел заставить поляков защищать Литву как свою собственную область. Это одно из печальнейших последствий непонимания Иоанном дел польско-литовского государства. Между тем Иоанн продолжает войну и из Полоцка делает постоянные нападения на Инфлянты, но с 1569 г. дела его пошли не совсем благоприятно. В этом году состоялся известный Люблинский сейм, на котором, при самых возмутительных насилиях со стороны поляков над представителями Литовского княжества, произошло соединение Литвы с Польшею. Это второе печальное последствие политики Иоанна. Далее Иоанн делает ошибки за ошибками. В 1572 г. умирает Сигизмунд-Август. В Литве образовалась партия, желавшая избирать королем Иоанна или сына его – Феодора. Иоанн вместо того, чтобы воспользоваться обстоятельствами, предлагает выбрать себя королем литовским, а на польский престол поискать кого-нибудь другого! С этой целью он даже вступает в переговоры с австрийским императором, ненавистным для Польши. Между тем, поляки выбрали королем Генриха Валуа, а после его бегства из Польши – Семиградского воеводу Стефана Батория.

Иоанн не знал Стефана, а ему следовало бы знать этого человека. Когда еще Баторий был воеводой, он прославился военными подвигами. На польский престол он вззошел с определенной политической программой. Он видел великую рознь между литовско-русской и польской половинами своего государства и силу первой. Он задумал как возможно теснее объединить их, создать уважение к единой королевской власти. Для этой цели ему показались весьма полезными помощниками иезуиты, уже в то время заявившие себя в Европе. Их-то и задумал вызвать в Польшу и Литву Баторий. Потом Баторий был выразителем западноевропейского плана борьбы с турками. Не зная, кто такой был Баторий по своему уму и военным талантам, Иоанн между тем, когда вступил с ним в дипломатичес-

кие сношения, относился к нему весьма пренебрежительно, как государь «милостию Божиею» к государю «по многмятежному человеческому избранию». Однако этот «неважный человек скоро дал себя знать Иоанну. Он лично повел против него свои закаленные в битве войска, состоявшие из наемной венгерской и немецкой пехоты, польской конницы и многочисленной артиллерии, и в 1579 г. отнял у Иоанна Полоцк и стал приближаться к Псковской области. Русские войска терпели поражения за поражениями. В 1580 г. Баторий дошел до Великих Лук, а в 1581 г. поставил Иоанна в отчаянное положение: собрал громадные войска, дал знать, что идет к Смоленску, а на самом деле направился к Пскову. В это же самое время к пределам Московского государства продвигался и крымский хан. Движение Батория на Псков было глубоко продуманным предприятием, и если бы Иоанна окружали его прежние советники, то он, вероятно, отгадал бы, что Баторий направляется именно на Псков, а не в другое место. Иоанн же не знал, куда направляется Баторий, хотя имел основания предполагать направление движения его. Иоанн знал дорогу на Смоленск, знал, без сомнения, о сношениях Батория с крымским ханом, которые давали ему возможность двигаться через Северские земли, куда действительно и шел отряд под начальством Острожского. Движение на Псков было весьма выгодно для Батория, ибо эта дорога с западной стороны прилежала к Ливонии: Баторий, таким образом, находил здесь для себя опорную базу в Лифляндии и Курляндии (герцог Курляндский находился в ленной зависимости от Польши). Кроме того, все почти немцы, ливонцы и шведы, жившие в Ливонии, предпочитали Батория Иоанну. Но что всего важнее – так это то, что движение ко Пскову сразу объединяло с Баторием и других противников Иоанна и прежде всего шведов. Великий недостаток проницательности у Иоанна состоял в том, чтобы сразу задирать и Польшу, и Швецию. Шведская династия была в родстве с Сигизмундом-Августом; его сестра была замужем за Иоанном, братом шведского короля Эриха, такого же безумца, как и Иоанн. Эрих был во вражде с братом и даже держал его в заточении, а его жену взял к себе в наложницы. Иоанн IV думал было добыть жену Иоанна шведского – Екатерину, за которую он сватался, но Сигизмунд отказал. С этою целью Иоанн посылал послов в Швецию. Но в 1566 г. шведы, выведенные, наконец, из терпения, низложили Эриха, и тогда вы-

двинулся Иоанн, муж Екатерины, который теперь и готовил Иоанну IV страшное посрамление. Иоанн шведский был родственником Батория, который был женат на другой сестре Сигизмунда – Анне. Поэтому вполне естественными были совместные действия Швеции и Польши против Иоанна.

Видя, что для непосредственного владычества над Ливонией требовалось еще много крови, много времени, Иоанн пришел к следующей мысли: а не лучше ли будет образовать из Ливонии ленное государство, как это сделала Польша в отношении Курляндии? С этой целью Иоанн предложил в 1564 году магистру Ливонского ордена Фюрстенбергу, жившему пленником в Москве, возвратиться в Ливонию и господствовать над ней, если согласится присягнуть ему и его потомкам в верности как своим наследственным государям. Но Фюрстенберг отказался, не желая нарушить, как говорят, свой присяги римской империи. Тогда по указу Иоанна Эллерст Крузе – пленный немец, пользовавшийся особым расположением Иоанна IV, и его же одноплемянник Таубе вошли в сношение с братом датского короля – Магнусом. Магнусу от имени Грозного было предложено сделаться королем Ливонии, а также и жениться на дочери брата Иоанна IV – Марии Владимировне. Этим Иоанн хотел привязать к себе Данию. В 1573 г. свадьба состоялась, и Магнус был объявлен Ливонским королем. Условия, на которых Магнус должен был считаться ленным государем, воскрешают некоторые старые обычаи. Так, он должен был также садиться на коня, когда Иоанн отправлялся в поход, быть начальником воевод в походе и пр. В числе условий, которые были предъявлены Магнусу, было и то, что он обязывался давать свободный пропуск всем заморским купцам, художникам и ремесленникам, отправлявшимся в Москву. Образовав из Ливонии ленное королевство, Иоанн этим самым отступил от своих планов; он здесь отказывался от завоеваний в Ливонии и не утверждал тут русской области, тогда как, по обыкновению, в завоеванных землях он утверждал русское правительство, иногда церковь и духовенство, как, напр., в Казани. Здесь было положено начало привилегий западного края: жители могли сохранять свои порядки.

Магнус, впрочем, недолго правил Ливонией. Получив известие, что Баторий идет к Пскову и что шведы приняли его сторону, он не удержался, тем более, что Иоанн и не мог привязать его к себе:

постоянно подозревал, обличал и даже сажал под стражу. Таким образом, попытка Иоанна образовать вассальное Ливонское королевство оказалась неудачною.

Между тем Баторий, отправившийся к Пскову, задумывал громадное дело. Он серьезно надеялся по взятии Пскова покорить всю северо-западную Русь и даже Москву, при содействии иезуитов обратить всех русских в униатов и соединить военные силы Польши и России против турок. Но после продолжительной осады Пскова Баторий вынужден был убедиться, что взять город не так легко, и в конце концов принужден был подумать о мире. Со своей стороны и Иоанн также имел некоторые основания желать мира, еще даже ранее осады Пскова. С этой целью он послал Шевригина к австрийскому императору и к папе с просьбою принять посредничество для уяснения дела с Баторием. Император австрийский отказался от этой роли, но папа тому обрадовался, он ласково принял Шевригина и, видя уже возможность ввести в России унию, а также предпринять с помощью русских поход против турок, прислал в Москву самого злокачественного иезуита – Антония Поссевина, который тщательно изучил как историю сношений пап с русскими, так и положение русских дел (он был прежде тайным агентом папы в Швеции). Приехав летом 1581 г. в Польшу, Поссевин отправился за Баторием в Псков. У иезуита сейчас же выяснилось, что нужно содействовать тому, чтобы от Иоанна отпала Ливония, в которой тогда возможно было затушить протестантство, довольно уже сильно там укоренившееся, восстановить латинство и потом уже повести дело о соединении церквей. Из Пскова Поссевин отправился к Иоанну. Иоанн в это время засел, как паук в паутине, в самой середине. Он был в Старице (Тверской губ.) близко и к Пскову, и к Северной стране. Предполагают, что Иоанн боялся в Москве народного негодования. Действительно, в Старице Иоанн был окружен войском, но не посылал его к Пскову, в чем и попрекал его сын, позднее поплатившийся за это жизнью. Поссевин приехал сюда, но Иоанн сейчас же отстранил религиозные вожеления папы. На это-то он был великим мастером. «Папа, – говорил Иоанн, – хочет объединить всех государей для похода на турок. Но как же, ведь Баторий воюет? Я хочу помириться с ним, пусть папа помирит нас». Относительно религии Иоанн остроумно заметил: «Я всегда устранился от кровопролития (это Иоанн-то!); но вся эта вражда и брань пошла с тех пор, как у вас объявилась ересь

Лютерова, она по всей Европе производит кровопролития», т.е. дал понять, что у папы есть свое зло – протестантство. Затем Иоанн потребовал от Поссевина исполнения его главного назначения: «Устрой мне примирение с Баторием, тогда и поговорим в Москве». В конце декабря сильные холода надоедали осаждающим. Если бы у Иоанна были его прежние советники, то он, без сомнения, затянул бы переговоры, чтобы окончательно изморить поляков. Но переговоры начались на Киверовой горе и, несмотря на холод, в шатрах. К 6-му января переговоры были покончены с великим позором для Иоанна. Он должен был отказаться от всей Ливонии и прибавить к этому свои русские города: Ревель, Великие Луки и всю задвинскую часть. По заключении этого злосчастного мира Поссевин явился в Москву и стал говорить о соединении церквей. Папа еще в Старицу доставил ему историю Флорентинского собора, чтобы русские читали и учили ее. Но Иоанн теперь иначе стал разговаривать с Поссевиным и даже стал наносить ему оскорбления. «Нас, государей, – говорил он, – пригож почитать по царскому величеству; а святителям, ученикам апостолов, должно показывать смирение, а не возноситься выше царей гордостью... Мы чтим своего митрополита и требуем его благословения, но он ходит по земле, а папу носят на носилках». Ужасно возмущает Иоанна то, что папа, пастырь Христов, именующий себя смиренным, сопрестольным Петру, носит на туфле крест, который, может быть, заставляли целовать и Шевригина. «На башмаке крест, – говорил Иоанн, – это страшное унижение креста!». Затем Иоанн стал объясняться резче и резче и, наконец, сказал Поссевину: «А ты меня не сердь!»... Тем дело и кончилось.

В 1583 г. Иоанн и со шведами должен был заключить мир. По этому миру уступлены были шведам: Нарва, Ям, даже Копорье и Иван-город, словом, все города, лежащие около Финского залива. Причиной такого отступления Иоанна от Ливонии и от Финского залива было восстание черемис. Это восстание уже давно высказывалось и не среди их одних. Завоевания Иоанна в татарском мире также подвергались опасности. Татары подходили к Астрахани, и было даже время, когда Иоанн готов был отдать Астрахань крымскому хану. Это и заставило Иоанна поспешить заключить мир с Баторием. Казанские завоевания были также в опасности.

В то самое время, как Иоанн боялся за свои завоевания в татарском мире, происходило блистательное дело, а именно завоева-

ние Сибири. Эта была обширная область, которая лежит к востоку от Уральского горного хребта. Замечательно, что дело это было сделано народными силами, почти без ведома московского правительства и даже, можно сказать, вопреки ему. Сущность этой истории такова.

В Зауральской области, к северо-западу, жили остяки, вогулы, самоеды, а около Тобольска – татары, киргизы (ногаи). Национального единства тут, очевидно, не было. Из ногаев происходили многие энергичные люди, которые распространяли свою власть на народы Сибири. Из ногаев вышел и Ядигер, который при завоевании Казани хотел быть подручником Иоанна, а также и Кучум, овладевший около 1563 г. Сибирью, с которым имел дело Ермак. Царство Кучума не могло быть прочно; он вводил магометанство между туземцами и тем сильно возбуждал их против себя.

В Пермском краю между русскими поселенцами были в то время Строгановы, которые по преданию происходили от новгородского рода Добрыниных. Занимались они развитием русской колонизации на востоке. В XV в. они уже составили себе большое состояние, так что, когда пришлось выкупать из татарского плена великого князя Василия Темного, они дали на это денег; особенно усилились они при Иоанне IV. Выдающимся из них в то время был Григорий Строганов. В 1558 г. Строгановы получили привилегию от Иоанна распространять свои владения на 140 верст по Каме до Чусовой и в другую сторону. В 1566 г. они были зачислены в опричнину по их собственной просьбе. С 1572 г. на вновь уступленных им землях их стали беспокоить инородцы, а в 1573 г. к их владениям подступили Кучум и Магметкул, сын или племянник Кучума – неизвестно. Тогда в 1574 г. Строгановы получили право по их просьбе защищаться от нападений и собирать охочих людей для отражения. Но этим правом Строгановы воспользовались не тотчас. Только в 1579 г. они обратились к казакам, которые шалили по Волге с атаманом Кольцо. В XVI и XVII вв. донское казачество развивалось по подобию днепровского: из Тверской страны – к Донцу, а из Рязанской – к Дону. Уже при Василии Иоанновиче сильно сказывалась казачья вольница. С ними нужно было ведаться при отправлении послов в Крым. Они входили в сношения с азовскими (татарскими) казаками: то мирились, то воевали с ними. При Иоанне IV казаки уже утвердились в Азове. Воевать с Крымом для них было трудно; поэтому они более нападали на но-

гайских татар и шалили также на Волге, за что Иоанн разозлился на них и приговорил их к смерти. Спасаясь от царского гнева, одна казачья шайка под предводительством Ермака направилась вверх по Волге и в 1549 г. неожиданно явилась на Каме. Строгановы воспользовались этим и пригласили их к себе на службу для защиты Пермского края, а также и для похода на Сибирь. Ермак согласился и подкрепленный еще 300-ми человек или несколько более направился в Сибирь. Но это предприятие чуть было не остановлено Иоанном. В 1582 г. пелымский князь, данник Кучума, напал на Чердынь. Воевода чердынский пожаловался на это царю, и Иоанн сделал строгий выговор Строгановым за то, что они далеко шлют войско и дразнят инородцев (так по крайней мере представил дело воевода, не ладивший со Строгановыми), а они за это ходят на русскую землю, и тут же приказал воротить войско. Но воротить казаков уже было нельзя. Эта дружина, направлявшаяся в Сибирь, в своем устройстве представляла замечательные черты. В летописи перечисляются разные чины ее: «Да три попа, да старец-бродяга; хотя без черных риз, а правило правит, и кашу варит, и припасы знал, и круг церковный знал справно, и указ на преступление чинил жгутами. А кто хотел отойти и изменить делу, тому песку за пазуху, сажали в мешок – и в воду. Блуд же и нечистота были с великим запрещением, а согрешивших трижеды омывали и держали на цепи».

Двигаясь по Чуковой и Тагилю, казаки добрались до Иртыша, навели ужас на инородческих жителей своим огнестрельным оружием, которого те не знали. Один из них, взятый в плен Кучумом, рассказывал о русских воинах: «Егда стреляют из луков своих, тогда огонь пышет и дым великий исходит, и громко жолкнет, яко гром на небеси... и ущититься никакими ратными збруями невозможно – все навывлет пробивают» (Строганов. лет. у Небольсина, стр. 183 – 185). Кучум, сосредоточив свои силы в Сибири, выслал на вылазку Магметкула, который, однако, был отражен и даже взят в плен. Казаки засели в Сибири. Настала зима. Когда казаки увидели чрезвычайное множество врагов, то пришли в смущение, и некоторые из них хотели идти назад. Но Ермак старался воодушевить их. Он указывал на то, что они дали честное слово Строгановым и что вернуться назад – значит опозорить себя. «Велят возвратиться, – говорил он, – не можем срама ради и преступления ради слова своего, еже с клятвою обещахомся... Довлеет нам умереть христиански за веру хрис-

тианскую, яко да прославить Бог и выреде род наш» (Строганов. л е т . , стр. 191). Слова эти показывают, что Ермак был выдающийся человек, который знал, что делал русское дело, и сознавал величие будущего, которое готовил своими делами. Войска Кучума были разбиты наголову и казаки мало-помалу стали завоевывать все новые и новые места, стали входить в дружеские сношения с мелкими местными князьями, которые привозили им припасы. Теперь Ермак счел нужным послать известие о своих делах к Строгановым и к самому Иоанну – преподнести ему новые завоевания. Во главе посольства был Кольцо, который в 1583 г. и прибыл в Москву. Грозный царь был обрадован появлением в Москве казаков, пришедших «бить ему челом новою землею – Сибирью», обласкал их и пожаловал «великим своим жалованьем, деньгами и сукнами». Вместе с Кольцом были посланы в Сибирь воеводы – князь Болховский и Глухов. Но тут начались затруднения. Кучум собрал большие силы и стал осаждать занятые казаками места. Особенно выдавался в среде противников мурза Карача, который, пригласив русских помочь ему против ногайцев, сам же избил посланных и в 1584 г. пытался взять Сибирь голодом. Русские спасли себя счастливою вылазкою. После него Ермак двинулся преследовать Карачу и кстати встретить караван, шедший к нему из Бухары (куда уже дошли вести о русских). Ночью у Иртыша татары напали на казаков. Ермак кинулся в воду, стал тонуть и был добит стрелами (в августе 1584 г.). Завоевание Сибири Ермаком, по-видимому, остановилось. Татары двинулись к Сибири, вытиснули оттуда казаков и воевод, которые ушли к р. Оби и пределам России. Но это было народное дело, и поэтому оно не могло пропасть. В 1586 и 1587 гг. и до конца XVII в. Сибирь опять увидела деятельность русских. Центром их поселения был Тобольск. Русские двинулись по Иртышу на юг и север. Колонизационное движение шло двумя путями: одно с северо-востока – более правительственное, по рекам имело в виду торговлю мехами; другое – более народное, которое шло в область чернозема (см. атлас Замысловского и Ремизова; последний был издан к 300-летию завоевания Сибири).

* * *

История перемен в Иоанне. На этом вопросе останавливаются все историки. Карамзин сомневался в существовании всех тех умыслов, которые совершил Иоанн. Но отвергать их невозможно. Хотя главные источники по этому вопросу (сочинения Курбского, иностранцев Эллерта, Крузе и Таубе) и могут быть заподозрены в преувеличениях, но все-таки нельзя думать, чтобы в них все было сочинено, тем более, что есть на то другие источники (летопись, повествующая о разгроме Новгорода; рассказ Александро-Невского летописца и помянник Иоанна), свидетельству которых нужно доверять.

Карамзин удивляется тому, как русский народ мог вытерпеть такого тирана. Сведений о восстаниях и злоумышлениях против Иоанна мы не находим в русских источниках⁵²; из иностранных только автор «Дневника осады Пскова» (поляк) говорит, будто Иоанн сидел в Старице, не отпускал от себя войска потому, что боялся ехать в Москву, чтобы не быть убитым там за свои жестокости. О достоверности свидетельств этого памятника ничего определенного сказать нельзя.

* * *

В начале правления Иоаннова установился такой порядок, что Сильвестр и Адашев вместе с окружающими их лучшими людьми того времени составляли «Избранную раду», т.е. хорошо организованную думу, а в важнейших случаях государственной жизни должен был собираться земский собор. Сильвестр и Адашев были главными советниками государя. Естественно, что у них должны были происходить столкновения с дурными людьми, желавшими перебраться поближе к Иоанну, а также и с родственниками царя, боярами Захарьиными, и приверженцами бывшего митрополита Даниила. К сожалению, не все было предусмотрено Сильвестром и Адашевым, которые были убеждены в своей власти более чем следовало, потому действовали неосторожно там, где требовалась осторожность. В 1553 г. Иоанн заболел и потребовал присяги сыну своему Дмитрию (малолетнему). Опасаясь повторения того, что было в малолетстве Иоанна, советники думали присягнуть, вместо Дмитрия, двоюродному брату Иоанна – Владимиру Андреевичу Старицкому. Отказываясь исполнить требование Иоанна, отец Адашева говорил: «Нами будут владеть Захарьины, а мы уже испытали, что значит боярское управление». Сильвестр и Адашев также стояли за Влади-

мира и тем возбудили сильное неудовольствие Иоанна, который надеялся видеть в них людей, лично ему преданных; поэтому весьма естественно было охлаждение к ним после выздоровления. Разлад этот до 60-х годов не обнаружился резко, но значение советников постепенно умалялось и умалялось.

Во время болезни Иоанн дал обет по выздоровлению ехать на богомолье в Кириллов монастырь, и действительно, в начале весны он отправился в путь вместе с женою и сыном; но малютка в дороге умер. По пути Иоанн заехал в Песножский монастырь (на Яхrome) и здесь встретился с Вассианом Топорковым, бывшим епископом Коломенским, свергнутым боярами, одним из членов партии иосифлян, которая проповедовала, между прочим, единство церкви и государства и стояла за самодержавие. Иоанн, говорят, обратился к нему за советом, как лучше править государством. Вассиан ответил ему на ухо: «Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться; повелевать, а не слушаться, тогда будешь тверд на царстве и грозой вельмож. Советник, мудрейший государя, неминуемо овладеет им» («О гласе, поистине диавольский, всякия и презорства исполненный!» – замечает по этому поводу Курбский). Слова Вассиана проникли в сердце Иоанново; поцеловав его в руку, Иоанн сказал: «Сам отец мой не дал бы мне лучшего совета!»⁵³.

После этого Иоанн стал приближать к себе людей из партии иосифлян, между которыми особенно выделялся архимандрит Левкий – льстец и наушник. Каковы были новые люди, окружавшие Иоанна, об этом сохранилось свидетельство Курбского; упрекая его за удаление Сильвестра и Адашева, Курбский говорит, что он «вместо преподобных мужей, правду глаголющих не стыдяся», приблизил к себе «прескверных паразитов и маньяков; вместо крепких стратигов-прегнунодейных Бельских с товарищи... вместо одного пресвитера и других советников духовных – чаровников и волхвов от дальних стран». Понятно, что людям старого направления стало жутко, и они стали удаляться от двора Иоанна – да не по своей только воле.... Иоанн, впрочем, как и сам говорит, сначала никого не наказывал, а требовал от правитель-

ственных лиц только клятвы отстать от Сильвестра и Адашева. Но мудрено было отослать от Сильвестра и Адашева, от старых порядков, и сочувствовать дурным людям, окружавшим царя, а это в глазах царя и его приближенных казалось изменой.

* * *

В 1560 г. умерла Анастасия, жена Иоанна, имевшая на него громадное влияние и сдерживавшая его от крайностей. Около того же времени Адашев был послан в Феллин (в Ливонии) воеводою, где и скончался, а Сильвестр добровольно ушел в Соловецкий монастырь. Иоанн остался одиноким и в государственной среде, и в семье. Одиночество, впрочем, было не долгое. Он вскоре женился на дочери одного из черкасских князей Марии Темрюковой и не стесняемый более присутствием строгих советников, стал находить развлечение в шумных пирах, порочных забавах и давать волю своему необузданному характеру.

Из могущественного государя, окруженного лучшими советниками русской земли, великолепно организованными Сильвестром и Адашевым и подкрепляемыми земскими соборами, Иоанн стал делаться зазнавшимся, чудовищным, полоумным тираном. С особенною жестокостью стал он преследовать бояр, которых считал изменниками. При таком порядке вещей лица прежнего правительства порешили не только удалиться от него дальше, но и вовсе уходить из России, т.е. стали опять держаться понятий старых дружинников: в случае недовольства своим князем отъезжать к другому. Из этих лиц особенно замечателен князь Андрей Михайлович Курбский, который в 1564 г. уехал в Литву, получил себе в удел город Ковель и даже воевал против своего отечества в рядах литовцев (Полоцк), хотя мог поставить условием не воевать с Россией и направить свою храбрость и силы на татар. Томимый тоскою и потребностью оправдаться, он вступил в раздражительную переписку с своим тираном Иоанном, чем еще более раздражал его. Иоанн хотел удержать уезжавших от него тем, что установил круговую поруку среди бояр, по которой оставшиеся при царе бояре обязаны были платить за отъехавших. Но отъезд продолжался. Он был естественным следствием того, что Иоанн не открывал дружинникам своих мыслей, вопреки старинному обычаю.

* * *

Отъезды князей в 1564 г. вызвали недовольство и со стороны Иоанна: они, конечно же, поразили русских людей необычайными сборами. Александро-Невский летописец так рассказывает об этом: «Тояже зимы (1564 г.), декабря в 3-й день, в неделю, царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси с своею царицею и вел княгинию Марию и с своими детьми – с царевичем Иваном и со царевичем Федором – поехал с Москвы в село Коломенское и праздник Николы Чудотворца праздновал в Коломенском. Подъем же его не таков был, яко же преже того ездывал по монастырем молиться, или на которые свои потехи в объезды ездил: взял же с собою святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшены, и суды златые и серебряные, и поставцы всех всяких судов золотые и серебряные, и платие, и деньги, и всю казну повеле взяти с собою. Которым же боярам и дворянам ближним и приказным людям повеле с собою ехать, и тем многим повеле с собою ехать с женами и детьми; а дворянам и детям боярским выбором из всех городов, которых прибрал государь быти с ним, велел тем всем ехать с собою, с людьми и конми, со всем служебным нарядом... Все же о том в недоумении и во унынии быша такому государскому, великому, необычайному подъему и путного его шествия не ведомо куды баше» (Русская ист. библиотека, т. III, стр. 246-47). Недоумение еще более усилилось, когда Иоанн, утвердившись в Александровской слободе, прислал заявление, что он «от великия жалости сердца, не хотя многих изменных боярских дел терпети, оставил свое государство и поехал где вселиться, идеже его Бог государя наставит». Иоанн, кажется, давно уже подумывал об этом и на этот случай укрепил Вологду и отправил туда драгоценности. В этом же заявлении Иоанн говорил, что против простых людей и купцов он ничего не имеет, а его донимают бояре и духовные люди, мешая ему совершать казни своими ходатайствами. Разумеется, народ был поражен и стал требовать, чтобы митрополит отправился умолять Иоанна остаться на государстве. «Чело-битье же государь, царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том, что ему своих изменников, которые измены ему государю делали и в чем ему государю были непослушные на тех опалы своя класти, а иных казнити и животы их имати; а учинити ему в своем государстве себе опричнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинить особо (единственное место из русских источников, свидетельствующее об учреждении опричнины). А бояре и окольничьих и ворецкого и казначество и дьяков и всяких приказных людей, да и

стряпчих и живцов учинити себе особно и на дворцах – на сытном и на кормовом и на хлебном – учинити клюшников и подклюшников и сытников и поваров и хлебников... и всяких дворовых людей на всякий обиход, да и стрельцов приговорил учинити себе особно». Опричников сначала было 1000; им царь назначил города и волости по всему государству, а в Москве даже отвел им особые улицы, а владельцев вотчин, которые не вошли в опричнину, царь приказал выселить в другие места. Таким образом, должно было произойти переселение всей России, которое должно было сопровождаться великим экономическим разрушением и даже закрепить это разрушение, такой порядок вещей не мог существовать долго. История с двоюродным братом Иоанна, Владимиром Андреевичем, которого он, прежде чем убил, мучил постоянными переменами областей, показывает все вредные последствия того порядка, который становился Иоанн. Еще в 1562 г. Иоанн объявил, что вотчины не имеют значения, что невозможно считать их принадлежащими потомству владельца. Иностранцы объясняют это тем, что этим Иоанн хотел мстить боярам всякого значения, но здесь страдали не одни бояре, а все, кроме опричников. Но как бы то ни было, Иоанн разрывал Россию на две части – опричнину и земщину. Земству он дал особое управление, во главе которого были поставлены сначала бояре, а потом касимовский царевич Симеон. Если служилые люди становились на точку зрения старых дружинников, то Иоанн хотел надсмехаться над порядками старого времени, когда земство и двор княжеский были совершенно отделены друг от друга. Учреждение опричнины можно объяснить и с другой точки зрения. Иоанн хотел в подражание турецким порядкам окружить себя гвардией молодых людей – наподобие янычар. Но отличие опричников от янычар состояло в следующем. Иоанн видел, что даже азиатская неограниченная власть ниже власти игумена, и потому в Александровской слободе устроил монастырь, в котором сам был игуменом и вместе с опричниками исполнял весь монастырский чин, так что поступление в опричники напоминало пострижение в монашество.

В 1565 г. Иоанн явился в Москву, и его с трудом узнали. Нравственные потрясения отразились и на его физической природе. Что тут влияло на него – кутежи ли в слободе, или переписка с Курбским, неизвестно, но он своею деятельностью ясно обнаруживал сумасшествие. В своем положении игумена, которому все должны поклоняться, он с логичностью сумасшедшего выбирал лучших людей

и наблюдал, как то ему они будут повиноваться, и вот здесь-то лежит разгадка трагических отношений Иоанна IV к митрополиту Филиппу II.

* * *

Источником для разумения этих отношений служит «Житие» митрополита Филиппа, помещенное у Ключевского в его соч. «Древнерусския жития святых» и у Филарета Черниговского в его «Обзоре церковной литературы». Издано «Житие» в Москве. Имеется два «Жития» митрополита Филиппа – обширное и краткое; последнее, вероятно, представляет сокращение обширного. Обширное «Житие» вызывает у историков некоторое сомнение своими речами, которое более всего выражено у Карамзина и Макария. Бестужев-Рюмин также бросил тень сомнения на подлинность этого «Жития», находя в нем противоречие своим взглядам на Иоанна Грозного, а потому считал его написанием в духе, враждебном светской власти, и почти выпустил из своего внимания историю столкновения Иоанна с Филиппом. Однако несмотря на это, «Жития» имеют для нас громадное значение как выражение мнения современника и очевидца. Оно написано в 1590 – 1592 годах, т.е. лет 20 спустя после смерти Филиппа его современником. В этом «Житии» находится разъяснение отношений между духовной и светской властью. Важно в этом «Житии» и то, что привнесено самим автором, ибо там высказываются воззрения ближайших к нему современников на тогдашние события. В литературе этот вопрос мало разработан. Можно указать только на Карамзина (II том) и Соловьева (VI том). Соловьев, впрочем, излагает дело кратко, так как он – защитник Иоанна Грозного, и потому митрополит Филипп стесняет его. Лучше всех разработан этот вопрос у Костомарова во II выпуске его «Русской Истории». В духовной литературе находятся об этом сведения у Филарета в его «Житиях святых» за январь месяц под 9-м числом и у Макария.

Иоанн, устроив опричнину, действия которой простирались не только на Москву, но и на многие русские области, произвел этим большое передвижение народонаселения и экономическое разорение, но еще большие бедствия почувствовала Россия от действия самих опричников, от их самоуправства. Как ни утрирует Костомаров в своей «Истории» Иоанна, но несомненно, что тогда была расшатана правда и уважение к закону и правам личности. Эта мысль высказа-

на и Соловьевым. Когда Иоанн переселился в Александровскую слободу, последовали казни, о чем свидетельствует и летописец Александр-Невский; вопли раздались по России, и русские люди обратили взоры к тогдашнему митрополиту Афанасию, чтобы он печаловался за русскую землю. Однако заступничество не имело успеха, и он оставил митрополию. Большинство народа желало видеть на митрополичьей кафедре лицо, способное постоять пред царем за русскую землю. Сам Иоанн, утомленный казнями, хотел поставить в митрополиты хорошего человека, подвижника, который бы, пользуясь большим правительственным влиянием, не вмешивался в государственные дела. Такого человека он нашел в лице Германа, епископа

Казанского. Герман, как духовный пастырь, стал делать Иоанну нравственные наставления, что также не понравилось Иоанну, и он, удалив Германа с митрополичьей кафедры, стал искать себе лучшего митрополита. Русские люди единогласно указали ему на Филиппа, игумена Соловецкого монастыря, который был знаком Иоанну еще с детства; ибо отец Иоанна взял Филиппа (из рода Колычевых) в сверстники сыну. Но этот сверстник, когда вырос и присмотрелся, что делалось в русской государственной среде, удалился из дома отца в Новгородскую область, был там некоторое время пастухом, а затем удалился в Соловки. Здесь чрез 10 лет он достиг сана игумена и строго и благоразумно управлял монастырем в течение 18 лет. Сделавшись игуменом, он обнаружил маловероятное для того времени просвещение в области хозяйственной, экономической и технической. Он украшал обитель новыми зданиями, улучшил варницы, устроил водяные мельницы, завел скотный двор, осушал болота, прокладывал дороги и проч. Этот-то человек и обратил на себя внимание Иоанна, который в то время обнаруживал в своих действиях признаки сумасшествия, но как бывает в большинстве случаев с сумасшедшими, он поступал нередко весьма логично. Задавшись целью утвердить самодержавную власть, Иоанн учредил опричнину, но и этого ему показалось мало. Присмотревшись к монашеской жизни, он увидел здесь высшую власть – игумена, которая основывалась на безусловном послушании и нравственном влиянии, и задумал перенести эту власть на себя, провести этот принцип в государственной жизни. В Александровской слободе он основал монастырь, завел все монастырские порядки, одевался в монашеские одежды, строго исполнял все церковные служ-

бы, сам звонил и пр. (после службы, впрочем, предавался разгулу и производил жестокие пытки и казни). Став на такую точку зрения, пленившись властью игумена, Иоанн пошел дальше. При поставлении Филиппа на митрополию он стремился быть выше всякого нравственного влияния; он желал взять такого митрополита, который бы лучше всех назидал, но не вмешивался в гражданские дела.

Поставление Филиппа произошло в 1566 г. 25-го июля. Вызывая его из Соловков, Иоанн не открыл ему цели этого вызова, но все знали, что эта поездка в Москву не похожа на прежние его поездки по монастырским делам. В Новгороде народ устроил Филиппу торжественную встречу и просил его ходатайствовать пред царем. Такие встречи были и в других местах. Когда Иоанн открыл Филиппу свое намерение поставить его в митрополиты, Филипп начал отрекаться, но «понуждаемый царем и собором», наконец, согласился, впрочем, только под условием уничтожения опричнины. Царь оскорбился. Собору, однако, удалось примирить их, и Филипп, принимая митрополию, давал обещание «в опричнину и царский домовый обиход не вступаться». Не добившись уничтожения опричнины, он, однако, сохранил за собою право русского святителя нравственно влиять на царя как на своего духовного сына.

При своем поставлении в митрополиты Филипп созвал русских иерархов и держал к ним речь, в которой укорял их за то, что они не говорят царю правды. «Не надобно нам, – говорил митрополит, – подражать боярам, которые не говорят царю правды; бояре обременены житейскими заботами, а мы поэтому и отказались от мира, чтобы иметь возможность говорить правду». Правильность этих слов Филиппа сознавал сам Иоанн. В своем послании Белоозерскому монастырю он вспоминает об одном событии, случившемся с ним в этой обители. Прибыв как-то туда в позднее время, он захотел раздобыться ужином и послал сверстников на розыски. Те отыскивали келаря и приказали ему собрать поесть. Келарь, так как время было позднее, не захотел нарушать порядка и отказался исполнить предложенное ему требование, сказав, что он хотя и боится царя, но Бога боится больше. Иоанн похвалил келаря за такой поступок. Русские люди благословляли наступавшую перемену в иерархии. Опричники притихли, вопли народа умолкли, и можно было надеяться, что возвратятся времена Сильвестра и Адашева; но Иоанн был уже очень испорчен, чтобы возвратиться к прежнему, а опричники не могли по-

мириться с тем, что Филипп был против них. Пошли наушничества не только Иоанну, но даже и Филиппу на земских людей, о которых он ходатайствовал пред царем. Враги Филиппа, в числе которых были даже духовные лица (между прочим, и духовник царский), постоянно нашептывали царю на митрополита, и, наконец, они восторжествовали. В 1567 году представился к этому удобный предлог. Один русский негодяй, бывший в Западной Руси, привез в Москву от Сигизмунда кипу тайных грамот, в которых бояре переманивались в Литву. Предложения эти были отвергнуты боярами, но Иоанн решил однако произвести розыск и явился в Москву для расправы (на Красной площади). Затем он зашел в Успенский собор за благословением к митрополиту Филиппу. Филипп, стоявший на той же нравственной высоте, как и Герман, встретил его словом о милосердии, что разозлило Иоанна, и он ушел. Хотя Филипп, по долгу пастырства, делал Иоанну увещания частным образом, но он не мог избежать и публичного, так как все просили его об этом, и сам Иоанн не исправлялся в своем поведении и по-прежнему профанировал монашество в Александровской слободе. Когда Иоанн однажды явился в Успенский собор в монашеском одеянии и с опричниками, Филипп не захотел его благословить и не обратил на него внимания до тех пор, пока ему не заметили, что явился царь за благословением. Только после этого обратился Филипп к Иоанну и сказал, что он не узнает его в этом костюме и в делах правления. Иоанн в свое оправдание сказал, что его окружает множество врагов; но Филипп ответил, что никто не злоумышляет против него — царя. Иоанн рассердился и во гневе закричал: «Ты, чернец! Я вам покажу, кто я!» После этого Филипп уехал в Николаевский монастырь, но все еще продолжал служить. 28 июля во время крестного хода Филипп, обратившись к народу, чтобы преподать «мир всем», вдруг увидел в церкви⁵⁴ опричников в шапках (тафьях) и сделал замечание: «Что это агаряне у вас?» — спросил он в сильном гневе. Это рассердило царя. Митрополит подвергся суду, на котором обнаружил все свое нравственное величие, заявляя готовность идти даже на смерть. На этом же суде обнаружили свою слабость некоторые лица из тогдашнего высшего духовенства, например, царский духовник Евстафий, который клеветал на митрополита, равно как и епископ Новгородский Пимен, искавший митрополичьего сана; но ему Филипп предсказал, что он потеряет и то место, которое имеет. После суда Филипп был разоблачен в церкви и отпавлен в оковах в Богоявлен-

ский монастырь, а оттуда в Тверской Отроч, где во время похода Иоанна на Новгород (в декабре 1569 г.) он был задушен Малютою Скуратовым.

После удаления митрополита Филиппа Иоанн стал выполнять то, что обещал. Он стал на новую точку – в положение какого-то верховного существа, которое посылает голод, мор и др. бедствия. Эту программу Иоанн стал осуществлять с 1569 года. Он приступил к этому, что называется, научным образом. Как справедливо предполагает Костомаров, он стал загодя выяснять, где могла корениться измена ему, и, естественно, остановился на областях, позднее других присоединенных к Москве, это на Новгороде, Пскове и Твери, особенно же на Тверской области, через которую лежал путь Филиппа к месту заточения. Иоанн направился к Твери с дружинниками, произвел здесь опустошения, разорил также Торжок и Вышний Волочек. Особенно много пострадала сама Тверь. В это время погиб в Отрочем монастыре и митрополит Филипп. В начале 1579 г. Иоанн пошел к Новгороду, окружил его своими полчищами, опечатал церкви и монастыри, подверг истязаниям духовных лиц (см.: «Отрывки из Новгород. летописи» у Соловьева, VI т.). 7-го января был выезд Иоанна в Новгород; архиепископ Пимен с крестом и иконами вышел встречать его на мосту, но Иоанн не подошел к кресту, а разразился бранью на него. «Ты, злочестивый, кричал Иоанн, обратившись к нему, держишь в руке не крест животворящий, а оружие, и этим оружием хочешь уязвить мое сердце со своими единомышленниками – здешними горожанами, хочешь нашу отчину, этот богоспаемый Новгород, передать иноплеменникам – литовскому королю Сигизмунду-Августу; с этих пор ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, губитель, изменник нашей царской багрянице и венцу досадитель»... Сказавши это, он, однако, приказал ему служить обедню и устроить после службы обед. На обеде он велел взять Пимена под стражу, а казну его конфисковал. Ограбил новгородские монастыри и произвел казни бояр и даже их жен и детей. Иоанн всюду тщательно разыскивал лиц, которые, по его взгляду, были достойны казни, и подвергал их страшным истязаниям и мучениям: приказывал бросать их с моста в Волхов, а оставшихся в живых после этого добивали баграми. Из Новгорода Иоанн ездил по окрестным монастырям и везде производил такие же убийства; в одном монастыре он застал иноков за трапезой и перебил их всех до одного. Разосланные на расстоянии 200 – 250 верст по окрестнос-

13-го) Иоанн велел собрать новгородцев по одному человеку с каждой улицы и обратился к ним со следующей речью: «Жители велико-

* * *

- 315 -

люди и кровь многу пролити; но Господь Бог, молитвами Своя Матере и чудотворца князя Гавриила Всеволода, вложи в сердце блаженному Своему Салосу Николаю и христороубцу князю Юрию Токмакову, еже преложити сердце царево ярости на милость к гражданам, повеле по улицам града под дома своими трапезы посавляти, и хлеба полагати; якоже и бысть. Егда прииде князь на поле близ града в обители св. Николая на Любятове, в нощи к недели, и начаша утреннюю звонити по всему граду, и тогда, слышав князь велий звон, умилися душею и прииде в чувство и повеле воем мечи притупити о камень и не единому бы дерзнути, еже во граде убийство сотворити; и наставелу дни, тридневному воскресению, прииде во град и удивися велисю душею гражданам и любые, еже к нему показаша, стояще вся койжедо пред домом своим с женами и детьми, изнесше хлеб и соль пред враты и падше поклонилася царю.... И прииде благословитися ко блаже. Николе, иже Христа ради похаб ся творя; Блаженный же поучив его много ужасными словесы, еже престати от велия кровопролития, не дерзнути еже грабити св. Божия церкви; царь же сия глаголы ни во что же вменил, повеле у св. Троицы колокол сняти.... и повеле грабити имение и граждан, кроме церковного причту, а церковную казну по обителем и по церквам, иконы, и кресты, и пелены, и книги, и колоколы пойма с собою». По свидетельству иностранных писателей, вместе с гражданами встретил Иоанна юродивый Никола Салос с куском сырого мяса, и когда Иоанн подошел к нему под благословение, он будто бы предложил ему есть мясо. На возражение же Иоанна, что теперь пост и что он не ест мяса, блаженный отвечал: «Ты ешь человеческое мясо и кровь проливаешь, поэтому можешь есть и это». В рукописи сокращенного «Временника до 1691 г.» Никола говорит так: «Не замай, минухне, нас и пойди от нас; не на чем тебе будет бежать». Предсказание сбылось. Как только Иоанн, несмотря на такое предостережение, велел грабить монастырскую и церковную казну, а также снять у святой Троицы колокол, то «того же часа, замечает временник, паде конь его лучший». Ограбив Псков и захватив с собою награбленное, Иоанн возвратился в Москву. Но этим жестокости не окончились. Тотчас же по возвращении в Москву началось следствие о новгородской измене, причем были привлечены к ответственности и московские единомышленники новгородцев. Произведены были варварские истязания и казни, причем погибли два любимца Грозного – Алексей Басманов, убитый по приказанию Иоан-

на своим сыном Федором, который также был казнен, и опричник князь Афанасий Вяземский. 25-го июля на Красной площади поставили 18 виселец, разложили разные орудия казни, как- то: печи, сковороды, клещи, иглы, веревки, котлы.... Сюда приведено было до 300 человек. Из них было 180 помиловано, а остальные погибли.

В 1571 г. последовало нашествие Девлет-Гирея. Иоанн бежал из Москвы на северо-запад. Татары жгли Москву, в которой погибло в это время до 80 000 человек. Вслед за этим последовали физические бедствия: голод, мор и т.п. Состояние России было печальное. Один датский посланник говорит, что им в России приходилось сидеть в пустыне по месяцам без продовольствия. Затем последовало второе нашествие татар. Иоанн, подозревая, что бояре призвали татар, произвел ряд казней; теперь погиб и знаменитый воевода Воротынский. В конце концов Иоанн до того изверился во всем русском, что даже отказался от царства и на престол посадил Симеона Бекбулатовича (крещеного татарина); по свидетельству одной летописи под 1574 г., этого татарина Иоанн венчал даже царским венцом и весь свой царский чин отдал ему, а сам ездил просто как боярин (в оглоблях), а как приедет к царю Симеону, то усаживается от царева места далеко, вместе с боярами. Симеон, впрочем, не долго царствовал в Москве; он сослан был отсюда Иоанном, который дал ему Тверь и Торжок. Чем же, спрашивается, объяснить все эти ужасы? Не подлежит сомнению, что Иоанн, по крайней мере, высказывал уверенность во всеобщей измене. Это видно из его переписки с Курбским, где он, передавая историю Византии, говорит, царство разрушалось, когда сильные восхищали власть, а также и из его завещания, относимого к 1572 г., где он высказывает убеждение, что он и семейство его не прочны на московском престоле, что он – изгнанник, ведущий борьбу со своими врагами, и поэтому говорит своим детям, что если им даже придется бежать за границу, то чтобы они помнили бы его. Видно это и из переписки его с английскою королевою, у которой он думал найти убежище для себя. Трудно решить, однако, притворялся ли он или действительно был убежден в том, что ему нужно бежать. Мысль о бегстве, наконец, проявилась в том, что перед иностранцами Иоанн выставлял себя человеком чужим для России, и особенно в том, что он сильно грабил ее и не постеснялся ограбить даже такой идеально покорный город, как Псков (в Вологде и Белоозере он построил дома, куда свозил награбленное имущество). В своих грабежах он был похож не только на татарских ханов, но даже превзошел их в изобретении средств для грабежа. Так, напр., он приду-

мал поручные записи с такой особенностью. За воеводу Мстиславского, которого царь, по ходатайству митрополита Кирилла, простил (он изменил России), должны были поручиться три боярина с уплатою 20 тыс., а за этих трех бояр должны были быть новые поручители (285 чел.). Спустя 10 лет Мстиславский с сыновьями бил челом государю, что они во многих винах виноваты, вследствие чего поручители должны были поплатиться.

* * *

Под конец жизни на Иоанна стали находить минуты раскаяния, просветления. В такие-то минуты он составил завещание своим детям. В этом завещании Иоанн представляется кающимся не только в обыкновенных грехах, но даже в сверхъестественных, говорит, что в беззакониях своих он превзошел всех людей, начиная от Адама. Он говорит, что всему миру поведает это. Но, находясь в такой бездне зла, он из глубины этого зла обращается к Спасителю и высказывает надежду войти в царство небесное. Чувствуя угрызение совести за свои деяния, он вздумал было постричься в монахи, получил на это благословение от игумена Кирилла Белоозерского монастыря и в силу этого считал себя уже полуиноком, что давало ему право читать наставления Кирилло-Белоозерской братии. В минуты раскаяния Грозный посылал в тот же Кирилло-Белоозерский монастырь деньги для поминовения убитых им, которые помечались словом «выбыл». Так, один раз им послано 900 руб., в другой раз – 2000 руб. и т.д. В Кирилло-Белоозерский монастырь он присылал помянники на тех лиц, смерть которых так или иначе зависела от него. Это помянники весьма любопытны. В них, не имея возможности по именам перечислить всех погибших от его руки, Грозный говорит: «Помяни, Господи, 14-ть человек, 13-ть человек, 3-х человек, 62, 17 и 1555 человек (новгородцев убитых), их же имена, Господи, Ты сам веши». Словом, вся жизнь Грозного была оправданием поговорки: «Моему нраву не препятствуй!».

* * *

Несмотря, однако, на возбуждения религиозного чувства, Иоанн систематически продолжал грехи нравственного свойства. У него, говорят, было 7 жен; но это не совсем точно. Первую жену Иоанна звали Анастасиею Романовной, вторую – Мариею Черкасской (+1569

г.), третью – Марфою Собакиной (+1571 г.). Когда умерла Марфа, Иоанн задумал жениться еще раз. Но для того, чтобы получить право жениться в 4-й раз, он созвал собор, на котором и стал просить р а з р е ш е н и я 4-го брака, говоря, что он очень несчастен, что у него часто умирают жены, что он хотел идти даже в монахи, но остался ради нужды государства, «а в мире жить, говорил он, без супружества соблазнительно, а потому жениться нужно и для детей, и для нужды телесной». По этим причинам он дерзнул вступить в четвертый брак; но это не будет четвертым браком, так как 3-я его супруга «по козням злых людей» умерла с неразрешенным девством. Собор же все-таки новый брак разрешил, наложив на него эпитимию, которая в 1573 г. была ослаблена, а затем и совсем отменена. В 4-м браке он пожил около 3-х лет; в 1577 г. Анна Колтовская (так звали его 4-ую жену) была пострижена в монахини. После этого Иоанн не женился, а брал благословение на сожительство с двумя женщинами – Анною Васильченковою и Василисою Мелентьевною, которых он и сам называл не царицами, а «женище». В 1580 г. он женил сына своего Иоанна и сам надумал жениться и, действительно, женился на Марии Нагой, причем сын его Федор был посаженным отцом. Брак этот он не считал, однако, твердым и, услышав, что при дворе английской королевы Елизаветы находится ее красивая родственница Гастинкс, послал сватов, говоря им, что если вдруг укажут на то, что он женат, то чтобы они отвечали, что это «так себе!» Недовольствуясь этим, он делал, говорят, покушения и на жену своего сына Феодора – Ирину, хотя о достоверности сведений об этом трудно судить за недостатком данных.

Кроме законных жен, Иоанн имел гаремы любовниц. По свидетельству иностранцев, в своих разъездах он возил до 50-ти любовниц. Кроме того, он прибегал к неестественным отправлениям: орудием для этого служил Басманов-сын. Из-за той же страсти к прелюбодеянию он, вероятно, воспылал гневом на своего старшего сына Иоанна, результатом чего была смерть последнего, хотя судить об этом также довольно трудно. Псковский летописец, например, причину гнева Иоанна указывает в том, что Иоанн молодой стал говорить отцу об обязанности выручить Псков (от Батория); то же самое повторяют и некоторые иностранные писатели. Но Поссевин, бывший в Москве спустя только 3 ме-

сяца после этого события, рассказывает, что Иоанн зашел однажды к жене сына своего, которая была беременна, и, увидев ее в нижнем платье (рубашке), ударил ее так, что она заболела и выкинула; вследствие этого будто бы между отцом и сыном произошла ссора, во время которой Иоанн ударил сына жезлом так сильно, что тот заболел и через некоторое время умер. Обстоятельство это таким подавляющим образом подействовало на самого Иоанна, что он хотел отказаться от престола, но его уговорили остаться. Смерть сына, а главным образом, крайне развратная жизнь, вконец надломили его здоровье: он стал гнить и 18 марта 1584 г. скончался. Над полумертвым царем совершили обряд пострижения в монахи и назвали его Ионою.

* * *

В одном хронографе, принадлежащем И.М. Котыреву-Ростовскому, сохранилась следующая замечательная характеристика Иоанна: «Царь Иван, говорится там, образом нелеп, очи имея серы, нос протягновен и поклан, возрастом велик бяше, сухо тело емея, плещи имея высоки, груди имея широки, мышцы толстыя, муж чудного разумения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, к ополчению дерзостен и за свое отчество стоятелен, на рабы своя от Бога данные жестокосерд вельми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим, множество народа от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады своя попалил, и многия святительские чины погуби, и иная многая содея над рабы своими, жены и вдовицы блудом оскверни. Той же царь Иван многая благая сотворити, воинство вельми любяше и требующая им от сокровища своего неоскудно подаваяше» (Бестужев, II т., стр. 316). Первая часть этой характеристики уничтожает вторую; любовь к воинству — это любовь Грозного только к опричнине.

Величайший позор для науки останавливаться на Иоанне Грозном больше чем надо. Нужно ли доказывать, что Иоанн не был великим? Даровитый, но не умный, он решал ходячие задачи, но неудачно, и поверг Россию в бесчестье. Но есть и хорошие черты в его истории. В том заключается подвиг наших предков, что они вынесли его время и сохранили целостность России. Что они не дали распасться России и этим показали свое величие: даже среди ужасных обстоятельств они не погубили отечества. Что сказать о людях, которые, будучи посажены на кол, поют

псалмы, в муках говорят: «Да хранит Бог царя»!. Поистине в этом – величие народа. Но нельзя сказать, чтобы во всем этом не было и худого. Замечается смешение европейских принципов с азиатскими. Иоанн является истинным татаринном; но и в народе замечается то же самое: сильные люди опустошают целые районы, грабя и убивая крестьян. Иоанн – ужасный развратник; но и в русском тогдашнем обществе всюду был разврат. Юрий Долгорукий является выразителем разврата, завоевание Сибири также сопровождается развратом, Василий Иоаннович был знаком с развратом, Петр I – страшный развратник. Объяснить это можно тем, что тогда шла работа в пользу этнографического смешения России с Западной Европой. Но и Западная Европа никогда не отличалась гуманностью. И в самом деле, как это можно совместить: молитвы пред Богом, но с такими земными поклонами, от которых на лбу шишки, и тут же обилие страшных пыток? Но такие же ужасы были и в русском обществе: бояре, окруженные сотнями рабов, производили подобные же грабежи, насилия и опустошения. Одним словом, Иоанн IV является выразителем русского общества. И нужно заметить, что зачастую никто лучше сумасшедшего не выражает состояния современного ему общества.

Что касается последствий царствования Грозного, то они были ужасны. Грозным был дан пример неуважения к человеческой личности; закрепощение крестьян также было подготовлено Грозным; самозванческие смуты также вытекают из дел Иоанна Грозного. Иловайский справедливо заметил, что Грозный, пытаясь поднять власть, уронил ее. И действительно, Грозный теснит бояр, но боярин же делается после него царем; опричники – это сила царства, но, по мысли Грозного, они подрывают его крепость. В заключение нужно сказать, что время Грозного было величайшим злом в русской жизни, которое приносило свои печальные плоды долгое время и после Иоанна.

ЕКЦИЯ V

Россия в начале XVII века. – Печальное положение страны после смерти Иоанна IV. – Мечты Бориса Годунова о царском венце. – Внутренняя и внешняя политика Годунова. – Скопление холопов и их движение к Москве. – Казачество. – Литература о смутном времени. – Царствие Лжедмитрия I. – Вступление на престол Василия Шуйского. – ЛжеПетр и Болотников. – Появление второго самозванца. – Прибытие шведов в Россию. – Движение поляков к

Москве. – Патриарх Гермоген и Прокопий Ляпунов. – Три подъема русского духа для спасения государственности. – Избрание Михаила Романова на царство. – Очищение государства от неприятеля. – Взятие Азова.

Переходим к изложению событий так называемого «смутного времени». Для изучения истории этого времени существует очень много источников, причем и самых разнообразных, однако при пользовании ими нужно иметь большую осторожность, чтобы не впасть в заблуждения. Прежде всего, в обработанном виде история эта излагается у Бестужева-Рюмина (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1887 г., т. VI). Затем обзор памятников, относящихся к этому времени, находится в соч. Платонова «Древнерусские сказания и повести смутного времени». Особенное же значение имеет «Временник» дьяка Тимофеева, который пока еще находится в рукописи, но отрывки из которого приведены в соч. Платонова. А кто захочет дальше проследить историю этого времени по первоисточникам, тот может найти необходимые сведения в «Никоновской летописи», в «Хронологическом перечне событий», который помещен в сборнике Попова, занимавшегося исследованием хронографов, а также в «Хронографе», принадлежащем И.М. Котыреву-Ростовскому. Из этих источников у Бестужева-Рюмина объективизм доведен до крайней степени, которая даже вредит правильному пониманию дела; сочинение Платонова, напротив, показывает, до какой крайности в исторических памятниках может проявляться субъективизм не только в сказаниях, но даже в самом изложении событий.

Своим царствованием Иоанн IV положил начало самым неожиданным последствиям, и сам подготовил эпоху смутного времени. Он хлопотал о возвеличении и усилении царской власти, добивался того, чтобы поставить ее, как следует; но в то же время многие русские люди стремились учредить рядом боярскую думу и земский собор, к этому в последние дни своего царствования пришел и сам Иоанн, лично приготовивший для своего слабоумного сына Федора совет из нескольких бояр. Он восставал против бояр, но боярин сел после него на престол. Он старался подавить все верхнее, самостоятельное, и возвысить нижнее, поставить низших над вы-

но

вы-

шло как раз наоборот: низшие были закрепощены высшими, каковое закрепощение также было им подготовлено.

Самые разнообразные чувствования охватили сердца русских людей в 1584 г., когда умер Иоанн Грозный: с одной стороны, радость, что умер столь жестокий тиран (такая мысль приводится во «Временнике» Тимофеева); но с другой стороны, и страх. Уже сама по себе была страшна смерть этого ужасного человека, но едва ли не страшнее была мысль о том, что будет после его смерти с Россией, кто будет ему преемником. Русь после смерти Иоанна осталась в самом печальном виде. Что было лучшего, нравственного в боярском сословии, все было или уничтожено, или задавлено. Из оставшегося боярства, понятно, могло выступить нетерпеливое желание восстановить утраченное значение и для этого произвести смуту, вступить в борьбу с новыми, выдвинутыми Иоанном, служилыми людьми, из среды которых выбирались опричники. К концу царствования Иоанна опричники сливались почти с служилыми людьми, но самые эти служилые люди занимали особое положение, и в известном смысле все они были опричниками. Ими изпоместилась вся поколебленная Иоанном Русская земля. Им раздавались пустующие земли не только опальных бояр и монастырей, но и черных людей, особенно прилежавшие к Москве на пространстве 60 – 70 верст. Кроме бояр и служилых людей, был еще многочисленный класс народа, который войнами Иоанна, и также и неистовствами его был доведен до истощения. Беляев в своей книге «Крестьяне на Руси» говорит, что Иоанн в походах призвал к оружию до 1 000 000 человек, тогда как всех было 5-6 млн. Многие из них гибли, многие оставались целыми, но и последние должны были бросать свои земли и идти, куда глаза глядят. А тогда были открыты для колонизации Сибирь и юго-восток (имеется в виду Дон, где по примеру днепровской вольницы здесь также образовалось казачество). Словом, после смерти Иоанна все было в беспорядке, начиная с правительства: высшее сословие было в принижении, а среднее сословие – сословие служилых людей было особенно выдвинуто; сословие же военное производило опустошения, притесняло и угнетало простой народ. Несмотря на то, что Иоанн несколько раз был женат, после него осталось только два сына – Федор, который после него наследовал престол, и Димитрий. Федор по характеру своему представлял совершенную противоположность своему отцу по не-

обычайной простоте, сердечной доброте и слабоумию (русские источники обращают внимание на нравственную сторону, иностранные – на умственную; последние сообщают, что при приеме послов он не столько занимался ими, сколько атрибутами своей власти, как-то скипетром и т.п.).

Другой сын Иоанна – Дмитрий был еще ребенком и родился от пятой, или, по иному счету, от седьмой жены Иоанна, хотя и был законным. Оба поэтому мало были способны для царской власти: первый – по слабоумию, второй – по малолетству. Царем должен был сделаться кто-либо другой – или из старых бояр, или из новых, выдвинутых Иоанном, людей. Таким образом, и по смерти Иоанна IV государство оказалось в таком же положении, как и после смерти Василия III: хотя Федор всупил на престол взрослым, но был слабоумным, следовательно, нуждался в опеке, а это в свою очередь открывало широкое поле для борьбы из-за этой опеки между боярами и вообще между людьми, близкими к царю. И все это пришлось составить и подготовить самому Иоанну. Когда он умирал, то составил около своего слабоумного сына Федора, который должен был занять царский престол, совет из нескольких бояр (по некоторым источникам, из двух), а именно: Мстиславского и Романова, а по другим – из пяти, т.е. к этим двум были присоединены еще князь Шуйский Иван Петрович, Борис Годунов и Богдан Бельский. Первенствующее значение, таким образом, после смерти Иоанна получили следующие лица, стоявшие около царевича: Романовы с дядей царя Никитою Романовичем во главе; подле них – Годунов, брат жены Федора; а около малолетнего Дмитрия стояли Нагие (родственники его). Эти-то люди и должны были прежде всего вступить между собою в борьбу за власть. В самый день смерти Иоанна, 18-го марта 1584 г., как передает летопись, «Годунов с советники возложи измену на Нагих... и иных многих поймаху, коих жаловал царь Иван, и разослаша по городам и тямницам, а иных за приставы, и дома их разориша» (Никонов. лет., Карамзин, т. I). Несправедливо дело это приписывают одному Годунову; заодно с ним были Романовы и Шуйские. Дмитрий же с Нагими отправлен был с видимым почетом в Углич, в удел, назначенный ему еще его отцом, где он и был окружен надежными людьми; к нему там были приставлены следующие лица: мамка Волохова, дьяк Данилов и дядька Качалов.

Разные догадки, особенно у иностранных писателей, существовали относительно того, что означали смуты эти и кто был их главным двигателем. Как показывают летописи, главным двигателем их был Богдан Бельский, действовавший в высшей степени ловко. Он стоял сам в стороне и показывал вид, что держится партии Годунова; его, однако, понимали не только бояре, но и жители Москвы. Последние, что весьма удивительно, решились одолеть его своею силою; с оружием в руках они пошли в Кремль, захватив с собою даже пушки. С целью оправдать свое наступление они пустили слух, что Бельский хочет известить Федора и думает сам сделаться царем (по некоторым же известиям, Бельский прочил престол Борису). Никита Романов едва убедил народ в противном. В этом деле особенно важным представляется то, что московское население, несмотря на ужасы Иоанна, считало себя вправе участвовать в устройстве государственных дел, что выразилось не только в том, что военною силою пошло против Бельского, но и просило, чтобы Федор поскорее венчался на царство. Неизвестно, откуда явилась затем мысль о торжественном венчании царя не в церковном только смысле, но и в народном. Разосланы были земским людям приглашения явиться на собор. Это было своего рода новостью, т.е., что для вступления на престол законного наследника требовалось еще утверждение земли. В Никонов. летописи об этом говорится: «Тогожде лета 7092 (т.е. 1584 г.) приидоша к Москве из всех градов и молиша со слезами царевича Федора Ивановича, дабы не мешкал, сел на государство и венцем царским венчался»... И действительно, 31-го мая 1584 г. совершилось венчание, подле венчанного царя ближе всех стал Романов, а в особенности Годунов; они заняли это положение как бы с согласия всей русской земли, и можно было, по-видимому, ожидать, что установится надолго порядок и спокойствие в русской земле, тем более, что во главе советников царя стал такой опытный человек, как Никита Романов, весь род которого верно служил России. Но, к несчастью, в августе того же года он поражен был параличем, что мешало ему заниматься государственными делами, а через год он умер. Выше всех стал теперь Борис Годунов, на которого в это время излиты были богатые милости. «Царь, как передает Карамзин в своей «Истории» (т. X, гл. 1, стр. 14), дал ему не только древний знатный сан конюшаго, в течение 14-ти лет никому не жалованный, но и титул Ближнего Великого боярина, наместника двух царств –

Казанского и Астраханского». «Безпризорному сану Годунова соответствовало и безпримерное богатство. Ему дали, или точнее, Годунов сам взял себе лучшие земли и поместья, доходы области Донской, по р. Волге, все прекрасные луга на берегах р. Москвы с лесами и пчельниками; разные казенные сборы: Московские, Рязанские, Тверские и Северские, сверх особенного денежного жалованья, что, вместе с доходом его родовых вотчин в Вязьме и Дорогобуже приносило ему богатство, какого от начала Руси и до наших времен не имел ни один вельможа, так что Годунов мог на собственном иждивении выводить в поле до 100 тыс. воинов»⁵⁵. Сей-то человек – человек татарского происхождения, из служилых людей, не особенно видный, выдвинувшийся только благодаря женитьбе Федора на его сестре Ирине и своему браку на дочери лютейшего из опричников Малюты Скуратова – Бельского, взялся быть правителем Руси. Как ни принижены были бояре, им трудно было, однако, не заговорить о своих интересах, не постараться о противодействии Годунову. Его возвышение так ожесточило их, что они решились погубить его. К удивлению, орудием был избран первый из бояр – Иван Мстиславский, который пред тем только что заключил союз с Годуновым: «В лето 7093 (т.е. 1585 г.), говорится в летописи, князь Ив. Мстиславский с Борисом Годуновым велию любовь между собою имеша и о делех государственных зело радоша, и назва князь Иван Борис его назва отцом себе. Никита же Романович к Господу отыде. Враг же и ротник – диавол – положи вражду между бояр: начаша говорити князю Ивану Шуйские даворотынские да Галицыны и иные бояре и служилые люди и чернь московская, чтобы он, с ними соединялся, извел Бориса. Он же много отрицался, но по воле их, хотя угодное им сотворити, умысли в долгу своем пир сотворити и, Бориса призвав, тогда его убийти» (см.: Карамзин, т. X, стр. 18). Так как в заговоре против Бориса принимали участие целые роды, служилые и даже черные люди, то, понятно, что это не могло не сделаться известным Борису. Но это же дало ему повод расправиться прежде всего со своим нареченным отцом, который был сослан на Белоозеро, в Кириллов монастырь, затем с Воротынскими и с Галицыными, которые также были разосланы в разные города. Что же касается Шуйских, которые также принимали участие в этом заговоре во главе с Иваном Петровичем, знаменитым защитником Пскова, что, конечно, не могло не быть известным Борису, то они не были тронуты. Борис боялся

трогать их («противляхуся и не поддавахуся», говорит летопись). Не мог тронуть Шуйских Борис еще и потому, что гости (приезжие купцы) и московские торговые люди были за Шуйских и будто бы даже грозили побить Бориса камнями, если он тронет кого-либо из Шуйских. Но борьба между этими представителями двух родов, из которых каждый был необыкновенно талантлив, была неизбежна. Впрочем, оба врага на первое время как бы смутились, не решались вступить в борьбу и попробовали устроить между собою дружбу. Для этого они обратились к содействию митрополита Дионисия, человека умного, который, еще раньше предвидя опасность, убеждал их быть в дружбе. Примирение это было, так сказать, народным. В грановитой палате, где совершалось оно, стояли многие торговые люди. Но когда Шуйский объявил народу о своем примирении с Годуновым, народ, предвидя исход его, молчал, а потом выступили два человека из торговых людей и обратились с такими словами к Шуйскому: «Князь Иван Петрович! Вы миритесь нашими головами. И нам, и вам будет гибель от Бориса». Смелчаки эти в ту же ночь были куда-то упрятаны. Сделкой своей с Борисом Шуйский многое потерял в глазах народа. Сильный человек, однако же, мог пасть не сразу, а только после борьбы. Борьба в новой форме задумана была им, а также другими боярами и торговыми людьми и, по-видимому, умно. Значение Бориса заключалось в близком его родстве с царем, но Федор был бездетен. Ввиду этого решено было просить царя развестись, по примеру деда, с неплодною Ириною и вступить в новый брак. Главною целью при этом было, конечно, устранение Годунова. К удивлению, в это дело втянули и митрополита Дионисия. Но святителю русской церкви, поборнику святости таинств, было неприлично вступаться в это дело, чем и воспользовался Годунов. Он говорил, что хотя теперь детей и нет, но они могут быть; указывал при этом, как неудобно митрополиту браться за это дело. Еще было в памяти дело Соломонии. Митрополит решился действовать против Шуйского своим собственным влиянием и в то же самое время взял с Бориса слово не мстить Шуйским и их приверженцам. Развести царя с Ириною таким образом не удалось.

* * *

Само собою понятно, что Годунов, отклонив эту беду, не мог долго оставлять в покое Шуйских и тем самым давать им время еще что-нибудь придумать против него. Летописец говорит, что Борис «не умягчил своего сердца на Шуйских и научил слуг их (Федора старого со товарищи) обвинить господ своих в измене». Доносу дан был ход, и Шуйские были арестованы, а с ними и множество другого народа. После расследования дела, сопровождавшегося обычными для того времени пытками, подвергалась опале не только большая часть Шуйских, но и многие другие бояре и князья, как-то: Урусовы, Колычевы, Бекасовы, Татины и др. Большинство знатных лиц было сослано в деревни, откуда их высылали в другие места и там душили. В числе задушенных оказался и знаменитый Иван Петрович Шуйский, высланный на Белоозеро. Простых людей прямо казнили в Москве. Этот разгром, произведенный вопреки обещанию Годунова митрополиту Дионисию, должен был вызвать протест последнего. С великодушною смелостью, торжественно пред лицом Федора, не обинуясь, этот достойный архипастырь назвал Годунова клеветником, тираном, доказывая, что Шуйские и другие гибнут единственно за намерение спасти Россию от «алчного властолюбия Бориса». Также смело обличал Бориса и Крутицкий архиепископ Варлаам, грозя ему казнию небесной.

Для Бориса было очень важно убрать энергичного и самостоятельного митрополита Дионисия, а также и архиепископа Варлаама, особенно ввиду того, что к Борису еще раньше не благоволило духовенство за то дело, которое он принял на себя еще при Иоанне IV (т.е. хотел отнять у монастырей имения). Для Годунова необходимо было влиять на духовенство; вследствие этого Дионисий и Варлаам были свергнуты и заточены в Новгородские монастыри, а в митрополиты был возведен архиепископ Ростовский Иов, человек благочестивый и просвещенный, но смотревший на государственные дела как на посторонние по отношению к церкви. В 1584 г. старанием Бориса, хотевшего найти в Иове своего сторонника, последний возведен был в сан патриарха. Учреждение патриаршества на Руси, хотя и согласовалось вполне с интересами Бориса, было еще раньше подготовлено интересами русского народа. Когда создалось мнение, что Москва есть третий Рим, то вместе с тем возникла мысль возвысить власть митрополита. С давних пор церковность получала на Руси государственное значение, и митрополиты в сношениях с иностран-

ными государствами приравнивались к папам. Приезд в 1586 г. Антиохийского патриарха Иоакима, а в 1589 г. Константинопольского патриарха Иеремии в упор поставили вопрос о необходимости иметь на Руси своего патриарха. Все обстоятельства сложились так, что Годунову естественно было озаботиться тем, чтобы сделать русскую церковную власть самостоятельной.

Одновременно с возвышением церковной власти последовало возвышение и среднего служилого сословия. На рубеже 1591-1592 годов последовало завершение закрепощения крестьян. Существуют различные мнения о причинах этого печального события. Соловьев говорит, что закрепощение русского народа лежало в интересах государства, желавшего объединить и укрепить находившийся в брожении русский народ; наряду с этим мнением существует и другое, по которому окончательное закрепощение крестьян явилось результатом предшествовавшей ему долголетней кабалы. Но ни то, ни другое объяснения несостоятельны. В этом факте скорее надо видеть иноземное влияние. Известно, что крепостная зависимость простого народа в то время существовала почти во всех европейских государствах. В Польше, например, она существовала в самом строгом и суровом виде: для отыскания бежавшего крепостного крестьянина там было определено бессрочное время. У нас же на первый раз крепостная зависимость была введена пока в виде смягченного: для отыскания беглого крестьянина был назначен только пятилетний срок, по истечении которого всякие поиски уже должны были прекращаться, и крестьянин приобретал свободу жить, где захочет. Но потом мы увидим, как этот срок стал постепенно все более и более возрастать из 5-летнего в 10-летний, 20-летний и т.д., кончая бессрочным временем. Закрепощение это особенно решительно было подготовлено Иоанном IV. Он, заботясь о служилом сословии и помещивая им всю русскую землю, произвел разделение Руси на опричнину и земщину. Вследствие непрерывных войн, веденных в его царствование, народ страшно обеднел и должен был бежать в разные места, например, на Дон или перебегать к богатым помещикам, где ему, очевидно, было легче жить. Все это было в интересах Бориса, и он воспользовался этим; с его времени начинает действовать действительное закрепощение крестьян, весьма выгодное для людей средней руки или служилого сословия. Таким образом, в слу-

жилом сословии Борис Годунов приобрел себе новую опору в борьбе с богатыми и знатными боярами.

* * *

Устранивши врагов, поднявши значение церковной власти и среднего сословия, Годунов, естественно, стал мечтать о более блестящей для себя будущности, а именно о царском венце. Что он действительно мечтал об этом, есть свидетельство у иностранцев. Иностранцы говорят, что он держал у себя астрологов. Об этом рассказывается также и в наших летописях. В так называемой «Морозовской летописи» на листе 75-м говорится следующее: «Призвав к себе волхвов и волшебниц, спроси их (Борис): возможно ли вам сие дело усмотрети?... могу ли я свое желание получить?... буду ли я царем? Врачеугодницы же ему сказаха: истинно тебе возвещаем, что получиши желание твое – будеши на царствии московском, только на нас не прогневайся... Он же им рече: о, любимые мои гадатели! Отнюдь не убойтесь мене; ничего иного не получите, кроме чести и даров, только скажите мне правду. Они же рекоша ему: недолго твоего царствия будет только семь лет»... Получив это известие, он в великом восхищении, как заключает летопись, обняв предсказателей, воскликнул: «Хотя бы семь дней, только бы имя царское наложить и желание свое совершить!». Может быть, известие это и не достоверно, но, во всяком случае, оно приноровлено к тогдашнему положению дел и показывает, что мечты о царской короне у Бориса были. Впрочем, они поддерживались и естественным ходом дел. Федор Иоаннович был болен; наследником после него оставался малолетний Димитрий. Опрос слагался таким образом: следует ли вместе с Федором погибнуть Борису и его приверженцам, или надлежит погибнуть Дмитрию? Так ставился вопрос перед глазами всех русских людей того времени, и ему следует несомненно придавать важное значение, потому что только с этой точки зрения и объясняются все последующие события. Другие же вопросы: по распоряжению ли Годунова был убит Дмитрий или по угодливости его приверженцев – это уже вопросы второстепенные. Главный вопрос: Борис или Дмитрий? Что об этом думали в то время, есть такое свидетельство. Флетчер рассказывает, что вопрос этот получил особую остроту, когда до Годунова стали доходить слухи, что подраставший Дмитрий обнаруживает крутой нрав, сознает несправедливость со-

временного положения дел и намерен мстить и рассчитаться с Годуновым. (Дмитрий лепил болванов из снега, называл их по именам и отбивал им головы.) Флетчер прибавляет, что Годунов запретил поминать Дмитрия в церквах как незаконнорожденного (от пятой жены Иоанна). Естественно думать, что вопрос о незаконнорожденности Дмитрия поднимался, и если где-то Дмитрия не поминали, то виновные не подвергались наказанию. Во всяком случае не мог Борис не знать, что к последнему представителю царского рода народ питал преданность, и не мог не рассудить, что брак Иоанна с пятой женой Марией Нагой, хотя и был действительно незаконен, однако же он был браком, венчанным церковью. Вероятнее всего другое сказание, по которому Годунов прямо, не лишая прав наследника престола, все делал к его гибели.

* * *

Известия об убийении царевича Дмитрия находятся во многих источниках. Прежде всего они помещены в летописи «О мятежах»; во II томе «Государственных грамот и договоров» есть розыскное дело об убийении царевича Дмитрия; имеются сведения об этом и в других памятниках. Свод разных сказаний о царевиче приведен у Карамзина в IV т. и у Соловьева в VII т., есть они и у Платонова. Из специальных исследований касательно этого события известны: исследования Филарета Черниговского в «Чтениях Москов. Общ. древностей» за 1858 г., а также у Платонова под заглавием «Сказания о смутном времени», помещенные в «Чтениях Москов. Общ. древностей» за 1869 г. Все эти исследования направлены главным образом в ту сторону, что царевич был убит Борисом. Но у иностранцев есть сведения, что убит был не Дмитрий, а подмененный мальчик. В «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1874 г. есть статья, принадлежащая Евгению Белову, под заглавием «Разбор розыскного дела», где доказывается, что царевич умер, наткнувшись на нож. Когда Костомаров писал, кто был первый самозванец, то у него выходило надвое: и подставной, и действительный царевич Дмитрий. Это повело к тому, что в 1864 г. в «Киев. Унив. Изв.» появилось исследование Иконникова о том, что самозванец был действительным Дмитрием. А Бестужев-Рюмин (в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1888 г.) уклоняется от решения вопроса: главным образом Борис ли убил Дмитрия, или нет? Со строго научной точки зрения, этот вопрос, конечно, второ-

степенный; но по самому судному делу видно, что тут совершено было убийство, а не самоубийство. В этом розыском деле следователи Василий Иванович Шуйский, митропол. Крутицкий Геласий, окольничий Андрей Клешнин и дьяк Елизар Вылузгин обращали все свое внимание не на то, как происходило убийство, а на возмущение народа против лиц, посланных к Димитрию: Осипа Волхова, Никиты Качалова и Данилы Битяговского, хотя те покаяться, что подосланы были Годуновым. Вот эта-то сторона дела и показывает, что последние хотели прикрыть убийство и выставить на первый план вину народа. Рассказ о следствии, напечатанный Бычковым, ясно говорит, что по всем данным убийство совершено по прямому или косвенному влиянию Бориса. Как бы то ни было, но со смертью царевича для Бориса открылся доступ к царскому венцу. Правда, у Федора вскоре родилась дочь Феодосия, но она через год умерла. Смерть ее также приписали к Борису; точно также, как ему же приписали те несчастья, которые вскоре постигли Марию Владимировну, вдову бывшего ливонского короля Магнуса, с дочерью. Известно, что мать была отправлена в монастырь, а дочь – в могилу. Все это делалось в видах очищения пути к престолу. Вскоре, наконец, умер и сам Федор Иоаннович. Как ни груб был русский народ в то время, однако сейчас же понял, что умер последний Рюрикович. В одном хронографе, когда рассказывается о том, как народ оплакивал Скопина-Шуйского, говорится, что он оплакивал его так, как Федора Иоанновича. Это обстоятельство (т.е. что народ сильно оплакивал смерть Федора) показывает, что народ чего-то боялся, не доверял прочности положения дел, особенно ввиду того, как Борис расправился с Шуйскими и московскими торговыми людьми.

В каком положении Федор Иоаннович оставил государство? Одни говорят, что он оставил правление сестре Бориса – Ирине, другие – Борису. Но вернее всего, что Федор пред смертью сказал: «Волен Бог, кому быть», а жену убедил идти в монастырь. Она, действительно, исполнила его волю и ушла в Новодевичий монастырь, а за нею туда же отправился и Борис Годунов. Тогда явился вопрос: «Где же правительство?» Партия, не расположенная к Борису, говорила, что дума может избрать царя, что народ должен присягнуть ей, а она уже изберет царя «на ограничительных условиях», как говорит об этом Татищев. Замечательнее всего то, что здесь выступает на вид дьяк Андрей Щелканов, бывший близким человеком и советни-

ком покойного Никиты Романовича. Кроме него, главным двигателем всех дел был Василий Шуйский, который говорил, что если Борис не хочет быть царем, то дума может избрать другого. Таким образом, происходило замечательное явление. Годунов, управлявший государством 15 лет, уходит от дел правления; враги его опираются на чисто формальные вещи, но тут же является желание дать им юридическую санкцию. И там – интрига, и тут – интрига. Которая же партия должна была одолеть? Народ, конечно, стал на сторону первого, т.е. Бориса. Патриарх же Иов выдвигает уже не новую в русской истории мысль о созвании земского собора. Итак, мы видим, что те учреждения, которые так настойчиво попирались Иоанном IV, живут и снова возвращаются к своей силе: дума и земский собор.

Наконец, земский собор был созван; он состоял приблизительно из 500 лиц: 99 духовных, около 300 бояр, 33 выбранных, 22 гостей, 16 черных сотен. О крестьянах в ней не могло быть и речи, как о закрепощенных. Выборы происходили 17-го февраля. Как и следовало ожидать, в деле царского избрания патриарху принадлежал первый голос, за ним оставалось самое сильное влияние, и патриарх старался закрепить за собою право на это влияние в сознании современников. «Благодатию Св. Духа, – писал он, – имеем мы власть как апостольские ученики, сошедшиеся собором, поставлять своему отечеству пастыря, и учителя, и царя – достойно, кого Бог избрал» («Акты Арх. Экспед.», т. II, № 6). И действительно, как только собрался собор, патриарх предложил выбрать царя и, не дожидаясь ответа, прямо указал на Бориса как на достойного быть царем. Есть в памятниках известие, что собор был тоже за Бориса и постановил «неотложно бить ему челом, а опричь его никого не искать», и даже потребовал от патриарха наложить клятву на того, кто не пожелал бы Бориса. Когда Борис и после постановления собора продолжал упирательства, боясь величия и трудностей, патриарх обещался произнести на него само отлучение, грозил сложить с себя сан, побудить к тому же и все духовенство и затворить церкви, и если он не согласится. Борис все упирался, и только 26-го февраля, когда уже двинулись к нему с иконами, он, наконец, согласился быть царем. Но вскоре он опять удалился в монастырь. 30 апреля нужно было снова просить Годунова. Он явился; на него возложили крест Петра мит-

рополита; но он не был еще венчан, так как хотел раньше совершить какой-нибудь военный подвиг. В это время разнесся слух о нашествии крымского хана, слух заведомо ложный. Борис выступил с большим войском к Серпухову, встретил там только послов от хана с мирными предложениями. За этим последовал большой пир, и войскам была раздана награда. 1-го сентября Борис был венчан на царство. Во время самого активного венчания Борис, обнаруживавший во всех этих делах много деланности и искусственности, вдруг не выдержал, издал какой-то неестественный звук, а потом сказал, что в его царствование не будет ни одного нищего, так как он отдаст последнюю рубашку несчастным.

После венчания последовали чрезвычайные милости нового царя: войску дано было двойное жалованье, купцы получили права беспошлинной торговли, заключенные в темницах были освобождены, обнаружены были чрезвычайные заботы об исправлении дел. С особенным тщанием Борис охранял также низшую часть народа от угнетения высшими; с беспощадностью казнил злодеев и через несколько лет облегчил положение закрепощенных им крестьян, дозволив им переходить от одного вотчинника к другому в окрестностях Москвы. И потому, замечает Палицын, «бысть всем угоден». Правление Годунова отличалось разумностью и заботливостью. Это высказалось и в отношениях его к иностранцам, и в его дипломатических делах.

* * *

Прежде всего Борис предпринял меры общего характера, клонившиеся к обезопасению пределов русского государства. Самая важная сторона его деятельности здесь состоит в том, что он позаботился устроить порядок в отношениях России к татарам, т.е. так или иначе решить вопросы татарский, астраханский и крымский. В том, что он серьезно обратил внимание на это, нельзя не видеть большого ума и глубокого понимания требований русской жизни. Иоанн забросил это дело, он укреплялся в твердых, только прежде намеченных пунктах; Борис же обратил внимание на крайние пункты. Разрешить татарский вопрос было самою существенною потребностью русской жизни. И вот Борис, кроме того, что в 1598 г. предпринимал поход, обнаружил ряд хитрых мер, которые составляют славу его царствования. При смутах татар он принимал к себе обиженных пре-

тендентов на крымский престол. Но что всего важнее, так это то, что он для предотвращения татарских набегов предпринял строение целого ряда городов на окраинах русской земли. В северской области были построены следующие пункты: Новгород, Северск, Рыльск, Путивль, затем построены были в степи: Курск, Ливны, Воронеж, а немного южнее – по Дону и Днепру: Оскол, Белгород, Волуйки (по Донцу) и Борис (теперь в Херсонской губ.). При Борисе Годунове русские стали подвигаться по волжскому пути, где еще при Иоанне были построены Нижний Новгород и Свияжск. Основаны были: Самара, Царицын, Саратов, Шанчурак, Переволока. Далее русские стали укрепляться по направлению к Кавказу. Еще во времена Иоанна было начато строительство русскими укреплений на Тереке; при Борисе Годунове был укреплен Терский городок. Кроме этих укреплений, в промежутке между Северскою и Рязанскою областями была устроена целая система сторожевых пунктов, из которых некоторые носили название станиц, другие – засек. Отсюда произошли службы – станичная, сторожевая, засечная. Довольно сильный оплот для защиты пределов государства от нападений представляли также казаки, жившие по Волге и Дону (донские), по Тереку (терские), по Яику (яицкие). Видя все эти споры, предвкушаемые русским правительством, татары поняли, что это было повторение теории Иоанна. Но несмотря на все эти споры, и при Борисе татары могли прорываться через эту ограду земли русской, и даже в 1590 году они побывали под Москвой, т.е. в то время, когда русские войска были заняты под Новгородом в борьбе со шведами. Дела Годунова имели значение лишь в будущем. Не забыта была при Борисе и далекая Сибирь. Там он построил несколько городов, как-то: Тюмень, Тобольск. В 1584 г. основан был Архангельск с оборонными стенами; в Астрахани в 1589 г. построена была каменная крепость. Им же была устроена в Смоленске ограда, по подобию Псковской, крепость которой была уже испытана.

Борис поддерживал мирные сношения с Западом. Только против шведов он действовал энергично; так, в 1590 году предпринял против них поход с целью отнять завоеванные шведами города: Копорье, Иван-город и Орешек. Города эти были отняты, и к России отошла даже часть Карелии. Кроме того, Борис думал завладеть и Нарвой; но это ему не удалось, и начались переговоры. Решительность Бориса понятна. В 1591 г. он заключил с поляками перемирие на

12 лет, а в 1600 г. – на 20-ть. В 1595 г. заключен был мир со шведами, по которому все населенные места до Нарвы были возвращены России. С Австрией Борис Годунов сносился по польским делам, с Англией – по делам торговли: англичане требовали, чтобы русские торговали только с ними и ни с какими другими государствами; Борис отверг это требование, но он принял меру, от которой желал пользы, но которая принесла только страшный вред, так как она стеснила оптовую торговлю и дозволила розничную. Вследствие этого русские торговцы оказались в руках англичан. Самыми дружественными отношениями Бориса Годунова были отношения к Дании, здесь имелись даже семейные мотивы.

Вообще отношения Бориса Годунова к Западу венчались большим уважением к ее цивилизации. Он был убежден, что для целей государственных весьма важно пользоваться плодами западной цивилизации; с этою целью он приглашал оттуда ремесленников, мастеров военного искусства и придворных орнаментов, а также вызывал лиц для чеканки монет. Тогда был обычай составлять наемные войска. Борис брал иноземцев-пленников и вновь приезжающих и образовывал из них военные отряды, выбирал оттуда себе даже телохранителей. Он счел нужным окружить себя людьми, интересы которых не имели ничего общего с интересами русских людей. При сношениях с иноземными дворами нужны были переводчики, нужны были более или менее образованные люди. Чтобы иметь их, Борис стал подумывать о том, как бы завести научную технику в России, основать школы, в которых бы учили иностранным языкам, и открыть нечто в роде университетов. Но это подняло ропот на Руси, особенно среди духовенства: как велик и распространен был ропот, видно из того, что в числе восставших против этого оказался даже и патриарх Иов, человек наиболее преданный Годунову. Борис заметил это и оставил свое намерение. По «Житию Иова», духовенство заявило Борису, что многоязычие поведет за собою многоверие. Над этою фразою до сих пор потешались многие светские писатели; но это нелепость: здесь заключается глубокий смысл. Нет сомнения, что иностранцы, будучи приглашены к обучению русских, не ограничились бы преподаванием одних языков, особенно при тогдашнем разладе религиозных вопросов: многоязычие действительно разрешилось бы в многоверие. В этих словах выразилось великое охранение русских интересов. Бросив мысль завести школы в России, Бо-

рис, однако, послал за границу 18 молодых людей, чтобы они там изучили науки и искусства. Но юноши эти в отечество уже не возвратились.

Особенную заботливость Борис Годунов сосредоточивал на своей семье и своих детях: он тщательно воспитывал своего сына Федора и дочь Ксению. В одном известном хронографе сохранилось следующее описание внешних и внутренних качеств детей Бориса: «Федор цвел как крин, имел очи высокия, лицо белое, рост средний; зело научен книжным словесам, и ничего дурного не исходило из уст его. И Ксения была чудной красоты: была румяна, с червленными губами, брови у нея сходились, телом была изобильна, роста среднего, волосы имела большие; была книжная, многоречивая, к пеню — особенно духовному — прилежная и во всем имела благое поспешение»⁵⁶. На основании этого хронографа, а также основываясь отчасти и на сказании иностранца Буссова, Соловьев так характеризует молодого Годунова: «Федор хотя был и молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественноречию». Действительно, как видно, Борис первый из царей московских расширил для своего сына круг знаний, которым в то время ограничивались при воспитании русских людей: так, известна карта Московского государства, начерченная рукою Федора». Вообще натура Федора была богатая и много обещала в будущем.

Не менее тщательно воспитывал Борис и свою дочь Ксению. Когда она выросла, он хотел выдать ее замуж сперва за Густава Эриха, принца шведского, который за безнравственность был сослан в Углич, а потом, когда это не удалось, то уже за Иоанна, принца датского, но и этот брак также не состоялся. Принц приехал уже в Москву и даже был объявлен женихом, но вдруг у него сделалась горячка, от которой он и умер 28-го октября 1602 г., на 20-ом году своей жизни. Ксения была в отчаянии... Вообще эта девица много испытала и до, и после смуты, между тем как она по своим качествам была достойна более лучшей участи. Она сделалась игрушкой самозванца и постриглась в монахини. Красивые, даровитые дети и их хорошее воспитание, несомненно, — одна из светлых сторон в жизни Бориса Годунова.

Но жизни этой предстоял скорый конец. По справедливому замечанию Соловьева, у этого царя не было того спокойствия, которое

происходит тогда, когда человек занимает естественное положение; у него не было уверенности в том, что он твердо сидит на престоле. Не чувствуя под собою прочной почвы, он употреблял все средства к тому, чтобы заставить признать себя царем. По памятникам составлена была даже молитва, которую должны были произносить при заздравной чаше в частных домах (см. у Карамзина во II т., стр. 138, и у Соловьева). Мир продолжался только 2 года (до 1600 г.); в этом последнем году стал распространяться слух, что царевич Димитрий убит, а не умер. Борис стал искать виновников этого слуха. Его внимание обратил на себя Богдан Бельский, человек богатый, строивший город Борисов. Раз как-то он сказал в кругу своих подчиненных: «Царь Борис – царь в Москве, а я – царь в Борисове». Об этом было донесено Годунову, и он, говорят, велел выщипать у Бельского бороду. За Василием Шуйским также наблюдали и даже запретили ему жениться, а всех посещавших его подвергали допросу. Но главное внимание сосредоточилось на Романовых. Когда вступил на престол Борис Годунов, Романовы многими считались более имевшими прав на это. Подозревая, что слух о царевиче Димитрии был пущен именно этим родом, Борис решил избавиться от него. И так как ему не впервые приходилось стражать своих врагов посредством доноса, то он этим страшным средством воспользовался и против Романовых. На них сделан был донос, что они занимаются волшебством и чарами своими хотят известить государя. Произведены были пытки, которым особенно подвергся князь Черкасский. В результате этого пятеро братьев Романовых разосланы были по отдаленным городам и острогам; старейший из них – Федор Никитич был сослан, а затем насильно пострижен в монашество под именем Филарета. Главные враги были, таким образом, уничтожены; но от этого Борису нисколько не сделалось спокойнее; гибель главных врагов нисколько не ослабила его подозрительности: он повсюду искал врагов новой династии и страшно с ними расправлялся, подвергая их ужасным пыткам и даже смерти. Чтобы больше разведать, где скрываются его мнимые враги, он стал слушать разного рода донощиков, которых щедро награждал то должностями, то казной. Вследствие этого Борис стал терять к себе все более и более народное расположение.

К этим бедствиям присоединились вскоре еще, как видно из памятников, бедствия физические. В 1601 г. постигло Россию величайшее бедствие – голод, продолжавшийся до 1604 г. Он описан Карамзиным в XI томе его «Истории»: «Голод, – читаем мы там, – усиливался и, наконец, достиг крайности столь ужасной, что нельзя читать без трепета его достоверного описания в преданиях современников». «Свидетельствуюсь истиною и Богом, – пишет один из них (Бер), – что я собственными глазами видел в Москве людей, которые, лежа на улицах, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвых находили во рту сено». Мясо лошадиное казалось лакомством, ели собак, кошек и всякую нечистоту. Люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними последним куском; не только грабили и убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга. Путешественники боялись хозяев, а гостиницы сделались вертелом душегубства, где давили и резали сонных людей для ужасной пищи. Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынках. Матери глодали трупы своих младенцев!... Злодеев казнили, жгли, кидали в воду, но преступления не уменьшались... И в сие время другие изверги копили, берегли хлеб в надежде продать его еще дороже!... Гибло множество в неизъяснимых муках голода. Везде шатались полумертвые, падали, издыхали на улицах и площадях. Москва заразилась бы смрадом гниющих тел, если бы царь не велел на свое иждивение хоронить их, истощая казну и для мертвых. Приставы ездили в Москве из улицы, подбирали мертвецов, обмывали их, завертывали в белые саваны, обували в красивые сапоги или коты и сотнями возили за город в три скудельницы, где в два года и четыре месяца было схоронено 127 000 трупов, кроме погребенных людьми христоролюбивыми у церковей приходских. «Пишут, что в Москве только тогда умерло 500 000 человек, а в селах и в других областях еще несравненно более от голода и холода» (Карамзин, XI т., стр. 112-113). Такое же красноречивое описание и у Костомарова. Нельзя, однако, сказать, что везде был голод; южная половина России изобиловала хлебом. Но, к сожалению, при тогдашнем состоянии дорог трудно было передать его нуждающимся. Борис принял против голода меры, которые дали бы ему величайшую славу, если бы не несчастные обстоятельства. Он открыл все царские житницы

в Москве и других городах, приказал продавать хлеб по обыкновенной цене, открывал в самых дальних местах скирды хлеба, от полувека не тронутые. В самой Москве предпринял постройки столовой и панихидной палаты (пристройки к золотой и грановитой), чтобы доставить этим работу бедным людям; а для кого не находилось работы, тем раздавал деньги – по деньге каждому в день. Для этой цели были устроены четыре ограды близ деревянной московской стены.

Но все эти меры Бориса парализовали злые люди: одни прятали хлеб, другие скупали его по дешевой цене, а сами продавали по цене дорогой. К этому прибавилось новое зло: слух о щедрости Бориса привлек в Москву множество народа, так что не было возможности всех удовлетворить и пришлось отсылать назад. Народ роптал и погибал. В 1603 г. голод стал ослабевать, а в начале 1604 г. совсем прекратился.

Вскоре появилось новое зло, которое Борис вызвал еще своими опалами. Вследствие того, что слуг опального никто не смел к себе принимать, крестьяне и холопы опальных бояр принуждены были вести бродячую жизнь⁵⁷. В числе холопов были люди развитые и искусные в военных делах. Положение холопов во время голода, по описанию Авраамия Палицына, было самое печальное: «При блаженном царе Федоре Борис Годунов и мнози от вельмож, не токмо рода ег, но и блюдении ими многих человек в невомо к себе введение служить, инех же ласканием и дарми в дома своя притяснувшие и не от простых токмо ради нарочита рукоделия или хитра художества, но и от честнейших издавна многим имением и с селы и с вотчины наипаче же избранных и утвержденных меченосцев, и крепких в оружии, и светлых телесы, и красны образом, и возрастом излишествующих. Мнози же и инии, начальствующим последствующе, в неволю неработающе и написание служилое силами и мукою емлюще. Во время же глада озревшеся, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов на волю отпускаи, инии истинно, инии же лицемерством: истинствующие с писанием, лицемерницы же токмо из дому изгоняи, и аще к нему прибежит, той зле продаваем бываше, и мног снос и убытки платяху... Мнози же имуще чем пропитати домашних, но восхотевше многа богатства собрати, и того ради челядь своюотпускающе... и гладом скончавшихся туне презреша» (Карамзин, XI т., стр. 69). Затем рассказывается, что рабы бродили

около Москвы, занимаясь разбоями. Но для них нашлось и историческое место – Северская страна. При Иоанне III и при Василии Иоанновиче здесь собирался сброд всяких преступников и злодеев с целой России. Грозный на их бегство туда смотрел равнодушно; так же смотрел на это и Борис, и этим они изготовили многочисленную «дружину злодеев» в услугу врагам отечества и своим собственным. В 1603 г. отсюда-то и началось грозное движение беглых холопов и крестьян. Под предводительством своего атамана Хлопки Косолапого их шайки грабили и убивали даже под самой Москвой, смело отражая сыскные воинские дружины. Царь выслал против них окольныйего Ивана Федоровича Басманова; но в упорной битве Басманов пал. Желая отомстить за смерть своего вождя и страшась гнева государева, воины с силою налегли на мятежников, и Хлопко был взят в плен живым. Подозревая в бунте участие бояр, Борис начал производить расследования, причем множество холопов было повешено, но многие снова бежали в Северскую страну, так что, по свидетельству Авраамия Палицына, из этого скопища более 20 тыс. пристало впоследствии к ворам в Туле и Калуге (при Шуйском).

Гнезда этой опасной силы были не только в Северской стране, но и во всех тех местах, где были казаки. Казачество явилось тогда, когда начало расшатываться татарское царство, т.е. в XIV в. Оно тогда вырабатывалось по всей полосе, прилегавшей к татарским окраинам – от Карпат до Цны и Оки, а в XV-XVI вв. оно проникло на восток до Волги и Яика и на юго-востоке до низовьев Дона и Терека. Таким образом, казачество было в следующих областях: Подольской, Киевской, Северской, Рязанской, Терской и Донской. Эта новая сила вырабатывалась самой важной нуждой русского народа – охраною от татар. Два сильных центра мы видим в историческом развитии казачества: днепровский и донской – в восточной и юго-западной России. Существенные черты того и другого одинаковы: свободный доступ туда всякому, демократическое устройство с гетманом или атаманом во главе. Но есть и различие. В юго-западной России развитие казачества находилось в зависимости от богатства почвы и шло по двум направлениям: 1) князья и бояре старались держать при себе постоянную силу для защиты своих владений; так, Вишневецкий и другие польские папы в Подоле и Киеве держали при себе казаков; 2) так как до половины XVI в. в Литве не было крепостного состояния, то общины свободно переходили с одного места на дру-

гое с колониционной целью, причем для своей охраны образовывали самобытные дружины. Оба эти вида сливались, когда назначался гетман – или по народному избранию, или по общему признанию его воинственности, как, например, Вишневецкий. В XVI в. умный польский король Баторий понял, что значат казаки, и накинуд на них узду. Он давал регалии, грамоту, булаву гетману и жалованье казакам, но с тем непременным условием, чтобы гетман ведался во всех важных делах с правительством. Казачество при этом давало также полное развитие и народному элементу, и, таким образом, оно образовало Запорожскую сечь как независимое учреждение, с которым не раз приходилось ведаться не только Польше, но и России.

Развитию Запорожской сечи способствовали, с одной стороны, плохое состояние Татарского царства и Турецкой империи, с другой – гнет крепостного права (с 1569 г.) и гнет религиозный (уния в Литве 1569 г.).

В восточной же половине России, в Северской и Рязанской областях, боярского казачества не было, зато здесь шло его развитие в интересах дарственных. Московское правительство основывало города, станицы, сторожевые пункты; здесь-то и необходимо было подвижное казацкое войско, которое разместилось не только по пунктам укреплений Бориса, но проникло и до Яика, и до Терека.

В Московской половине было и независимое казачество, которое образовалось из людей, или вышедших из государства по удали, или бежавших от рабства. Впрочем, правительство и к ним относилось благодушно, давая им иногда одежду и деньги. Но были казаки, совсем отчужденные от государства. Они гуляли или по Волге (Ермак, Кольцо), или же между Доном и Донцом, и грабили как татар, так и русских. Днепровские и донские казаки связывались между собою близостью места и сходством интересов. Поэтому они иногда соединялись вместе или для грабежа, или для преследования. В этих шайках могла быть и польза для государства, и вред. Последнего особенно можно было ожидать при тех несчастных, смутных обстоятельствах, которые открывались теперь в России. Слух, пущенный еще в 1600 г., что Димитрий царевич спасся и находится в Западной России, стал еще более укрепляться, и в октябре 1604 года русские люди, только-только отходившие от голода, услышали о новом бедствии, именно о вступлении самозванца, принявшего имя Димитрия, в пределы Московского государства.

Русскими источниками для этого смутного времени являются или показания современников, или же свидетельства из времени, непосредственно следовавшего за самозванческими смутами, особенно из времени царствования Михаила Федоровича. Сюда относятся: 1) «Акты правительственные», издававшиеся при Годунове, самозванце, польским правительством для России, Шуйским, Пожарским и Мининым. Они занимают весь II том «Собраний государственных грамот и договоров», а также разбросаны по частям в изданиях археографической комиссии, например, в «Русской исторической библиотеке», в «Изданиях Московского общества истории и древностей»; 2) «Летопись о мятежах», «Иное сказание о самозванце», вошедшие в Никоновскую летопись; затем «Сказание Авраамия Палицына», и, наконец, кроме множества других отдельных сказаний, источником для истории смутного времени служит т.н. «Новый летописец», в основание которого, как доказывает Платонов, легла запись патриарха Гермогена, до нас не дошедшая. Некоторые из этих произведений изданы отдельно, другие находятся в сборнике Попова, приложенном к его исследованию «О хронографе»; иные же только готовятся к изданию. В новейшее время все эти источники или, по крайней мере, большая часть их разобраны Платоновым в его сочинении «Древние сказания и повести о смутном времени». Важность этого исследования заключается в том, что здесь показано взаимное отношение сведений в разных памятниках, а также сравнительная критическая оценка через сопоставление с актами и другими свидетельствами; сделать это было необходимо ввиду того, что в памятниках, при всей сдержанности русских писателей, сказывается субъективизм их (например, в «Ином Сказании»). В основу авторского видения вопроса положено «Иное сказание», затем «Сказание о смутном времени» Котырева-Ростовского, бывшего в родстве с Романовыми и принимавшего участие в возведении на престол Михаила Федоровича (в переделанном виде оно находится в так называемой «Рукописи Филарета» и «Сборнике Муханова»).

Что касается иностранных источников о смутном времени, то их великое множество. Иностранцы умели пользоваться неурядицами русского народа и отовсюду стекались в Россию. Являясь в Россию, некоторые из них записывали текущие события. Перечисление

иностранных источников можно видеть у Костомарова, у Бестужева-Рюмина, в «Истории русского самосознания» М.О. Кояловича. Самое большое число их издано покойным профессором Устряловым; много напечатано в «Чтениях Московских древностей»; кроме того, изданы весьма важные польские летописи, извлеченные из Императорской публич. библиотеки и снабженные богатыми примечаниями. Изданы летописи Исаака Массы и Гертмана, отредактированные Замысловским в 1874 г. Специальных исследований об иностранных источниках нет, но зато есть много отдельных исследований о смутном времени, где и разбираются свидетельства иностранцев. Кроме Карамзина, который, разумеется, не располагал большим материалом, довольно подробно исследован вопрос о смутном времени у Соловьева в VIII т. По его воззрению, первый самозванец был человек самообольщенный и подставлен был боярами при содействии поляков; смута же разыгралась благодаря борьбе государства с казачеством, земских сил с казацкими. Затем история смутного времени рассмотрена у Костомарова в 3-х томах, как в отдельном историческом сочинении, так и в его жизнеописаниях. По его представлению, смутное время – мрачная картина разгулявшегося русского варварства, захватившего даже таких людей, как Пожарский, Скопин-Шуйский, Ляпунов и др. Затем есть исследование Забелина об этом же предмете под заглавием «Минин и Пожарский». По Забелину, смуту произвели служилые люди – бояре и средние служилые люди; прекращена была смута сиротами: земскими людьми. При такой постановке дела значение Ляпунова как земского вождя слишком усилено и умалено значение Троицко-Сергиевской Лавры.

В новейшее время появилось исследование иезуита Пирлинга «Rome et Demetrius d'apres». Цель этого сочинения – доказать, что Рим пошел только за другими, когда выступил самозванец, что он сам принял католичество и хотел провести его в Россию. Исследователь с ловкостью иезуита подходит к вопросу: да не был ли самозванец царевичем Димитрием? А то ведь папы очень «оскандалились», когда поддерживали самозванца как царя (Климент VIII и нунций Ронгони), да и Сигизмунд III, ученик иезуитов и ревностнейший католик, тоже поддерживал самозванца. Вот иезуиту и нужно было очистить их. Чтобы их выпутать, Пирлинг признает, что Димитрий был убит; затем перебирает памятники об убийстве цареви-

ча и старается решить, не накололся ли Димитрий на меч сам или же не был ли подменен кем-либо другим? К этому последнему выводу и приходит Пирлинг, аргументируя его и тем соображением, что такие высокие лица, как папа Климент VIII и Сигизмунд, не стали бы оказывать помощи всякому проходимцу, если бы не были убеждены в истине происхождения 1-го самозванца от Грозного. Перебрав все существовавшие до него мнения, Пирлинг делает такое заключение: или вся Европа обманулась, или Димитрий был действительный царевич. Разбор этого мнения сделан Левицким в «Христ. Чтении» за 1883 и 1886 гг. Кроме сочинения Пирлинга, недавно появилось новое исследование о самозванце Бестужева-Рюмина в «Журн. Минист. Нар. Просв.» за 1878 г. (месяцы июль и август), где рассматриваются события от смерти Годунова до вступления на престол Романова. К нашему удивлению, автор этого сочинения подчиняется аргументации Пирлинга, говоря, что последний имеет на то основания. Но в этом исследовании Бестужева-Рюмина отсутствует изложение внутренней жизни смутного времени. Впрочем, решительного суждения о достоинстве исследования нельзя произнести; обыкновенный прием Бестужева-Рюмина состоит в том, что сначала рассматривают внешние события, а затем уже внутренние. Но и теперь видно, что Ляпунов и Троицкая Лавра в тени у автора. Наконец, как на исследование о смутном времени нужно указать на речь М.О. Кояловича: «Три подъема русского народного духа для спасения государственности в смутный период», произнесенную на академическом акте в 1880 году. В этом сочинении показано, как в России все постепенно разлагалось, как развертывалась борьба принципов аристократических и демократических, и как русский народ три раза пытался выбраться из своего опасного положения. Первый подъем был при Скопине-Шуйском, который начался в чисто русской, самой низшей среде. Второй подъем был вызван стоном из Смоленска, поддержан Гермогеном и Ляпуновым. При этом, благодаря Ляпунову, развернулась широкая программа уничтожения холопства; хотя Ляпунов и пал, однако это движение не осталось безлюдным, ибо оно дало толчок новому движению, именно третьему подъему русского духа. На этот последний подъем нужно смотреть как на соединение всех русских национальных сил: все сословия – и духовное, и светское, и служилое – устремились к восстановлению русской государственности; тут вырисовались светлые личности из всех

сословий (Минин, Пожарский, Авраамий Палицын). Такова схема указанного сочинения.

Самая важная задача здесь та, чтобы смотреть на самозванческую смуту не как на случайную смуту из-за того, что у нас тогда нарушился естественный порядок престолонаследия, и что у некоторых русских и у поляков явилось корыстное желание помогать искателям приключений – самозванцам в их замыслах избить нелюбимых в России царей – Годунова и Шуйского. Нет! Наша самозванческая смута была глубоким внутренним потрясением русского строя жизни, страшною критикою прежних начал, и, кроме того, это была самая систематическая интрига иноземцев, злоумышлявших на пагубу России с поразительно дальновидностью и с поразительным знанием наших слабых сторон. Чтобы уяснить эти слабые стороны, которые давали пищу самозванческой смуте и иноземной интриге, очертим в кратких словах состояние русской государственности до начала самозванческой смуты.

Состояние русской государственности к началу самозванческих смут было следующее: боярство было сильно раздражено своим уничтожением, потому оно мечтало об особенных для себя правах; народ был раздражен крепостным состоянием, вследствие чего к тому времени успел уже выделить из среды себя множество беглецов в казачество и образовал военную силу, готовую стать на его сторону; наконец, между этими крайностями стояло служилое сословие, большей частью враждебное им обеим, но способное пристать ко всякому новому правительству, лишь бы оно раздавало имения. Наши ближайшие тогдашние соседи – поляки прекрасно понимали эти болезни русской жизни и пользовались ими с поразительным умением.

* * *

То мнение, что первым самозванцем был монах Григорий Отрепьев, нужно считать неосновательным. Одни считают его побочным сыном Батория, другие – молдаванином. Во всяком случае, нельзя думать, что это был действительный царевич Димитрий, как об этом думал историограф прошлого века Миллер и думает в наше время иезуит Пирлинг. Чтобы увериться в этом, нужно только сравнить все то, что мы знаем об этом самозванце, с царевичем Димит-

рием или Феодором, чтобы видеть всю разницу типа этих лиц. Если посмотреть на портреты Федора и самозванца, то в них нельзя заметить никакого фамильного сходства. Сходство только в том, что оба они невелики ростом; во всем же остальном – полная противоположность: у Федора лицо продолговатое, нос длинный; у самозванца же лицо широкое, нос приплюснутый. Относительно же царевича Димитрия в следственном деле показано, что это был мальчик больной и подверженный болезненным припадкам. Это очень важно, если принять во внимание последние годы Иоанна IV, когда он подвергся гниению: очевидно, что от такого отца не мог родиться сын здоровый, а между тем самозванец отличался силою и, несомненно, был здоров. Разумеется, все это такие вещи, которые получили бы большее значение, если бы их подверг исследованию естествоиспытатель – специалист или доктор.

Если взять во внимание нравственную природу самозванца, то дела и затеи его предполагают пребывание его в польской среде и воспроизведение польских и казацких дел (польский сенат, открытая жизнь, мечты воевать с турками и т.д.). Сапегу обвиняют в том, что он поставил 1-го самозванца; а митрополит Платон говорит, что самозванец может быть был поставлен иезуитами, и это мнение уважается историками. Сведения о появлении и деятельности самозванца находим от 1604 г. следующие: во-первых, мы видим его у кн. Вишневецкого, потом у Мнишека, у которого он познакомился с его дочерью Мариной; здесь следят за ним иезуиты, убеждая его принять латинство. Сам Сигизмунд объявляет его царем и дает ему денег. Затем самозванец вступает в сношения с днепровскими казаками, идет на Чернигов, берет Путивль, у Новгорода терпит поражение от Шуйского; но дальше снова сопровождает его успех до Москвы и в 1605 г., 20-го июня, вступает в Москву.

Как человек молодой, самозванец разочаровывал всех, кто на него надеялся. Он проводил польские и иезуитские воззрения, но еще больше держался демократической партии польской и русской, подкрепляемой казачеством. В нем самом замечается много казаческого (пренебрежение к этикету, любовь быть пред народом на коне и

проч.). Несомненно, что днепровские казаки и выдвинули его. Таким образом, все, что было в России боярского, могло ясно видеть, что самозванец гораздо сильнее Годунова и Иоанна IV подкапывал боярскую силу. Но, кроме того, он вносил разложение во весь строй русского государства и общества. За помощь Сигизмунда он обещал возвратить ему Смоленск, в обеспечении Марины Мнишек обещал Новгород и Псков, не говоря о капиталах, перевезенных из Москвы в Самбор. Явившись в Москву, он разрушал русские обычаи (во время обеда завел музыку, после обеда – танцы); поднял важный вопрос о свободе женщины, что особенно ясно обнаружилось, когда приехала Марина Мнишек со штатом полек: свободные польские отношения полов произвели разлад в русском обществе, и есть основание предполагать, что русские мужья были страшно озлоблены за вторжения поляков в русские терема и впоследствии отомстили им за это: они нашли полек во дворце и грубым образом доказали им, что русские мужчины крепче изможденных поляков). Ясно было, что самозванец замышлял дурное и на православную веру; он имел сношения с папским нунцием, с иезуитами, выдвинул патриарха Игнатия, вольно смотрел на религиозные разности и женился на перекрещенной Марине. Все это, взятое вместе, открывало недовольным возможность говорить о новом царе, что он не православный, не русский, не царевич Димитрий, а самозванец. Выразителем недовольных был Василий Шуйский. Составлен был заговор против самозванца; но он был открыт, и заговорщики были сосланы. Шуйский, приговоренный к смерти и затем помилованный, этим, однако, не ограничился. 17-го мая 1606 г., во время свадьбы Лжедмитрия, он составил новый заговор; окружавшие самозванца люди были перебиты, а сам самозванец, увидав, что сопротивление невозможно, бросился из окна и разбился. Когда на защиту его поднялись стрельцы, то им угрожали, что истребят их семейства, и стрельцы умолкли.

* * *

После самозванца на престол сел Василий Шуйский. Но этот боярин, вступив на престол, дал царственную запись в пользу бояр и торговых людей. Новость эту можно разъяснить так. В Латухинской рукописи говорится, что, когда бояре совершили расправу с само-

званцем, то решили, что по избрании царя необходимо управлять общим советом, а самое избрание произвести на земском соборе. Но у Шуйского было много приверженцев, которые воспользовались сбором служилых людей и устроили так, что Шуйский и без собора был избран царем. Чтобы расположить к себе бояр, Шуйский объявил им, что не будет ничего делать без участия собора и бояр. Эта запись имеет много редакций. По одной из них, ни о каком земском соборе не говорилось. Но запись Шуйского существует как грамота, объявленная всей Руси, и имеет иной характер: «И постанови царь по всему государству не отнимает дворов у гостей, у торговых и черных людей; не отнимать животов у невинных; ложных доносов не слушать». Запись, данная Шуйским при вступлении на царство, по видимому, должна была понравиться особенно боярам. Но на самом деле вышло не так. Мы видим, что русские неохотно приняли ее. В памятниках говорится, что в Успенском соборе при объявлении записи сами бояре просили, чтобы он не вводил этого новшества, и можно думать, что русские люди до того сроднились с рабством, что никакие гарантии их не радовали. Ясно, однако, почему русские отвергали эту запись: ею подкапывалось самодержавие русского царя, рядом с ним стояли дума и приказ и Россия, таким образом, отдавалась под управление бояр, так как всякое ограничение царской власти, при тогдашнем положении бояр, сопровождалось возвышением этих последних; простые люди, казаки и холопы должны были терпеть от этого, а бояре – господствовать.

Едва вступил на престол Шуйский и всем стало известно, что наступило «боярское время», как разнеслась весть, что царь не убит, а убежал к полякам, что вместо Дмитрия (самозванца) убит был в Москве один немец. Весть эту пустили: Молчанов, князь Шаховский – путивльский воевода и Телятников. Северская область заволновалась, и едва только самозванец погиб, как на сцену выступает мнимый его родственник Петр (Илейка) с шайкою ожесточенных врагов всего того, что было выше крестьянина; к нему присоединился Болотников, присланный от Польши, человек отважный и даровитый, бывший прежде холопом. Оба они с войском, состоявшим из казаков и холопов, объявили войну всему боярству и служилому сословию, истребляли их во всей южной половине государства, кроме Рязанской области, и, наконец, приблизились к Москве. Насилу Шуйскому удалось отразить мятежников. Эти двигатели смуты со всею

ясностью показали, где находится главная пища самозванческих смут. Они старались осуществить самые крайние демократические идеи: истребляли служилое сословие и отбирали их поместья.

Между тем Болотников, побежденный Шуйским (собственно его племянником Скопиным-Шуйским), заперся вместе с лжеПетром. Тогда Шуйский лично осадил Тулу. Осажденные защищались отчаянно, но когда Шуйский по совету боярского сына Кравкова велел запрудить р. Упу и вода проникла в город, то мятежники сдались, а лжеПетр и Болотников были схвачены. Дело, по-видимому, кончилось. Но это только по-видимому: то, что низшие слои поднялись против верхних, не было таким делом, которым бы снова не воспользовались поляки.

* * *

Не успел Шуйский расправиться с лжеПетром и Болотниковым, как явился Тушинский вор. Это был жид, но вошедший в русскую церковность (он был дячком). В памятниках есть указание на то, что у него хранился талмуд. Самые воззрения его были жидовские; даже титул подтверждает такое происхождение: «Мы, Дмитрий Иванович, Царь и Государь всея России, Богом избранный, дарованный, Богом хранимый и чтимый, Богом помазанный и возвышенный над всеми прочими царями, подобно второму Израилю руководимый и управляемый силою Божиею, единый царь христианский в подсолнечной»... Мнение, что он был жид, становится рядом с другим, что он был поповский сын. Как бы то ни было, но несомненно то, что он был выразителем крайних демократических стремлений.

Новый самозванец стал двигаться из Северной страны во внутрь России, сосредоточив вокруг себя самые демократические элементы – польские и русские. Вскоре к нему пристали: кн. Рожинский, ставший гетманом, наездник Лисовский, гетман малороссийских казаков Заруцкий и политический деятель того времени Ян Сапега, староста Усвятский. У каждого из них были отряды, состоявшие из поляков и разных бродяг. Замечательно, что все эти поляки были так называемые рокошаны-мятежники. Они составили конфедерацию с целью свергнуть с престола Сигизмунда III, но на сторону Сигизмунда встала другая конфедерация и прогнала мятежников, вследствие чего эти последние и стали присоединяться к Сигизмунду, а особенно к шайке

Лисовского. Все они, хотя и были революционерами, но делали польское дело. Поэтому с ними соединились ревнители латинства — иезуиты, которые, видя, что русских нельзя обратить в чистое латинство, составили план унии. Таким образом, самозванство стало орудием дурных целей не только в польской среде, но и в русской, после чего оно стало распространяться. Появилось много самозванцев. Так, в восточной стороне Руси появился лжецаревич Иван Иванович, в Астрахани — Август; но самое большое число самозванцев было в южной Руси. Здесь мы их видим в качестве: Феодора, Ерофея, Симеона, Гавриила и Мартына; отсюда же вышел и лжеПетр. В Пскове же появился самозванец Сидорка.

Второй самозванец, двигавшийся по направлению к Москве, скоро утвердился в Тушине (село в 15 верстах от Москвы). У него был расчет занять такое положение, откуда можно было бы влиять на северную Русь. Он также, как лжеПетр и Болотников, решился истреблять боярство и служилое сословие, впрочем, с некоторыми изъятиями. Беглые холопы и мужики, окружавшие лжеПетра, имели в виду одну месть и разрушение, а потому редко делали изъятие боярам и служилым людям; второй самозванец, имевший в виду одну месть и разрушение, а потому редко делал изъятие боярам и служилым людям; второй самозванец, имевший в виду положительные задачи — польскую программу и желание сесть на русский престол, не мог обойтись без интеллигенции, а потому поступал следующим образом: казакам, холопам и крестьянам он позволял истреблять бояр и служилых людей и завладевать их имуществом, но только тех из них, которые держались Шуйского; переходивших же на его сторону он щедро наделял поместьями. Такая программа произвела большую смуту среди служилых людей, очутившихся между Шуйским — представителем аристократизма и казаками, ненавидевшими интеллигентный класс. Это очень важное обстоятельство, потому что показывает, что смута служилых людей началась не с самого начала самозванческих, как представляет дело Забелин. Поставленное в такую крайность служилое сословие стало переходить к тому царю, который давал службу и земли. Начались переходы от Шуйского к самозванцу и обратно, смотря по тому, где было выгоднее. Часто разделялись даже друзья и родственники, уговорившись, что если один из двух царей одолеет, то верный одолевшему поддержит своего родственника. Вследствие этого вопрос о русском благе был

оставлен, и все заботились только о том, как бы себя устроить по-лучше. Это особенно резко выразилось в тушинском лагере. «Здесь собрались представители многочисленных народностей: были зап-равлявшие всем поляки, были литвины, были русские всех племен, немцы, татары, были, по всей вероятности, и жиды. Всех их объеди-няла жажда господствовать над Россией и наслаждаться удоволь-ствиями на ее счет. Изобилия съестных припасов, изобилие вина, шумные игры изумляли современных свидетелей. И что особенно важно и поразительно, в православной России на глазах большин-ства русских совершалось в Тушине открытое глумление над свя-щенными православными предметами и духовными лицами, и что еще поразительнее, русские приверженцы тушинского самозванца не только не возмущались этим, но, по свидетельству современни-ков, были покорными, даже самоотверженными слугами иноземцев. Даже многих русских женщин увлек этот неистовый разгул диких страстей, и они наполняли собою тушинский табор. Руководители всех в этом неистовом разгуле – поляки – дошли до невероятного опьянения. Они смело высказывали, что служат хорошую службу в честь и славу польскому имени. Они даже полагали, что приобрета-ют в России всемирную славу... Даже некоторые русские современ-ные исторические свидетели, как Авраамий Палицын, введены были в заблуждение обманчивыми признаками внешней цивилизации по-ляков и хвалили их добрые качества, резко выдававшиеся при срав-нении с крайнею испорченостью русских воров» («Три подъема рус. нар. духа» М.О. Кояловича, стр. 15-16).

С этим-то новым правительством в Тушине должна была счи-таться вся Россия, особенно северо-восточная часть ее. Самое ут-верждение самозванца в Тушине уже показывает его стремление отрезать Москву от севера России. Особенно ясно это сказалось тогда, когда 23 сентября 1608 г. Ян Сапега осадил Троице-Сергиев-скую лавру. Отсюда пошло завоевание северной России, для чего было много удобств, так как в ней было мало крепостей (Псков, Новго-род, Нижний, Казань), и притом завоевание ее обещало много выгод, так как тут было преобладание торговли и промышленности. Сюда стекались русские люди еще со времени татарского погрома, но так как тут не на что было опереться, то народ легко сдавался само-званцу. Шуйскому остались верными только Новгород, Нижний, Ря-зань и крайние крепости – Смоленск и Казань. Самозванец и в се-

верной России старался привлечь на свою сторону преимущественно низшие слои общества, обремененные податями, заманивая их обещанием освобождения от податей. Агенты распространяли много рассказов о его милостях; так, во Пскове еще до прихода самозванца говорили, что он особенно защищает простой народ от бояр (этим и объясняется, что самозванщина распространилась на севере России). Но оказалось, что льготы были только обещанием. В тушинском лагере поляки в скором времени обнаружили разложение, потребовав уплаты жалованья; но самозванец, не имея денег, не мог удовлетворить их требованиям и упросил подождать. Тогда поляки составили коло (кружок), взяли разрядные книги и по ним расписали всю Россию для сбора дани, отправляя для этого одного русского и одного поляка, но затем и сами со своими шайками стали расходиться в разные стороны и места, подчиняя их самозванцу. Особенную силу приобрел Ян Сапега. Он стал настоящим правителем России, к которому все обращались и которому все угождали. Лисовский же был ужасным бедствием для России. Он неожиданно являлся там со своим войском, где не думали признавать власть самозванца. Под главным покровительством этих лиц и шли в северную половину России всякого рода тушинцы, рассеивались по ней и принимались управлять. Тут же стала обозначаться и общая особенность, объединившая всех этих людей, это отрицание русских начал, нажива русским добром и наслаждение удовольствиями во что бы то ни стало, ничем не стесняясь. Польские паны прикрывали свое хищничество благовидными предлогами: грабили купцов под предлогом конфискации имущества приверженцев Шуйского, захватывали дворцовые имения под тем же предлогом и, конечно же, потому еще, что считали себя высшими государственными людьми нового русского правительства. Для более грубых действий существовали шайки Лисовского и особенно шайки низшей военной челяди, существовавшей при каждом пане в числе, соразмеримом его значению. Эти шайки и эта челядь переворачивали все вверх дном и возбуждали сильнейшие жалобы народа. С польскими панами шли русские служилые люди и как люди менее образованные и менее привыкшие к утонченному лицемерию, притом как люди свои, имевшие разные домашние счета с теми, которых покоряли самозванцу, стеснялись еще менее, и поэтому еще больше возбуждали жалоб. И польские паны, и русские служилые люди, не сдерживаемые ника-

кою сколько-нибудь сильной центральной властью, не стеснялись даже в отношении друг друга, ссорились, вырывали друг у друга попадавшуюся добычу. По примеру их стали действовать и меньшие люди. Образовались самостоятельные, никого знать не хотевшие, шайки русских и польских воров, которые и довершали разорение и страдание народа. Особенно неистовствовала шайка пана Наливайко. В простоте своей русские страдальцы стали подавать жалобы тушинскому самозванцу. Заговорило родное чувство в некоторых тушинских служилых людях, и они также присоединили к ним свои жалобы. Но это было не более, как вопль в пустыне. Тогда русский народ устремился от всех этих благодетелей, в леса, болота, пустыни, как во времена татарских нашествий. «И пременишася тогда – говорит Авраамий Палицын, – жилища человеческая на зверская... медведи, волки, лисицы и зайцы приходили на места человеческих селений... и крыться тогда человецы в дебри непроходимые и в чащи темных лесов и в пещеры неведомые»... (Палицын, стр. 47-48). Таким образом, подобно Шуйскому, уединенному в Москве, и по областям лучшая часть народонаселения была в уединении по отношению ко всей России и даже в пустынном уединении, со всеми обычными невзгодами его; но нередко постигали его и невзгоды необычайные, никогда неслыханные на Руси до того времени. Поляки, имевшие на своей родине обычай отыскивать беглых крестьян не только через людей, но и посредством дрессированных для этой цели собак, пускали этих собак и для поисков за этими русскими беглецами.

* * *

Но, неглядя на все это, русская государственность не погибла. В русском народе сказались могучие силы, которых не сломили не только эти бедствия, но не сломила их даже двухкратная неудача, когда они поднялись для спасения этой государственности. Шуйский, оторвавшийся от народа, спасая себя, обратился как к последнему средству в это время к иноземной помощи, именно к Швеции, которая при тогдашней вражде ее к Польше не могла спокойно смотреть на польские успехи в России и давно уже предлагала Шуйскому свое содействие. По счастливой случайности, которая обыкновенно всегда является в исторически живучих обществах, вести это

дело выпало на долю Михаила Скопина-Шуйского, который, несмотря на свою молодость, уже известен был тогда многими своими военными дарованиями и обладал прекрасными качествами души. Этому-то необыкновенному человеку и суждено было исправить грех царя – Шуйского, его неверие в русские народные силы, и собрать в защиту государственности не столько иноземную помощь, сколько народное ополчение, поднявшееся само собою и искавшее только объединяющего центра и потому с радостью кинувшееся к Скопину при первом же его зове, и даже помимо этого зова. Исторические свидетели этому, главным образом, иноземные, пораженные необычайною переменою в делах русских со времени прихода иноземного войска, при всеобщем тогдашнем разложении Руси, приписывали всему этому делу (призыву иноземного войска) причину восстания России против тушинского вора. Дипломатия царя Шуйского и обаяние иноземной дружбы были, по смыслу этих свидетельств, первой причиной зарождавшегося тогда спасения России. Но это было заблуждение исторических свидетелей, не понимавших действительной сути дела. Завесу, скрывавшую от многих глаз это действительное дело, приподняли наши летописцы того времени, и от них мы узнаем, что одновременно с посылкою Скопина-Шуйского для найма иноземной помощи началось чисто народное движение за спасение русской государственности. Это можно подтвердить и хронологически: Шуйский завязал сношения со шведами в августе 1608 г. и уже в сентябре (1-го) стало известно об этом во Пскове, но едва ли в других местах могли знать об этом и придавать какое-либо значение этому известию, так как эта помощь не шла ни в октябре, ни в ноябре, а явилась лишь в феврале следующего 1609 г.; между тем как народное движение началось еще в начале октября 1608 г., и, следовательно, оно началось совершенно независимо от сближения Шуйского со шведами⁵⁸. Это «чисто народное» движение для спасения русской государственности началось именно в той среде народа, которая была изгнана из человеческих жилищ и пребывала в жилищах зверей. В углу, образуемом реками Волгой, Окой и Клязьмой, в юго-восточной части нынешней Владимирской губернии и западной – Нижегородской, у твердого опорного пункта власти Шуйского – Нижнего Новгорода русские изгнанники из своих жилищ стали собираться, составлять отряды и выходить на борьбу с врагами своего отечества, и что особенно поразительно и дорого нам – потомкам, что

это не были лишь люди озлобленные, мстители за свое погибшее добро и поруганную честь, способные только разрушать, а не созидать. Нет! Между ними многие были воодушевлены высшим чувством – любовью к родине. Летописцы прямо говорят, что «Бог вложил в этих людей добрую мысль» или что «Богу так изволися» («Новый Летописец»; «Летопись о мятежах»), и потому-то, несмотря на все неправды царя Шуйского, сами пошли на соединение с ним, поднялись на защиту Шуйского – представителя аристократического сословия. Они вошли в соединение с Нижним Новгородом, с его воеводою Алябьевым, препровождали туда пойманных воров и затем соединились с отрядом Шереметьева, который после усмирения воров у Астрахани поднимался вверх по Волге. Эти первые русские дружины имели могущественное влияние на другие области. Целая сеть приволжских городов последовала за этим движением простого народа. Уже 10-го или 11-го декабря 1608 года писались донесения о том, что многие города поволжские, как-то: Юрьевец-Поволжский, Галич, Кострома, Ярославль, Переяславль и даже Вологда целовали крест Шуйскому (донесение Алябьева, «Акт. ист.», т. 2, стр. 112). Восстание быстро распространилось на север и встретилось с таким же движением, шедшим оттуда и начавшимся у верховьев того же водного пути – волжского, у другого твердого пункта, державшегося Шуйского, Новгорода Великого, и недалеко от Кирилло-Белоозерской пустыни. Началось это новое народное движение именно в ничтожном по военным средствам, но могущественном по силе нравственной, городе – Устюжине-Железнопольской. Этот город решился даже вовсе не признавать тушинского самозванца и дать отпор его полчищам. Явились самоучки-инженеры и стали строить ограду, явились самоучки-мастера артиллерийского дела и стали ковать орудия и ядра. Несколько раз устюжинцы вступали в борьбу с тушинцами; были побиваемы, когда выходили за город и вступали в открытую борьбу; но зато каждый раз отбивались, когда подвергались приступам. Кирилло-Белоозерский монастырь оказывал им помощь людьми и, конечно, еще более нравственным воодушевлением. Скопин-Шуйский, бывший в это время в Новгороде, прислал ратных людей из своих северных имений и пороховую казну из Новгорода. Так они и отстояли свой родной город. Это геройское сидение в осаде малого и, по-видимому, не воинственного устюжинского населения было ясным указанием на мощную силу

всего севера России, которая тогда уже стала обнаруживаться на всем этом огромном пространстве от Новгорода до Перми. Везде русские люди восставали против тушинцев, сносились между собою, собирали и соединяли свои отряды, начальствовать над которыми в начале 1609 г. Скопин прислал воеводу Вышеславцева. Это уже не были одни крестьяне, понявшие пустоту всех самозванческих ратований за народ. Это были русские люди всех состояний и званий. В некоторых местах они даже не понимали, что может быть борьба между низшими и высшими слоями русского общества. Головы Каргопольского, Белоозерского и Двинского ополчений, отправляясь в приволжские страны, с изумлением говорили о дошедших к ним слухах, будто здесь черные люди грабят и бьют помещиков, и заявляли, что у них этого нет, что у них черные люди «дворян и детей боярских чтят и позору им некоторого нет, и благодарим о том всемилостивого Бога, что Бог соединил всех в православную веру и от иконоборцев и разорителей православные веры избавил без кровопролития» («Акты истор.», т. 2, стр. 150; Три подъема русского народного духа, стр. 26). Это единение сил и открытая общественная деятельность производили свое влияние и закрепляли за севером великую авторитетность, которую мы увидим и при последующих подъемах русского духа для спасения государственности. Таким образом, народное движение, начавшееся самостоятельно в двух отдаленных пунктах на старом волжском пути, слилось воедино не только физически, но и нравственно, в смысле объединения сословий, охватило всю северную Россию и направилось на защиту того самого царя – Шуйского, который изверился в русских силах и призвал иноземную помощь.

К этим двум слившимся потокам народного воодушевления присоединился третий, возникший тоже самостоятельно и не истощавшийся в последующие времена. Жители Смоленской области, лучше других умевшие оценивать блага польской цивилизации, давно уже – еще во времена смуты Болотникова – были верными защитниками Шуйского и посылали ему свои отряды. При тушинском самозванце они усердно очищали свою страну от воров и в начале 1609 г. очистили ее до Вязьмы и дожидались приближения Скопина-Шуйского, который отправился в Швецию за иноземной помощью.

* * *

В феврале 1609 г. Скопин-Шуйский окончил переговоры с Карлом IX. Карл обещал представить 2000 конницы и 3000 пехотных солдат – всех, словом, около 5000; но их всяких иноземцев набралось где-то около 15 000. Иноземцы эти то приходили, то быстро исчезали; в итоге их оказалось 8000. Взамен всего русские должны были давать шведам продовольствие и плату, уступить им Карелию с уездами (западный берег Ладожского озера); потом, уже во время смуты, шведы потребовали местность от Ладоги до Иван-города, т.е. побережье Финского залива; требовали они также невмешательства России в дела Ливонии. И вот, когда с этим наемным шведским отрядом, предводительствуемым Делагарди, Скопин шел к Новгороду, к нему стали присоединяться русские люди из Новгорода и даже Пскова; у Торжка присоединились смоляне; у Твери и особенно у Калязина присоединились главные силы северного ополчения; у Александровской слободы – Федор Шереметев с низовыми силами. Благодаря всему этому, дела вскоре приняли оборот, благоприятный для Шуйского. План войны составлен был умно. Скопин шел от Новгорода, Шереметев – от Казани. Север, выражаясь военным языком, составлял базис, а с юго-запада и юго-востока двинулись подкрепленные с севера огромные военные силы. И все это направилось к Москве. Этот план действительно был чрезвычайно важен.

К сожалению, под влиянием западнических идей он не представлен в истории с ясностью: затемнен, в частности, вопрос о значении народных сил и Скопина-Шуйского. У Соловьева в рассказе о том, как встречали Скопина в Москве, прямо говорится о том, что русские тогда не понимали значения иноземной силы, что будто без нее ничего нельзя было сделать. Такой взгляд объясняется общим воззрением Соловьева, который в своем 29-томном труде представляет народ русский косной, беспорядочно движущейся массой, не понимающей, что всякое правильное цивилизационное движение происходит с запада⁵⁹. Во всяком случае, помощь иноземцев не могла быть так важною, как ее представляют. Немцы, как называли шведов и вообще иностранцев русские, не только у Коломны составили затруднение русским, но и у Александровской слободы требовали отдать им Карелию. Народная сила, на наш взгляд, имела более зна-

чения, чем представлено это у Соловьева. Но самое большое значение имел Скопин, который имел влияние даже на иноземцев, но особенным обаянием пользовался в народной среде. На этого необыкновенного человека были устремлены взоры и упования всей русской земли.

* * *

События между тем все усложнялись. В сентябре обнаружилось новое обстоятельство, которое представляло большие затруднения для русских и для тушинцев. Давно уже дело клонилось к тому, что Польша могла овладеть Россией. Вся история второго самозванца обнаруживала попытку Польши взять Россию в непосредственное управление. Для этого при самозванце находился и Ян Сапега, который все время держался мысли о подчинении России Польше. Но поляки не могли скоро выступить против России, опасаясь негодования со стороны русского народа. Когда же шведский король Карл, враг Польши, дал помощь русским, поляки увидели в этом прекрасный повод выступить против русских. Все лето 1609 г. в Польше на сеймах явно рассуждали о необходимости этого, строили планы, говорили о замене русской интеллигенции польской, о введении в России латинства, или, по крайней мере, унии.

19-го сентября передовая польская сила подошла к Смоленску, а вслед за нею и главная – с Сигизмундом III во главе. Он осадил Смоленск, потому что опасно было оставить такую крепость позади и идти дальше; кроме того, поляки, подозревая, что Сигизмунд хочет приобрести в России династические права, требовали, чтобы он, прежде чем идти к Москве, сделал какие-нибудь реальные приобретения для Речи Посполитой. Но поляки при этом прогадали, так как в Смоленске уже знали, что такое польское правительство и цивилизация; кроме того, в 1609 г. Сигизмунд в Вильне произвел жестокую расправу за восстание против унии, в котором был ранен униатский митрополит Поцей, в результате чего здесь были закрыты православные храмы и некоторые из православных поплатились даже жизнью. Таким образом, и крепость Смоленска была сильна, сильно было также и сознание зла со стороны поляков, и, кроме того, во главе осажденных был Шеин, да и отряды смольнян бывали прежде в Москве у Шуйского, что показывает, что связь с восточной Россией у них была

крепка. Все это было весьма важно для Шуйского, которому нужно было оглядываться и на шведов, и на поляков.

Поход Сигизмунда произвел тяжелое впечатление и на тушинцев. В Тушине были некоторые польские революционеры, которые были возмущены польским походом и теперь отправили от себя депутацию с заявлением, что Сигизмунд хочет пожинать плоды их трудов, так как это их завоевание. Разногласия в Тушине были достаточно большие. Кроме революционной, среди поляков были партии-иезуитская и королевская. К последней принадлежал Рожинский. Положение русских в Тушине было еще тяжелее: нужно было решить трудный вопрос: идти ли в Москву, или к самозванцу, или к польскому королю? В сторону короля склонялись Салтыковы – отец и сын (Михаил и Иван). Тут-то впервые и зародилась мысль о призывании на русский престол Владислава. В одно время к королю отправились две депутации – польская и русская. В конце концов, самозванец к концу 1609 г. бежал из Тушина. Важное положение при нем занимал Ян Сапега, который, находясь на стороне самозванца, сносился и со Львом Сапегой, вел переговоры с русскими относительно обеспечения Марины Мнишек и ее сына: одновременно он был выразителем польско-иезуитских планов, и потому был особенно опасен.

В таких-то обстоятельствах Скопин-Шуйский приближался в Москву. 12 марта 1609 года в Александровской слободе тушинцы были поражены, бежали от Троицы, а затем и из Тушина, которое ими было сожжено. В тот же день Шуйский с торжеством вступил в Москву, как вождь всего русского народа, 24-летний юноша-голиаф (когда он умер, для него не могли найти гроба в целой Москве и даже в Переяславле, славившемся ими).

Торжество первого подъема русского народного духа совершенно заслонило собою царя Московского, который не имел потомства (имел лишь дочерей). Внимание всех было сосредоточено на Скопине. Еще до прихода его в Москву Прокопий Ляпунов отправил к нему депутацию, которая поздравляла его царем и звала на престол. Скопин арестовал было этих депутатов, но потом отправил назад, не сказав ничего Василию Шуйскому. Недоразумение между Скопным и Шуйским сразу обозначилось: последний узнал о посольстве. Особенно зложелателен был к Скопину Дмитрий Шуйский, брат царя, неженка, русский барич, обставлявший себя всеми удобствами даже

в походах и вечно терпевший поражения. Он считал себя преемником царя, и для него особенно тяжелы были ликования народа по случаю освобождения Москвы. Существуют серьезные свидетельства о том, что именно с этой стороны и было сделано покушение на жизнь Скопина. 23 апреля 1610 г. на крестинах у Воротынского ему была поднесена отрава, от которой он и умер.

* * *

Настало ужасное время для России. Казалось, что она была уже у конца смуты; обозначился было необычайный человек, который всех мог примирить и даже быть естественным преемником престола..., но все вдруг рухнуло. Остался нелюбимый народом царь. Между тем польский король Сигизмунд, как только получил известие о смерти Скопина, послал с войском одного из лучших своих вождей – гетмана Жолкевского, чтобы довершить злосчастье первого русского ополчения. Русские выступили против Жолкевского, иноземцы со зловещим раздумьем, и все под начальством нелюбимого вождя, царского брата Дмитрия Шуйского, жена которого была подозреваема в отравлении Скопина. Оба войска сошлись у Клушина в конце июня. Иноземцы, на которых так много надеялся царь Шуйский, изменили: русские были побиты. Мало этого, иноземцы вступили в договор о позволении им вернуться в Швецию, засели у Финского залива и овладели даже Новгородом. Должна была последовать страшная смута, которая была обставлена ужасными обстоятельствами: к Москве подходил Жолкевский, воспрянул также и самозванец, который из Калуги прибыл к Коломне и теперь подступал к Москве.

Необычайно дорого стоили усилия русских вырваться из этих затруднений. В Москве в это время образовалось убеждение, что нужно отказаться и от Шуйского, и от самозванца; простой народ, напротив, тянул к самозванцу, а аристократия готова была передаться польскому королю. В сложившейся ситуации народ решил отказаться от самозванца и от поляков, созвать земский собор и выбрать на нем царя. Но нужно было сначала низвести Шуйского с престола; его и низвели, после чего он сначала жил в собственном доме, а потом его постригли в монастырь. Затем разослана была из Москвы 20-го июля 1610 г. грамота с призывом к сбору выборных. Но эти искренние люди не могли успеть в своем намерении, и не

потому, что не прибыли выборные, как объяснялось в следующей затем боярской грамоте, а потому, что и в стане Жолкевского, и в стане тушинского самозванца работала одна и та же партия, преследовавшая иноземную интригу – избрание на царский трон польского королевича. Интрига эта имела успех, и 17 августа 1610 г. Владислав был избран на русский престол, причем избран самым легкомысленным образом со стороны русских и самым коварным – со стороны заправлявшего этим делом гетмана Жолкевского. Вопреки настойчивому требованию патриарха Гермогена, который ввиду затруднительных обстоятельств дал согласие на избрание Владислава; вопрос о принятии православия новоизбранным царем был коварно заслонен в договорах русских с поляками, но однако русские люди присягнули новоизбранному царю, о котором неизвестно было, что он примет православие. Жолкевский между тем, рассмотрев дело, увидел, что хотя он и может занять Москву, но ему здесь не сдобровать, и отправился к Сигизмунду, забрав Шуйского, а в Москве оставил Гонсевского. Для более вероятного успеха относительно Владислава он взял Голицына и Федора из дома Романовых (Филарета). Оба были назначены в посольстве, чтобы не портили польских дел. Но в этих-то лицах и встретилось главное препятствие для улаживания дела Владислава. Сигизмунд, собственно, не думал назначать Владислава царем, все это была хитрость: Владислав был мальчиком 16-17 лет, и кто мог думать, что он удержится в Москве среди резни? Можно было надеяться лишь на то, что сам Сигизмунд устроит свой престол наследственным. Для этого ему нужно было покорить себе Россию. Этого и требовали поляки: Сигизмунд требовал сдачи Смоленска; но последний не сдавался. Что касается вопроса о вере, то Сигизмунд сам держался католичества и не желал перехода сына в православие. Но и послы не уступали. Их отправили в Польшу, куда еще ранее был отправлен Шуйский. Сигизмунд стал распоряжаться Россией, как самостоятельный государь; и тут со всей очевидностью обнаружилось, до какой степени шаткости, а то и падения дошло наше служилое сословие. Ему важно было держать за собою поместья, а Сигизмунд щедро раздавал их тушинцам и тем, которые отставали от посольства. О степени нравственного разложения можно судить по делу знаменитого Федора Шереметьева, который также посылал просьбы к полякам пожаловать его поместьями или разрешить удержать за ним прежние.

Чем дальше подвигаемся мы в пространство смуты, тем более интересных явлений наблюдаем. Отрадно видеть, что и в то ужасное время находились доблестные люди, готовые пожертвовать жизнью за отечество; еще отраднее то, что великий русский народ, способный жить исторически, даже нашел силы поправить свои дела. Любопытно и то, что русские люди после новшеств смутного времени опять пожелали старого строя, почему после смуты настало время самого, можно сказать, узкого консерватизма. Во время смут выяснилось, что на иноземцев нет никакой надежды; служилое сословие, на которое возлагались большие надежды, также оказалось готовым поддерживать смуту; поддерживали ее и холопы. В частности, первый подъем русских сил получил свое развитие, во-первых, от иноземцев, а во-вторых, от аристократического духа Шуйских. При втором подъеме русских сил на сцену выступают другие деятели и с другими средствами: это патриарх Гермоген и Прокопий Ляпунов. Чем особенно навредили себе поляки, так это тем, что не позаботились или не сумели понять личных качеств патриарха Гермогена и значения его власти в России. Кажется, более всего они введены были в заблуждение его внешне второстепенным положением при избрании Владислава, а потому поляки слишком уверовали в силу боярской думы в Москве. Но в действительности сила оказалась не у думы, а у этого патриарха. Это был человек несокрушимой силы характера и твердой воли: его ничем нельзя было смутить, утратить, и одно слово его могло стать могущественнее всех обобщений и военных сил Польши. Его-то слово и стало разгадываться, как только уяснились действительные цели поляков, и раздалось с неодолимою авторитетностью, с неотъемлемым правом на него со стороны говорившего. «Если Владислав не примет православия, то он не может быть царем», – стал говорить и писать Гермоген, когда поляки обратились к нему с просьбою дать согласие на сдачу Смоленска. Вместе с Гермогеном заговорил другой влиятельнейший человек, единственный в южной части Московского государства земской области Рязанской – Прокопий Ляпунов, человек, не раз увлекавшийся смутой, но неоспоримо горячо любивший отечество. «Будет ли Владислав на Москве, приняв православие, и отведет ли король поляков из России?» – эти вопросы сделались всеобщими и самыми мучительными, на них, как мы видим, можно было давать в ту пору лишь самые безотрадные ответы.

Между тем, Сигизмунд стал еще более привлекать к себе искателей личных выгод. Московская боярская дума усердно помогала ему в этом и вскоре по его указанию стала платить русские государственные деньги великому смутотворцу и руководителю самозванца – Яну Сапеге. С другой стороны, дело этого самозванца поднималось снова и снова и растлевало Россию. Случались даже самые неожиданные дела: в Казани, когда узнали, что поляки вошли в Москву, и что сам король хочет управлять Россией, жители города стали присягать даже самозванцу в то время, когда его уже не было в живых. Но самое сильное освящение безотрадного положения России и новых ожидающих ее бедствий последовало из Смоленской области, из той самой области, где, как и прежде, лучше других могли оценивать польскую цивилизацию. Когда Сигизмунд собрался в поход под Смоленск, виленские братчики послали туда предостережение, чтобы не поддаваться уверениям Сигизмунда и ждать помощи. В ответ на это предостережение из Смоленска последовала грамота, в которой давались вразумительные для всякого ответы на вопросы, что будет с Россией при новоизбранном царе. В грамоте рисовалась потрясающая картина глумления над православием польских и литовских людей и истинно варварское пленение в Польше русских людей, которых не удавалось их родным и знакомым близким ни вымолить, ни выкупить. «Ведомо вам смертная наша погибель, как мы и вы дались без всякого противления литовским людям, во своих городех и уездах, и принесли есма свои головы и животы к ним для избавления душ своих, чтобы не отбыть православного крестьянства в латынство и в конечной погибели и в посечении и во пленению не быти разведенным; и мы все изо всех городов и из уездов без остатка и без всякого пощажения погибли, и ни малые милости ни пощажения не нашли. Во всех городех и уездах, где завладели литовские люди, не поругана ли наша крестьянская вера и не раззорены ли Божия церкви? Не остались ли есма от тысячи десятой, или от ста един, токмо единого душею и единым телом?... Здесь мы не мало время живем и подлинно про то ведаем, для того и пишем к вам. Для Бога положите о том крепкий совет меж себя: пошлите в Новгород и на Вологду, и в Нижний нашу грамоту, списав, и свой совет к ним отпишите, чтобы всем было ведомо, всею землею обще стать за православную крестьянскую веру, пока места еще свободны, а не в работе и в плену не разведены». Получив эту гра-

моту, патриарх Гермоген разослал ее по всей России вместе с грамотой от московских жителей, в которой русский народ явно призываем был не считать для себя обязательной присягу Владиславу. Эти призывы русского народа на защиту своей веры и государственности подействовали еще могущественнее, чем движения народа и голос Скопина-Шуйского во время первого подъема русского народного духа. Из конца в конец России перелетала грамота Гермогена и Ляпунова, дополняемая по местам новыми известиями, и вырастала в длинные свертки. С поразительной неустойчивостью и быстротой перебегали народные гонцы по огромным пространствам. У Ляпунова в Рязанской области оказывались гонцы и вольные казаки из средневожжских и поморских стран. Выборные люди съезжались по разным местам и постановляли: всем стоять заодно за веру и против поляков и высылать к Москве отряды на соединение с Ляпуновым. Повсюду приносились присяги на то, чтобы быть верными этому решению и не давать пощады тем, кто будет от него отказываться.

Тогда возник вопрос об обеспечении жалованья ратникам, а также об устройстве поместий и о правах казаков. Уже грамота Ляпунова от 7-го марта обещает всем участникам ополчения свободу от холопства, кабалы и пр.; но для надлежащего разрешения всех подобного рода вопросов устроено было под Москвой временное правительство с полномочиями верховной власти. 30-го июня 1611 года это новое правительство сделало постановление, которое, к сожалению, не оценено по достоинству исследователями событий того времени, и только Карамзин, обладавший необыкновенным историческим чутьем, дал ему видное место⁶⁰. В этом постановлении выступает прежде всего положение о том, что нужно восстановить старые порядки московской государственности. По этой мысли восстановили и устроили главнейшие приказы для ведения дел. Но эти старые порядки оживлены были теперь новым духом, или, правильнее сказать, одушевлены были самыми старыми, исконными началами русской жизни, сказывавшимися в лучшие времена и в истории московской государственности, началами народного земского совета. По этим началам не только устроено совещание главнейших вождей ополчения (Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого) для решения текущих дел, но и узаконено земское совещание для решения важнейших дел, каковы измена, смута. Но главнейшая часть этого постановле-

ния, которая по силе понимания русской государственности и своей практичности в тогдашней жизни имела самое большое значение и которая ставит это постановление на самое высокое место в ряду других памятников того времени, заключалась в следующем. В народном московском ополчении пришли к сознанию, что служилое сословие имеет громадное значение в русской государственности и что его нужно немедленно устранить не только для нужд данной минуты и ввиду того, что его организует для своих целей король Сигизмунд в союзе с московской боярской думой, но и для прочной будущности русской государственности. Поэтому самая большая часть статей народного постановления 30-го июня посвящена этому предмету. В основу этих статей, конечно, были положены и насущные потребности того времени; поэтому все прибывшие в ополчение должны были получить или поместья, или жалованье, и всякий служилый, не явившийся в ополчение, когда мог явиться, и тем более ушедший из него, тогда лишался поместий или жалованья. Но рядом с этой нуждой того времени и даже выше ее поставлено начало правды и даже признание отечественных заслуг. Все должны были получать поместья по правде. Владеющие лишними поместьями должны были отказаться от них; получившие их в законной мере удерживали, хотя бы даже получили их от короля Сигизмунда. Но что особенно было замечательно и что делает великую честь составителям постановления: поместья удерживали за собою семейства служилых, бывших в ополчении Скопина-Шуйского, и семейства сидевших в смоленской осаде. Даже людям (т.е., вероятно, холопам) этих последних давалось право жить в поместьях и получать прокормление, хотя бы стало известно, что их господа их семейства перемерли, и поместья сделались вымороченными. Это распределение поместий по правде и нравственному началу, конечно, не могло понравиться дурным людям, но для людей хороших оно было дорого и давало жизненную прочность лучшей части московского ополчения.

Но вопрос об обеспечении служилого сословия выдвигал на сцену еще другой, более роковой вопрос, именно вопрос о закрепощении крестьян. Ляпунов, как мы уже упомянули, в грамоте от 4-го марта обещал крестьянам свободу; в ней говорилось: «А которые боярские люди крепостные и старинные и те бы шли без всякого сомнения и боязни, всем им воля и жалованье будет, как и иным

казакам, и грамоты им будут даны от бояр и от всей земли («Акты археогр. и этногр.», т. 2, № 1138, стр. 327). Но собор 30 июня дал вопросу о крепостных другое решение. К удивлению, в постановлении 30 июня говорится только о старых казаках, которых решено уравнивать с остальными служилыми людьми (очевидно, на соборе делался разбор казаков – кто они, когда попали в казаки?); о новых же казаках умолчано даже в том изъятии, которое, очевидно, имели в виду летописцы, когда говорили о казаках из людей бояр, сидевших в Москве, имения которых подлежали конфискации, по словам тех же летописцев («Летоп. о мятежах», стр. 234; «Новый летописец», стр. 138). Новые казаки, по московскому постановлению 30 июня, по всей вероятности, подразумевались в той статье его, в которой говорится, что выведенных и беглых крестьян нужно возвращать на старые места, а это значит, что это постановление признавало всю силу закрепощения, даже усиливало его и осуждало на него всех тех людей, которые вышли из него в казачество и которые в большом числе находились теперь под Москвою. Мало того, даже старые казаки, хотя и уравнивались со служилыми людьми, но устранялись от участия в областной администрации, в посылках туда без дворян, и им предполагалось по их воле заменять поместья денежным жалованьем. Отчего же произошел такой переворот на земском соборе? Есть основание предполагать, что произошел он вследствие прибытия людей служилых из северных областей России, где крестьянский и холопский вопрос имел меньшее значение или даже вовсе его не имел, и притом вопреки желанию Ляпунова, который грозил даже уйти из Москвы и подписался под определением собора, скрепя сердце.

Понятно, что с этих пор Ляпунов сделался ненавистным для казаков, которым он к тому же еще запретил грабить и разослал об этом даже грамоту. Он был диктатором в полном смысле этого слова, но к этому диктатору тянулись все русские люди. Гермоген благославлял его, Троицкая лавра поддерживала своими сочувствиями и распространяла уважение к нему со всей Руси. Жолкевский говорит, что Ляпунов, как орел, носился пред русскими полками. По природе своей он был в высшей степени впечатлительный человек и от души ненавидел бояр. Этим, между прочим, объясняется, почему он подался на сторону первого самозванца лжеПетра и Болотникова. Хотя потом он отстал от них, но эта последняя черта кладет на него некую тень в исследованиях. Есть сведения, что он был чрезвычай-

но горд, так что Заруцкий и Трубецкой часто должны были подолгу стоять у его двери.

Всем этим не замедлила воспользоваться иноземная интрига, которая бодрствовала при этом разрушении единения русских сил и приняла все меры к тому, чтобы ускорить беду и воспользоваться ослаблением казаков. Запертые в Кремле казаки (главный между ними был Гонсевский) составили подложное письмо от имени Ляпунова, позорящее его верность России и искажающее его отношение к казакам, и пустили его в их среду. После этого казаки заманили Ляпунова в свой круг ложными заверениями в его безопасности, в результате чего он пал жертвой двойного коварства (польского и казачьего) 25-го июля 1611 г. По свидетельству князя Пожарского, Ляпунова убили «боярские холопы, старинные заводчики всякому злу».

Насколько Ляпунов был любим, это видно из того, что когда некто Ржевский увидел, что Ляпунова хотят убить, он объявил, что Ляпунов невиновен, и стал защищать его, но также поплатился за это жизнью. С худым человеком так не поступают. Что было бы, если бы в Ярославле случилось то же с Пожарским по клеветам, пущенным Заруцким!? Но Бог не допустил этого. Обыкновенно всю заслугу Ляпунова переносят на Пожарского и Минина, Ляпунову же вышеуказанное поставляется в вину. Но воздать должную дань Минину и Пожарскому можно, не уменьшая заслуг Ляпунова. И для России была бы не меньшая слава, если бы признано было, что третье ополчение опиралось на то лучшее, что оставил после себя Ляпунов.

* * *

Смерть Ляпунова была едва ли не пагубнее смерти Скопина-Шуйского. По крайней мере, времена теперь были тяжелее, а материальные и нравственные силы России были более истощены, чем тогда, а иноземная гроза стала еще сильнее. Король Сигизмунд одолел крепких смоленских сидельцев. Смоленск пал (в начале июня 1611 г.), и вся земля польская огласилась торжеством по случаю этого удара России. Потребность поглумиться над Россией была так велика у поляков, что на польский сейм в Варшаве притащен был плененный (бывший русский царь) Василий Шуйский. Поляки

так были уверены в прочности своего успеха, что даже не пошли тотчас же со всеми своими силами и с Владиславом к Москве. Тем не менее, их вспомогательные отряды в направлении к ней двинулись. Между тем, бывшие наемные иноземцы, изменившие русским под Клушином и утвердившиеся в уступленной Шуйским Швеции Карельской области, почти одновременно с падением Смоленска овладели Новгородом и выставили своего кандидата на русский престол – шведского королевича. Кроме того, страшно расшатано оказалось положение дел в Пскове. В этом городе, прославившемся в прежние времена неизменною верностью русским интересам и русским государям, появился новый самозванец – Сидорка. Второе ополчение стало расползаться: одна часть его под начальством Трубецкого признала нового самозванца псковского, а другая – под начальством Заруцкого более склонялась на сторону сына Марины Мнишек. Ян Сапега, хорошо понимая, что можно сгруппировать около себя беглых холопов и крестьян, объявил им, что принимает их к себе на службу и будет вместе с ними выживать поляков. Наконец, казаки разъезжали по всей России, грабя и опустошая все, что попадало им под руки; в особенности от их разорения страдали подмосковные города. «И бысть тогда, – говорится в одном хронографе, – великое уныние и мятеж по всей земле русской, понеже велицей злобе христианскому народу належащи прещения ради неверных и насилования ратных. Аще не прекратились дни те, не бы убо осталася всяка плоть по глаголющему» («Иное сказ. о сам. Смуте»). И вот в это ужасное и бедственное время великую помощь России оказала Троице-Сергиевская лавра.

Окрестности кругом Москвы на далекое расстояние были страшно разорены долговременными самозванческими смутами; вследствие казацких разбоев местность эта оказалась теперь усеянною не только трупами, но и людьми полуживыми, измученными и искалеченными. Большая часть этих людей тащилась и ползла к Троицкому монастырю, и здесь их оказалось так много, что перед монастырскими властями предстал со всею силою вопрос: что делать, отказать ли этим несчастным или принять их к себе, каких бы средств и усилий ни стоила забота о них? Троицкие власти оказались на высоте своего призвания к новой службе России. Во главе их стоял тогда Дионисий, человек нео-

быкновенной нравственной чистоты, воспитанный к такому высокому служению Гермогеном, которым и был поставлен в настоятели Троице-Сергиевского монастыря. Троицкие власти решились принести в жертву все свои материальные средства и все усилия, чтобы оживить этих несчастных: кормили, лечили их, а кто оставался живым, давали возможность возвращаться на родину. Явились даже христолюбцы, которые искали этих несчастных, и в числе их был Иван Наседка, который и рассказывает об этом с такою простотою, что даже трудно заподозрить его во лжи. Этим великим делом Троицкий монастырь становился еще выше в глазах русских людей всех званий и всех местностей. Монастырские власти могли теперь говорить им с большей, чем когда-либо, авторитетностью о том, что необходимо идти спасать Москву и Отечество. В лавре образовалась целая канцелярия, откуда рассылались грамоты по всей стране. Грамоты эти, передаваемые из города в город, возбуждали сильное воодушевление в народе, особенно в северо-восточных областях России. Это было так сильно, что по всей русской земле стала распространяться мысль о необходимости очиститься русским людям от скверны путем покаяния. Некому Тихону Григорьевичу было видение, что Русь спасется, если три дня будет соблюдать строгий пост. Пост этот действительно соблюдался во многих местах до такой степени, что даже дети умирали, а скоту вовсе не давали пищи. Чтобы лучше всего характеризовать эту удивительную деятельность Сергиевской Лавры, мы скажем, что она обнаружила поразительное соединение идеализации с практицизмом – черту, свойственную всему русскому народу.

* * *

Третий подъем русского народного духа для спасения государственности имел своим источником Троицкую лавру. Пропитанные ее духом и обогретые русские люди, расходясь во все концы России, подготовили почву для восприятия ее грамот. Та же Троицкая лавра послужила опорой для деятельности двух знаменитых русских патриотов – Минина и Пожарского.

Минин был торговым человеком в Нижнем Новгороде. К 1611 г. он был уже посадским старостою и занимался разбором всяких дел между торговыми людьми. Эта очень почтенная должность от-

крывала Минину пути к большому влиянию на свое окружение. Появление на общественном поприще такого торгового человека было тогда делом редким, так как до сих пор торговые люди держали себя очень дурно. Так, торговые люди Вологды, на богатства которых тушинцы очень зарились, признали над собою власть самозванца, желая спасти свои богатства. Но во всех подобных случаях они всегда обсчитывались, потому что тушинцы, несмотря на видимое миролюбие, грабили купеческое добро. Теперь же, когда и служилое сословие заявило о себе при Ляпунове, когда выступали представители и религиозные силы России, то и торговые люди также начали приходить к мысли, что нужно принять прямое и решительное участие в восстановлении русской государственности. Из этой среды и выступил Козьма Минин. Его призыв к самоотверженной помощи увенчался полным успехом: торговые люди стали жертвовать свои имущества, закладывали дворы и даже детей и жен отдавали в кабалу. Приговор в этом смысле был написан даже для того, чтобы все соглашались на него. Козьма Минин не сразу согласился стать во главе движения. По его (хотя и не одного его) указанию люди обратили внимание и на другого вождя – князя Димитрия Михайловича Пожарского, который в это время находился в Суздале и лечился от ран, полученных им в ополчении Ляпунова. Когда ему предложили быть вождем, он сам, зная Минина, указал на то, что именно он, а не кто-нибудь другой, должен заняться сбором денег и вообще экономическим благоустройством нового ополчения. Два человека, таким образом, стали во главе нового ополчения: один представлял собою служилое сословие, другой – сословие торговых людей; один ведал чисто военными делами, другой – экономическими, или интендантскою частью устройства третьего ополчения. Это было в высшей степени умное дело. Во втором ополчении занимались распределением поместий и через особых своих агентов собирали с дворцовых и других поместий деньги на содержание ополчения. Часть этих сборщиков оставалась и теперь. Еще до Минина и Пожарского из Казани был слышен голос о том, чтобы не менять служилых людей, которые были назначены еще при Ляпунове. Один из таких служилых людей (хотя и неудачник) был и в Нижнем Новгороде. Кругом Москвы все было опустошено на далекое пространство, а потому рассчитывать на будущие сборы с этой пустыни было невозможно. Поэтому нужно было устроить так, чтобы и другие области непре-

менно давали денег на содержание войска по примеру Нижнего. Всюду рассылались грамоты, приглашавшие людей в войско и требовавшие присылки на него денег. Сбором войска и ведал Пожарский, а сбором средств для содержания войска занимался Минин. Здесь сказывалась любопытнейшая особенность вообще восточной России: совмещение поразительной доблести с практицизмом. Так, Пожарский был не только опытный воитель, но и знал многое по вопросам практическим в устройстве войска. С другой стороны, и Минин при практицизме торгового человека отличался также способностью быть доблестным: он участвовал под Москвою в сражении с Ходкевичем. Но все-таки преобладающею способностью Пожарского был идеализм, а Минина – практицизм. Костомаров злоупотребляет этими словами, но их необходимо иметь в виду, так как этим определяется характер действий третьего ополчения. Тут была готовность действовать всем, но весьма разумная готовность. При этом нужно заметить, что здесь обнаружились старые особенности восточной и западной России. Доблесть Скопина-Шуйского и первого народного движения совмещалась с иноземною силою, но оказалось, что большою неудачею было совмещать иноземные силы с таким патриотическим настроением русского народа. На юго-западе России видим широту воззрений и задач в действиях Ляпунова, но вместе с тем недостаток практической опоры, как и вообще это замечается у многих юго-западных князей до и после монгольского ига. Здесь есть и широта взглядов, и многих высоких порывов, но мало практических опор. На востоке России преобладала практика и при этом черствая, но наряду с нею существовала и идеальная доблесть. Гармония между тою и другою чертами могла быть, хотя и редко. В третьем же подъеме русского духа – эта гармония доблести и практицизма – выразилась наиболее ясно и полно.

* * *

Как при втором ополчении был земский собор, издавший свои постановления, так и при третьем ополчении тоже состоялся земский собор, он хотя и не регламентировал своих постановлений, но живая сторона дела сказывалась в его работе даже с большою силою. Пожарский в своей грамоте от 7-го апреля 1612 г. писал: «И по всемирному своему совету пожаловати бы вам в

Ярославль и из чинов человека по два и с ними совет свой описать бы своими руками». Последовало приглашение выборных, как и при втором ополчении. Но здесь было и одно дополнение сравнительно с тем, что было сделано вторым ополчением. В прежнее время, хотя Троицкая Лавра и влияла на Ляпунова, но представителей ее в ополчении не было видно. В третьем же ополчении сочли нужным иметь представителя и духовной власти, чтобы был полный земский собор. Разумеется, обратились к местному архиепископу Кириллу, который тогда находился в лавре, и попросили его принять участие в совете. Ростовский епископ во все время до прибытия ополчения к Москве оставался при нем. Таким образом, это был подвижной собор земский, подобно тому, как в старину бывали в походах подвижные веча. При такой осторожности действий ополчение, очевидно, должен был сопровождать успех, тем более, что оно начало действовать действительно осторожно. Новая рать, сначала группируясь около Нижнего, постепенно стала продвигаться на северо-запад и запад, как раз по тем местам, где зародилось первое народное ополчение. В Ярославле устроился центр, к которому должны были собираться рати из разных областей. Это было по прямой дороге к Москве; по ней же шел туда и Скопин-Шуйский. Само собою понятно, что на этом пути ополчение постоянно получало поддержку: прибывал народ и доставлялись деньги, как видно из грамот. Из Ярославля можно было сноситься с севером, оглядываться на северо-запад – к Новгороду, где засели шведы, с которыми Пожарский счел нужным войти в сношения и даже дипломатически заговаривал о том, что русские изберут теперь своим царем шведского короля, подобно тому, как и Ляпунов сносился с Сапегой.

Отношения третьего ополчения к остаткам прежнего, т.е. второго ополчения, были таковы. От Московского ополчения, которое разлагалось после смерти Ляпунова, многие (разумеется, лучшие люди) сразу пристали к Пожарскому. В одном хронографе говорится, что «из-под Москвы, из поляков от князя Дмитрия Трубецкого и от Ивана Заруцкого прибежали в Ярославль к князю Дмитрию (Пожарскому) и Кузьме многие боярские дети, и стольники, и стряпчие, и дворяне, и дети боярские, и дьяки, и подьячие, и торговые добрые люди, видя, что под Москвою у казаков учало делаться воровство» (см. Голикова дополнение к его «Истории Петра», стр. 354). Этот

уход вызвал в Заруцком неистовое озлобление, так что он задумал злодеяние и подослал к Пожарскому убийц: и действительно, в Ярославле было покушение на Пожарского, но оно не удалось, было обнаружено пред всеми и, понятно, вызвало страшное ожесточение против его виновников – казаков. Под влиянием этой неудачи и еще более под влиянием народного озлобления против виновников задуманного злодеяния Заруцкий счел нужным уйти из-под Москвы, затем разорвал Рязанскую область, оставался некоторое время в Воронеже, а потом долго еще путался на востоке, у реки Урала.

После удаления Заруцкого еще более расширился путь к объединению нового ополчения с остатками старого, тем более, что сам Трубецкой не раз отправлял посольства и грамоты к Пожарскому с предложением союза и единения, а также с выражением желания скорейшего прибытия ополчения. Послы возвращались от Пожарского обласканные, снабженные всем необходимым и рассказывали Трубникову о том, как хорошо все в новом ополчении.

В Ярославле ополчение оставалось долго, накапливая силы, и лишь только весною 1612 г. оно стало двигаться к Москве, т.е. тогда, когда и из Москвы, и из Троицкой лавры все чаще и чаще стали присылаться просьбы о том, чтобы войско скорее двигалось. В Ярославль для этой цели прибыл даже Авраамий Палицын. К 20 августа ополчение прибыло к Москве, побывав по дороге у Троицы и получив благословение от игумена Дионисия. Отсюда вместе с ополчением двинулся к Москве и Авраамий Палицын. Под Москвой вполне обнаружилась противоположность между третьим ополчением и остатками второго. Третье ополчение удивляло своею стройностью и обеспеченностью, а остатки второго представляли собою сборище людей захудалых, во всем нуждавшихся, без порядка и строя, хотя они и держали поляков в осаде. Разность, вызванная такою противоположностью, обнаружила в ополчении Пожарского недоверие к старым ополченцам, а эти, последние, упрекали новое ополчение и говорили, что вот-де приехали дворяне, пусть они и воюют. Из второго ополчения шли жалобы, что им не на что жить и что поэтому они не могут также энергично действовать заодно с третьим ополчением. Второе ополчение просило денег у третьего. Здесь произошла поразительная сцена: денег отдавать третье ополчение не могло, потому что самому пришлось бы нуждаться, и об этом была речь еще по дороге в Москву. Лаврские власти на случай нужды отдали в

ополчение церковные вещи. И вот когда возник вопрос о деньгах, Авраамий Палицын явился с церковными вещами к казакам Трубецкого, предлагая взять их в залог уплаты для удовлетворения их нужд, действительно, великих. Можно себе представить действие этого предложения. Взять вещи преп. Сергия – об этом человек русский того времени не мог и думать. Дрогнули казаки и отказались от церковных вещей. Мало того, среди них стали слышаться возгласы негодования против атамана – вождя Трубецкого. Кинувшись однажды против его воли помогать Пожарскому, казаки заявили: «В вашей нелюбви Московскому государству и ратным людям пагуба точно чинится» («Никон. летоп.»). Казаки, словом, двинулись на общерусское дело с третьим ополчением. Была общая просьба к Пожарскому и Трубецкому, чтобы они находились в любви и соединении, делая общее дело, устраивая общее управление. Мысль о том, что теперь все русские силы должны быть заодно, занимала всех русских и самых безвестных людей вызывала на участие в великом деле. Были и другие люди, которые считали необходимым для русских общее согласие и писали по этому поводу послания. Какие-то неведомые миру подвижники, бежавшие, как они сами говорят о себе, в пустыню, трепетали в своем уединении за будущность нового собрания русских сил под Москвою и сочли нужным прислать Пожарскому и Трубецкому послание, в котором сильными словами призывали их быть в единении и любви.

* * *

Самое важное дело, которое должно было выполнить ополчение, – это отбить гетмана Ходкевича, который подбирался к Москве с помощью и припасами для осажденных поляков. Столкновение с Ходкевичем произошло сразу по приходе ополчения к Москве 20 и 24 августа. Русским удалось отбить атаку Ходкевича, который тотчас же пошел назад. При втором отбое участвовал и Минин. Другим важным делом было доконать поляков, засевших в Москве. Правда, и голод достаточно уже поразил их. Этот голод очень живописно изображен в памятниках, находящихся в 1-м томе «Истор. Библ.». Голодные поляки, по словам одного из них, несмотря на опасность, спускались со стен Кремля и Китай-города, чтобы пощипать травки, спорили из-за трупов. Случилось, что в одной роте умер человек;

сослуживцы хотели съесть его, но в другой роте оказался родственник умершего, который доказывал, что он имеет больше прав съесть своего родича. Дело дошло до того, что сам судья во время этого спора сбежал с председательского места, опасаясь, чтобы его не съели. 11-го октября Пожарский послал полякам предложение сдать-ся и не губить себя напрасно. Последовал ответ – образец польского чванства: сдачу осажденные отвергли, прославляли польскую храбрость и глумились над русскими, говоря: «Вы там засели в ямы – оттого и неуязвимы, а вот выходите!». Но как бы то ни было, а пришлось сдаваться. 22-го октября поляки впустили в город русских, а 26-го сдали Китай-город и Кремль. Сдавшиеся поляки были разделены на две части. Одна часть попала к Трубецкому, после ограбления и перебита. Другая же часть, попавшая к Пожарскому, осталась цела, так как князь исполнил свою клятву о сохранении пленных невредимыми; он отправил их в восточную Россию. Пленные поляки прибыли в Нижний накануне Рождества. Нижегородцы, увидя своих врагов, наделавших столько зла, решили перетопить их в Волге. Но тут случилась сцена, достойная быть увековеченной кистью лучших наших художников. Мать Пожарского вышла к взволнованному народу, скромно заговорила о сыне, который дал присягу сохранить жизнь этих несчастных, и о его службе. Толпа, послушная, как дети, разошлась, не причинив вреда полякам. Но в тюрьму, однако, они были посажены. Вступив в Москву, в Кремль, русские были поражены страшным запустением. В церквах находились чаны, наполненные частями человеческих тел, иконы были с выколотыми глазами и ободранными окладами. Выжив поляков из столицы, русские после первого торжества приступили к решению вопроса об избрании царя. Но едва они стали думать об этом, как были поражены новым страхом. Сигизмунд двигался на Москву, чтобы захватить ее. Но от Волоколамска он вынужден был повернуть назад вследствие столь обычного у поляков во время походов бунта, вызванного отказом войску в плате денег.

* * *

События, касающиеся избрания Михаила Федоровича на царство и самого его царствования, в последнее время довольно значительно разработаны в научной литературе. Карамзин, как известно, не довел своей «Истории» до этого времени; но зато эти события

излагаются у Соловьева, Костомарова, Забелина и у Бестужева-Рюмина; особенно много сведений об этом времени имеется у юристов, например, у Латкина в его соч. «О земских соборах» (3 гл.). Первоначальные источники, относящиеся к избранию Михаила Федоровича на царство, собраны в 3-м томе «Собрания договоров».

Россия вышла совсем иною после смутного времени. Такого ожесточения у нее против иностранцев не было раньше. До самозванческого времени Западная Европа и не думала уничтожать русского государства и православной веры; теперь же все подверглось угрозе со стороны иностранцев и иноверцев. После этого весь русский народ потерял веру в иностранцев, хотя и тут вскоре образовалась партия, приверженная иностранцам, и вот уже возникла борьба народа с последователями западноевропейской цивилизации. Та борьба, которую объявил Иоанн IV с высоты престола и которая вызвала осуждение бояр, в самозванческие времена продолжается. Верхний слой тянул в одну сторону, низший слой – в другую. При таких условиях и возникла династия Романовых. Новая династия была выдвинута как сила для борьбы. Она обязана своим происхождением не только родству с прежней династией, но и тем, что ее выдвинули люди средние, земские, т.е. те, которые спасли русское государство. И этим людям пришлось не пожирать плоды своих трудов, а идти на новые подвиги. Их стали допекать и бояре, и казаки, и агенты русского аристократического правительства. И Русь все это вынесла. Была такая вера в русское единство, что тот же Собор, который устроился при Пожарском, продолжал существовать, выбирать царя, устраивать русское государство, посылать свои распоряжения по всей стране, и решениям его покорялись люди.

Теперь обратимся к фактам. Когда Москва была очищена от поляков (осенью 1612 г.), то третье ополчение, несмотря на то, что оно составляло подвижной земский собор и, следовательно, было вправе решить дело избрания царя, но наученное опытом прежних времен, не решилось сделать этого, но обратилось ко всей России с грамотами (сперва 15 ноября 1612 г. в Новгороде, а затем и в других городах), приглашая, чтобы из всех чинов государственных и из всех городов присылали в Москву «для земского совещания и государственного избрания лучших, крепких и состоятельных людей». Когда приглашенные собрались (уже в феврале), то сперва был назначен трехдневный пост, и только потом было приступлено к избранию. По

летописным свидетельствам, сначала здесь разыгрывалась борьба партий, происходили волнения, пускались в ход подкупы. Главными кандидатами на московский престол обозначились: Василий Голицын, бывший в плену у поляков, Трубецкой, Воротынский⁶¹ и Михаил Федорович Романов, на которого, по свидетельству Жолкевского, указывал еще патриарх Гермоген и избранию которого сочувствовал народ. Сочувствие народа объясняется следующими причинами: 1) родством Романовых с царским родом; 2) народ помнил, что время жизни Анастасии Романовны было лучшим временем в правлении Иоанна Грозного, а о Никите Романовиче сохранил память как о заступнике за обреченных на казнь и при Иоанне, и при Борисе Годунове, помнил он и казнь Романовых при Годунове, а теперь воочию увидел, как представитель этого рода отец Михаила Федоровича Филарет за твердую защиту пред Сигизмундом (в качестве посла) русских интересов томится в плену у поляков; наконец, 3) у Романовых было очень мало родни, самому Михаилу Федоровичу было только 16 лет, и, следовательно, он не был причастен к интригам тогдашних бояр. Но кроме народного сочувствия, избранию Михаила Федоровича содействовали и заботы его родственников. Во главе их стоял Федор Шереметьев, внук Никиты Романовича (от дочери), который сносился с разными лицами и, по свидетельству Штраленберга⁶², с самим Филаретом, Василием Голицыным и с матерью Михаила Федоровича – инокиней Марфою. Галицыну он, между прочим, будто бы писал: «Изберем Мишу – он мал и глуп», т.е. не пришел еще в разум, а не в буквальном смысле, как думает Костомаров, сообщающий об этом. Когда инокиня Марфа узнала, что заходит речь об избрании ее сына на престол, то через свое письмо сильно просила Шереметьева бросить это дело, выставляя на вид то, что уже 6 человек (Дмитрий-царевич, Борис Годунов с сыном, Василий Шуйский, 1-й и 2-й самозванцы) загублены на русском престоле; неужели же ее сыном должно дополниться седмичное число? Сохранились известия, что когда Федор Шереметьев прочитал это письмо на соборе, то выборные здесь же заявили, что на просьбу Марфы нечего обращать внимание, потому что избрание их сделано по Божьему изволению. Шереметьев не противоречил этому народному заявлению, а напротив, сам старался всеми силами упрочить избрание Михаила. Есть известия, что он отправил от лица собора надежных людей по всем областям

России с целью разведать, кого хотят в цари, и рекомендовать при этом Михаила. Разумеется, что один Шереметьев этого не мог сделать: один он не мог иметь такого множества людей и необходимого количества денег для их рассылки; поэтому следует предположить, что у него были помощники и сообщники. Сюда-то, по всей вероятности, и ушли те 20 000 руб., в растрате которых потом упрекали Пожарского. Эти деньги, взятые из народных сумм, в таком случае были потрачены не даром, потому что рассылка надежных людей и опрос областей имели большое значение: они нанесли решительный удар по всем другим претендентам на престол. Несомненно, что лучшие члены земства боялись аристократии, претендовавшей на престол, чтобы не повторилось время Шуйского. Вероятно, это противодействие аристократии выходило из среды меньших людей, которые, конечно, группировались около Пожарского и, по свидетельству Авраамия Палицына, нередко собирались у него (Авраамия) в келье, и здесь часто поминалось имя Михаила Федоровича как кандидата на престол. Если в других случаях Авраамия можно заподозрить в хвастовстве, то в данном случае его показаниям следует доверять, потому что духовная сила в лице Гермогена и Троице-Сергиевой лавры значительно выдвинулась во время самозванческих смут и сочувствие духовенства могло клониться на сторону Михаила Федоровича уже потому, что отец его был монах. То, что именно меньшие люди решили вопрос об избрании, это видно из одного хронографа князя Оболенского, часть которого находится в приложении к соч. Забелина «Минин и Пожарский». Там рассказывается, что когда на соборе под председательством князя Пожарского шли толки о кандидатах на престол, то к нему подошел незнатный дворянин города Галича и представил ему записку, в которой право на престол утверждалось за Михаилом как за ближайшим родственником царя. Против этого заявления раздались негодования со стороны аристократов, но в это же время атаман донских казаков на вопрос Пожарского, за кого он стоит, ответил: «За прирожденного государя Михаила Феодоровича!». Таким образом, участие меньших людей решило избрание, по крайней мере, по представлению автора хронографа.

В какое свое заседание собор окончательно решил вопрос об избрании, трудно сказать. Хотя самое важное заседание было 7-го

февраля (1613 г.), но собор продолжил свою работу до 21-го февраля, вероятно, потому, что в это промежуточное время и совершалась рассылка надежных людей с опросом по областям. 21-го февраля – в неделю Православия – был последний собор: каждый человек подал письменное мнение, и все эти мнения были найдены сходными, все чины указывали на одного человека – Михаила Федоровича Романова. Тогда духовные власти (в числе которых был рязанский архиепископ Феодорит, Авраамий Палицын), а также бояре пошли на лобное место к народу и спросили, кого он хочет видеть на престоле. «Михаила Федоровича Романова» – последовал единогласный ответ. Всякого беспристрастного исследователя поражает та осторожность и обстоятельность, с которыми происходило установление династии на Руси и которые трудно найти в истории других народов в подобные моменты. Все смотрели на избрание как на дело Божие. Но как на него смотрели сам Михаил Федорович и мать его инокиня Марфа?

После акта избрания собор отправил послов из духовенства и бояр во главе с Федором Шереметьевым к Михаилу Феодоровичу. Последний находился в это время в Костромском Ипатьевском монастыре, где он поселился вместе со своею матерью после того, как был выпущен из Кремля поляками. Так как он был ранее известен в качестве кандидата на престол, то двигатели самозванческих смут задумали устранить его. Шайка поляков отправилась в с. Домнино, имение Романовых, разыскивать его; здесь они поймали крестьянина и стали от него требовать, чтобы он проводил их туда, где живет Михаил Феодорович, но Иван Сусанин решил скорее пострадать, чем открыть полякам его убежище. Костомаров считает этот факт мифом, но дело Сусанина подтверждается письменными документами. Есть грамота от 1619 г. (когда после возвращения из плена Филарета стали вспоминать лиц, послуживших вступлению Михаила на царство), в которой упоминается и Иван Сусанин, замученный до смерти поляками за то, что не указал им местопребывание Михаила Феодоровича⁶³. Собор, однако, встретил некоторое затруднение со стороны Михаила Феодоровича и его матери. 13-го марта выборные, посланные из Москвы, прибыли в Ипатьевский монастырь и 14-го представились Михаилу Феодоровичу. Когда они предъявили ему решение собора, то он «с великим гневом и плачем» отказался его признать, а мать его Марфа прибавила, что она решительно не бла-

гославляет сына на царство, потому что, говорила она, русские люди сейчас столько зла друг другу наделали, настолько все измалодушествовались, что дальше некуда, притом сын ее молод, государство разорено и в нем нечем содержать ни себя, ни военных людей. С 3 до 9 часов посланные упрасивали мать и сына, и только тогда, когда была принесена икона Владимирской Божией Матери и другие иконы, Марфа дала свое согласие. В памятниках, повествующих об отказе Марфы, не упоминается еще об одной причине отказа, без сомнения, имевшей место в данном случае. Имеются сведения, что отдельные члены собора (трудно предположить, чтобы все) вздумали предложить новому царю ограничительные условия, состоящие в том, чтобы судить ему важнейшие дела вместе с боярами, наказывать их только заточением, а не казнить, не простираť свои наказания с них на их родственников. Об этих ограничительных условиях есть свидетельства и у русских, и у иностранцев. Так, в прибавлении ко «2-й Псковской летописи» говорится, что бояре навязали новому царю эти условия». Известный деятель Котошихин, беглец в Швецию, в своем соч. «Повествование о России» также свидетельствует об этих условиях, говоря, что с русских царей после Иоанна IV брали также записи, что без суда с боярами не казнить, и что это обязательство было взято с Годунова и с Михаила Феодоровича, а перестали его брать с Алексея Михайловича, так как он был царем, кротким по характеру. Об условиях этих говорит и Татищев в записке, поданной Анне Иоанновне. А иностранец Штраленберг передает, что слышал о том же от Бориса Шереметьева и видел даже документы и что будто бы сам Филарет, не зная еще, кого изберут на престол, в письмах к инокине Марфе и к Шереметьеву предъявлял следующие условия будущему царю: покровительствовать православной вере, судить и издавать законы вместе с боярами, не объявлять одному войны и не заключать мира... Все эти свидетельства, таким образом, ясно говорят о том, что ограничительная запись существовала (к такому выводу приходят и Ключевский в своей «Боярской думе», и Загоскин в «Истории Московского права»), но несомненно и то, что не от всего земского собора, так как ограничения ее направлены были только в пользу высших слоев, а не низших. Запись эта, однако, не сохранилась и не могла удержаться на практике. Равным образом и земский собор, существовавший во все его царствование, не был ограничением самодержавной власти, как не

был он ограничением при Иоанне Грозном и впоследствии при Алексее Михайловиче.

Когда Михаил Федорович согласился на избрание, то из Костромы он направился в Ярославль, а оттуда в Москву. К Москве Михаил двигался медленно: согласие его последовало 14 марта, а в Москву он прибыл только 2 мая, несмотря на многократные просьбы земских людей ехать поскорее. В этом обстоятельстве открывалась мудрая политика новоизбранного царя. На просьбы земских людей он отвечал: «А что есть в Москве, где там жить, есть ли там запасы и деньги, разосланы ли люди для сбора податей и дани?». Это не было только о самом себе заботою, но заботою о всем государстве, потому что едва только разнеслась весть об избрании царя, служилые люди, измученные, избитые, не имеющие, чем жить, стали стекаться к новому царю, но у него не было военной силы ни для своей, ни для общественной безопасности. Двигаясь далее, он все более и более получал жалобы на плохое состояние областей, а в Троице-Сергиевской лавре к нему явились толпы служилых людей, на которых не было и образа человеческого. Не торопясь со своим приездом в Москву, царь и хотел именно того, чтобы земский собор, избравший его, укрепил его на престоле и привел в порядок дела России. Эта политика продолжалась и в 1614-1615 гг.: в течение этого времени земский собор не распускался; все русские люди стояли у престола, как бы охраняя царя и вместе с ним управляя Россией. Была и еще одна причина, которая давала смысл этой политике. На все время царствования Михаила Феодоровича нужно смотреть как на величайший подвиг, в котором исчезают обычные человеческие страсти – властолюбие и честолюбие. Когда он с гневом и плачем отказывался от престола, то это не было комедией: он был мученик на престоле!... Он был избран после семилетней безгосударственности, когда в России накопилось много и своих, и иноземных воров. Эти воры, состоявшие в большинстве случаев из беглых крестьян и холопов, поняли, что новый царь должен собирать подати. Не надеясь получить себе гражданские права и ожидая конца своему вольству, они стали еще более неистовствовать, жечь и грабить все, что удобно было для них теперь, так как для избрания царя, а еще более по избрании его, вся военная сила стягивалась к Москве, а области оставались без защиты. Вот здесь-то и следует обратить

внимание на то, каким образом улеглась эта новая ужасная смута, в усмирении которой главная роль принадлежит патриарху Филарету.

* * *

При решении вопроса об избрании царя русское правительство находилось в ужасных затруднениях. Вся Россия была в брожении. Трудно было определить, где хуже и где лучше, и соответственно этому, где нужно предпринимать решительные меры. Исходный пункт брожения обозначился в южной России, которая и прежде была гневом разных смут. Действующими лицами смуты были здесь Лисовский и Заруцкий с Мариною Мнишек и ее сыном. Брожение находило себе пищу в тех подвижных элементах, которые назывались казачеством. Правительство решило прежде всего усмирить Заруцкого, а так как он находил себе опору в казаках, то на них и было устремлено внимание правительства. Смута Заруцкого всего опаснее была потому, что он двинулся на восток и стал там волновать инородцев. Овладевши Астраханью, он отсюда старался распространить смуту на Урал и Кавказ. Для усмирения казаков правительство обратилось к нравственным мерам: им от царя и от духовного собора стали посылаться грамоты с увещанием отстать от мятежников и соединиться с русскими; при этом правительство сочло нужным признать законность существования казачества. В этих грамотах (посылаемых и на Волгу, и на Дон, и даже на Терек) указывались заслуги казаков, а также описывались печальное положение России и страдание православной веры. Увещения внесли разделение среди казаков, и многие перешли на сторону правительства... Рассказывают, что на Дону, куда отправлено было знамя от царя, принятое казаками с честью, они даже посадили под знамя казака, осужденного на смерть за то, что он уверял в победе Заруцкого, и, разумеется, его «угостили». Сами казаки при этом говорили, что пора придти к сознанию и отстать от смуты: много уже крови пролито... Были даже такие случаи, когда казаки идеализировали свое положение и считали себя «оберегателями великия Руси», как это видно из послания казаков донских к казакам волжским и терским, послания, приглашавшего их соединиться с ними и служить государству, бездельникам же не потакать. Особенно сильное впечатление произвели грамоты правительства и казаков на Терек, где было больше стрельцов,

чем казаков. Здесь, как только узнали, что Заруцкий думает овладеть Терскою областью и поднять все Закавказье, против него поднялось явное восстание: казаки решили силою одолеть его. Против Заруцкого отправился к Астрахани Василий Хохлов с отрядом в 700 казаков. Эти казаки подоспели как раз вовремя, ибо астраханцы уже были недовольны мятежниками и даже вели с ними бои. Заруцкий должен был отправиться с Мариною и ее сыном в Яицкую область. Между тем к Астрахани подходил и воевода Одоевский, что давало еще большую силу московскому правительству. Хотя Одоевский и был недоволен тем, что Хохлов перехватывал его лавры, но, однако, Заруцкому не было от этого пользы: он был взят в плен, доставлен в Москву и посажен на кол. Сын Марины был повешен, а сама она заточена.

Когда с этим злом справились, явилось новое. Северская область была пристанищем другому бунтовщику – Лисовскому (который неистовствовал в 1615-1616 гг.); он производил тут ужасную смуту. Правительство не знало, как с ним справиться, тем более, что он быстро перелетал с одного места на другое: из Орла в Калугу, из Можайска в Ярославль, Кострому, а затем снова появлялся в Северской области, где он сосредотачивался, а потом грабил и разрушал все. Лисовский долго был неуловим, послан был против него даже Пожарский, но и этот храбрый воин под конец этой погони от утомления захворал. Только случай помог русским избавиться от него: уже в Литве в походе Лисовский упал с коня и умер. Пример Лисовского не мог не быть заразительным: казаки, которые были у него, также составили свои шайки и также стали грабить и опустошать Россию. «Жгоша все без милости», – говорится в одном из памятников того времени. В этом скопище Лисовского было немало казаков днепровских и малороссиян (так называемых черкас), которые, не довольствуясь разбоями в Северской области, страшно стали неистовствовать и в других местах, доходя даже до Белого моря...

Но не одни черкасы опустошали и истощали Россию. Гораздо более было людей чисто русских, которые творили беду не менее их. Вся северная Россия, как и южная, представляла страшную картину разрушения: везде шайки, грабители. Сохранилось очень много свидетельств об этом в наших памятниках, в особенности в «Летописи о мятежах», где, между прочим, все эти бедствия, все опустошения представляются делом «древнего врага нашего – дьявола».

Воеводы доносили: «Там и там стояли казаки, пошли туда-то, села и деревни разорили и повоевали до основания, крестьян жженных мы видели больше 70 человек, да мертвых больше 40 человек – мужиков и женок, которые померли от мученья и пыток, кроме замерзших»... Особенно отличался между казаками атаман Баловень. И со всем этим московскому правительству приходилось бороться!... Разумеется, что оно должно было задавать себе вопрос: да откуда эта смута? Где причина ее? Важное разъяснение всех этих смут находится в «Прибавлении ко 2-й псковской летописи», хотя оно и здесь представлено несколько преувеличено: повсеместно осуждаются бояре за их страсть закрепощать народ (это свидетельство, хотя и весьма крайнее, но в нем заключаются весьма важные показания, и его нельзя отвергать, как это делает Соловьев в 9-м т.). Дело в том, что еще до смутного времени крестьяне были закрепощены; бояре вошли во вкус этого; простой народ также понял, что значит закрепощение. Во время смуты крестьяне вышли из-под закрепощения и тянули к свободе. После смутного времени бояре снова захотели закрепостить их, захватывая даже свободных ради своих интересов. Так объясняет смуты это свидетельство. Но ведь надо обратить внимание и на то, в каком положении находилась Россия в то время: она находилась в движении, всякое добро разносилось, казна была без денег, служилые люди были разорены в своих поместьях, народ разбегался. Естественно, что правительство хлопотало о том, чтобы население опять было в поместьях; а потому оно старалось возвратить прежний порядок. До какой степени все были заняты этим делом, можно судить по следующему: еще в 1613 г., когда Михаил Феодорович был в Ярославле, посылались грамоты от царя с приказанием возвращать людей, бежавших на Белое озеро, в их прежние поместья. Несомненно, что люди, попробовавшие свободы, нелегко возвращались назад, и для многих из них было желательно поддерживать смуту. Правительство, очевидно, находилось в величайшем затруднении: ни денег, ни людей нельзя было добыть. Бродячий элемент расхищал всякую казну, направлявшуюся к Москве, разбивал малые отряды, собиравшиеся туда же. Но в этом затруднении правительство обнаружило великий такт, показывающий, что, несмотря на разного рода бедствия, русские люди прочно строили государственность. Правительство решило послать членов земского собора туда, где собиралось русское ополчение, в Ярославль, чтобы пред-

ложить казакам отстать от воровства и идти на государеву службу. В числе посольства были и духовные власти (суздальский архиепископ Герасим), бояре (князь Лыков), люди всяких чинов (дьяк Ильин), выборные дворяне, гости, торговые люди и прочие. В грамоте, посланной с этим посольством, говорилось казакам: «Которые их них хотят стоять за имя Божие и государю служить, тех от воров отбрати, давать жалованье и свободу, и которые государю служить не станут, вперед изменять, церкви Божии разорять, образа обдирать, православных христиан грабить, жечь, ломать, на таких всяким государевым людям, атаманам и казакам стоять заодно и над ними промышлять... и казакам этих воров не называть, чтоб прямым атаманом, которые служат, бесчестья не было». Из этого документа («Собр. госуд. грамот и договоров», том 3; свод этого дела имеется в соч. Латкина «О земских соборах») видно, что правительство идет дальше в восстановлении прав низших людей, наполнявших казачество. В своих обращениях к казачеству правительство прежде признавало только законность существования казачества. Теперь же на востоке России, где все стали называться казаками, оно стало стараться о том, чтобы выделить лучшие элементы, и запретило называть казаками дурных людей. Но так как организованного казачества там пока еще не было, то правительство допускало, что и здесь может быть что-то законное, вроде казачества из крепостных и холопов. Вспомним, что такой же клич делал и Ляпунов, который думал также организовать беглых в военную силу и дал ей права гражданства. Не будем судить, насколько искренно это было сказано, т.е. все ли были согласны с этим на соборе; важно то, что это было высказано в грамоте, объявленной на соборе членами земского собора. Это должно было произвести былое влияние на бродячую среду, но были и громадные затруднения: все это были шайки организованные, и как от них было отстать? На трудности отставания прямо жаловались многие из казаков, бывших в этих шайках. Было и еще затруднение: в грамоте требовалось прислать списки желавших отстать от смуты, а это значило выдать себя. Все это удерживало казаков, почему и пришлось Лыкову действовать оружием против бродячих сил. Тогда уцелевшие шайки, видя беду, соединились под предводительством Баловня и пошли к Москве как бы с мирными предложениями: «Приступиша к царскому граду», — замечает летописец. Есть сведения в той же Псковской летописи, что казаки и

пред тем будто бы хотели идти на государеву службу (т.е. прежде преследования их Лыковым). Но эти сведения, если сверить их с грамотою, показывающей, когда что было, оказываются преувеличенными. Эти силы двинулись к Москве уже после соборного приглашения идти на государеву службу; они шли к Москве, может быть, частью, действительно, с желанием идти на службу, но большая часть думала вызвать смуту и продолжать самозванчество. Вышло взаимное столкновение разного рода недоразумений. И из членов земства одни хотели отправить бродячие элементы, другие же настаивали на том, чтобы вернуть их в рабство. Когда казаки подошли к Москве, власти потребовали у них списки; казаки было уперлись, но под влиянием этих недоразумений обратились к военной силе. Власть послала к Лыкову приказ, чтоб он сейчас же со всеми силами шел под Москву проселочными дорогами, тайком и «пришедшие под Москву устаясь, где пригоже». Лыков исполнил приказ, заградил казакам путь, и, когда они отказались дать списки, он разбил их; часть казаков бежала, а другие, лучшие, были взяты к себе на службу. Это было в 1614-1615 г. Этим дело, однако, не кончилось. Мы имеем свидетельства, что брожение продолжалось и в 1616 г.: в Москву доносили из разных мест, что воры, называвшиеся казаками, разоряют и жгут села и деревни (но во всем этом деле есть еще несколько сторон: первая и самая важная для объяснения внутренней жизни, нравов и обычаев). При такой долговременной смуте развилась жестокость: казаки пытали людей, ломали имущество; разумеется, что и с ними поступали бесцеремонно; словом, ожесточение нравов достигло крайней точки. Все тут обыкновенно сваливают на нашу грубость, несостоятельность, этим и объясняют все жестокости, но есть одна заимствованная жестокость: русскому человеку не сродни было зажигать человека; это злодеяние было перенесено из Польши или из Крыма (казаки насыпали в рот несчастному пороха и зажигали). Затем есть одна общая особенность у всех этих шаек: они имели прекрасных учителей в лице польского войска, выработавшего особенные манеры отношения к жителям. Как только этому войску не давали жалованья, оно само взыскивало с жителей, грабило и разоряло...

Понятно, что иноземцы (шведы, поляки) не преминули воспользоваться всеми этими смутами. Шведы овладели Новгородом и балтийским побережьем. В 1615 г. Густав Адольф счел нужным оса-

доть Псков, повторив при этом историю Батория, но осекся; Псков, как и при Батории, крепко держался, вынося терпеливо осадное свое положение. В деле этом приняла участие Англия, торговые интересы которой сильно страдали от этой войны. При содействии ее в 1617 г. был заключен Столбовский мир, весьма тяжкий для России: к шведам отошли Карельские земли (западная часть Ладожского озера), все южное побережье Финского залива (от истока Невы до Нарвы); за это шведы отказались от Новгорода, Пскова, Старой Руссы и некоторых других городов, а также от права Филиппа (наследника шведского) на новгородский престол (он был им избран во время смуты). Таким образом, мы оказались загороженными от Балтийского моря.

Едва только Россия освободилась от одной беды, как явилась новая беда со стороны Польши, где выступил на поле деятельности молодой и даровитый государь Владислав IV, державшийся другого направления в политике, чем Сигизмунд. Он все более и более уразумевал, что вся сила Польши в бывшем Литовском княжестве, а не в самой Польше; он не мог расстаться с мыслью о расширении своих пределов на счет России; он мечтал также усилить королевскую власть: для этого ласкал казаков, содействовал русскому элементу, приобретал симпатию русского населения, рассчитывая тем самым закрепить их и в восточной России. Для него борьба в Москве с низшими была выгодною. Все привело к тому, что на сейме 1617 г. им было предложено предпринять войну и завоевать Россию. Таким образом, Россия снова оказалась в опасности пред страшною силою польскою, уже наделавшей столько беды.

Приветственными речами сопровождали поляки Владислава в поход на Москву; но эти приветствия соединялись с тревогою, так как король затевал большие преобразования в государстве и думал усилить королевскую власть при помощи русских польско-литовского королевства. Поэтому поляки снарядили в поход с Владиславом особую комиссию, во главе которой поставили весьма опытного в государственных делах Сапегу. Королю поставили условия, чтобы он не засел в Москве, как государь, и чтобы свое завоевание не обратил во вред полякам. Требовали, чтобы он шел через Смоленск, а не по старой дороге в Москву. Первые шаги поляков имели успех; Владиславу сдались Дорогобуж, затем Вязьма; но в Можайске, где был Лыков, Калуге и особенно в Твери, где князем был Пожарский, рус-

ские дали отпор полякам, но он немного помог делу. Помогли делу русских сами же поляки. Хотя их было всего 10 или 11 тысяч, тем не менее, когда к осени возник вопрос об уплате войску жалованья и денег для этого не оказалось, то традиционно поднялся бунт, и Владислав должен был засесть на зиму в Вязьме. Многие стали оставлять Владислава. При таком положении Владиславу приходилось, очевидно, отказаться от своих планов. Но вдруг на помощь ему явились казаки (в числе 20 тысяч) под начальством гетмана Канашевича-Сагайдачного, которого он еще раньше сманивал своими обещаниями. Подкрепленный казаками, Владислав и стал продолжать свое дело. Русские при приближении поляков к Москве пришли в большое смущение: «И были тогда на всех страх и трепет нашествия ради поганьих», — замечает летописец. Этот страх еще более увеличился, когда на небе появилась комета, в которой увидели предзнаменование бедствий. Ко всему этому прибавилось еще волнение черни в Москве. Неизвестна истинная причина этого волнения; известно только, что чернь была недовольна чем-то («указывахи, чего сами не знахи»). Правительство Федора Михайловича среди этих затруднений поступило весьма разумно. Тогда еще оставался в Москве земский собор; поэтому открыто было его заседание и на нем постановлено было защищаться до смерти. Все военные силы стянуты были к Москве, а другие были посланы тревожить польское войско с севера. Между тем поляки подступили к Москве. В ночь на 1 октября Сагайдачный чуть не прорвался в самый город. Но русские через преданных им лиц узнали об этом раньше и приготовились к отпору. Следующие приступы также были неудачны. Начались затем холода; в войске польском стали подниматься бунты. Тогда Владислав решил вступить в мирные переговоры с Москвой, которые и кончились заключением перемирия с обеих сторон на 14 лет (в селе Деулине 13 декабря 1618 г.). По этому миру полякам были уступлены области Смоленская, Черниговская и Северская. Со своей стороны Владислав отказался от притязаний на московскую корону. Все пленные, в том числе и Филарет Никитич, были возвращены.

* * *

Возвратившись в Москву в конце июня, Филарет вскоре вступил на патриарший престол. В русской жизни тогда представлялось необычайное явление. Уже Филипп II защищал право митрополита

иметь своим духовным сыном государя; теперь патриархом оказался отец русского царя и по плоти. В смутное время, благодаря деятельности Гермогена, особенно выдвинулось значение патриарха. Теперь оно поднялось еще выше: патриарх занял положение царское. Явилось как бы двоецарствие. Самые грамоты подписывались царем и патриархом. Все торжества были как бы разделены на двое. У патриарха явился особый приказ, как и у царя. Конечно, это было ненормальностью, с которою приходилось считаться и самому Михаилу Федоровичу (есть известие, что он даже побаивался своего родителя). За эту ненормальность пришлось потом расплачиваться во времена Никона царю Алексею Михайловичу. Но нельзя, однако, сказать, чтобы эта власть патриарха была злом. Во зло она обращалась только для тех, которые ранее злоупотребляли властью – для бояр. Сделавшись патриархом, Филарет сразу же стал выдвигать людей, оказавших государству услуги, особенно тех, которые за свои услуги ранее «не были пожалованы». А в отношении к боярам он был «жесток» (по выражению летописцев). Эту программу строгости к боярам он приложил прежде всего к своим родственникам Салтыковым. По вступлении Михаила Федоровича на престол возник вопрос о его женитьбе. В 1616 г. были собраны для него невесты, и выбор царя пал на Марию Хлопову. Салтыковы, боясь возвышения нового рода, повели дело так, что невеста Михаила Федоровича была отстранена от него, хотя она жила уже во дворце. Доктора нашли, что невеста подвержена припадкам, и потому она была объявлена ненадежной к царской радости. Весь род Хлоповых сослан был тогда в Тобольск, а когда явился Филарет, Хлоповы переведены были в Верхотурье в 1619 г., а в 1620 г. – в Нижний Новгород. После этой неудачи Филарет хотел женить Михаила Феодоровича на иностранке. Начаты были сношения с Данией, но они не имели успеха, так что снова поднято было дело Хлоповых. Дознав, что царская невеста Мария Хлопова вполне здорова, было решено, что Салтыковы должны были за свои происки теперь расплатиться. Но мать Михаила Феодоровича не согласилась на то, чтобы сын ее женился на Хлоповой. Михаил Федорович в конце концов уступил и разрешил дело так, чтобы сама мать выбрала ему жену. Но и с княжной Долгоруковой, выбранной ему в жены, стали делаться припадки, и она через год умерла. Ходили слухи двоякого рода: 1) что будто бы бояре извели ее; 2) что Бог наказал царя за несправедливость,

допущенную по отношению к Хлоповой. Тогда Михаил Федорович выбрал себе невесту из рода Стремневых. Таким образом, Филарет распустил придворную среду.

Но гораздо важнее был принцип патриарха устранять злых людей и давать ход добрым. Из этого принципа вытекали все дальнейшие действия его для благоустройства государства. Собран был в 1619 г. Собор, и из его окружной грамоты мы видим целый ряд преобразований в деле государственного устройства. Для ясного представления о них нужно сообщить некоторые сведения из внутреннего устройства тогдашней Руси. Вся Россия в то время была описана: все города с церквями, общественными и частными домами, в селах – все жители с землями и всем тем, что с них получалось. Эти описи составили так называемые писцовые книги. В материалах они известны прежде всего по Новгородской области от XIV и XV вв. Об них знал уже Иоанн III. Филарет Никитич порешил более правильно повести это дело, т.е. руководясь старым материалом, вновь составить писцовые книги. Из них имелось в виду прежде всего обозначить: какие земли числятся за городами, монастырями, казной и частными лицами; сколько с каких земель и угодой получается денег, хлеба, сена и других произведений; сколько в городах и разных селениях домов и народу. Все это нужно было в тех видах, чтобы раскладку податей сделать как можно более правильное, без лишнего обременения для тяглых людей. Кроме того, на Руси существовали еще дозорные книги – опись разоренных войною мест и определения, и кто и что при этом разорении должен платить. Эти книги также нужно было привести в порядок, так как в последние времена по причине самозванческих смут и войн с Польшей земля русская была страшно разорена. И вот в актах собора 1619 г. мы читаем следующее: «Великий государь Наш Патриарх Филарет Никитич с митрополитами, епископами и прочими духовными приходили к нам и советовались с нами, Великим государем, о том, что судьбами Божиими, а за грех всего православного крестьянства, Московское государство от польских и литовских людей и от воров разорилось и запустело, а подати всякие и ямские и охотником подмоги емлют с иных по писцовым книгам, а с иных по дозорным, а иным тяжело, а иным легко; и дозорщики, которые после московского разоренья посланы по городам, будучи, дозирали и писали по дружбе, а за иными легко, а за иными по не дружбе тяжело, и от того Московское госу-

дарство всяким людем скорбь конечная; а из замосковных и из заукрайных городов посадские люди многие, льгота себе, чтобы в городах податей никаких не платить, приехали к Москве и живут на Москве и по городам и у друзей, а по городам, где кто жил наперед сего, ехать не хотят, а из иных из заукрайных разоренных городов посадские и всякие люди бьют челом о льготе, чтобы имя для разоренья во всяких податных дали льготы; а иные и посадские и уездные люди заложившись в закладчики за бояр и за всяких людей, и податей никаких со своею братьею с посадскими и уездными людьми не платят, а живут себе в покое; а иные многие люди бьют челом на бояр и всяких чинов людей в насильстве и обидах, чтобы их пожаловать велети от сильных людей оборонить. И мы великий государь с отцом своим Филаретом Никитичем и освященным собором говорили, как бы то исправить и землю устроить. И усоветовав... приговорили: во все города, которые не были в разоренье послать писцов; а которые города от литовских людей и от черкас были в разоренье, и в те города послать дозорщиков добрых, привести к крестному целованию, дав им полные наказы, чтобы они писали и дозирали города в правду, без послов. А которых украйных городов посадские люди живут на Москве и по городам, и тех сыскивая отсылать в те города, где они преж сего жили и льготы им дать смотря по разоренью. А которые посадские и уездные люди заложились за митрополитов и за весь освященный собор и за монастыри и за бояр, и за окольничих и за всяких чинов людей и тем закладчиком всем указали по-прежнему, где были наперед сего, и на тех людей, за кем они жили со всеми людьми сыскав счетчи доправить наши всякие подати за прошлые годы. А на сильных людей, во всяких обидах, велели сыскивать и указ по сыску делати боярам своим Ивану Борисовичу Черкасскому да князю Данилу Ивановичу Мезецкому и товарищи. Да в городах велели сыскать и выписать, сколько со всех городов всяких денежных и хлебных припасов по окладу и сколько доходов и что в расходе, и что в доимке, и что от разоренья осталось или запустело. А из городов для ведомости и для устроенья указали взять в Москве, выбрав из всякого города и из духовных людей по человеку, да из дворян и из детей боярских по два человека да по два посадских, которые бы умели рассказывать обиды и устроить бы Московское государство, чтобы все пришли в достоинство» («Акт. археогр. эксп.», т. 3, № 105).

Кроме этих предприятий, на соборе 1619 г. было сделано новое постановление – разобрать и привести в известность всех служилых людей и средства их сосуществования. Дело это велось долго. Когда возвратились посланные для этой цели во все концы русского государства послы, стали возникать жалобы на неправильность составленных ими описей. После этого всех этих людей посадили в канцелярии и заставили исправлять свои описи, а в 1627 г. перепись была повторена. Все такого рода мероприятия были направлены к тому, чтобы восстановить тот порядок, который был до самозванческих смут. Для тех, кто переходил с одного места на другое, все они были, конечно, неприятны; но для людей, действительно служивших государству и платящих подати, они были истинным благодеянием. Посадские податные люди, прежде бежавшие в Москву, чтобы не платить повинностей, теперь были возвращены на место прежнего жительства и привлечены к уплате податей по составленной смете.

Все эти мероприятия предпринимались не для одного только внутреннего благоустройства государства, но и для того, чтобы поднять внешнее достоинство России. Патриарх Филарет хотел вернуть не только старые порядки, но и все прежние потери. В своем первом приветственном слове царю-сыну по возвращении из польского плена он высказал царю пожелание «вся расточенная собрать и соединить». Очевидно, в этой программе была высказана мысль о возвращении тех потерь, которые понесли русские люди от поляков, т.е. о возмездии полякам. Эта мысль не была оставлена Филаретом и после. В 1622 г. было поставлено воевать с Польшею. Обстоятельства тому благоприятствовали, так как и шведский король думал налечь на Польшу, и Турция ей грозила. Но обстоятельства Польши вскоре изменились к лучшему, и планы русских о войне с Польшею разрушились. Владислав обратился за помощью к казакам, которые и спасли Польшу от разгрома Турцией (в Хотинской битве), выговорив себе в награду религиозную свободу и признание законности православной иерархии. Лаврентий Древинский, представитель Волынской земли, на польском сейме (1620 г.) говорил: «Вы призываете нас тушить пылающие стены вашего отечества, но сами вашею унией все среди нас обратили в прах; если вы не прекратите ваших притеснений, то мы должны будем с пророком обратиться к Богу со словами: «Господи, рассуди нас». За право

иметь православную иерархию казаки помогли полякам в Хотинской битве против турок (1621 г.).

Сборы Филарета оказались поздними. Но мысль расправиться с поляками и возвратить отнятые ими русские области (по Деулинскому миру) не умирала в русских. После смерти Сигизмунда III в 1632 г. в Польше возникли смуты: русские люди польского королевства потребовали признания законности православной западнорусской иерархии и прав православия. Москва воспользовалась этими смутами, и началась война московского государства с Польшею. Патриарх Филарет видел в Польше, как много значат в военном деле выправка, умение вести войну, и он не чужд был в России заимствовать западноевропейские приемы ведения войны. Приготовляя врагов для Польши, он заботился о заготовлении оружия и припасов для русских войск. И как только умер Сигизмунд III, русские войска двинулись к Смоленску под начальством Шеина и Измайлова. Двинуто было 60 тысяч войска со 150 пушками. Русские с успехом брали город за городом и, наконец, осадили Смоленск. Подступив к Смоленску, они обратились к способу, которым некогда пользовался Петр и который употреблялся и в древней Руси – насыпать валы в уровень с городскими стенами. Осажденные поляки были доведены до такой крайности, что должны были сдаться. Но тут неожиданно на защиту этого важного пункта подошел Владислав, который уже избран был на польский престол, а крымские татары сделали нападение на юг России, вследствие чего многие из русских бежали из-под Смоленска – защищать свои поместья. К довершению беды открылись в войске болезни, от которых умерло много людей, в том числе и Филарет (1633 г.). Не получая продовольствия и подкреплений из Москвы, Шеин по необходимости должен был повести речь о сдаче русского войска и согласиться на тяжкие условия, предложенные поляками. Русские должны были сдать полякам всю свою артиллерию и преклонить в знак покорности свои знамена пред Владиславом (сами же войска русские могли уйти). Замечательно, что при этой позорной для русских церемонии иноземцы, нанятые Филаретом, выговорили себе как особую почесть приложиться к руке Владислава.

* * *

Настало тяжелое время для русских; снова открыт был полякам путь к Москве. И действительно, поляки, как только заставили Шеина сдаваться, тотчас же стали рассуждать о том, идти ли прямо на Москву или возвратить сначала города, которые должны были по Люблинскому перемирию принадлежать им, но были взяты русскими назад. Последнее мнение одержало верх, и в начале мая 1634 г. Владислав отправился под г. Белый. Но этот незначительный городок Смоленской области оказал невероятное сопротивление полякам, предводительствуемым самим Владиславом, и удержал поляков от дальнейшего похода. Осада этого города кратко описана в дневнике похода Владислава, в 1 томе «Рус. Ист. Библ.». Там рассказывается, что когда усиленно стрельбой поляки не могли ничего поделывать с осажденными, то задумали тогда сделать подкоп и два раза взрывали их, но в первый раз кирпичи и землю отбросило на польское войско; русские воспользовались этим и заделали пролом. Во второй раз поляки побоялись приблизиться близко, и русские опять заделали пролом. Несмотря на двухмесячную осаду, удачи не было. Поляки знали, что если заключить мир, то город будет уступлен. Это известно было и осажденным, тем не менее они не сдавались. Обстоятельство знаменательное. При общем позоре России маленький городок показал своею доблестью, что русскую государственность он предпочитает польской. Обычные волнения в польском войске по случаю неплатежа жалованья заставили поляков вступить в переговоры. При переговорах они показали много чванства. В числе условий мира они ставили низведение с престола Михаила Федоровича и возведение Владислава. Русские уполномоченные не хотели и слушать об этом. Владислав, наконец, соглашаясь на признание Михаила Федоровича, потребовал ежегодной уплаты 100 тысяч рублей. В конце концов заключен был мир на реке Поляновке (1634 г.). По этому договору русские согласились уплатить единовременно контрибуцию в 20 тысяч рублей и притом без внесения ее в договор. Уступленные по Деулинскому перемирию области остались за Польшей, и город Белый также отошел к ней. Поляки были очень рады заключению этого мира; в восторге от него они заговорили даже о племенном родстве поляков с русскими и о том, что не мешало бы в память о примирении поставить каменные столбы на месте заключения мира; но, конечно, русским боярам не было никакой выгоды и желания увековечивать свои неудачи, и они отказали⁶⁴. Поляки

недаром желали мира: в их стране было не совсем ладно: русский народ в Западной России, привлекаемый к себе Владиславом, понял, что все это – обещания, обман и что вообще нельзя на него надеяться. Фанатизм польский между тем давал себя чувствовать все более и более... Отпор ему последовал прежде всего с юго-запада, со стороны казаков; начинается ряд явлений, представляющих отражение настроений жителей города Белого; но это настроение развивалось гораздо раньше... В это время, когда посол Волынской земли Лаврентий Древинский заявил, что жители западной России готовы поднять оружие против поляков, в марте 1620 г. гетман малороссийский Канашевич-Сагайдачный прислал в Москву заявление, что малороссийские казаки готовы служить русскому государству, в том числе и действовать против татар. Но другие казаки высказывали эту мысль гораздо шире и прямее. Друг гетмана Иов Борецкий говорил, что Малороссии нужно соединиться с Великороссией и перейти под власть Михаила Федоровича. Причем присоединение Малороссии он понимал несколько оригинально, видел в нем простое переселение малороссов в Россию. Но говоря так, нового он ничего не высказывал, хотя и опирался на существующие факты. В это время малороссы отдельными семействами и целыми группами переселялись в восточную Россию: прежде всего иноки, а затем казаки. В апреле 1638 г. вспыхнуло восстание в Малороссии под начальством Остраницы, мстившего за отца, замученного поляками. Большая часть реестровых казаков во главе со своим старшим Ильешем сражалась на стороне поляков против казаков Остраницы. Эта война замечательна была тем, что восставшие казаки в ходе ее смотрели на левый берег Днепра, на московскую сторону, как на безопасное убежище в случае неудачи... Приготавливается мало-помалу то дело, на которое указал Иов Борецкий. Остраница, поразивший поляков под Голтвою (5 мая), но потом разбитый под Жолиным (13 июня), ушел в московские владения (с 20 000 казаков) и устроил там свой сторожевой пункт Чугуев⁶⁵.

Это явление находилось в тесной связи с русскою сторожевою службой на западных окраинах и развитием казачества в Запорожье и на Дону. Московское правительство устраивало целый ряд укреплений и сторожевых пунктов от Днепра до Волги (от Северской области до восточных пределов области Рязанской): Оскол, Белгород, Царев, Борисов, к востоку – Валуйки, на северо-востоке – Воронеж.

После смутного времени Михаил Федорович стал восстанавливать укрепленную линию; явились пункты: на востоке особенно важное значение имел Тамбов, на юге выдвинулся Чугуев. Сторожевая служба имела громадное значение прежде и теперь. На востоке охрана шла государственными силами, а на западе, в Польше – более общественными силами. Московское правительство действовало систематичнее и разумнее, а польское – все представляло казачеству⁶⁶.

Со станичной службой было тесно связано развитие казачества. Правительство с большою осторожностью устраивало эту службу и прислало людей с севера, также пользовалось местным населением, среди которого были и старинные элементы.

В XVI в. вместе с развитием днепровского казачества и Запорожской сечи при Иоанне IV и даже ранее стало развиваться донское казачество в области нижнего Дона, при соединении Дона с Донцем. Через Донец оно могло питаться из Северной области, а через Дон – из Рязанской. Естественно, установились мирные сношения донского казачества с запорожской сечью, так как они находились на одной широте и близко друг к другу. При тяге Малороссии к восточной России понятно, что запорожская сечь должна была объединяться с донскими казаками.

Любопытное показание представляет собою биография одного из запорожских полковников Алексея Шафранова, извлеченная из московских документов малороссийских приказов и помещенная в сочинении Кулиша (в сокращении она помещена у Багалея). Сущность этой биографии такова: Шафранов жил на Дону (где казаков было около тысячи) 18 лет; между Доном и Запорожьем были сношения: те и другие казаки ходили друг к другу, и это велось исстари. Был он в плену в Карфе, на каторге и в тюрьме; в другой раз ходил с 400 казаками в Турцию, где и взял Трапезунд, потом снова ходил туда с 200 казаками, по возвращении ходил в Киев; на пути заблудился, был заподозрен в измене и сослан в Сибирь, откуда выбрался через 2 года...

* * *

Объединение казаков постепенно привело к завоеванию Азова. Они издавна имели сношения с Азовом, где был казацкий пункт, представлявший смесь из ногай, татар и турок. Казаки из Кагальника не могли ходить иначе на дело как через Азов, с которым у

них были постоянные то мирные, то военные отношения. Это осиное гнездо было старым бельмом на глазу у казаков; они давно замыслили овладеть им и, наконец, чуть было не взяли его в 1634 г. Через три года казаки донские, запорожские вместе с отрядом Остраницы общими силами в количестве от 5 до 6 тысяч осаждали этот город почти 2 недели и, наконец, взяли его; истребив всех жителей, кроме греков, и освободив пленных христиан, казаки засели в городе.

Московское правительство в связи с этим было в большом затруднении, так как во время войны с Польшею оно находилось в постоянных сношениях с турками, равно как и с Швецией. Между тем, это дело азовских казаков портило все эти установившиеся отношения. Михаил Федорович сделал им выговор. Однако казаки устроили новое дело, которое еще более всех поразило. В 1641 г. турки двинули 240 тысяч войска с сотней осадных орудий на множестве судов и подплыли к Азову. Казаков было 8 тысяч или, по другим сведениям, от 14 до 15 тысяч и около 800 женщин. Ужасное турецкое войско стало брать Азов, но осажденные с отчаянным мужеством отразили 24 приступа: ни один перебежчик не переходил в стан турецкий, ни один пленник, под самыми страшными мучками, не сказал о числе защитников Азова... Многие женщины сражались наравне с мужчинами... Потерявши 20 тысяч народа, турки 26 сентября должны были снять осаду и уйти. Казаки, по старинному русскому обычаю, утвержденному Ермаком, прислали в Москву весть о своем торжестве; но вместе с просьбой о помощи просили также, чтобы государь принял от них Азов. Правительству русскому предлагалось, таким образом, шагнуть очень далеко, к южному морю, и решить крымский вопрос, т.е. сделано то, что было, сделали только при Петре и Екатерине. Русские не могли не оценить этой доблести казаков. Несмотря на все затруднения вследствие сношений с турками, правительство исправило прежнее дело, послало им похвальную грамоту, деньги и оружие.

Но нужно было решить и практический вопрос: послать ли к Азову войска и взять ли его? Ввиду важности этого вопроса русский царь не считал возможным решать его самолично, а потому Михаил Федорович 3 января 1642 г. созвал собор из всяких чинов людей. Когда собрались земские представители, то им предложено было на обсуждение еще два пункта: 1) принять ли Азов

от казаков? и 2) если принять, что будет война с турками, и в таком случае где взять для нее запасов и денег? Каждое сословие на эти пункты потом давало отдельно письменные ответы⁶⁷. Духовенство отвечало, что не его-де дело вмешиваться в гражданские дела: «На то дело ратное, говорило оно, рассмотрение его царского величества и твоих государевых бояр и людей думных, а нам, государь, все то не за обычай?» Но отказавшись решить этот вопрос, духовенство в случае войны обещало помогать войску деньгами, «сколько силы станет». Из этих слов видно, что духовенство не считало себя вправе решать светские дела, и в этом выразилась его противоположность римско-католическому духовенству, которое систематически старалось вмешиваться в государственные дела. Стольники отвечали, что взять Азов или не взять, разорвать связи мирные с турками или нет, в том его государская воля, а их мысль, чтобы государь велел быть в Азов тем же донским атаманам и казакам, а к ним бы в прибавку государь указал послать ратных людей из охочих вольных людей; сбором рати и запасов государь распорядиться волен, а они, стольники, на его службу готовы, где им государь велит быть. Дворяне также не хотели садиться в Азове с казаками, но чтобы не обидеть последних, привели особую причину: «Людей в Азов велел бы государь прибрать охочих в украинских городах из денежного жалованья, потому что из этих городов многие люди прежде на Дону бывали и им та служба за обычай».

Кроме уклончивых, были и решительные мнения. Одно из них было высказано московскими дворянами Беклемишевым и Желябужским. Они говорили о том, что от воли государя зависит, объявлять войну туркам или нет. Кроме того, они отмечали, что государю известно, сколько беды русским причинили татары и турки, сколько раз они нарушали договоры, а в войну с Польшей (1633-1634) они вторглись в пределы государства, отчего русские потерпели поражение под Смоленском. Беклемишев и Желябужский настаивали на присоединении Азова, тем более, что турки, пославшие войско, чтоб взять его, успешно были отбиты казаками. Взявши Азов, советовали они, необходимо укрепить его, восстановить и отдать казакам. Если не хватит государственной казны, то, по их мнению, можно собрать деньги с приказных, с дворовых, даже со вдов, гостей и со всяких чинов; даточных же людей взять у мона-

стырей и с пожалованных землями владельцев. Указывали они также на последствия взятия Азова, на установление спокойствия в южной Украине и на то, что племена, живущие вблизи Азова, будут находиться под властью русских. Это было не одиночное мнение. Дворяне и служилые люди городов поволжских еще более ратовали за необходимость взятия Азова и обличали высших людей, которые противились этому: «Бояре и пожалованные, и даточные люди дать могут, говорили они; дьяки и подьячие также разбогатели исправедным мздоимством, настроили дома и палаты, такие, а прежде этого не было». Была таким образом указана возможность удержать Азов и помочь казакам. Для этого нужно было подвести под повинности всех людей, находившихся на льготах, как-то: придворных, дьяков и даже духовных. Михаил Федорович увидел, что этим легко возбудить борьбу социальную, дав поддержку низшим людям против высших, а этого он боялся. На кого же было опираться государству при возникновении подобной борьбы? – думал он. Приняв во внимание ответы выборных людей, из которых ясно было, что государство еще находится в расстроенном состоянии и имеет слишком мало средств для борьбы с турками, царь велел казакам все-таки оставить Азов. Это повело к тому, что снова начались нашествия татар, возбуждено было негодование казаков, которые решили переселиться с Дона на Яик.

Вот такая трудная доля выпала на долю первого русского царя из дома Романовых. Он даже в собственной семье не имел счастья. Кроме неудач при собственной женитьбе, он, задумав выдать свою дочь Ирину за датского принца Вольдемара, однако не имел успеха и в этом предприятии, так как Вольдемар, приехав на смотрины в Москву, несмотря на всяческие убеждения со стороны русских, так и не согласился принять православие. Эта неудача с дочерью еще более расстроила и без того расшатанное здоровье Михаила Федоровича Романова, и в 1645 г. он скончался.

ЕКЦИЯ VI

Россия в середине и во второй половине XVII века. – Царствование Алексея Михайловича. – Административный строй, приказы, провинциальное управление. – Народные волнения в Москве,

Сольвычегодске, Устюге, Пскове, Новгороде. – «Уложение» Алексея Михайловича. – Характер церковных преобразований. – Присоединение Малороссии. Богдан Хмельницкий. – Войны с Польшей и Швецией. – Бунт Стеньки Разина. – Колонизация Сибири. – Царствование Федора Алексеевича. – Народное избрание Петра. – Правление Софьи. – Вечный мир с Польшей. – Крымские походы.

Все царствование Алексея Михайловича поражает необычайным богатством внешних и внутренних событий. Из внешних событий главнейшие: возвращение Малороссии и в связи с этим громадная война России с Польшей; далее с этим связывались естественные стремления России к Балтийскому морю, следовательно, борьба со Швецией; к Черному морю – борьба с Крымом и даже с Турцией. В то же время поднимались и многие внутренние вопросы. Весьма большой силы в эти годы достигает боярство, весь административный персонал, а между тем народная масса не могла забыть, что она принимала главное участие в восстановлении русской государственности. Отсюда – снова борьба между верхними и нижними слоями: продолжение того, что складывалось в самозванческие времена и при Михаиле Федоровиче. К этому присоединилась борьба старых начал с новыми. Выступают группы ревнителей старины и ревнителей западноевропейской цивилизации. В то же самое время чувствовалась крайняя потребность преобразований в области церковной, и преобразователи, помимо воли, становились близко к поборникам западноевропейской цивилизации, так как действовали при помощи западнорусских духовных ученых, не чуждых иногда латино-польских тенденций. В основе всех резкостей, которые обнаружились в это время, было величайшее наше домашнее зло – закрепощение крестьян и рядом с ним холопство. Это было, можно сказать, историческое жало, которое поражало все возникшие вопросы, и выразилось оно, с одной стороны, в необычайных усилиях закрепить еще более крепостное состояние, а с другой – в таких же усилиях вырваться из этого состояния. Последнее стремление выразилось в таком ужасающем событии, как бунт Степана Разина.

Но и в эти трудные времена русская история выдвинула необычайное смягчение всех этих крайностей в лице царя Алексея Михай-

ловича, отличавшегося весьма замечательными качествами. Алексей Михайлович своим значительным влиянием дал возможность вести дела постепенно и естественно, а главное — под знаменем национальности и веры, которую он сам и лучшие люди того времени держали крепко, несмотря на принадлежность к разным партиям.

Этого государя отличали необыкновенная мягкость, восприимчивость, искренность, благочестие, но, к сожалению, и недостаток характера. Соловьев (на основании иноземных показаний) судит об Алексее Михайловиче так: «Бесспорно, Алексей Михайлович представлял собою привлекательное явление, когда-либо виденное на престоле царей московских». Иностранцы, знавшие Алексея Михайловича, не могли высвободиться из-под очарования его мягкой, человеческой и благодушной природы. Эти привлекательные черты еще резче выступали при тогдашней темной обстановке. «Изумительно, — говорили иноземцы, — что русский царь при своей неограниченной власти над народом, привыкшим к рабству (так они думали), ни разу не посягнули (по личному желанию) на чье-либо имущество, жизнь, чью-либо честь, правит столь рассудительно, мягко и искренней верой в то, что в этом можно обойтись без насилия». Особенную мягкость и привлекательность придавала поступкам Алексея Михайловича глубокая религиозность, которая пронизывала все его существо. Но будучи мягок и кроток, и в этом отношении напоминая своего отца, Алексей Михайлович в то же время был очень вспыльчив, и если человек, возбудивший его гнев, был близок к нему, то он обыкновенно расправлялся с ним собственными руками, т.е. сразу же «смирлял», как тогда выражались. Так, однажды царь побил и вытолкнул Милославского за хвастовство, побил Стрешнева за то, что тот отказался «бросить кровь», когда царь, сам «бросая кровь», предлагал делать то же и придворным. С меньшими людьми царь поступал еще оригинальнее. Стольников, например, он купал в пруду, если они опаздывали в назначенный час во дворец являться. А так как вслед за этим обыкновенно следовало приглашение к царскому столу, то некоторые нарочно старались опаздывать.

Особенно ясно сказывается характер Алексея Михайловича в его многочисленных письмах, изданных Артемьевым в 1856 г. В одних письмах (к Нащокину, Никону) видна его самая поэтическая дружба, а в других — бесцеремонное излияние души, возмущенной злым делом. Об этом красноречиво говорят такие формы его обра-

щения к ближайшему окружению. Так, боярину Григорию Григорьевичу Ромадановскому, который не послал вовремя ратных людей, куда следовало, царь писал: «Врагу Креста Христова, князю Григорию Ромадановскому: да воздаст тебе Бог за прямую нам, великому государю, сатанинскую службу». Савинскому казначею Никите, который в пьяном виде выгнал из монастыря стрельцов, царь писал: «От нас царя и великого князя московского и всея Руссии – врагу Божию, богоненавистцу, христопродавцу и разорителю чудотворцева двора, казначею Никите: уподобился еси сребролюбцу Иуде».

Более ясно рисуется характер Алексея Михайловича в одном памятнике, имевшем законодательное значение. Речь идет в предисловии к «Уряднику», представляющем ряд разных постановлений (см.: 1 том «Опытов разьяснения исторических вопросов» Забелина), где говорится о соколиной охоте и о личных воззрениях царя на все тогдашние порядки: «По его, государеву, указу, никакой бы вещи неблагочинной, остроенной, уряженной и удивительной (т.е. красивой, изящной) не было. Чтобы всякой вещи честь, чин, образец предложен был. Ибо и мала вещь, а будет честна, мерна, стройна и благочинна – и никто не похулит, а всякий похвалит, прославит и подивится, что и малой вещи честь и чин положен по мере, а честь всякой вещи учинялась бы, ибо честь утверждает и укрепляет» и т.д. Нужно заметить, что Россия, после столь продолжительных расстройств при Иоанне IV и во время самозванческих смут, заботилась о том, чтобы установить порядок во всех делах, отвести всему свое место и определить значение его. Таково было общее стремление. Еще Филарет Никитич, заботясь о благоустройстве России, употреблял разнообразные меры, направленные к улучшению правительственного склада, строго соблюдал чин церковный. Алексей Михайлович все это наследовал и продолжал, но он внес в дела особенность, возвысившую его самого. Это был действительно поэт, не просто, например, участвовавший в различных церемониях, а участвовавший в них с душою, который при этом наслаждался ими, и поэтому всякое нарушение принятых правил сильно возмущало его. Поэтому же он очень страстно предавался охоте и, как поэтически настроенный человек, любил картины природы и быстрые переходы. Это сказывалось и в домашней жизни Алексея Михайловича. Его Коломенский дворец, хотя и деревянный, поражал своею красотою.

Вот это-то все и давало необычайное смягчение тогдашней суровой жизни⁶⁸. Личность Алексея Михайловича теперь для нас становится более понятной. Он не имел сильного характера, но так как окружавшее его общество русское вышло из очень суровой школы, то между личным характером царя и тогдашним общественным складом оказывалось большое несоответствие, грозившее многими беспорядками.

Теперь перейдем к самим событиям. Следуя общему примеру, начнем с семейных дел Алексея Михайловича, так как из них вышли важные последствия для государства. Воспитателем Алексея Михайловича был боярин Борис Морозов, любитель иноземцев и сам очень образованный человек, имевший большое влияние на царя. Когда Алексею Михайловичу пришло время жениться, и он женился на дочери Милославского (в 1647 г.), то через 10 дней царской свадьбы на другой дочери Милославского женился и старик Морозов. Таким образом, Морозов, как воспитатель, ближайший человек к царю, стал и свойственником его, благодаря чему получил еще большее значение. Конечно, возвышались при этом и Милославские, люди очень жадные, и их родственник Плещеев, бывший земским судьей. Присоединился к ним еще обрусевший грек Траханиот, заведовавший очень прибыльным делом – Пушкарским приказом. Будучи неразборчивыми любителями разного рода стяжаний, эти лица сильно угнетали низшие классы русского люда. По старому обычаю народ жаловался на них царю, но, к сожалению, эти жалобы до него не доходили. Посему в различных местах страны последовали грозные восстания черни. Эти восстания были, впрочем, не одними только этими лицами, ибо начались раньше, прежде чем завязалось это родство царя, по причине тягостей, которые приходилось терпеть народу, а потому обуславливались эти восстания самим складом тогдашней жизни. Поэтому, прежде чем говорить о них, мы должны показать административный склад того времени.

При Михаиле Федоровиче и особенно при Алексее Михайловиче установилось уже как совсем нормальное явление то, что Боярская дума, имевшая и прежде большое значение, представлялась теперь особо организованным учреждением. В это время утвердилось мнение, что члены Думы должны непременно участвовать в обсуждении дел вместе с государем, так что бояре держались мнения, что хотя их подвергают опале, но из Думы они не выходят. Дума

состояла из представителей высшего чина: бояр, окольничих и думских дворян. Со временем все больше проникают в думу в качестве членов ее думные дьяки (посольский дьяк – вроде нынешнего министра иностранных дел, разрядной дьяк – вроде военного министра и пр.). В конце XVII в. их было в Думе 13-14 человек. Это общерусское учреждение – Дума – не занималось делопроизводством, а лишь в личном присутствии государя обсуждало государственные дела и решения свои представляло в приказы. В случае отсутствия государя Думе иногда поручалось самостоятельно обсудить дела и о том доложить государю, хотя строго определенного порядка в ее работе не было, и государь мог обсуждать дела даже при меньшем составе членов Думы или прямо изрекать свои повеления.

Необходимое при Думе делопроизводство сосредоточивалось в приказах, которые начали обнаруживаться еще в XIV в. у князей, а затем и явственнее – при Иоанне III и особенно Иоанне IV, но как вполне организованные административно, они явились при Михаиле Федоровиче и даже в двойном виде: при государе и при патриархе. Еще более они развиваются при Алексее Михайловиче. В старину первым зарождением приказов был дворцовый приказ, а весь характер управления в удельных княжествах и в последующее время был вотчинный. Самое расположение Москвы показывает, что в то время было вотчинное управление или дворцовое. От дворца, как радиусы, идут во все стороны улицы, которые и сегодня сохранили свои названия: Поварская, Хлебная, Макаронная. Это были дворцовые отделения по разным хозяйственным делам. Для сношений этих специальных хозяйственных пунктов между собою, кроме улиц-радиусов, были круговые улицы: несколько параллелей вокруг дворца. Как при дворцовом управлении родился Дворцовый приказ, так и при возникновении дипломатических сношений зародился приказ Посольский подле Дворцового приказа. С течением времени приказы Дворцовый и Посольский, развиваясь, распадаются на несколько других приказов (из Дворцового выделились: приказ Казанского дворца, мастерская палата царя и царицы; из Посольского специализировался Малороссийский приказ). В числе приказов был и Разрядный приказ, распределявший по разрядам военных людей и назначавший их на службу. С этим Разрядным или Военным приказом соединялось чрезвычайно много дел, так что и он распался; около него развиваются другие приказы: Конюший (для конницы; должность коню-

шего была очень важна), Пушкарский, Иноземный (для войска из иноземцев) и по роду службы – Рейтарский и Стрелецкий. В России важное значение имело поземельное обеспечение всех, в частности, служилых и, главным образом, военных людей. Отсюда возник особый приказ, который ведал распределением поземельных владений или поместий – Поместный приказ. Так как еще со времени Иоанна III был возбужден вопрос о том, следует ли оставить или ограничить право передачи поземельных владений в пользу церкви, а при Иоанне III этот вопрос особенно обострился вследствие сильного развития военного сословия, то и для Михаила Феодоровича, и для Алексея Михайловича было очень важно разобрать дела о передаче поместий в пользу церкви, а также о том, как судить духовных и светских людей по этому вопросу. Отсюда возник Монастырский приказ. Затем Судный приказ – для суда. Для разбора важнейших дел, таких как лишение свободы, переход в рабство, разбой, были созданы специальные приказы: Холопий, Разбойный. Для обычных судебных дел были приказы – Московский, Владимирский. Были особые приказы по финансовым делам, носившие оригинальные названия: Новгородская четь (т.е. четверть), Устюжская четь, Владимирская четь... Эти приказы ведали сбором всякого рода пошлин, даней. При Алексее Михайловиче явился даже приказ Панафидный, который рассылал царские пожертвования по церквам и монастырям. Наконец, был еще Тайный приказ. Всего при Алексее Михайловиче было более 70 приказов. Но главнейшими из них были Дворцовый, Посольский, Разрядный и Поместный⁶⁹.

Это разнообразие приказов особенно резко заметно для нашего времени, при теперешней всеобщей строгой регламентации, когда мы все стараемся делать по чертежу, плану, теории, все подводя под известную категорию. В юридических книгах нередко можно встретить осуждение этой «бестолковщины» в древнем управлении. Но новейшие ученые, такие, как например, Владимирский-Буданов, напротив, указывают на разумность нашего древнего административного устройства.

Что касается провинциального управления, то оно было стянуто к приказам. К ним обращались по всем более или менее важным делам. Россия уже и в то время простиралась на очень большое пространство. Отсюда неизбежно было большое волокитство, не говоря уже о взятках, естественно развившихся. Собственно, облас-

тное управление Россия знала в порядке деления на уезды. Это было главное деление. Для некоторых позднее присоединенных областей были более крупные единицы, например, царства – Казанское, Сибирское, Малороссийская страна, но и они постепенно делились на уезды (уезды были малые; но были и громадные, равные нескольким нынешним губерниям, взятым вместе). В уезде были в старое время наместники князей удельных, а в московское время – великих князей московских. В пограничных областях находились воеводы, имевшие в своем ведении и военную силу. После смутного времени, ввиду всеобщих волнений и неурядиц, воеводы естественно появились во всех местах; в их руках находилась военная сила – стрельцы и казаки. При воеводах, как и наместниках, были дьяки и подьячие. Наместники и воеводы не всегда были единоличною властью; чаще их было по два («быть в товарищах») или даже по три. Рядом с наместниками и воеводами были земские чины. Например, еще при Василии Иоанновиче, а затем при Иоанне IV имелись губные старосты (в роде наших председателей уголовной палаты), которые ведали судом по разбойным и всяким другим уголовным преступлениям. Губные старосты избирались уездом; около них были старосты, сотские и десятские. Когда при Иоанне IV были уничтожены наместники и воеводы, оставались одни земские учреждения: губные старосты по уголовным и земские по всем мирным делам: сами они ведали и сбором повинностей, наблюдали за полициею, сносились с Москвою. После смутного времени остались сначала губные старосты, но потом и они были отменены и остались только воеводы. В старое время воеводы и наместники получали «кормление». Были установлены поборы, которые должны были давать наместникам и воеводам области. После же смутного времени воеводам даны были поместья, и население их могло не давать им ничего, кроме обычных праздничных приношений. Отсюда мы видим, что вопрос о поборах постепенно подвергался пересмотру.

Главным источником казенных доходов в Московском государстве были подати (тягло); они налагались не на отдельных лиц, а на целые общины, которые уже сами раскладывали их между своими членами. Крестьянские общины облагались податями по числу сох, т.е. известного количества земли, которым они владели, а посадские – по числу тягловых дворов, означенных в писцовых книгах. Почти все ремесла и торговые статьи были обложены пошлиной. Кро-

ме обыкновенных податей, существовали постоянные сборы на некоторые потребности государства, например, на военные издержки. Из повинностей наиболее значительные были: ратная (поставка ратных людей и продовольствия во время войны), ямская гоньба (для провоза послов и царских чиновников), постройка и починка крепостей, казенных зданий, мостов и проч. Вообще финансовая система в Московском государстве представляла довольно много запутанности, и тяжесть налогов падала неравномерно на разные сословия и на разные местности государства... Когда воеводы снабжены были военною властью, вопрос о разного рода злоупотреблениях особенно обострился. Государству, только что освободившемуся от потрясений смутного времени, положительно нечем было жить, нечем воевать. Нужно было как можно тщательнее собирать подати, вот тут-то открывалось много места для всякого рода злоупотреблений. А тут еще, в видах увеличения доходов, наложены были новые пошлины на предметы первой необходимости, как, напр., на соль. Налоги эти вместе с притеснениями приказных людей произвели сильное неудовольствие в народе, которое и разразилось, наконец, открытым мятежом московской черни.

Как раньше уже было замечено, к финансовому делу при Алексее Михайловиче приставлены были люди с не совсем чистыми руками, которые не преминули наживаться. Народ не раз подавал жалобы, но жалобы эти не доходили до царя, благодаря, конечно, предусмотрительности этих лиц. Выведенный из терпения, народ поднял мятеж, умертвил двух нелюбимых чиновников – окольничего, Плещеева и думного дьяка Чистого, разграбил дом правителя Морозова и некоторых других знатных и богатых людей. На другой день сделался пожар в Москве, после которого вспыхнуло опять возмущение. Народ начал требовать самого Морозова и окольничего Траханиота на смертную казнь. Тогда на площадь выехал Никита Иванович Романов (двоюродный дядя царя), пользовавшийся необычайным доверием народа, и стал уговаривать толпу разойтись, говоря, что царь обещает выполнить желание подданных, что злоупотребления будут искоренены. Народ отвечал, что он жалуется не на царя, а на людей, которые воруют его именем, и что он не разойдется до тех пор, пока ему не выдадут Морозова и Траханиота. Никита Иванович отвечал, что оба скрылись, но их разыщут и казнят... Народ послушался, Траханиота, действительно, схватили подле Тро-

ицкого монастыря и казнили. Морозова же, скрывавшегося все время во дворце, отправили подальше, в Кирилло-Белозерский монастырь, а власти между тем начали хлопотать, как бы успокоить народное раздражение против них. Царь приказал угостить стрельцов вином и медом; тесть его, Милославский, позвал к себе москвичей обедать, выбрав счастливец из каждой сотни москвичей, угощал их несколько дней сряду. Места убитых представителей власти немедленно замещены были людьми, которые слыли добрыми. Наконец, царь, воспользовавшись крестным ходом, обратился к народу с такой речью: «Очень я жалел, узнавши о бесчинствах Плещеева и Траханиота, сделанных моим именем, но против моей воли, на их места теперь определены люди честные и приятные народу, которые будут чинить расправу без послов и всем одинаково, за чем я сам буду строго смотреть». Царь обещал также понижение цены на соль и уничтожение монополий. Народ бил челом за милость. Царь продолжал: «Я обещал вам выдать Морозова и должен признаться, что не могу его совсем оправдать, но не могу решиться и осудить его: человек этот мне дорогой, муж сестры царицыной, и выдать его на смерть будет мне очень тяжело». При этих словах слезы покатились из глаз царя. Народ закричал: «Да здравствует государь». Морозов был возвращен, и затем он старался снискать себе доверие народа.

Народное волнение в Москве сейчас же отразилось в разных местах России. Прежде всего началось волнение простого народа в Сольвычегодске (в 1648 г.), где сборщики податей произвели «правеж»⁷⁰, чтобы отделаться от него, обитатели указанной местности дали воеводе Приклонскому, стоящему во главе этих сборщиков, взятку в 25 рублей; но когда узнали, что в Москве произошло вышеупомянутое смятение, снова отняли от воеводы деньги, а его самого при этом сильно избили.

Сходное с сим явление, под влиянием подобной же причины, произошло в Устюге, где народ дал взятку в 260 рублей Михаилу Васильевичу Милославскому да дьяку Михайлову, а потом насильно отняли ее. Усмирить эти волнения было легко.

Еще труднее было уладить дела в Пскове и Новгороде (1648–1650 г.), где более чем в каких-либо других местах сохранилось у русского народа предание о вечевом строе жизни и были более частые и свободные сношения с иностранцами. Поводом возмущения в том и другом городе послужило тогдашнее отношение русского пра-

вительства к Швеции. Известно, что по Столбовскому договору русские должны были уступить шведам Балтийское побережье. Некоторые из русских жителей этого края, не желая переменять своего подданства, бежали в Россию, вследствие чего правительство русское поставлено было в необходимость: или возвратить беглецов на прежнее их местожительство, или заплатить за них шведам выкуп деньгами и хлебом. Царь не решился выдать православных лютеранскому правительству, поэтому заключен был новый договор со Швецией, по которому царь обязался заплатить деньгами за перебежчиков и в счет этих денег отпустил в Швецию хлеба из казенных житниц. С этою целью московскому в Пскове гостю Емельянову поручено было производить в окрестностях сего города закупку хлеба, а отправление его в Швецию из пределов России поручено было прибывшему из Швеции в Москву шведскому агенту Нумменсу. Псковичи весьма недружелюбно отнеслись к этому распоряжению своего правительства. Столбовский мир не касался вовсе их, и поэтому необходимость уплаты денег и хлеба шведам русским правительством за беглецов из Швеции им не совсем была ясна. К тому же в то время в Псковской области был неурожай. А тут еще приходилось отдавать последние запасы шведам, тем людям, к которым они были чрезвычайно нерасположены за те жестокости, которые им пришлось недавно вытерпеть от них в борьбе с ними, и выйти над ними победителями. Имея вообще нерасположение к шведам, они вполне были уверены, что и сам царь к ним нерасположен, а потому никак не могли согласиться, что вышеупомянутое поручение Емельянову было сделано московским правительством без ведома его. У них сложилось убеждение, что сбор хлеба производится Емельяновым и воеводою Собакиным без воли царя, по проискам бояр и особенно боярина Морозова, который будто бы старался собрать деньги шведам с той целью, чтобы дать последним возможность завести хорошее войско и покорить посредством его Псков. Для выяснения этого взгляда необходимо припомнить прибавку, одно замечание, сделанное в псковской летописи, а именно, что неурстройство государства в начале царствования Михаила Федоровича объяснялось его малолетством и своеволием бояр. Этот взгляд был возобновлен и теперь. Но улица, как известно, царицей в Пскове была всегда. Под влиянием этого-то толчка не вдруг здесь возникло, впрочем, открытое волнение. Оно возникло только тогда, когда епископ псков-

ский Макарий и воевода Собакин отказались задержать хлеб, провозимый через Псков за границу. Во Пскове после этого установилось самозванное новое правительство, во главе которого стали: площадной дьяк Томилка Слепой и стрельцы – Прошка Казак и Сорокоумко Копыто. Число бунтовщиков постепенно стало возрастать, и вскоре во главе их стал влиятельный человек в Пскове, земский староста Гавриил Димитриев. Образовавшаяся во главе с ним шайка бунтовщиков отравила в Москву жалобу на Емельянова и Собакина.

Мятеж псковский немедленно отразился и в Новгороде. Новгородцы сочувственно отнеслись к псковичам и выразили свое сочувствие, между прочим, тем, что однажды схватили проезжавшего через Новгород датского посла Грабе и сильно избили его. По примеру псковичей новгородцы также образовали у себя самозванное правительство, с которым ничего не могли сделать воевода Хилков и митрополит Никон. Во главе этого правительства стоял на первых порах бунта некто Гаврила. Когда он бежал из Новгорода, то на его место стал Жеглов, долгое время пред тем находившийся под арестом у Никона. В скором времени после сего выдвинулась среди бунтовщиков новая личность – сын дьяка Гаврила Нестеров. Бунтовщики, во главе с этими указанными личностями, также послали выборных в Москву с жалобой на воеводу новгородского Хилкова и Никона.

Московское правительство решило усмирить бунтовщиков и послало в Псков и Новгород войско под начальством Хованского. Вместе с тем были посланы в указанные города и ответы от московского правительства, почему в Швецию отсылаются деньги и хлеб. В этих же ответах, между прочим, осуждались волнения и самовольное вмешательство бунтовщиков псковских и новгородских в дела правительства.

Царские ответы и усилия Никона и Хованского имели в Новгороде успех: новгородцы покорились и выдали зачинщиков бунта среди них. Но псковичи не покорились и даже вступили в бой с Хованским. В Москве имели повод смотреть на такое поведение псковичей как на поведение очень опасное для московского правительства. Известно было, что они не любили всех бояр, исключая только Никиту Романовича, к которому даже посылали посольство с приглашением в Псков. Псков и Новгород к тому же, нужно сказать, имели такое значение на северо-западе России, что вполне можно было ска-

зять: если волнуются эти города, то волнуется вся северо-западная Русь и волнуется против бояр, из которых и состояло высшее московское правительство. Чтобы прекратить все эти смуты, нужно было, прежде всего, восстановить авторитет правительства, для чего оно и прибыло к старому средству – земскому собору. Собор послал в Псков депутацию во главе с коломенским епископом Рафаилом с предложением помириться и одновременно с угрозой в противном случае прибегнуть к военной силе. Псковичи услышали в этом посольстве голос всей земли и покорились (многие из бунтовщиков, конечно, поплатились).

Все эти смуты так или иначе нарушали благоустройство России. Вследствие этого московское правительство решило предпринять меры к прекращению их на будущее время. Самое главное внимание их обращено было не на закрепощение, а на низший слой свободных – посадских и торговых людей. Первые люди, как известно, жаловались постоянно в рассматриваемое нами время правительству московскому на то, что на их землях многие бояре и лица духовного сословия настроили много зданий, за каковые эти лица не платили правительству пошлин. Вторые жаловались ему на иностранцев за то, что они подбивают им торговлю, а между тем сами пошлин ему не платят. Несмотря на то, что жалобы эти еще при Михаиле Федоровиче указанными лицами подавались московскому правительству, они возымели силу только при Алексее Михайловиче. Приказано было боярам и духовным лицам, выстроившим разные здания на землях посадских людей, снести оные. В ответ же на жалобу торговых людей велено было иностранцам выселиться из внутри России на окраины ее – во Псков, Новгород и Архангельск. Последним распоряжением правительства, нужно заметить, кстати, псковичи остались недовольны. Причиной этого служило то, что гости-иностранцы, явившись в Псков, взяли всецело в свои руки предмет оптовой торговли.

* * *

Удовлетворив посадских и торговых людей, московское правительство при Алексее Михайловиче совершило другое чрезвычайное дело – составило свод законов, известный под именем «Уложения Алексея Михайловича», которым до 20-х годов нынешнего столетия

пользовалось русское правительство при решении разных дел. Проект этого «Уложения» был составлен в 1648 г. целою комиссией, состоявшею из бояр – Одоевского, Прозоровского, Волконского и двух дьяков – Леонтьева и Грибоедова. В том же году для рассмотрения его был созван земский собор, который после изучения сего проекта внес в него свои соображения, и весною 1649 г. первый раз издан был свод законов, вышеуказанною комиссией проектируемый и земским собором пересмотренный и утвержденный.

Для изучения этого памятника самым пригодным средством может служить «Новейшая история русского права» – труд Владимирского-Буданова. В нем впервые был высказан автором трезвый взгляд на русское законопроектство, а также указаны главные источники сего «Уложения», и, наконец, к достоинству этой книги нужно отнести краткость изложения. Необходимо упомянуть затем исторические труды Загоскина, Сергеевича, Сергиевского и др. Как видно из этих исследований, в основу «Уложения Алексея Михайловича» были положены законодательные памятники прежнего времени. К числу этих последних нужно, между прочим, отнести: а) «Псковскую судную грамоту» конца XIII века и начала XIV; здесь говорится об отношении в то время землевладельцев к земледельцам; б) «Новгородскую уставную грамоту» XIV в., из которой мы узнаем, что в древности словом «послухи» русские обозначили лиц, игравших в тогдашнем суде роль, подобную той, которую в настоящее время играют присяжные заседатели, при каковых были пособники, которые являлись в суд нередко с дубинами, вследствие чего им по указанной грамоте запрещено было совсем являться в суд. Подобно этой грамоте, легли в основу «Уложения Алексея Михайловича» и другие уставные грамоты и законодательные памятники, например, Двинская и Белоозерская XIII или XIV в., где встречается описание судопроизводства того времени и объяснение древних русских выражений: вира, вервь. Учтены в «Уложении» были: «Судебник Иоанна III», из которого мы узнаем, как производился на Руси суд наместниками, при которых были тиуны, рабы и старосты, а также «Судебник времени Иоанна IV» от 1551 г., где заключаются угрозы наместникам за несправедливый их суд. Около последних, по этому судебнику, стояли уже не тиуны, а дьяки и подьячие. Этим же судебником дозволяется обыск-опрос общины; права общины усилены до того,

что сам наместник и волостель не могли взять члена общины без ее ведения.

Кроме этих чисто русских законодательных памятников, в основу «Уложения Алексея Михайловича» легли и памятники иностранные. В нем поэтому много чужеземных элементов. Об этом можно судить уже по тому приказанию Алексея Михайловича, в котором он указывает, откуда для его «Уложения» должны быть заимствованы правила. По его приказанию «Уложение» должно было быть составлено из правил, заимствованных из апостольских постановлений, греческих законов, соборов, иноземных постановлений и приговоров Думы. Жесткие правила, встречаемые в «Уложении», разумеется, взяты из русского обычая. Если о некоторых из русских жестоких наказаний умалчивается в «Уложении», то это, без сомнения, сделано под влиянием иноземных памятников (о батогах и кнутах, столь популярных в древней Руси, почему-то умалчивается; членовредительство, впрочем, заимствованное из греческого законодательства, было введено; введены были и пытки из «Литовского Статута»). Статья о наказании за оскорбление царского величества, за что в древнейших русских законодательствах полагалась смерть, в «Уложении Алексея Михайловича» заимствована из «Литовского статута» и отличается сравнительно меньшею жестокостью. Из последнего законодательного памятника многие правила вошли в «Уложение Алексея Михайловича» не целиком, а в значительном изменении. Например, в «Литовском статуте» за убийство матери предписано виновника сначала подвергнуть ударам клещами, посадить его затем в мешок вместе с собакою, кошкою и змеею и зарыть живым в землю, а в «Уложении» за тот же самый проступок предписано только зарыть виновника живым в землю.

Самая важная часть «Уложения», обращающая на себя внимание, касается низшего слоя русского народа, именно крестьян, хотя и немногими постановлениями. В этих постановлениях «Уложения Алексея Михайловича» уничтожаются всякие границы к закрепощению крестьян, по превращению их в бесправное положение. Ввиду сего указания на существование закрепощения у нас, на Руси, крестьян, признаваемого самим законодательством русским, нелишне будет заметить и относительно того, откуда это обыкновение возникло на Руси. Как ни доказывают некоторые ученые, что закрепощение крестьян привнесено в Россию не с запада, а порождено

местными условиями, мы, однако, с этим не можем согласиться ни в каком случае. Оно, закрепощение, безо всякого сомнения, пришло к нам из Польши, хотя последний срок преследования беглых крестьян домохозяевами различен и отличается от сроков преследования их на Руси, и равно последний отличается и от сроков того же самого и в Литве, что, по-видимому, говорит против мысли относительно того, что будто обыкновение закрепощать крестьян на Руси возникло с запада. В Литве крестьяне, не возвратившиеся из бегства в течение пяти лет, считаются свободными. В Польше беглые крестьяне считались свободными в древности по истечении десяти лет; а в России ко времени возникновения «Уложения Алексея Михайловича» — по истечении пятнадцати лет. «Уложение» же уничтожило всякий срок для отыскивания беглого крестьянина на Руси бывшим его домовладельцем, дало возможность помещикам бесконечно долго разыскивать лиц, когда-либо бежавших из крепостного состояния. Делая в данном правиле отступление от правил относительно того же самого в западных законодательствах, «Уложение Алексея Михайловича» в других правилах по тому же вопросу, а именно по вопросу о закрепощении крестьян, сходно с ними. Например, как по западным законодательным памятникам все крестьяне закрепощаются без различия, так и по «Уложению Алексея Михайловича» все, а не одни только домохозяева без родственников их по боковым линиям, как это было на Руси до появления в ней писцовых книг.

* * *

С преобразованиями по гражданской части, выразившимися в «Уложении Алексея Михайловича», имеют некоторую параллель церковные преобразования патриарха Никона. По началам, которые имелись в виду при этих реформах, они представлялись делом весьма важным. Высокие побуждения вызывали их, и постановка их отличалась широтою: вызывались на совещание восточные патриархи, к исправлению духовных грамот приглашались западнорусские ученые, и к делу этому прилагался свод всех тогдашних сведений о церковном порядке. Но, к сожалению, при этом сделан был целый ряд ошибок, выразившихся как и в «Уложении», так и в бесцеремонном обращении с мнениями и интересами простого народа. Стара-

ясь во всем согласовать строй русской церкви с церковью греческою, исправители бумаг смешивали догматы с обрядами. Сам Никон с трудом выбирался из этого смешения. На соборе 1654 г. он рассуждал как о важном отступлении и новшестве о раскрытии царских врат до великого выхода (чего в греческой церкви не было). Затем стоявшие во главе исправительного дела западнорусские ученые, как, например, Епифаний Славинский, хотя и были русскими по происхождению и правильно все исправляли, однако выражались таким языком (смесь церковнославянского, малороссийского, белорусского и даже польского), который непонятен был в большинстве случаев великорусскому человеку. Кроме того, некоторые справщики, особенно не русского происхождения, вводили и новшества, которые не могли не бить в глаза русским людям. Наконец, все дело велось не со строгою постепенностью, а так быстро, что трудно было ждать от всего этого хорошего конца. Исправленные книги весьма скоро издавались, причем при исправлении их не были приняты во внимание старинные лучшие рукописи, находившиеся в древних, прославленных знаменитыми святыми монастырях: Троицкой лавре, Кирилло-Белозерской и Ниловой пустыни, а при введении в употребление новых книг приказывалось отбирать старые. И все это делалось тогда, когда русский народ только что спас во имя того же православия, которое теперь так беспощадно попиралось в его глазах, спас Русское государство, и когда он был особенно настроен с предубеждением против всего иноземного, не исключая ни греков, у которых он подозревал шаткость православия, ни западнорусских ученых, которых он обвинял (и не напрасно) в латинских новшествах. Таким образом, вся тяжесть реформ Никона пала на простой народ: он считал себя православным и во имя православия старался за отечество, и его же обвиняли в каких-то еретических нововведениях, предлагая ему то, что для него казалось сомнительным в религиозном отношении. Уже «Уложением» оторванный от интеллигенции народ еще более отрывался от нее церковною реформою, а совокупное действие того и другого повело к понижению уровня русской цивилизации. Но все-таки и в это трудное время русское государство сохранило способности оказывать влияние на Западную Русь и на славянские племена. Это нужно объяснить, с одной стороны, тем, что сила православия и русской народности, проявившаяся в смутное время, была свежа еще и теперь, а с другой – тем, что на народ умиротворяю-

щим образом действовала личность самого царя Алексея Михайловича, недаром называемого в источниках «тишайшим». Строительная сила России в то время сказалась в бедственной и шумной войне с Польшей из-за Малороссии.

* * *

Большую часть тогдашнего Польского государства составлял русский народ Западной России. Подавленный в гражданском строе жизни шляхетством и жидовством, а в церковном — и унией, народ этот, живший на пространстве от Смоленска до Львова и от Запорожской Сечи до Литвы, при Алексее Михайловиче решал вопрос: куда идти — под власть Польши или под власть России, или же (иногда видоизменялся вопрос) отдаться в подданство Турции? До начала 2-й половины XVI в. Литовское княжество, хотя и было соединено в лице государя с Польским королевством, все-таки представляло собой отдельное государство и объединялось с последним только на сеймах, на войнах и т.п., вследствие чего ополячивались только верхние слои его, а средние и низшие сохраняли свою вполне русскую самобытность. Все это изменилось со времени Люблинской унии 1569 г., когда было уничтожено отдельное от Польши существование Литвы, воспоминание о котором осталось лишь в пустых титулах ее владетелей (гетман, маршал и проч.). На Люблинском же сейме было утверждено, что король делается главою Литвы по избранию ее⁷¹, а в 1572 г., по смерти последнего из Ягайловичей, избирательное право было установлено и в Польше. Результатом унии 1569 г. было то, что поляки, получив право приобретать земли в Литве, нахлынули сюда, внося свой польский фанатизм и презрительное отношение к простому народу, холопам, крепостное положение которых сделалось еще хуже.

В 1596 г. совершилась уния церковная. Значительная часть православной Литвы, хотя не делалась чрез эту унию вполне латинской, однако была направляема к этому. Для простого народа эта уния была не только внешним игом, как гражданская, но и внутренним, потому что она давила на совесть холопа. Папа с иезуитами энергично взялся за обращение русских в католичество, иезуиты, так сказать, смотрели в душу крестьянина... Но против такого зла народ стал выдвигать свои строительные силы. Сначала православные

боролись духовным оружием – через школы, через братства (полезная для православия деятельность которых заставляла задуматься польские сеймы), через ученые полемические сочинения против латинства и унии, между которыми «Апокрисис» Христофора Филарета представляет собою самое высшее, что тогдашняя Европа могла выставить в обличение папству. Такой борьбой были ознаменованы конец XVI и первая четверть XVII века. Но чем дальше, тем больше православные вынуждены были уступать, так что в 1620 г. здесь уже не было православной иерархии, вся она сменилась униатскою. Духовная борьба, сосредоточившаяся главным образом в Белоруссии, в Вильне, к концу первой четверти XVIII в. ослабела, и русские северо-западного края передали заботу о защите православия Киеву, но не ученым людям, а казачеству. Эта передача происходила не только сверху (поляки обвиняли Виленское братство в том, что Сагайдачный был его орудием, и приписывали убийство Иосафата Кунцевича в Витебске соглашению белорусов с казаками). Русские в свое оправдание написали сочинение «Невинность», в опровержение которого поляки написали «Совита вина», т.е. сугубая вина, но и снизу: народ от польского холопства бежал к казакам и в казачество⁷². Таким образом, к концу первой четверти XVII в. защита интересов русской гражданственности и православия в Польше сосредоточивалась главным образом в юго-западной России и преимущественно в казачестве.

О заботе казаков охранять русские интересы в польском крае свидетельствуют многие памятники. Важнейшие из них изданы «Киевской Археографической Комиссией». Эта же комиссия пересмотрела летописи о временах Богдана Хмельницкого и издала их под названием «Летопись самовидца». Петербургской Археографической Комиссией было издано под редакцией Костомарова 15 томов «Актов, относящихся к Южной и Западной России». Кроме того, под редакцией Григоровича издано 5 томов «Актов Западной России». В актах, изданных под редакцией Костомарова в 3 томах, в издании которых принимал участие известный Кулиш, опущены главнейшие памятники, касающиеся присоединения Малороссии к Великой России. Это вызвало полемику со стороны Карпова, который и издал эти опущенные акты в виде дополнительного тома к 3-му тому. Из исследований по рассматриваемому вопросу существуют: «Богдан Хмельницкий» Костомарова; «История воссоединения западной

Руси» Кулиша. В настоящее время этот вопрос подвергся пересмотру со стороны проф. Кареева. В его труде важно только указание памятников, издаваемых поляками. Имея в виду всю эту литературу, можно хорошо ознакомиться с историей присоединения Малороссии и войны Алексея Михайловича.

Это был величайший момент в истории всего славянского мира. Поднимался вопрос: чему существовать – Польше ли с латинством или России с ее православием и русскою народностью? Как и всегда бывает перед великими событиями, все призадумались, и как часто случается перед войнами, заговорили о мире. В Москву, едва вступил на престол Алексей Михайлович, из Польши прибыло посольство во главе с киевским кастеляном Адамом Киселем, который в своей речи к Алексею Михайловичу выражал надежду, что вместо прежнего раздора будет полное объединение между русскими и поляками. Он говорил: «Бог создал два кедра, две отрасли славянства: Россию и Польшу. Хорошо бы было им, согласно Священному Писанию, жить миролюбиво». Далее он прославлял древние времена, когда славянский народ составлял единое целое, и т.д. Но Москва с точки зрения западной встретила эту речь с ничего непонимающим невежеством, а с точки зрения русской, восточной – с благоразумным недоверием к ней. О мире не могло быть и речи, как о том показывало положение дел в Польше. Там было полное угнетение народа русского, и производились одна за другою репрессии на казаков, бывших единственною опорою народа. Ввиду восстаний Лебеды и Наливайки польское правительство стремилось к тому, чтобы или совсем уничтожить казаков, или же поставить их в повиновение к польским военным людям, а в плодородных частях южной России развить холопство. Понятно, что Запорожье было бельмом на глазу у поляков, и вот они выше порогов построили в 1635 г. крепость Коджак. Казаки в это время отправились пограбить на Черное море. По возвращении они под начальством своего вождя Сулимы снесли эту крепость с лица земли. После этого притеснения казаков поляками усилились. Никакие жалобы на них не помогали.

* * *

Из числа пострадавших от поляков лиц был казак Богдан Хмельницкий, войсковой писарь, у которого чичиринский подстароста Чап-

линский отнял родовой хутор Субботово и при этом высек его сына. Не получив удовлетворения от польских панов, Богдан на сейме 1647 г. обратился с жалобой к королю Владиславу IV. Но и король мог только сказать ему: «Ты сам – человек военный и можешь защитить себя», но имения его не возвратил. Тогда Хмельницкий ушел в Запорожскую сечь, стал сноситься с татарами и возбуждать русский народ против поляков. Богдан Хмельницкий по происхождению был простой казак, но получил значительное образование в Духовном Киевском училище и в иезуитской школе в Галиции, которые развили его от природы блестящие способности. Двухлетний плен в Турции, изучение турецкого языка и дел увеличили еще более опытность и практичность этого человека – «себе на уме». Не получив защиты от Чаплинского, Хмельницкий издал в 1647 г. «Универсал всей Малороссии», который так понравился малороссам, что существует много его переделок и вариантов (некоторые, как, например, Костомаров и Кулиш, несправедливо отрицают подлинность этого «Универсала»). В этом «Универсале», на основании походов в Эфиопию Александра Македонского, говорилось, что казаки побеждали еще в те далекие времена, и что, следовательно, они и теперь могут управиться с неуживчивыми поляками, которые всюду занимают чужие места и беспокоят Россию и немцев. Казаки выразили готовность восстать за себя, за народ и за веру. Богдана же избрали гетманом. Побывав в Крыму, у татар, и заручившись у них обещанием помощи в случае нужды, Хмельницкий решил не терять времени и открыть военные действия. По всей Украине началось сильное волнение народа, быстро стали собираться казачьи полки. Первая битва Хмельницкого с польскими войсками при Желтых Водах окончилась полным поражением поляков. Точно такой же успех сопровождал казаков и в битве под Корсунем, где польский гетман и его помощник были взяты в плен и отданы татарам. Затем последовало избиение жидов, ксендзов и панов, что еще более подтолкнуло людей в сторону казачества. Началось серьезное дело. Хмельницкий пошел далее и поразил поляков под Пилявой. Русские сбрасывали с себя польское иго и присоединялись к победителю; даже у польских холопов возникли надежды на Хмельницкого, который хвастался под пьяную руку, что он и за Вислой даст себя знать панам. Принципом его было казнить всех без различия провинившихся, т.е. выдвигать государственную власть. Недостаток программы поставил Хмельницкого на лож-

ный путь. В это время умер Владислав IV. Вместо того, чтобы добивать поляков, Хмельницкий стал поддерживать кандидатуру на престол Яна Казимира и вошел с ним в переговоры. Он требовал от короля, чтобы православных не притесняли, чтобы были изгнаны иезуиты и жиды, чтобы православный митрополит заседал в Сенате, чтобы гетман казацкий зависел только от короля. На эти требования Хмельницкий получил отказ, и снова началась война. Под Зборовом поляки были стеснены и сам король чуть не был взят в плен. Но вследствие того, что поляки подкупили татар, казаки чудом удержались, и Хмельницкий счел за лучшее вступить в договор с поляками в 1649 г. По этому договору (Зборовскому) реестровых казаков полагалось 40 тысяч; им для жительства отводилась особая местность (нынешние губернии – Киевская, Черниговская, Полтавская и Подольская);

Киевскому митрополиту дозволялось заседать в польском сенате. Обещано, что польские войска не будут входить в землю, отведенную казакам; запрещено было селиться в ней жидам и иезуитам. Но ограничение казацкого сословия 40-тысячным числом не могло никого удовлетворить, и потому война продолжалась и после Зборовского мира. В 1651 г. казаки потерпели поражение при Берестечье и принуждены были заключить еще более для себя невыгодный договор – Белоцерковский, по которому реестровых казаков полагалось уже только 20 тысяч. Тогда в народе распространилось неудовольствие на Хмельницкого; народ стал разочаровываться в нем и устремился массами на восточную сторону Днепра, в Россию, вопреки задержкам со стороны казаков и поляков. Началась, таким образом, сильная тяга в сторону России. Тогда же получили силу стремления лучших юго-западных людей к соединению с Москвою (например, Иова Борецкого), и сам Хмельницкий, увлеченный общенародным движением, начал думать о том же, а затем пошел за этим народным направлением, и с этого момента начинаются его славные дела, он становится замечательным русским деятелем.

Еще в 1648 г. Богдан Хмельницкий обращался к Москве, но осторожно, дипломатически; теперь он решился заговорить с московским правительством другим образом и даже грозил, что предастся со всем казачеством хану или султану, если Москва не примет его подданства. В Москве, где понимали, каких напряжений потребует это дело, решили созвать земский собор; на этом соборе (1653 г.)

решили принять в подданство Малороссию и воевать с Польшей. Были посланы депутаты в Малороссию с Бутурлиным во главе. 31 декабря 1653 г. депутаты прибыли в южный Переяславль, а в январе 1654 г. совершилось торжественное присоединение Малороссии к России на Переяславской раде. Тут, собственно, было два акта. После тайного предварительного совещания гетмана с полковниками Хмельницкий предложил на площади народному собранию вопрос, кому отдаться в подданство – польскому ли королю, крымскому хану, турецкому султану или московскому царю? И последовал всенародный ответ: «Волим под царя восточного, православного, крепкою рукою в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику Христову поганому достатись». После этого переяславский полковник, «ходячи кругом в майдане», на все стороны спрашивал голосно: вси ли тако сопозволяете? Рекли: весь народ, вси единодушно. Потом гетман рек великим голосом: буди тако, да Господь Бог нас укрепит под его царскою крепкою рукою». Народ единогласно возопил в ответ: «Боже утверди, Боже укрепи, чтобы есми во веки вси едино были»!

Второй акт состоял в присяге чинов малороссийского казачества и народа. При этом возник любопытный вопрос о присяге московских бояр за царя и об утверждении этою присягою прав малороссийского народа. Казаки требовали, чтобы русский царь дал присягу в том, что будут сохранены все права Малороссии. Здесь пришли в столкновение, с одной стороны, принцип русского самодержавия, не допускавший, чтобы царь давал присягу своим подданным на сохранение каких-то прав и польское ограничение власти, а с другой – польское понятие о личности и ее правах. Бояре с твердостью оберегали принципы самодержавия: они отказались присягать за царя и ограничились одними только заверениями о сохранении прав Малороссии, о чем они, казаки, должны просить царя. Народ отказывался, в свою очередь, присягать царю без предварительного ограничения прав его над ним. В чем же заключались малороссийские права, какое отношение они имели к основному благу малороссийского народа и московским порядкам? Сущность этих прав высказал сам Хмельницкий: «Кто был шляхтич, или казак, или мещанин, и какие маетности у себя имел, тому бы всему быть по-прежнему». Здесь умолчано о положении простого народа. Но это разъяснено в одном пункте просительных статей, отправленных в Москву: «Кто казак, то

будет вольность казацкую иметь, а кто пашенный крестьянин, тот будет должность обыкшую его царскому величеству отдавать, как и прежде сего». Это было утверждено. Было дозволено занимать земли, строить избы, исполнять государственную службу, но кабаков сказано было не заводить, в зернь не играть, табак не разводить и не пропивать царского жалованья. Ничего не говорилось о каком-нибудь поместном праве, значит, Москва ничьих прав не поработала, крепостного права не налагала. Хмельницкий объяснил, что он сам разберется, кто был пашенный крестьянин и т.д. Понятно, почему на Переяславской раде казаки заговорили, чтобы не было крепостного права. Вопрос о крепостном праве на Раде не был решен, но всякий дальновидный мог видеть, что Малороссия постепенно войдет в строй восточной России, где было крепостное право. Вообще условия, на которых Малороссия была присоединена к России, гарантировали ей по Костомарову: а) целостность южной России по обеим сторонам Днепра, б) собственное управление, независимое от царских чиновников; в) свободное избрание гетмана; г) право собственного законодательства и судопроизводства; д) право принятия послов и сношения с иностранными государствами, с тем ограничением, чтобы послов, пришедших с замыслами против России, задерживать и предоставлять в Москву; е) сохранение муниципального правления городов; ж) неприкосновенность личных прав сословий — шляхты, духовенства, казаков, мещан, людей посполитых, з) неприкосновенность имуществ; и) умножение войска до 60 тысяч.

Оставалось одно затруднение со стороны духовенства: это отказ киевского митрополита Сильвестра Коссова и печерских монахов от присяги. Причиной было нежелание порвать связи с Константинопольским патриархом и перейти под власть патриарха Московского (вопрос иерархический — важный), но главное состояло в боязни порвать связи с православными областями, оставшимися под властью Польши. В истории это целая непочатая область исследования, как важно это соображение — не отрываться от русских областей, оставшихся под Польшей; мы видим, что впоследствии, когда этот разрыв усиливался, параллельно ему гибло и православие в западных российских областях. Наконец, тут было чисто практическое дело: имения Киевского митрополита были в областях, оставшихся под Польшей. Отсюда возникает вполне ясное объясне-

ние факта, обыкновенно криво толкуемого, что с присоединением восточной Малороссии к России начинаются надоедливые просьбы Киевского митрополита о жалованьи его деньгами, ризами, имениями.

Киевское духовенство так и принесло присягу на подданство. Этого недоразумения не вышло бы, если бы казаки сузили размеры своего дела и вели речь о присоединении к России всей Западной России в ее этнографических границах (впрочем, слабая мысль об этой широкой задаче как бы мелькала еще и при Переяславских договорах).

* * *

После всех этих дел, разумеется, восточная Россия должна была действовать более энергично на западе, а потому, как просили малороссы и как было постановлено на Соборе 1653 года, последовала война в 1654 г. с Польшей. Вопрос об этой войне и о том, насколько далеко простирались успехи русских, до сих пор не получил научной постановки и, думается, не будет иметь, пока не будут изданы акты этой войны, дела Московского посольского приказа и др. (в новейшее время некоторые документы этого времени изданы в «Чтениях Моск. Общества Истор.» и в книге Барсукова «Род князей Шереметьевых»).

Война началась летом 1654 г. Военные силы были распределены так: главная армия под начальством царя состояла из восточно-русских сил; другая армия – из казаков под начальством Хмельницкого. Впрочем, в этой последней были и русские, равно как и в первой – казаки под начальством Золоторенко. Перед войною издан был манифест к русским жителям Малороссии и Литвы, приглашавший их перейти в подданство Московскому царю. «И вы бы, православные христиане, (читаем в нем) осведившись от злых, в мире и благоденствии прочее житие провождали; и сколько вас Господь Бог на то доброе дело восставил, прежде нашего царского пришествия разделения с поляками сотворите, как верно, так и чином, хохлы, которые у вас на головах, постригите, и каждый против супостат Божьих да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государского пришествия известны и верны нам учиняются, о тех мы в войске заказ учинили крепкий, да сохранены будут их дома и досто-

яние от воинского разорения». Приглашение постричь хохлы, возбуждающие насмешки иных, объясняется тем, что польская стрижка могла быть опасна в том отношении, что трудно бы было разобрать поляка от русского Западной России. В манифесте ясно указывался главный мотив войны – чисто религиозный, имелась и прямая задача – восстановить господствующее положение православных (русских), как было в восточной Руси: «На поляков вооружаемся, дабы Господь Бог над всеми нами православными христианами умилился..., святая восточная церковь от гонения освободилась и греческими старыми законами украсилась». Целые группы городов переходили под власть России на восточной стороне Днепра. Смоленск один задержал поход. Но осада его, увенчавшаяся успехом, имела влияние на другие города, и особенно такое влияние усилилось после поражения под Шкловом (около Борисова) польского гетмана Радзивилла. Города Могилев, Гомель, Витебск, Дисна и Друя сдавались один за другим... 11 сентября последовала сдача Смоленска; местному воеводе Обуховичу дозволено было уехать в Литву, а прочим предложено или отправиться туда же, или перейти в подданство России. По удалению поляков и по изгнанию жидов русское господство здесь было восстановлено. Успеху русских более всего содействовали крестьяне, а также и горожане, которым нравилось более всего то, что из русских завоеваний были изгоняемы жидаы. После сдачи Смоленска царь уехал в Вязьму.

На следующее лето русское войско стало продвигаться далее, и к 29 августа 1655 г. в руках русских были уже Минск, Вильно, Ковно, Гродно. Царь вступил в Вильно и принял титул великого князя Литовского. Таким образом, русские дошли до этнографических границ русского племени. Между тем малороссы воевали на юге под начальством Хмельницкого и Бутурлина; но у них вышла задержка как результат прежней ошибки Хмельницкого, заключавшаяся в том, что он пригласил татар воевать против Польши: татары же в ходе войны передались на сторону Польши. Поляки, оправившись, неистовствовали под начальством Чарнецкого (личность даровитая). В Немирове, например, они вырезали множество жителей. В Бушеве – около 20 тысяч; тут жители сами убивали себя и жгли, чтобы только не сдаваться (рассказ о женщине и бочке пороху), некоторые скрывались в подземелье, но поляки пустили воду и затопили находившихся там. Из сказанного видно, что малороссы выказывали страшное

упорство, когда являлась мысль о возвращении их в Польшу. Но малороссы выказывали не одно упорство; они выдвигали из своей среды богатырей, обнаруживших великие таланты. Больше всего надоедал полякам винницкий полковник Богун. Богун оказывал иногда большие услуги и всему малороссийскому войску. Так, когда у Ахмазова войско под начальством Хмельницкого и Бутурлина попало в затруднение, Богун неожиданно тут явился и напал на неприятеля сзади; поляки обернулись, думая, что туда явились главные силы войска; Богун исчез, а войско освободилось от затруднения.

В половине лета Хмельницкий двинулся в пределы Галиции, осадил Львов; русское войско под начальством Выговского осаждало в это время Люблин, т.е. и с этой стороны русские подходили к самым западным этнографическим русским границам. Со стороны Гродно Урусов подходил к Бресту, и оба отряда были близки к соединению. Эти успехи русских, доведившие до последней гибели Польшу, сейчас же стали отражаться в пределах Турецкой империи, действуя на умы тамошних христиан. Приходили известия, что греки Бога молят, чтобы он совокупил всех христиан воедино, а потому только того и ожидают, когда государь через Дунай перейдет.

Таким образом, несмотря на человеческие слабости и на недостаточно ясное понимание дела Богданом Хмельницким, на изнурение восточнорусских сил после самозванческих смут, история выдвигает весьма широкие задачи, не спрашивая, есть ли у людей силы к их выполнению или нет.

Польша приходила к совершенной гибели... К довершению своих бедствий она подверглась еще нападению с севера, со стороны воинственного шведского короля Карла X, который завладел Познанью, взял саму Варшаву и Краков. Польский король Ян Казимир бежал в Силезию...

Но весьма скоро стали обнаруживаться и обстоятельства, благоприятные для Польши, и, прежде всего, из-за разлада между самими русскими. Еще в 1654 г. стало обнаруживаться разочарование в жителях, отдавших под власть России, и некоторые города стали отходить назад. Особенно шумна была измена Могилева, где ожесточенные жители вырезали весь русский гарнизон. Причиною этого были различные злоупотребления воевод и военных людей, которые забирали добро, а людей, отсылая в свои поместья, обращали в рабство, допускали жестокости и разврат. Сам Поклонский

(православный шляхтич), бывший главным двигателем присоединения к России, вдруг сделался ее сильнейшим врагом: «Мы в лучшей вольности прежде под ляхами жили, чем теперь живут наши; собственно мои глаза видели, как бездельно поступала Москва с честными женами и девицами... Золотые слова шляхте и городам на бумаге надавали, а на ноги шляхте и мещанам железные вольности наложили»⁷³. Злоупотребления воевод и военных людей, правда, строго преследовались, и ни одна жалоба, поступившая в приказ, находившийся при главной квартире Алексея Михайловича, не оставалась без рассмотрения. И будь на месте Алексея Михайловича человек с более решительным характером, возможно, дела пошли бы и лучше; но, впрочем, нужно сказать, что и сами по себе задачи, которые приходилось решать при ведении этой войны, были в высшей степени трудны и для какого бы то ни было государя. Нужно было, во-первых, установить этнографические границы русского государства на запад, а во-вторых, восстановить русскую, ополяченную народность, очистив ее от нерусских наслоений, для чего нужно было возвышать низшие слои в ущерб высшим. И вот для выполнения этих задач Алексей Михайлович давал благосклонные ответы на петиции духовенства и горожан, оставлял городам магдебургское право, изгонял жидов. В видах осуществления тех же целей Алексей Михайлович не вступал ни в какие компромиссы не только с католичеством, но даже с унией, так что униаты обращались даже к папе с просьбой о защите их. В актах постоянно говорится: «В местностях, перешедших под Россию, полякам не быть, жидам не быть, унии не быть»⁷⁴.

Таким образом, задачи были в высшей степени трудны. Между тем и обстоятельства, при которых приходилось решать их, были в высшей степени неблагоприятны для Алексея Михайловича, ибо даже самое завоевание, сделанное шведами в Польше, обратилось в пользу полякам. Поляки, чтобы возбудить русских против шведов, старались внушить Алексею Михайловичу мысль, что хотят после смерти бездетного Казимира его избрать на польский престол. А Алексей Михайлович был очень пристрастен к титулу Московско-Литовского государства, что особенно видно из того факта, что он как только взял Вильно, сейчас же принял титул Литовского князя, и Никон благословил его. Приняв в соображение это обещание поляков, а также опасаясь такого опасного соседа, каким, без

сомнения, был Карл X, Алексей Михайлович и обратил свое оружие против шведов.

* * *

В июле 1656 г. государь сам повел свои войска против Карла. Вступив в Ливонию и завоевав несколько городов, как, например, Динабург, Кокенгаузен, он осадил Ригу. Но осада была неудачной. Столь же неудачной была осада Орешка и Кексгольма; только Дерпт был занят московскими войсками после нескольких столкновений, сопровождавшихся переменным счастьем для той и другой стороны. В начале 1658 г. заключено было перемирие, а в конце 1659 г. в местечке Валиесар был подписан мир на 20 лет, причем Москва удержала свои завоевания – Дерпт и другие места. Но в 1661 г. Россия вынуждена была заключить новый, Кардиский мир, по которому царь уступил Швеции все ранее завоеванные города.

К такой уступке побудили Москву начавшиеся на юге, в Малороссии, смуты, которые вскоре заняли все внимание Алексея Михайловича. Богдану Хмельницкому очень не нравилось примирение Москвы с Польшею и предполагаемое вступление на польский престол русского царя. «Вторично молим, – писал он Алексею Михайловичу, – не предавайте православных на поругание ляхам». Уже одна мысль об избрании Алексея Михайловича в короли Польши волновала казаков, потому что предполагала соединение Малороссии с Польшей, что совершенно противоречило общенародному постановлению Рады в 1654 г. Чтобы предотвратить это соединение, Хмельницкий прямо вопреки обязательствам стал сноситься с иностранными государями, враждебными Москве, со шведами, крымским ханом и турками. Это необходимо вело к разладу. В июле 1657 г. Богдан умер, и смерть его послужила знаком к смуте. Еще при жизни Богдана казаки выбрали ему преемником юного сына его Юрия; но вскоре после кончины старого гетмана Выговский (поляк по происхождению) с помощью преданных себе людей так устроил дело, что он сам был избран гетманом до совершеннолетия Юрия. Но гетманом Выговский долго не был. Полтавский полковник Мартын Пушкарь и запорожцы не хотели иметь Выговского гетманом. Запорожский атаман Барабаш послал в Москву весть, что гетман и полковники изменяют, но что вся чернь хочет остаться

ся верною государю: «Мы, – говорили запорожские послы, – Выговского гетмана отнюдь не хотим и не верим ему ни в чем, потому что он не природный запорожский казак, а взят из польского войска на бою. Богдан Хмельницкий подарил ему жизнь и сделал его писарем, но он по своей природе войску никакого добра не хочет». Обнаружилось разделение на две стороны: сторону старшины, большею частью стоявших за Выговского и склонных к возвращению в подданство польское, обещавшее им больше воли и не ослаблявшее шляхетско-мещанско-казацкого строя, и сторону черни, которая жаловалась на притеснения старшин и была привержена к Москве, особенно на восточном берегу Днепра. «Мы все рады быть под государевою рукою, – говорил народ московскому послу, – да лихо наши старшие... только чернь, вся рада быть за государем». А в Лубнах даже хотели послать в Москву просьбу о присылке к ним воевод. Такое же настроение горожан видно из писем нежинского протопопа Максима Филимоновича в Москву.

Царь находился в самом затруднительном положении. С одной стороны, Выговский прислал в Москву своих людей жаловаться на Пушкаря, как на бунтовщика, а с другой – Пушкарь присылал сюда письма с обвинениями против Выговского, который, наконец, несмотря на царское запрещение воевать, пошел на Пушкаря, разбил и убил его. Избавившись, таким образом, от внутреннего врага и усилив себя союзом с крымским ханом, Выговский в сентябре 1658 г. заключил с Польшею договор в Гадяче, по которому Малороссия обращалась в самостоятельное княжество с гетманом во главе и чинами. Условились, что в польский сенат будет допускаться малороссийское духовенство, что уния в Малороссии будет уничтожена (поляки не были теперь скупы на обещания, лишь бы только приобрести себе Малороссию). Возникла даже мысль о восстановлении Киевского княжества, в основе проекта которого лежала мысль отделиться от Польши и России, но в сущности это был путь на разрыв с Россиею в культурном отношении, слияние с Польшей и пагуба народа... Народ понял, к чему все это клонится, и многие казаки тотчас же себя объявили за Москву.

Поддавшись польскому королю, Выговский не изменял, однако, явно Москве: он хотел продолжать политику обмана по отношению к ней и предлагал даже переписать всех казаков, но в Москве поняли

истинное положение дел. Русское правительство заговорило с ним, и это ускорило его измену.

Летом 1659 г. московский воевода князь Ромадановский, к которому присоединился и князь Трубецкой, пошел к Конотопу против поляков. Но гетман Выговский с помощью крымского хана разбил его⁷⁵. Трубецкой потерял при этом всю почти свою конницу, едва успел убежать с пехотою в Путивль. Но и Выговский недолго торжествовал. Едва только крымский хан вышел из Малороссии, как он увидел то, что своими антирусскими действиями настроил против себя всех казаков, а потому принужден был бежать. В эту пору выдвинулся Юрий Хмельницкий, сын знаменитого гетмана, который присягнул русскому царю и торжественно избран был в гетманы на Переяславльской раде. Здесь же, на Переяславльской раде, постановлено было, чтобы были воеводы в Нежине, Переяславле, Киеве, Умани и других городах. В это время чрезвычайно сказывалась идея независимости Малороссии (малороссы требовали, чтобы гетман непосредственно сносился с царем, имел право суда). Таким образом, русское дело восторжествовало; но и малороссийские смуты не окончились, а только начинались, потому что началась снова война Москвы с Польшей, которая, оправившись, выгнала шведов из своих пределов и, надеясь на смуты малороссийские, не хотела ни провозглашать Алексея Михайловича наследником польского престола, ни уступать Москве все ее недавние завоевания. Это вторая польская война далеко не была так удачна для Москвы, как первая. Наши войска стали терпеть поражение за поражением. В 1660 г. князь Хованский потерпел страшное поражение у Полонки от знаменитого польского воеводы Чарнецкого, который прославился освобождением своего отечества от шведов. На юге боярин Шереметьев положил с гетманом Хмельницким двинуться ко Львову двумя разными путями. Хмельницкий, окруженный на этом пути поляками и татарами, передался на сторону короля. Тогда все неприятельское войско сосредоточилось на Шереметьеве и в сентябре окружило его под Чудновом. Бывшие при нем казаки также передались неприятелю, и Шереметьев принужден был сдаться, после чего был отвезен в Крым, в неволю. Ужасом поражены были в Москве все после этих известий. Алексей Михайлович испугался и хотел даже выехать на север. Но ужас Москвы оказался излишним, благодаря безумству казаков, которые в решительную минуту по-

требовали от Алексея Михайловича жалованья, а татары были задержаны действиями донских казаков. Но главным образом Москва защищена была малороссийским народом, выразителем чаяний которого явился новый гетман на левой стороне Днепра Брюховецкий, избранный вместо Юрия Хмельницкого, постригшегося в монахи.

В 1661 году русские потерпели новые неудачи в Литве и Белоруссии: потерянными оказались Вильна, Гродно и Могилев. В ходе войны были выявлены многие подвиги их горожан. Два года отбивался от поляков осажденный Вильно под руководством выдающегося по храбрости мужа Данилы Мишецкого. В начале осады города у него было 2000 человек войска, затем – 200 и, наконец, 40 человек, с которыми он держался в крепости на высокой горе, которую взяли поляки только по причине измены одного из ее защитников. Сколько могли, держались и другие города. Войне не было видно конца... Тяжкие подати пали на весь народ; торговые люди на той и другой стороне истощились. В этой ситуации оба государства решили прекратить войну. В 1667 г. в деревне Андрусов Нашекин заключил с Польшей перемирие на 13 лет и 6 месяцев. Царь Алексей Михайлович отказался от Литвы, но приобрел Смоленск, Северскую землю и часть Малороссии по левой стороне Днепра; на правой его стороне Москва удерживала Киев только на два года. Ордин-Нашекин даже высказал мысль, за что, разумеется, получил замечание от Алексея Михайловича: «Да не отдать ли всю Малороссию и Белоруссию полякам?»⁷⁶ Белоруссия так и осталась безмолвною, безжизненною, задыхающейся в полонизме, унии, холопстве и жидовстве...

Весь XVII в. прошел в смутах, которые должны были заставить призадуматься и Польшу, и Россию; тут, в Западной России, люди жестоко страдали за исторический разрыв с восточной Россией и за неестественное соединение с Польшей. В ходе войны сильно пострадали Россия и Польша, Белоруссия и Малороссия, которая в западной половине своей обращена была в пустыню к радости и удовольствию татар и турок. Эти ужасы во многом объясняются простым историческим жалом русской земли – закрепощением крестьян.

* * *

Со вступлением в гетманы Брюховецкого русская партия в Малороссии усилилась; особенно тянулся к Москве простой народ. Это и понятно. Присоединение Малороссии было делом не одной какой-либо партии, делом не насилия, а результатом общенародным. Чтобы усилить еще больше это влияние, русские стали заменять ополяченную старшину своими воеводами, которые, кроме Киева, были поставлены и в других городах.

Вслед за этим московское правительство стало давать нобилизации казачеству, поддерживающему его: гетман Брюховецкий пожалован был саном боярина, а его полковники – дворянами. Казалось бы, что благодаря этому должно было произойти большее сближение России с Малороссией, а вышло все наоборот. Малороссия по-прежнему страдала, а воеводы, возводимые в чины, продолжали чинить неправды; народом, который к тому же стал постепенно закрепощаться (закрепощение отчасти и было результатом нобилизации), стало овладевать отчаяние. Народ стал разочаровываться и в России, и в Польше... При таких обстоятельствах кое-где стали раздаваться голоса: «Да не лучше ли перейти в подданство Турции?». Выразителем такого выхода из сложного положения Малороссии был гетман западной стороны Дорошенко, вступивший в переговоры с турками и татарами. Последними он и был поставлен в гетманы. Влиянию Дорошенко неожиданно поддался и сам Брюховецкий, который в 1668 г. изменил России и пошел на соединение со сторонниками турецкой ориентации. Правда, у Гадяча казаки потребовали у него за это, чтобы он отказался от гетманского звания, но так как он на это не согласился, то был убит, а казаки его перешли к Дорошенко, ставшего в результате случившегося гетманом обеих сторон Днепра.

Измена Брюховецкого привела к новым смутам и бедствиям; кое-где они вызвали нападение казаков на великоруссов и их убийство. Но власть Москвы в Малороссии была все-таки сильна; явился

в 1669 г. на восточной половине Днепра новый поборник России, прежний друг Дорошенко, гетман Многогрешный. При нем даже учрежден был компанийский полк, который занимался прекращением бунтов. А общая опасность со стороны турок, к которым подался Дорошенко, заставила московское и польское правительства сблизиться между собою и заключить оборонный союз против неприятеля. В августе 1672 г. гроза, наконец, разразилась: Магомет IV, окончивший войну с венецианцами, устремился на Украину в то время, когда в Польше царствовала страшная смута между народами и вельможами, мешавшая быстрому и общему действию. Крымский хан и Дорошенко сразу же присоединились к султану, который взял Каменец, оплот Польши с юга; церкви христианские были обращены в мечети, улицы мостились образами... И только тогда народ узнал, что значит быть под властью турок: стал проклинать Дорошенко и устремился к Востоку. У Чигирина в 1674 г. русские столкнулись с турками и потеряли правый берег Днепра. Между тем, на левом берегу приверженцы Москвы вскоре выбрали своим гетманом Самойловича, который и стал действовать против турок. Сам Дорошенко, не бывший никогда глубоко врагом России, также перешел на сторону России и стал подлинной грозой для турок. Перемирие с Турцией было заключено при Федоре Алексеевиче (1681 г.), а вечный мир с Польшей – при Софье. Из-за малороссийской войны обострились внутренние дела в самой России.

* * *

Едва только война за Малороссию началась, как в 1654 г. в Москве и ее окрестностях появилось моровое поветрие. Вскоре оно стало распространяться по направлению к Нижнему Новгороду, Туле и Твери, а в 1655 г. проникло даже на театр военных действий. С особой силой болезнь свирепствовала в Москве. Люди, понимая, какому бедствию подвергались, и зная, сколь заразительно прикосновение к больным, забивали ворота и двери тех домов, где были больные. На улицах были выставлены караулы, чтобы не было опасного скопления между людьми. Затем они поняли, что зараза распростра-

няется через воздух, а потому во дворцах они стали закладывать кирпичами окна и замазывали их известью, чтоб не проходил ветер. Патриарх Никон, который отличался необычайной деятельностью во время этого страшного несчастья, придумал самый рациональный способ борьбы против поветрия: он приказал зажигать на улицах костры, чтобы дымом прогонять заразу. У Соловьева в X томе, у Костомарова в «Русской истории в биографиях» находятся многочисленные сведения о том, какие опустошения производило моровое поветрие. Вот несколько статистических сведений об этом. В Успенском соборе из многочисленного духовенства остались в живых только 1 священник и 1 дьякон. В Архангельском соборе никого не осталось. В трех дворцах, где были заколочены окна и двери, осталось живых 15 человек. В Чудовом монастыре умерло 182 монаха, в Вознесенском осталось 38, умерло 90; в Ивановском умерло 100, осталось 30. В Посольском приказе умерло 30 и осталось 30. На боярских дворах: у Бориса Морозова умерло 342 человека, осталось 15; у Романова умерло 352, осталось 134 человека; у Страшнева из всей дворни остался один только мальчик. В московской черной сотне умерло 173 человека, осталось в живых 32; в устюжской умерло 32, осталось 48. В Костроме умерло – 3047, в Нижнем – 1836, в Калуге посадских людей – 3666, в Переяславле – 2583, а осталось в живых 434 и т.д.

Это бедствие в то трудное время, когда нужно было посылать и новые подкрепления войску, и деньги на жалованье военным людям, было крайне изнурительным для России. Тогда-то и произошло как бы разобщение между центральными областями России и театром военных действий; самые письма к Алексею Михайловичу с войны «прожигались», т.е. окуривались дымом.

Ко всему этому, к разным волнениям и несчастьям от морового поветрия, дополнительно произошло еще новое волнение, начавшееся из-за денег. В России в то время ходили деньги серебряные: рубль, деньга и алтын (в старые времена употреблялись пулы, но они выходили уже из употребления). Деньги были новгородские и московские. Первые были из лучшего металла и ценились вдвое дороже. Новгородский рубль заключал в себе 200 московских денег, а по новгородскому московский – только 100 денег. Во время заграничной войны приходилось вывозить много денег, а так как в литовско-польском государстве деньги были весьма плохого достоинства, то

понятно, что московские серебряные деньги бойко шли в ход и там исчезали в карманах жидов. Ощущая недостаток в металлах, правительство пыталось чеканить монету меньшего размера и веса в сравнении с монетами иностранных государств. Когда и это мало помогло, то царь по совету окольничего Ртищева приказал чеканить медные копейки, которые должны были ходить в равной цене с серебряными (1655 г.). Сначала эта мера удалась: медная и серебряная монета ходили по равной цене, потому что обмен одной на другую совершался беспрепятственно; но вскоре открылось и зло. Люди ради наживы стали скупать серебряную монету и скрывать у себя; вследствие этого серебряная монета стала исчезать, а медная так упала в цене, что за один серебряный рубль стали давать 15 медных. Сюда же не замедлило присоединиться и большое количество поддельной монеты... Все это привело к страшному недовольству в народе. В Москве, где больше всего обращалось в употребление медных денег, началось волнение, которое в 1662 г. выразилось в весьма крупных формах: появилось объявление, в котором назывались изменниками Ртищев, тесть царя Милославский, заведовавший монетным двором, и торговый гость – Шорин. Они обвинялись в том, что самовольно выпускали деньги. Часть взволновавшегося народа двинулась в село Коломенское, где временно проживал царь, и тут опять повторилась история 1647 (или 1648) года. Царь в это время ехал в Москву и когда узнал, в чем дело, то пообещал сделать розыск. Когда толпа выразила недоверие к словам царя, последний ударил по рукам с одним из бунтовщиков! Но эти идиллические отношения между царем и народом были уже неуместны и окончились они усмирением бунта с помощью оружия, тем более, что бунтовщики стали уже много себе позволять. Они схватили 15-летнего сына Шорина и побоями заставили его показать, что отец его подделывает деньги и даже сносятся с Польшей. Алексей Михайлович, однако ж, выполнил свое обещание народу, он действительно произвел розыск, даже более того, он уже в следующем 1663 г. приказал изъять из употребления медную монету; но такое решение нелегко было привести в исполнение, потому что деньги были рассеяны на громадном пространстве, и сделать это без имущественных потерь частных лиц нельзя было. Неудовольствие, естественно, продолжалось...

В царствование Алексея Михайловича вообще богатое внутренними волнениями и внешними войнами государство в особенности потрясено было возмущением и беспорядками, которые произвел в пределах его Стенька Разин.

В то время продолжалось закрепощение крестьян со стороны верхнего сословия. Но народ, не теряя памяти о прежнем своем свободном состоянии, желал выбиться из теперешнего своего положения. Бедствия физические и войны заставляли его еще сильнее чувствовать свою неволю. Бегство народа в Малороссию от этого еще более расширилось, но оттуда стали выдавать беглецов по требованию московского правительства. Поэтому беглые направлялись к Дону, к черкасским казакам, и стали селиться там, но только выше их, так как и черкасские казаки, получая жалованье от правительства, должны были выдавать беглых, будучи охранителями государственных интересов. Старые пути для разгула и казацкой наживы, а именно походы на татар были пресечены. Азов был взят, укреплен, и казаки поэтому должны были вступать в мирные сношения с азовскими татарами в видах получения доступа к морю для рыбной ловли. Между тем, число беглецов на Дон все увеличивалось и увеличивалось. Все эти люди, в высшей степени недовольные существовавшими порядками на Руси, ждали только достойных предводителей, чтобы собраться вокруг них для разбоя и для войны с московским правительством. Предводители не замедлили появиться сначала в лице Васьки Уса, который с шайкой стал волновать (1660 г.) крестьян в Воронежской и Тульской областях, а затем – в лице Стеньки Разина. Это была ужасная личность, страшная натура, которая представляла собою чудовищное сочетание как дарований чисто русских, так равным образом и сочетание всех дурных качеств. Это создание, которое пролитие крови считало делом самым простым и обыкновенным... Разин не признавал никаких нравственных обязательств. Когда он разгромил персов, он посылал послов для переговоров с ними и в то же время, когда он разбил персидский отряд, то и своих же послов тоже казнил. Когда он был на Яике и на Волге, он объявлял людям, чтобы всякий, кто хочет, может оставаться с ним, а если кто не хочет, то пусть уходит, куда хочет. И когда некоторые казаки захотели уйти от него в Астрахань, то он

тотчас же приказал их истребить. К самой религии он относился отрицательно: разошелся с церковью и ее обрядами, даже глумился над таинствами (развелся со своей женой). Этот-то человек и стал во главе движения народа против высших классов. Маловероятно показание, что Стенька Разин был лично оскорблен воеводою малороссийских войск Долгоруким, который будто бы одного брата Разина казнил, а другого, Стефана, за самовольную отлучку из войска наказал. Это, судя по всему, не более как подражание сказанию о Хмельницком. Когда подготавливалось движение Васьки Уса, Разин занимался совершенно противоположным делом, ходил на богомолье в Соловецкий монастырь; и ходил он туда не с благочестивою целью.... Он должен был пройти через Москву, далее через все русское государство, чтобы и во время этого путешествия как можно больше узнать, и он действительно узнал, что простой народ сильно озлоблен против бояр. С этого времени и начинается его широкая деятельность.

Явившись на Дон и собравши вокруг себя шайку, Разин сначала решил достать себе деньги и оружие грабежами в пределах татарских, а потом уже напасть на города, принадлежавшие Москве. Для этой цели он вступил в переговоры с калмыками; но черкасские казаки, бывшие в мире с татарами, не пропустили его. В 1667 г. Разин снова хотел идти с шайкой на Крым, но его опять не пропустили. Тогда он пошел по Дону и остановился в Паншенском городке, близ Царицына, где прежде неистовствовал Ус и где сам уже стал производить разбой по Волге. В своих действиях он как бы принял на себя роль мстителя за народ боярам и главным образом торговым гостям, которые содействовали выпуску фальшивых монет. Прежде всего он нападает на проходивший в это время по Волге караван хлебных судов Шорина, в числе которых были и казенные суда. Разин переманил на свою сторону всех людей, бывших в караване, и объявил им свою программу: бить богатых и делиться всем с бедными. Затем он отправился вниз по Волге, спустился к Яику, взял обманом здешний город и засел в нем на зиму. Царские отряды, высланные против него, были разбиты. В 1668 г. слух о его удачных делах распространился по всей России, и к нему стали стекаться отовсюду вольные дружины. Весною 1669 г. Разин вышел в Каспийское море, грабил все суда, шедшие из Персии в Астрахань, приставал к персидским берегам, опустошал села и города и даже разбил

персидский флот. В конце лета 1669 года Разин возвратился в устье Волги с огромной добычей. К нему навстречу выплыл из Астрахани отряд царского войска; но вместо битвы воевода послал сказать Разину, что царь простит его, если казаки отдадут пушки, взятые из царских судов и городов, а также служилых людей, пленных персян и пр. Боясь бед и видя слабость своих сил, Разин решился примириться с правительством, удовлетворив его выдачею пушек и другой награбленной добычи, с тем, чтобы ему простили прежние разбои и дозволили удалиться на Дон. Разин добился своей цели, он не был задержан в Астрахани (что было великой ошибкой со стороны воеводы) и отпущен на Дон. Но уже на пути он сбросил с себя прежнюю личину, стал буйствовать, а когда явился на Дон, то со всех сторон к нему стали собираться голутвенные (бездомные) люди. Разин утвердился в Кагальнике, где беспрерывно продолжались казацкие кутежи: его окружение поражало людей своими богатствами. Но оставаться долго в Кагальнике нельзя было. И вот в 1670 г. Разин пошел с войском вверх по Дону, где уже ясно стал высказывать программу своих дальнейших действий: бороться с боярами и освободить народ. Его пропаганда распространяется вверх по Волге до Нижнего и вниз до Астрахани. В апреле того же года он берет Царицын, Астрахань, Самару и Саратов. Русское правительство было постановлено в безвыходное положение: все шло к Разину. В сентябре подошел он под Симбирск, под которым на целый месяц был задержан воеводою Иваном Милославским, а между тем успел подойти к Симбирску и князь Юрий Барятинский с царским войском (из Казани) и расположился в Тютюшах. Барятинский держал Разина в постоянном страхе, а Милославский давал ему отпор из города. Наконец, Юрий Барятинский разбил наголову Разина, который после того, бросив своих союзников, постыдно бежал на Дон. Здесь он хотел было поднять казаков, но не успел. Атаман Корниил Яковлев схватил Разина и отослал его в Москву, где его и казнили 6 июня 1671 г.

Это счастливое дело, к сожалению, не было еще концом смут, начатых Разиным. Смута разлилась на огромное пространство России – по нижнему течению Волги до Симбирска, до Нижнего Новгорода; затем по обоим берегам реки Оки, захватила угол между Окою и Волгою; особенно сильна была она в Пензенской области; сильна она была и на западной стороне Оки – в местах прежней деятельно-

сти Уса; и Астрахань, наконец, была в руках мятежников. Против всех этих волнений из всех воевод, отправившихся усмирять их, более всех успешно действовал князь Барятинский.

Все это время Россия находилась в ужасном положении. Это состояние России и объясняет нам, почему правительство поспешило заключить мир с поляками, а такой мужественный человек, как Ордин-Нашекин, готов был даже отдать назад Польшу всех казачков...

К удивлению нашему, во время всех этих волнений были и другие волнения, захватывающие внутренний строй государственной жизни. В это время затрагивался вопрос об отношении патриарха к государю; колебалось значение православия в России; решался вопрос внутри самой России киевскими учеными: лучшая ли вера православная? Решался вопрос о просвещении. Множество людей стояло за тот строй, который был во дворце в умах бояр, в народе; другая часть шла вперед, брала идеи со вне и добивалась их торжества. Великая правда была на стороне тех, которые отстаивали существующий порядок вещей, держались консервативного направления, потому что они сохраняли свою самобытность, свое историческое существование. Много было правды и на стороне людей, желавших движения России вперед.

Прежде всего, стал великий вопрос об отношении патриарха к царю. Этот вопрос вызвал Никон. Смутное время дало великое значение патриарху. Идеал Филиппа II – быть учителем царя – получил сейчас такое изменение, что патриарх становился как бы выше царя. Теперь подобный идеал задумал воскресить Никон, человек, не имевший такой близости к царю, как Филипп, и не обладавший такой властью, какую имел Гермоген, и, наконец, человек, вышедший не из интеллигентных, а из низших слоев, а потому способный на крайние дела. Он основал всю свою силу на дружбе с царем и еще до вступления на патриарший престол перенес в Москву мощи Филиппа, чем осудил царя Алексея Михайловича на покаяние за поступки его предка: вступив на патриарший престол, он явился при царе как соправитель и господин, который тотчас же подобно Филиппу налег на бояр. И хотя это явление было не ново, однако столь огромное расширение патриаршей власти, какой не было на востоке, должно было вызвать известное последствие, сопровождавшееся соборами 1667 года (и

даже Вселенским собором), в которых принимали участие и восточные патриархи.

* * *

Еще в царствование Михаила Федоровича в стране чувствовалась потребность в научных знаниях, а посему и в сближении с иностранцами, которые могли принести в Россию науки и искусства свои. Патриарх Филарет понимал значение западной, т.н. ремесленной цивилизации для государственных нужд России, щедро заимствуя у Европы их новейшие изобретения, но, вместе с тем, он разделял предубеждение большинства русских против всего иноземного и яснее всего высказал это в сделанном им постановлении о том, чтобы иноверцы, даже латиняне, были перекрещиваемы при переходе в православие. При этом он считал, что иноверие не мешает иноземцу служить России в области материальных интересов, но должно закрывать перед ними путь к влиянию на души русских людей. Между тем в царствование Алексея Михайловича эта потребность в образовании чувствовалась все сильнее и сильнее. Постоянно, когда заходила речь о просвещении, тотчас же возникал вопрос: в какой форме брать это просвещение? Западная Русь до основания Киевской академии выработала прекрасную форму приемлемого образования. Эта форма, сложившаяся из двух элементов церковно-славянского и греческого, давалась в братствах Львовском, Луцком, Виленском и других и была сродни русскому народу. Но с 30-х годов XVII в. это образование стало подвергаться переменам; сюда стал врываться не сродный братским школам элемент латинский. Известный основатель Киевской академии Петр Могила, русский по духу и молдаванин по происхождению, будучи непоколебимым в православии, был весьма шаток в принципах образования, в результате чего он пришел к убеждению, что для успешной борьбы с латинянами нужна схоластика. Для этой цели русские ученики им стали посылаться в иезуитские школы, где они изучали латинский, польский и другие языки; греческий язык хотя и не устранился, однако не был главным. Ненормальность такого направления образования, во всей своей силе утвердившегося в основанной Моголою Киевской академии, скоро принесла свои чуткие плоды: русские люди стали писать богословские сочинения не только на латинском, но и на польском языке. С этим-то образованием и

переходили западнорусские ученые в Россию. Но переходили и представители братского образования. Представителем этого последнего были Антоний Сазоновский, Епифаний Славинецкий, занявшийся пересмотром Острожской библии и принимавший участие в никоновском исправлении книг, и другие. Представителем же первого могилянского образования был Симеон Полоцкий, которому государь поручил воспитание своих сыновей. Русские люди неодинаково отнеслись к этим двум формам образования; более сродным показался им тип братской школы, дававший образование в греческом духе. Поэтому, когда некоторые из западноруссов обнаружили в новом образовании польские и латинские тенденции, сейчас же возник вопрос о призыве греческих ученых⁷⁷.

Все это вызывалось настоящими нуждами русской жизни, показывало трезвый взгляд на вещи, и мудрено доказать, что тогдашнее просветительное движение в России было дурно и не принесло бы богатых плодов, если бы России представлена была возможность идти этим естественным путем, т.е. объединять свои просветительные начала (западнорусские и греческие) и вырабатывать из них свою народную культуру. Тот факт, что на этом пути много было хорошего и прочного, лучше всего доказывает история XVII в., в течение которого буквально мы глотали западноевропейские заимствования.

Но к истинному несчастью России, рядом с этим просветительным направлением развивалось в ней и другое – чисто западноевропейское. Больше и больше оказывалось в России иноземцев, и они больше и больше прибывались из области ремесленной западноевропейской культуры в область духовной, просветительной, т.е. больше и больше вносили в Россию национальные западноевропейские типы, благодаря чему и делали завоевания в душе русского человека. Причинами этого обстоятельства было то, что теперь легче было найти западных учителей, а, с другой стороны, они отвечали практическим нуждам – были пригодны для сношений с западными государствами.

Живя в стране, столь отличной от Западной Европы и столь дурно настроенной против иноземцев, эти иноземцы, эти учителя не могли рассчитывать на прочные связи с русским обществом и всеми силами держались русского правительства и старались приобретать себе покровителей в сильных лицах. Так, известный Морозов был

покровителем иноземцев. По этому пути еще дальше пошел Ордин-Нащекин, сын которого так пленился западноевропейскою жизнью, что даже бежал за границу. Атаман Матвеев же и Василий Голицын устроили у себя даже новую домашнюю обстановку, заводили обычаи западноевропейские. Влияние этих людей еще более увеличилось, когда Алексей Михайлович женился на Наталье Кирилловне – воспитаннице Матвеева. С этого времени при дворе завелись не только мистерии, но и театральные представления. Одним словом, произошло объединение западноевропейского и русского. Были люди, которые всеми силами стремились к этому объединению. Таков, например, был Юрий Крижанич, латинский ксендз, прибывший из Хорватии, который проповедовал о гражданском единении славян между собою, не придавая большого значения церковному разделению⁷⁸. Из русских же людей, стремившихся к объединению западноевропейского и русского, были бояре: Нащекин и Ртищев. Последний устроил подле Москвы монастырь (теперь Андреевская богадельня), где из малороссийских монахов образовал ученое общество с училищем. В этом монастыре он проводил даже целые ночи в беседах с учеными монахами, и никто не мог сказать о нем, что это не чисто русский человек. Таких, впрочем, людей было немного...

Рядом с ними выдвигались люди практические, старавшиеся развить техническое искусство в России и завести постоянное войско. После смутного времени ошибочно понятая нужда в наемном иноземном войске усилила московскую немецкую колонию, и когда предприятие нанимать иноземные отряды оказалось неудачным, когда иноземцы не помогли взять Смоленск, но и позорно изменили, то взялись с особенною заботою за дело, начатое еще в первые годы после смутного времени, чтобы иноземцы устроили у нас постоянное войско при русских. Явились таким образом солдатские полки, т.е. то же, что и стрельцы, только не для столичной и вообще внутренней гарнизонной службы, а главным образом для пограничной – у шведской границы; явились драгунские полки для южной Украины, т.е. то же, что и казаки, но более организованные, и, наконец, рейтары, т.е. просто конные полки на денежном жалованьи от правительства и с казенным оружием. Немецкая колония в Москве получила не только значение сборного пункта мастеров всякого рода, аптека-

рей и лекарей, но и посредника военных инструкторов с властью начальников над значительным числом русских людей.

Для войска нужно было оружие и порох. В Новгороде изстари возделывались пушки. Теперь, при Алексее Михайловиче, устроены были заводы, как, напр., Тульские, управлять которыми назначен был Марсенс – иноземец. Было далее сознание в русских, что нужно пользоваться и морскими силами, каковое и вызвало попытку устроить флот в Курляндском герцогстве. Но эта попытка была неудачна⁷⁹.

В те времена стали заботиться и об организации торговых дел, так как русские люди поняли, что торговое дело составляет один из важнейших источников для государственной казны. Составлен был торговый устав, где определялись пошлины и явилась даже мысль устроить особый Торговый приказ. Само собою разумеется, что когда для удовлетворения разных практических потребностей приходилось предпринимать преобразования, то не могло не быть их расширения и в умственной области.

* * *

С давних пор на Руси установилось такое обыкновение, что когда русскому человеку трудно бывает жить на известном месте внутри России, то он направляется на окраины ее – на север и северо-восток и заселяет там тундры и болота. Так было до татарского нашествия, благодаря которому собственно и образовалась Суздальская область, так было и после, во времена Иоанна IV, когда были неудачи на западе, но Ермак покорил Сибирь. Так было и в рассматриваемое время – при Алексее Михайловиче. В это время, когда неудачи следовали на западе одна за другою, русские показали чудеса храбрости в Сибири, т.е. на отдаленном севере и востоке. В этом направлении было совершено много дел невероятных и совершено со скромностью, свойственной русскому человеку.

Чтобы убедиться в этом, стоит только обратить внимание на подвиги некоего Семена Дежнева. Эти подвиги его состояли в следующем. В 1648 г. служилый человек Семен Дежнев отправился по морю из устья Калымы отыскивать новые земли неясчных людей (не обложенных податями). Он отправился около праздника Покрова. Долго его, по его рассказу, носило по морю (вероятно, Ледовитому океану) и выкинуло, наконец, немного севернее Камчатки, на бе-

рег реки Анадырь. Он, стало быть, обогнул край Сибири. Вот кому принадлежит слава Беринга. Насколько трудно было это путешествие, можно судить из описания самого Дежнева. Отправившись в экспедицию в сопровождении 25 человек, он странствовал целых 10 недель с места отправления до Анадыря. «Было нас, – говорил он, – 25 человек, и пошли мы в горы, не зная пути, голодные, босые, нагие; попали зимою в низовье Анадыря; хотели достать рыбы, но не могли, так как река замерзла. Мы разбредлись. Нас осталось 12 человек, и пошли мы вверх». Дальше он описывает, как они встречались с другими искателями земли неясными, с которыми вступали, как люди, преследовавшие одну цель, в ссоры. Все это доказывает умение русского человека не затеряться при самых трудных обстоятельствах.

Несомненно, труден был подвиг, совершенный служилым человеком Поярковым. Когда русские люди поселились в Якутске, то вскоре почувствовали недостаток в хлебе (Якутск – на тундрах, на ледяной почве). Ввиду этого они разведывали, в какой стране избыток его. Как-то узнали, что на Шилке есть пахотная земля и что там находится руда серебряная и железная. «Еще при царе Михаиле Феодоровиче начались носиться слухи, – говорит Соловьев, – что на Шилке сидит много пахотных людей и на реке Угре живет князек, у которого две серебряные руды – одна – в горах, другая – в воде». Доверяя вполне этим вестям, якутский воевода Головин отправил туда служилого человека Пояркова со 133-мя человеками. Плывая от Якутска в Жилку вверх по Лене, Поярков прибыл к Алдану, потом через горный хребет – к реке Зие, притоку Амура. От устья Зии он отправился по Амуру и, представляя, что это и есть Шилка, добрался до самого устья реки, где и зимовал. Во все время своего путешествия он старался рассмотреть все важное для обитателей Якутска и, по прибытии обратно⁸⁰, сообщил им, что на Шилке есть много «пахотных», хлебных людей, которых можно привести под царскую руку. Поярков привез с собою ясак, но потерял 80 человек, из которых 25 было убито, а остальные умерли от голода. Этот необыкновенный человек, совершивший удивительное дело, прошедший такое громадное пространство пустыни, был ужасным человеком. На него жаловались, когда он вернулся в Якутск, что он бил напрасно служилых людей, грабил их и заставлял есть мертвых иноземцев. Иных он сам бил до смерти, приговаривая: «Не дорого ты стоишь...» и т.п.

Подобные путешествия предпринимал и старый искатель новых земель – Хабаров. Он собрал необходимые сведения, организовал отряд из бывалых людей и пошел по пути Пояркова, пробрался на Амур и устроил там города – Албазин и Комарский. Отсюда он предпринял походы по Амуру, заставляя окрестных жителей платить дань; но здесь однажды встретился с китайским отрядом, состоявшем из 10 – 15 тыс. человек. Русские энергично выдерживали нападения этого многочисленного отряда и одержали над ним полную победу (это было в 40 – 50-х годах). Русские после этого утвердились в Иркутске. Предвидя, однако, дурной оборот дела, русское правительство недолго находилось в отношении к китайцам в качестве покорителя, а позаботилось о мире с ними. В 1654 г. в Пекин был послан Байков. Но это посольство кончилось неудачно: Байков возвратился ни с чем, так как его не допустили к богдыхану, а он не хотел отдать государственные грамоты мандаринам. Подобную неудачу потерпел и грек Спафарий, ездивший в Китай в 1675 г. Только в 1687 г. Головину удалось заключить с китайцами договор, невыгодный для России, так как по нему берега Амура, завоеванные шайкою казацких удальцов, и крепость Албазин снова отошли к китайцам.

Ввиду того, что Сибирь постоянно и все больше и больше населялась русскими, во 2-й половине XVIII в. последовала попытка сделать карту и описание Сибири. Попытка эта, довольно удачная, принадлежит Ремезову – служилому человеку, боярскому сыну. Им составлен был атлас Сибири, который и ныне составляет гордость России.

* * *

На кратковременное царствование Федора Алексеевича обыкновенно смотрят как на преддверие к преобразованиям Петра, но таким же преддверием мы можем считать и царствование Алексея Михайловича. У Замысловского («Журн. Мин. Нар. Просв.» и «Царствование Феодора Алексеевича») проводится взгляд, что в это время было сильно польское влияние, но гораздо справедливее считать это влияние не столько польским, сколько западнорусским, перенесенным киевскими учеными в Москву.

29-го января 1676 г. неожиданно для всех скончался Алексей Михайлович на 47 году, оставив от первой жены своей Марьи Ильинишны Милославской двух сыновей – Федора и Ивана и пять дочерей, а от второй, Натальи Кирилловны – сына Петра и двух дочерей.

На престоле оказался 14-15-летний Федор Алексеевич, больной к тому же ногами. Являлся вопрос: кому выпадет доверенностью юного царя – Милославским или Нарышкиным. Так как Федор Алексеевич происходил из первого рода, то можно было уже предвидеть заранее, кто возьмет верх. Так действительно и случилось.

При Алексее Михайловиче в последнее время было очень много женщин при дворце⁸¹: сестры Алексея Михайловича – Анна и Татьяна (покровительница Никона) и шесть его дочерей, из которых особенно выделялась по уму и энергии Софья. Женщины эти со времени второй женитьбы Алексея Михайловича занимали тяжелое положение при царе, потому что приходилось признавать старшинство Натальи Кирилловны, а иногда даже подчиняться ей. Поэтому, как только умер Алексей Михайлович, они первые и подняли головы, стараясь отменить все, им мешающее. Прежде всего, конечно, добрались до Нарышкиных, из которых брат Натальи Кирилловны – Иван был сослан в Рязанскую область; Матвеев же, бывший воспитатель Натальи Кирилловны, сделавшийся начальником посольского приказа в царствование Алексея Михайловича и получивший сан боярина, был обвинен в чернокнижии, в нерадении о царском здоровье и назначен воеводою в Верхотурье, но на пути был лишен имущества и чина, а потом сослан в Пустозерск. Верх берут, таким образом, Милославские, и между ними особенно выдвинулся Иван Милославский. Кроме того, получили значение при царе спальники – Языков, Лихачев, оба из низших слоев, а также Симеон Полоцкий, воспитатель Федора Алексеевича, а также ученик Симеона, увлекшийся польскою цивилизацией – известный Сильвестр Медведев. Влияние польской цивилизации было так велико, что Федор Алексеевич умел говорить по-польски, как это видно, между прочим, из свидетельства Черниговского архиепископа Лазаря Барановича, который, посвящая царевичам изданные им на польском языке книги, писал государю: «Знаю, что царевич Федор Алексеевич не только на нашем, природном, но и на польском языке читает книги...». Это латино-польское влияние еще более усилилось, когда Федор Алексеевич женился на польке из Смоленска – Грушицкой. Твердое положение среди лиц, окружавших престол, занимал также, например, Иоаким, человек, несомненно, русский.

Больной, вдумчивый юноша-царь хотя и не терпел решительных мер и сдержанно правил государством, однако и при этом государе предпринято было несколько таких мероприятий, в которых обнару-

жилося западнорусское и даже польское влияние. Прежде всего, к ним нужно отнести уничтожение местничества. Местничество выражалось в том, что каждый род берег свою честь, т.е. твердо помнил, какое положение занимал он в старину. Исходным пунктом для такого счета или, лучше сказать, главнейшим временем, когда происходил этот распорядок, это распределение государственных должностей по родам, который так ревностно оберегали бояре, было время Иоанна III. С этого именно времени и в Думе, и в посольстве, и даже на войне чины распределялись по родовому старшинству, и ни один член известного рода не мог согласиться занять место ниже того, какое принадлежало ему по положению рода, а не по делам служебным. Объявлялась война, например, и каждый воевода знал свое место. В случае несоблюдения этого обычая последние жаловались царю, что такому-то с таким-то «быть невместно». Справедливая жалоба удовлетворялась, а несправедливая оканчивалась иногда ссылкой в заточение, а большею частью тем, что провинившийся выдавался противнику головою, т.е. должен был отправиться к последнему в сопровождении дьяков, сойти с лошади перед домом противника. Сами московские государи поддерживали местничество в тех видах, чтобы воспользоваться разъединением, производимым среди бояр местническими счетами, для укрепления своей власти. Впрочем, для ослабления дезорганизации, производимой местническими счетами в делах важных, например, на войне, цари объявляли боярам «быть без мест» (не считаться местами, т.е. этот случай, когда достоинство рода не будет соблюдено, на будущее время не будет поставлено ему в бесчестие). Распоряжения «быть без мест» давались почти во все время царствования Грозного, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Наконец, последний и совсем его уничтожил. Нужно удивляться, почему оно не было уничтожено раньше. Русская знать вышла совершенно ослабленной из самозванческих смут, и в то же время поднимались низшие люди; учреждение постоянного войска также требовало, чтобы в военачальники назначались люди не по происхождению, а по способностям. В 1682 г. был созван земский собор, на котором были рассмотрены представления военных людей в указанном сейчас смысле. Патриарх Иоаким произнес речь, в которой разъяснил, что местничество есть «источник всякого зла». Тогда царь велел принести разрядные книги, по коим справлялись о местах, и предать их огню. Книги были тут же сожжены. Уничтожив разряды, Федор Алексеевич, впрочем, приказал составить родословные книги о предках знатных бояр

княжеского и не княжеского рода и двигателем этого дела назначил Василия Васильевича Голицына, человека, знакомого с западной цивилизацией, с латынью и иезуитами.

Военные преобразования повели к другим изменениям. Обращение постоянного войска затрагивало древний русский строй, по которому в военное время все были военными, а в мирное время каждый занимался своим делом. Московское государство развивалось как военное, поэтому не могло быть и речи о разделении сословий на военное и невоенное. Выделялось одно только дьяческое сословие, но и дьяки бывали на войне. Это слияние военных и гражданских дел имело ту выгоду, что каждый человек получал государственное воспитание, постепенно проходя различные должности и знакомясь с различными отраслями государственного управления. С учреждением постоянного войска возник, таким образом, вопрос о разделении военных и гражданских дел и проектировалось произвести такое разделение и в столице, и в областях. Возникла даже мысль разделить Россию в гражданском отношении на области с гражданскими и военными начальниками, а в церковном – на митрополии и епископии, с подчинением последних первым, а тех и других патриарху⁸². План это едва не был утвержден, но против него восстал патриарх Иоаким, указывая на вред, который мог произойти от такого дробления России на области. Проект так и остался проектом. Разделение России на военную и гражданскую не удалось, так что воеводы по-прежнему имели ту и другую власть, а губные старосты и выборные в областях им не подчинялись.

В это время осуществлялись преобразования, свидетельствовавшие о смягчении русских прав, так, уничтожено было отсечение членов, смертная казнь заменена ссылкой, предписано было ускорение суда, чтобы подсудимые менее времени содержались в тюрьме. Изменились и отношения подданных к государю. Крестьяне и торговые люди в прошениях к государю называли себя «сиротами», «холопами» и уменьшительными именами. То же делало и дружинное сословие, после того как оно было прикреплено к царю и наделено землей. С течением времени под западным влиянием в прошениях к царю встречались и такого рода обращения: «умилосердись, как Бог». Эти крайности были уничтожены: запрещено было употреблять унижительную форму в прошениях.

и между интеллигентными, и между простыми людьми, видим целый ряд умиротворяющих влияний, выходявших из массы и переходивших иногда в величественные подвиги простых людей. Это свидетельствует о том, как русский народ глубоко был предан царскому роду, как он теперь и впоследствии следил за лицами царского рода, даже малолетними и забытыми, и потому он ухватился за Елизавету Петровну как за единственную просветительницу русского царского рода.

Еще при жизни Федора Алексеевича русские люди ввиду болезненности его не могли не задуматься о будущем, о дальнейшей судьбе государства, о том, кто будет преемником ему на престол. Подле Федора Алексеевича были два его брата: Иоанн, крайне слабый в физическом и умственном отношении, и рядом с ним необыкновенный мальчик – Петр. Партия Петра была устранена, но никто не сомневался, что правителем будет Петр. Поэтому уже в конце жизни Федора стали делаться попытки со стороны царицы, а также Языкова и Лихачева к тому, чтобы сблизить Федора с Натальей Кирилловной и Петром. Это выразилось в том, что стали облегчать судьбу Матвеева, находившегося в ссылке, стали приближать его все более к Москве. Федор никогда не был гонителем Наталии Кирилловны и Петра, и теперь хотел даже загладить свою холодность к ней и сыну. У Соловьева в 13 т. (стр. 342) хорошо показано, как все желали видеть на престоле не болезненного Иоанна, а Петра, как здесь сказывались не личные интересы, а общегосударственные. Противились этому царевны и во главе их Софья с Голицыным, который в то время, хотя и не успел еще выдвинуться, но уже был в самых близких отношениях к ней. Но более энергичными противниками были Милославские (Иван), Хованский, стрелецкий полковник Циклер и др. Эти противники не желали избрания Петра потому, что с воцарением его, с господством партии Наталии Кирилловны, их положение стало бы хуже, чем было в последние годы жизни Алексея Михайловича.

В 1682 г., как было сказано, умер Федор Алексеевич. Естественно, возник вопрос: кому быть царем? Патриарх Иоаким предложил этот вопрос боярам, а те ответили, что это дело земского собора. Но патриарх не счел нужным почему-то воспользоваться этим благоразумным советом и вместо того, чтобы разослать грамоты с приглашением на собор, решил ограничиться людьми, ближайшими к Москве, а именно: он вышел на крыльцо и спросил собравшуюся толпу: «Кому из двух царевичей быть на престоле?» Раздались голо-

са за Иоанна, но большинство было за Петра. Таким образом, Москва избрала Петра, оказав ему предпочтение перед Иоанном, и отстранила ту партию, во главе которой стояла Софья. К несчастью, партия Петра, выдвинутая Москвою, поступила весьма неблагоразумно: Нарышкины сейчас заняли высшие должности и один из них – Иван Нарышкин – еще юноша был сделан боярином. К несчастью также, Матвеев, человек опытный и покладистый в своих отношениях к другим, не приехал в Москву и не успел забрать правления в свои руки. Это было на руку Софье.

* * *

Тогда же волновались стрельцы. Они недовольны были своими полковниками, которые в обращении с ними допускали себе произвол, обижали их жалованьем, угнетали работами. Софья воспользовалась недовольством их и посредством преданных ей людей склонила стрельцов на свою сторону; внушила им, что царевич Иоанн незаконно отстранен от престола, и возбудила, наконец, открытый бунт против Нарышкиных. Поводом к бунту был слух, будто партия Петра убила Иоанна. Для успокоения стрельцов, собравшихся к красному крыльцу, оба царевича были выведены на крыльцо. Стрельцы подставили к крыльцу лестницы и, взлезая на крыльцо, спрашивали Иоанна, что ему делают. Получив от Иоанна ответ, что ему ничего не делают, они стали успокаиваться, а когда их стал уговаривать Матвеев, то они и совсем успокоились. Но к несчастью, вслед за Матвеевым вышел начальник стрелецкого приказа Михаил Долгорукий, который после краткой речи Матвеева вдруг закричал на стрельцов и с угрозою велел им разойтись. Тогда расвирепевшие стрельцы, как дикие звери, кинулись на него и сбросили его с крыльца вниз, на копыя товарищей. За Долгоруким брошен был и Матвеев. Стрельцы после этого ворвались во дворец и стали расправляться с Нарышкиными. При этом разыгралась неприятная сцена: Иван Нарышкин спрятался в церкви, но когда стрельцы потребовали выдачи его, то Софья и некоторые из ее партии уговорили Наталью Кирилловну, чтобы она выдала Иоанна для спасения других членов царской семьи. Наталья Кирилловна со слезами вывела Иоанна к стрельцам, которые зверски умертвили его.

Прекратив мятеж, стрельцы по внушению Софьи подали челобитную, в которой требовали, чтобы царями поставлены были оба брата – Иоанн и Петр, а правление государством за малолетством

их было поручено царевне Софье. Дума боярская и выборные от разных городов согласились на это двоецарствие: Иоанн и Петр были объявлены царями, а Софья – правительницей. За всю эту «службу» стрельцы награждены были деньгами и званием «надворной пехоты». Расположение Софьи к стрельцам шло еще дальше: когда стрельцы, избившие многих бояр, пожелали, чтобы правительство торжественно признало их поступки служением отечеству, и попросили воздвигнуть на Красной площади столб в память усмирения бояр, то Софья согласилась и на это... Очевидно, Софья и ее партия были ослеплены страстью властолюбия и не видели, куда идут. Последствия этого не замедлили сказаться. Опираясь на стрельцов, вскоре выступили и другие слои общества – раскольники. Они выступили на защиту старой веры; их занимал вопрос, зачем уничтожены старые книги. Никитою Пустосвятом составлена была челобитная, в которой раскольники потребовали, чтобы была выслушана их челобитье и чтобы патриарх выступил с ними на прениях о вере. Они очень торопились этим, так как желали, чтобы предстоящее венчание государей происходило по старым книгам, а не по новым. Раскольническим движением заправлял новый стрелецкий начальник князь Хованский, заботившийся не столько о развитии раскола, сколько об увеличении своей власти. Произошли прения, но не на площади, а в Грановитой палате, и что особенно важно, на этом прении в первый раз открыто присутствовал женский царский персонал. Раскольники стали читать свою челобитную о старой вере, оскорбительную для царей Алексея и Федора. Тщетно Софья унимала их, особенно Никиту; наконец, плача от досады, она обратилась к выборным, стрелецким и сказала: «Что вы смотрите! Пригоже ли таким мужикам к нам с бунтом приходить? Нам здесь больше жить нельзя», и грозила, что уедет с царскою семьею из Москвы в другие города и расскажет русским людям о действиях стрельцов. Но это не отбило у Хованского охоты стоять во главе стрелецких движений... Волнения дошли до того, что стрельцы стали требовать избияния всех бояр...

В связи с этим обнаружилось очень опасное движение холопов. Стрельцы во время волнений освободили много преступников и разбили Судный и Холопский приказы. При дальнейших убийствах бояр последних всегда выдавали собственные холопы. Так, например, когда стрельцы убили Михаила Долгорукова и пришли к его отцу извиниться, то Юрий Долгоруков встретил их ласково и с миром отпус-

тил их. Но когда по уходе их он, утешая плачущую невесту, сказал ей: «Шуку-то убили, да зубы остались», то подслушавший холоп тотчас же донес стрельцам, которые возвратились и убили Юрия. 26 мая холопы потребовали уничтожения кабальных записей. Заслуживает внимания, что между стрельцами и холопами вскоре произошел разлад. Более благоразумные стрельцы увидели, что им самим придется усмирять холопов. На этот же разлад указывала распространявшаяся молва, что холопы пойдут убивать стрельцов. Правительство издало против холопов распоряжение, по которому те из них, которые во время смут перешли от одних бояр к другим, обязывались вернуться к своим господам, а те из них, которые были виновны в каком-нибудь преступлении, должны быть сосланы в Сибирь. Это движение произвело смуты и по областям, где также были стрельцы и где нужно было ожидать повторения самозванческих смут. Во главе всех этих движений стояли Хованские – отец и сын. С ними, прежде всего, и пришлось раздвигаться Софье. Софья решила привести в исполнение то, чем грозила стрельцам во время расколничьего возмущения: оставить Москву и поднять народ против стрельцов и детей боярских. Под видом богомолья она (18 августа) выехала из Коломны в Саввино-Сторожевский монастырь, откуда подъехала к Троицкому монастырю и остановилась (13 сентября) недалеко от него в селе Воздвиженском, разослав грамоты по городам и призывая служилых людей собраться для усмирения бунтующих стрельцов и Хованского. Хованский и стрельцы сильно озаботились такими движениями царского двора, ибо боялись земских людей со всей России. Дело дошло до того, что Хованский отказался прислать в Воздвиженское стрелянный полк, считавшийся самым верным между стрелецкими полками, и только после настойчивого требования его выслал. Между тем, правительство собирало сведения о замыслах Хованских, и оказалось, что они призывали холопов и другого чина людей и просили помочь им достигнуть царской власти, известить царский род, патриарха и бояр и Андрея Хованского женить на одной из царевен. Софья решила круто расправиться с Хованскими. Они были вызваны в Воздвиженское, где были схвачены и приговорены к смертной казни. Когда об этом узнали стрельцы, то завладели оружием в Москве и стали распоряжаться в ней по-своему. Софье нужно было принять меры, что и было сделано. Были посланы грамоты ко всем русским людям, призывавшие их тотчас и с поспешением явиться на защиту царей и отечества. Все это произ-

вело на стрельцов потрясающее впечатление. Они стали присылать слезные прошения о помиловании, говоря, что хотя они и взяли оружие, но ничего дурного не замышляют, да и оружие у них цело. Они просили даже разрушить столб, воздвигнутый им на Красной площади. Пощада была дана с условием не думать вперед ни о какой смуте, своеволии и дерзости.

Только после этого и когда начальником стрельцов был назначен Шакловитый, правительство стало возвращаться в Москву, не распуская, однако, земских сил. В этом противопоставлении земцев стрельцам было дано новое умиротворяющее влияние на Петра и его ближайших советников, а также и указание, как поступать в подобных случаях (мы увидим, что подобный случай был, и Петр последовал за Софьей, но не прибегая к этому умиротворяющему средству).

С 1683 г. правительство пришло в спокойное положение. Во главе его стояла Софья. Места для партии Петра не было, и Наталья Кирилловна с Петром переехала из дворца в Преображенское. Освободившись от внутренних волнений, правительство прежде всего занялось внешней политикой – умиротворением своих отношений к соседям, по крайней мере ближайшим – к полякам. Самым важным делом в этом отношении было заключение вечного союза с Польшей. Польский король Ян Собеский, несмотря на все свои подвиги, не мог с одними своими силами бороться против Турции, поэтому он обратился за помощью к Москве, предлагая последней соединиться против турок. Царевна приняла предложения короля только при условии вечного мира с Польшей, который должен был подтвердить статьи Андрусовского договора и упрочить за Москвою Киев. Поляки согласились на это тяжелое для них условие, и в Москве был заключен вечный мир (1686 г.). Говорят, что Собеский при этом заплакал⁸³.

С присоединением Киева к Москве Киевская митрополия подчинилась Московскому патриарху. По-видимому, Россия этим миром приобрела большие для себя выгоды, но из этого вышло и много зла. Западная часть Малороссии, уступленная поляками, убедилась из этого мирного договора, что Россия навсегда отказывается от нее, прерывает с нею связь, да и Киевский митрополит как иерарх отрывался от влияния на православных, живших в западной Малороссии.

Заклучение мира с Польшею обязывало Россию принять участие в турецкой войне вместе с Польшею, Австрией и Венецией. Положено было, что русские войска походом на Крым отвлекут хана от соединения с турками. Сто тысяч московского войска под начальством Василия Голицына и 50 тыс. малороссийских казаков с гетманом Самойловичем во главе выступили против крымцев (1687 г.). Благодаря степному пожару и бескормице на выжженных полях, Голицын без битвы должен был воротиться назад. Этою неудачею воспользовались малороссийские войсковые старшины, враждебные гетману Самойловичу, вооружившему против себя всех своею гордостью и корыстолюбием. Они подали донос Голицыну, что гетман враждебен московскому правительству, и потребовали, чтобы он был сменен. Софья исполнила их требование. Самойловича сослали в Сибирь, а на его место поставили в гетманы есаула Ивана Мазепу.

Весною 1689 г. Голицын предпринял второй поход в степи с таким же большим войском и с новым гетманом Мазепою. На этот раз степи были пройдены благополучно. Хан со всеми своими силами не смог помешать русским дойти до Перекопа; но не видя никакой выгоды во взятии этой крепости и возможности остаться здесь дольше по недостатку воды, Голицын открыл переговоры и вернулся в Москву, не получив ничего. Оба похода, таким образом, оказались неудачными. Но так как Голицын был любимцем Софьи, то его даже наградили, что и послужило, между прочим, началом борьбы между Софьей и подраставшим Петром...

ЕКЦИЯ VII

Российская империя. – История Петра Великого. – Путешествие Петра в Западную Европу. – Стрелецкий бунт в Москве. – Шведская война, Полтавская победа. – Преобразования Петра Великого. – Жизнь двора после смерти Петра. – Анна Иоанновна. – О печальной судьбе Брауншвейской фамилии. – Оценка правления Елизаветы Петровны. – Екатерина II.

Литература в прошлом веке и в начале нынешнего представляла Петра человеком, оторванным от жизни русского народа. Отражение этого взгляда находим и в новейшей литературе, в частности,

у Устрялова, который «В материалах для истории Петра Великого» восхваляет Петра и преувеличивает заслуги его для России, говорит, что последняя только ему обязана своим флотом, торговлей, могуществом и проч. Гораздо тверже ставит дело Соловьев в своей «Истории России» (14–18 т.). Он старается связать Петра с предыдущим временем и объяснить его роль как необходимо вытекающее из предыдущего историческое явление; он тесно связывает деятельность его со всем западническим в тогдашней Руси. При этом обнаруживается невероятная вещь. Соловьев считает Немецкую слободу группою цивилизаторов, хотя это была просто группа негодных людей, искателей приключений, собравшихся из разных стран и занятых главным образом наживой и приятным препровождением времени, которых он сам же называет «совершеннейшими космополитами», отличавшимися полным равнодушием к судьбам страны, в которой поселились» (т. XIII, стр. 218). Несколько иной взгляд и, нужно сказать, более цельный и ясный изложен Соловьевым в его «Лекциях о Петре», изданных его сыном. Здесь Соловьев вспоминает народ, который ранее представлялся косным, неподвижным, и дело Петра представляет делом русского народа, а величие Петра – величием русского народа. «Только великий народ способен иметь великого человека, – говорит Соловьев, – а сознавая значение деятельности великого человека, мы сознаем значение народа» (Соч. Соловьева, СПб., 1882 г., стр. 98).

Рядом с мнением Соловьева стоит мнение старого славянофила Погодина, написавшего книгу «Первые 17 лет царствования Петра». Погодин – великий поклонник Петра, но в своей книге он развил ту мысль, что Петр в своих детских забавах находит источник к своему собственному развитию и не приписывает особого значения среде иностранцев. Мысль, что до Петра была на Руси «тьма», сильно подрывается Погодиным. Весьма важно (в этом же сочинении) разъяснение на основании документов, что борьба Петра с Софьей была создана искусственно, что никакого покушения на жизнь Петра в 1684 г. не было, что все это сочинено было злобной придворной интригой, имевшей роковые последствия, а именно: разрыв Петра со многими хорошими людьми правительства Софьи, как, например, с необыкновенно образованным, думавшим об уничтожении крепостного права, Василием Голицыным.

Далее следует «История» Брикнера, профессора Дерптского университета, которую он посвящает С.М. Соловьеву. Посвящение это естественно в том смысле, что все важнейшее содержание этого сочинения взято из истории Соловьева, и в том еще, что здесь воспроизведены некоторые взгляды нашего русского историка, как, например, тот, что Россия стремилась усвоить цивилизацию старых европейских народов. Но Брикнер идет еще дальше Соловьева. Всю историю России он представляет как отречение от азиатства и постепенный переход к «объевропеиванию России»; картинно изображает невежество русских и великое благодетельное влияние европейской цивилизации...

Кроме того, известны и готовятся к изданию важные памятники о Петре. Образована комиссия под председательством академика Бычкова, которая издает письма и бумаги Петра; дело доведено с 1688 по 1701 г. Большую половину книги составляют примечания, в которых представляется свод разных научных данных, документов и писем Петра. Несколько раньше издано чрезвычайно важное собрание памятников судного дела о Шакловитом; на эти памятники ссылались все историки. Дело это было весьма путано, кое-чего не доставало в нем, но теперь это недостающее добыто и все известия по этому делу приведены в порядок и составили 3 тома. Вот важнейшая литература по данному вопросу, которую можно дополнить, если собрать разные речи и брошюры. Но общий их недостаток в том, что они чересчур прославляют Петра, говорят о нем как о самом религиозном, самом нравственном человеке.

Мы значительно иначе будем представлять Петра, конечно, гением, но гением несчастнейшим, значительную часть своего царствования окруженного такими злосчастиями, которые заставили его отшатнуться от лучших русских сил и сделали государя орудием иноземных интриг.

При жизни Алексея Михайловича воспитание Петра было довольно счастливое, оно шло естественным путем спокойствия, бодрости и веселия; в царствование Федора его окружали скорби и уныние. После смерти Федора он был возведен на высоту самодержавного русского царя и сейчас же стал зрителем ужасающих сцен стрелецкого бунта и должен был смотреть в глаза убийцам его любимых людей. Сохранилось сведение, что во время этих ужасов 10-летний мальчик держал себя бодро; но страшная борьба про-

исходила в его душе, и с тех пор появились у него судороги: он тряс головой, вращал глазами, поднимал плечи, что всегда было предвестием бури. К тому же обстоятельства так сложились, что во все это время ему пришлось видеть при дворце лишь жестокости да резню, познакомиться с дурной стороны с теми из русских людей, которые при других условиях казались весьма хорошими... Из таких людей вырабатывались звери, и если Петр не сделался Иоанном IV, то только потому, что был гений. Только к концу 1682 г. Петр мог отойти от этих сцен и жить в Преображенском, вдали от центра. Но около него были все печальные и обиженные лица – мать, сестра, родственники... А недалеко от Преображенского находилась беззаботная Немецкая слобода, весело проводившая свое время; там знали только свои частные, личные печали, а русских скорбей не понимали... Петр и нашел выход из этого уединенного тяжелого положения в играх и веселье. Дети обыкновенно подхватывают подходящее направление в жизни взрослых людей, а в то время в России хлопотали об образовании постоянного войска, о военных экзертициях. Естественно, стал заниматься этими экзертициями в доступной, разумеется, форме и Петр. Этими играми он занимался чуть ли еще не при жизни Алексея Михайловича. У Погодина есть известие о выписке вещей, нужных Петру, между которыми мы замечаем луки, пики и даже пушки, а также и о том, что часто требовалась им починка барабанов. Ясное дело, что с течением времени игры эти расширились в Преображенском, увеличилось число сверстников, так как Петр для своих игр набирал мальчиков не только из боярских детей, но и из детей дворцовой прислуги, конюхов и т.п. Военные игры были, таким образом, главным занятием Петра в его уединении. Но у Петра, как гения, эта игра в военных представлялась делом крупным, серьезным. Мало-помалу образуются полки – Преображенский, Семеновский и впоследствии – Измайловский и Бутырский. Тут-то и начались его сношения с Немецкой слободой с Менгденом, Гордоном и Тиммером, так как ему требовались инструкторы для войска. Тиммер ознакомил Петра с употреблением астробалистики, преподавал арифметику и геометрию. Русским учителем его был Зотов, которого обыкновенно представляют худым педагогом. Правда, он не научил Петра правильно писать, что и трудно было сделать при характере такого ученика, но зато научил его церковности. Находка ботика в сарае Никиты Ивановича Романова повела Петра к знакомству с

Брандтом, к потехам на Яузе, на Измайловском и Переяславском озерах. Мать Петра, естественно, тревожилась беготней и поездками сына и его знакомством с немцами, так как последние не упускали случая показать Петру и немок. Это побудило Наталью Кирилловну поспешить с его свадьбой: она женила его на Евдокии Лопухиной. Но остепениться Петру не приходилось, и этому мешали не одни потехи, а еще более то, что в год женитьбы наступила новая политическая буря – борьба Петра с царевной Софьей...

Вырастал Петр, вырастали и его потешные. Приближалось время стать Петру в положение государя. Речи об этом шли давно (до 1689 г.), как это видно из дела Шакловитого. А между тем, он был только третьим из государей – после Иоанна и Софьи, которая была правительницей и не только принимала главное участие в делах, но даже приняла титул самодержицы... Она приказывала изображать себя на картинках: на более скромной были изображены царевичи Иван и Петр, над ними Софья со снисходящими на нее семью дарами Св. Духа. На другой картине Софья изображена одна с царственным венцом на голове, со скипетром и державой в руках и с титулом, написанном на латинском языке. Были картинки и с русскими надписями⁸⁴. Мало того, Софья задумала даже короноваться. Заготовлено уже было и прошение об этом, которое, предполагалось, должны будут подать стрельцы и московские люди. Но возникли недоумения между стрельцами, и Голицын отсоветовал это дело. Все это страшно волновало Наталью Кирилловну и родственников ее. Еще после войны с Польшей, когда Софья начала подписываться вместе с царями, то мать Петра даже употребила угрозу и говорила ей: «У нас люди есть и того дела не оставят». Петр в это время, занятый потехами, стоял как бы в стороне, но и его иногда вызывали на заявления власти. Он бывал в Думе, в приказах. Особенно Петр высказался в то время, когда ему пришлось подписать награждение участников похода, кончившегося неудачей. Он сперва не хотел утвердить наград, а потом, когда его уломали, все-таки не принял награжденных лиц, когда те приезжали благодарить его. Возмущался Петр и публичной деятельностью Софьи. В 1689 г., в день Казанской иконы Божьей Матери, Софья захотела идти в крестном ходе, но Петр запретил ей, но когда она несмотря на его запрещение пошла, он уехал в Преображенское. Все это вызывало среди лиц, окружавших Петра и Софью, участвовать в кознях, причем преобладание козней было на

стороне среды, боявшейся потерять власть, т.е. партии Софьи. Сторонники Софьи унизились до того, что наряжали какого-нибудь буяна в платье Ивана Нарышкина, и этот наряженный ночью буянил по улицам с тем, чтобы возбудить своим буйством в народе ненависть к Нарышкину и потешным. Не довольствуясь этим, Софья и Шакловитый пошли прямо к цели и стали вызывать стрельцов повторить историю 1682 г., убить Нарышкина, Голицына Бориса и даже мать царя. На возражение стрельцов, что восстанет патриарх и предаст их проклятию, Шакловитый отвечал, что его можно сменить; а когда стрельцы упомянули о боярах, которые также могут не согласиться, то он с презрением заметил: «Бояре... – это зяблое, упавшее дерево». При розыске Шакловитый твердил, что на Петра не злоумышляли, но в деле есть указание, что были злоумышления и против Петра. Когда один из сообщников Шакловитого – Чермный спросил: «А если Петр не позволит убить свою мать?», Шакловитый ответил: «Чему и ему спускать, зачем стало?». Есть сказание, что предполагалось убить Петра, когда он приедет поздравлять тетку Анну с Ангелом; была будто бы даже устроена и засада, но злоумышленники не решились (хотели бросить бомбу в повозку). Хотели также бросить разрывную гранату, когда Петр появится на пожаре... При таком складе дел обе партии боялись друг друга. Партия Петра боялась стрельцов, партия Софьи – потешных, которые выросли и окрепли. Столкновение партий происходило при посещении Натальи Кирилловны Софьей. В веселом расположении Софья возвращалась, если свидание было мирно, если же была ссора, то Софья возвращалась с печалью. По памятникам боязнь и опасение были больше на стороне Софьи, и особенно они усилились около Преображения (1689 г.), ввиду чего усилены были караулы в Кремле и усилен надзор за потешными. Со стороны же партии Петра, насколько можно судить из памятников, не принималось никаких мероприятий. Несмотря на то, что Петр был менее силен, чем Софья, однако действительная сила сказалась на его стороне, и если бы он умел спокойно судить, то гораздо миролюбивее относился бы к русскому народу.

Из среды ближайших сообщников Шакловитого последовал извет: пятисотенный Елизариев ночью со своими сообщниками пришел к священнику, где они дали клятву, что не изменят друг другу, и двух из них послал в Преображенское с извещением о предстоящей ему опасности⁸⁵. В Преображен-

ское они прискакали ночью с 7-го на 8 августа и перепугали всех известием о заговоре на жизнь Петра. Петр вскочил с постели и без платья бросился в лес; уже туда ему принесли одежду и привели коня. Вскочив на коня, он, верхом проскакав всю ночь, прилетел на рассвете в Троицкий монастырь и в совершенном изнеможении, со слезами просил охраны у иноков этого старого, исторического русского монастыря... То обстоятельство, что он поехал прямо в лавру, было, может быть, вследствие того, что окружение Петра уже ранее рассуждало о том, куда им укрыться в случае опасности⁸⁶. Решив по примеру Софьи искать безопасности в монастыре, Петр, естественно, по примеру ее должен был обратиться к суду земских людей, но он не обратился к русскому земству даже вопреки примеру Иоанна IV. Правда, он разослал грамоты по областям России, но в них потребовал только присылки денег и продовольствия в Троицкую лавру. Главное внимание Петр сосредоточил на Москве и ее военных силах, чтобы привлечь их к себе. Он прислал к Софье требование прислать в лавру начальников стрелецких и солдат по 10 человек, и когда Софья воспротивилась этому, то приказ был послан прямо в полки с прибавкой, чтобы прибыли выборные из гостинной и черной сотни, т.е. из купцов, с угрозой смерти за неявку. Среди этих смут иноземцы заняли самое жалкое положение: они не знали, к кому пристать. Общим доказательством тому служит, между прочим, сношение Гордона с Петром. Гордон, например, обращался к нему с вопросом, понравится ли ему, если он придет в лавру с войском. Эта достойная увертка, к сожалению, не была оценена Петром. Только после переписки с Голицыным, что делать, Гордон отправился в Троице-Сергиевскую лавру. Гораздо труднее было положение стрельцов, очутившихся, с одной стороны, между Софьей, с которой они связаны были старыми узами и которая грозила им смертью за измену, и Петром, требовавшим у них признания своих прав. Часть стрельцов склонялась в сторону Петра и действительно перебежала к нему. Софья же находилась в самом затруднительном положении. Все ее старания возвратить Петра в Москву оставались тщетными: она послала было патриарха к брату – увещевать его к миру, но патриарх остался у Троицы. Видя беду, Софья сама поехала к Троице – мириться с братом, но была возвращена с дороги, после чего явились в Москву посланные от Петра захватить Шакловитого, Медведева и сообщников их. Благодаря настоянию стрельцов, требование

это было исполнено. Из лавры же Петр написал брату своему, царю Ивану Алексеевичу письмо, в котором говорил, что власть вручена только им, и что Софья захватила права произвольно и что ее следует от дел отстранить. К самой царевне был отправлен посол с царским наказом, чтобы она ушла в Новодевичий монастырь. Софья, увидав, что ослушаться нельзя, согласилась.

Между тем, в Троицкой лавре в это время происходили суд и расправа над заговорщиками. Бывали в стенах лавры ужасы войны, бывали ужасы смерти, когда привозили раненых во время междоусобий, но таких ужасов, как петровская расправа с изменниками, не было. Неужели ни в ком не сказывалось чувство народного приличия, что в монастыре не следовало производить пыток? Мало того, говорят, что даже сам патриарх Иоаким требовал смертной казни. Но проскользнуло и другое свидетельство; Гордон в своем дневнике сохранил сведение, будто бы Петр не хотел смерти Шакловитого, потому что последний юридическим образом показал, что он исполнил все, что повелевала правительница – Софья. Насколько это верно, трудно судить за недостатком других свидетельств.

Борис Голицын, много содействовавший тому, что большая часть стрелецких офицеров по приказу Петра ушла к Троице, принял все меры к тому, чтобы спасти Василия Голицына, и действительно преуспел в этом: смерть последнему была заменена ссылкой его сначала в Коргополье, а оттуда в Пустозерск. Подобно Шакловитому, казнен был и Медведев.

Несомненно, что Борис Голицын должен был отойти в сторону и на его место должны были выдвинуться новые лица – Нарышкины, страшно озлобленные бунтами стрельцов, и иноземцы, которые, как видно из дневника Гордона, весь успех Петра в борьбе с Софьей приписывали себе.

Вскоре Петр назначил новых правителей приказов. Кроме Льва Нарышкина, которому было поручено заведовать Посольским приказом, самым важным из всех приказов, Петр Лопухин получил в правление приказ Большого дворца, Тихон Стрешнев – Разрядный приказ (прежде этим приказом заведовали не бояре, а дьяки), Троекуров – Стрелецкий приказ. Вместе с тем, стал выдвигаться Романовский – человек весьма жестокий, которому суждено было выработать из себя зверя русской земли⁸⁷; ему поручено было заведование Преображенским приказом, совмещавшим в себе дела Тайного приказа. Что же касается до Бориса Голицына, то после-

дний занял второстепенное положение: он получил в управление приказ Казанского дворца, великой важности по объему, так как в нем сосредоточивались дела Астраханской области и в значительной степени открывалось влияние на Сибирь, но неважный в политическом отношении.

Борису пришлось ведаться с напором иностранцев на восток через русские пределы, и он в этом деле оказался на высоте своего положения: он всячески противился этому движению, в особенности иезуитов, стремившихся в Китай, и говорил, что если сам царь подвергнет его опале, и тогда он не пропустит латинян на восток. В особенности он противился прохождению их в Астрахань. До какой степени он не мог оторваться от русских принципов, видно из того, что когда он увидел невозможность продолжать такую политику действий по отношению к иноземцам, то под конец своей жизни (1713 г.) отошел от мира и кончил жизнь монахом, как Стрешнев. Все другие такого же ранга лица относились отрицательно к русским интересам.

Петр, сделав все эти распоряжения, сам, однако, не стал управлять государством, а между тем управление приходило все в большее и большее расстройство; и это оттого, что он не имел времени хорошо ознакомиться с механизмом правления на Руси (так как не понимал преимуществ судогворения на Руси, более того, заменил его западным – бумажным ведением дел, в чем даже проф. Сергеевич видит понижение значения русской цивилизации).

Чем же, спрашивается, Петр занимался в это время? Он отдавался всецело своей страсти (военной потехе) сухопутной и корабельной. И чем больше он вырастал, тем серьезнее и осмысленнее она у него становилась. От игры детского свойства он перешел, наконец, к упражнениям чисто военным. Так, он стал устраивать состязания своих потешных полков с полками стрелецкими. Из таких состязаний и маневров особенно были замечательны: Преображенский бой в 1690 г., о котором сам Петр говорит, что «это было страшное дело», Пресбургский, Калужский и др.; но особенно важным представлялся ему Кожуховский бой (вблизи Москвы) в 1694 г. Эти маневры в том отношении представляются замечательными, что в них старой силе, старому войску противопоставлялось потешное. Так, в Преображенском бою потешные сражались со Стремянным полком, в котором было

много лиц, преданных Петру. Более подробные сведения относительно Кожуховского боя мы имеем в письмах Петра и Желябужского. По свидетельству Желябужского (человека, преданного Петру; он был окольниковым), указом от имени обоих государей вызывались в Москву для этого боя «стольники, стряпчие и прочие чины» из местностей, весьма отдаленных от последней, как-то: из Тулы, Калуги... Тут было более резкое, чем в других боях, сопоставление старого войска и нового; было, впрочем, и смешение, хотя и не без насмешки над старым войском. В новом войске, кроме потешных и отрядов, взятых из старого полка (рейтарского), была и конница – отряд «нахалов» (из боярских холопов), и пехота – «налеты», а к старому войску, кроме главных сил стрелецких, примыкали отряды из стольников, стряпчих и прочих чинов, вызванных из провинций, и конница из подьячих, государевых певчих, под начальством немецких ротмистров; за ополчением следовали в немецких костюмах бояре, окольниковы, думные дьяки...

Командующим старым войском с именем польского короля был Иван Бутурлин, а командовать потешными назначен был Федор Юрьевич Ромадановский. Это противопоставление нового войска старому было обидным для последнего, потому что в нем были люди, на деле участвовавшие и побеждавшие на войне; тем более поразительно, что все «бои» всегда сопровождались поражением старого войска⁸⁸.

Кроме этих турниров, Петр с такою же страстью отдавался и корабельному делу: строил корабли и устраивал примерные сражения, но уже не на Яузе, а на Переяславском озере, вызывая у матери сильное опасение за его жизнь. В начале 1694 г. он поехал на Белое море к Соловкам, где увидел действительное море. Вид чужих кораблей еще более возбудил в нем страсть к морскому делу; он пожелал как можно скорее пуститься в открытое море. Благодаря этой страсти, Петр чуть было даже не погиб, но спасся только опытностью и искусством русского кормчего Антона Тимофеева. Это должно, по-видимому, привлечь внимание Петра к русским, от которых, как и от Брандта⁸⁹, он мог узнать, что можно плавать на парусах и против ветра; по крайней мере он понял значение русского труда и тех путей, которые русские проводили, с этого времени получают свое значение Белое море, Архангельск и Петрозаводск.

Затем, не без влияния Голицына, у Петра созрела мысль о корабельном деле не только на Балтийском море, но и на Каспийском, на Волге, но, однако, благодаря влиянию его «друзей», которым неприятно было утверждение русского могущества на Каспийском море, предприятие это не было приведено в исполнение. А «друзьями» Петра в это время были: Гордон, довольно порядочный человек, генерал, но, вместе с тем, тайный покровитель иезуитов; затем – швейцарец Лефорт, которому Петр дал звание адмирала (в насмешку, конечно). Этот «сподвижник» Петра не имел ничего серьезного; хорош лишь был как кутежник, веселый собеседник, остроумный рассказчик; его дворец, так называемый «Лефортковский», был местом всяких непотребностей и кутежей...

Сближаясь с немцами, Петр не мог не видеть и их семейной жизни. С целью привязать к себе больше Петра иноземцы подставили ему девицу Монс, благодаря которой и произошел раздор Петра с его женою – Лопухиной. Такое положение дел, это пленение Петра иноземцами и даже иноземкою, эти постоянные кутежи не могли не тревожить русских людей. Тревожили они прежде всего патриарха Иоакима, который настолько вооружен был против иноземцев, что однажды отказался даже участвовать за царскою трапезою, когда узнал, что за столом будут присутствовать иноземцы; а когда умирал, то в своем завещании высказал мысль, о которой часто забывал Петр, «чтобы иноземцы не управляли русскими, ибо не будет моего благословения, когда православными будут управлять еретики». Тревожилась и мать Петра. Когда в 1694 году умер патриарх Иоаким и нужно было выбрать другого патриарха, мать Петра, Наталья Кирилловна, приняла в этом деле горячее участие, зная, какое влияние имеет в России патриарх. Так, например, когда предназначался на патриарший престол псковский митрополит Маркелл – человек просвещенный, Наталья Кирилловна, а также ее партия противостояли этому. Они боялись, что ученый архиерей будет благоприятствовать новому, иностранному, и потому настояли на выборе Адриана, казанского митрополита – человека строгого и аскета. В 1694 г. Наталья Кирилловна умерла. Петр, оставшийся на свободе, еще более поддался иноземному влиянию, стал допускать такие глумления над русскими обычаями, что сам впоследствии стыдился их. Учитель Петра, Петр Зотов, был сделан председателем пьяного пиршества и получил титул патриарха

всепитейшего, пресбургского, кукуйского и всеяузского; сам Петр, обладавший басом, занимал должность протодиакона (насмешка протестантов над папою в приложении к русскому религиозному строю). Шились шутовские костюмы, устраивались вакханальные вечера, все это было на глазах русских людей. Весьма интересную процессию представляла собою свадьба шута Якова Тургенева. По словам Желябужского, в «свадебной поездке» участвовали все придворные, ехавшие на быках, свиньях, козлах, собаках, в разных костюмах – рогожных плащах, соломенных сапогах, мышьих рукавицах и др. смешных костюмах. Сам Тургенев ехал в государевой карете. За ним следовали: Трубецкие, Голицыны, Шереметьевы... Тут было явное посмешище над всем складом русской жизни.

Но при всех этих потехах существовали, однако, русские дела и потребности, над которыми нельзя было не задуматься как самому Петру, так и иноземцам. Если можно было пренебречь внутренними делами, то никак нельзя было пренебречь делами внешними. Малороссийские дела требовали большого к себе внимания. Еще прежнее правительство утвердило там гетмана Мазепу. Новому правительству пришлось сноситься с этим гетманом; но, отступившись от начал русской жизни, оно не только не могло понять того, что этот человек отрекался от всего, сблизившего их, но даже выдавало этому гетману тех лиц, которые разгадывали его настоящие планы и намерения, доносили на него.

Война с Турцией, начатая Софьей, вследствие союза с Польшей не была окончена, напротив, даже усилилась, ибо 40 000 турок и крымских татар вторглись в Малороссию и натворили там много беды. Призыв к отражению наступления турок, поступивший из всех сторон России, пришлось услышать. С целью прекратить турецкие опустошения и был начат в 1695 г. поход на Азов. Отправив Шереметьева с войсками к Днепру, для соединения с казаками сам царь с другим войском отправился водою – Москвою-рекою, Окою и Волгою до Царицына, откуда сухим путем до Дона, а Доном вниз к Азову (главному татарскому пункту). Теперь и предстояло показать превосходство новой техники перед старой. Результат оказался не блестящим; здесь было не торжество западной цивилизации, а позор ее. Только благодаря русской силе, походы эти увенчались успехом; между тем, все было сделано тогда для ее подавления. Гордон был

главнокомандующим над сухопутным войском, Лефорт – адмиралом; был, впрочем, и русский начальник над одним отрядом – Головин.

Начался поход с апреля 1695 г. Но едва добрели до Азова, как потерпели неудачу из-за отсутствия дурного устройства артиллерии, а тут еще иноземец Янсин перешел к татарам и, конечно, раскрыл все недостатки русского войска. Положение было затруднительным. Приходилось идти назад. Петр, видя неудачу, однако, не бросил дела: он кинулся набирать войско из иноземцев и строить корабли в Воронеже; но прежде, нежели построены были корабли, казаки спасли часть России: они загородили Азов от турецкого флота и не дали возможности подкрепиться турецкому войску. Петр сам преклонился перед значимостью этого дела и назначил воеводою русского человека – Шеина. Сделан был новый приступ целым войском, причем Гордон и Лефорт гнали в самые опасные места стрельцов и казаков. Все изобретения западной цивилизации оказались негодными. Тогда русские люди решили обратиться к старому способу брать крепости, решили сделать вал и оттуда бить по врагу: днепровские и донские казаки бросились в город, но были отбиты. Тогда они засели в валу и оттуда снова стали беспокоить гарнизон. Не видя ни от кого помощи и обессиленные отчаянными нападениями казаков, азовцы сдались. Петр, разумеется, не мог не ценить этой доблести. В грамотах, посылаемых в Москву, а также и в письмах своих к близким он рассказывает об этом. Можно было надеяться, что здесь на все царствование Петра заключен будет союз с русскою лучшею силою, самую дешевою – с казаками. Но не таково было тогдашнее настроение Петра. Он не воспользовался всеми этими обстоятельствами для умиротворения русской земли.

После взятия Азова перед Петром развернулась широкая перспектива обладания Черным морем и господства над турками. В связи с этим он энергично занялся укреплением Азова, переселив к нему до 3 000 семей. Затем Петр задумал еще больше увеличить количество судов и завел для этой цели так называемые кумпанства. Постановлено было, чтобы землевладельцы духовные с 8000 крестьянских дворов, а светские с 10 000 дворов выстроили по кораблю, оснащенному и вооруженному, а торговые и посадские люди построили 12 кораблей. В этом деле, кроме русских, участвовали и иноземцы: художники, лекаря, архитекторы и проч. Все эти дела показывали, что Петр хочет идти по

направлению, которое отвечало существенным потребностям русского народа – укреплению Азовского и Черного морей, с чем были связаны русские и славянские интересы. Но этот ход его мыслей продолжался недолго... Петр вследствие влияния, разумеется, иностранцев стал быстро переходить к другому направлению, отвлекавшему его от юга и восточного вопроса. Европейская техника кораблестроения и артиллерийские дела (западная цивилизация) – вот что заняло Петра рядом с теми русскими доблестями, благодаря которым и был собственно взят Азов! Увлечение этой политикой заставляло его не только набрать множество иностранцев, но и своих посылать за границу. Так, он отправил за границу 50 стольников и спальников в Италию, Голландию и Англию для обучения архитектуре и строительному искусству (это было в 1696 г.), а в 1697 г., наконец, решился сам отправиться туда же, чтобы собственными глазами увидеть проявления западной цивилизации.

Петр решился выехать в Западную Европу в начале 1697 г., но дальше был вынужден приостановить свое путешествие, потому что внутри России обнаружилось волнение. Волнения эти были следующие. Кутежи Петра в немецкой слободе, для которых он пропадал часто из дворца, естественно, семейством должны были раздражать жену его и ее родственников Лопухиных, которые стали опасаться вследствие такого поведения Петра за прочность своего положения при дворе. Со своей стороны много хлопотали об удержании своего положения и родственники матери Петра – Нарышкины. Эти две отрасли царских родственников вскоре стали ссориться между собой. Петр был раздражен против Лопухиных, заподозрив их в кознях, а одного из них Петра Абрамовича, дядю по жене, начальника Большого дворца, подверг пыткам, и, по свидетельству приводимой у Соловьева рукописи, сам даже пытал его. Кроме Лопухиных, неудовольствие заявляли и другие русские люди, даже такие, которые становились выше всяких личных интересов и которые, к сожалению, не поставлены в истории на подобающее место. Так, Авраамий, строитель Андреевского монастыря, сильно возмущенный поведением Петра, его страстью к иноземному и иноземцам, а также теми страшными пытками и казнями, какие он совершал у стен Троице-Сергиевской лавры, решился на великое самоотвержение: он подал Петру жалобу на его же самого, в которой говорил о народе: «Что тужат многие и болеют о том, на кого больше надеялись и

ждали, как великий государь возмужает и сочетается законным браком и тогда оставит малолетние дела и все направит к лучшему, но вы занялись потехами и начали творить печальное и плачевное...». При разборе дела Авраамия из расспросов у близких к нему людей выяснилось, что они смущались дурным управлением, которым Петр не занимался, поручив его «похотникам, мздоимцам, не имущим страха Божия», а также и тем, что «от того государева на Москве небытия в законном супружестве чадородие перестало быть, и о том в народе вельми тужат». В этих словах сказалась весьма важная работа, доказывающая понимание дел русскими, чтобы у царя было побольше детей. Русские люди помнили волнения смутного времени и смуты при Софье, и потому дорожили сохранением и умножением царского рода как залогом будущего спокойствия.

За эту русскую тугу всем обличителям была пытка и ссылка. Но были тогда же и злобные обличения Петра, соединенные со злоумышлениями против него, как, например, заговор стрелецкого полковника Циклера и служилого человека, поборника старообрядческих воззрений Соковина. Донос на них был сделан Елизарьевым, тем самым, который доносил и Софье на стрельцов. Заговорщиков постигла смертельная кара не столько за выражение неудовольствия, сколько за слишком резкое осуждение действий Петра. Перед смертью Циклер напомнил царю, как еще умерший Иван Милославский и Софья уговаривали его убить Петра. Услышав это, Петр пришел в страшное неистовство: он приказал вырыть могилу Милославского и вливать в гроб его кровь казненных.

Казнили заговорщиков и недовольных, но оставалась Софья, главная обличительница царских сил. Оставалась и жена царя – Лопухина, отвергнутая им без законного повода. Но Петр не стал развязывать этих узлов, а еще стал крепче затягивать их и завязывать новые узлы. Гении всегда упрямы – в добре ли, во зле ли. Такое упрямство показал и Петр. Несмотря на все неудовольствия на вызовы больше заниматься внутренними делами управления, он отправился за границу 10 марта 1697 года и возвратился оттуда 25 августа 1698 г., пробыв в отсутствии, таким образом, почти полтора года. Эта поездка по мотивам и направлению своему была очень любопытна. Очевидно, Петр поддался иноземцам. Но ведь в их среде было два противоположных течения, два слоя – протестантский и латинский, папский; последний был в средней и южной Европе, а пер-

вый – в северной (Германия, Голландия, Англия). На протестантский путь тянул Петра вышедший, однако, из южной Европы – Швейцарии Лефорт, стоявший в связи с протестантским миром и опиравшийся на множество протестантов в России. Но рядом с Лефортом важное значение имел и Гордон, который был родом из Шотландии, но был иезуитом и занимался латинскими интересами. Явился вопрос: на чьей стороне будет преобладание? Те и другие пользовались податливостью русского гения, и каждый из них старался перетянуть его на свою сторону. Преобладание осталось за протестантским миром, за направлением Петра к Балтийскому морю, но Петр отчасти поддавался и латинскому влиянию, брал цивилизацию и латинского характера.

Петр поехал в Пруссию через Ригу и там упражнялся в артиллерийском деле; затем оттуда направился в Голландию, где в Саардаме и Амстердаме 4 месяца занимался корабельным делом и получил звание мастера; в Англии он 3 месяца занимался тем же делом. В то же время предавался и научным занятиям, и преимущественно в области реалистической. Так, в Утрехте он работал в анатомическом музее, в Лейдене – тоже в анатомическом кабинете. Здесь он даже решился преодолевать ужасное отвращение русских того времени к трупам и заставлял их зубами рвать жилы трупов. Как гений, Петр быстро усвоил науки и ремесла и достиг в этом отношении поразительных успехов, по-видимому, без особенного труда. Передают, что когда умирал Гордон и Петр беседовал с докторами, то, по свидетельству присутствовавшего там иезуита, царь обнаружил такое знание медицины и медицинских терминов, что сам иезуит ошалел. Понуждая к занятиям своих подданных, Петр подавал сам им во всем пример – всегда был первым работником. За это его хвалят, да и нельзя не хвалить. Нужно ценить как драгоценность, если выдающийся человек знает даже и мелкие вещи в круге своей власти. Но нельзя упускать из внимания и оборотную сторону медали в делах Петра. Каковы бы ни были желательны сами по себе успехи и занятия Петра ремесленными мастерствами, но у него были и другие обязанности, мастерства. Неутомимая деятельность Петра не лишена односторонности. Он слишком отдавался физической работе, явно отражая в ней влияние на него иностранцев – ремесленников и пренебрегал многим, что было гораздо сложнее этой ремесленности. Так, он мало занимался управлением России, законода-

тельством, даже мало знал эти дела, и потому так часто делал опрометчивые шаги. Не понять значения писцовых книг, не понять значения обыска и состязательного суда можно было только при великом незнании русских порядков.

Обозрев протестантский мир, Петр из этого мира отправился в Австрию и там наладил отношения с латинским миром. Так, что когда Петр был вызван в Москву для усмирения стрелецкого бунта, то с ним поехало австрийское посольство в Россию и тайно, под видом священников – иезуиты. Эта связь с латинским миром закреплялась тем более, что у Петра шли переговоры с турками, а Австрия еще со времени вечного мира с Польшею при Софии поднимала вопрос об избавлении ее от турок. Таким образом, из-за этих политических дел сказывалась выгода и для латинства. Из Австрии Петр хотел было поехать в Венецию, но начавшийся стрелецкий бунт принудил его возвратиться в Россию.

* * *

Стрелецкий бунт в Москве произошел при следующих обстоятельствах. Стрелецкие полки были задержаны под Азовом. Стрельцы же были семейные люди; московские стрельцы (которые играли в бунте главную роль) имели свои семейства в Москве. Потом из Азова их двинули на запад, к Пскову и польской границе. По дороге туда до 150 стрельцов забежали в Москву к своим семьям, но их выбили оттуда, а когда они возвратились к своим, то узнали о новой несправедливости к ним: был указ распустить других полчан, а стрельцов оставить в Смоленской области. Поэтому стрельцы еще больше заволновались, и часть их (но далеко не все), 2 тысячи с небольшим, отправились к Москве. О причинах движения на Москву стрельцы высказали в следующей челобитной, поданной Шеину, который вышел против них из Москвы со строевым войском: «Бьют челом, многоскорбие и великими словами московские стрелецкие полки: служили они, и прежде их прародители и деды и отцы великим государям во всякой обыкновенной христианской вере и обещались до кончины жизни их благочестие хранить, яко же велит св. апостольская церковь». Далее в челобитной говорилось о всех тяготах, которые пережили стрельцы под Азовом, где «ели мертвечину и премножество их

пропало», а также про происки Лефорта и обиды, нанесенные им Ромадановским.

Конец жалобы нет. Но если бы она и сполна сохранилась, то едва ли бы в ней было сказано, как стрельцы приходили в Москву прятаться и что сносились с донскими казаками, поднимая их на бунт, сносились с Марфою и Софьей. И в их среде (да и других людей русских) вспоминалось время Софьи и было желание воскресить это время, а немцев и бояр, преданных Петру, перебить. Были слухи и довольно широко распространенные, будто бы сам Петр погиб за границею. Против стрельцов вышло строевое войско с Шейным и Гордоном, из которых последний отличался особенной ревностью и умением «бить стрельцов». Стрельцы были разбиты, более виновные казнены, другие разосланы по тюрьмам и монастырям. Когда Петр вернулся и узнал о делах прежде всего от иноземцев, следовательно, односторонне, то пришел в страшное неистовство, был недоволен такой легкой расправой, потребовал из тюрем и монастырей привести стрельцов в Москву, и началась ужасная расправа. Сам Соловьев смущается при изложении этих дел. Вот его слова: «Приводить в ужас противников, кровию заливать сопротивление – это дело революционных деятелей, которые опасаются за будущность свою и проводимых ими начал. Зловещий ответ царя Ромадановского: «Кровию лишь можно угасить сей огонь», обещал России террор. Террор и наступил прежде всего для бояр. Им стригли бороды и переменили их костюмы на иноземные. Есть основания заключать, что целью сего мероприятия было прежде всего уничтожение известного пункта их замыслов – перебить немцев и преданных Петру бояр. Петр и хотел смешать тех и других по внешнему виду, чтобы бунтовщики не могли отличить своего от чужого.

Множество стрельцов было подвергнуто жестоким пыткам даже по три раза. Ужасы эти заставили русских, как и при Грозном, обратить внимание на одного человека, который мог бы выступить их заступником, – на патриарха Андриана. Патриарх, хотя и не отличался твердым характером, но все-таки решился с иконою идти к Петру и умолять его о милосердии. Петр с гневом ответил ему: «Зачем подвинул ты св. икону? Удались и поставь ее на свое место. Знай, что я чту Бога и Пресвятую Богородицу не менее тебя..., но знай также и то, что долг мой – охранять народ и наказывать злодеев».

Казни продолжались. 30 сентября повешено было стрельцов 201; 11 октября – 144 человека, 12 октября погублено 215 чел., 13-го – 141 чел., 17-го – 106 чел., 18-го – 65 чел., 21-го – 2 человека; итого 973 человека. Кроме того, сам царь отрубил головы пятерым стрельцам, Ромадановский – четверем, Борис Голицын – одному, но к чести его и ужасу жертвы делал дело пугливо и неумело. Но Меньшиков отхватил 20 голов и весьма исправно. У стрелецких «воров» и «заводчиков» ломали руки, колесовали и оставляли на колесах полуживых стрельцов, которые долго стонали и охали. По указу государя один из таких был застрелен из фузеи преображенским сержантом Александром Меньшиковым. Но были и такие стрельцы, которые не только не стонали, но и совершенно спокойно выносили пытки.... В одном иезуитском письме (не изданном) говорится, что некоторые не стонали, когда им ломали руки, а один даже приподнял голову на плахе и спокойно смотрел на то, как ему ломали ноги, как будто это были не его, а чужие ноги.... Великим, непоправимым злом была эта жестокая расправа Петра со стрельцами. Зло это четко напоминало Иоанна IV, отзывалось мщением за бунт 1682 г. и затемняло даже простое здравомыслие, которое прямо подсказывало, что стрельцы могут составлять привычную и дешевую гарнизонную силу, пригодную в небольших размерах и для защиты ближайших окраин. Что можно было бы сделать с такими людьми, если бы они не были направлены на дурные дела?... Какие бы чудеса мог бы сделать Петр, если бы мог более широко смотреть на русские дела и понимать русских людей? Таким же злом нужно признать и то, что Петр не пожелал привлечь к себе громадную и даровую силу казаков уральских, донских и днепровских. Разрыв с такими старыми и народными силами военными было ясным свидетельством вредного разрыва Петра с народом.

Петр лично делал допрос Марфы и Софьи. Обе отреклись от письма, вызвавшего стрельцов к тому, чтобы возвести Софью на престол. Замечательна сцена, когда Петр лично увиделся с Софьей и допрашивал ее. Здесь встретились гениальный мужчина и крупный талант женщины, встретились представители противоположных направлений. О письме, которое составили стрельцы от имени Софьи и о челобитной к ней, бывшая правительница отвечала: «Таково письмо, которое к розыску явилось, от нее в стрелецкие полки не посылалось. А что те стрельцы говорят, что пришел было или в Москву, звать ее царевну по-прежнему в правительство, и то не по

письму от нее, а знатно потому, что она была в правительстве» (слова приведены из соч. Аристова «Московские смуты», стр. 154). Марфа и Софья пострижены были в монахини. А чтобы крепче напугать Софью и убедить ее в преступных замыслах, приказал Петр трупы зачинщиков бунта повесить против окна келии царевны и не снимать их в течение нескольких дней....

О всех этих ужасах нужно сказать, что они не были чем-нибудь выдающимся, напротив, в них выражались старые приемы восстановления и защиты государственности. То же делалось, например, и при тишайшем царе. Тот же самый Барятынский, который, усмиряя Разина, тысячи сажал на кол, а ранее в 1661 г., осажденный бунтующими казаками и поляками в Киеве, истребил целое население на запад от Киева, которое помогало бунтовщикам. Князь Даниил Мышецкий, осажденный в Вильне поляками, также не задумывался над тем, казнить или нет изменников. Поляки говорили (может быть, и не совсем справедливо), что он, заподозрив в бунте одного русского священника, привязал его к стволу пушки... Батоги и кнуты менее всего употреблялись по частным делам, и чаще – за государственные дела. Перед государственною идеей личность исчезала... Но Петр повел дело слишком далеко – до сближения с Иоанном IV, и притом повел во имя идеи, разумение которой было недоступно русским людям того времени, которая и теперь едва ли может быть пригодна.

В том же страшном 1698 г. Петр освободился и от семейного стеснения. Он отправил свою жену в Суздаль, и там она была насильно пострижена в монахини. Законных поводов для этого Петр не имел. Но девица Монс владела сердцем русского гения, а с ней выдвигались и другие иноземцы. Эти семейные дела имели важное значение, ибо отразились на последующем ходе дел. Сын и наследник Петра, Алексей, и дочь Наталия уже в своем детском сознании поняли, что над ними совершена величайшая неправда и великое беззаконие по интригам иноземцев.

Но и после этого Петру не было успокоения. Раздавались угрозы за стрельцов на Дону, среди казаков. В Москве к началу 1699 г. тоже прибавилось Петру работы. В Преображенском приказе опять было замучено до 1000 человек. Опять сам Петр занимался этими возмутительными делами. Трупы казненных сваливались, как бревна. Мучилась и стонала наша старая Русь в зас-

тенках и на колесах, пробивавших себе дорогу в западную цивилизацию.

И в самом Петре происходила в это время страшная буря: его неистовство, его раздражение доходили до того, что он жестоко бил своего любимца Меньшикова и старого Лефорта, единственного человека, который еще мог укрощать дикие порывы Петра.

Раздражение Петра вызывалось не одними внутренними делами; вызывалось оно и трудностями политическими, а еще более тем, что он в своих стремлениях разрывался, так сказать, на две части, не решаясь еще дать ответ на вопрос: куда ему устремиться? Трудная война запутывалась, другие трудности увеличивались, вероломные Австрия и Польша заключили между собой тайный союз, и, Петр, таким образом, принужден был войти в переговоры с Турцией, поддаться на мирные предложения. В августе 1699 г. Петр отпустил для мирных переговоров в Константинополь посла своего на русском корабле (вооруженном 44 пушками), который очень удивил и напугал турок. Петр первоначально хотел было иметь опорные пункты – у Керчинского пролива и у Днепра; теперь же, благодаря изменившимся обстоятельствам, ограничился требованием одного лишь Азова. В 1700 г. русскому послу Украинцеву удалось заключить мир с турками на 30 лет: Азов со всеми старыми и новыми городками остался с Россией. Таким образом, Петр отвернулся от русско-славянского пути и всецело повернул к западной Европе, к миру германо- протестантскому.

* * *

Петр спешил как можно скорее заключить мир с Турцией, потому что надвигалась новая война – со Швецией. В ноябре 1699 г. Петр уже вступил в тайные переговоры с Польшей относительно союза против шведов. Польша желала войны, потому что Швеция, владея Финляндией, уничтожила там католичество, а как протестантская держава, она была опасной средой для католической Польши. Кроме Польши, Петр вошел в переговоры с Данией, поддержал Австрию, были надежды и на участие в этом деле Пруссии, которая вела войну со Швецией. Петр в своих тайных переговорах обещал начать войну со шведами, как только будет окончена война с турками, и так, согласно этому обещанию, поступил.

В источниках, особенно иноземных, говорится, что войну русских с шведами подготовил Паткуль, мстивший шведскому королю за отнятие имущества у ливонских дворян. Убежав в Польшу, Паткуль возбуждал Августа против Карла XII; подбивал на это он и Петра, когда последний в 1698 г. проезжал через Польшу. Но едва ли одни хлопоты Паткуля заставили Петра взяться за это дело. Скорее всего, здесь Петр выразил свою сильную тягу к западу, желание завладеть гаванями балтийского побережья, прибалтийским краем, который искони принадлежал России и лишь по Столбовскому договору отошел к Швеции. Что этими соображениями руководствовался Петр, это видно из самых действий его; он направился с войском совсем не туда, куда желал Паткуль, а именно к Нарве.

Между тем, в то самое время шли приготовления к походу, Карл уже расправился с Данией и, расправившись с нею, быстро двинулся через Ливонию к Нарве, куда прибыл Петр со своим войском. Несмотря на численное превосходство (40 тыс. против 8), русское войско потерпело страшное поражение и должно было сдать шведам всю артиллерию. Этому поражению немало способствовало то, что войско состояло главным образом из новобранцев и ими командовали не русские, а иностранные полководцы, из которых один по имени Гуммер перешел на сторону шведов и, конечно, передал им все о расположении русского лагеря⁹⁰. Говорят, что и сам главнокомандующий, герцог де-Круа поддался шведам. Петр накануне битвы оставил поле сражения, и за это его упрекают в трусости. Но справедливо замечает Соловьев, что такие лица, как Петр, не бояться стыда. Таким образом, под Нарвой Петр потерпел поражение – полное, постыдное... Это должно было, по-видимому, разочаровать его в иноземцах; всяк на его месте приуныл бы, но таково величие гения и, в частности, гения Петра, что препятствия не останавливают его, а еще более разжигают. Над ним везде насмехались, представляли в самом карикатурном виде; его изображали, например, греющимся около костра у Нарвы; изображали евангельскую историю, как Петр, отрекшись от Христа, вышел и «плакался горько», и т.п. Но Петр показал, что плакаться еще рано. В то же время упоенный победой и в полной уверенности, что небольшая горсть шведов может победить массу русских, Карл после нарвской победы оставил Петра в покое и устремился против польского короля Августа, которому хотел отомстить за вмешательство в войну

вместе с Петром. Напрасно некоторые из шведских полководцев убеждали Карла XII двинуться внутрь России, где можно будет бороться в течение зимы и где недовольные преобразованиями Петра русские помогут шведам справиться с Петром. Карл XII, оставив генерала Шлиппенбаха с небольшим войском для защиты Ливонии, сам засел в Польше и понемногу побивал польского короля Августа. Почти целый 1701 год прошел в маловажных набегах с обеих сторон. Петр понимал опасность своего положения и весь отдался лихорадочной деятельностью: умножал войско и артиллерию, укреплял ближайшие пункты на пути шведов в Россию, особенно Псков и Новгород; все приносилось в жертву войне... Он боялся, чтобы Польша не отступила от союза с ним, поэтому обещал дать ей 15 000 войска и посылал ей 100 000 руб. ежегодно, и действительно отправляет свои войска в Ливонию. Оправившись несколько от нарвского поражения и пользуясь сидением Карла в Польше, Петр завоевывает устье Невы и 16 мая 1703 г. начал строить Петербург, завоевывать самую Нарву и Дерпт и страшно опустошает Ливонию. Кроме того, он кидается в политику запада Европы, послы его хлопочут о новых союзах: с Пруссией, которая не имела интереса воевать с Карлом, с Голландией и Англией, которым нужен был мир, и с Австрией. Петр посылает в Польшу отряд под начальством Паткуля, но когда этот отряд был разбит в Силезии, то Петр хотел передать его на службу Австрии (хотел он также далее послать отряд во Францию к Людовику XIV). Мало того, он заключил союз с папою и даже соглашался допустить в Россию иезуитов. Но все это только унижало Россию. Отдаленные союзы не удовлетворялись потребностям, а ближние – предательствовали. Между тем, Август, доведенный до последней крайности, тайно заключил союз с Карлом. В ту же сторону поддалась и коварная Австрия. Русский отряд в Силезии окончательно был разбит. Неудачны были затем хлопоты Петра и о мире с Карлом, которого он всеми силами искал, отказываясь от всего, кроме Петербурга. Карл же не хотел уступить ничего, хотел заключить мир в Москве, к которой он и направлялся. При таких тяжелых обстоятельствах Петр почувствовал себя уединенным от Западной Европы, с которой он искал союза. Это он высказал в своем письме к Апраксину, в котором он, между прочим, писал, что «война осталась над нами одними», и приказывал ему укрепить Москву и опустошить те имения, по которым должен был идти Карл. В конце 1707 г. Карл,

перейдя Вислу, занял Гродно; русское войско оттуда едва лишь ушло. Взяв затем Могилев, он изменил свое направление: повернул к Малороссии, к Полтаве. Ситуация же Петра осложнялась еще и тем, что против него внутри России были недовольства. С 1700 г. следовали один за другим преобразования, разумность которых не была понятна русскими того времени, и возбуждали против него русское общество. Новое летоисчисление, новая одежда, наплыв в Россию иностранцев – все это вызывает одно за другим волнения в государстве. Так, в 1705 г. поднялось волнение в Астрахани, которое быстро отразилось на иноземном населении, как, например, на башкирах, поднявших бунт в 1706 году. В 1708-1709 гг. произошел бунт донских казаков, во главе которых стояли Булавин, Голый и Некрасов⁹¹. Русский отряд, посланный под начальством Юрия Долгорукого усмирить мятежников, был разбит, а Долгорукий убит. Сам Азов находился в опасности, и хотя Булавин вскоре был схвачен, однако бунт поднимался все выше и выше по Дону и Волге. Наконец, в 1709 г. созрел самый страшный бунт – измена Мазепы и переход его на сторону Карла, что ясно показало, что в Малороссии остались еще остатки польского влияния. Все эти смуты вызывались дурным управлением в это время. Даже башкиры жаловались, что они не находят правосудия в Москве; русские же не жаловались, положим, на это, но зато массами бежали от всех этих преобразований в Сибирь, к башкирам, на Дон. Поднимались теперь даже женщины. Молодые женщины, испуганные страшным наплывом иностранцев и думая, что их насильно будут выдавать замуж за них, сильно волновались. Волновались и замужние женщины – воздействие того, что войны отнимали у них мужей, разрушали семьи. Особенно сильны были волнения их в Астрахани, откуда они, подобно мужчинам, устремлялись на Дон и Волгу.

Таким образом, Петр в столь сложное для России время в эти годы стоял одиноко между чуждым Западом и родным Востоком. Он даже физически, если можно так сказать, находился на пограничье – в белорусских странах. От него после нарвского поражения отступился даже Лейбниц, который сказал, что если Петр не мог цивилизовать Россию, то пусть совершит это Карл, т.е. пусть погибнет Россия во имя цивилизации. В довершение всей этой неприятности для Петра он был нездоров, страдал лихорадкой вследствие неблагоприятного для него петербургского климата. Несмотря, однако,

на все это, Петр не растерялся. Как не трудно было его положение в настоящее время, он силою своего гения со славою вышел из него. Кто из историков, особенно русских, не станет славить Петра за Полтавский бой? Но нужно вспомнить здесь и об историческом гении русского народа, который не понимал Петр. Петр страшно боялся астраханского бунта, и эта боязнь в нем усилилась особенно тогда, когда поднялся грозный булавинский бунт. Петр во время этого бунта показал небывалую уступчивость, избегал жестокостей и действовал милостиво. Петру помогли выйти из затруднительного положения строевые войска, которых было тогда немало в разных местах. Действовали устрашающе на возмутителей спокойствия также пущенные по Дону плоты с виселицами и повешенными бунтовщиками; но это были лишь второстепенные средства. Укрощению бунта главным образом содействовал сам народ, который увидел в Петре великого работника русской земли. Когда Россия находилась в опасности, никакой бунт не мог получить перевеса. Даже малороссийские казаки, измученные Петром в Ливонии и вообще всем недовольные, не пошли за Мазепой, а остались за Петром, о чем государь и известил Апраксина письмом. Еще с большей справедливостью мог сказать то же Петр про весь русский народ, который давал ему средство в борьбе с Карлом XII. Петр Великий шел на полтавский бой в первый раз как народный вождь и, понятно, должен был победить. Если он и пил за здоровье шведских генералов, научивших русские войска побеждать их, то это, вероятнее всего, был его обычной шуткой; скорее, нужно было ему пить за русский народ, который дал ему понять смысл полтавского величия. Сам Петр так впоследствии высказывался по этому поводу: «Сия у нас победа может первою называться, понеже у нас таких не бывало...». Есть основание думать, что в это время великая душа Петра ощущала народную русскую силу, несмотря на глубокое раздвоение, причиной которого были иноземцы.

О Полтавской победе вскоре стало известно во всех славянских землях, и она всколебала великое славянское море. К Петру сразу же понеслись политические сочувствия со стороны славян. Это, а также и то обстоятельство, что в Турцию бежали враги Петра – Карл и Мазепа, где они стали возбуждать ее на войну с Россией, повела к началу военных действий. «Господари Молдавский и Валахский, – писал Петр Шереметьеву, – просят идти поскорее, обещая соеди-

ниться с русскими войсками и возбудить свой народ. На то глядя, и сербы с болгарами думают присоединиться к нашим войскам или восстать, тогда и визирь не посмеет перейти за Дунай». Петр тогда, очевидно, увлекся мыслью сделаться славянским вождем и потому двинулся против турок на Прут в 1711 г., но это единственное его народное влечение закончилось неудачно. Окруженный с 40-тысячным войском громадной 200-тысячной турецкой армией, он чуть было не погиб и благодарил судьбу за то, что хотя при помощи денег ему удалось заключить Прутский мир (1711) – мир, в высшей степени неудачный для России, ибо им русские дела на юге России и среди славян были отсрочены на долгое время. Даже дорогостоящий Азов был брошен...

С этого времени Петр окончательно отрезал себя от юга России и славян и решительнее направился к Балтийскому морю, к связям с европейским миром. Петр продолжал войну со Швецией и продолжал ее в большинстве случаев с успехом для русских, снова завязывал сношения с Польшей, Пруссией и Данией, съездил в 1717 г. в Европу, завоевал балтийские губернии с Ригой и Выборгом, посылал свое войско по следам Карла XII даже до границ Швеции и, наконец, в 1721 г. заключил с нею Ништадтский мир.

Петр укрепился в новоприобретенной Ингерманландии, сосредоточил здесь все свои заботы и стал решительнее прежнего принимать срединную Россию с Москвой во главе. Новая столица – Петербург стала приобретать все большее значение, становиться как бы «окном России» в Европу, или, правильнее сказать, окном Европы в Россию, в которое полезли чужестранцы, особенно из ближайших балтийских, польских и финских областей, и в которое русским из средней России, за отсутствием железных дорог, было гораздо труднее проникнуть. Петр двоился даже в лучшие моменты своей деятельности. Так, еще с поля Полтавской битвы он писал Апраксину: «Ныне и в основание Петербурга с помощью Божией прочный положен камень». После же Прутского договора писал: «Надо стараться, чтобы сим лишением другой стороне было великое укрепление». Камни для строения Петербурга Петр брал не только из интеллигенции, но и из простого народа, костями которого Петербург устлан больше, чем камнями: страшно гиб простой народ русский при дурном климате и при недостатке продовольствия!...

Неудивительно поэтому, что антипатии старых русских людей стали усиливаться ввиду безнадёжности поворота к лучшему. Оппозиционная партия сгруппировалась около наследника престола Алексея Петровича, оскорбленного Петром в святых своих чувствах (за мать) и не любимого Петром, который метил его, против воли, женить на австрийской принцессе и заставлял учиться наукам и военному делу, к которому тот не имел никакой склонности. Известно, что все это кончилось в 1717 г. страшной катастрофой: Алексей бежал за границу, обманом был возвращен назад, судим с пытками, производимыми самим отцом, и после одной из таких пыток оказался мертвым. У Соловьева очень прозрачно намекается на то, что отец убил сына, что только суд оправдал Петра и замаял это дело. Петр совершил даже то, на что не имел никакого права ни по русским законам, ни по обычаям престолонаследия: он предоставил государю право назначать себе преемника. В «Правде воли монаршей» он узаконил это злоупотребление, назначив наследницей престола свою жену, иноземку Екатерину, с которой он раньше долго жил в незаконной связи, открыв к нему, таким образом, доступ к женщинам.

Чтобы уяснить себе, чего хотел Петр от России, необходимо знать, что в ней требовало преобразований. Прежде всего, возьмем Боярскую Думу, которая была слита с царем, и только в его отсутствие одна решала дела; при сношении с царем у нее не было никаких формальностей. Не было никакой нужды ни преобразовывать ее, ни тем более отменять. Требовалось только восстановить ее административную независимость путем возвращения членов ее к председательству в приказах и обновить ее силы. Можно было бы уменьшить в ней число дьяков, которое в последнее время возросло до 14, и, наконец, требовалось более частое освежение Думы земскими соборами, которые служили нравственным контролем для ее и для приказов. Уничтожение земских соборов также ничем нельзя оправдать, потому что они никогда не представляли антиправительственных стремлений, но всегда были консервативны. Земский собор, например, 1611 г. (при Ляпунове), несмотря на отсутствие правительства, ничего почти не уничтожил, даже признал всю законность существования крепостного права. Требовалась только организация её, равно как и Думы, в отсутствие государя. По отношению к приказам требовалось также дальнейшее развитие их, а главное,

правильное распределение дел между различными приказами, потому что в каждом из приказов содержались различного рода дела, что приводило к путанице, когда лицо одного приказа входило в соприкосновение с другими, а также исключения из них маловажных дел и передачи в областные управления. В провинциях требовалось более длительное пребывание наместников и более точное распределение их обязанностей, а также средств к содержанию. Нуждались в улучшении дела в уездах с привлечением к этому служилых людей и удаления дьяков. В древней Руси административной единицей был уезд. Эта единица требовала тщательного охранения; нужно было только уравномерить пространства уездов. Петр же сделал неудобное распределение России на провинции.

В законодательстве требовалось смягчение наказаний, уменьшение участия в суде администрации и усиление участия общины с возобновлением древнего обыска, уничтоженного «Уложением» Алексея Михайловича. В сословиях Москвы могли быть сделаны такие перемены: чины, как историческое явление, требовали только той перемены, которая уже была сделана при Феодоре Алексеевиче, т.е. уничтожения местничества и открытия большого простора для личных достоинств. Для торговых людей нужно было отменить излишнюю пошлину в торговле. По отношению к крестьянам нужно было отменить закрепощение и возвратиться к старой системе: кто держит известный участок земли, тот и отвечает за него перед правительством. При силе общины это обеспечивало бы твердость населения на данном месте, а свобода двигала бы колонизацию. Холопство, разумеется, требовало также уничтожения или по крайней мере большего распространения на него власти государства. Затем, естественно, было правильным ожидать уничтожения кабалы или допущения ее на самый короткий срок и особенного поощрения обычая: отпускать на волю рабов после смерти господина. Старая система податей посредством писцовых книг требовала возможного сохранения. Свободные и промышленные люди облагались «медленно». Петр переделал и это по-своему. В деле просвещения вопиющий вопрос был об училищах и в систематизации образования, но не было нужды разделять духовное и светское образование и создавать особый светский шрифт. В семейной жизни требовалось освобождение женщины от тюремного заключе-

ния и восстановление ее старых прав – жить открыто. Требовалось открытие хорошей общественности в смысле здорового общения людей. В московской жизни все сосредоточивалось на государственных интересах, а общественная жизнь выражалась только в приемах и в попойках, но пьянство, равно как и карты, показывали слабость общественности, поэтому нужно было ввести новые средства к общению людей друг с другом, чему начало уже было положено раньше.

* * *

Но чего хотел Петр от России? Бесспорно, Петр любил свою идеальную Россию и созидал ее с такою силой и с таким самозабвением, какие свойственны только гениям. Он даже сам считал лучшей стороной своей деятельности то, что постоянно пребывал в работе, конечно, для создаваемой им России. Но что такое был петровский идеал России, как нечто самобытное, – это труднее всего показать и доказать, если не разумеешь просто государственность с именем русского государства. Как у всех гениев идеал обгонял действительность, так и он имел в виду менее действительную Россию, чем Россию, сложившуюся в его голове – будущую, в которой совмещались и его гениальные достоинства и пороки, и его прозорливость как гения, и его слепота как человека. Россия представлялась Петру сильною военною державой – сухопутною и морскою. Первое удержалось и до сих пор, потому что развитие военных сил ввиду сухопутных границ с Западной Европой составляло одну из главнейших забот преемников Петра. Заслуги Петра в этом отношении велики, но нельзя не сожалеть, что он не воспользовался бывшей до него военной силой: стрельцами для внутренней России и казаками для окраины, правда, последнее потом исправили. Морское дело хромало и теперь хромает, и довольно ясны причины этого: такое большое сухопутное пространство, как Россия, не могло дать развиваться морской силе. Россия развивала мореходную силу более в реках, хотя ведалась и с морями: Балтийским, Белым и Черным. От первого она отвыкла до Петра, но Белое, Каспийское и Черное моря она знала в дотатарское и особенно в казацкие времена. Если бы Петр развил мореходство на этих морях, то это было бы базисом для плавания и по Балтийскому морю. Во-вторых, Петр желал видеть Россию сильною торговою страной. У него было большое разумение заводских и

торговых дел, которые после него пошли большею частью ложными путями. Ошибочно было самое понимание русской торговли.

Из русского земледельческого государства Петр задумал строить государство городов по примеру Западной Европы, где торговля представляла более удобств, чем земледелие. С этим соединялась новая ошибка: Петр стремился к развитию в России интеллигенции и, насильственно развивая ее, крепко держал ее в области государственной; общественность развивалась, но на увеселениях; вместе с тем развивались и общественные благоприличия, на что справедливо обратил внимание Брикнер в своей истории Петра Великого: развивалась общественность, но не та здоровая общественность, а с попойками, шумными увеселениями и развратом, который с Петра усиливался по примеру его самого в такой степени, что погибли целые роды княжеские, вельможеские, ибо юные их члены изнашивались так, что они впоследствии не могли иметь потомства. Это — одна из печальнейших сторон петровской цивилизации. Петр отрывал интеллигенцию от родных начал и вгонял ее в иноземщину; а для внутреннего обновления ее, хотя вводил новые силы из низших слоев, народа он не вывел из крепостного состояния, напротив, еще усилил его: он поднял холопов, но в холопов обратил большую часть крестьянства. Начался разрыв интеллигенции и народа, и они стали расходиться, чем дальше, тем больше в противоположные стороны. Когда интеллигентный человек мечтает о личных правах и конституции, низший человек обыкновенно продается с молотка, без семьи и земли. То же было и с просвещением. Петр брал технические знания из Западной Европы и так крепко забивал демаркационные столбы этих знаний, что они стоят и до сих пор (например, математические науки и их развитие в России). Но Петр часто забывал границы между техническими знаниями и идеалом знания, сам не уяснял этой границы, да и другим русским не давал возможности определять ее. Так называемое светское западноевропейское образование вводилось у нас без надлежащих, а далее без всяких предосторожностей. Оно стало быстро вторгаться в духовную область русского человека и тем успешнее овладевать ею, что в русском человеке того времени надорвана была обычная у всех народов охрана от чужого — народное чувство. Но, кроме того, подорвана у нас была тогда и другая, еще более надежная охрана. Русская историческая жизнь выработала по отношению к Западной Европе ясное, всеобъемлю-

щее указание на эту границу между своим и чужим, именно Православие. Но известно, как легкомысленно и безрассудно Петр оскорблял и унижал это историческое русское начало в первую половину своего царствования. Его шутовские религиозные потехи составляют несомненное воспроизведение протестантских воззрений на папство и несомненное доказательство того, что Петр был жертвою иностранных интриг. Потом Петр понял свою ошибку и строго охранял Православие, даже подчинил иноверное духовенство св. Синоду. Но ошибка была сделана, и последствия ее больше и больше вторгались в русскую жизнь. Пастор Глюк заводит в Москве (1705 г.) оригинальную школу для образования светских людей. В этой школе совмещаются разнообразнейшие знания и восточные древности, и классицизм, и берейторство с фехтованием. Фантазия Глюка не знает границы. Он считает русских мягкою глиной, из которой все можно сделать, и, трудно поверить, считает возможным сделать их протестантами. В числе его руководств был и Лютеров катехизис, переведенный на русский язык. Или еще более невероятный факт: иезуиты находят возможным тайно пробраться в Россию, противозаконно выстраивают костел, основывают для благородных лиц училище, с несомненным, прямо высказанным в их письмах, замыслом — подорвать славяно-греко-латинскую академию, раскидывают немало и других сетей⁹².

Печатание русских светских книг было поручено голландцу Тессюгу в Амстердаме; к нему присоединился впоследствии и западно-русский лютеранин Копиевский, или Копиевич. Они стали слагать русские буквы на манер западноевропейских и создали так называемый гражданский шрифт. К чему он? По красоте он уступает славянскому начертанию букв, а, между тем, это разделение шрифтов — гражданского и церковного имеет очень важное значение: с раннего возраста дитяти внушается о различии светского и духовного. Вообще Петр был велик во всякой технике, велик в понимании русских нужд, каким бы то ни было образом связанных с техникой, особенно нужд политических, но очень слаб в вопросах внутреннего управления и народности. Он сам приготовил себе несостоятельность, слабость: однако поздно уже он огляделся (кто будет продолжателем его дела), все упования возложив на так называемых своих «птенцов», у большинства из которых не было ни совести, ни чести. Обратимся к другим, более частным вопросам.

Процесс перехода древней русской Думы в Сенат раскрыт в следующих сочинениях: «Боярская дума» Ключевского (сочинение, чем дальше, тем большее приобретающее значение); «История русского права» Сергеевича; «Обзор истории русского права» Владимирского-Буданова (краткие сведения); «История русского права» Беляева (особенно ясное изложение); наконец, «История России» Соловьева (т. XVI и XVIII).

Дума московская предполагала постоянное присутствие государя и живой обмен с ним мыслями. При отсутствии государя возникали затруднения. При Петре, который часто бывал в отсутствии, они, естественно, усилились. С 1681 г. устроена была Расправная или Золотая палата, составлявшая собственно думскую комиссию для текущих дел в отсутствие государя, а также и для судных дел. В 1701 году как дальнейшее развитие Расправной палаты была устроена «Ближняя канцелярия» для заведования отчетностью по приказным канцеляриям и для совещания высших бояр, которые впоследствии должны были вести журнал своих заседаний. Дума, впрочем, все еще собиралась при Петре, даже в отсутствие его; но это уже была только тень былой Думы. Она все слабела и слабела... Петр (через все его преобразования сильнее проходит начало разрушения и слабо строения) решился, наконец, совершенно ее уничтожить. Главной причиной этого было то, что он везде ставил личностей и непосредственных исполнителей: он любил прямую, личную деятельность, любил входить во все самолично, сам все делать, сам присылать указы и в Думу, и в приказы; кроме того, он давал нередко отдельные поручения лицам⁹³, даже не думским, а те исполняли их с авторитетом выше всякой Думы. Чаше и чаще происходило такое отделение дела от Думы и приказов, а указанные лица именовались министрами. Так было по преимуществу по военным делам, иностранным, горным, торговым. Уничтожив Думу и поставив всюду во главе лиц, которые подлежали его личной ответственности, Петр не мог вскоре не заметить ряда злоупотреблений со стороны этих лиц; это обстоятельство должно было наводить его на мысль создать что-нибудь на месте того, что он разрушил. Чужебесие воспрепятствовало восстановить Думу, и явился, таким образом, Сенат. В указе,

в котором объявлялось об учреждении сената (в 1711 г.), говорилось: «Повелеваем всем, кому выдать надлежит, что мы определили управить Сенат, которому и его указом всякий послушен да будет, как нам самим под страхом жестокой казни и смерти». Но, повелевая во всем покоряться сенатским распоряжениям, указ этот, однако, позволил всем недовольным приносить жалобы и самому государю, когда он будет в Москве. Круг обязанностей Сената был определен весьма подробно. По мысли Петра, в его ведении должны находиться судные дела, дела Расправной палаты. Сенат должен был стараться об увеличении государственных доходов и смотреть за расходами; должен был смотреть, чтобы молодые дворяне не уклонялись от военной службы, смотреть за товарами на откупках и казенных торгах и прочее. При Сенате должны быть комиссары от губерний для отсылки приказаний. По провинциям с целью предотвращения возможности злоупотреблений учреждены были фискалы и обер-фискалы для тайного надзора за ведением дел (Петр стремился усилить полицейское устройство в государстве). Это нововведение должно было произвести смуты в Москве. После Азовского похода Петр дал полный ход возрастанию роли новой столицы и Сенат должен был переезжать постоянно из Москвы в Петербург и обратно; а от этого происходила путаница. Ученый муж Лейбниц подал мысль об коллегиальном устройстве (как будто и в самом деле такое устройство было новостью в России). Петр стал изучать соответствующие иностранные образцы и остановился на шведском образце. С 1717 г. он стал учреждать коллегии; явились – коллегия чужестранных дел, камер-коллегия, юстиц-коллегия; ревизион-коллегия, воинский коллегий, адмирал-коллегия, коммерц-коллегия, берг и мануфактуры, коллегия штатц-кок тоже, а впоследствии еще – вотчинная и духовная коллегии. По каждой коллегии был президент – член Сената, советник-ассессор, но дальше – оставалась приказная система. Президентом был русский, вице-президентом – обыкновенно иностранец; впрочем, в берг- и мануфактур-коллегии и президентом был иностранец – Брюс. Для делопроизводства в коллегиях Петр упорно искал иноземцев в Дании, Швеции, Австрии (между тем как подходящих лиц можно было найти и у себя – между старыми приказными). Так как дела шли все неудовлетворительно, ибо лица, поставленные в начальники, были незнакомы с Россией, не знали даже ее языка, то Петр решился послать в Кенигсберг 40 подьячих для изуче-

ния немецкого языка, чтобы «удобнее в коллегиях было» (куда постоянно вызывались иностранцы). В 1721 г. число коллегий увеличилось новой духовною коллегиею — учрежден был св. Синод.

Все эти преобразования не ограничивались одним центральным управлением.

Русское государство до Петра делилось на области и воеводства. Петр хотел произвести понижение всего русского и в областях, как и в центре. Поэтому он разрушил старое деление Руси на уезды и области и учредил 8 губерний, поставил в них губернаторов; в провинции же, на которые делились губернии, назначил воевод. Таким образом, значение воевод, заведовавших в прежнее время и судом, и военным делом, все более и более умалялось. Во главе губернии стоял губернатор, который получал указы и делал распоряжение по провинциям, где были воеводы. Губернатор давал отчет центральной власти и государю (нужно помнить, как просто было деление Руси в старое время: уезды с воеводами, губными старостами, земскими избами, приказными, стрельцами; теперь административное устройство стало значительно сложнее).

Коллегиальное устройство проведено было и в провинциях. При губернаторах Петр повелел учредить коллегии, состоявшие из ландратов — по 12, 8 и 10 человек в губернии. Губернатор, из прямых обязанностей которого исключались суды и военное дело, не мог решить ни одного вопроса без согласия ландратов, выбиравшихся дворянством. Губернатор, по мысли Петра, был не властитель, но только президент ландратов (см. Соловьев, т. XVII). Петр стремился к тому, чтобы областной правитель не заведовал властью и судом, как было прежде, а потому в важнейших городах учреждены были надворные суды.

Западноевропейские понятия Петра и заботы его о развитии городских богатств побудили его освободить торговые сословия от воевод и приказов. Еще в 1691 г. Петр дал право торговому сословию самостоятельного управления через старост; в новейшее время учреждена была в Москве бурмистровая палата, а по городам — избы торговые (старые учреждения, но с обновленным кругом обязанностей). В конце 1701 г. бурмистровая палата переименована была в ратушу. В 1702 г. определено новое ограничение власти воевод и приказов по торговым и другим делам; должны были участвовать при

них выборные от дворян, а без них воеводами никаких дел не разрешалось делать.

Казалось, все это было вызовом общественного участия в управлении, но эта мысль только мелькала, главная же забота была в том, чтобы всех притянуть к доставлению денег и людей.

В 1712 г. было издано новое распоряжение: расписать по всей России постоянные квартиры для войск и разместить по ним оные, с подчинением последних губернаторам (нечто вроде военного положения). Со следующего года был введен ряд новых мер, вызванных злоупотреблениями губернаторов. Устроены земские конторы с камерирами во главе для наблюдения за сбором доходов. Выдвинуты были комиссары; ландраты получили еще большее значение. С 1718 г. введен был новый разряд должностей с ужасными для русского уха названиями: ландгеринг – земский голова, обер-ланд-рихтер – главный земский судья, ланд-секретарь – земский дьяк, бухгалтер, ланд-рендмейстер – казначей, ланд-фискал, ланд-мессор – земский землемер, ланд-комиссар, ланд-шрейберг, профас – торговый староста. Можно себе представить положение древнего русского человека где-нибудь в глуши пред этими названиями... Мало того, все эти чины были не выборные, а назначались самим правительством и притом из отставных военных людей, как известно, не привыкших к мягкому обращению и действовавших притом при содействии военных сил, как, например, при сборе податей, рекрутском наборе и проч. Какое широкое поле открывалось для всевозможного рода злоупотреблений власти над угнетенным русским народом!...

В 1720 г. в коллегии при сенате назначены президентами особые лица, не из сенаторов, кроме военного коллегіума. Полицейские меры оказались нужными и для верхних учреждений – меры, немыслимые в старое время: учрежден генерал-прокурор, т.е. стряпчий от государя. Еще раньше было организовано несколько учреждений (герольдмейстер) для наблюдения за детьми дворян. В 1721 г. учрежден реккетмейстер для приема жалоб на медленное рассмотрение дел в коллегиях. В 1724 г. учреждена сенатская контора в Москве – отделение сената как дань уважения к Москве. Также и коллегии должны были иметь свои конторы в Москве. Изменения происходили и в провинциальном управлении. В 1711 г. последовало новое разделение на губернии. К прежним 8 губерниям прибавлено было еще 4; таким образом, все государство разделялось на 12 губерний; гу-

бернии же разделялись на 47 провинций, а эти – на уезды, так что в самом низу оставалось старорусское деление. При множестве провинциальных административных чинов, стеснявших губернаторов в административном отношении, главная же ответственность по сбору податей, тем не менее, лежала на тех же губернаторах, которые не раз платились за это собственными своими имениями. Справедливость требовала дать им надлежащую власть; Петр и сделал это, подчинив власти их между прочих ландратов. В 1719 г., одновременно с увеличением числа губерний, ландраты были заменены воеводами, в лице которых теперь и сосредотачивалась и губернаторская власть. Была мысль, неосуществимая, впрочем, совсем передать суд воеводам. В 1724 г. велено было помещикам самим выбирать комиссаров для сбора податей. Это было возвращением к старым земским порядкам. Вообще Петр под конец своей жизни пришел к горькому сознанию, что все введенное им во внутреннем управлении негодно, и что нужно возвратиться к старому – упростить сложную систему учрежденного им провинциального управления. После смерти его, когда русским людям пришлось справляться с односторонностью петровских преобразований, сейчас же возник вопрос о возврате к началам старой Руси и о восстановлении связей с русским народом, т.е. возник вопрос о самобытности русской культуры.

В 1725 г. Петр скончался. На престол вступила иноземка – императрица Екатерина. Сейчас же последовал целый ряд преобразований; прежде всего учрежден был новый орган правления – Верховный тайный совет. Причины возникновения этого учреждения лежали в тогдашнем положении вещей. Меншиков, выдвинув на престол Екатерину, помимо внука Петра, стал обнаруживать стремление к верховной власти, сделался правителем русского государства и давал это почувствовать не только единичным личностям, но даже и таким учреждениям, как, например, Сенат. Так, когда для работ по устройству Ладожского канала Сенат, по ходатайству заведовавшего работами Миниха, определил послать туда солдат, то Меншиков, не любивший Миниха, от лица государыни заявил, что на это «не дано будет ни одного солдата». Сенат был сильно оскорблен поступком Меншикова и даже стал толковать о низвержении Меншикова и о возведении на престол Петра с ограниченной властью. Когда неудовольствие еще более усилилось, решено было учредить особое управление, стоявшее выше Сената – Верховный тай-

ный совет. В 1726 г. явился по этому поводу указ, в котором от лица императрицы говорилось: «Понеже мы усмотрели, что о многих политических делах необходимо рассуждать особо, а это может отвлекать от других дел лиц, заседающих в сенате, то для этого мы учредили Верховный тайный совет, при котором сами будем участвовать». В члены Верховного совета вошли: Меншиков (военный министр), Апраксин (адмирал), Головкин (президент иностранной коллегии), Толстой, Дмитрий Михайлович Голицын и Остерман (вице-канцлер). Первое место в этом совете занял, однако, не Меншиков, как ожидали, а иностранец – зять царицы, герцог Гольштинский Карл Фридрих, женатый на Анне Петровне. Вступая в совет, он заявил, что желает быть только товарищем членов совета, и просил всех не стесняться мнениями, но, заняв место в совете, он скоро дал почувствовать свою близость к царской семье: не только стал стеснять других членов, но даже требовал от них, чтобы сенаторы представляли отчет в совет, и это даже было узаконено. Такое возвышение Гольштинского герцога вызвало толки о том, что его жена будет объявлена наследницей престола. Эти толки усилились, когда его брат Карл-Любский, еще с 1726 г. добивавшийся руки Елизаветы Петровны, получил на то согласие Екатерины. Русским людям, таким образом, приходилось бояться не только за малолетнего Петра, но и за направление русской жизни: Гольштинский герцог явно показал, куда он ведет русское государство, когда объявил, чтобы в юстиц-коллегию ввести лифляндцев, знавших немецкое право, или передать ведение дел ее гоф-герихту в Риге и обер-герихту в Ревеле. Мало того, Сенат увидел, что права его ограничиваются, и потому, когда получил приказ о том, чтобы во всех делах подчиняться Верховному совету, то возвратил этот указ, так как на нем не было подписи императрицы. Но за указом последовало приказание императрицы, подтверждавшее этот указ, и Сенат должен был подчиниться. У него даже отнято было название правительствующего, и он стал называться просто «высоким» (точно также и Синод потерял значение правительствующего). При таком господстве иноземцев, желавших править Россией по иноземным началам, русские начала не умерли, а все больше и больше пробивались в жизнь. Так, когда снова был поднят возбужденный еще Петром I вопрос о своде накопившихся постановлений касательно сбора податей, то появилось два проекта. Первым проектом, предложенным русскими, советовалось собрать

выборных – по два человека от чинов, духовенства, военного ведомства и гражданского, присоединить к ним секретарей и обер-секретарей Сената, и им поручить рассмотреть законы и постановления, подобно тому, как это было при Алексее Михайловиче. Вторым проектом, принадлежавшем Остерману, предлагалось предоставить это дело ученому немецкому профессору Бренштейну. Замечательно, что проект русской партии одержал верх, и русский принцип, таким образом, в данном случае, как и во многих других в царствование Екатерины, восторжествовал.

Учредив Верховный совет над Сенатом и этим самым нанеся чувствительный удар в самое основание петровского государственного здания, правительство императрицы Екатерины не остановилось на этом, предприняв и другие преобразования, противоречившие петровским. Ввиду того, что производство дел в коллегиях было недостаточно быстро и правильно, «отчего волокитство и разорение просителям», приказано было: уволить лишних управителей, сократить ненужные канцелярии и конторы по губерниям, а также чиновников, которых при Петре страшно развелось, и положить всю расправу и суд на губернаторов и воевод; им же приказано было подчинить и городские магистраты, которым поручен был сбор податей. Так как прежнее расположение войска по округам найдено было разорительным для крестьян, то велено было селить полки слободами при городах. Вообще во всех этих учреждениях проходила одна мысль – упростить очень сложную систему управления, введенную Петром, и через это облегчить некоторые тяготы русского народа. В этом направлении были предпринимаемы меры еще с самого начала царствования Екатерины, так, были рассредоточены недоимки и дозволено платить подати натурой – хлебом. Герцог Гольштинский предложил было даже освободить от податей детей до 10 лет и стариков от 60 лет. Об облегчении положения народа заботился и Толстой.

Но никакие хитрости не могли отвлечь внимание русского народа от главной его заботы – заботы об единственном наследнике русского престола – малолетнем Петре Алексеевиче. Старая и подавленная Россия сказалась и теперь. Еще при самом вступлении Екатерины на престол русские люди заявили, что «недостаточное это

дело, что вступает на царство женщина», и многие даже отказывались присягать ей, говоря, что если на престол вступает женщина, то пусть и присягают ей женщины. Но и последние не хотели присягать ей. Одна монахиня (по Соловьеву) говорила, что она молит Бога не за царицу, а за царевича. Когда стало уясняться, что у русского престола ближе всех стали иностранцы, о действиях которых русские люди основательно узнавали из подметных писем (Соловьев, т. XIX, стр. 79-80), толки в народе еще более увеличились. Например, архимандрит Нижегородского Печерского монастыря на выходе поминал не Екатерину, а Петра Алексеевича. На возражение, что царствует Екатерина, он отвечал, что не признает ее, и готов жизнь пожертвовать за Петра. Эти симпатии русского народа к Петру Алексеевичу подметили и иностранцы. Саксонский посланник доносил своему королю, что сердца всех русских – за царевича. Эти сердца болели и потому еще, что боялись за царский род; вспоминали Дмитрия-царевича, а Меншикова (в одном подметном письме) называли Годуновым... Правительству нельзя было игнорировать этими заявлениями; и ему пришлось думать о сделках с этою старою Россией. Хитрейший из немцев Остерман придумал замысловатый план разделить старую Россию и новую: коренную Россию и инородческие северо-западные приобретения Петра (Прибалтийский край) и предлагал в первой сделать императором Петра, а во второй – правительницей Елизавету. Для видимого единства этих частей России женить 12-летнего Петра – племянника на Елизавете – родной тетке – с таким, однако, условием, чтобы новая Россия перешла в потомство Анны Петровны, т.е. принца Гольштинского. Но эта хитрость была уж слишком хитрой. Ее бросили, и устроена была, хотя с другой затаенною мыслью, прямая сделка со старою Русью признанием просто наследником Екатерины малолетнего Петра Алексеевича, который и сделан был императором после смерти Екатерины под главнейшим руководством самого дурного из русских – Меншикова, возмечтавшего быть тестем императора, и самого коварного иноземца – Остермана. Проект этот был вызван не без влияния также австрийского и датского посланников с целью ослабить значение принца Гольштинского, возмечтавшего о шведской короне.

Меншиков торжествовал и даже перевез Петра в свой дом. «Тяжелый и прежде для всех своим высокомерием, Меншиков, – говорит Соловьев, – стал невыносим теперь, когда сделался полно-

ластным правителем». Но торжество его было непродолжительно. Благодаря содействию враждебных Меншикову Остермана (сделавшегося воспитателем Петра), Натальи Алексеевны, Елизаветы Петровны и Долгоруких, из-за которых Иван Алексеевич сделался любимцем императора, Петр Алексеевич склонился на сторону старо-русской партии. 6-го сентября 1727 г. Меншиков был арестован, а 9-го ноября велено лишить его всех чинов и орденов и сослать в Ораниенбург Рязанской губернии. В 1728 г. он сослан был в Сибирь, в Березов, где и умер (1729 г.). Место Меншикова заняли Долгорукие, которые, чтобы еще более укрепить свое влияние, вздумали женить императора на дочери Алексея Долгорукова – Екатерине. Получили также значение Апраксины, Голицыны, Головкины и другие. Петр II не любил моря и поэтому с удовольствием последовал совету тех, которые уговаривали его переехать в Москву (9 января 1728 г.) Остерман с товарищами смотрел с ужасом на переезд, видя в нем шаг к унижению дел Петра Великого. Значение, впрочем, «автора оригинального проекта» примирения старой и новой России несколько не уменьшилось: он сделан был гофмаршалом и воспитателем молодого государя.

С воцарением Петра II и его переездом в Москву возвращение к старым порядкам пошло еще дальше. Последовало уничтожение ненавистного для всех Преображенского приказа, в котором терзали всех и каждого, а дела его были разделены между Верховным Советом и Сенатом. Вся почти административная и судебная власть сосредоточилась еще больше в руках воевод и губернаторов: 12 сентября 1728 г. им последовал указ – при вступлении в должность «принимать дела по описям, как было прежде; дела, прежде бывшие в которых, внести в расписной список и содержать их в своей канцелярии, расписывая их по выйти», т.е. по столам, как было прежде. В том же 1728 г. в Москву перенесен был и Синод, а в следующем и коллегии; в Петербурге остались одни конторы. Кроме того, в Москве были учреждены два приказа – казацких дел и уголовных. Здесь были, наконец, и выборные для обсуждения различных мер о подачах. В видах охранения православия сделано было весьма важное распоряжение о том, чтобы западноевропейские новшества не вредили Православию: цензура духовных книг была отдана в ведение Синода. Строго наблюдалось за тем, чтобы Русское Православие стояло на первом плане. По этому поводу возбуждались различные

вопросы, и, между прочим, поднимался вопрос о том, не восстановить ли старой формы церковного управления, т.е. патриаршества. Намечались даже для этого кандидаты...

Вот направление русской жизни с Петра II. Можно было думать, что Россия вовсе откажется от преобразований Петра Великого, но история не любит повторения, ибо это свидетельствовало бы об отсутствии всякой работы в течение исторической жизни. Так было и теперь: возвращаясь к старому, русские усвоили и новое и даже очень новое. Вновь было объявлено требование, чтобы помещики или их правители отвечали за исправный взнос податей с имений. Целый разряд офицеров отправлен был домой для управления своими имениями. Это требование ответственности за неплатеж податей было весьма важной мерой в истории закрепощения крестьян. Государство отказывалось от простого народа – отдавало его во власть людей, даже неслужилых, и это все шло вместе с развитием аристократии. В связи с этим направлением запрещено было принимать в полки вольницу. Это значит, холопу из крестьян запрещено было идти в солдаты. При Петре I и Екатерине в 1726 г. было точно такое же запрещение. Аристократическое направление еще яснее обнаруживается в обещании Верховного Тайного Совета учредить военное училище, из которого бы молодые шляхтичи⁹⁴ выходили прямо офицерами, не служа в солдатах⁹⁸. Для большего привлечения дворянского (среднего) сословия дано было обещание уничтожить майорат, который был учрежден при Петре I. Учреждением майората достигалось, во-первых, содержание имущества и, во-вторых, привлечение людей на государственную службу. Дальнейшее развитие аристократизма выразилось и в делах Малороссии: Петр I, как известно, уничтожил звание гетмана и назначил генеральную канцелярию, в которой служили назначенные им же самим лица. Теперь (в 1727 г.) гетманство, отвечавшее стремлениям казацкой старины, было восстановлено. Еще важнее для развития аристократизма было данное Верховным Тайным Советом согласие на просьбу лифляндского дворянства собраться на сейм. Верховники пошли еще дальше; превратившись в чудовищных временщиков, прикасавшихся к самому русскому самодержавному венцу, они совершенно естественно пришли к мысли (если не все, то по крайней мере некоторые из них) упрочить свое положение через ограничение русского самодержавия. Замечательно, однако, что к этим дурным замыслам присоеди-

лась чисто русская заботливость – прочно устроить дела России и оградить их от случайных перемен. Поэтому замысел верховников заражает все остальные петровские ранги – военные и гражданские, все шляхетство, составляются кружки, пишутся проекты устройства конституций. Но это естественное развитие петровских заимствований с Запада и, в частности, это естественное развитие Верховного совета и примесь чисто русских стремлений не представляют стройности: старые и новые люди, верхние и нижние в разброде... Верховники опереживают шляхетство и предлагают Анне Иоанновне ограничительные условия; но вместе с этими условиями полетело в Митаву и опередило их известие из низших сфер шляхетства, что условия эти не весьма приняты и не могут иметь силы. Среди этого разброда стройно, согласно ведется третья работа. Русский архиерей, недостойный этого имени, Феофан Прокопович и известный иноземец Остерман⁹⁶ – работают тоже в пользу русского самодержавия, призывают к содействию русскую гвардию и, сверх ожидания и верховников, и большинства шляхетства, восстанавливают русское самодержавие⁹⁷. Но это только общий контур картины. Вот ее подробности.

Молодой, изнуренный веселою жизнью император Петр II, простудившись на охоте и усиливший эту простуду во время крещенских парадов, скончался 19 января 1730 г. Событие это, как громом, поразило русских людей и в особенности Долгоруких, которые боялись потерять свое влияние и значение. Тотчас же был собран Великий совет, в состав которого вошли: канцлер Головкин, вице-канцлер Остерман, то есть император Алексей Григорьевич Долгорукий, его родственники Василий Лукич Долгорукий и князь Дмитрий Михайлович Голицын. Когда начато было совещание об избрании Анны Иоанновны на царство, то в совет были еще призваны: Михаил Васильевич Долгорукий, Василий Долгорукий и Михаил Михайлович Голицын – два последних фельдмаршала. Сам Алексей Григорьевич не мог иметь значения вследствие слабоумия, но вместо него действовал сын его, оберкамергер, сверстник Петра II, Иван Долгорукий. Долгоруких поддерживал и Остерман. Более видными членами Верховного совета были Дмитрий Михайлович Голицын и старший брат его, фельдмаршал Михаил Михайлович (Дмитрий Михайлович был самым последовательным в своих действиях и являлся главнейшим двигателем этих дел). Имел значение и канц-

лер Головкин, подле него стоял Остерман и особенно зять последнего, шталмейстер Ягужинский. Это были главные лица по вопросу об ограничении самодержавия.

Как уже было сказано, преждевременная смерть императора всего более поразила Долгоруких. В отчаянии, чтобы удержать свое положение, Алексей Долгорукий выдвинул завещание, якобы написанное Петром II пред своею смертью своей невесте, по которому она назначалась правительницей. Но Василий Владимирович Долгорукий возразил этому, заметив, что это завещание подложное, и тотчас же заговорил о бабке Петра II Евдокии Лопухиной как наследнице престола. Однако предложение это, как и завещание Петра II, было отвергнуто. Тогда выступил с ясным заявлением Дмитрий Михайлович Голицын с заявлением, совершенно не отвечавшим не только помышлениям знати, но и интересам вообще всех русских. «Мужская отрасль императорского дома пересеклась, – сказал Голицын, – и с нею пересеклось прямое потомство Петра I. Нечего думать о его дочерях, рожденных до брака с Екатериной; завещание Екатерины не может иметь значение. Эта женщина низкого происхождения, не имела никакого права воссесть на российский престол (князь выразился гораздо резче), а тем более располагать российской казной. Завещание покойного императора подложно. Я воздаю полную дань достоинствам вдовствующей императрицы, но она только вдова государя. Есть дочери царя, три дочери царя Ивана. Избрание старшей из них привело бы их к затруднению. Сама она добрая женщина, но ее муж, герцог Мекленбургский, зол и сумасброден. Мы забываем Анну Иоанновну, герцогиню курляндскую. Это умная женщина; правда, у нее тяжелый характер, но в Курляндии на нее нет неудовольствий».

Таким образом, Голицын предлагал совершенно устранить потомство Петра и выбрать на трон потомка брата его Иоанна Алексеевича – Анну Иоанновну, вдовствующую герцогиню курляндскую, которой было в то время около 40 лет. Как ни неожиданно было это предложение, однако оно было принято почти всеми. Даже Остерман и теперь, как и во всех важных случаях, сказавшийся больным, радостно согласился на такое избрание, потому что оно соответствовало его планам, проект Голицына приняли и члены Сената. Когда это предложение было объявлено, многие члены Совета стали уходить, считая дело об избрании царя поконченным. Но Дмитрий Ми-

хайлович Голицын пошел дальше: речь его пошла о том, чтобы «прибавить воли себе». Ягужинский также заявил, что «теперь настало время, чтобы самодержавию не быть». Большинство уже думало иначе и стало расходиться. Тогда Голицын спохватился и велел вернуть удалившихся. Заговорили об ограничении самодержавия, стали доставлять ограничительные условия. То обстоятельство, что не все, бывшие во дворце, участвовали в составлении этих условий, имело роковое последствие. Обсуждение и решение такого важного принципа, как самодержавие, были отклонено от общего обсуждения и заключено в воле пяти избранников-верховников. Неудивительно после этого, что решение вышло дурное. Проект ограничительных условий приведен кратко у Соловьева и более подробно у Корсакова. Проект, кроме обычных ограничительных условий, касающихся войны, податей и суда, заключал в себе следующие пункты: 1) в такие чины, как статские и военные, людей выше полковничьего чина не жаловать, а гвардейцам быть под ведомом Верховного тайного совета; в придворные чины как русских, так и иностранцев не возводить; 2) вотчины и деревни не жаловать.

Таким образом, ограничительные условия государственной власти в России были гораздо сильнее, чем даже в Польской республике. Так, касательно возведения в чины и касательно имущества не было стеснений. Да и другие стеснения короля были сосредоточены в Сенате, а не в Верховном совете, состоящем из пяти человек. Разумеется, последовали возражения против проекта, требовали участия в совещании других членов. 500 человек, между которыми были и генералы, бунтуются: их возмущало то обстоятельство, что такое малое число людей ставит вопрос об управлении, да притом в этом деле принимали участие только две фамилии. Иные, например, князь Черкасский, заявляли, чтобы и им было позволено подавать мнение. А другие – Ягужинский со своею свитой мало надеялись на согласие верховников и старались заручиться наперед согласием самой Анны Иоанновны. У Корсакова перечислены все предлагавшиеся проекты (гл. XVI, стр. 146). В этих проектах вопрос об уничтожении самодержавия исчезает, напротив, у Татищева, также составлявшего проект, мы находим еще дополнительную аргументацию в пользу монархии. Все озабочены были вопросом, как бы устроить благосостояние России, а совсем не самодержавие, как поставить Верховный Тайный совет, Сенат? Верховники же не оценили той близости, в

которой находились к ним составители проектов, и вместо того, чтобы заняться вместе делом, они упираются, грозят суровостями и, окончательно отредактировав документ, посылают его пункты к Анне Иоанновне. Но тогда начинает действовать Ягужинский. Он шлет к Анне Иоанновне тайное посольство, которое ей докладывает, что пункты верховников – это дело немногих, дескать, «пусть спросит, всенародно ли это решение»? К Анне полетели послы и от других русских партий. Не обратив внимания на заявление посольства Ягужинского, Анна Иоанновна согласилась с предложением верховников и приняла ограничительные условия, о чем и известила их. Получив подтверждение условий, верховники, чтобы закрепить их, тотчас же созвали высшее духовенство, генералитет и дворянство или шляхетство, как тогда говорили, в чрезвычайное собрание и объявили новой императрице – ограничить свою власть, представляя это как свободное ее действие. Присутствовавшие подписались, что «той ее императорское величество милостию весьма довольны». Но Анна Иоанновна перехитрила их всех; она совсем не желала власти с ограничением; с ее стороны это было не более как хитрая уловка, и потому лишь только она приехала в Москву, как тотчас же нарушила одно из ограничительных условий – пожаловала гвардейцев. 20 февраля в Успенском соборе последовала присяга Анны Иоанновны, в которой, хотя выражения о самодержавии были исключены, но об ограничительных условиях не было и помину. В ней просто говорилось о верности государству и отечеству. В среде шляхетства пошла большая работа, направленная к тому, чтобы добиться пересмотра пунктов. Верховники видели это и со своей стороны усилили деятельность. Василий Лукич Долгорукий сделался верным стражем Анны Иоанновны: он никого к ней не допускал, но женская хитрость все преодолела... К Анне Иоанновне переносили, как будто для ласки, детей Бирона, а в пеленках прилагались нужные бумаги со сведениями. Между тем, в народе стали распространяться нелепые слухи о том, что императрицу никуда не пускают, что даже не дают есть... Народ волновался... 25 февраля, во время заседания верховников, шляхта в числе 800 человек (по другим свидетельствам, в числе 500) оказалась во дворце и подала прошение, составленное Татищевыми, в котором говорили, что они, как верноподданные, вынуждены просить ее величество дозволить им пересмотреть пункты, выставленные верховниками, потому что эти пункты заключают

в себе такие обстоятельства, которые заставляют опасаться событий неприятного характера. В своей челобитной они просили государыню: «Всему генералитету соизволить собраться, офицерам и шляхетству... все обстоятельства исследовать, согласовать мнением по большим голосам форму правления государственного сочинения и ее величеству представить». Анна Иоанновна подписала этот проект, над которым прежде много работал Татищев. Можно было думать, что дело дойдет до Земского Собора, по которому будет восстановлена древняя форма правления; но приверженцы неограниченной монархии не хотели терять времени, тут же во дворце решили просить государыню о принятии самодержавия: «Принесем головы ваших злодеев», – говорили военные чины и секретари, павши на колени. Составлено было новое прошение (Кантемиром), которое и подано было. Вот его текст: «Всемиловитейшая и вседержавничейшая государыня и императрица Анна Иоанновна: «Усердие наше побуждает не показаться неблагодарными, для чего в знак нашего благородства просим всемиловствовать не принять самодержавие и всеподданнейше просим составить Сенат, как это было при вашем дяде Петре I: выбирать человека посредством баллотировки. Надеемся, что по благоутробию вашему не будем презренны, но тихое и безопасное житие смеем препровождать всеподданнейшие рабы».

* * *

Пункты верховников были потребованы и разорваны; в таком виде они и хранятся в архиве иностранных дел в Москве. 25 февраля в Москве была устроена блистательная иллюминация. Сама природа откликнулась на это: появилось северное сияние, горизонт был покрыт как бы кровью, по свидетельству Манштейна. Суеверные люди были этим приведены в ужас. Голицын говорил: «Пир был готов, но гости оказались недостойны его; я буду жертвой, но те, кто заставляет меня плакать, будут плакать дольше меня». У Голицына, человека иезуитского воспитания, это была искренняя ложь, у противников же его эта ложь была сознательная, а тем самым и более пагубная для России. К тем, которые на коленях просили о самодержавии, принадлежали: гвардейцы, чиновники и Кантемир. За Кантемиром стоял Феофан Прокопович, думавший прежде всего о своих

личных выгодах. Он, работая в среде гвардейцев, внушил им, что верховники злейшие промышляют сейчас значительно жестче, нежели прежде. Но всем заправлял Остерман, работавший за десятилетия: он прислушивался к датскому послу Весттералиху, шведским и немецким дипломатам, боявшимся прямых посредников Петра. Главным же образом заботился о существенных вопросах внутренней политики и ясно усматривал силу Миниха и царскую власть Бирона, но никто не стремился так сильно поселить раздор между членами Сената, как Остерман. Остерман уверял шляхетство, что императрица никогда не станет вмешиваться в государственные дела и что льготы будут добыты. Когда дело было достигнуто, Анна Иоанновна короновалась и приняла присягу. Дела пошли, по-видимому, своим порядком. Правда, начались балы и маскарады, со всей России были вызваны шуты и шутихи; но этому можно было не придавать особого значения, так как это было на радостях и радовалась к тому же этому женщина.

* * *

В течение десяти лет царствования Анны Иоанновны совершенно было немало преобразований. Так, в Москве был восстановлен правительствующий Сенат в прежней петровской силе, но восстановлен и верховный надзор в лице генерала-прокурора и помощника его – обер-прокурора; Верховный тайный совет уничтожен. Заботы о правде выразились и в других формах. Было вызвано в Москву шляхетство и купечество для составления Уложения; но, Сенат, увидев, что они бесполезны, сейчас же распустил их. Вместо них Сенат стал искать знающих людей в среде служилой. В правосудии сделана была перемена к старому; в начале 1731 г. восстановлено старое состязательное судоговорение, Петр I изгнал из суда обвинителя и ответчика, а это привело к затруднениям. Кроме того, восстановлены были в Москве Судный и Сыскной приказы, а также и Сибирский приказ. Для обуздания воевод и старшин постановлено было менять их каждые два года со строгим отчетом. Как бы в ответ на просьбу об облегчении податей представлено было платить подати помещикам. Офицерам были даны права собирать подати на содержание отряда. Также им было дано право производить экзекуции за неправильность, благодаря чему Россия вновь оказалась как бы в воен-

ном походе. Кроме всех этих учреждений, Анна Иоанновна нашла нужным основать еще одно учреждение, а именно Верховный кабинет. Учреждение это было основано для обсуждения тех дел, которые должна была разрешать сама государыня, однако, исходя из того, что она была женщиной, во главе этого учреждения стал Остерман, должность же фельдмаршала занял Левенвольд, приехавший из Лифляндии с целью хлопотать о правах для своих соотечественников, но затем понявший, что ему удобнее и выгоднее остаться в России; благодаря своему положению, он брата своего сделал полковником Измайловского полка, который весь состоял из хохлов (офицеры, впрочем, были немцы). Однако самым ближайшим лицом к императрице оказался Бирон, курлядский конюх и польский вассал. Но этот любодей, хотя и не имел прямой государственной должности (числился придворным гофмейстером), являлся, однако, всесильным правителем.

В начале царствования Анны Иоанновны во главе верховного правительства стояли три иностранца: Бирон, Остерман и Миних, а рядом было много других, таких как, например, Левенвольд, Кейт и др. Соловьев в XI томе своей «Истории» на стр. 321 говорит, что «уже в мае 1730 г. иностранные министры замечают, что Бирон и Левенвольд управляют императрицей, как хотят, сидя в военной коллегии, управляют военными делами. Русский народ сильно ненавидит их». Но появляется вопрос: куда же девались верховники и другие выдающиеся русские? Первоначально они были возвращены в Сенат, а отсюда некоторых из них перевели в новый Верховный совет под названием кабинета. Кабинет состоял из трех членов: одряхлевшего Головкина, прожившего до 1735 года, Остермана и Черкасского, человека знатного, богатого, но не опасного по уму. Другие члены Верховного совета то сами разошлись, то невольно разосланы были по ближайшим и отдаленным местам России. По свидетельствам иностранцев, Анна Иоанновна несколько дней советовалась с Остерманом, что делать с верховниками; результатом этого совещания было то, что некоторых из них «жгли медленным огнем с истинным немецким терпением и хладнокровием». Первая очередь была за Долгорукими. Самого умного и бедового из них – «дракона», по выражению Феофана Прокоповича, Василия Лукича, удалили в его подмосковные деревни, затем там же велено жить и Алексею Долгорукому с семейством. Михаил Данилович послан был губер-

натором в Астрахань. Через несколько дней после этого Алексей Долгорукий с сыном Иваном сослан был в дальние деревни с лишением чинов и орденов, полученных в царствование Петра; тому же наказанию подвергся и Василий Лукич. Не тронули лишь фельдмаршала Василия Владимировича Долгорукого. Но вскоре новая опала разразилась над всеми Долгорукими, в том числе и над Василием Владимировичем, в конце 1731 г. Общая судьба Долгоруких была такова: Алексей с сыном Иваном (тесть Петра) сослан был в Березов, Василий Лукич – в Соловки, Василий Лукич – в Шлиссельбург с лишением имений и чинов. Михаил Михайлович Голицын сам сошел со сцены и в конце 1730 г. умер. Дмитрий Михайлович сделан был председателем военной коллегии, но не имел никакого значения. Зять Головкина, дипломат Ягужинский, послан был в Берлин; Шафиров – воеводой в глухомань. Все эти дела не могли не вызвать народного недовольства, и так как они касались интеллигенции, то нужно было ожидать, что отсюда также будут заявлены протесты. Именно таким человеком явился дипломат Румянцев – человек опытный, участвовавший еще в деле Алексея Петровича. Сначала его правительство вызвало само, обладало и дало ему 20 тысяч денег. Но он прямо стал высказывать свои недовольства на немцев, обругал Бирона, в глаза Анну Иоанновну осуждал в роскоши. И вот его с лишением орденов и 20 тыс. денег сослали в казанские деревни.

* * *

Однако как ни легко немецкое правительство распоряжалось с верховниками, однако оно чувствовало себя стесненным в Москве, и поэтому решено было перебраться в Петербург. Здесь среди обширных болот и чухонского населения они могли свободнее развивать свои абстрактные теории и принципы. И вот в начале 1732 года двор перебрался в Петербург; вскоре сюда же перевели Сенат и Синод, а в Москве оставили одни только конторы. Между прочим, воззрения немцев в правительственном складе выразились в следующих мероприятиях, которые в основе своей совпадали с аристократическим строем Петра Великого, Екатерины I и Петра II. Так как еще раньше слышались со стороны дворян жалобы на тяжесть военной службы (нужно было каждому дворянину начинать службу с солдат), то Миних и выдвинул проект об учреждении военных кор-

пусов с той мыслью, чтобы сюда поступали учиться недоросли, а отсюда уже выходили прямо офицерами. В связи с этим проектом стоял и вопрос о домашнем обучении. Родителям строго предписывалось обучать детей дома; для проверки устраивались смотры в разные периоды: для десятилетних, пятнадцатилетних мальчиков, в это же время устраивались и экзамены. Лучшие мальчики определялись в кадетские корпуса, а другие шли на гражданскую службу. В этом случае резко выдвинулся вперед западноевропейский принцип отделения аристократии от простого народа. Он между прочим пошел еще далее, так, например, принято было одному брату не поступать на службу, а управлять хозяйством. Всем служащим в противоположность прежнему был назначен определенный срок – 25 лет. Вышедшие из военной службы и не имеющие своего собственного имения обыкновенно помещались в монастыри. Ничтожные крохи были брошены и низшим военным лицам: им стали раздавать государственные земли на востоке. Таким образом, в связи с вопросом об угождении интеллигенции логически выдвигался вопрос и об улучшении низшего сословия, но к нему еще с большею логичностью приложены были немецкие воззрения. Как последовательно развивались они, это можно видеть из следующих фактов. Рядом с работами об улучшении низших классов настоятельно выдвигалась нужда в деньгах от одной стороны на военные дела, но главным образом на удовлетворение роскоши, чрезвычайно развившейся при дворе благодаря иноземцам. Повеселиться и повыгоднее пожить на русских хлебах в обаянии русской власти – вот девиз, которого держались иностранцы. Понятно, что на удовлетворение этой алчной потребности требовались немалые деньги. Решая вопрос об улучшении устройства России, Бирон старался провести свой основной взгляд: нужно собирать повинности, приучать народ к строгим взысканиям, к порядку и исправности. Это и начали приводить в исполнение. Но тут возник вопрос: в каком количестве собирать подати и как смотреть на недоимки. Первый вопрос решался милостиво, но вопрос о недоимках признано было разрешать со всей строгостью.

Сначала взыскивались недоимки по военным издержкам за период времени от 1719 по 1732 г. (эти подати брались тогда, когда войско не жило в местности, которой назначено было его содержать). Вместе с военными взыскивались подати и по другим отраслям. В 1733 г. основан был особый Доимочный приказ. Результатом всех

этих притеснений было бегство русского народа: за рубеж, в леса, в Сибирь. Вот что говорится об этом в проекте 1735 г. об увеличении ясачных сборов: «Большая часть беглецов умещается внутри государства, где хлебные и свободные места, а особенно в ясачных русских областях; также в слободах старых служб: солдатских, казенных, пушкарских, рейтарских, стрелецких и бывших засечках местных старост, ибо многие из них поселились в вольных заокских местах, ушли по своей воле и податей не платили. Это своеволие приносит вред государству, удобрения на землю не кладут, потому получается половина труда, а откуда – чуть приходится по полтора рубля на душу, надобно произвести уравниение». В это время переселения еще более усиливаются, бегут не только на окраины, но и за границу. Смоленское шляхетство жаловалось, что как только начали требовать недоимки за 1734-1735 г., то почти всех людей в Польшу разогнали. Между прочим, для облегчения участи населения во время болезни и неурожайных годов правительство стало устраивать хлебные магазины. Помещикам также было приказано в голодные годы кормить крестьян. В начале этого периода правительство уменьшало и подати крестьян. Например, в указе 1736 года говорится, что в 1730 г. была сложена подушная подать за майскую треть, а в 1735 г. – за первое полугодие, причем в конце указа прибавлено, что правительство и впредь может оказывать такие милости народу, кроме складки недоимок, потому что этим наносится обида исправным. Однако этот правительственный взгляд далеко нельзя было назвать истинным, ибо он упускал из виду случаи несчастий, как, например, смерть отца и проч. «Несмотря на донесения воевод о бедственном положении крестьян, – говорит Соловьев, – посылались строжайшие указы о неослабном взыскании недоимок, но так как указы не помогали, то разосланы повсюду были гвардейские офицеры с приказанием держать воевод и товарищей их в цепях до уплаты всей недостающей суммы: вследствие таких принудительных мер сборщики действовали уже по чувству самосохранения: у крестьян забирали и продавали все, что только могли найти на дворах; помещики и старосты были отвозимы в город, где и держались под стражею по несколько месяцев, умирали с голоду и от тесноты». Само собой понятно, что усилилось закрепощение крестьян, выразившееся в таких ужасных формах, как, например, в продаже их в разброд. Понятно теперь, как должна

была сильно развиться ненависть народа по отношению к немцам, а особенно Бирону.

* * *

Но у него и его друзей было могущественное средство против всех своих недругов. Как известно, был восстановлен Преображенский приказ под именем Тайной канцелярии, в которой служил Ушаков. Здесь вовремя узнавали неудовольствия и сразу же поражали ужасом русских людей, думающих о благе России. Такая участь постигла первого сановника, кабинет-министра Волынского, осмелившегося вообразить, что он может представить план организации правительства без немцев, а когда увидел, что противники не уступят, решился объяснить на бумаге причины народных бедствий, причем одним из главнейших он представлял господство немцев. Бирон требовал суда над Волынским; Анна Иоанновна колебалась, но когда Бирон категорически заявил «я или он», то Волынский был предан суду. Началось следствие, в которое и внесли его якобы взяточничество в бытность астраханским губернатором и побои Третьяковскому. При допросах Волынского два раза пытали в Тайной канцелярии; в первый раз ему было дано на дыбах восемь ударов палками, в другой раз – шестнадцать и, наконец, казнили (1737 г.). Эта ужасная расправа нужна была Бирону не только для удовлетворения его жестокости, но и для других, более серьезных целей. Волынский своим проектом об улучшении правления государством, о военных чинах, купечестве, экономии, очевидно, предлагал дать ответ на тот пункт прошения о самодержавии, где говорилось о неограниченной форме правления. Понятно, Бирон не мог этого вытерпеть; это было бы гибельным ударом для него; ему пришлось бы обнародовать свой проект касательно понимания этого пункта прошения, которое было совершенно иное. Бирон понимал его как вопрос о наследии русского престола и давно задумал решить его в своих интересах.

* * *

Анна Иоанновна, совершая преобразование народной жизни в духе Петра, все-таки не желала, чтобы престол перешел в его род; ей хотелось, чтобы он утвердился в линии отца ее Иоанна Алексе-

вича, поэтому она обратила внимание на семейство Екатерины Ивановны Мекленбургской, в котором продолжался ее род, но саму ее она не желала оставить после себя преемницей, боясь ее мужа, человека весьма жестокого, а обратила внимание на дочь ее Анну Леопольдовну. С целью закрепить свое влияние и значение на будущее время, Бирон захотел женить своего сына Петра на Анне Леопольдовне, несмотря на разность лет. Сама Анна Леопольдовна восстала против этого возмутительного плана и вышла замуж за нелюбимого титулярного советника Антона Брауншвейского. Не преуспев в этом деле, Бирон, однако, не потерял надежды упрочить свое положение.

Вскоре у Анны Леопольдовны родился сын Иоанн. Рождением его императрица была очень довольна, взяла младенца к себе во дворец и еще при крещении решила передать ему свой престол. Остерман, главный при ней советник, поддерживал ее в этом решении. Издан был манифест, в котором Иоанн Антонович был назван великим князем и наследником престола. Между тем у императрицы обнаружились признаки опасной болезни. 5 октября с нею случился сильный припадок. Так как наследнику было всего несколько месяцев, то, естественно, сам собою явился вопрос: кому быть регентом? Тут-то Бирон и стал хлопотать о том, чтобы ему быть регентом во время малолетства Иоанна и нашел поддержку в кабинет-министре князе Черкасском и Бестужеве-Рюмине, потом в Минихе, а также и в Остермане, который действовал за их спинами. Как только разнеслась весть, что Анна Иоанновна умирает, Левенвельд поскакал к Остерману с известием об этом и с вопросом: «Что нужно делать?» Но Остерман заявил, что нужно сперва писать указ о престолонаследии, а на вопрос о том, какое будет правительство, он ответил, что, конечно, будет правительницей Анна Леопольдовна, имея при себе совет, во главе которого будет Бирон. Тут вот и начинают действовать Бестужев, Черкасский и проч. В совещании, на которое, кроме кабинет-министров, приглашены были и другие знатные лица, решили, что нет на Руси никого способнее Бирона управлять государством, и определили просить императрицу, чтобы она уступила желанию народа и назначила правителем государства впредь до совершеннолетия наследника Бирона. Анна Иоанновна, предвидя гибель своего любимца, сначала не решалась дать свое согласие на регенство Бирона и только перед смертью согласилась. Немцам во-

общее было весьма важно, чтобы власть оставалась в руках одного из них. Миних в беседе с Бестужевым прямо говорил, что «если герцог Бирон не будет регентом, то мы, немцы, все пропадем. Поэтому нельзя хлопотать ему о Бироне пред ее Величеством». Бестужев и пишет о регентстве, о назначении регентом Бирона и о согласии последнего на свое назначение. Что касается до самого проекта о регентстве, подписанного Анной Иоанновной, то в нем от лица императрицы говорится следующее: «До восемнадцатилетнего возраста Иоанна Антоновича определяют регентом к нему герцога Бирона и дают ему полную власть управлять государством. Он ведает все государственные дела – внутренние и внешние: войны, договоры и обязательства, заключенные им, должны быть в полной силе, как бы самим императором заключенные. Повелеваем, чтобы все государственные чины и учреждения были ему послушны, как нам, государыня, ибо по его любви к нам он тягость государства взять на себя. А будь его любви тягостно регентство, и будь он пожелает оказаться от регентства, то мы ему на это соизволяем и повеличиваем ему сообщая с разрешением сената и высших чинов учинить такое правление, которое бы в пользу нашего государства могло быть. А учиня это учреждение, может он или здесь оставаться, или в свое герцогство удалиться, и тогда ему всякое вспоможение оказать».

Замечательно, что во всем уставе сделано только два ограничения, или даже собственно одно – это, во-первых, в случае прекращения потомства Анны Леопольдовны он – Бирон должен собрать Совет из Сената, Синода, генералитета и с их общего согласия сукцессора избрать; во-вторых, императорской фамилии он должен оказывать достойное уважение и заботиться о ее содержании. Возможные же случаи злоупотребления властью не предусматривались совсем. Таким образом, ему давалась в руки неограниченная власть со стороны русского общества (с таким же благородством, как и со стороны Анны Иоанновны в 1730 г.). Так понял это и сам Бирон, сказав русским чинам: «Вы, русские, поступили, как римляне». Но не так все это оценила Россия. Проповедники церковные уже в начале царствования Елизаветы Петровны проговорили, что время Бирона было временем истребления всего лучшего, умного и честного в русской среде. Его время названо в народе «бириновщиной» – в смысле злой години. Историческая наука смотрит также на это время. В

24-ом томе на стр. 420 своей «Истории» Соловьев даст такую оценку бироновщины: «Несчастливая попытка 1730 г. нанесла тяжелый удар русским фамилиям, и царствование Анны Иоанновны является временем «бироновщины». И как бы ни уменьшали (например, Щербатов) бедствия этого времени, оно навсегда останется самым темным временем в нашей истории XVIII в., ибо дело шло не о частных бедствиях, но о материальных лишениях: народный дух страдал, чувствовалась измена основному жизненному правилу великого преобразователя, чувствовалась самая темная сторона новой жизни, чувствовалось иго Запада, более тяжкое, чем иго Востока, иго татарское. Полтавский победитель был принижен, рабствовал Бирону. Характеризуя положение России при том же Бироне, когда он уже был регентом молодого преемника Анны Иоанновны – Ивана Антоновича, Соловьев еще резче отзываясь о Бироне как об оскорбителе самого принципа русской государственной власти. «Тяжел был Бирон, – говорит он, – как фаворит, как фаворит-иноземец, но все же он не светил тогда собственным светом и, хотя имел сильное влияние на дела, однако, довольствуясь знатным чином придворным, не имел правительственного значения. Но теперь этот самый ненавистный фаворит-иноземец, на которого складывались все бедствия тяжелого прошлого царствования, становится самостоятельным правителем. Эта тень, наброшенная на царствование Анны Иоанновны, этот позор ее, становится полноправным преемником ее власти; власть царей русских, власть Петра Великого в руках иноземца, ненавистного за вред, им причиненный, презираемого за бездарность, за то средство, которым он поднялся на высоту. Бывали для России позорные времена, обманщики стремились к верховной власти и овладевали ею; но они по крайней мере обманывали, прикрываясь священным именем законных наследников престола. А теперь, взяв ее без прикрытия, иноземец управляет самовластно Россией и будет управлять 17 лет. По какому праву? Потому только, что был фаворитом покойной императрицы! Какими глазами православный русский мог смотреть на торжествующего раскольника? Россия была подарена иноземцу, как цена позорной связи. Этого перенести было нельзя» (Соловьев, том XXI, стр. II–IV). Действительно, русское общество и терпело-то его всего три недели, но эти три недели были слишком тяжелы. Сначала Бирон хотел было добрым правлением ослабить неприятное впечатление своего самовластия; он объявил понижение

податей на вторую половину 1740 г.; закрепил роскошь, объявил требование правосудия, например, наградил Тредьяковского за нанесенные ему побои. Немцы затем пошли еще далее и захотели было заключить с русскими «брудершафт» – союз братства на правах равенства. Президент коллегии фон Менден положил назначить в новый совет двух русских и двух немцев. Но русские не этого желали: они хотели свергнуть немецкое иго. Народ был неспокоен. Шетард, французский посол, пишет: «В народе волнение очень сильно; гвардейцы довольно гласно рассуждают, что пока императрица не похоронена, то нельзя ничего сделать, но что после похорон Анны Иоанновны будет то, чего немцы не ждут. Народ стал собираться толпами, его разгоняют патрули. В кабаках шпионы хватают всех, кто хотя бы набросил тень подозрения. Но гвардейцы заплатились за свое волнение по доносу Бестужева, все они попали в застенки к Ушакову. Когда и другие русские люди захотели просить Анну Леопольдовну быть правительницею и обратились за ходатайством к Черкасскому, то и они были выданы Бирону, который и расправился с ними по-своему. Зная, что и Антон Брауншвейский тоже поговаривает о правительстве, Бирон собрал генералитет и, призвав Антона, начал обвинять его в заговоре. Антон, от природы соединяя в себе глупость и трусость, сознался во всем, за что и выслушал от Ушакова следующее нравоучение: «Если вы будете вести себя как следует, то все будут почитать вас как отца государства, в противном же случае я поступлю с вами, как с последним подданным». На этом собрании Бирон изъявил было намерение отказаться от регентства, причиной чего были толки о подложности манифеста о регентстве, но в собрании Бирону не дали договорить и просили продолжать правление «для блага всей России». Антон же был лишен звания полковника Семеновского полка. В 1740 г. от имени малютки Ивана Антоновича объявлено было, что «Его высочество, наш родитель, желание изъявил сложить с себя военные чины, а мы отказать ему не смогли». Анна Леопольдовна со слезами умоляла Бирона не предавать гласности это дело. Из показаний по этому делу упоминается и о некоторых волнениях в среде людей, окружающих Елизавету Петровну. Так, один матрос, Максим Толстой, отказался и присягать Бирону, «потому что, – говорили они, – государству повелено править такому генералу, какие и у него (Максима) есть родственники (конюхи). А у государя Петра осталась дочь, и надо ей присягать».

За это Толстой после пытки был сослан. Сама же Елизавета не была тронута, она держала себя весьма скромно, но более всего ее охранял страх врагов перед русским народом – посягнуть на ее безопасность. Поэтому Бирон, недовольный родителем императора, задумал план – женить сына своего Петра на Елизавете Петровне, а дочь свою выдать замуж за принца Голштинского (сына Анны Петровны), т.е. соединить ветви Иоанна и Петра Алексеевичей, потому что его, Бироновы дети, считались народом детьми Анны Иоанновны. Поэтому он улучшил положение Елизаветы Петровны, дал ей содержание в 50 тысяч в год, часто у нее бывал. Но план Бирона не понравился другим немцам; особенно недоволен был Миних, желавший стать у кормила правления, но оттертый от него Бироном. Немцы рассорились за власть. Это и погубило Бирона.

В начале 1741 года, с согласия Анны Леопольдовны, Бирон был арестован и сослан в Пелым, где по рисунку Миниха был выстроен ему дом. Вместе с Бироном пострадали и его прислужники: Бестужев-Рюмин и другие. Все дело было устроено легко и просто. Бирона русские не любили, Миних же располагал высокой властью и расположением правительницы. Однако не этим только объясняется легкость успеха Миниха. Он говорил гвардейцам о возведении на престол Елизаветы Петровны, и солдаты шли за ним, веря ему (в этом позже сознался и сам Миних). На самом деле не в пользу Елизаветы это делалось, а в пользу Миниха и для большей крепости Брауншвейской фамилии. Правительницей, при содействии Остермана и Левенвольда, была объявлена Анна Леопольдовна. При этом в манифесте, изданном от имени малолетнего государя, говорилось: «Мы принуждены себя нашли, по усердному желанию народа одного герцога от регентства отрешить, и оное правительство поручить нашей государыне-матери». Миних занял положение регента, но перебрал мерку. Место генералиссимуса он отдал Антону, а сам хотел быть первым министром. А так как это место было уже занято Остерманом, то последний был устранен (и даже от дипломатии) и сделан был великим адмиралом. Это было для него обидой. Отсюда возгорелась ссора, поведшая за собой новый переворот. В собрании депеш Шетарди, изданного Пекарским в 1862 году, встречается такое замечание насчет тогдашних обстоятельств: «Остерман никогда не терпел советника, а теперь он даже не на первом месте и считает еще себя обиженным, видя Миниха первым министром». Счита

себя обеспеченным на всю жизнь, Остерман и выдвинул Антона, который обиделся, что ему не дают действительной власти генералиссимуса, и выхлопотал постановление, чтобы Миних сносился постоянно в своих делах с генералиссимусом. Таким образом, Миних должен был стать на равную ногу с другими. Вскоре его постиг другой удар. 28 января 1741 года кабинет-министры получили указ от Антона такого содержания: «Так как некоторыми делами другие департаменты заняты, то рассудилось нам рассматривать дела по департаментам, на которые кабинет и разделить. Первому министру, Миниху, ведать все до сухопутной армии, артиллерийского корпуса и Ладожского канала (т.е. его проведения) относящееся, рапортуя обо всем герцогу Брауншвейскому. Генерал-адмиралу Остерману ведать, что подлежит до иностранных дел и дворов также. Черкасскому и Головкину ведать внутренние дела Сената и Синода и государственных по камер-коллегии сборов, коммерции и юстиции». В случаях важных составлялся общий совет. Хотя Миних молчал, но видимо, что им пренебрегали во дворце до того, что для присутствия при его докладах призывали слабоумного Антона. Не желая сносить даже такого положения, он подал в отставку и в 1741 году получил ее к великой радости Антона, который приказал возвестить об этом народу даже с барабанным боем. К своей радости он хотел приобщить и Россию. Стали освобождаться заточенные Бироном: Феофилакт Лопатинский, архиепископы Игнатий и Лев, Наталья Долгорукая и др. Ивану Долгорукому даны были имения в Вологодской губернии. Подтверждено было право 25-летнего срока службы. Но зато меры, принятые против волокиты и самая должность рекстмейстера, на имя которого подавались прошения, были отменены 4 марта 1741 года, и жалобы должны были подаваться в надлежащие места: общерусским благом тогда не занимались. Вместе с тем были на виду у них и вопросы гораздо высшего порядка, которыми и занялся Остерман. У него явилась мысль подняться еще выше Антона и через него управлять Россией, так как Анна Леопольдовна была медлительна, непостоянна и находилась под влиянием придворных, которые мешали Остерману (Юлия Менгеден, Головкина, Салтыковы). Остерман задумал поставить Антона в положение правителя и для этого сперва обратить его в православие. Но одновременно и наперерез этому плану вырабатывался другой. Близкие к Анне Леопольдовне русские люди – Авросий Юшкевич, Тимирязев, Головкин

и другие заняты были вопросом: почему Anne Леопольдовне, русской и православной, дана такая же власть, как и иноземцу Бирону, т.е. регентство? Амвросий и Тимирязев жаловались, что Остерман «сверстал» Анну с Бироном. При этом уяснилось, что манифест о престолонаследии, сделанный при Anne Иоанновне, тоже обидна, ибо обойдена дочь (тогда еще в зародыше) Анны Леопольдовны. И еще: в случае смерти наследника наследство не переходило к Anne Леопольдовне. После совещания придворных и запроса Остерману решено было собраться у последнего Головкину, Черкасскому и Амвросию. Во всем этом замысле за русской оболочкой скрывался замысел уже Бирона. Анна Леопольдовна недаром хлопотала о наследстве. Около нее был фаворит – саксонский посланник Линар, который прежде, еще в 1735 г., был выслан из России за близость к ней. Для прикрытия своих отношений к правительнице Линар должен был вступить в брак с Менгден. Даже русские женщины возмущались этим, ибо явно выдвигался новый Бирон, причем дети Анны Леопольдовны от этой связи признавались законными, так как жив был законный муж и они могли быть наследниками престола. Тут затрагивались не только интересы Антона, которому приставляли рога, или, лучше сказать, открывали его ослиные уши, но и дорогие чувства русских людей.

Шетарди говорит: «Из сравнения настоящего с прошедшим открывается то, что при покойной царице кадили двум идолам, теперь их целая дюжина. Будущее не представляет ничего отрадного. Правительница имеет к мужу отвращение. Менгден иногда заставляет его покидать постель. Это расположение правительницы к уединению есть предлог беспрепятственно видеться с графом Линаром. Не нужно обманываться и насчет брака его с Менгден. Разница только та, что Петр и Карл Курляндские, хотя были сыновья Анны Иоанновны, однако считались Бироновыми, а ныне мы будем иметь на престол детей Линара». Общее тревожное состояние распространялось слухами о несчастном положении маленького императора. Доктор Лесдок говорил, что у него бывает часто сокращение нервов и что он может скоро умереть. Говорили, что императора не хотят показывать, что Елизавета посещает малютку и стережет его. Таким образом, Елизавета как бы шла к сближению с Брауншвейской фамилией и покровительствовала Иоанну. Равным образом, и из двора шла работа, чтобы сблизить ее с царской семьей. У принца Анто-

на был брат Людовик, который приезжал в Петербург. Составился план выдать Елизавету за него замуж и удалить в Митаву. Левенвольду было поручено переговорить с Елизаветой, но он отклонил от себя это поручение. Русские гвардейцы спросили об этом Елизавету, и она ответила, что никогда не выйдет замуж. И вот на нее легло упование о России. Она жила тихо, стараясь ладить с правящей семьей, и даже сняла со стены портрет своего любимого племянника Петра II, но в то же время, живя в своих поместьях, сближаясь с народом, она ласкала гвардейцев и приобретала среди них преданных людей. Вот в этом-то унижении, в низменной среде простых людей, устроилось первое народное примерение лучших петровских дел и старой России; тут же завязался вновь узел и тесной народной связи западной и восточной России. Сам Соловьев, хотя не без оттенка своих западнических воззрений, прекрасно оттеняет эту народную связь. «Опальное положение, — говорит он, — уединенная жизнь Елизаветы при Анне послужили к выгоде царевне. Молодая, ветреная, шаловливая красавица, возбуждавшая разные чувства, кроме чувства уважения, исчезла. Елизавета, возмужалая, сократив свою красоту, получила теперь спокойный, величественный, царственный характер. Редко, в торжественных случаях, являлась она перед народом — прекрасная, ласковая, величественная, спокойная, печальная; являлась как молчаливый протест против тяжелого, оскорбительного для народной чести настоящего, как живое и прекрасное напоминание о славном прошедшем, которое теперь становилось не только славным, но и счастливым прошедшим. Теперь уже при виде Елизаветы у народа возбуждалось умиление, уважение, печаль; тяжелая участь дала ей право на возбуждение этих чувств тем более, что вместе с нею, дочерью Петра, все русские были в беде, опале; а тут еще слухи, что нет добрее и ласковее матушки цесаревны Елизаветы Петровны» (Соловьев, том XXI, стр. 123). Об этой доброте лучше всего знали в народе, благодаря тому, что главный доход Елизавета имела со своих имений, которыми сама много занималась. Гвардейцы, которых ласкала Екатерина I и которые восстановили самодержавие Анны Иоанновны, выдвинули на законное место и Елизавету, но уже с чисто русским знанием; поэтому за гвардейцами пошли и плотно окружили престол Елизаветы вообще русские люди.

Для большого уяснения личности Елизаветы и тех двигателей, которые тогда создавали русскую историческую жизнь, означенное

время лучше всего сравнивать с временем конца царствования Екатерины I. Тогда русский народ обращал свой взор на наследника Петра II. Теперь также народ не был заинтересован Брауншвейской фамилией и обращался к принцу Гольштинскому Иоанну VI. Но обе эти личности затемнялись личностью Елизаветы Петровны, которая и была наиболее желанною на русском престоле, о чем народ заявлял весьма ясно и сильно. Разница с прежним временем была в среде, на которой отражалось движение событий: старые роды были почти все сокрушены и переломаны немцами. Правда, в настоящее время вырастали и пробовали выступать на политической арене русские люди; но они были слишком молодыми и неопытными, так что ужас прежней ломки русских людей был еще весьма ощутителен. Тогдашнее настроение русских людей лучше всего рисуется в сохранившемся историей разговоре двух солдат, из которых один скорбит о печальном иноземном иге, которое постигло Россию. Россия, по его мнению, много терпит зла от Бирона, и неизвестно, когда это кончится. «Прости, наша вера, – говорил он с грустью, – отечество, дворянство и солдатство; вы уже десять лет забыты, а ныне (при регентстве Бирона) конец совсем пришел от иноземцев, которые овладели всем – и фабриками, и мануфактурами, и уничтожают все устои Петра I»: он скорбит о русских дворянах, генералах, коих притесняли немцы во главе с Минихом; назначались начальниками немцы, а русскому человеку нигде не давали хода. Это свидетельство важно тем, что представляет в ясных чертах ту силу, с какой в это время России немцы прибалтийские, подобно тому, как при Петре I овладели ею иноземцы из Немецкой слободы в Москве. Иноземцы вне России, по примеру своих собратий, пожелали взять свою долю из того, что уцелело от немцев, а орудием для достижения своих целей они захотели сделать Елизавету Петровну.

Народное русское движение в пользу Елизаветы рассматривалось ими как средство отодвинуть Россию к старой Москве. Что удивительнее всего, так это то, что этому плану начали сочувствовать французы, которые считались защитниками начал народной жизни. То, что действительно это было так хорошо, видно из письма посланника Шетарди к французскому двору; он, в частности, писал: «Если будет Елизавета царицей, она удалит иноземцев, будет другом народа, переедет в Москву, морские силы будут пренебрежены, и Россия станет на задний план, а Франция и Швеция будут избавлены

от опасного соперника». Посему французы и шведы стали помогать восшествию Елизаветы на престол. Наградой французам был отказ Елизаветы от союза с Австрией, а Швеция рассчитывала на территориальное вознаграждение из русских земель. Для прочности дела шведы должны были поднять русский народ против правительницы (Анны Леопольдовны), а Елизавета взамен должна была дать письменное обязательство наградить шведов завоеванными Петром землями. Легко понять затруднительное положение, в котором она тогда очутилась: русские были задавлены, не имели надлежащей двигательной силы и торопились, а иноземцы предлагали помощь, но вместе с нею шло и предательство. И неудивительно, что Шетарди впоследствии обвинял Елизавету за нерешительность, а сам готов был отказаться от этого плана с целью возвести, например, голштинского принца. Гвардейские офицеры хотели выручить ее своею неустрашимостью. Елизавета на их приглашение поторопиться отвечала советом не спешить и остерегаться. В этой медлительности проявляется не слабость, а величие ее. Часть этого величия и была ясно видна иноземцам из действий Елизаветы Петровны. Она отказала шведам в территориальном вознаграждении. Причина этому, как заявил Лесток Шетарди, была та, что Елизавета не желала оскорблять народное чувство уступкою завоеваний Петра. Она соглашалась отблагодарить только деньгами и дипломатическим содействием, да и то без расписки. Но за этими моментами величия следовали и моменты ее падения. Так, Елизавета содействовала для личных своих целей тому, чтобы Швеция объявила войну России, и негодовала за то, что в войсках шведов не было ее племянника Голштинского принца.

Шведский полководец Левенгаупт издал манифест русскому народу; в нем он объявлял, что война ведется для освобождения русских от иноземцев и их тираний, что шведы будут содействовать избранию законного наследника, что русские, согласно желанию короля Швеции, должны соединиться со шведами, т.е. с врагом, вторгнувшимся в наше отечество. Елизавета шла дальше, ее уносили политические волны, так как она этому не противостояла. Долг историка состоит в том, чтобы различать в ее темных неразборчивых средствах то, в чем проявились прекрасные черты этой русской натуры, а этих черт было немало. За планом ее действий тогда следили принц Антон и тогдашнее правительство, так что Елизавета ожи-

дала скорого ареста. Вскоре последовало распоряжение двинуть против шведов гвардию, главную опору Елизаветы и ее партии. Она же то выходила из себя, то падала духом. Это тревожное настроение Елизаветы выражалось в различных фактах, о которых иностранные посланники доносили своим дворам. Когда персидский посол не был допущен к Елизавете для поднесения подарков, она совсем отказалась от них и при этом сказала присланным с подарками Апраксину и Трубецкому: «Знаю, что вы не от себя действуете, но скажите Остерману, что я сумею заставить его помнить, что я дочь Петра, который возвысил его из простых писцов, и заставлю уважать себя». Когда же в ноябре Анна Леопольдовна высказала неудовольствие за то, что Елизавета весьма часто принимает французского посла Шетарди, которого она намерена в ближайшее время выслать из России, Елизавета заявила, что Анна Леопольдовна, как правительница, может запретить Шетарди ездить к ней, Елизавете. Наконец, когда Анна Леопольдовна задумала арестовать и судить Лестока, Елизавета увидела, что дальше медлить нельзя, и начала действовать решительно. Напрасно посему недальновидные историки считают виновниками переворота Шетарди и Лестока. В действительности же она только колебалась и раздумывала, а вправе ли она занять престол, предлагаемый ей, тем более, что ей и прежде приходилось испытывать незаслуженные, но жестокие укоры в том, что она незаконная дочь Петра, как рожденная им до брака с Екатериною. Кроме сего, наряду с ней был другой, тоже законный наследник – маленький император. Смущало ее также кровопролитие и убийство, которым мог сопровождаться переворот, и смущало настолько, что Елизавета заставила даже присягнуть гвардейцев в том, что они не будут убивать никого.

* * *

В ночь с 24 на 25 ноября совершился переворот. Брауншвейская фамилия была свергнута, и русской императрицей объявлена Елизавета Петровна. 26 ноября 1741 г. Елизавета Петровна издала манифест, где говорилось о том, что она «по единогласному прошению всех гражданских и духовных чинов, а особенно лейб-гвардии полков для пресечения беспокойства и беспорядков восприняла отеческий престол по законным правам, по близости крови». Относительно последнего она обещала издать другой манифест с более подробными объяснениями. Этот манифест вышел через 2 дня, 28

ноября. В нем прежде всего восстанавливался порядок престолонаследия, установленный Екатериной I, по которому престол должен был перейти от нее к Петру II, затем в род Анны Петровны, потом к Елизавете Петровне, а далее к Наталии Алексеевне, дочери цесаревича Алексея Петровича. Затем в манифесте говорилось о сокрытии этого постановления и перенесении престолонаследия в род Анны Иоанновны. Вследствие этого незаконного сокрытия Брауншвейская фамилия, как незаконно захватившая власть, заслуживает устранения. Но, Елизавета, не желая делать зла, «с честью и удовольствием» повелела отправить Брауншвейскую фамилию в свое отечество. Отсюда выходило, что преемником на русском престоле был герцог Голштинский, за которым Елизавета и послала; но так как он был несовершеннолетний и не православного исповедания, то Елизавета сама заняла престол, отказавшись от брака, а Голштинского герцога под именем Петра объявила наследником престола. Елизавета поступила тут не особенно логично. Если престол принадлежал герцогу Голштинскому, то Елизавета Петровна должна была бы объявить себя регентшей, а затем, по достижении совершеннолетия, сдать престол Петру. Но трудно искать в таких делах логику: тут допускалось нарушение не только логических принципов, но и принципов более высших. Так, обещание отпустить Брауншвейскую фамилию с честью не только не было исполнено, но семейство это было задержано в России и постепенно ставилось во все более трудное положение. Сначала оно было задержано в Риге, Динамюнде, затем было отправлено в Ранненбург (Рязанская губ.), а отсюда в Холмогоры; Иоанн Антонович же был заключен в Шлиссельбург. Можно сказать, что вся Брауншвейская фамилия была переморена, и это лежит неизгладимым пятном на царствовании Елизаветы Петровны. Не только была неестественно сокращена жизнь Анны Леопольдовны и ее мужа, но и переморены их невинные дети (3 сына: Иоанн, Алексей и Петр и 2 дочери: Екатерина и Елизавета). Можно объяснить эту жестокость внутренними и внешними делами, но смыть этого пятна с Елизаветы нельзя; недостаточно для этого и ее слез, которые она проливала над Иоанном Антоновичем и при похоронах Анны Леопольдовны.

Понятно, должны были поплатиться и ближайшие советники павшей фамилии. Особенную суровость испытал Остерман, которого, несмотря на его болезнь, клали на плаху, хотя тут же взамен казни ему была объявлена ссылка. Тот же приговор и смягчение понес-

ли Левенвольд и Миних. Последнему пришлось отправиться в Пелым, в жилище Бирона, и даже, говорят, на дороге раскланяться с ним; а Бирон получил облегчение и был переведен в Ярославль. В судебном приговоре над этими обвиненными находятся драгоценные материалы для их характеристики. В народе, собравшемся на месте казни, поднялось волнение: почему виновных не казнили смертью? Подобные волнения не могли не отразиться и на судьбе Брауншвейской фамилии. Но главной из внутренних причин, вызвавших жестокость Елизаветы к этой фамилии, были заговоры в пользу Иоанна Антоновича: сначала заговор камер-лакея Турчанинова и его союзников-офицеров в 1742 г., а потом еще более туманное дело Лопухиных в 1743-1744 годах. Из последнего дела было видно, что судьбой Брауншвейской фамилии были заинтересованы иноземцы, и опять же та же Франция и особенно Пруссия, король которой Фридрих II, воспользовавшись неудовольствием на Елизавету раскольников, хотел было поднять их за Иоанна Антоновича, что еще более ухудшило бы положение представителей этой фамилии. Впрочем, это вмешательство имело и свою хорошую сторону: оно дало Елизавете возможность яснее продумать ту политическую сеть, в которую хотели западноевропейские государства впутать Россию и которую Елизавета распутала с тем русским умением, которое представляет почти единичное явление в нашей новой истории. Русская политика пошла по совершенно новому пути, поколеблен был главный корень славянской нарости – Пруссия. Русские войска смирили Фридриха II. Тронут был, хотя, по-видимому, нечувствительно, другой корень славянской нарости – Австрия, откуда пошли славянские колонисты для пустынного юга России. В западной России, в пределах польского королевства, во многих церквах – не только православных, но и считавшихся униатскими – к ужасу униатов и латынян поминались как природная государыня, так и русский Св. Синод.

Из сочинений, рассматривающих время Елизаветы Петровны, меньше всего заслуживает внимания 1-ый выпуск Костомарова, представляющий ее дело в извращенном виде. Он обращает внимание только на частные скандалы, которые бывали во все времена: на внешние беспорядки (и на медленность Елизаветы в действиях, забывая, что это была женщина), на жестокости, на пытки, на пристрастие к духовенству, на суровые меры против раскольников. У Беляева в «Истории русского права» также много неодобрительного о царствовании Елизаветы Петровны, хотя он и одобрительно отно-

сится к идеям, проводимых ею. Соловьев же вскрывает взгляд, вопреки своим основным воззрениям на историю России, и скорее развивающий мысль Беляева: он признает, что было много хороших начинаний, хотя не все они были выполнены.

Две особенности положительно отличают царствование Елизаветы Петровны: 1) преданность ее православию и 2) народность. Эти особенности накладывали свою печать на все ее начинания и приводили ее неизбежно к тому, что она заботилась об удалении иноземцев от трона и о льготах для народа. Со вступлением ее на престол иноземные послы неизменно жаловались на то, что они живут в постоянном страхе, а во все царствование ее строго соблюдался принцип Петра I – не назначать иностранцев на высшие должности: только министром иностранных дел был у нее немец Бремен. Но Елизавета Петровна, так счастливо мирившая старую допетровскую и новую петровскую Россию, не имела сил стать выше той и другой по крестьянскому вопросу. Напротив, буря, выдвинувшая ее, поставила Елизавету Петровну в зависимость от тех, кто поддерживал ее, и она щедро оплачивала эту услугу приближенным пожалованием крепостных, т.е. переводом государственных крестьян в положение помещичьих. Впрочем, наступившее нравственное народное успокоение отразилось и на крестьянах. Многочисленные крестьянские выступления по частным случаям не имели при Елизавете политического характера. В 1754 г. был издан указ, отменяющий смертную казнь, поскольку его издали безо всякого шума, то нынешние юристы (Сергеевич и Владимирский-Буданов) не раз высказывались, что казнь при Елизавете не была еще отменена, но как видно из самого содержания указа, это действительно было сделано. Кроме этого указа, о гуманных принципах Елизаветы свидетельствуют и другие факты. По тогдашним воззрениям, отмена смертной казни необходимо должна была вести к усилению пыток. Однако Елизавета приняла также меры и к их ограничению. Так, она отменила пытку за описку в царском титуле и за ложное слово и дело, предписывая в первом случае внушать провинившимся, чтобы писали правильно, во втором – отсылать крестьян к их господам, а посадских – в слободы. Можно предполагать, что в ту пору вообще отрицательно относились к пыткам: указ 1758 г., запрещающий пытать по корчемным делам, мотивируется тем, что пытаемые могут кого-либо оговорить напрасно. Есть и еще факт, подтверждающий ту же мысль. В 1760 г. была созвана комиссия для составления «Нового

уложения». Ввиду того, что смертная казнь была запрещена еще ранее, комиссия в 1761 г. в деле о суде и наказаниях особенно детально разработала главу о пытках, но Елизавета не утвердила ее. Что касается административного строя, то она воскресила то, что было, по ее мнению, лучшее на этот счет в распоряжениях Петра. Так, она восстановила прежнюю силу Сената, уничтожив кабинет министров, но так как сама она непосредственно не могла в нем всегда присутствовать, то по важнейшим делам заседания происходили у нее во дворце. Иногда же Сенат собирался в малом количестве, напоминая собою ближнюю Боярскую Думу при московских царях. Была при дворце и канцелярия.

Среди замечательных деятелей при ней были: Бестужев-Рюмин, министр иностранных дел, великий государственный ум, сходявшийся с Елизаветою в ее неприязненных отношениях к Пруссии; братья (двоюродные) Шуваловы – Иван Иванович, покровитель просвещения (и в частности, Ломоносов, влиянию которого приписывается основание Московского университета в 1752 г.), Петр Шувалов, прокурор Сената, представивший много проектов по внутреннему управлению России. Однако между различными деятелями царствования Елизаветы был антагонизм, который вместе с переменою ее расположения к ним производил путаницу в государственных делах. Елизавета по примеру Петра придавала важное значение городам; она восстановила Берг-коллегию и магистрат, хотя допускала некоторую своеобразность касательно промышленности и торговли: она позволяла делать не одно только широкое полотно для вывоза за границу, но и простое, соответствующее народным потребностям, наложила пошлину на иностранные товары. Словом, питая женскую страсть к роскошным нарядам, не переставала думать об интересах народа.

Кроме крепостного права, другою темною стороною Елизаветинского времени было то, что наша русская интеллигенция, заразившись страстию к иноземству, не могла побороть ее, а потому переместила лишь центры тяжести для удовлетворения этой страсти. До того времени господствующим у нас пленом иноземной цивилизации был плен немецкий; при Елизавете все шли против немцев, но затем пошли другие нации для подражания – итальянская, английская и особенно французская. Но это французское влияние действовало на Россию еще более разъедающим образом, чем немецкое. Вообще в годы царствования Елизаветы Петровны русская интел-

лигенция впервые после Алексея Михайловича могла спокойно возрастать, подготавливаясь к царствованию Екатерины II. Вырастив нужных для нее людей, Елизавета дала ей в наследство указания по самым разным вопросам: как устройства России, так и образования.

* * *

Ко времени Екатерины прямо можно было бы перейти после Елизаветы, минуя Петра III, но заметим кратко, что его царствование представляет изнанку всех деяний Елизаветы. Воспитываемый ею, он как будто присматривался к делам ее для того, чтобы после осмеять их. Он не желал знать ни Православия, ни народа, открыто смеялся над обрядами церкви даже во время великого выхода за литургией, думал только о своей Гольштинии, вызвал Миниха, прекратил войну с Пруссией и начал ее со Швецией для усиления Гольштинии. Но он не долго царствовал, покончив жизнь насильственной смертью в Ораниенбауме.

Итак, между Елизаветой и Екатериной II связь существует непосредственная. Различие между ними лишь в том, что Елизавета действительно была «искрою Петра Великого», обладала творческой натурой, тогда как Екатерина принадлежала к числу людей, умеющих схватывать и хорошо систематизировать чужое. Будучи немкою по происхождению, она, сделавшись русскою государынею, старалась быть русскою в полной мере, желая выпустить из себя всю немецкую кровь. В первом манифесте своем она объявила себя защитницею Православия и народности. Этот указ с необыкновенным интересом читался в Западной России. Усвоив идеи Елизаветы, Екатерина старалась выполнить их весьма эффективно. Таким образом, например, была создана комиссия для составления «Нового уложения»: рассылались указы о созыве депутатов; принципы же, положенные в основание законодательства, были заимствованы из Монтескье и французских энциклопедистов. Будучи сильна в теории, Екатерина не такою оказалась на практике, как это показало дело по вопросу об освобождении крестьян. Назначив даже премию за проект об их освобождении, Екатерина в «Уложении» допускала лишь «личную свободу крестьян без земли», а во время составления самого «Уложения» даже усилила крепостное право, издав указ, запрещающий крестьянам жаловаться на своих помещиков под угрозю ссылки. Вообще время Екатерины – время развития интеллигенции,

что выразилось, между прочим, в дворянской грамоте 1785 г., освобождающей дворян от обязательной службы и в «Уложении» 1775 г. о губерниях, по которому главные чины и губернская полиция составлялись из дворян. Нет сомнения, что для крепостного времени судебные и административные учреждения Екатерины были самыми подходящими, но на народе они отразились весьма тяжело, и это выразилось в ужасном бунте Пугачева, где крестьяне показали, что они знают о том, что их совсем забыли. Великое дело Екатерины – разгром Польши, но еще при Елизавете Западная Россия сердцем своим отделилась от Польши, помяная в церквах императрицу и Синод. Екатерина же могла присоединить ее только в три приема, из которых третий никак нельзя хвалить, потому что только незначительная часть досталась России, большая же часть была отдана Пруссии. Шумны были ее войны с Турцией и Крымом, но они стоили многой крови русских, а новозавоеванные места южной России были наполнены немецкими колонистами. Раболепство перед западноевропейской цивилизацией дошло до того, что наследник престола Александр I был воспитан республиканцем с явными революционными стремлениями. Отсюда появляются в обществе мечты о конституции, восстановлении Польши, образование тайных обществ к концу царствования Александра I и даже неосознаваемое до конца служение немцам в народное царствование Николая I. При Екатерине же получили доступ в Россию иезуиты и жидаы из польских областей, были пущены в ход бумажные деньги. Все это не вознаграждалось тем просветительным движением, которым славится время Екатерины II.

РИМЕЧАНИЯ

1. Собрание Киреевского продолжено Безсоновым.
2. В параллель к летописи заметим, что поэтические сказания всех славянских народов вспоминают Дунай, как ровную (Ягич).
3. «Склавины и анты говорят одним языком..., занимают великое пространство земли; большая часть земель по ту сторону Истра принадлежит им». В другом месте: «области на севере от Понта Эвксинскаго занимают бесчисленные народы антов».

4. «К Дунаю прилежит Дакия, как венцом, огражденная высокими горами, по левой стороне которых и от вершин реки Вислы, на неизмеримом пространстве обитает многолюдный народ, который называется Венецким. Название этого народа ныне изменяется по различию племен и поселений, но преимущественно они называются славянами и антами» (Иорнанд).

5. Птоломей употребляет, кроме того, название народа «ставане». Если мы припомним, что греки не владели способностью сочетания звуков – «с и л» – и переделывали его в иностранных словах, то «ставане» легко объясняются из «славян», как и позднейшее греч. выражение «склавины».

6. Об этом – у Забелина в «Истор. рус. жизни»; у Самоквасова – в «Истории рус. права» (курс универс. лекций), у Будиловича и литвина Шлейхера.

7. Об этом см. у Забелина.

8. В одном учебнике читаем: «Северяне, ибо пришли с севера»; но теперь уже доказано, что расселение шло не с севера, а с юга...».

9. Есть основание предположить, что проповеди Кирилла и Мефодия по языку совпадали с наречием словаков.

10. Отсюда, вероятно, название Новгорода.

11. Далее по порядку следует параграф о славянской мифологии.

12. Похоронные причитания изданы Е.В.Барсовым (москв. членом «Общества ист. и древн.»).

13. Густинская летопись составляет продолжение Ипатьевской. Материал для более ранней эпохи в ней взят из нар. преданий и для позднейшего времени – из летописей польских.

14. Церара, богиня земледелия.

15. Афанасьев – «Поэтические воззрения славян на природу», стр. 713-714.

16. Там же, стр. 714–720.

17. В Бамберге нашли идола, в котором по всем признакам нужно видеть изображение именно Чернобога. Он представляет фигуру зверя, более всего похожего на волка.

18. Начало ее: «Быв на Руси Чернобог...».

19. В некоторых преданиях Волос является покровителем земледелия; до сих пор во многих местах завивают колос – «волосу на бородку».

20. Гете – готы, а по Забелину – датчане.

21. 1-я Новгород. летопись по древнейшему ее списку начинается прямо со времени Ярослава 1-го, со слов «а вы плотницы суще».

22. Главнейшие сочинения Эверса: «Предварительные критические исследования по русской истории» и «Древнейшее русское право».

23. «История рус. самосознания» – проф. М.О. Кояловича, стр.197-198.

24. «Похвала Владимиру» мниха Иоакава и «Житие Владимира».

25. Имя неразборчиво. – В.Ч.

26. Ярополк был убит одним из дружинников, который бежал потом к Ростиславичам.

27. Он пришел в Киев в 1154 г. и княжил до 1159 г., до его прихода сменились Ростислав и Изяслав Давыдовичи.

28. Где Мстислав Владимирович разбил Олега Святославича.

29. И с связи с польскими князьями и влияние на них Руси особенно сказывается в их словах Даниилу: «Ты еси король..., голова всим полуком».

30. Литература предмета: Соловьев – «История России» 2-й т.; Беляев – «Очерки истории С. – Зап. края», 2 т., а особенно – 3-й (Псков) и 4-й (Полоцк); Трусман – сборник «Ист. Ливонии с древн. времен»; сборник «Материалы по истории Прибалтийского края» Чехихина. У последнего сведены известия немецких хроник (главным образом, хроники Генриха Латыша) с нашими летописями. Причем хронология наших, по его замечанию, вернее немецких.

31. Эти обстоятельства недостаточно раскрыты в исторических соч., а более – в торговых, например, «О Ганзейской торговле с Новгородом».

32. Кроме прежних указаний, см. следующую литературу по этому вопросу: Соловьев, Карамзин, Беляев, Иловайский (во многих местах их сочинений), М.О.Коялович – «Лекции по истории Зап. России»; Ешевский – «Рус. колонизация с вост. края»; Иконников «Опыт исследования о культ. значении Византии» (гл. III и IV о монастыр.-колонизации); Костомаров – «Черты народ. южно-рус. ист.» и «Рус. инородцы»; Гильфердинг – «Жмудь и Литва»; Беляев – «Как обр-валось вел.-рус. племя» и мн. др.

33. Об этом же писал Мрочек-Дроздовский.

34. Полный список у Сергеевича – «Вече и князь».

35. См. там же.

36. См. выше в рассказе о Владимире Мономахе.

37. Особенность новгород. летописей – как бы торопливость писания их: слова вводные в рассказе, пропуски и т.д.

38. Погостом назывался центральный пункт небольшой местности, в котором останавливались люди торговые, военные, правители, вообще все имевшие дело с этой местностью. К этому присоединилось значение его как церк. пункта, потому что в нем ставилась церковь для этой местности, и как судебного (по объяснению проф. Ключевского).

39. В русской истории ее можно найти в 1-м томе у Соловьева, у Бестужева-Рюмина, Иловайского; здесь она прилагается в связи с характеристикой русского общества в то время.

40. «По Ярославле совокупившиеся сыновья его, Изяслав, Святослав, Всеволод, и мужи их – Коснячко, Перенег, Никифор, и отложила убиение за голову, но кунами ее выкупати, а иное все тоже Ярослав судил, тако же и сыновья его уставиша».

41. Прибавл. к Софийской лет.; Полн. собр. рус. летописей, т. 4, стр. 57.

42. Рез – рост, процент.

43. Если Успенскую церковь в Печерском монастыре строили греческие мастера, то вскоре явились строители из русских: строитель Выдубицкого монастыря «Милонег, Петр же во крещении».

44. Котян и Мстислав Мстиславич Удалой.

45. Еще в «Истории» Бестужева-Рюмина, 1 и 2 т.

46. На котором должна была совершиться коронация короля Литвы.

47. Народное тщеславие сказалось даже в 1888 г., в день 900-летия юбилея крещения Руси: москвичи не хотели придавать особого значения этому событию, точно крещение Руси не было великим делом только потому, что не было делом московским.

48. Замечательно, что при всех переворотах, более или менее крупных, становится особенно заметным влияние женщин. Достаточно вспомнить значение гетер в Афинах, в Риме, влияние женщин во время французской революции, а также в последнюю польскую смуту. У нас можно указать на княжну Ольгу, на Софию Витовтовну и царевну Софию. Значение женщин в XVIII в. не нуждается в подробных разъяснениях.

49. Геннадий Новгородский с участием Иосифа Волоколамского.

50. По этому вопросу много дает сочинение Дьяконова: «Власть московских государей». Литература предмета указана тщательно; текст не так важен.

51. По данному вопросу см. литературу: Сервицкий «Опыт исследования ереси новгородских еретиков»; «Православное обозрение» за 1862 г., Казанский «Иосиф Волоколамский» и «Писания Иосифа Волоколамского»; Хрущев «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. Игумена Волоцкого». Самые памятники напечатаны в «Великих Макарьевских Четьях-Минеях».

52. Славянофилы (Константин Аксаков) удивляются и хвалят терпение русского народа, спасительное для русского государства. «Болезни самодержавия легко поправимы, а болезни республики или государства, близкого по своему устройству к республике, неисправимые, потому что они делаются достоянием всего народа», – говорил И.Н.Болтин. По-видимому, это время было ужасное и невежественное, но русский народ все-таки ценил Иоанна как последнего Рюриковича и мог усматривать в нем остатки старинной доблести русской, глубоко уважавшей и ценившей свободу народа и оставлявшей ее неприкосновенною; так как Иоанн, хотя и подготовил своим царствованием закрепощение крестьян, но сам он не осмелился закрепостить их.

53. Соловьев сомневается, чтобы слова Вассиана, сказанные им на ухо Иоанну, могли стать известными, а Бестужев-Рюмин предполагает, что они могли быть переданы Вассианом лицам, близким ему.

54. В Новодевичьем монастыре.

55. Павлов в соч. своем «Историческое значение Годунова», в котором собрано много письменных памятников, касающихся того времени, говорит, что у Бориса Годунова вложений и доходов было даже больше.

56. Хронограф этот помещен в «Изборнике» Попова и у Бестужева-Рюмина.

57. Вопрос о холопах не разработан, потому что дела холопов во время бунта по смерти Федора Иоанновича были истреблены или разграблены. В «Истории русского самосознания» Кояловича этот вопрос затрагивается при разборе взглядов Ключевского.

58. Сами русские люди совсем не надеялись на помощь иноземной силы. Шуйские пользовались историческим сочувствием Новгородской области, рассчитывая опереться и на иноземную шведскую помощь. Но Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, придя в Новгород, увидел здесь нерасположение к царю; думая встретить то же и в Пскове, он отправился в Иван-город и Орешек, но и там его не приняли. Но Скопин, вероятно, видел и причину этого нерасположения к царю Шуйскому: не только их несклонность к самозванцу, но и историческое народное, что не выйдет добра из призыва иноземцев. А псковичи, постоянно боровшиеся с иноземцами, говорили даже так: «Как только придут шведы, мы обратимся к самозванцу».

59. В последнем томе, впрочем, он делает уступку славянофилам.

60. Оно напечатано в XII т. «Истории» Карамзина с подлинника, хотя подлинник этот еще не отыскан, несмотря на все старания М.О.-Кояловича (при издании «Памятников смутного времени»).

61. В некоторых исследованиях, например, у Костомарова, неправильно указывается в числе кандидатов на престол кн. Д.М.Пожарский, лишь на том основании, что в царствование Михаила Федоровича боярин Сукин укорял при ссоре кн. Ромодановского тем, что его родственник (кн. Пожарский) при избрании на царство Михаила Федоровича будто бы истратил на подкупы 20 000 рублей. Обвинение это после судебного расследования не привело ни к чему определенному, поэтому Забелин видит в этом сплетню, хотя Пожарский и мог желать престола. Мы видим объяснение этому факту ниже.

62. Это был пленный швед, сосланный в Сибирь при Петре и бывший в близких отношениях к фельдмаршалу Борису Шереметьеву, от которого он многое слышал и по этому поводу и полученным им известиям написал свое сочинение.

63. Об этом есть исследование под заглавием «Памяти Ивана Сусанина» под редакцией Гаврилова.

64. Условия мира – у Соловьева в 9 т. и в приложениях к запискам гетмана Жолкевского, изданных Мухановым.

65. «Чтение Москв.Общ.Ист.Древ.» 1876-1877 г., Багалей: «Очерк истории и колонизации юго-восточной окраины Московского государства».

66. См. о станичной службе у Соловьева в 5 т., стр. 229; в 7 т., с. 24–29; а более обстоятельное – у Беляева в «Чтен. Моск. Общ. Ист. Древн.», 1846 г.

67. Вопрос этот в исследованиях сильно затемнен. Новый свод сведений по этому вопросу см. у Латкина в соч. «История земских соборов».

68. В книгах, за исключением Соловьева, можно увидеть совсем иную характеристику Алексея Михайловича. Так, например, Костомаров, не отрицая, что это был добрый человек, ставит его по уму ниже Михаила Федоровича, забывая, что при нем был Филарет; он говорит, что все его царствование сопровождалось несчастьями и служит доказательством того, что и при добрейшем человеке у государя может быть зло.

69. На содержание этих приказов жалование не отпускалось, а приписывались к ним города, волости, доходы от которых и шли на содержание их.

70. Все количество земли и подданных государства русского определено было в писцовых книгах, в каковых указано было и то, сколько должно быть собрано денег в качестве податей от всех уездов вообще и с каждого, в частности. Не всякий уезд должен был представлять одинаковое количество денег. С каждого уезда бралось то или другое количество денег, смотря по тому, как велики были общины или выти, которых в каждом уезде было три и каковые заключали в себе от 18 до 40 десятин земли. За пользование землею плата, назначенная самою общиною при составлении писцовых книг сообразно величине земли, находящейся в ее распоряжении, не всегда аккуратно отдавалась общиною, за нею часто оказывались недоимки. В последнем случае, т.е. когда за известною общиною оказывались недоимки, правительство посылало к ней особых сборщиков податей, которые узнавали, кто из членов общины не заплатил сполна подати и ставили того на правож, т.е. заставляли его публично просить своих собратий заплатить за него. Когда охотника на это не находилось, сборщики податей заставляли всю общину заплатить недоимки, с нее причитающиеся. Во избежание сего последнего община, когда у нее предвиделись недоимки, посылала депутатов в Москву от себя к правительственным местам с просьбою освободить ее от платы того или другого коли-

чества денег, что часто ею достигалось, хотя по большей части нечистыми путями, при помощи взяток.

71. Все происходившее на Люблинском сейме обстоятельно изложено в «Дневнике Люблинского сейма», изданном под редакцией М.О.Кояловича, в 3 т. «Актów Археограф. Комиссии».

72. Это прекрасно раскрыто в «Архиве Киевской Археограф. Комиссии».

73. Поклонский признавал главною силою мещанство, а о простом народе он не упоминает; зато о нем, этом народе, упоминают поляки: «Мужики очень нам враждебны...». Даже около Вильны мужики тянули к Москве.

74. Как бесцеремонно относилось русское правительство к униатам, видно из того факта, что когда к Шаховскому в Вильне явились члены магистрата, он прямо заставил их записываться в православные.

75. Много виноват в этом поражении начальник конницы, воевода Симеон Пожарский, стремившийся броситься на врагов, не соизмерив сначала своих сил.

76. Нащекиным руководило в данном случае желание сосредоточить свои силы на борьбе со шведами, чтобы отнять у них остзейские провинции.

77. В Москве в призыве Лихудов сказалось усилие возвратиться к началам братских западнорусских школ.

78. За это он был сослан в почетную ссылку в Тобольск, откуда возвращен был в царствование Федора Алексеевича.

79. Вместо этого построено было только одно судно («Орел»), сожженное вскоре Разиным.

80. Обратный путь в Якутск он совершил на судах по Охотскому морю, по рекам – притокам Лены и т.д.

81. С этих пор и начинается влияние женщин в царском роде.

82. На том проекте отразилось польское влияние: там гетман управлял военными делами, воевода – гражданскими, а епископы были подчинены митрополитам.

83. Заключению мира во многом содействовало и то, что лица, близкие к царю – В.В.Голицын и другие, держались польского направления.

84. Их можно видеть у Ровинского, а также в 1-м томе розыскного дела о Шакловитом.

85. Погодин говорит, что Елазариев вследствие раздражения Шакловитого решил ему изменить.

86. Относительно того, действительно ли был заговор, лучше всего склониться к мнению Погодина, что эта была интрига и больше ничего. Заговор может быть и готовился, но определенного ничего еще не было решено.

87. «Мы все омываемся кровью», – говорил он.

88. Старое войско должно было потерять крепость; в ней оно сидело четыре дня, до тех пор, пока потешные не залили их водою; сам Бутурлин взят был в плен и приведен к Ромодановскому.

89. В высшей степени представляется поэтому ложным утверждение некоторых, что будто бы русские не знали, как плавать против ветра, и будто бы только Бранд мог сообщить об этом Петру.

90. Замечательно, что об этом свидетельствуют даже иезуиты.

91. Он думал, что бунт этот может не только разлиться по югу России, но и захватить Москву, поэтому он приказал вывезти отсюда казну и оружие и спрятать где-либо.

92. Известный государственный человек Мусин-Пушкин был другом иезуитов и по их внушению противодействовал патриарху Андриану.

93. Как, например, Ромодановскому, Мусину-Пушкину и даже бывшему дворовому человеку Курбатову.

94. При Петре вошли в употребление такие слова, как «шляхетич», «шляхетство» и «подлый народ».

95. Петр, сам пройдя все степени военной службы, требовал и от других начинать службу с солдата.

96. Сюда же нужно отнести русского сатирика Кантемира Матвева и посланников: датского, шведского и вестфальского.

97. Соловьев, т. XX, стр. 175. Все эти вещи полнее, подробнее и обстоятельнее, чем у Соловьева, изложены у Корсакова в его соч. «Воцарение императрицы Анны Иоанновны». (Казань, 1880 г.). Здесь в приложениях приведены источники рукописные и печатные.

98. Эти места из Соловьева показывают, что он в последних томах своей «Истории» иногда резко противоречит своей исторической идее.

i

ÐÈËÎÆÅÍÈß

İǾèëîæǻíèǻ 1

Îăîæà èòîăðàôêôîââíú «Ëăêôé...» Ì.Î. Êÿëâ÷à

Конспект
исследования по Русской славянофилской
истории, написанный студентом
Службы Русской Академии
в 1878 г. и 1879 г.
заслуживающий ординарного
профессора М. С. Кочеткова.
Автоматизировать редакционную
отчетность в 1878 г.
Виктор Академии Академии Академии
1878. Москва 31 г.
история Звонков, Виктор и др. М. 1878 г.
г. 1878

Òèòóëüíúé èèñò «Ěăëöëé...» Ĭ.Ĭ. Êîÿëîâè+à ñ ââòîăðâôîî
ðăèòîðà Ñăîéò-Ĭăòăðăóðăñêîé Ąóçîâîíé Âèâââîèè
âîèñêîîâ Ąîòîíîÿ (Âăăéîâñêîîâ)

Фрагмент «Лекций...» М.О. Кояловича (стр. 11–18)
с автографом: «Заслуженный ординарный профессор
С.-Петербургской Духовной Академии Михаил Коялович»

списком. Владимир Савватурски-Восанну и
державный советников. мудрый совет. Но-
вые люди, наставили окружить Иоанна-
тином партию Иосифа-Восстановительского
(арх. Мелкий). Иоанн публично упрямился
свободного илюза илюза отплатить от
Савватурска и Архипова. Восстановительный
переходит в Иоанна после смерти Ана-
стасия (1880); назначен. Архипова возво-
дого от Финляндии и добровольное участие
Савватурска от Савватурской монашеской;
одиночество Иоанна от души и коффе-
ртенный дух. Женился на Марии
Михайловной.

Владимир Кадней; отговорил от Литвы (и
Андрей Кудряков); попутный записку. Сав-
тур-Восанна иже Мелкий от Савватурс-
ковскую свободу и упрямился отплатить
Савватурска оттого отплатить упрямился
наставили нады поладили старая дру-
жина, поладили туреукий отплатить.
Владимир Кадней поды упрямился отплатить
пирня (подательники Савватурска и Архипова,
Алекс. Савватурска, Михаил Кадней, Фе-
липпий Савватурска, Юри Кадней и др.)

Михаил Кадней Финляндия II. Жили и
Финляндия и ее историческое значение. Вид-
ения Иоанна от отплатить и небагато
заплатить попут-часть илюза
Алексиса и заплатить Архипова. Жили
Финляндия до отплатить на илюза
каждый (илюза Кадней); отплатить
слово Кадней илюза Савватурска мо-
нашья. Илюза Финляндия от илюза

Владимир Кадней

-12-

милости, бываю въ мѣстоу и вниманіе на-
мѣну со стороны народа; переговоры съ ча-
рми и посправки на митрополию (25го
мая 1888); благотворное вышаніе его на ча-
рь и брѣя его. Убожаніе и обителіе въ
Успенскомъ соборѣ. Служба въ Новодевичь-
емъ монастырѣ; ездѣ нагѣ и Финля-
ндіи и сѣнка его сначала въ Боговино-
скій, а затѣмъ въ Мѣрской Стѣны мона-
стырь. Служба Финляндіи (1888).

Возвратъ Иоанна на Новгородъ (1888); ра-
бота изъ Мѣры, Мѣрника и Финляндіи
Новгородъ. Возвратъ Иоанна въ Новгородъ съ
Пинской (1888); митрополитство его на
устройство въ городѣ и окрестностяхъ.

Путь Епископа (1888) Февраля въ обратившійся
народу, въ которой онъ принималъ, послѣ
бѣды его несчастій, не вѣрять и жить
въ Новгородѣ, благодарно. Прибытіе епископа
Новгородъ. Возвратъ Иоанна на Мѣру; Служ-
бы о сѣнѣ, а, перѣй въ Новую мѣру
пѣну, в. иностранная писаніи (о Нико-
лаѣ-Савоѣ) и в. - Сѣнѣ временнаго (вѣ-
да-Мѣрамъ); не рѣшай, мѣну нагѣ. Служ-
бы въ Москвѣ о новгородской ирѣнѣ;
карна по атому поводу, въ гнѣвъ сѣнѣ и
нагѣ сѣнѣмъ (вѣсмановъ Мѣрамъ и
Сѣнѣ, Афанасій Мѣрамъ). Мѣрамъ въ
1888 Февраля Епископъ (мѣрамъ Мѣрамъ, Остро-
во, Мѣрамъ, Мѣрамъ). Службы въ Рос-
сию (Службы въ Мѣрамъ). Мѣрамъ
его въ Мѣрамъ изъ Россіи. Мѣрамъ въ Мѣрамъ
а, въ Мѣрамъ съ Мѣрамъ; въ Мѣрамъ
нѣмъ его; въ Мѣрамъ въ Мѣрамъ.

Ординариумъ

[illegible]

Богородица-Справительница Греховная сила
мощи, ищущие из него царя (сам по-
тошале, правящие великими владыками, бо-
гатства, подмолвочные старцы Илии. Илари-
ти и заповедь протеста не-блага. Студе-
нного заповедь-ан Ивана Митрофанович - не-
добрый друг-Бориса; велика со-Борисова.
Примирение Ивана Шуйского со-Богородицей
(и недовольство торговлей людей). Великая
раздвоенность Бодора со-Иларию; старания
Шуйского, Иларию в это время ищут Рі-
стиса. Бодора Шуйского, Воронцовского,
Косовского. Великий митрополитский ~~Бодора~~
и заповедь - патриарх (189). Укрепление
патриархата (патриархат - великий ауми-
нист, то-есть Иларию - 189. Иларию, в, приращении

C. Anthony Syme

В 1886: Апостол патр. Василия и в 1889, Конжамонинсон - Врелин) Восточное фед
нью внутри восточия и западное
восточия (1891-92); подготовили его Вос
тания 17

Желая бороться с угрозой войны (а, следовательно, иностранцев); б, показание Морозова ипотечнику). Вскоре Бориса довел путь до вступивших на престол Риччиотти (Риччиотти). Известие об убийстве царя Риччиотти: а, в ипотечнике о шло-дизае; б, в родильном доме об убийстве царевича; своего старания у Карамзина (4т) и Соловьева (7т). Ступившая издана была по этому вопросу (Риччиотти, Риччиотти и Риччиотти). Старания ошущнонь ввину; издана книга была старания - не отпущу Бориса. Старания об отпущу у иностранцев. Риччиотти по отпущу об убийстве царевича: издана, не издана, издана Андрей Риччиотти и издана Соловьев издана.

Смерть царя Бориса (1016) предан-
ности народа Ярославов династии (о-
на была вытравлена) Медведица народа на
Борису. Издание от монастыря Ирины и
всего за него и Бодунова. Предназначе-
ние свести земский совет для избрания
царя, первоначально издание при Фро-
лаве Дова (Валентин Дово).

Ударили на русский писатель Бориса
Лавринова. Его отпустили; ушлины добиться со-
судия. Недостатки некрепости и по-
стали в нем; следовый след с обвинением

Signature

-18-

защитность поставленной заранеи русская предпринимательская деятельность в области образования в Казанском Университете и Воскрес. Свобод. школе между прочим. Вторая выдана из Казанского (Свободный институт, высшее техническое училище и пр.) и различные Отчеты от восточной почтовой России Воскресного казенного; поощря и везд от казенной школы, что царевича Димитрия не убить, а спасти.

История смутного времени.

Литература вопроса о смутном времени. Русские историки: а, акты государственные, издававшиеся при Годунов, при самозванцах, правительственных для России, Императорского и Императорского (Им. Высочайше уполномоченный, русская история видения); б, материалы о смутном; в, Сказания о смутном времени и д, Новый исторический словарь. Разбор, отная историческая литература (Древние сказания и повести о смутном времени).

Иностранная литература (перечислена у Костомарова, Пеструкова-Романа, и А. Соловьева) Историки о смутном времени: Соловьев (Им.) Костомаров, Забелин, Тихонов, Пеструков-Романов. Письма М. С. Соловьева: Три письма русского народного духа для спасения нашей государственности во время гражданской смуты.

Записки о происхождении 1-го

Колосов

О ГЛАВЛЕНИЕ

І ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЛЕКЦИЯ I. Восточные славяне. – Научные приемы и средства при изучении славянских древностей. – Изыскания и домыслы о выходе славян из Азии. – Племенные группы славян. – Внутренний быт славянских племен до образования русского государства. – Вопрос о родовом начале. – Жизнь общественная – вече. – Города у древних славян. – Вера славян в загробную жизнь. – Времяисчисление и языческие праздники. – Славянская мифология.	13
ЛЕКЦИЯ II. Древняя Русь. – Развитие государственности у славянских народов. – Мнения ученых о начале государственности. – Краткий обзор политических событий при первых русских князьях (до смерти Ярослава I). – Время св. Владимира. – О годе крещения Руси. – Время Ярослава. – История так называемого удельного периода – от смерти Ярослава до нашествия татар. – Времена Владимира Мономаха. – Смуты после смерти Мстислава.	65
ЛЕКЦИЯ III. Русь и соседние земли. – Истории инородцев. – Литовцы. – Основание Вятской общины. – Князья. – Административный строй древней Руси. – О службе и значении дружины. – О земских членах и городских сословиях. – Законодательство. – Деньги древней Руси. – Татарское нашествие. – Государственное строение на юго-западе России. – Литовско-русское строение. – История государственности в восточной части Руси после татарского разгрома. – Борьба Москвы с Тверью. – Политические события при Василии Темном. – Время Иоанна III.	149

<i>ЛЕКЦИЯ IV.</i> От Руси к России. – Время Иоанна Грозного. – Завоевание Казани и Астрахани. – Причины особого внимания к северо-западу Руси. – Завоевание Сибири. – Избранная Рада. – Учреждение опричнины. – Митрополит Филипп II. – Псков. – Необузданный разврат Иоанна, его многочисленные браки и внебрачные сожителства. – Характеристика Иоанна Грозного, сохранившаяся в хронографе Котырева- Ростовского.	306
<i>ЛЕКЦИЯ V.</i> Россия в начале XVII века. – Печальное положение страны после смерти Иоанна IV. – Мечты Бориса Годунова о царском венце. – Внутренняя и внешняя политика Годунова. – Скопление холопов и их движение к Москве. – Казачество. – Литература о смутном времени. – Царствие Лжедмитрия I. – Вступление на престол Василия Шуйского. – ЛжеПетр и Болотников. – Появление второго самозванца. – Прибытие шведов в Россию. – Движение поляков к Москве. – Патриарх Гермоген и Прокопий Ляпунов. – Три подъема русского духа для спасения государственности. – Избрание Михаила Романова на царство. – Очищение государства от неприятеля. – Взятие Азова.	347
<i>ЛЕКЦИЯ VI.</i> Россия в середине и во второй половине XVII века. – Царствование Алексея Михайловича. – Административный строй, приказы, провинциальное управление. – Народные волнения в Москве, Сольвычегодске, Устюге, Пскове, Новгороде. – «Уложение» Алексея Михайловича. – Характер церковных преобразований. – Присоединение Малороссии, Богдан Хмельницкий. – Войны с Польшей и Швецией. – Бунт Стеньки Разина. – Колонизация Сибири. – Царствование Федора Алексеевича. – Îàðîâîé àâðîðîâîå ïàðîðà. – Îðààåâîå ñîðîðî. –	

Вечный мир с Польшей. – Крымские походы.	433
<i>ЛЕКЦИЯ VII. Российская империя. – История Петра Великого. –</i>	
Путешествие Петра в Западную Европу. – Стрелецкий бунт в	
Москве. – Шведская война,	
Полтавская победа. – Преобразования Петра Великого. – Жизнь	
двора после смерти Петра. – Анна Иоанновна. –	
О печальной судьбе Брауншвейской фамилии. – Оценка правления	
Елизаветы Петровны. – Екатерина II.	492
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	566
<i>ПРИЛОЖЕНИЯ</i>	575

Учебное издание

КОЯЛОВИЧ Михаил Осипович

ЛЕКЦИИ
ПО РУССКОЙ
ИСТОРИИ

Ответственный за выпуск: *Н.П. Дудко*

Компьютерная верстка: *Р.Н. Баранчик*

Дизайн обложки: *О.В. Канчуга*

Подписано в печать 16.05.2008. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать RISO. Гарнитура Петербург.
Усл.печ.л. 33,94. Уч.-изд. л. 34,36. Тираж 200 экз. Заказ 058.

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛИ № 02330/0133257 от 30.04.2004. Пер. Телеграфный, 15а, 230023, Гродно.

Отпечатано на технике издательского центра
Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛП № 02330/0056882 от 30.04.2004. Пер. Телеграфный, 15а, 230023, Гродно.